This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

2727.38

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT
(Class of 1828).

Received May 24, 1894.

Digitized by Google

РОМАНТИКА

КРУГЛАГО СТОЛА

ВЪ ЛИТЕРАТУРАХЪ И ЖИЗНИ ЗАПАДА.

I.

Переломъ въ западно-европейской эпикѣ въ XII—XIII вв.

Средневѣковая романтика въ Италіи.

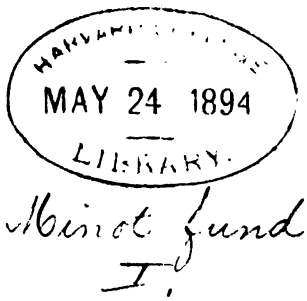
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

Н. Дашкевича.

КІЕВЪ.
1890.

Digitized by Google

27271.38



Изъ Университетскихъ Извѣстій 1886 и 1890 гг. Печатано по опредѣленію Правленія Императорскаго Университета св. Владимира.

Ректоръ *Н. Ренненкампфъ.*

177

Въ типографіяхъ В. І. Завадзкаго и Кіевскаго отдѣленія Высочайше утвержденнаго Товарищества печ. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.

Digitized by Google

Предлагаемый вниманію читателей очеркъ составляетъ начало работъ по внутренней исторіи романтики Круглаго Стола, которыя авторъ предпринялъ параллельно критической разработкѣ внѣшней исторіи возникновенія этой романтики. Занявшись выясненіемъ, въ высокой степени интересной для исторіи творчества человѣческаго духа, эволюціи романтики въ главныхъ литературахъ Запада на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ отъ XII до XIX-го включительно, авторъ выполняетъ намѣреніе, которое было высказано имъ давно,—еще въ предисловіи къ 1-му выпуску монографіи, озаглавленной: „Сказанія, положенныя въ основу бретонскихъ романовъ, и новѣйшія относительно ихъ гипотезы“ (1876). Приступивъ къ обработкѣ втораго выпуска этой монографіи, который будетъ содержать выясненіе происхожденія и основы сказаній о королѣ Артурѣ и витязяхъ Круглаго Стола, авторъ долженъ былъ заняться изученіемъ древне-кельтскаго былеваго эпоса, а это привело его къ третьей задачѣ, естественно представившейся при выполненіи второй: автора увлекъ опытъ установленія тѣхъ интересныхъ аналогій, которыя открываются при сравнительномъ изученіи эпосовъ и въ частности столь обращаютъ на себя вниманіе при сравненіи генезиса Артурова эпоса съ генезисомъ нашего отечественнаго эпоса (авторъ присоединяется къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что наши былины вообще представляютъ болѣе пунктовъ соприкосновенія съ эпосами Запада и Кавказа, чѣмъ съ эпосами Востока).

Digitized by Google

которыхъ то могло зависѣть. Авторъ считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность этимъ лицамъ.

Сознавая значительные недостатки выходящаго теперь въ свѣтъ труда, авторъ находитъ нѣкоторое утѣшеніе лишь въ оправданіи словами Гёте, писавшаго однажды: „Es diene mir die rauschende Zeit und der Drang des Lebens zur Entschuldigung. Es ist nicht mehr möglich, durch eignes Studium allem demjenigen genug zu thun was man sich vorgesetzt hat"...

Въ заключеніе да позволено будетъ посвятить этотъ трудъ уважаемымъ членамъ того, исполненнаго высоко-научнаго духа, факультета, который изначала поддерживалъ въ авторѣ любовь къ наукѣ, между проч.—своимъ живымъ примѣромъ. Этимъ уважаемымъ учителямъ и товарищамъ и приноситъ авторъ настоящій очеркъ.

Кіевъ, 4 августа 1890 г.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . I—IV

I. Переломъ въ западно-европейской эпикѣ въ XII—XIII вв.

Возрожденіе XII—XIII вв. Расцвѣтъ поэзіи на народныхъ языкахъ. Отраженіе въ ней характерныхъ особенностей жизни и науки того времени. Особенности эпики XII—XIII вв. . . . . 1—8

Идеалы, господствовавшіе въ эпикѣ германскихъ земель и Франціи до XII в. Французскій національный эпосъ. Идеальныя личности его. Женщина въ chansons de geste; нравы. Содержаніе и характеръ древне-германской поэзіи. Переворотъ въ содержаніи и судьбѣ старой эпики въ Германіи и Франціи въ XII в . . . . . 8—29

Возникновеніе наклонности къ роману. Романы Круглаго Стола, какъ самое характерное эпическое выраженіе новаго настроенія, охватившаго знатное общество. . . . . 29—33

Черты сходства героевъ и героинь бретонскихъ романовъ съ героями и героинями стараго эпоса. Черты различія. Совершеннѣйшіе представители рыцарства въ романахъ Круглаго Стола. Три моральныя поэмы конца XII в., какъ яркое выраженіе стремленія къ реформѣ нравовъ и къ поднятію общества на высшую ступень религіозности. Удаленіе нѣкоторыхъ рыцарей въ монастырь. Чисто рыцарская утопія высшаго совершенства—легенда о св. Граалѣ, какъ завершеніе рыцарскаго религіознаго стремленія къ идеалу. Стремленія и характеръ рыцарей втораго разряда—большинства рыцарей Круглаго Стола; цѣль и характеръ ихъ подвиговъ. . . . . 33—53

Чрезвычайный успѣхъ романовъ Круглаго Стола и причины этого успѣха. Широкое распространеніе романтики Круглаго Стола. . . . . 53—60

II. Средневѣковая романтика въ Италіи.

a. Данныя для установленія внѣшней и внутренней исторіи романтики въ Италіи.

Проникновеніе романовъ Круглаго Стола въ Италію; медленное перенесеніе ихъ въ итальянскую литературу. Идея любви въ итальянской поэзіи XIII в Отношеніе Данте къ морали романовъ и къ рыцарской идеѣ любви. Герои и героини романовъ Круглаго Стола въ поэзіи Петрарки. . 61—69

Digitized by Google

Произведенія Боккаччьо, какъ яркое выраженіе переворота въ морали и міровоззрѣніи, начавшаго обозначаться въ Италіи въ половинѣ XIV в. . . . . 69—75

Судьба рыцарской эпики въ эпоху Возрожденія: Пульчи; (Боярдо) Аріосто и завершеніе имъ романтики Круглаго Стола въ Италіи. . . . . 76—88

Вліяніе Аріосто на послѣдующее развитіе франко-итальянской рыцарской эпики. Раздвоеніе ея. Шутливыя рыцарскія поэмы Фоленго и Пьетро Аретино. Каролингская сага въ Италіи съ половины XVI в. . . 89—103

Попытки поднять поэму до уровня древняго эпоса. Серьезное изображеніе рыцарства послѣ Аріосто. Изданія романовъ Круглаго Стола, выходившія въ XVI в. Итальянскіе эпики XVI в., воспѣвавшіе Артура, его рыцарей и Амадиса. . . . . 103—116

Рыцарскія поэмы Торквато Тассо. . . . . 117—167

Эрминія у пастуховъ и идиллическія мечты Тассо, навѣянныя чтеніемъ древнихъ поэтовъ и пастушескими произведеніями родной литературы. „Aminta“ и значеніе этой драмы въ исторіи романтики; развитіе пастушеской драмы (Гварини); сліяніе романтики съ пасторалью. . . . . 167—198

Литературный споръ, возникшій по поводу „Освобожденнаго Іерусалима“, и исторія этого спора до XIX в. включительно. . . . . 199—213

Итальянская эпика и романъ въ XVII—XVIII вв. . . . . 214—229

Остатки средневѣковой романтики въ современной народной итальянской поэзіи. . . . . 229—236

б. Заключительный общій обзоръ исторіи средневѣковой романтики въ Италіи.

Особое положеніе романтики Круглаго Стола въ Италіи несмотря на раннее проникновеніе ея сюда и несмотря на ея популярность. Проявленіе знакомства съ нею въ древнѣйшей итальянской лирикѣ и новеллѣ. . 236—240

Повѣствовательная литература XIV в. (Avventuroso Ciciliano, поэмы, романы и новеллы Боккаччьо, Il Paradiso degli Alberti), косвенно освѣщающая судьбы романтики Круглаго Стола въ Италіи XIV в. . . . . 241—258

Повѣсти на латинскомъ языкѣ. Продолженіе популярности романовъ Круглаго Стола. Переводы и переработки этихъ романовъ въ XIV—XV вв. 258—277

Эволюція Каролингскаго эпоса въ Италіи, приведшая къ сліянію его съ Артуровскимъ. Поэмы Пульчи, Боярдо, Аріосто. Общее заключеніе о вліяніи романтики на итальянскую поэзію и жизнь до второй половины XVI в. Рыцарская эпика послѣ Аріосто. . . . . 277—312

Романтика въ поэзіи Тассо. . . . . 312—320

Вкладъ, внесенный итальянскою поэзіею въ романтику. . . . . 320—326

—

Дополненія. . . . . ā—īд

Поправки.

Digitized by Google

Le donne, i cavalier, l'arme, gli amori,
Le cortesie, l'audaci imprese...

Ariosto, Orl. Fur., canto I.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕРЕЛОМЪ

въ западно-европейской эпикѣ въ XII—XIII вв.

Въ нравственной и умственной жизни новой Европы указываютъ два великихъ переворота, принесшихъ обновленіе и споспѣшествовавшихъ выходу европейскаго Запада изъ средневѣковаго мрака; эти два крупныя событія—Возрожденіе и реформація.

Въ исторіи творчества, мощно содѣйствовавшаго подъему человѣческаго духа, особое значеніе принадлежало Возрожденію. Это движеніе способствовало широкому развитію человѣчности, сообщало свѣтлый взглядъ на жизнь, внушало вѣру въ силу разума, вызывало подъемъ эстетическаго чувства, порождало расцвѣтъ новаго искусства. То было такое же обновленіе въ общечеловѣческой исторіи, какое въ жизни отдѣльной личности наступаетъ въ отрадные моменты кореннаго самопреобразованія, въ моменты горячаго воодушевленія, когда личность возвышается надъ тягостными воспоминаніями прошлаго, выбивается силою энергіи изъ томившихъ ее условій, обрѣтаетъ новыя силы и бодро и смѣло идетъ впередъ на встрѣчу всѣмъ трудностямъ.

Возрожденіе, распространившееся изъ Италіи, заслонило собою предшествовавшія, и съ XVI в. до второй половины XVIII-го новая Европа гордо противополагала себя средневѣковой, не замѣчая всѣхъ связей новой образованности съ предшествовавшею. Съ энтузіазмомъ относились къ Renaissance такіе вожди этого движенія какъ Рабле, Ramus, считавшіе средніе вѣка эпохою мрака. Корифеи „просвѣщенія“ XVIII в., какъ Вольтеръ, привѣтствовали въ Renaissance возвратъ къ жизни, къ свѣту, къ благороднымъ дѣяніямъ.

Теперь уже не смотрятъ на Возрожденіе, какъ на событіе, совершившееся быстро и неожиданно. Новѣйшіе изслѣдователи, углубившіеся въ изученіе средневѣковой исторіи, начали замѣчать, что передъ итальянскимъ Возрожденіемъ было другое—въ близкомъ сосѣдствѣ съ Италіею. Царствованіе Карла В. и вѣкъ Оттоновъ, при бли-

Digitized by Google

жайшемъ разсмотрѣніи, рѣзко выдѣлились на мрачномъ фонѣ средневѣковой исторіи, какъ болѣе свѣтлые моменты, и этимъ эпохамъ начали усвоять названіе Малыхъ Возрожденій [1]). Послѣ этихъ сравнительно мимолетныхъ проблесковъ свѣта въ XII и XIII вв. наступило третье средневѣковое возрожденіе. Оно отличалось многосторонностью и по своему широкому воздѣйствію можетъ быть сближаемо съ итальянскимъ, съ которымъ и сливалось впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ поэзіи [2]).

Среди густой тьмы, облегавшей средневѣковой Западъ, романтика была близкой предвѣстницей зари полнаго Возрожденія, которому суждено было начаться въ Италіи.

Такимъ образомъ, уже конецъ XI-го и XII-й вѣкъ были временемъ рѣшительнаго поворота въ исторіи западно-европейской культуры, и не безъ основанія Körting [3]) называетъ это время Vor-Renaissance. Этотъ поворотъ былъ и завершеніемъ предшествовавшаго развитія, и началомъ новаго теченія жизни.

Въ періодъ крестовыхъ походовъ средніе вѣка достигли своего кульминаціоннаго пункта. Тогда католическо-феодальная организація предстала въ полномъ развитіи, и дошло до крайнихъ предѣловъ

---

[1]) Акад. А. Н. Веселовскій (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 12, стр. 317—318) выразилъ сомнѣніе въ правильности называть средневѣковымъ Renaissance (Карлъ В., Оттоны) „всходы, быстро увядшіе, ибо подъ ними не было питающей почвы".

[2]) См. объ этомъ Возрожденіи XII—XIII вв. въ книгѣ *Gébhart*-a: Les origines de la Renaissance en Italie, Par. 1879; *F. Roquain*, La Renaissance au XII-e siècle, 1874. Ср. ст. *Rosiéres*-a: „Y a-t-il eu une Renaissance au XVI siècle?" въ Revue politique et littéraire 1879, № 5. См. еще *Guerzoni*, Il primo rinascimento, Verona 1878; *Ten Brink*-a, Geschichte der Englischen Litteratur, Berl. 1877, I, 67: „Die Renaissance unter Heinrich II".—Существованіе нѣкоторыхъ совпаденій между французскимъ Возрожденіемъ (XII в. и начала XIII-го) и итальянскимъ Возрожденіемъ невозможно отрицать. Такъ, напр., нѣкоторые изъ Парижскихъ мыслителей времени Цезарія Гейстербахскаго не прочь были поставить классическихъ авторовъ на одну линію съ отцами церкви. Въ своей „Histoire littéraire de la France sous Charlemagne" (trois. éd., Par. 1870) *Ampère* говорилъ о „Renaissance au onzième siècle". Затѣмъ въ примѣненіи къ общему ходу развитія литературъ Ampère попытался расширить терминъ „Renaissance" въ своей брошюрѣ „Les renaissances, Par. 1855. (Extrait de *l'Atheneum français*)". Обозрѣвая однимъ взглядомъ всѣ литературы, Амперъ призналъ возможнымъ употребить слово Renaissance не только въ смыслѣ возвращенія къ классической древности, но вообще въ смыслѣ пробужденія, удвоенія дѣятельности умственной и литературной послѣ промежуточныхъ періодовъ затишья. Ср. у того же Ампера Hist. litt. etc., III, 31—33. Ср. еще Westminster Rewiew 1877 october (статья по поводу книги Symonds-a) и у *Tilley*, The literature of the French Renaissance, Cambr. 1885, вводную главу (The Renaissance in General) и начало второй.

[3]) Die Anfänge der Renaissancelitteratur, Leipz. 1884.

Digitized by Google

религіозное одушевленіе, высшими представителями котораго явились Бернардъ Клервосскій, Францискъ Ассизскій и Доминикъ. Въ доблести и героизмѣ рыцарство не уступало старымъ германскимъ витязямъ, но въ тоже время значительно возвысилось надъ ними утонченностью чувствованій. Нравы значительно смягчились. Развилась наклонность къ блестящей обстановѣ. Наступила самая веселая пора средневѣковой жизни, разумѣется—для привилегированныхъ классовъ общества, которые поняли всю прелесть взаимнаго общенія и обратили замки въ мѣста веселыхъ празднествъ и центры утонченной придворной жизни. Горожане успѣли уже добиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ большей или меньшей независимости. Началъ достигать освобожденія эстетическое чувство, подавленное до того времени мрачнымъ аскетическимъ міровоззрѣніемъ, или не находившее должнаго простора при феодальномъ гнетѣ. Произведенія искусства начали достигать оригинальной красы и въ сферѣ его наиранѣе началось настоящее Возрожденіе. Схоластика пріобрѣла славнаго представителя въ лицѣ Абеляра. Орлеанъ славился изученіемъ классиковъ [1]). Въ XII столѣтіи во Франціи явились произведенія на латинскомъ языкѣ, отличавшіяся—говорятъ—почти классическимъ вдохновеніемъ и чистотою формы.

Наука и искусство выростаютъ изъ одного корня. Время полнаго разцвѣта средневѣковой культуры не могло не произвести и самаго яркаго разцвѣта поэзіи на національныхъ языкахъ. Она должна была стать живымъ словомъ новой жизни. До второй половины XI в. въ литературѣ Запада преобладала школьная ученость и церковность, а также латынь, уступавшая нѣсколько мѣста народнымъ языкамъ лишь въ кельтскихъ и германскихъ земляхъ. Въ теченіи многихъ вѣковъ самобытныя начала новаго времени выражались въ литературѣ религіознаго характера. Вѣра и церковная обрядность были обильнымъ источникомъ поэзіи, которая выражалась въ литературѣ въ формѣ апокрифа, легенды, церковной пѣсни. Свѣтское общество, какъ болѣе или менѣе образованное, такъ и необразованное, не могло, конечно, разстаться съ національною былевою поэзіею, не переставало пѣть родныя пѣсни, но эта народная словесность находила мало до-

---

[1]) О классическомъ образованіи въ XII в. см. ст. Jacoby: „Die classische Bildung im zwölften Jahrhundert“ въ Beilage zur „Allg. Ztg.“ 1881, № 219.

Digitized by Google

ступа въ литературу до второй половины XI-го вѣка. Въ XI вѣкѣ при дворахъ князей и сеньоровъ, ставшихъ центрами новаго движенія, народная поэзія, въ первый періодъ средневѣковья равно увлекавшая и феодала и вилена, начала перерождаться въ поэзію болѣе утонченнаго характера; началось, наконецъ, въ литературѣ сліяніе учености, книжной стихіи и обрывковъ античной образованности съ народностью и съ стремленіями общественности. Эта новая поэзія, выдвинувшаяся въ литературѣ взамѣнъ прежней, церковной и латинской, была взлелѣяна не въ аскетическомъ уединеніи и не на школьной скамьѣ, какъ прежняя,—была порождена не религіознымъ экстазомъ и, съ другой стороны, не была только возвеличеніемъ воинственнаго энтузіазма. Она претворяла оба противоположныя стремленія въ одно и выдвинула на мѣсто двухъ предшествовавшихъ идеаловъ новый, въ которомъ нашли выраженіе и старыя стремленія и новые порывы духа. Жизнь ставила новыя задачи. Грандіозное движеніе крестовыхъ походовъ не могло не окрылять фантазіи и не раздвигать кругозора [1]); энтузіазмъ, которымъ было проникнуто общество, долженъ былъ сообщиться поэзіи:

Jm engen Kreis verengert sich der Sinn,
Es wächst der Mensch mit seinen grössern Zwecken.

Со всѣмъ тѣмъ въ поэзіи на народныхъ языкахъ, развившейся въ періодъ крестовыхъ походовъ, должна была сказаться во всей рѣзкости характерная черта средневѣковья.

Средніе вѣка были вообще временемъ смѣшенія и броженія различныхъ стихій и въ этомъ отношеніи представляли прямое продолженіе послѣдняго времени античной культуры. Въ разсматриваемый періодъ смѣшеніе дошло до крайности и западъ XII и XIII вв. разилъ пестротой и фантастикой. Напрасны были попытки совмѣстить абстрактную идею римской имперіи съ началами, противившимися осуществленію ея, и все-таки грёзы о міровой монархіи находили пламенныхъ поборниковъ даже въ такихъ пламенныхъ, высоко образованныхъ патріотахъ, какъ Данте. Извѣстна мечтательность, которою было одержимо рыцарство, извѣстны его высокіе помыслы, возвышен-

[1]) О вліяніи крестовыхъ походовъ на поднятіе поэзіи см. въ книгѣ Prutz'a: Kulturgeschichte der Kreuzzüge, Berlin 1883, s. 435.

Digitized by Google

ныя рѣчи. Въ религіозной сферѣ также проявлялась мечтательность, напоминавшая политическія грёзы. Во время наибольшаго блеска рыцарства и его поэзіи, въ моментъ высшаго авторитета церкви, въ нѣдрахъ католичества слышится проповѣдь покаянія, возврата къ идеалу самоотреченія, нестяжанія и аскетизма; наступаетъ исканіе чего-то новаго въ вѣрѣ и ему сопутствуетъ увѣренность въ возможности отысканія этого новаго, вѣчно возрождающаяся въ человѣчествѣ. Послѣдователи Іоахима ди-Фіоре, Франциска Ассизскаго и ревностные продолжатели ихъ дѣла вѣрили въ возможность возрожденія человѣчества и обращали помыслы къ воображаемому совершенству и идеальному состоянію человѣчества [1]). Такъ одновременно со схоластикой развилась мистика, которую Гёте назвалъ схоластикою сердца.

Противоположности и пестроту находимъ и въ средневѣковомъ знаніи. Непреодолимое и страстное стремленіе къ постиженію истины, міроваго цѣлаго, отношеній міра реальнаго и идеальнаго не умирали въ средніе вѣка; и съ другой стороны не прекращалось боязливое отношеніе къ знанію. Съ XII в. все чаще и чаще становились проявленія раціонализма и скептицизма; но, тѣмъ не менѣе, не обращались къ изученію внѣшняго міра, мало вникали въ факты ближайшей дѣйствительности, не могли отличить вѣрныя свѣдѣнія отъ искаженныхъ, не могли даже отграничить какъ слѣдуетъ христіанство отъ язычества. Скудные отрывки точныхъ знаній смѣшивались съ совершенно произвольными домыслами, и были въ полномъ ходу демонологическія бредни. Въ силу того въ средневѣковой учености царили рядомъ путаница и остроуміе, легкость и мистическое вниканіе, смѣшныя сближенія и глубокомысліе. Старыя народныя суевѣрія, превратное пониманіе силъ и явленій природы, вѣра въ силу чаръ и талисмановъ, довѣрчивое отношеніе къ фантастическимъ сказаніямъ—своимъ и чужимъ, проникавшимъ извнѣ,—повѣствованія о различныхъ чудесахъ и диковинкахъ востока и невѣроятные разсказы о небывалыхъ стра-

---

[1]) См. ст. Ренана „Joachim de Flore et l'évangile éternel" въ его „Nouvelles études d'histoire religieuse", Par. 1884. и тамъ же его блестящій этюдъ о Франциске Ассизской. Удачную характеристику св. Франциска Ассизскаго на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій представилъ также E. Gebhart въ ст. „Une renaissance religieuse au moyen âge" въ Revue des deux Mondes, 1886, 1 septembre. Объ Іоахимѣ ди-Фіоре см. еще ст. Denifle въ Denifle und Ehrle's Archiv für Litteratur—und Kirchengeschichte des Mittelalters, Band I.

Digitized by Google

нахъ,—все это, сливаясь и смѣшиваясь, открывало широкое поле фантазіи. Въ средніе вѣка вообще сплавливались сага и исторія, и событія быстро получали легендарную окраску въ представленіи народа. Въ занимающій насъ періодъ замѣчаютъ и въ историографіи поворотъ отъ исторической истины къ чудеснымъ исторіямъ. Фабулы и измышленія заслоняютъ истинный образъ прошлаго [1]).

Словомъ, въ безвыходномъ положеніи оказывался человѣкъ, искавшій чистаго знанія и надѣявшійся достигнуть его силами своего разума. Даровитѣйшая личность того времени могла представлять себя также, какъ изобразилъ себя великій италіянскій поэтъ—энциклопедистъ въ началѣ своей знаменитой трилогіи. Онъ не всегда могъ обуздывать въ себѣ разумъ—божественный даръ природы—настолько, насколько требовало того христіанское сознаніе; сбивавшійся умъ сводилъ съ прямаго пути, и путникъ по земной юдоли забирался въ чащу темнаго лѣса. Ему приходилось потомъ выслушивать горькіе упреки отъ высшей мудрости, и онъ съ поникшей головой долженъ былъ признавать, что только при помощи благодати, а не въ силу *altezza d'ingegno* онъ могъ проникать въ тайны міровой жизни. Средневѣковой Фаустъ подобно новѣйшему приходилъ къ горькому сознанію безсилія въ рѣшеніи міровой загадки, но рѣшалъ иначе вопросъ о задачахъ человѣческаго существованія. Передъ нимъ былъ поучительный примѣръ Улисса, типическаго представителя разума, попытавшагося переступить предѣлы, положенные человѣку Провидѣніемъ. Улиссъ поддался всецѣло охватившему его стремленію къ познанію путемъ опыта, и этотъ пылъ (*l'ardore di conoscere il mondo, e i visj e le virtu degli uomini*) погубилъ его [2]). Не удивительно, что дѣйствительность, Frau Welt, внушала такъ часто презрительное отношеніе въ средніе вѣка.

Такимъ образомъ, въ жизни и въ наукѣ XII и XIII вв. дѣйствительность и міръ чудеснаго почти не разграничивались. Тѣмъ болѣе не могла остаться свободною отъ того поэзія: она наилучше отражаетъ основныя направленія жизни даннаго общества. И въ самомъ дѣлѣ поэзія XII и XIII вв. оказывается самымъ пестрымъ калейдо-

---

[1]) Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, 3w. Aufl. 408.

[2]) См. ст. Fornaciari „Ulisse nella divina commedia“ въ „Atti della R. Accademia della crusca“ 1882.

Digitized by Google

скопомъ. Поэзія тѣхъ вѣковъ накопила массу романтическихъ сюжетовъ, которая на первый взглядъ можетъ показаться изумительною по богатству проявившейся въ ней фантазіи.

Причудливы приключенія героевъ эпики XII—XIII вв. и весьма своеобразенъ міръ, въ который они насъ переносятъ; въ особенности бросается въ глаза одна совершенно новая черта, съ которою мы не встрѣчаемся до того времени въ литературѣ. Романическіе герои XII—XIII вв., очевидно идеальные типы, являются представителями не только героизма и воинской доблести, но также изящества, эстетическаго и мистическаго культа женщины и особой морали. Эта мораль должна быть признана совершенно оригинальною особенностью новой поэзіи, развившейся въ XII и слѣд. вѣкахъ: она не имѣла начала ни въ античномъ преданіи [1]), ни въ ходячей церковной и житейской морали среднихъ вѣковъ [2]), ни въ вѣковыхъ завѣтахъ германскаго племени. Это послѣднее обстоятельство подтверждается лучше всего разсмотрѣніемъ древнѣйшей—до рыцарской эпики германства какъ не смѣшавшагося съ романцами, такъ и ороманизованнаго.

Остановимъ вниманіе на идеалахъ, господствовавшихъ въ свѣт-

---

[1]) См. хотя-бы *Edélestand du Méril*, Floire et Blanceflor, A Paris MDCCCLVI, p. xcij suiv. *Cénac Moncaut*, Hist. de l'amour, Par. 1860. *Louis de Backer*, Le droit de la femme dans l'antiquité, son devoir au moyen âge. D'après des Manuscrits de la Bibliothèque Nationale. Par. MDCCCLXXX. *V. Giachi*, Amori e costumi latini, Città di Castello 1885.—Изъ древнихъ на выработку средневѣковой теоріи любви повліялъ Овидій, но главнымъ образомъ—въ смыслѣ обращенія любви въ искусство, которое можетъ укладываться въ правила. См. ст. *G. Paris* въ Romania, XII, Octobre 1883, p. 522 suivv.; его же La poésie du moyen âge, Par. 1885, p. 189—209: „Les anciennes versions françaises de l'art d'aimer et des remèdes d'amour d' Ovide", статью о томъ же въ XXIX т. Histoire littéraire de la France," MDCCCLXXXV, p. 455—525, вышедшую и отдѣльнымъ оттискомъ. Maître Elie's Ueberarbeitung der ältesten französischen Uebertragung von Ovid's Ars Amatoria herausg. v. Kühne u. Stengel (Ausgab. u Abh. aus d. Geb. d. Rom. Phil., XLVII). Объ отголоскахъ знакомства съ Овидіемъ у трубадуровъ см. у Diez'a: Die Poesie der Troubadours, zw. Aufl., Leipz. 1883, S. 110—113. Объ отношеніи къ женщинѣ средневѣковыхъ представителей латинской поэзіи, голіардовъ, см. у Renier'a: La Vita nuova e la Fiammetta, Torino e Roma 1879, 54—55; тамъ же указана и относящаяся сюда литература. А. Н. Веселовскій придаетъ особое значеніе „классическому преданію" въ „объективированіи того понятія, которое въ Minnesang'ѣ является наиболѣе существеннымъ, „понятія любви". Ж. М. Н. Пр. 1886, № 3, стр. 187—188.

[2]) О господствѣ въ средніе вѣка обряда, обычая, условности типа см. въ ст. А. Н. Веселовскаго: „Изъ исторіи развитія личности"; Бесѣда 1872, № III.

Digitized by Google

ской поэзіи въ германскихъ земляхъ и во Франціи въ до-рыцарское время, и взглянемъ потомъ, что сталось съ ними съ XII вѣка. Исторія этихъ идеаловъ введетъ насъ in mediаs res и приведетъ къ началу того удивительнаго событія въ исторіи западно-европейскихъ литературъ, которое составляетъ предметъ настоящей первой части предпринятаго нами изслѣдованія.

Народная эпика германскихъ племенъ изображала идеалы старо-германскаго дружиннаго быта и повѣствовала о постоянной борьбѣ, о раздорахъ съ ближними и дальними и о мстительности. Идеалы мужества и героизма обыкновенно присущи эпохамъ народной юности, но у древнихъ германцевъ они были доведены до крайнихъ предѣловъ. Стремленіе къ славѣ и воинская доблесть перешли въ страсть къ борьбѣ, при чемъ не было понятія о правѣ въ истинномъ смыслѣ этого слова. На ряду съ храбростью и вѣрностью господину, составлявшими главную доблесть германскаго героя, въ немъ было весьма много жестокости. Холодная удатность его не страшилась кровопролитія, не останавливалась ни предъ чѣмъ, глядѣла съ пренебреженіемъ даже въ лицо смерти: вѣдь смерть была лишь переходомъ въ сулившій утѣхи міръ Валгаллы, гдѣ мужество было въ почетѣ. Подъ вліяніемъ такихъ идеаловъ самый Христосъ принялъ на первыхъ порахъ въ вѣрованіяхъ англосаксовъ и нѣмцевъ характеръ вождя дружины, конунга. Мужественнымъ „юнымъ героемъ“ „родины мужей“ является онъ въ произведеніи, приписываемомъ англосаксонскому поэту Кедмону. Христіанскій Богъ, библейскія личности и святые были обрисовываемы эпитетами, которые прилагались прежде къ языческимъ богамъ и героямъ. Если такую окраску получали даже чуждые первоначально германству образы христіанскихъ вѣрованій, то можно судить, въ какихъ очертаніяхъ представали исконно-германскіе идеальные образы. Они поражаютъ величіемъ, но вмѣстѣ суровы, мрачны и страшны, и исторія ихъ полна трагизма. Самыми видными героями германской эпики являлись великіе историческіе дѣятели, но исторія ихъ въ эпосѣ сливалась съ миѳомъ такъ, что часто историческая основа можетъ быть разгадываема съ трудомъ (напр., въ сказаніи о Зигфридѣ), и изслѣдователи усматривали обыкновенно миѳическую основу въ древне-германскомъ эпосѣ. Въ немъ, дѣйствительно, много миѳическаго, какъ, напр., борьба съ чудищами,

Digitized by Google

но чудесное древне-германскаго эпоса издревле успѣло стать роднымъ[1]), и фантастическіе подвиги были пріурочиваемы къ мѣстностямъ, которыя хорошо были извѣстны германцамъ.

Реальнѣе былъ эпосъ, развивавшійся у франковъ со времени поселенія ихъ на почвѣ Галліи и смѣнившій у нихъ старо-германскую поэзію. Эта эпика начала слагаться также въ темные вѣка варварства, но тѣмъ не менѣе является эпикой вторичной, позднѣйшей формаціи. Въ ней уже нѣтъ миѳологическаго элемента въ такой мѣрѣ, въ какой онъ встрѣчается въ болѣе древнемъ германскомъ эпосѣ. Но въ ней уцѣлѣла съ полною силою другая особенность германскаго былеваго эпоса, превознесеніе воинственности и мужественной энергіи, доходящей до безпощадности. Вслѣдствіе того французская эпика по справедливости считается созданіемъ германскаго духа [2]). Подобно древнимъ германцамъ, и древніе французы ожидали награды въ иномъ мірѣ за героизмъ и рвались въ бой безъ трепета [3]). Основу франкскаго эпоса составили пѣсни и преданія о мѣстныхъ прославившихся чѣмъ-либо или оставившихъ по себѣ память личностяхъ, пѣсни о военныхъ подвигахъ феодальной знати и чисто военныя пѣсни о столкновеніяхъ франковъ съ магометанами и сѣверо-восточными язычниками. На болѣе поздней ступени развитія франкскій эпосъ сосредоточился около личности Карла В. и борьбы, которую извнѣ и внутри велъ этотъ императоръ и предшественники его и преемники, отожествленные съ великимъ императоромъ. Французскій эпосъ выросъ на французской почвѣ, на исторической основѣ и былъ въ большей части своего содержанія совершенно національнъ. Онъ былъ отчасти проникнутъ патріотизмомъ, отчасти религіознымъ энтузіазмомъ католичества, а отчасти являлся воспроизведеніемъ старо-германскаго варварства, феодальныхъ распрей и насилій. Личности каролингскаго цикла—истые герои первой половины средневѣковья и до-рыцарскаго

---

[1]) Такъ, напр., Мюлленгофъ находилъ сходство между Иванушкой дурачкомъ и Зигфридомъ, побѣдителемъ дракона, пріобрѣвшимъ кладъ и прекрасную жену. Müllenhoff, Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig Holstein und Lauenburg, Kiel 1845, XVI.

[2]) Fustel de Coulanges, какъ извѣстно, отрицаетъ значительное участіе германства въ выработкѣ французской цивилизаціи, но это мнѣніе слѣдуетъ признать крайнимъ.

[3]) Se vus murez, esterez s:int martir, Siéges avrez el greignur pareis, говоритъ Турпинъ французамъ предъ битвой съ Сарацинами.

Digitized by Google

времени. Они полны жизни и энергіи. При этомъ одни изъ нихъ соблюдаютъ вполнѣ лояльную преданность государю (Роландъ, съ которымъ могутъ быть сближены въ этомъ отношеніи Хагенъ и другіе люди Гунтера въ поэмѣ о Вальтерѣ Аквитанскомъ); другіе же—настоящіе представители смутъ бурнаго феодальнаго времени и мятежнаго духа вассаловъ. Выдающіяся личности Каролингскаго цикла (Карлъ, Роландъ, Рено) окружены ореоломъ величія и святости.

Какъ извѣстно, идеальнѣйшіе французскіе образы времени, предшествовавшаго крестовымъ походамъ, нарисованы въ „Пѣснѣ о Роландѣ". Они представляютъ для насъ особый интересъ, потому что знакомятъ насъ съ идеалами до-рыцарскаго времени въ ихъ высшемъ развитіи, и весьма важно сопоставить фигуры „Пѣсни о Роландѣ" съ героями и героинями того эпоса, который началъ царить во Франціи вѣкъ спустя.—Роландъ почти всецѣло отданъ своему патріотизму, которымъ дышитъ вся поэма о немъ [1]), служенію своему сеньёру и „милой Франціи". По его словамъ:

Pur sun seignur deit hum suffrir granz mals,
E endurer e forz freiz e granz calz;
Sin deit hum perdre del sanc e de la carn [2]).

Тревоги, сумятицы и невзгоды феодальнаго времени не давали покоя и досуга отдаваться любви. Оттого женщина мало выступаетъ въ древнѣйшихъ chansons de geste и мало оказываетъ вліянія на ходъ дѣйствія. Въ Каролингскомъ эпосѣ весьма рѣдко изображаются влюбленные рыцари и рѣдко говорится объ исканіи рыцарскомъ женской любви. Витязь смотрѣлъ на любовь, какъ на чувство совершенно второстепенное; иногда она казалась ему помѣхой проявленію истиннаго мужества [3]). Соотвѣтственно тому лишь въ нѣсколькихъ тирадахъ

---

[1]) См. ст. G. Paris „La chanson de Roland et la nationalité française", перепечатанную въ его сборникѣ „La poésie du moyen âge".

[2]) La chanson de Roland, texte critique etc. par L. Gautier, onz. éd. Tours 1881, v. 1117—1119. Въ вольномъ переводѣ Алмазова эта рѣчь Роланда къ дружинѣ и Оливье объ императорѣ передана такъ:

Увѣренъ онъ, увѣрено все войско,
Что рады вы здѣсь головы сложить
За Короля, что для него готовы
Все перенесть охотно—жажду, голодъ,
Морозъ и зной и всякія мученья.

[3]) Въ Aiol говорится, что „amistet de feme fait tout muer le courage de l'home et trestorner".

Digitized by Google

очерчены отношенія Роланда къ его невѣстѣ Одѣ. Въ предсмертный часъ Роландъ думаетъ о томъ, какъ бы его мечъ не попалъ въ руки недостойныхъ, затѣмъ вспоминаетъ обо многомъ, но только не объ Одѣ:

De plusurs choses a remembrer li prist:
De tantes tères cum(e) li bérs cunquist,
De dulce France, des humes de sun lign,
De Carlemagne, sun seigneur, kil nurrit,
E des Franceis dunt it esteit si fiz:
Ne poet muer n'en plurt e n'en suspirt.
Mais lui meïsme ne voelt métre en ubli;
Cleimet sa culpe.... [1]).

На основаніи всего этого нѣкоторые изслѣдователи приходятъ къ мысли, что эпизодъ объ Одѣ въ „Пѣснѣ о Роландѣ" слѣдуетъ признать позднѣйшею вставкою. Это какъ бы находитъ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что Ода совершенно отсутствуетъ въ одной изъ древнѣйшихъ редакцій „Chanson de Roland" (Carmen de prodicione Guenonis).

Подобно древнимъ германкамъ Ода всецѣло отдана своему чистому чувству и падаетъ мертвой при вѣсти о смерти ея жениха. Силой своей любви она уподобляется женѣ Рено, которая изнываетъ отъ тоски по своемъ странствующемъ вдали отъ родины мужѣ и умираетъ. Въ особенности заслуживаютъ вниманія въ chansons de geste образы женъ, неизмѣнно вѣрныхъ своему суженому. Въ поэмѣ о

---

[1]) La chans. de Rol., 2377—2383. У Алмазова это мѣсто передано слишкомъ пространно, и мы опустимъ нѣкоторые стихи:

Все прошлое мгновенно промелькнуло.
И вспомнилъ онъ тѣ города и страны,
Что покорилъ онъ Карлу своему,
И вспомнилъ онъ всѣ битвы и походы...
И Францію родную вспомнилъ онъ,
И замокъ свой, и преданныхъ вассаловъ...
О Королѣ своемъ и господинѣ,
Взлелѣявшемъ его и воскормившемъ...
И жгучія, но сладостныя слезы
Изъ глазъ его померкшихъ полились.
Но оторвалъ мечты свои Роландъ
Отъ суетныхъ земныхъ воспоминаній,
И мыслію на небо устремился.

Digitized by Google

Жираръ Руссильонскомъ находимъ въ высшей степени симпатичный образъ жены, раздѣляющей съ мужемъ всѣ невзгоды многолѣтняго скитанія, не теряющейся ни въ какой бѣдѣ и выручающей мужа своею мудростью. Такого рода личности напоминаютъ героинь древняго германскаго эпоса, а также древнихъ галльскихъ женщинъ, насколько уцѣлѣли черты послѣднихъ въ памятникахъ [1]): и тѣ и другія энергичны, мужественны, постоянны и вѣрны.

На ряду съ лучшими типами старой національной поэзіи и идеальными образами ея въ каролингскомъ эпосѣ встрѣчаемъ и образы не привлекательные. Героини этого втораго разряда дѣйствуютъ подъ преобладающихъ вліяніемъ разсчета или чувственности [2]). Мы готовы вслѣдъ за другими относить нѣкоторые изъ этихъ образовъ къ позднѣйшему времени и отчасти къ порчѣ германскаго характера, но вообще считаемъ неосновательнымъ одностороннее изображеніе древнихъ германцевъ преимущественно въ идеальномъ освѣщеніи, да и порча германскихъ нравовъ восходитъ къ довольно ранней порѣ [3]).

Характеризуя вообще женщину, какъ она предстаетъ предъ нами въ болѣе раннихъ chansons de geste, нельзя не сказать, что весьма многимъ она напоминаетъ женщину чисто германскаго эпоса: обѣимъ присущи почти одинаковые достоинства и недостатки [4]).

Ведущею начало изстари чертою слѣдуетъ признать преобладаніе въ женщинѣ мужественности надъ женственностію. Въ большинствѣ случаевъ женщина chansons de geste свободна отъ сантиментально-

---

[1]) См. ст. D' Arbois de Jubainville: „La légende et les femmes dans la plus ancienne histoire des Celtes et de la Gaule“ въ „Revue celtique“, vol. VII, № 2, Avril 1886.

[2]) Подробную характеристику женщины chansons de geste см. у Gautier, La chevalerie, Paris 1884, pp. 341—450; далѣе въ книжкѣ Th. Krabbes: „Die Frau im altfranzoesischen Karls—Epos“, Marburg 1884 (Ausgaben und Abhandlungen aus dem Gebiete der romanischen Philologie, veröffentlicht von Stengel, XVIII). Къ сожалѣнію, Krabbes, собравшій довольно тщательно данныя, не представилъ тонкаго разграниченія и анализа матеріала, который былъ въ его распоряженіи. См. еще статью Fr. Loliée: „La Femme dans la chanson de geste et l' Amour au Moyen—Age“ въ „La Nouvelle Revue“, livrais. du 15 Mars 1882.

[3]) См., напр., хотя бы *Hauréau*, Charlemagne et sa cour, cinqu. éd., Par. 1880, chap. III: Femmes de Charlemagne.

[4]) Характеристику древне-германской женщины см. въ книгѣ Weinhold'a: „Die deutschen Frauen in dem Mittelalter“, zw. Aufl., 2 Bde, Wien 1882.

Digitized by Google

сти [1]), чужда застѣнчивости, держитъ себя совершенно непринужденно, дѣйствуетъ рѣшительно, почти вовсе не испытывая колебаній. Она цѣнитъ въ мужчинѣ прежде всего воинскую доблесть и сама любитъ смотрѣть на битву, готова помочь въ ней своему милому; въ случаѣ крайности она не прочь надѣть оружіе, явиться на стѣнахъ укрѣпленія, воодушевлять къ защитѣ бурга, принимать участіе въ сраженіи, и можетъ постоять за себя.

Истыми германками являются героини, жертвующія всѣмъ ради удовлетворенія своей страсти, рѣшающіяся на кровавую месть за лицъ своего рода и готовыя погубить своего мужа, и вообще тѣ, которыя проявляютъ жестокосердіе даже въ отношеніи къ такимъ близкимъ лицамъ, какъ отецъ и братъ. Такого рода личности напоминаютъ героинь древне-германскаго эпоса, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, и вполнѣ историческихъ героинь Меровингскаго времени, каковы Фредегонда и Брунгильда. Контрастъ послѣднимъ представляетъ несчастная вестготская королевна Галесвинта, столь рано погибшая, но личности такого нѣжнаго душевнаго склада были рѣдки въ тотъ вѣкъ.

Германскою суровостью запечатлѣно въ chansons de geste и отношеніе мужчины къ женщинѣ. Со стороны отца она не встрѣчала сердечнаго участія и ласки. Она должна была безпрекословно повиноваться его распоряженіямъ и получала мужа по его выбору [2]). Иначе относилась къ дочери мать, которая не хотѣла бы принуждать дочь къ ненавистному замужеству. Братъ обращался съ сестрою грубо и насильственно подобно отцу, и она въ свою очередь не питала тогда къ нему расположенія, а иногда готова была даже мстить ему и предавать его какъ и отца.

Угнетенное положеніе женщины сказывалось не только въ невниманіи къ ея чувству при выдачѣ ея въ замужество; оно отража-

---

[1]) Сантиментальность была привита къ нѣмецкому характеру въ значительной мѣрѣ въ позднѣйшее время. Сошлемся хотя-бы на Фрейтага, по словамъ котораго „въ особенности о трогательности всякаго рода и о возвышенныхъ чувствахъ хлопотали поколѣнія, жившія въ прошломъ столѣтіи“.

[2]) Ср. данныя о древне-германскомъ бракѣ у Lehmann'a: Verlobung und Hochzeit nach den nordgermanischen Rechten des früheren Mittelalters, Münch. 1882, гдѣ указана и предшествовавшая монографія Lehmann'a литература по этому вопросу, и у Weinhold'a: I, 293—413. Краткую характеристику брака и брачной жизни на Исландіи въ дохристіанское время можно найдти въ книжкѣ L-nk'a: Die Saga von Hrafnkell Freysgodi, Wien 1883, 129 fgde.

Digitized by Google

лось въ ея характерѣ, между прочимъ—и въ проявленіи любви. Она легко и скоро обнаруживала свое чувство, въ большинствѣ случаевъ первая заявляла его, не знала дѣвичьей стыдливости въ обращеніи съ милымъ. Она иногда стояла за свою любовь, а иногда легко мирилась съ перенесеніемъ этого чувства на другое лицо, такъ какъ все дѣло для нея въ томъ случаѣ было въ бракѣ, доставлявшемъ обезпеченное и прочное положеніе. Главная цѣль влюбленной дѣвушки въ Карловингскомъ эпосѣ—скорый бракъ; она старается прежде всего добиться обѣщанія касательно брака и торопитъ съ осуществленіемъ его. Весьма рѣдко изображается любовь мечтательная. Въ большинствѣ случаевъ она предстаетъ въ первобытномъ видѣ, совершенно проста, часто совершенно матеріальна.

Мужчина ставилъ себя высоко надъ женщиною, хотя въ то время послѣдняя была нерѣдко образованнѣе его [1]), не говоря уже о нравственныхъ достоинствахъ ея. Онъ былъ ея господинъ—signor [2]). Склоняясь къ браку, онъ взвѣшивалъ прежде всего имущественныя и другія выгоды, какія могъ извлечь изъ того. Жена, наоборотъ, была предана мужу до полнаго подчиненія своей воли его волѣ, считала себя всецѣло принадлежащею ему, сносила терпѣливо грубое обращеніе его, падала къ его ногамъ, становилась предъ нимъ на колѣни, подчинялась безпрекословно его суровому и несправедливому приговору. Несмотря на все это она готова была дѣлить съ мужемъ всѣ постигавшія его бѣды, старалась всѣми способами облегчить его печальную участь, готова была на самопожертвованіе, а по смерти

---

[1]) *Weinhold*, I, 122—129; *Schultz*, Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger, I Bd., Leipz. 1879, S. 123—124, 149. Ср. у Krabbes 11, Anm. 28. Можно бы дополнить указаніемъ на Girart de Roussillon, trad. par P. Meyer, Par. 1884, p. 16, 13 и др. См. еще *Ch. Jourdain'a* „Mémoire sur l'éducation des femmes au moyen âge" въ Mémoires de l' Institut national de France. Académie des inscriptions et belles—lettres, t. 28, Par. MDCCCLXXIV, p. 79 suiv. *P. Rousselot*, Histoire de l'éducation des femmes en France, I, Par. 1883, 19 и слѣд.—Еще въ одной французской драмѣ начала XVII в. влагаются въ уста дофину жалобы на занятія по книгамъ, отъ которыхъ у него болитъ голова. По его мнѣнію, лучше всякой философіи хорошее вооруженіе и великое сердце, унаслѣдованное отъ предковъ. Авторъ пьесы примыкалъ, очевидно, къ мнѣнію тѣхъ, которые считали страннымъ для дворянина браться за перо вмѣсто сабли.

[2]) Господиномъ называетъ Вальтарія и Гильдегунда въ латинской поэмѣ X в: Praecipiat dominus! etc.

Digitized by Google

мужа не находила отрады въ жизни, переживала его нѣсколькими днями, или же оканчивала жизнь въ монастырѣ.

Мужъ не цѣнилъ этихъ достоинствъ и оказывался даже не совсѣмъ добрымъ господиномъ своей жены. Онъ часто не довѣрялъ ей, не обращалъ вниманія на слова ея участія и совѣты, или же трѣчалъ ихъ насмѣшкой; и женѣ, какъ и матери, онъ говорилъ, что дѣло женщины—сидѣть въ своей комнатѣ, заботиться о хозяйствѣ и воспитаніи дѣтей и заниматься рукодѣльемъ. Сосредоточивая все вниманіе на своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, онъ не находилъ радостей въ семейной жизни, оставлялъ жену на цѣлые годы и въ то время не подавалъ о себѣ никакой вѣсти. Онъ старался держать жену въ полномъ повиновеніи посредствомъ мѣръ строгости, угрозъ или побоевъ; иногда онъ передавалъ даже другому право такого усмиренія. Заподозривъ основательно или неосновательно жену въ невѣрности, мужъ приговаривалъ ее къ смерти или въ крайнемъ случаѣ къ изгнанію и не внималъ никакимъ объясненіямъ съ ея стороны. Въ нѣкоторое оправданіе его можно сказать, что и самъ онъ не переступалъ вѣрности.

Вообще герои chansons de geste—суровые и гордые бароны, думавшіе только о военныхъ подвигахъ, объ отстаиваніи своей чести, о мщеніи своимъ притивникамъ. Они не знали иныхъ, высшихъ радостей жизни, въ томъ числѣ мирныхъ радостей семейнаго очага, утѣхъ свѣтской жизни. Они не стремились къ изяществу въ обращеніи, не знали утонченной вѣжливости и были суровы и неподатливы даже въ отношеніи къ искреннему чувству, которое вызывали. Они мало дорожили имъ, усматривали въ немъ иногда помѣху своимъ планамъ и давали обѣтъ избѣгать любви. Цѣли героевъ chansons de geste реальны и опредѣленны сообразно ихъ характеру, свободному отъ мечтательности.

Въ общемъ видна грубость нравовъ, и ею одержимы даже Карлъ В. и его перы. Чтобы видѣть эту грубость, достаточно прочесть пѣсню о „путешествіи Карла В. въ Іерусалимъ и Константинополь“ и о шуткахъ перовъ въ Константинополѣ послѣ ужина у императора. Значительная грубость проглядываетъ и въ той пѣснѣ, въ которой Карлъ В. и его перы предстаютъ въ наиболѣе идеальномъ освѣщеніи, именно въ Пѣснѣ о Роландѣ.

Digitized by Google

Соотвѣтственно характеру героевъ и героинь Каролингскаго эпоса и повѣствованія о нихъ отличаются сравнительно реальностью. Во французскомъ былевомъ эпосѣ находятъ смѣсь исторіи и христіанской легенды, въ чемъ K. Hofmann [1]) усматриваетъ особенность этой эпики; открыли также въ ней примѣсь пришлыхъ сюжетовъ [2]) и универсальныхъ традиціонныхъ мотивовъ творчества [3]), но вообще сказочныя повѣствованія не могутъ быть названы преобладающими въ Каролингскомъ эпосѣ. По выраженію Готье, во французскихъ эпопеяхъ есть сверхъестественное, но не чудесное [4]).

Таковъ былъ героическій народный эпосъ въ тѣхъ земляхъ запада, которыя, согласно германофильской теоріи, были колыбелью рыцарства и его культа женщины и любви. Ясно, что выведеніе этого культа преимущественно изъ германскаго духа неосновательно [5]).

---

[1]) Amis et Amiles und Jourdains de Blaivies, 2w. Aufl., Erlangen 1882, s. XIX.

[2]) G. Paris устанавливаетъ въ Каролингской эпикѣ особый „cycle adventice". *Constans*, Chrestom. de l'ancien français, Par. MDCCCLXXXIV, p. XIII. Cf. p. X, XIV.

[3]) Традиціоннымъ типомъ должно признать, напр., образъ невинной и оклеветанной жены, терпящей преслѣдованіе. *Gautier*, Les épopées françaises, I, sec. éd., Par. 1878, p. 92.

[4]) Ib., p. 156—158: „On y trouve partout le surnaturel, et non point le merveilleux".

[5]) Рьяные нѣмецкіе патріоты готовы были даже любовь конфисковать преимущественно въ пользу своего племени. Weinhold не соглашается съ этими черезъ-чуръ патріотическими самовосхваленіями и считаетъ романтику явленіемъ, чуждымъ древнему германству: „То, что мы называемъ романтическими любовными отношеніями, предполагаетъ выработку общественной жизни, которую нельзя допустить для нашихъ древнѣйшихъ извѣстныхъ изъ исторіи временъ" (I, 238). Тѣмъ не менѣе и Вейнгольдъ склоненъ въ общемъ къ идиллическому представленію положенія женщины въ древне-германской жизни и къ нѣкоторому преувеличенію. Вотъ что, напр., говоритъ онъ на 229-й стр. I-го тома: „Медленно какъ раковина открывается сердце нѣмецкой дѣвушки, чтобы надѣлить любимаго человѣка перлами вѣрной, безконечно способной осчастливить женственности. Истинно нѣмецкая дѣвушка видитъ въ немъ не мужчину, не кормильца, но друга, вѣрнаго спутника въ радости и горѣ по сю и по ту сторону гроба. Нѣмецкая любовь не преходяща и надѣется на бессмертіе, не нѣмецкая же ограничивается часомъ увлеченья, страшится болѣе продолжительнаго существованія, чѣмъ моментъ. Нѣмецкая любовь благочестива и дѣтски невинна, какъ Гретхенъ, не нѣмецкая подобна Семирамидѣ саги". Руководясь справедливымъ общимъ тезисомъ, что „въ положеніи, которое занимаетъ мужчина въ отношеніи къ женщинѣ въ любви, обнаруживается не только нравственная зрѣлость народа, но и его общественная культура" (II, 237), Вейнгольдъ пытается отстоять превосходство нѣмцевъ въ семейномъ бытѣ по сравненію съ другими народами, но факты, имъ же приводимые, указываютъ на нѣкоторыя противорѣчія и натяжки въ общихъ выводахъ изслѣдователя: онъ старался смягчить и ослабить силу фактовъ. Укажемъ на одно изъ такихъ мѣстъ книги Вейнгольда": „Высокое уваженіе къ женщинѣ у германцевъ было болѣе религіозное, чѣмъ свѣтское,

Digitized by Google

Въ германской поэзіи преобладали идеальныя картины героической жизни самаго суроваго характера, переносившія слушателя въ прошлое. Въ интимный міръ домашней жизни она не вникала и мало занималась личными чувствованіями, не имѣвшими отношенія къ героизму. Эти послѣднія должны были быть преимущественнымъ достояніемъ легкой женской поэзіи. Лирика искони должна была существовать у германцевъ. Müllenhoff привелъ данныя, указывающія на то, что даже въ самое суровое время германства въ его поэзіи могли проявляться самые нѣжные тоны [1]). Въ послѣднее время нѣмецкіе изслѣдователи повторяютъ, что сообразно свойствамъ человѣческой натуры лирическая поэзія должна была существовать уже въ древнѣйшія времена у нѣмцевъ. Недавно сдѣлана попытка возстановить характеръ древнѣйшихъ народныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ, предшествовавшихъ возникновенію художественной лирики [2]). Но все это не говоритъ о видномъ значеніи нѣж-

---

болѣе пассивное, чѣмъ активное. Они смотрѣли на женщину, какъ на существо слабое тѣлесно, но сильное духовно, которое имѣло право на охрану и пощаду, на почтеніе и признаніе святости. Мы очень ошиблись бы, если бы пожелали ставить женщину средоточіемъ домашней и духовной жизни. Совершенно не слѣдуетъ приравнивать древне-германскаго почитанія женщины къ новѣйшему. Женщина была женщиной, но нѣмецки она стояла *за* мужемъ.... Въ правѣ положеніе женщины было вполнѣ подчиненное, и его можно сравнить съ положеніемъ дитяти въ родительскомъ домѣ". „И однако, продолжаетъ Вейнгольдъ, нѣмецкая женщина стояла нравственно высоко.... Съ женщинами могутъ обращаться сурово, но не грубо; она можетъ испытывать физическія обиды, но не моральныя". Ср. Hoefer'a; „Die Liebe in der deutschen Poesie" въ Germania XVIII (XXX), 4-tes Heft (1885), 401—410. Начинается эта статья словами: „Es gibt kein Lied, welches weiter durch die Länder und Gaue germanischer Zunge verbreitet wäre, als das alte Lied von den zwei Königskindern, aber es gibt auch keines, welches, schöner und inniger auf grösseren Ank. lang in den Tiefen des deutschen Gemüths hätte rechnen dürfen, keines das deutscher wäre als dieses: denn es ist das Lied von deutscher Lieb und Treue, von der Treue bis in den Tod." Нѣмецкая пѣсня о двухъ Королевскихъ дѣтяхъ не можетъ быть признана оригинальною. См. объ этой пѣснѣ у *Rohde*, Der griechische Roman und seine Vorläufer, Leipz. 1876. Вообще мотивъ о смерти вслѣдствіе несчастія въ любви встрѣчается у многихъ народовъ, а не исключительно у нѣмцевъ. Сравнительный историко-литературный анализъ оттѣнковъ въ разработкѣ одного и того-же мотива въ поэзіи различныхъ народностей начался недавно.

[1]) Müllenhoff und Scherer, Denkmäler deutscher Poesie und Prosa, 2. A. Berl. 1873, 363—364. Ср. Weinhold, I, 147.

[2]) Zeitschrift f. deutsches Alterthum, B. XXVII (1883): „Das volkstümliche deutsche liebeslied, von Burdach"; B. XXIX (1885), ст. Richard'a M. Meyer'a: „Alte deutsche Volksliedchen". Ср. замѣчаніе г. Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1886, № 3, стр. 185—186.

Digitized by Google

наго лиризма въ народной жизни [1]) и вообще чисто лирическаго выраженія того или инаго настроенія въ данный моментъ. Главное мѣсто въ древне-германской поэзіи занимала лиро-эпика и эпика возвышеннаго характера, которая повѣствовала о важныхъ историческихъ событіяхъ, о дѣяніяхъ поразительныхъ.

Романическія сказанія, въ которыхъ видная роль принадлежала женщинѣ, издавна входили въ былевой эпосъ германскихъ племенъ. Эти повѣствованія или основывались на дѣйствительныхъ событіяхъ [2]), или же были разукрашиваемы въ значительной мѣрѣ вымысломъ [3]), но въ томъ и другомъ случаѣ пріурочивались къ личностямъ историческимъ и по своему колориту не разнились отъ остальнаго эпоса. Поэмы, которыя Rajna относитъ къ „брачной эпопеѣ", говорили не о мирныхъ брачныхъ союзахъ, а о добываніи женъ и о преодолѣваніи при этомъ разнаго рода опасностей [4]).

Христіанство въ теченіе долгаго времени обнаруживало мало успѣховъ въ претвореніи народнаго характера и вѣковыхъ обычаевъ германства. Христіанскія начала должны были терпѣть измѣненіе сообразно съ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ среды, въ которой водворялись. Въ числѣ другихъ и христіанская идея брака была искажена въ феодальной средѣ [5]).

Какъ были сильны древне-германскіе идеалы, показываетъ то, что они были живы даже въ то время, когда начали распространяться рыцарскія воззрѣнія. Въ германскомъ эпосѣ все еще держались идеальные женскіе образы, первые облики которыхъ обозначились въ пору переселенія народовъ, все еще воспѣвались величавыя героини,

---

[1]) Ср. лирическія пьесы древне-сѣверной поэзіи, приведенныя въ Corpus poeticum boreale; the poetry of the old northern tongue, ed. by Vigfusson and Powell, vol. II, Oxford MDCCCLXXXIII, p. 322, 327. „Danz" распространялись на сѣверѣ подъ вліяніемъ французской культуры. Ib. 385 и слѣд.

[2]) См. напр., разсказъ Павла Діакона объ Elfwine (Alboin'ѣ) и Розамундѣ, который издатели Corpus poeticum boreale считаютъ переложеніемъ пѣсни (I, p. li).

[3]) Такова легендарная исторія первыхъ Меровинговъ, о которой см. у *P. Rajna*: Le origini dell'epopea francese, Fir. 1884, гл. II и III.

[4]) Rajna, 79—81. Ср. Weinhold, I, 308—313. Какъ извѣстно, мотивъ умыканія невѣсты —весьма древній и распространенный сюжетъ; приключенія, сопровождающія умыканія, воспѣты въ финискомъ эпосѣ и доселѣ составляютъ предметъ пѣсень въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири.

[5]) Gautier, La chevalerie, 342, 348.

Digitized by Google

доходившія до крайнихъ предѣловъ въ своей страсти и жестокосердіи; идеалъ же высшихъ нравственныхъ достоинствъ женщины, провозглашенный христіанствомъ, сливался съ аскетическимъ и находилъ осуществленіе въ монастыряхъ. Въ Германіи долго были живы даже мѣстныя пріуроченія событій, о которыхъ повѣствовала старая сага [1]).

Тоже можно сказать и о живучести феодальнаго эпоса во Франціи. Извѣстенъ разсказъ о томъ, что передъ Гастингской битвой въ войскѣ Норманновъ Taillefer пѣлъ о Роландѣ: ясно, сколько было вдохновлявшей силы въ этомъ эпосѣ. Онъ составлялъ общенародное достояніе и былъ весьма популяренъ: его любилъ не только высшій классъ страны и народъ, что доказывается огромнымъ количествомъ поэмъ; пользовался каролингскій эпосъ и благоволеніемъ духовенства, повліявшаго въ значительной степени на развитіе его [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи еще въ началѣ XIV в. были въ ходу живыя преданія о герояхъ стараго эпоса [3]). Отзвуки этого эпоса въ родѣ *Quatre Fils Aymon* и теперь еще услаждаютъ крестьянъ.

Итакъ, и въ германскихъ земляхъ Запада, и во Франціи былевая эпика до XII в. была наполнена преимущественно роднымъ содержаніемъ; входили въ нее инородныя примѣси, но онѣ или органически сливались съ національною эпикою [4]), или не занимали въ ней виднаго мѣста.

Въ XII столѣтіи въ содержаніи и судьбѣ старой свѣтской эпики германскихъ земель и Франціи произошла перемѣна.

Началось претвореніе старыхъ сказаній въ духѣ новыхъ идеаловъ. При этомъ Германія переживала такой процессъ скорѣе сѣвера. Тамъ долѣе слышались въ эпосѣ отголоски старины, долѣе со-

---

[1]) См. *W. Grimm*, Die deutsche Heldensage, zw. Ausg. Berlin 1867.

[2]) См. въ особенности монографію Pakscher'a: Zur Kritik und Geschichte des Französischen Rolandsliedes, Berlin 1885.

[3]) Извѣстный итальянскій писатель конца XIII в. и первыхъ десятилѣтій XIV в., Франческо да Барберино, былъ сильно пораженъ замкомъ Guillaume'a d' Orange; не довѣряя всѣмъ ложнымъ подвигамъ, какіе приписываются жонглерами паладинамъ, Франческо находитъ однако, что самый замокъ свидѣтельствуетъ о великихъ дѣлахъ Вильгельма. *Thomas*, Francesco da Barberino et la littérature provençale en Italie au moyen âge, Par. 1883, p. 24.

[4]) Это можно сказать, напр., о томъ мотивѣ, который составилъ основу сказанія о хожденіи Карла В. и его перовъ въ Іерусалимъ и Константинополь.

Digitized by Google

хранили свѣжесть образы личностей, почти еще не тронутыхъ христіанствомъ, напр. образы валькирій [1]), хотя, съ другой стороны, и на сѣверѣ уже въ XI в. начало сказываться значительное вліяніе южной культуры [2]). Rambeau называетъ и „Пѣснь о Нибелунгахъ", подобно древне сѣвернымъ пѣснямъ, „евангеліемъ жадности, грабежа и убійства, едва смягченнымъ выраженіемъ старо-германской свирѣпости" [3]). Онъ впалъ въ преувеличеніе. Старая сага о Нибелунгахъ въ той нѣмецкой обработкѣ, какую получила въ XII в. въ Nibelungenlied, представляетъ весьма замѣтное отличіе отъ сѣверныхъ пересказовъ [4]), и читатель не можетъ не признать въ ней двойственности. Какъ въ Nibelungenlied, такъ и въ другой нѣмецкой обработкѣ національнаго германскаго эпоса—въ поэмѣ о Кудрунѣ—встрѣчаемъ двоякіе нравы и, такимъ образомъ,—отраженіе двухъ періодовъ культурнаго развитія нѣмецкаго племени. Рядомъ со слѣдами древней грубости нравовъ въ нѣкоторыхъ болѣе симпатичныхъ образахъ этихъ эпосовъ усматривается уже утонченность чувствованій, глубокая жизнь Gemüths. Отмѣтимъ черты этой двойственности. Въ нѣмецкой обработкѣ саги о Нибелунгахъ, въ обработкѣ, относящейся къ рыцарскому времени, находятъ значительную перемѣну въ передачѣ первоначальнаго сказанія по сравненію съ сѣвернымъ изводомъ. Въ героиняхъ этого послѣдняго мало замѣтна женственность. Ради мести за честь рода или изъ чувства оскорбленной любви онѣ рѣшаются на самыя жестокія дѣянія, не щадя и самихъ себя и своихъ дѣтей. Валькирія Брунгильда соблюдаетъ въ своемъ сердцѣ вѣрность первой любви и мститъ своей ненавистной соперницѣ смертью героя, дорогаго обѣимъ, послѣ чего

---

[1]) Въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ" образъ такой валькиріи, Брунгильды, блѣдиѣе, но все же въ немъ замѣтны черты весьма отдаленной старины. Fressl сближаетъ даже образъ Брунгильды съ извѣстіями о скиескихъ воинственныхъ женщинахъ и амазонкахъ. Die Skythen Saken die Urväter der Germanen, München 1886, 61—64. Совпаденіе не подлежитъ сомнѣнію, но, конечно, не доказываетъ основнаго тезиса автора, признающаго скиѳовъ германцами. Въ нашей литературѣ имѣется теперь спеціальное изслѣдованіе о типѣ женщины—воительницы; разумѣемъ статьи г. Сазоновича: „Пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ и былины о Ставрѣ Годиновичѣ" въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1885 и 1886 гг.

[2]) Corpus poeticum boreale, I, p. LXV. Ср. *S. Bugge*, Studien über die Entstehung der nordischen Götter—und Heldensagen. Uebers. von O. Brenner, Münch. 1881—1882.

[3]) Ср. отзывы Ренана и Тэна о германскихъ поэмахъ.

[4]) Сопоставленіе обѣихъ редакцій см. въ Gesammelte Vorträge und Aufsätze von Karl Bartsch, Freiburg i B. und Tübingen 1883, s. 86—108: „Die dichterische Gestaltung der Nibelungensage". См. также *W. Grimm*, Die deutsche Heldensage², 369 fgde.

Digitized by Google

умерщвляетъ самое себя и велитъ сжечь свое тѣло вмѣстѣ съ останками Зигурда. Сѣверная Гудруна, соотвѣтствующая Кримгильдѣ Нибелунговъ, мститъ своему второму мужу Атли за убійство своихъ братьевъ, хотя послѣдніе были виновны въ убійствѣ ея перваго мужа и хотя морально она примирилась съ ними послѣ ихъ гибели: она подноситъ Атли сердца обоихъ сыновей отъ него, ни въ чемъ неповинныхъ, и затѣмъ поджигаетъ домъ, въ пламени котораго гибнутъ опьяненные Атила и гунны.—Въ нѣмецкой поэмѣ о Нибелунгахъ находятъ отпечатокъ того времени, когда ново-европейскій свѣтскій человѣкъ впервые углубился въ своей внутренній міръ, міръ собственной мысли и чувства [4]). Новая поэзія, развивавшаяся въ блестящей придворной средѣ, „увила своими цвѣтами старыя колонны саги о Нибелунгахъ“ и сообщила ей новую привлекательность. Женщина занимаетъ весьма видное мѣсто въ пѣснѣ о Нибелунгахъ. Поэма начинается дѣвичьей грезой Кримгильды и заканчивается ея смертью. Здѣсь также первенствующее значеніе принадлежитъ мотиву мести, но Кримгильда, соотвѣтствующая сѣверной Гудрунѣ, предстаетъ въ началѣ поэмы въ образѣ кроткой нѣжно-любящей дѣвушки новаго времени. Чувство любви прокралось въ ея дѣвственное сердце наперекоръ ея твердой рѣшимости, принятой ею послѣ сновидѣнія, предвѣщавшаго потерю будущаго возлюбленнаго. Кримгильда порѣшила было—никогда не знать любви никакого витязя, чтобы не испытать неизбѣжнаго страданья. Но судьбы не миновать: она увидѣла на яву того самого сокола, который пригрезился ей во снѣ, нидерландскаго королевича Зигфрида. Онъ прибылъ ко двору ея братьевъ, влекомый возвышенною любовью (hohe minne) къ Кримгильдѣ, которую зналъ лишь по слухамъ. Онъ долго не видѣлъ ея, цѣлый годъ, но

er truoc in sînem muote ein minneclîche meit
unt ouch in ein diu frouwe, die er noch niene gesach,
diu im in heimlîche vil dicke güetlîche sprach [5]).

Кримгильда слѣдила чрезъ окно украдкой за участіемъ Зигфрида въ военныхъ играхъ, а онъ лишь мечталъ, какъ бы ее увидѣть:

---

[1]) См. въ „Preussische Jahrbücher“ блестящій этюдъ „Ueber das Nibelungenlied“ Шерера, такъ рано унесеннаго смертію къ глубокому сожалѣнію почитателей его трудовъ и бывшихъ его слушателей, къ которымъ причисляемъ и себя.

[2]) Приводимъ выдержки изъ „Das Nibelungenlied“ по изд. Царнке.

Digitized by Google

Er daht ouch manege zîte „wie sol daz geschehen,
daz ich die maget edele mit ougen müge gesehen,
die ich von herzen minne unt lange hân getân?
diu ist mir vil vremde: des muoz ich dicke trûrec stan.

Зигфридъ оказалъ весьма важную услугу родной землѣ Кримгильды, выказалъ чудеса храбрости и поразилъ саксовъ, напавшихъ на Бургундію. Въ честь его было устроено великолѣпное празднество. Было рѣшено, что Кримгильда явится съ матерью въ собраніе, чтобы почтить славнаго рыцаря своимъ привѣтомъ, ибо, говорилъ совѣтовавшій то,

Waz waere mannes wünne des freute sich ir lip,
ez entaeten schoene meide unt hêrlîchin wîp?

Въ напряженномъ ожиданіи стояли рыцари и оруженосцы, а всѣхъ болѣе Зигфридъ. „И вотъ вошла милая, какъ заря выходитъ изъ темныхъ облаковъ. И разстался тогда съ заботою тотъ, кто носилъ ее въ сердцѣ, хотя бы она издавна приключилась“ и т. д. Вотъ какія картины начали появляться въ эпосѣ, который до того времени рисовалъ передъ слушателями преимущественно кровавыя зрѣлища, ужасающую дикость нравовъ, и въ которомъ даже повѣствованія о любви перемежались кровавыми сценами. Теперь вниманіе начали привлекать также описанія блестящихъ празднествъ (*diu hôh(ge)zît*), женской красоты. Въ старое время любимѣйшимъ развлеченіемъ мужскаго общества на пирахъ было—внимать героической пѣснѣ, разсказывать о своихъ подвигахъ и слушать разсказы о дѣяніяхъ другихъ. Хозяйка являлась въ залу лишь для того, чтобы обнести героевъ медомъ и пивомъ и почтить выдающихся изъ нихъ дружескимъ привѣтомъ и цѣнными подарками. Теперь суровые воины становятся дворски-образованными рыцарями, обладаютъ изящными манерами и въ обществѣ прекрасныхъ дамъ забываютъ всѣ тягости; печальное сердце при видѣ милыхъ дѣвицъ исполняется радости. Во взорѣ женщины отмѣчалась теперь кротость и дружественность [1]). Карлейль такъ отзывается объ авторѣ „Пѣсни о Нибелунгахъ“: „поэтъ одушевляется духомъ рыцарства, любовью и героизмомъ; печаль разлуки,

[1]) См. *Schwarze*, Die Frau in dem Nibelungenliede und der Kudrun, Halle a. S. 1884; полнѣе вышла эта монографія въ Zeitschrift f. deutsche Philologie, Bd. XVI, Heft 4.

Digitized by Google

томленіе безотвѣтной любви, нѣжное чувство женщины, отважное предпріятіе героя—все это находитъ мелодическій откликъ въ благородномъ сердцѣ поэта".—Мы видѣли, что взаимная любовь, охватившая чистыя, полныя благородства сердца Зигфрида и Кримгильды, долго была лишь дорогою мечтою. Послѣ своего осуществленія она не утратила ничего въ своей поэтичности, но не продолжительно было счастье Кримгильды, и картины тихой радости смѣняются въ поэмѣ описаніемъ ссоры двухъ королевъ и предательскаго убіенія Зигфрида. Страшная гнетущая душу скорбь сжала сердце Кримгильды, когда до нея дошла вѣсть, что ея милый супругъ коварно убитъ во время охоты. Только послѣ этой ужасной потери черствѣетъ кроткое любящее сердце Кримгильды. Всѣ ея помыслы сосредоточиваются на идеѣ мести, и ей она жертвуетъ незапятнанною дотолѣ совѣстію. Ради мести она оставляетъ родной Рейнъ и выходитъ вторично въ замужество—уже не за любимаго всѣмъ сердцемъ юнаго рыцарственнаго героя, а за грознаго короля Гунновъ—Этцеля или Аттилу. Кримгильда успѣла отомстить своимъ братьямъ, но—цѣною гибели множества доблестныхъ рыцарей. Въ концѣ поэмы она обнаружила крайнее ожесточеніе такъ, что въ ней уже совсѣмъ нельзя узнать прежнюю кроткую и въ высшей степени симпатичную женщину. Своимъ жестокосердіемъ она привела въ негодованіе стараго Гильдебранда, который и убиваетъ ее. Мы видимъ и здѣсь въ концѣ, какъ въ сѣверномъ эпосѣ, груду труповъ и слышимъ вопли сѣтовавшихъ:

Diu vil michel êre was da gelegen tôt:
die liute hêten alle jâmer unde nôt.
mit leide was verendet des küneges hochgezît,
als ie diu liebe leide an dem ende gerne gît.

И здѣсь „любовь, ревность и месть сливаются въ одинъ бурный потокъ, который увлекаетъ и самоё женщину къ гибели" [1]). Къ крайней жестокости Кримгильду подвинула уже не родовая месть, какъ въ сѣверномъ эпосѣ, а совершенно понятное намъ чувство самой горячей любви, самая беззавѣтная привязанность къ мужу, но любовь Кримгильды запечатлѣна древне-германскимъ характеромъ,

[1]) Weinhold II, 351.

Digitized by Google

всецѣло овладѣваетъ ея существомъ до полнаго ожесточенія противъ всѣхъ людей и страшна. Такъ даже въ рыцарское время не могли быть вполнѣ смягчены старые идеальные женскіе типы, и изъ-за наслоеній христіанско-рыцарскихъ воззрѣній все еще сквозила древняя основа.

Могутъ сказать, что не исключительно такихъ женщинъ изображалъ старо-германскій эпосъ; могутъ указать на Кудруну. Но въ поэмѣ о Кудрунѣ видно еще болѣе сильное вліяніе рыцарскаго настроенія, чѣмъ въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ", да и Кудруна все же остается древней германкой въ своей необыкновенной стойкости характера и въ своей вѣрности—Treue. Эта германская Treue славилась у Римлянъ уже съ 1-го вѣка нашей эры и является постоянною чертою героевъ и героинь старо-германскаго эпоса: она составляла основу связи членовъ рода, отношеній служилыхъ людей къ господину и взаимныхъ отношеній мужа и жены [1]).

Вообще отъ многихъ героинь германскаго эпоса мы отвернемся съ ужасомъ; сами нѣмцы признаютъ теперь, что основы ихъ нравственности и все настроеніе теперь—иныя; сами они сознаются, что грубость и жестосердіе въ выполненіи мести отталкиваютъ отъ героинь эпоса. Подобное впечатлѣніе испытывали, вѣроятно, и нѣмцы XII-го в., начавшіе подпадать вліянію рыцарской поэзіи, проникавшей изъ Франціи и Прованса. Благодаря воздѣйствію этой поэзіи и смягченію нравовъ Кримгильда въ Nibelungenlied соединяетъ въ себѣ черты не останавливающейся ни передъ чѣмъ мстительной германки древняго времени съ качествами, симпатичными намъ въ женщинѣ новаго, болѣе христіанскаго времени. Христіанство начертало возвышеннѣйшій идеалъ женщины; древне-германскій идеалъ не могъ подняться на высоту христіанскаго воззрѣнія [2]), и лишь рыцарскій идеализмъ началъ возстановлять то значеніе женщины, которое такъ долго было забыто на западѣ въ темные вѣка водворенаго германцами варварства.

Итакъ, въ XII-мъ столѣтіи становится замѣтнымъ приспособленіе старыхъ сюжетовъ національной германской эпики къ новому

---

[1]) См. въ „Gesamm. Vorträge u. Aufsätze" Bartsch'a статью: „Die Treue in deutscher Sage und Poesie".

[2]) См. ст. Ешевскаго: „Женщина въ средніе вѣка въ Западной Европѣ"—въ „Русскомъ Вѣстникѣ" т. L и въ III-мъ т. собранія сочиненій Ешевскаго.

Digitized by Google

настроенію; происходитъ претвореніе сложившихся эпическихъ характеровъ въ духѣ новаго идеала и внесеніе новыхъ картинъ. Въ старый эпосъ вводится немало осложненій; древнихъ героевъ заставляютъ совершать новые подвиги. Всѣмъ этимъ была разрушаема цѣльность старой саги и эпическіе образы утрачивали въ значительной мѣрѣ то полубожеское величіе, которымъ были облечены ранѣе.

Но и въ этомъ преображенномъ видѣ старая сага уже не пользовалась прежнимъ значеніемъ, и лучшіе поэты рыцарскаго времени почти не вспоминаютъ о древнихъ германскихъ герояхъ. Они заняты всецѣло приключеніями новыхъ героевъ и героинь, дотолѣ неизвѣстныхъ германской поэзіи и рѣзко отличавшихся по своему характеру отъ прежнихъ.

Подобное же явленіе замѣчается и во французской эпикѣ XII в.

Мало по малу въ chansons de geste усиливался элементъ вымысла. И въ нихъ начали появляться новинки въ родѣ féerie [1]), фей и волшебниковъ [2]). Подъ конецъ чисто эпическаго періода въ рамкахъ стараго эпоса возникли настоящіе романы. Героямъ ихъ былъ усвоенъ нѣсколько лоскъ витязей Круглаго Стола, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, и они были пущены въ погоню за такими же приключеніями, какихъ искали рыцари Круглаго Стола, и также были запутываемы въ любовныя исторіи. Значеніе женщины постепенно возрастаетъ въ chansons de geste, но вмѣстѣ съ тѣмъ она все болѣе и болѣе утрачиваетъ достоинство, и характеръ ея, по мнѣнію изслѣдователей, измѣняется къ худшему въ смыслѣ бо́льшаго и бо́льшаго выхода изъ границъ женственности. Героини не знаютъ стыдливости и переступаютъ предѣлы ея въ рѣчахъ и въ поступкахъ; онѣ не знаютъ нравственныхъ колебаній [3]). Въ особенности склонны

---

[1]) *Ed. du Méril*, Études sur quelques points d'archéologie et d'histoire littéraire Par. 1862, p. 439.

[2]) Таковъ, напр., Maugis, о которомъ см. у Gautier, Les épop. franç., III², 208.

[3]) Gautier такъ характеризуетъ женщинъ chansons de geste: „Ce que les domine, c'est le sang: un sang qui bouillonne en de veines ardentes. A la vue du premier jeune homme, sans hésitation, sans pudeur, sans combat, elles se jettent à ses pieds et le supplient de satisfaire la brutalité de leur désirs. Elles le poursuivent de leur amour; elles ont un amour agressif; „Décidément, disent elles, *il est trop bel homme.*“ Si l'on résiste à leurs singuliers empressements, elles profitent de la nuit et vont s'installer dans le lit de celui qu'elles désirent: cet épisode se trouve en vingt ou trente de nos romans. Les femmes

Digitized by Google

къ тому сарацинки [1]), напоминающія тѣмъ нѣкоторыхъ изъ будущихъ героинь рыцарскихъ романовъ. Въ нѣкоторыхъ chansons de geste уже находимъ ситуацію, встрѣчающуюся и въ рыцарскомъ романѣ:—любовь не къ мужу, но къ постороннему лицу, откуда недалеко до полнаго нарушенія супружеской вѣрности. Соотвѣтственно тому въ chansons de geste высказывается весьма часто не высокое мнѣніе о женщинѣ и недовѣріе къ ней; мужчина, вѣрящій ей, называется глупымъ [2]), и въ женщинѣ выставляется на видъ легкомысліе. Такого рода воззрѣнія привились у германцевъ, вѣроятно, послѣ ближайшаго знакомства ихъ съ римскимъ міромъ, послѣ усвоенія его цивилизаціи и позднѣйшей христіанской морали. Отчасти они могли быть вызываемы житейскою моралью и фактами жизни: въ переходное время отъ вѣковаго стѣсненія къ моральному освобожденію женщина нерѣдко могла впадать въ крайности, такъ какъ въ подобные моменты нравственность расшатывается. Можетъ быть также характеръ женщины въ chansons de geste слѣдуетъ приводить въ связь съ эпическими типами, между проч.—женскаго легкомыслія [3]). Во всякомъ

---

mariées font à peu prés de même, bien qu'il y ait, parmi elles, de brillantes et admirables exceptions". Les épopées françaises², I, 31—32. Мы привели эту выдержку потому, что она имѣетъ связь съ нашими заключеніями о генезисѣ романтики, которыя будутъ высказаны далѣе. Готье (ib. 32 и 163—165) считаетъ такой образъ дѣйствій поведеніемъ германокъ второй эпохи, т. е. все-таки наслѣдіемъ чисто германскаго характера. Въ этомъ случаѣ съ нимъ расходится Krabbes, который, повидимому идеализуетъ германскую женщину.

[1]) Исключеніе представляетъ Bramimunde Пѣсни о Роландѣ.

[2]) Такого рода представленіе свойственно народной поэзіи. Ср., напр., въ Сицилійской народной пѣснѣ: Scrissi cu la so'pinna Ciciruni: Pazzu chidd'omu chi a li donni cridi.

[3]) Gautier, La chevalerie, 348—349; Krabbes, 33. Въ поэмѣ Élie de Saint-Gilles, которая въ своей первой формѣ не старше половины XII в., встрѣчаемъ слѣдующее заявленіе недовѣрія къ женщинѣ со стороны Élie. Онъ говоритъ Розамондѣ въ отвѣтъ на выраженіе расположенія и на приглашеніе сразиться изъ-за нея:

Dame,.... ne sui pas a aprendre.
Salemons si prist feme, dont sovent me remenbre:
Quatre jors se fist morte er son palais meesme,
Que onques ne crola ne puing ne pié ne menbre,
Puis en fist uns vassaus toute sa conscienche.
Por la foi que vos dois, *fole cose est de feme!*
Certes, com plus le garde, donques le pert on sempre.

Здѣсь находимъ ссылку на извѣстный разсказъ о хитрости, которою жена Соломона обманула мудрѣйшаго изъ людей, чтобы отдаться своему возлюбленному. Исторію этой повѣсти можно прочесть въ извѣстномъ изслѣдованіи А. Н. Веселовскаго: „Изъ исторіи ли-

Digitized by Google

случаѣ, характеристики женщины въ chansons de geste свидѣтель-

---

тературнаго общенія востока и запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ", Спб. 1872. Г. Веселовскій возвратился къ тому же сюжету въ „Arch. f. slav. Philol.," Bd. VI, 393—411, 548—590. См. также „Die deutschen Dichtungen von Salomon und Markolf. Herausgeg. von Friedr. Vogt. Bd. I. 1880". По словамъ G. Paris, исторія эта „ne s'est pas conservée en français, au moins sous sa première forme; mais on en a des versions slaves et allemandes, et elle formait sans doute le sujet *d'un de ces contes byzantins, d'origine orientale, qui ont eu tant de succés dans la littérature* du moyen âge". Journal des Savants, août 1886, ст. G. Paris: „Publications de la Société des anciens textes français", p. 479. Ср. Cliges herausg. v. Foerster, XIX—XX, и замѣчаніе того же G. Paris въ его лекціи: „Les contes orientaux dans la littérature française du moyen âge", Par. 1875 (имѣется и въ русскомъ переводѣ съ предисловіемъ г. Шепелевича: „Восточныя сказки въ средневѣковой французской литературѣ", Одесса 1886), p. 23: „Quant aux contes innombrables, presque toujours plaisants, trop souvent grossiers, qui ont pour sujet les ruses et les perfidies de femmes, il ne sont pas nés spontanément de la société du moyen âge: ils proviennent de l'Inde et ils ont leur raison d'être dans le milieu qui les a produits.--Leurs récits furent accueillis avec plaisirs par les clercs de l' Occident, disposés à envisager à peu près de même la vie conjugale, et servirent, ici comme là-bas, à detourner de cette vie les jeunes gens tentés de l'embrasser". Переходъ сказаній о вѣроломныхъ и невѣрныхъ женахъ съ востока на западъ не подлежитъ сомнѣнію. Онъ начался съ ранняго времени. Извѣстныя Милетскія сказки отличались непристойнымъ содержаніемъ, какъ и такого же рода разсказы въ римской литературѣ. Вѣроятно, женщины выставлялись здѣсь въ нелестномъ видѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ сборникахъ разсказовъ, примѣненныхъ къ цѣлямъ поученія, встрѣчается немало грязныхъ сценъ. Милетскія же сказки могли быть заимствованы съ востока. Быть можетъ, изъ нихъ былъ взятъ Петроніемъ разсказъ о матронѣ Ефесской, о которомъ Лессингъ выразился, что эта сказка „ist unstreitig die bitterste satire, die jemals gegen den weiblichen leichtsinn gemacht worden". Исторія этого разсказа разработана весьма обстоятельно Grisebach'омъ въ книжкѣ: „Die Wanderung der Novelle von der treulosen Wittwe durch die Weltlitteratur" (Editio definitiva. Berl. 1886). На русскомъ языкѣ результаты работы Гризебаха, какъ они были извѣстны изъ 1-го изданія, изложены Буслаевымъ въ статьѣ, включенной въ недавно вышедшій сборникъ его монографій: Мои досуги, т. II, М. 1886, стр. 283 и слѣд. Милетскія сказки были извѣстны на западѣ еще въ XIII в. Éd. du Méril, Floire et Blanceflor, p. cviij. Объ отношеніи къ женщинѣ средневѣковыхъ повѣстей и разсказовъ поучительнаго направленія, заимствованныхъ съ востока, подробно говорится у Буслаева ibid., 314 и слѣд. Довольно рано также и христіанское воззрѣніе на женщину начало измѣняться не въ ея пользу подъ вліяніемъ ветхозавѣтной письменности, доставившей матеріалъ для авторовъ словъ о злыхъ женахъ. Слѣды вліянія воззрѣній этой письменности на женщину усматриваются и во французской эпикѣ. Такъ, въ Amis et Amiles читаемъ (p. 36, v. 1218—1222):

Tant par est fox qui mainte fame croit
Et qui li dist noient de son consoil.
Or sai je bien, Salemons se dist voir:
En set milliers n'en a quatre non trois
De bien parfaitez, qui croire les voldroit".

Digitized by Google

ствуютъ о томъ, что она низко стояла во мнѣніи общества того времени, а слѣдовательно и въ дѣйствительности.

Рядомъ съ отмѣченными измѣненіями въ направленіи и содержаніи французской эпики начали появляться произведенія, пародировавшія ее [1]).

Какъ извѣстно, въ первую половину среднихъ вѣковъ былъ выдвигаемъ церковью аскетическій идеалъ и для женщинъ. Какъ смотрѣли вообще на женщину, можно видѣть хотя-бы изъ Студійскаго устава. Иннокентій III воскликнулъ на Латеранскомъ соборѣ: „Пылъ предшествуетъ женщинѣ, нечестіе сопровождаетъ ее, печаль и раскаяніе слѣдуютъ за нею". По мнѣнію А. Н. Веселовскаго, „относительно высокое положеніе женщины, отведенное ей въ посланіяхъ апостола Павла и писаніяхъ первыхъ отцевъ церкви, замѣняется у средневѣковыхъ моралистовъ, стоящихъ на почвѣ церкви, тѣмъ одностороннимъ воззрѣніемъ, котораго лучшій примѣръ представляютъ притчи о злыхъ женахъ.—Церкви надо запугать плоть, и она дѣйствовала болѣе отрицательными средствами: злыя жены привлекали ея вниманіе передъ добрыми, а средневѣковой складъ мысли помогъ этимъ женамъ обобщиться въ эпическій типъ злой жены, раздутый до нельзя, послѣдующимъ развитіемъ аскетизма" („Бесѣда" 1872, № III, 249). Съ другой стороны, вѣроломство и легкомысліе женщины могли быть темами, самостоятельно развиваемыми на западѣ, между проч.—у германскихъ племенъ. Не должно забывать, что Тацитъ, говоря о нравахъ германцевъ, могъ впадать въ идеализацію. Кажется, въ связь съ страдательнымъ положеніемъ женщины и съ долго скрываемымъ замысломъ мести должно поставить норвежско-исландскіе разсказы о мстительныхъ и злыхъ женахъ, которыя, не имѣя возможности достигнуть своей цѣли силою, прибѣгаютъ къ хитрости. Въ поговорочной мудрости древнихъ германцевъ коварство и ненадежность постоянно выставляются, какъ женскія качества: Weinhold II, 355—356. Уже въ Руодлибѣ встрѣчается разсказъ о легкомысленной женѣ. Ср. по вопросу о происхожденіи повѣстей о вѣроломной женѣ этюдъ *Л. Ю. Шепелевича:* Нѣмецкая повѣсть на славянской почвѣ (Waltarius manu fortis i Walterz wdaly), Харьк. 1885. Въ Сицилійскихъ пѣсняхъ много нападокъ на женщину. Рядомъ съ разсказами и поговорками о злыхъ женахъ издревле обращался и другой рядъ разсказовъ, въ которыхъ былъ изображаемъ *типъ* вѣрной жены. См. напр., у Rohde, D. griech. Roman, 534—535. Отсюда возникновеніе препирательства о женщинахъ, не прекращавшагося начиная съ среднихъ вѣковъ. См., напр., *Tobler, Proverbia que dicuntur super natura feminarum* въ Zeitschrift für Romanische Philologie, IX (1885), 287—331, и замѣтку Novati въ Giornale storico della letteratura italiana, vol. VII (1886), 432—442. Здѣсь указаны и другія произведенія средневѣковой дидактич. поэзіи о женщинахъ. Въ позднѣйшее время новеллѣ о дурныхъ женахъ противополагались разсказы, въ которыхъ значительная доля виновности въ этомъ случаѣ взваливалась на мужчинъ. Укажемъ на La Defenzione delle Donne d'autore anonimo. Pubblic. a cura di Fr. Zambrini. Bologna, Romagnoli, 1876. Столкновеніе этихъ огульныхъ характеристикъ встрѣчается и въ нашей до-петровской литературѣ, да и въ современной.

[1]) Такъ, не позже средины XII в. появилась бурлескная поэма Audigier. См. ст. G. Paris въ Journal des Savants, juillet 1886, p. 397. Что до „Путешествія Карла В. въ Іерусалимъ и Константинополь", одной изъ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ французскихъ былевыхъ пѣсенъ, то относительно тенденціи въ шуткѣ этой былины существуетъ разно-

Digitized by Google

Такимъ образомъ, старый эпосъ не вполнѣ уже удовлетворялъ, и какъ въ нѣмецкой эпикѣ, такъ и во французской, въ XII в. усматриваются зачатки того, что́ полнѣе разовьется въ XIII в., „во всѣхъ отношеніяхъ богатомъ внутреннею жизнью и духовною дѣятельностью", какъ выразился о немъ Вильгельмъ Гриммъ. Мы видѣли, какъ въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ" начинаетъ сказываться проявленіе тонкаго чувства и вниманіе къ нѣжнѣйшимъ сторонамъ человѣческой природы. Душевныя движенія, жизнь сердца, личныя отношенія героя къ женщинѣ начинаютъ занимать вниманіе рядомъ съ важнѣйшими событіями героической жизни.

Старый эпосъ не могъ однако быть вполнѣ примѣненъ къ новымъ наклонностямъ: онъ не укладывался въ рамки новаго направленія индивидуальной и соціальной жизни, не согласовался съ изящными и утонченными чувствованіями и дворскими манерами, которыя такъ цѣнились теперь въ средѣ знати. Энтузіазмъ героизма слился со стремленіемъ къ выработкѣ большей человѣчности. Явилось юношески-возвышенное настроеніе, склонное къ идеализаціи предмета личной привязанности.

Результатомъ его въ провансальской поэзіи было развитіе „веселой науки",—„науки страсти нѣжной", какъ можно бы назвать ее словами Пушкина. Но лиризмъ трубадуровъ не въ состояніи былъ выразить новый идеалъ во всей полнотѣ. Лирика трубадуровъ была эфемерна, слишкомъ субъективна и односторонняя.

Мы видѣли, что во французскомъ феодальномъ эпосѣ XII в. обнаружилась наклонность къ романическому изложенію. Въ Германіи уже въ XI столѣтіи былъ написанъ романъ на латинскомъ языкѣ, представляющій весьма своеобразное явленіе въ вѣкъ господства на-

---

гласіе. Можно только сказать съ полною увѣренностью, что авторъ „Путешествія" зналъ „Пѣсню о Роландѣ". Характерно во всякомъ случаѣ проявленіе „de l'esprit parisien", наклонности къ фантастикѣ и изображенію приключеній въ такомъ довольно древнемъ произведеніи Каролингскаго цикла, какъ „Voyage de Charlemagne". О стилѣ „Voyage" см. этюдъ Groth'a: „Vergleich zwischen der Rhetorik im altfranzösischen Rolandslied und in Karls Pilgerschaft" въ „Arch. f. d. Studium der neueren Sprachen und Literaturen" LXIX Bd. (1883), s. 391—418. Тамъ же указаны и мнѣнія о древности этой былины. Гротъ пришелъ къ выводу, что „auch der poetische Stil der Pilgerfahrt in seiner oft an Armut gränzenden Einfachheit für ein höheres Alter dieses Gedichtes spricht, als dem Rolandsliede zugeschrieben wird".

Digitized by Google

родно-героическихъ темъ въ эпикѣ [1]). Въ этомъ произведеніи, которое называютъ древнѣйшимъ романомъ Запада и въ которомъ можно усматривать начало романа наблюденія, приписываемаго Шалемъ преимущественно германскимъ народностямъ [2]), авторъ сдѣлалъ попытку ввести героя въ современную обстановку народнаго быта и нарисовалъ нѣсколько жанровыхъ картинъ, не порывая въ тоже время связей съ народною словесностью, съ рамками героическаго эпоса и съ бродячими повѣстями. Появленіе въ Германіи XI в. *романа* изъ нѣмецкой жизни съ измышленною въ цѣломъ схемою приключеній весьма характерно. Оно подтверждаетъ домыселъ о развитіи уже въ XI в. въ различныхъ мѣстностяхъ Запада наклонности къ роману. При существованіи такого предрасположенія назрѣвавшій новый идеалъ долженъ былъ найдти выраженіе въ формѣ романа. То была и самая удобная и въ тоже время вполнѣ свѣжая на западѣ литературная форма, какъ нельзя лучше подходившая къ пробужденію глубокаго чувства и къ полету фантазіи, къ выраженію затаенныхъ стремленій, грандіозныхъ помысловъ и недовольства мысли окружающимъ и къ обстоятельной эпической разработкѣ. Къ этой формѣ уже обращалась греческая литература въ соотвѣтственный періодъ развитія. Въ періодъ средневѣковой романтики вновь долженъ былъ выдвинуться романъ, который, по мнѣнію Jean Paul'я, долженъ отличаться по преимуществу романтическимъ характеромъ. Романъ давалъ возможность унестись въ прекрасный міръ, который желали бы водворить у себя, но тщетно: казалось, этотъ міръ отошелъ невозвратно въ область прошлаго, и неоднократно раздавались жалобы на то, что новое рыцарство уклонялось отъ примѣ-

---

[1]) *Ruodlieb* der älteste Roman des Mittelalters, nebst Epigrammen, herausg. v. Seiler 1882.—*Seiler*, Culturhistorisches aus dem Ruodlieb, Trarbach 1881 (Programm des Königlichen Progymnasiums zu Trarbach, Ostern 1881).—Zeitschrift f. deutsches Alterthum u. deutsche Litteratur. Anzeiger, IX, 1 Jan. 1883, 70—106, ст. Laistner'a. Критическая замѣтка А. Н. Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1883, іюль, 112—123. Zeitchr. f. d. Alt. N. F. XV, 332—342: „Die Anordnung der Ruodliebfragmente und der alte Ruodliebus", von Seiler. Ib. XVII, 1—25: „Die lücken im Ruodlieb", von Laistner. Ib. 443—465: „Ruodlieb—Märchen in Russland", von Laistner. Germania, XVII (XXIX): „Zum Ruodlieb" von Holthausen. Др. указанія см. въ *Piper*, Die älteste deutsche Litteratur bis um das Jahr 1050 (Deutsche Nat.—Litt. herausg. v. Kürschner, I. Bd.), S. 303.

[2]) Oeuvres de *Philarète Chasles*. Le Moyen age, Par. 1876, 223—258: Sources germaniques du Roman moderne. Naissance du Roman au Moyen Age.

Digitized by Google

ровъ добраго стараго времени. Такъ XII-й вѣкъ на западѣ сталъ вѣкомъ не только любовныхъ пѣсенъ, но и рыцарскихъ романовъ.

Такъ называемые романы Круглаго Стола или бретонскаго цикла, снискавшіе къ концу XII в. полный успѣхъ во Франціи, Англіи и Германіи, и занявшіе тамъ мѣсто рядомъ съ процвѣтавшимъ дотолѣ національнымъ эпосомъ, явились самымъ характернымъ выраженіемъ новаго настроенія, охватившаго высшіе классы общества этихъ странъ, и были вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ своеобразныхъ созданій средневѣковой литературы. Бретонскіе романы представили высшіе и самые популярные идеалы времени крестовыхъ походовъ, развитія мистики, утонченной дворской жизни и средневѣковой романтики. Они были высшею ступенью въ развитіи средневѣковаго свѣтскаго эпоса, перенесеннаго въ литературу, и составили одинъ изъ переходовъ къ настоящему роману. Они были предназначены не для устной передачи, какъ chansons de geste и вообще былевыя пѣсни, а для чтенія въ кругу сеньеровъ и благородныхъ дамъ [1]). Замыселъ нѣкоторыхъ бретонскихъ романовъ былъ грандіозенъ, и они какъ бы предвѣщали появленіе въ будущемъ такого произведенія какъ „божественная комедія“. Поэма Данте завершила средневѣковую религіозную поэзію, поэзію религіозной мечтательности, видѣній, странствованій къ земному раю, загробныхъ хожденій, аллегорій, легендъ, религіознаго и схоластическаго синтеза и открывала новый горизонтъ [2]). Бретонскіе романы были такимъ же завершеніемъ стараго былеваго и чисто сказочнаго эпоса и выраженіемъ новыхъ сердечныхъ чаяній и порывовъ фантазіи. Въ романахъ Круглаго Стола средневѣковой человѣкъ еще не вполнѣ отрѣшался отъ традиціонныхъ пріемовъ эпики и въ тоже время начиналъ подходить къ личнымъ, самодѣльнымъ темамъ, къ личнымъ вымысламъ. Это былъ первый шагъ по пути приближенія къ тому болѣе зрѣлому возрасту литературнаго развитія, когда начинаетъ выступать самодѣятельность въ изобрѣте-

---

[1]) О нѣкоторыхъ изъ романовъ положительно извѣстно, что они написаны для любимой дамы автора. Таковъ романъ о Guinglain ou le Bel inconnu; таковъ и романъ, написанный Aimon'омъ de Varennes.

[2]) См. ст. Fritzsche: „Die lateinischen Visionen des Mittelalters bis zur Mitte des 12. Jahrhunderts“ въ „Romanische Forschungen“, II. Band 2. Heft (1885).

Digitized by Google

ніи [1]). Въ романахъ Круглаго Стола есть чисто сказочныя подробности. Въ одномъ изъ нихъ чудище, поцѣловавъ рыцаря, превращается въ чудную красавицу [2]). Два героя другаго романа разъѣзжаются въ разныя стороны при преслѣдованіи врага, причемъ каждая изъ двухъ дорогъ сулитъ опасности. Въ третьемъ читаемъ объ освобожденіи замка одной дамы отъ дракона [3]). Чисто сказочнымъ и также былевымъ мотивомъ надо признать и похищеніе красавицъ. Но въ тоже время въ разсматриваемыхъ романахъ народно-поэтическіе образы становятся выраженіемъ новыхъ идеаловъ. Въ бретонскихъ романахъ слились сказочныя темы, картины дѣйствительности [4]), рыцарскіе помыслы и мечты о религіозно-воинскомъ братствѣ, встрѣтившія нѣкоторое реальное осуществленіе въ духовно-рыцарскихъ орденахъ. На ряду съ изображеніемъ дѣйствительности здѣсь сказались преимущественно идеальныя стремленія времени, которыя сообразно съ общимъ характеромъ вѣка, должны были выразиться совершенно оригинальнымъ образомъ. Средневѣковые поэты дали въ бретонскихъ романахъ полный просторъ своей фантазіи, не знавшей границъ, какъ не знало предѣла своимъ героическимъ стремленіемъ рыцарство, порывавшееся вдаль и во многомъ такъ и покончившее стремленіями, рыцарство, которое обнаруживало по временамъ крайне наивное непониманіе условій дѣйствительной жизни и пренебреженіе къ здравому смыслу, какъ то доказываетъ примѣръ Ульриха фонъ-Лихтенштейнъ, опередившаго тремя вѣками Сервантесова Донъ-Кихота. Средневѣковой рыцарь не исцѣлялся отъ своего безумія такъ, какъ исцѣлился отъ него цѣною рядя горькихъ неудачъ благородный Ла-Манчскій рыцарь, уразумѣвшій подъ конецъ своей жизни призрачность своихъ идеаловъ. Средневѣковые романисты изображали

---

[1]) Бо́льшая самостоятельность въ поэтическомъ измышленіи преобладаетъ лишь въ новѣйшемъ творчествѣ. Подробнѣе см. у *Gustav'a Meyer'a*: Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde, Berl. 1885, 209—210.

[2]) Romania XV (1886), ст. G. Paris: „Études sur les romans de la Table Ronde. *Guinglain* ou le *Bel inconnu*". Ср. Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte, I (1886), 17.

[3]) Li rom. de Claris et Laris, vv. 10813—10941.—Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы отмѣтимъ цѣлый рядъ сказочныхъ повѣствованій въ романахъ Круглаго Стола.

[4]) На реальности картинъ рыцарской эпики настаиваетъ Schultz, Das höfische Leben, I, IX—X.

Digitized by Google

какъ дѣйствительность то, что представлялось ихъ воображенію высшей цѣлью ихъ стремленій.

Потому содержаніе и направленіе бретонскихъ романовъ до крайности отлично отъ содержанія и общаго тона произведеній старой національной эпики германскихъ племенъ и французовъ, отъ довольно реальнаго эпоса о Карлѣ В. и его сподвижникахъ и отъ той чисто реальной эпики, которая развилась въ средѣ горожанъ и состояла изъ забавныхъ новеллъ и разсказовъ о животныхъ [1]). Средневѣковой эпосъ о животныхъ, проникнутый сатиризмомъ уже въ латинскихъ обработкахъ, сталъ мало по малу широкою картиною жизни, въ которой народъ выставлялъ на позоръ своихъ утѣснителей, монаховъ, сеньеровъ, папъ, пародировалъ религіозный культъ, привычки рыцарства, изворотливость лицемѣрія. Здѣсь изображались люди съ дурной стороны, выводились личности, лишенныя идеализма. Совершенно противоположнымъ, возвышеннымъ направленіемъ отличались романы Круглаго Стола. Главные герои и героини его были идеальными личностями дворской среды. Они ставились въ мало знакомую кельтскую и вообще иноземную обстановку, и фантазія могла свободно уноситься въ этотъ міръ, переступая предѣлы вѣроятности. Вслѣдствіе того въ романахъ Круглаго Стола передъ нами предстаетъ міръ, полный чудесъ, міръ фей, великановъ, карликовъ, зачарованныхъ городовъ и замковъ, таинственныхъ лѣсовъ, множество приключеній въ невѣдомыхъ странахъ, и все это изображено красками, разящими своей пестротой и ярко оттѣняющими то сумракъ густыхъ лѣсовъ, подземелій, то ликованіе весенняго дня, блескъ празднествъ, турнировъ, сіяніе доспѣховъ, блескъ дамской красоты. Смѣло носится фантазія по широкому полю вымысла, создавая цѣлый рядъ исторій вполнѣ выдуманныхъ, нарушая на каждомъ шагу историческую правду и правду дѣйствительности, измышляя собственную географію. Современному читателю вскорѣ надоѣдаетъ этотъ привлекательный съ перваго взгляда миражъ; диковинки этого своеобразнаго міра начинаютъ казаться тривіальными, однообразныя похожденія рыцарей безцѣльными, вся сумятица, все оживленное движеніе не имѣющими глубокаго смысла и банальными.

Но справедливость требуетъ вникнуть глубже въ основные мотивы всей этой фантастики, а при такомъ болѣе внимательномъ разсмотрѣніи

[1]) Противоположеніе эпоса о животныхъ рыцарскому эпосу см. у Гервинуса: Geschichte der Deutschen Dichtung, I,[4] 144, 153—154.

Digitized by Google

она начинаетъ получать глубокое жизненное значеніе и раскрываетъ внутренній міръ задумчивыхъ [1]) героевъ и героинь Артуровскаго эпоса, міръ намъ понятный и даже близкій. Оказывается, что вся эта безпокойная гоньба за „авантюрами", исканіе неожиданностей и чего-то неизвѣстнаго были вызываемы томленіемъ по идеалѣ, непреодолимымъ стремленіемъ къ свѣжему, новому постиженію задачъ жизни или же къ сообразному съ этимъ идеалистическимъ пониманіемъ выполненію задачъ личности. Въ этомъ стремленіи сказывался уже поворотъ къ новому времени.

Еще многое роднитъ героевъ и героинь романовъ Круглаго Стола съ дѣйствующими лицами стараго германскаго и французскаго эпоса. Подобно послѣднимъ, витязи романовъ—доблестные бойцы, преодолѣвающіе всѣхъ противниковъ и всевозможныя опасности. Они полны удальства и задора; они готовы ежечасно вступать въ споры и поединки, подобно феодальнымъ баронамъ, охотно затѣвавшимъ ссоры. Тѣ и другіе одинаково проникнуты мужественною гордостью, одинаково дорожатъ своею честью и отстаиваютъ ее. Старый обычай кровавой мести сохраняетъ силу и въ средѣ деликатныхъ и изящныхъ рыцарей Круглаго Стола, и это не покажется удивительнымъ, если вспомнимъ, что онъ былъ въ ходу во Франціи еще въ XVII в., но только былъ прикрытъ тогда утонченными формами дворскаго лоска; держалось еще и тогда старое варварское требованіе воздаянія подъ громкимъ названіемъ долга чести. Героини новой эпики подобно прежнимъ питали презрѣніе къ рыцарямъ, которые не прославляли себя воинскими подвигами. Любовь дамы могла быть снискиваема доблестью и рыцарскимъ служеніемъ [2]). Женщины по прежнему обращались съ рыцарями довольно свободно.

Но на ряду съ этими чертами, унаслѣдованными отъ предшествовавшаго поколѣнія, герои и героини бретонскаго цикла какъ люди иного поколѣнія должны были обладать и оригинальными особенностями въ своей внѣшности и психическомъ складѣ. При этомъ

---

[1]) Li romans dou chevalier au lyon von Crestien von Troies herausg. v. W. L. Holland, zw. Aufl., Hannover, Paris 1880, v. 3335—6:

Mes sire Yvains pansis chemine
Par une parfonde gaudine.....

[2]) Начинаютъ, впрочемъ, въ романахъ Круглаго Стола обращать вниманіе уже и на достоинства характера.

Digitized by Google

однѣ изъ личностей новаго поколѣнія должны были, какъ всегда бываетъ, глубже ставить и воспринимать новый идеалъ, другія усвоивали его поверхностнѣе. Такое различіе составляетъ неизбѣжное явленіе въ тѣ періоды, когда наступаетъ исканіе и выработка новаго идеала. Повторилось оно и въ разсматриваемое время. Общество, увлекавшееся новымъ идеаломъ, представляло странную смѣсь романтики и грубо-трезваго взгляда на жизнь, возвышеннѣйшаго стремленія въ идеальный міръ высшаго совершенства и съ другой стороны пристрастія къ веселому наслажденію жизнью. Соотвѣтственно тому и образы романовъ Круглаго Стола и самые романы дѣлятся на двѣ группы.

Представители той и другой одинаково не любятъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ. Они вѣчно въ движеніи. Лишь изрѣдка они предпринимаютъ походы совмѣстно противъ враговъ ихъ края или государя, чаще они пускаются въ путь небольшой дружиной, или странствуютъ порознь, и вотъ тутъ-то, на перекресткахъ путей, отъ которыхъ они расходятся въ разныя стороны, обнаруживается глубокое различіе, отдѣлявшее однихъ рыцарей Круглаго Стола отъ другихъ.

Нѣкоторые изъ этихъ рыцарей высоко поднялись надъ идеальнѣйшими героями стараго эпоса. Стремленія Роланда были обусловлены болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ помыслы Зигфрида, но Роландъ въ свою очередь былъ опереженъ лучшими витязями новаго поколѣнія. Безспорно, Роландъ, доходившій до безразсудства въ своемъ удальствѣ и мужественно павшій въ неравномъ бою съ мусульманами за честь и славу „милой Франціи“, идеаленъ, но въ немъ еще не видно глубокой психической жизни. Проста и его религіозность. Онъ готовъ со всѣмъ пыломъ молодости сложить свою голову за честь христіанъ (Chrestientet). Онъ переходитъ въ иной міръ съ полною вѣрою и съ сердечнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ и до такой степени угоденъ Богу, что ангелы принимаютъ протянутую имъ по рыцарски перчатку и затѣмъ

Deus (li) tramist sun angle cherubin,
Seint Raphael, seint Michel del peril.
Ensemble od éls seinz Gabriel i vint,
L'anme del cunte portent en pareis.

Тѣмъ не менѣе, это не былъ вполнѣ сознательный христіанинъ; онъ не вдумывался въ ученіе церкви и раздѣлялъ фанатизмъ толпы; онъ

Digitized by Google

не ставилъ себѣ высшихъ религіозныхъ цѣлей, кромѣ борьбы противъ язычниковъ, которыхъ называлъ felun. Не таковы были совершеннѣйшіе представители рыцарства въ романахъ Круглаго Стола. Они стояли на уровнѣ высшихъ духовныхъ стремленій своего времени.

Мы видѣли, какую неудовлетворенность установившимся порядкомъ въ церкви испытывали нѣкоторые изъ лучшихъ учителей католичества въ XII и XIII вв., и какая проповѣдь раздалась на холмахъ Умбріи. Литература на народныхъ языкахъ Запада отражала тоже томленіе и стремленіе къ реформѣ нравовъ, направляя человѣчество къ высшимъ цѣлямъ религіозности. Духовенство въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, съ негодованіемъ глядѣвшихъ на то, какъ нѣкоторые монахи рядились примѣнительно къ рыцарской модѣ [1]), продолжало отстаивать строго-христіанскую мораль, прибѣгало по временамъ къ поэтическому выраженію христіанскихъ истинъ въ образахъ и олицетвореніяхъ и достигало при этомъ иногда замѣчательной художественности и изящества. Предъ нами три недавно изданныя французскія стихотворенія такого направленія. Они заслуживаютъ здѣсь вниманія, потому что могутъ объяснить до извѣстной степени идеализмъ нѣкоторыхъ рыцарей Круглаго Стола. Поэмы, о которыхъ мы говоримъ, написаны въ годы наибольшей славы этого цикла. Авторъ первыхъ двухъ стихотвореній [2]) былъ затворникъ (renclus, т. е. reclus), предъ которымъ пронеслось „много лѣтъ“. Произведенія его написаны между 1180 и 1190 гг., или же, что менѣе вѣроятно, около 1225 г. Онъ призналъ своею обязанностью обличеніе пороковъ различныхъ классовъ общества и указаніе путей выхода къ спасенію, „Car bon cuers se set bien refaire Des essemples des bien faisans“. Жизнь, какъ она течетъ всюду, не удовлетворяетъ строгаго отшельника. Церковные свѣтильники безъ свѣта, не стало вѣры въ самой церкви, любовь (Carité или charité) исчезла. O Carités, quel part

---

[1]) См. въ романѣ, цитуемомъ въ слѣдующемъ примѣчаніи, строфы CXXXIII и слѣд. Вотъ когда начинаютъ появляться среди католическаго духовенства личности, любившія щегольнуть свѣтскостью. Въ XIV в. изъ ряда ихъ выдается Петрарка. Перечень обличеній, какимъ подвергалось католическое духовенство до XII в., см. у *Bartelt*, Die Ausschreitungen des geistlichen Standes in der christlich lateinischen Litteratur bis zum XII. Jahrhundert und in den altfranzösischen Fableaus, I. Theil, Greifsw. 1884.

[2]) Li romans de Carité et Miserere du Renclus de Moiliens. Éd. critique par. A.—G. Van Hamel, T. I—II, Par. 1885 (Bibliothéque de l' École des Hautes Études, fasc. 61—62).

Digitized by Google

sejournes, спрашиваетъ поэтъ. Онъ предпринимаетъ затѣмъ безплодное и тщетное путешествіе для отысканія мѣстопребыванія этой Carité. Онъ начинаетъ розыски съ мѣстопребыванія святаго первосвященника, съ Рима, оффиціальной и, казалось-бы, постоянной резиденціи Carité; тамъ обнаружилось, что послѣдняя изгнана алчностью. Поэтъ обходитъ затѣмъ разныя страны и славные города Европы, но нигдѣ не находитъ отыскиваемой, нѣтъ ея даже во св. землѣ. Поэтъ оставляетъ тогда заморскія страны и намѣревается поискать убѣжища Carité въ самой Франціи и въ частности у Парижанъ. Онъ обращается сначала къ королю, потомъ переходитъ къ знатнымъ вассаламъ и рыцарямъ, потомъ къ клиру, не удовлетворяется и имъ, но еще не отчаявается и отправляется въ монастыри. Увы! нынѣшніе монахи не походятъ на прежнихъ. Поэтъ обращается теперь отъ великихъ міра сего къ низшему народу, къ „petites gens, pules (т. е. peuple) menus". Сколько и среди этого люда такихъ, которые не думаютъ о будущемъ вѣкѣ, которые предпочитаютъ преходящія, какъ вѣтерокъ, блага (les biens trespassables) благамъ прочнымъ! Нѣтъ, и здѣсь не найдти Carité; она не станетъ входить въ такія сдѣлки:

Ne se daigne Carités vendre
A cose ki soit de li mendre;
A plus grant aquest veut entendre.

Carité смышленѣе всѣхъ торговцовъ міра. Она выказала то пріобрѣтеніемъ не суетныхъ благъ, но знаменитаго и прекраснаго города, который Господь, послѣ паденія Сатаны и его сообщниковъ, предложилъ бѣднымъ. Поэтъ разъясняетъ затѣмъ свою мораль; указываетъ на личности, могущія послужить примѣрами благочестія; онѣ—„звѣзды земли". Поэтъ призываетъ затѣмъ каждаго подумать, что̀ скажетъ онъ на судилищѣ Божіемъ. Авторъ, сославшійся на примѣръ Іова, предвидитъ возраженія. Ему скажутъ:

—„Maistre, tu as dures paroles
Contre nos cars, ki tant sont moles.
Car tu nous vas trop pres dolant".

Такимъ рѣчамъ противопоставляется указаніе на Агнесу и другихъ святыхъ дѣвственницъ, которыя съумѣли побороть искушенія. Авторъ указываетъ на случаи, при которыхъ добродѣтель подвергается опасности. Между прочимъ

Digitized by Google

Desclosture est mout perillouse
Estre soul, et mout damajouse,
Et chil et chele sans le tiers
Ch'est une paire dangerouse [1]) etc.

Vae soli! восклицаетъ поэтъ вмѣстѣ съ Экклезіастомъ. Онъ указываетъ на позоръ, который постигаетъ не охраняющихъ себя отъ опасной встрѣчи, на то, какъ не можетъ вновь расцвѣсть разъ оборванный цвѣтникъ чистоты, и одобряетъ ту женщину, которая не поддается привычкамъ вѣка:

Fame ki au siecle soi clot,
Fame cui li siecles n'emboe,
Ki nes piés va parmi le boe,
Ki en le mer sans moillier noe,
Grant tresor garde en fraisle pot.

Погрѣшающаго мужчину моралистъ считаетъ опозореннымъ не менѣе женщины [2]) и гораздо болѣе презрѣннымъ передъ взоромъ Божіимъ. Поэтъ считаетъ мудрымъ того, кто скрывается отъ чрезмѣрнаго жара подъ тѣнь брака:

Mais donkes te tien je por sage
Kant tu lekerie guerpis,
Et quant par trop caut toi tapis
Desous l'ombre de mariage.

Повидимому отшельникъ, указывая на опасности свиданій и на привычки вѣка, имѣлъ въ виду легкую рыцарскую мораль и противопоставлялъ ей христіанскую мораль чистоты. Въ концѣ своего путешествія поэтъ заявляетъ, что онъ не нашелъ Carité „en cheste valée". Она

---

[1]) Эту строфу (CCXXIII) и слѣдующія, говорящія о вредѣ tête-à-tête, издатель (t. II, p. 331) признаетъ весьма удачными въ поэтическомъ отношеніи: „La strophe est une de plus jolies du poème; la métaphore est soutenue jusqu'à la fin et développée trés délicatement".

[2]) Въ то время были люди, относившіеся легко къ совращенію и оставленію увлеченной женщины. Авторъ романа о Guinglain такъ говоритъ объ этомъ:

Ce dient cil qui vont trecant,
Li uns le va l'autre contant:
„Peciés n'est de feme traïr".
Mais laidement sevent mentir,
Ains mout est grans peciés, par m'ame.

Digitized by Google

удалилась въ прекрасный небесный градъ. Слѣдуетъ описаніе той чудной горы, на которой находится этотъ городъ, и воззваніе къ людямъ, бродящимъ въ долинѣ изгнанія (en chest val essillous) и трудовъ (travillous).

Trop a de le folie but
Ki mius aime chest val ki put
Ke le mont de soëf odour.

Въ другомъ своемъ произведеніи—*Miserere*—Renclus de Moiliens также рѣшаетъ различные вопросы морали и призываетъ къ покаянію. Говоря о томъ, что человѣкъ долженъ оставаться господиномъ своихъ чувствъ, моралистъ указываетъ на три пути,—путь брака, путь вдовства и путь дѣвства; послѣдній труднѣе двухъ другихъ, но за то и предпочтительнѣе:

Haus est li kemins mariaus,
Et plus est chil des veves haus;
Mais gloriousement les passe
Ansdous li kemins virginaus.

Изъ тѣхъ же побужденій, что Renclus de Moiliens, исходилъ и авторъ моральнаго произведенія, которое теперь называютъ вслѣдъ за P. Meyer'омъ, Poème moral [1]). Эта поэма, написанная между 1190 и 1210 гг. и считающаяся однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній старо-французской литературы, также, какъ и предыдущія стихотворенія, имѣла цѣлью направить на истинный путь погрѣшающее человѣчество. И здѣсь находимъ, какъ и у предыдущаго автора, презрительное отношеніе къ jugleors и lecheors, представителямъ легкой поэзіи, беззаботной свѣтской морали и невысокой нравственности; и здѣсь идетъ рѣчь о скоротечности земныхъ радостей:

Qui cest secle trop siut ne vait pas droite voie,
Quar joie d'icest secle c'est uns venz, n'est pas joie,

гласятъ начальныя строки поэмы; и здѣсь говорится о томъ, cum dulce amurs est de deu a enameir, о томъ, какъ опасна красота,—ke mut est perilhose chose de beateit et que mut est foz li om qui bien seit que li anemis est fel et si ne soi vult de lui partir. Изла-

[1]) Poème Moral. Altfranz. Gedicht Herausg. von W. Cloetta. Erlangen 1886 (Romanische Forschungen herausg. v. K. Vollmöller. III. Band 1. Heft).

Digitized by Google

гается житіе св. Таисіи, раскаявшейся грѣшницы, какъ uns bons exemples as dammes qui s'orgulhent de lur beateit. Авторъ Poème moral, подобно предыдущему, также выражаетъ недовольство своимъ вѣкомъ по причинѣ отсутствія надлежащей заботливости о спасеніи душъ:

Ki le berbis deu gardent lent sunt et perizos,
Del salvement des anrmes ne sunt guaircs sonios;
Muit est mueiz li secles, li tens mut perillos,
Car teiz diut estre pastres qui est devenuz los.

Вторая часть поэмы начинается восхваленіемъ райской жизни людей, живущихъ въ Богѣ: Com chaitive est la vie de cest secle et cum delitable est cele de paradis. Но, говоря все это, и вдохновенный авторъ разсматриваемой поэмы, подобно предыдущему, не имѣлъ въ виду внушать полный аскетизмъ и не думалъ отклонять отъ свѣтской жизни. Нельзя не отдать справедливости частому проявленію практическаго смысла и широты духа, съ какими авторъ рѣшаетъ трудные вопросы. Въ послѣдней главѣ онъ говоритъ, что de queil ordene que li om soit bien soi puet salveir. Въ концѣ поэмы читаемъ:

Disons donkes avant ke deus n'at unkes cure
Donc li hom s'entremetet, mais qu'il tenie droiture.
Teilz use vin et pain et chiere vestëure,
Plus l'aimet deus ke teil ki boit de l'aiwe pure.

Въ изложенныхъ поэтическихъ очеркахъ христіанской морали для насъ интересно стремленіе поднять общество на высшую ступень религіозности, указаніе авторовъ на общую моральную несостоятельность вѣка, въ который они писали, неодобреніе общераспространеннаго въ то время кодекса рыцарской морали, исканіе моральнаго совершенства въ иной средѣ, возведеніе помысловъ къ особой, райской обители.

Подъ вліяніемъ такихъ внушеній не одинъ рыцарь поступалъ такъ, какъ поступилъ юноша, о которомъ говоритъ французскій религіозный поэтъ первыхъ десятилѣтій XIII в., Gautier de Coinsy (+1236). Этотъ юноша въ припадкѣ благочестія преклонилъ однажды колѣни передъ статуей Божіей Матери и произнесъ слѣдующій обѣтъ:

Dame, fet-il, en mon aage,
D'ore en avant vous servirai,
Car onques mais ne remirai

Digitized by Google

Dame, meschine, ne pucele
Que *tant* me fast *plaisant ne bele*....
Cest anel ci, qui moult est biaus,
Te veil doner *pur fine amor*,
Par tel convent, que jà nul jor
N' arai mais amie ne fame,
Se vous non, *bele douce Dame*.

Волей—неволей молодой человѣкъ долженъ былъ исполнить этотъ обѣтъ и разстаться съ женою ради „bele douce Dame“ и „fine amor“ къ ней:

Dou siecle toz se varia
A Marie se maria.

Ланселотъ, одинъ изъ идеальныхъ представителей галантнаго рыцарства, окончилъ свою жизнь отшельникомъ: онъ удалился отъ міра, послѣ того какъ пали въ сраженіи многіе близкіе ему люди. Это обращеніе нѣкоторыхъ героевъ свѣтской поэзіи къ аскетизму согласовалось съ дѣйствительностью того времени. Въ біографіяхъ нѣкоторыхъ трубадуровъ сохранились упоминанія о томъ, что они послѣ бурно проведенной молодости отказывались отъ земной любви и также оканчивали свой вѣкъ въ монастырѣ. Рыцари XII и XIII вв., отрекавшіеся послѣ веселой жизни отъ ея утѣхъ, поступали подобно витязямъ предшествовавшаго времени, удалявшимся отъ міра. Точно также въ позднѣйшее время въ Мазовіи и Литвѣ знатные паны не разъ старались искупить аскетизмомъ грѣхи молодости.

Другіе рыцари не удовлетворялись обычнымъ монашествомъ, которое, какъ мы видѣли, внушало негодованіе строгому затворнику de Moiliens, не пощадившему въ своей сатирѣ и высшаго клира; не удовлетворялись они и вообще обычнымъ пониманіемъ христіанства и въ тоже время желали бы достигнуть высшаго моральнаго совершенства, не отрѣшаясь отъ міра и отъ своего рыцарскаго служенія. Поэзія болѣе свѣтскаго пошиба, чѣмъ разсмотрѣнныя нами поэмы, должна была создать для такихъ рыцарей утопію высшаго совершенства и счастья. Ее мы и находимъ въ нѣкоторыхъ изъ романовъ Круглаго Стола.

Легенда объ извѣстномъ уже намъ благочестивомъ Калабрійскомъ монахѣ конца XII в., Іоахимѣ ди-Фіоре, проповѣдывавшемъ

Digitized by Google

наступленіе новой религіозной эры, гласила, что однажды передъ нимъ предсталъ юноша чудной красоты и поднесъ ему чашу. Іоахимъ испилъ изъ нея лишь нѣсколько капель и возвратилъ чашу, на что ангелъ сказалъ ему: „еслибы ты воспринялъ все содержимое въ чашѣ, отъ тебя не сокрылось бы никакое знаніе". Тоже стремленіе къ высшему блаженству религіозной мудрости охватило и нѣкоторыхъ рыцарей Круглаго Стола. Они прониклись стремленіемъ къ достиженію высшаго духовнаго совершенства. Вдохновленные мистическою вѣрой, они предпринимаютъ отысканіе св. Граля [1]), чудной реликвіи, по однимъ *чаши* Тайной Вечери, въ которую потомъ была собрана кровь Христа Іосифомъ Аримаѳейскимъ, а по другимъ—необычайнаго драгоцѣннаго камня, также имѣвшаго отношеніе къ исторіи нашего искупленія. Граль обладалъ особыми благодатными и чудодѣйственными свойствами. Онъ былъ охраняемъ на землѣ особымъ рыцарскимъ братствомъ, и лишь немногіе рыцари могли сподобиться проникновенія въ царство Граля. Служеніе св. Гралю было представляемо различно: по однимъ романамъ оно состояло въ дѣятельномъ распространеніи истинной вѣры; по другимъ оно происходило въ тиши, въ отрѣшеніи отъ остальнаго міра и не проявлялось въ какой-либо замѣтной, шумной внѣшней дѣятельности. Царство св. Граля—фантастическое царство рыцарей необычайной чистоты и святости, стоящихъ выше земныхъ радостей и утѣхъ и простыхъ земныхъ подвиговъ. Рыцарямъ Граля остается, по удачному выраженію одного писателя, погрузиться въ буддійскую Нирвану. Это царство находилось на землѣ, но только лишь—въ мѣстѣ, которое открывалось взору рыцарей, достойныхъ проникновенія въ него по безукоризненной чистотѣ, воздержанію отъ земной любви. Многіе изъ рыцарей Круглаго Стола добивались отысканія священнѣйшей изъ реликвій — Граля — и предпринимали „Queste (quête) du saint graal", но лишь немногіе сподобились получить къ нему доступъ. Различные романы усвояютъ различнымъ витязямъ эту славу; одни удѣляютъ ее Gauvain'у, другіе Персевалю, третьи Галааду. Два послѣдніе витязя свою глубокою религіозностью выдавались изъ ряда всѣхъ остальныхъ рыцарей Круглаго Стола, хотя и соблю-

[1]) О генезисѣ легенды о св. Гралѣ см. наше изслѣдованіе, вышедшее 10 лѣтъ назадъ. О новѣйшихъ работахъ по исторіи этой легенды мы предполагаемъ поговорить вскорѣ особо въ приготовленномъ нами къ печати новомъ изслѣдованіи о св. Гралѣ.

Digitized by Google

давшихъ правила и обычаи внѣшней набожности, но не проявлявшихъ своей религіозности на дѣлѣ [1]) и руководившихся, очевидно, своею свѣтскою моралью, столь рѣзко отличавшеюся отъ церковной. Галаадъ же, идеальнѣйшій представитель цѣломудреннаго рыцарства, и Персеваль—люди благочестія и глубокой вѣры, стремившіеся къ высшимъ благамъ этой вѣры, соединеннымъ съ служеніемъ св. Граалю. Такъ исторія исканія Граля становилась постепенно эпопеею восхожденія къ совершеннѣйшей рыцарственности. По идеѣ романовъ объ этомъ исканіи путь рыцарей, отыскивающихъ св. Граль,—путь людей, стремящихся къ высшему совершенству. Все глубже и грандіознѣе становился этотъ поэтическій замыселъ, отражая въ своихъ видоизмѣненіяхъ различныя направленія морали второй половины XII-го в. и начала XIII-го. Исторія Граля, дѣйствительно, превращалась въ *Haute Histoire*, какъ называли ее нѣкоторые романисты. Она получала глубокое человѣчное значеніе, отрѣшаясь отъ чисто церковнаго характера, а также фанатизма [2]), какими была проникнута вначалѣ въ нѣкоторыхъ изводахъ. Особенно глубокій смыслъ, можно сказать—даже геніальное осмысленіе получила эта исторія, по мнѣнію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ, въ „Парцивалѣ“ одного изъ знаменитѣйшихъ представителей „классическаго“ періода средневѣковой нѣмецкой литературы, Вольфрама фонъ Эшенбахъ. Вольфрамъ, по этому толкованію, изобразилъ въ своей поэмѣ восхожденіе отъ дѣтской простоты къ вѣрѣ черезъ сомнѣніе, и эта поэма—будто бы аллегорія христіанскаго ученія о спасеніи. Другіе нѣмецкіе ученые, относясь вообще скептически къ романтическому возвеличенію лучшей поры средневѣковья, къ нравственной и эстетической состоятельности образованія XII и XIII вв., не находили у Вольфрама такой глубокой творческой переработки заимствованнаго сюжета [3]). Среднее

---

[1]) См. ст. G. Paris: „Études sur les romans de la Table Ronde. Lancelot du Lac“ въ Romania X (1881), гдѣ дана и общая характеристика этихъ романовъ.

[2]) См. прозаическій романъ о Персевалѣ, изданный Potvin'омъ, и этюдъ послѣдняго въ „Perceval le Gallois ou le Conte du Graal“, six. vol., Paris MDCCCLXXII, Introduction.

[3]) Обзоръ монографій о Вольфрамѣ до 1880 г. см. въ книжкѣ *Boetticher'a:* Die Wolfram—Literatur seit Lachmann mit kritischen Anmerkung n. Berl. 1880. Перечень позднѣйшихъ работъ можно найти въ *Jahresbericht über die erscheinungen auf dem gebiete der germanischen philologie.* I—VII Jahrg. Berlin 1880—Leipz. 1886.

Digitized by Google

объясненіе усматриваетъ въ произведеніи Вольфрама „Пѣснь пѣсней рыцарства", пѣснь объ истинномъ мужествѣ (Mannesmut), а въ героѣ Вольфрама воплощеніе истинной рыцарственности: основная черта характера Парциваля—*mannes manheit, unverzaget mannes muot.* Рыцарское настроеніе его является нравственною силою жизни, которая достигаетъ самой трудной побѣды,—побѣды рыцаря надъ самимъ собою [1]). Какъ бы то ни было, нельзя не признать въ Парцивалѣ глубокой вдумчивости и глубины духа (Gemüthstiefe). Въ силу этихъ качествъ своей натуры Парциваль не могъ проходить по жизненному поприщу такъ легко и беззаботно, какъ бродили по этому поприщу другіе рыцари. Онъ глубже вникалъ въ явленія жизни, сердечнѣе воспринималъ впечатлѣнія отъ внѣшняго міра и долго былъ томимъ мучительными вопросами объ истинной рыцарственности.

Du nennest ritter; waz ist daz?

спрашивалъ Парциваль. Среди колебаній онъ впалъ на нѣкоторое время въ сомнѣніе, встрѣтился лицомъ къ лицу съ этимъ врагомъ мужественности и на время поддался ему. Тогда съ особой ясностью выступила въ немъ основная черта его характера, наклонность къ меланхолическому созерцанію жизни. Эта наклонность не доходила въ Парцивалѣ до такой крайности, до какой развилась въ нѣмецкомъ поэтѣ міровой скорби нашего вѣка, написавшемъ:

Du geleitest mich durch's Leben,
Sinnende Melancholie!
Mag mein Stern sich strahlend heben,
Mag er sinken—weichest nie!

Грусть Парциваля—грусть, вѣчно смущающая мыслящаго идеалиста даже въ мгновенія радости. Весьма интересно появленіе такой ноты въ занимающей насъ эпикѣ, изображавшей идеальное рыцарство. Она указываетъ на значительный подъемъ творчества надъ поверхностнымъ изображеніемъ дѣйствительности, какимъ отличался старый эпосъ, и на глубокій смыслъ средневѣковой романтики [2]).

---

[1]) *Böttticher*, Das Hohe Lied des Ritterthums, Berl. 1886.

[2]) Ср. въ этюдѣ Ауэрбаха: „Der Weltschmerz mit besonderer Beziehung auf Nicolaus Lenau" въ Deutsche Abende von Berthold Auerbach, Neue Folge, Stuttg. 1867, S. 209: „Das Mittelalter hat neben der Ascese dennoch bereits Spuren der Skepsis, und die Abenteu rlust, die das Leben und parallel den epischen Dichtung erfüllt, deutet auf eine äusserliche Beschwichtigung des inneren Zwiespaltes".

Digitized by Google

Утопія о царствѣ св. Граля была естественнымъ завершеніемъ рыцарскаго энтузіазма и стремленія къ идеалу. Романы о св. Гралѣ выводили рыцарей, доходившихъ до крайности въ своемъ религіозномъ идеализмѣ. Рыцари эти не только были цѣломудренны или соблюдали triuwe und staete, какъ Парциваль, питавшій возвышенную, чистую и благородную любовь *къ женѣ*, чего требовалъ отъ нихъ Renclus de Moiliens, но что не часто встрѣчалось въ тотъ вѣкъ; они проникались всецѣло высшею идеею рыцарственности. Они были достойные потомки Роланда, далеко опередившіе своего предка и своихъ мелочно сантиментальныхъ сверстниковъ. Они выполняли долгъ рыцаря, какъ опредѣляла его церковь [1]), и въ тоже время возвышались до крайней утонченности въ своемъ благочестіи, до мистицизма или до глубокой скорби.

Но, по словамъ автора Romans de Carité,

Li cuer sont de divers metal.
. . . . . .
Chil sert a Diu, chil sert au monde,
Et chil s'ordoie et chil se monde;
Chil aime pais, chil aime noise,
Chil est cois el plains de vergonde,
Chil tempeste com mers parfonde,
Cui nus fors Damedius n'acoise.
Poi sont li bon, li mal plusour,
Et li plus grant sont li piour.

Какъ сказано уже нами, немногіе рыцари Круглаго Стола принадлежали къ совершеннымъ избранникамъ. Вѣчная раздвоенность идеализма и реализма должна была имѣть мѣсто и среди совершеннѣйшихъ рыцарей міра, какъ называются обыкновенно рыцари Круглаго Стола въ романахъ этого цикла [2]). Большинство рыцарей Артуровой дружины увлекались всѣми радостями жизни, не забывая, конечно, и обязанности,

---

[1]) См. Li Romans de Carité, строфы XXXIX—LIV и Miserere, CLVI, 6—8.

[2]) Et cil de la table roonde
Qui sont la meilleur gent del monde.
Li Romans de Claris et Laris herausg. von Alton (169-te Publication des Litterarischen Vereins in Stuttgart), Tübingen 1884, v. 19936—19937.

Digitized by Google

налагаемой требованіями рыцарской чести,—не оставаться въ бездѣйствіи и вѣчно искать новыхъ случаевъ къ подвигамъ [1]). Въ этой смѣнѣ борьбы и увеселеній и проходило время большинства рыцарей Круглаго Стола. Они не удалялись отъ міра, а напротивъ, находили много прелести въ жизни. Они умѣли веселиться при дворѣ короля Артура и на празднествахъ, которые были устраиваемы вассалами Артура. Это были веселые участники дворскихъ празднествъ, настоящіе „дворскіе" рыцари. Придворный лоскъ, куртуазія, составлялъ одно изъ главныхъ ихъ достоинствъ. Какъ и витязи древняго времени и феодальной поры, рыцари Круглаго Стола искали чести и славы. Подобно тѣмъ они были одушевляемы чувствомъ чести, были мужественны, „fiers", „hardis", „corageux", „preux", носили иногда грозныя прозвища въ родѣ „li Sauvages", „li Desdaigneux", превосходили своею храбростью всѣхъ своихъ противниковъ и торжествовали надъ ними. Но, при всемъ томъ, героизмъ рыцарей Круглаго Стола—не героизмъ до-рыцарскаго времени, потому что и сами они уже не такіе грубые, суровые, необходительные витязи, какъ герои древне-германскаго и каролингскаго эпоса. Это уже не прежніе закаленные въ битвахъ бойцы, мало поддававшіеся другой любви кромѣ любви къ отечеству, сюзерену, товарищамъ по ратному дѣлу, предпочитавшіе иногда хорошаго коня прекрасной дамѣ. Новый идеалъ заключалъ въ себѣ нѣсколько героическихъ чертъ древне-германскаго, но былъ гораздо утонченнѣе. Тѣ рыцари, которые увлекались имъ, становились мягче, проникались благороднымъ настроеніемъ, исполнялись возвышенныхъ чувствованій, соблюдали рыцарскую честь даже въ отношеніяхъ къ противникамъ, рискуя своею безопасностью. Одни изъ этихъ рыцарей впадали, какъ мы видѣли, въ религіозный мистицизмъ; другіе склонялись къ иному мистицизму, болѣе свѣтскому. Струя чувственности, проходящая черезъ поэзію трубадуровъ и черезъ средневѣковую мелкую повѣствовательную литературу французовъ, пробивается и въ рыцарскихъ романахъ, но здѣсь не рѣдко чувственность облекается въ облагороженную форму, подводится подъ болѣе или менѣе утонченное понятіе о любви. Любовь,

---

[1]) Нѣсколько данныхъ для характеристики этихъ рыцарей собрано въ книжкѣ *Alton'a*: Einiges zu den Charakteren der Artussage. Wien 1883.

Digitized by Google

какъ принципъ, становится одною изъ главныхъ доблестей рыцаря. Мы видѣли, что въ Каролингскомъ эпосѣ женщина являлась искательницею любви, а мужчина былъ изображаемъ въ роли не обожателя, но любимаго. Теперь подвиги рыцаря часто проистекаютъ изъ любви и совершаются во имя любимой дамы; побѣжденные ея рыцаремъ заявляютъ иногда о томъ предъ его дамой. Не видимъ прежняго пренебреженія къ любви. Напротивъ, она возводится на пьедесталъ, какъ источникъ славныхъ дѣяній [1]) и какъ достоинство истиннаго рыцаря. Начинаетъ проявляться и въ романахъ то представленіе о любви, которое вызветъ современемъ слѣдующія слова Guido Guinicelli:

. . . lo cor, ch'è fatto da natura
Schietto, puro e gentile,
Donna, a guisa di stella, lo innamora,

и слова Данта: Amore e cor gentil sono una cosa. Рыцари Круглаго Стола были „sages“, но любовь которой они подпадали иногда, совершенно не согласовалась съ брачнымъ правомъ, и увлеченные ею забывали всѣ внушенія разума. Извѣстенъ одинъ изъ эпизодовъ въ жизни Ланселота, ярко характеризующій это пренебреженіе рыцаря даже къ условному понятію чести, когда дѣло шло о любимой дамѣ. Возлюбленную Ланселота, жену короля Артура, прекрасную Женьевру, увезъ одинъ изъ витязей, враждебныхъ Круглому Столу. Ланселотъ пустился въ погоню за похитителемъ. На встрѣчу Ланселоту попалась телѣга, и ея возница пообѣщалъ рыцарю настигнуть вскорѣ королеву, лишь бы только Ланселотъ сѣлъ на телѣгу. Для рыцаря

---

[1]) Claris, v. 1602 suiv:.... sans amors ne porroit estre
Nul chevalier de si bel estre
Ne, ou tant eust cortoisie,
Ne valor de chevalerie,
Car chevalerie descent
D'amours, dont toz li biens descent.
D'amour descent chevalerie,
D'amour vient tote seignorie
D'amor descent vigor te force.

Выборку сентенцій о любви изъ другихъ романовъ см. въ *Kadler*, Sprichwörter und Sentenzen der altfranzösischen Artus—und Abenteuerromane, Marb. 1886 (Ausgab. u. Abh. veröffentl. von Stengel, XLIX), s. 44—48.

Digitized by Google

было позорно ѣхать на телѣгѣ, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, что телѣга была предназначена для преступниковъ. Разумъ указывалъ на это влюбленному рыцарю и отклонялъ его отъ безразсуднаго и унизительнаго поступка. „Разумъ, который не есть любовь, говоритъ Ланселоту, что послѣдній проклянетъ этотъ день. Разумъ, которому онъ не можетъ внять, убѣждаетъ его не предпринимать ничего, что могло бы принести ему безчестіе, но не въ сердцѣ находится разумъ, который проповѣдуетъ и порицаетъ, любовь же пребываетъ въ глубинѣ души. Она влечетъ, громко вопіетъ, чтобы онъ взошелъ на телѣгу Что̀ изъ того, что онъ потерпитъ порицаніе и безчестіе? Любовь приказываетъ, и онъ всходитъ на телѣгу“ [1]). Какъ извѣстно, Тристанъ даже исчахъ отъ любви. Вообще на нѣкоторыхъ изъ героевъ Круглаго Стола виденъ отпечатокъ нѣжно—меланхолическаго настроенія, какого не найдти въ величавыхъ геройхъ древнегерманскаго и карловингскаго эпоса. Такимъ же болѣе нѣжнымъ складомъ своей натуры отличаются и женщины, которыхъ изображали романы о рыцаряхъ Круглаго Стола. Онѣ—не идеально-величавыя героини старо-германскаго эпоса и не вознесенныя не пьедесталъ дамы трубадуровъ и донны итальянскихъ поэтовъ XIII в. Кое-что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ напоминаетъ героинь каролингскаго эпоса, напр. чувственность и бевстыдство, иногда прикрываемыя, впрочемъ, приличіемъ, такъ какъ любовь, по рыцарскому кодексу, должна быть соблюдаема въ тайнѣ, но рядомъ съ наслѣдіемъ прежняго времени выдвигаются новыя черты. Извѣстнѣйшія изъ дамъ бретонскаго цикла—Гвенивара, жена короля Артура, которая любила Ланселота и была любима имъ, и бѣлокурая Изольда, возлюбленная Тристана. Онѣ совсѣмъ не похожи на соблюдавшихъ до смерти вѣрность мужу героинь древнегерманскаго и французскаго эпоса, не похожи на женъ, которыя были преданы мужьямъ, и отдавались этому долгу съ удивительною силою воли, проявлявшеюся среди самыхъ ужасныхъ обстоятельствъ. Героини Круглаго Стола не эти строгія германки, часто сидящія въ

---

[1]) Ср. въ романѣ о Floire et Blanceflor, vv. 1387—1428, описаніе борьбы Savoir и Amors во Флорѣ. Верхъ взяла любовь. Ср. въ Equitan Маріи Французской (изд. Варнке), vv. 19—20:

tel est la mesure d'amer
que nuls n'i deit raisun garder.

Digitized by Google

одиночествѣ и тоскливо дожидающіяся возвращенія любимаго жениха или мужа [1]); онѣ—свѣтскія дамы, появляющіяся на празднествахъ въ кругу рыцарей, имѣющія друзей среди этихъ рыцарей. Рыцарская поэзія говоритъ подробно объ ихъ красотѣ, граціи и оттѣняетъ ихъ женственность [2]). Это не столько героини, сколько вообще женщины. Это личности тонкаго чувства и сердечной элегантности. Онѣ также способны умереть отъ несчастной любви, какъ и героини древне-германскаго и французскаго эпоса [3]), но не рѣшатся на самоубійство подобно германкамъ. Иногда любовь этихъ женщинъ преступна, вопреки внушеніямъ церкви и закона отдана не жениху или мужу, а постороннему „другу", вслѣдствіе чего G. Paris называетъ типъ женщины, выдвинутый бретонскими романами, крайне опаснымъ и антисоціальнымъ; но въ тоже время эта полная кипучей страсти любовь была изящна и прикрыта лоскомъ galanterie, была чувствомъ не поверхностнымъ, но глубокимъ, постояннымъ и стыдливымъ, и въ изображеніе ея было вложено много прелести, искренней простоты и даже въ сущности—чистоты и стыдливой граціи, такъ что художественное изображеніе этой несчастной страсти достигало нѣкотораго моральнаго воздѣйствія. Оно могло очищать страсти, которыхъ не могло искоренить, возвышало душу въ самой страсти [4]).

---

[1]) См., между прочимъ, chansons d'histoire въ изданіяхъ Барча: Altfranzösische Romanzen und Pastourellen, Leipz. 1870, и Alte französische Volkslieder, übers. v. K. Bartsch, Heidelberg. 1882.

[2]) *Renier*, Il tipo estetico della donna nel Medioevo, Ancona 1885, 25—43. La donna si voleva sottile, slanciata, delicata, quasi a contrapposto del tipo estetico maschile, che doveva avere l'impronta della robustezza. L'uno rappresentava la grazia; l'altro la forza (p. 39).

[3]) Сравн. со смертію Оды смерть Изольды: послѣдняя обращается со слѣдующими словами къ не дождавшемуся ея прибытія, бездыханному Тристану:

„Amis Tristrans, quant mort vus vei,
Par raisun vivre puis ne dei.
Mort estes pur la meie amur,
E jo muer, amis, de tendrur,
Quant a tens ne poeie venir".
Dejuste lui va dunc gesir,
Embrace li e si s'estent,
Sun esprit al tant rend.

[4]) *Potvin*, De la corruption littéraire en France, Brux. et Leipz. 1873, 225—228.

Digitized by Google

Любовь повергала далеко не всѣхъ героевъ Круглаго Стола въ томленіе Тристана; обыкновенно она не отклоняла отъ подвиговъ, а напротивъ сообщала еще болѣе мужества. Но теперь измѣнились подвиги рыцаря, и онъ ставилъ себѣ не тѣ задачи, какія были предъ витяземъ до-рыцарскаго времени. Теперь рыцари отличались не столько въ общихъ бояхъ за отечество, какъ геры Карла В., не столько въ борьбѣ изъ за интересовъ своего господина, сколько въ борьбѣ съ личными противниками, на которыхъ наталкивались случайно. Они испытывали различныя авантюры, странствуя часто безъ особой надобности и безъ всякаго разсчета на извлеченіе какой—либо выгоды изъ своихъ побѣдъ. Награду за всѣ невзгоды, какія приходилось переносить во время постоянныхъ и продолжительныхъ странствованій, они находили въ мысли о томъ, что они принадлежатъ къ славному братству Круглаго Стола. Кратковременное пребываніе въ столицѣ этого братства при дворѣ короля Артура возвышало духъ и вдохновляло къ новымъ подвигамъ. Тамъ можно было видѣть цвѣтъ рыцарства, la floz de tout le monde, въ особенности на блестящихъ празднествахъ, которыя устраивалъ король Артуръ въ день Пятидесятницы и др. Романисты часто и подробно описывали эти празднества. Дворъ короля Артура былъ знаменитѣйшій дворъ во всемъ мірѣ. Отовсюду стекались въ Британію рыцари, наслышавшіеся о cortesies рыцарей Круглаго Стола. Они являлись ко двору Артура, чтобы свести знакомство съ доблестными витязями и поучиться рыцарскому вѣжеству. И не былъ тотъ вполнѣ courtois, кто не побывалъ хоть разъ въ славной резиденціи Артура. Въ высшей степени было почетно удостоиться тамъ чести. Потому-то стремился такъ въ Британію въ числѣ другихъ и юный Александръ, сынъ Византійскаго императора, несмотря на всѣ увѣщанія отца, который былъ готовъ даже передать сыну корону, „Constantinoble la riche“ и „totc Grece“, лишь бы тотъ остался дома. Александръ продолжалъ настаивать на своемъ:

Car einçois que chevaliers soie,
Voudrai servir le roi Artu.
N'ai pas ancor si grant vertu
Que je poïsse armes porter.
Nus ne m'an porroit enorter
Par proiiere ne par losange
Que je n'aille an la terre estrange

Digitized by Google

Veoir le roi et les barons,
De cui si granz est li renons
De corteisie et de proëce.

Александръ развивалъ передъ отцомъ мысль о томъ, что рыцарь можетъ пріобрѣсти славу лишь въ странствованіяхъ:

Ne s'acordent pas bien ansanble
Repos et los, si con moi sanble [1]).

Такъ думали и рыцари Круглаго Стола. Они считали потерею чести долго оставаться на одномъ мѣстѣ. Дворъ короля Артура былъ лишь общимъ ихъ центромъ, въ которомъ они собирались послѣ ряда подвиговъ, чтобы, проведши Пятидесятницу или другой какой-нибудь великій праздникъ, затѣмъ вновь разойтись въ разныя стороны или предпринять какую-нибудь богатырскую поѣздку въ небольшой компаніи. Путь, предлежавшій рыцарямъ Круглаго Стола, не разстилался гладью. Онъ велъ къ постоянно встрѣчавшимся авантюрамъ, опасностямъ и столкновеніямъ, словомъ то былъ путь тернистый. Рыцари вполнѣ безкорыстно обрекали себя на грозившія имъ невзгоды и лишенія. Не съ драконами, стерегущими сокровище, боролись они, какъ герои древне-германской саги, не добычи и пріобрѣтеній искали они, какъ древне-германскіе витязи, которые стремились прежде всего къ наживѣ и ради нея вступали въ служилыя отношенія и соблюдали вѣрность господину. Напротивъ, рыцари Круглаго Стола были сами щедры, не заботились о пріобрѣтеніяхъ, иногда не искали даже извѣстности и, одержавъ блистательную побѣду на турнирѣ, быстро скрывались такъ, что заинтересованные зрители не могли узнать имени побѣдителя. Цѣль рыцарскихъ подвиговъ была иная—борьба ради высшей общей идеи, борьба со всѣми врагами этой идеи, гдѣ бы они ни встрѣтились. Не долго приходилось искать этихъ враговъ. Короли и рыцари, не принадлежавшіе къ братству Круглаго Стола, относились къ его рыцарямъ враждебно, между прочимъ—изъ зависти, негодуя на громкую славу, какою пользовались рыцари короля Артура, какъ лучшіе рыцари въ свѣтѣ. Потому этимъ послѣднимъ доводилось встрѣчать противниковъ даже не вдалекѣ отъ столицы

[1]) Christian von Troyes sämtliche Werke. I. Cliges zum ersten Mal herausg. von W. Foerster, Halle 1884, v. 64 -168.

Digitized by Google

Артура. Проѣхавъ небольшое разстояніе, они тотчасъ же наталкивались на самыя разнообразныя авантюры. Они попадали въ наводившіе меланхолію дикіе, безконечные, полные чаръ лѣса въ родѣ Broceliande, въ заколдованные города и замки, вообще въ опасныя мѣста, которыя часто носили даже грозныя названія (Mont Douloureux, замокъ Orgueilleux, Gué perilleux и т. п.). Рыцари Артура наталкивались на волшебные источники, постоянно встрѣчались съ враждебными рыцарями, великанами, карликами, отшельниками, феями, львами, драконами. Имъ приходилось видѣть разнаго рода „fantosmerie", преодолѣвать различныя чары, побѣждать владѣтелей замковъ, бороться противъ высокомѣрія и несправедливостей, пособлять подвергшимся нападенію и всѣмъ дамамъ и рыцарямъ, находившимся въ утѣсненіи, освобождать плѣненныхъ рыцарей и дамъ, защищать правое дѣло противъ злобы. Дружба соединяла рыцарей Круглаго Стола, какъ и нѣкоторыхъ героевъ стараго эпоса, и когда исчезалъ изъ виду какой-нибудь рыцарь, другіе пускались въ поиски за нимъ, и иногда это отыскиваніе бывало весьма продолжительно и наталкивало на цѣлый рядъ новыхъ авантюръ. Вообще рыцари выказывали охоту къ самымъ смѣлымъ похожденіямъ. Борьба изъ-за дамъ занимала видное мѣсто въ подвигахъ рыцарей короля Артура, и въ отношеніи къ дамамъ они отличались самою утонченною куртуазіею, сохраняя въ тоже время вполнѣ воинскую доблесть. Потому-то такъ неравнодушны были къ нимъ и дамы. Красавицы, сидѣвшія въ замкахъ, радушно и предупредительно встрѣчали рыцарей Круглаго Стола и быстро увлекались ими, какъ быстро влюблялись и героини старо-французскаго эпоса. Все это совершалось въ странахъ, почти совершенно баснословныхъ, въ обстановкѣ, не встрѣчавшейся на христіанскомъ западѣ въ дѣйствительности, въ которой не находили удивительныхъ мѣстъ и сооруженій, описываемыхъ романами.

Такимъ образомъ, помимо нѣкоторыхъ реальныхъ подробностей въ описаніяхъ дворской жизни и помимо вѣрнаго въ общемъ изображенія характеровъ рыцарей и дамъ, въ романахъ Круглаго Стола господствовала фривольность воображенія и полная фантастика. Англійскій писатель Lee [1]) охарактеризовалъ весьма тонко то преобладаю-

[1]) *Vernon Lee*, Euphorion, Lond. 1884, vol. II, 78 и слѣд.

Digitized by Google

щее впечатлѣніе неопредѣленности, расплывчатости, туманности, какое выноситъ читатель изъ нѣкоторыхъ романовъ этого цикла. Они повидимому неистощимо богаты поразительными картинами, проявляютъ тонкое чувство, но въ тоже время приторно-многословны, запутанны, монотонны, состоятъ изъ ряда приключеній, имѣющихъ мало внутренней связи и происходящихъ часто въ фантастическихъ странахъ—въ царствѣ св. Граля, въ области феи Морганы и т. п. Здѣсь идеализмъ доходитъ до удивительнаго отрѣшенія отъ реальности. Въ этой поэзіи особенно ярко сказалась одна изъ особенностей психической жизни человѣка—невозможность жить однимъ хлѣбомъ насущнымъ, невозможность примиренія съ душною дѣйствительностью. Суровая и неприглядная дѣйствительность вызывала контрастъ въ поэзіи [1]). Такъ было не разъ въ исторіи человѣчества, и неоднократно находились личности, которыя присоединились бы къ заявленію Руссо: „Le pays de chimères est, en ce monde, le seul digne d'être habité... Il n'y a de beau que ce qui n'est pas".

Вліяніе новой дворской эпики, выдвинувшейся въ Артуровскомъ циклѣ, было громадно. Оно утвердилось не безъ протестовъ и не безъ борьбы, но напрасны были указанія труверовъ, пристрастныхъ къ старой національной эпикѣ, на правдивость ея сказаній [2]) и на лживость повѣствованій о Кругломъ Столѣ [3]). Одинъ изъ этихъ труверовъ, Жанъ Бодель изъ Арраса, въ началѣ своей поэмы о Саксонцахъ, говоря о трехъ главныхъ развѣтвленіяхъ французской эпики, назвалъ бретонскія сказки не только пустыми, но и пріятными. Этотъ отзывъ трувера, отдававшаго предпочтеніе реальному національному

---

[1]) Противоположность поэзіи и дѣйствительности въ средніе вѣка ярко разрисована въ статьѣ Gebhart'a: „La vie réelle et la poésie en Italie et chez les peuples d' Occident au moyen âge" въ его книгѣ „De l' Italie. Essais de Critique et d' Histoire", Par. 1876.

[2]) См., напр., начальные стихи *Fierabras* (publ. par Kroeber et Servois въ Les anciens poetes de la France. Publ. sous la dir. de Guessard, Par. MDCCCLX).

Seignour, or faites pais. s'il vous plaist, (escoutez)
Canchon fiere et orible, (jamais meilleur n'orrez).
Ce n'est mie menchoigne, mais fine verités.

[3]) *Kr. Nyrop,* Den oldfranske heltedigtning. Kôbenh. 1883, 250. Имѣется и итальянскій переводъ этой цѣнной монографіи (Storia del epopea francese nel medio evo, Fir. 1886), сдѣланный Gorra.

Digitized by Google

эпосу chansons de geste, эпосу, который вполнѣ отображалъ эпоху, когда царило насиліе, былъ одностороненъ, потому что отмѣчалъ преимущественно лишь одну сторону бретонскихъ романовъ, но и въ этомъ отзывѣ не была скрыта привлекательность новаго цикла. Успѣхъ романовъ Круглаго Стола какъ нельзя лучше показываетъ, что ихъ повѣствованія не были только „суетны“ по сужденію большинства современниковъ, и недаромъ Артуровскій эпосъ взялъ верхъ надъ старымъ эпосомъ такъ, что какъ-бы вторично

Mort sont Ogier et Charlemainne.

Послѣ сухости, царившей въ средневѣковой латинской литературѣ, послѣ господства односторонней былевой эпики въ свѣтской поэзіи, послѣ преобладанія кровавыхъ картинъ и изображеній сценъ хотя и величественныхъ, но ярко оттѣнявшихъ на ряду съ простотой грубость древне-германскаго героическаго времени и феодальной эпохи, освѣжительно и увлекательно долженъ былъ дѣйствовать на слушателей и читателей новый эпосъ, рисовавшій болѣе свѣтлыя картины, говорившій о высшихъ задачахъ и радостяхъ жизни, о красотѣ природы [1]) въ соотвѣтствіи съ душевною жизнью героевъ и героинь, объ ихъ мечтахъ и страданіяхъ души. Вспомнимъ, въ какую глубокую задумчивость погрузился Парциваль при видѣ капель крови на ярко блиставшемъ снѣгѣ. Бретонскіе романы открывали передъ высшимъ обществомъ новую поэзію въ жизни, поэзію, о которой отчасти издавна говорила народная лирика и не-героическая эпика. Бретонскіе романы выдвинули на первый планъ въ идеалистической литературной эпикѣ элементы, занимавшіе дотолѣ второстепенное положеніе, и несмотря на свою фантастичность заключали въ себѣ много внутренней правды, насколько послѣдняя имѣетъ мѣсто въ фантастикѣ. Въ этомъ они приближались къ народной

[1]) Имѣемъ въ виду въ романахъ описанія временъ года, преимущественно весны и въ особенности веселаго мая и ликованія всей природы, составляющія вводныя части, предшествующія отдѣльнымъ эпизодамъ. Описанія эти по большей части стереотипны, были дѣломъ рутины и напоминаютъ подобныя же картины народныхъ пѣсенъ и лиро-эпическихъ произведеній, но все же свидѣтельствуютъ о живомъ чувствѣ природы Прекрасныя замѣчанія о шаблонности средневѣковыхъ описаній весны и лѣсовъ, почти исключительно останавливавшихъ на себѣ вниманіе поэтовъ, см. въ Lee, Euphorion, vol. I: The outdoor poetry, 119 и слѣд. Объ описаніяхъ природы въ древнѣйшихъ англійскихъ романахъ см. ст. O. Dolch'a: „The Love of Nature in the Early English Poetry“ въ Progr. d. Annen—Realschule zu Dresden, 1882.

Digitized by Google

поэзіи и, какъ увидимъ, во многомъ исходили изъ нея. Какъ провансальская [1]), итальянская и нѣмецкая дворская лирика, такъ и дворская эпика Артуровскаго цикла черпала изъ народной поэзіи, неоднократно вторгавшейся въ средніе вѣка въ литературу. Такъ и въ бретонскихъ романахъ сказалось благотворное вліяніе народной поэзіи, которая является вѣчно свѣжимъ источникомъ обновленія, сообщаетъ новыя силы даже вырождающейся книжной и искусственной поэзіи [2]) и вносила въ средніе вѣка жизненность даже въ скудныя вдохновеніемъ и чувствомъ поэтическія творенія монаховъ. Но сверхъ введенія въ литературу сказочно-былеваго содержанія и тона такъ-называемыхъ женскихъ народныхъ пѣсенъ, Артуровскій эпосъ явился выраженіемъ новыхъ сердечныхъ чаяній, назрѣвавшихъ откровеній новаго идеала, жившаго пока въ фантастикѣ поэзіи и мечты. Поэзія брала на себя провозглашеніе этого идеала и выдвигала новую мораль, въ которой было много разрушительнаго по сравненію со старымъ Домостроемъ, но также и много свѣжихъ началъ. Артуровскій эпосъ обращался къ юношескому настроенію, возстановлялъ подобно дворской лирикѣ права сердца, окружалъ ореоломъ поэтичности любовь, которая до того времени не выступала въ такомъ поэтическомъ освѣщеніи, и былъ одною изъ двигательныхъ силъ великаго культурнаго перелома, совершившагося въ XII в. Привлекательность Артуровскаго эпоса во многомъ соотвѣтствовала той привлекательности, какую представляла для интеллигентныхъ личностей первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка новая романтика, бывшая реакціей псевдоклассической героической эпикѣ и односторонней разсудочности и сухости новоевропейской классической поэзіи.

Бретонскіе романы могли приносить удовлетвореніе людямъ обоихъ крайнихъ направленій въ жизни и представляли опытъ примиренія этихъ направленій, правда—не совсѣмъ удачный [3]).—Мы ви-

---

[1]) *Römer*, Die volksthümlichen Dichtungsarten der altprovenzalischen Lyrik, Marb. 1884 (Ausg. u. Abh. veröff. v. Stengel, XXVI).

[2]) См. *Kleinpaul*, V. d. Volkspoesie, 1870. О весьма характерномъ отношеніи Гёте къ народной пѣснѣ см. въ Goethe—Forschungen von Woldemar Freiherr *von Biedermann*, Neue Folge, Leipz. 1886, Goethe und das Volkslied.

[3]) Ср. взглядъ Кардуччи въ рѣчи о Петраркѣ: „Prima di lui, fuori dell'epopea nazionale di natura sua e sociale, l'arte era fra due termini o, meglio, fra due precipizi,

Digitized by Google

дѣли, что въ романахъ Круглаго Стола были выражены поэтически мечты объ идеальномъ рыцарствѣ и о подъемѣ рыцарства до высшаго совершенства, между прочимъ—и до высшаго религіознаго служенія, какое было внушаемо рыцарству духовенствомъ [1]). Въ романахъ о св. Гралѣ рыцарству были предъявлены христіанскія требованія необходимаго нравственнаго совершенства, и потому неправъ Готье, исключающій бретонскіе романы изъ истинно-рыцарской литературы. Напротивъ, въ эпикѣ бретонскаго цикла лучше чѣмъ въ какихъ-либо иныхъ произведеніяхъ отразилось настоящее рыцарство, рыцарство не ранней феодальной поры, а времени крестовыхъ походовъ. Бретонскіе романы характеризуютъ весьма отчетливо столкновеніе и взаимное проникновеніе свѣтской морали и духовной, столкновеніе, которое имѣло въ то время мѣсто повсюду, въ томъ числѣ и на Руси. Струя религіознаго энтузіазма, проходящая чрезъ эти романы, не была обязана своимъ введеніемъ въ рыцарскую поэзію только клеркамъ въ родѣ Вальтера Мапа. Какъ мы уже говорили прежде, не должно забывать, что въ средѣ рыцарства были люди различныхъ пошибовъ. Нѣкоторые отдавались со всею искренностію высшему религіозному призванію; другіе любили блестящую свѣтскую жизнь, веселое времяпрепровожденіе, общество дамъ. Эти послѣдніе рыцари зачитывались романами о Ланселотѣ, о любовныхъ томленіяхъ Тристана и Изольды. Въ романахъ о Ланселотѣ и Тристанѣ увлекало изображеніе непреодолимой силы любви и ея всемогущества, разсказъ о любви дѣйствительной, а не измышленной или заключавшей въ себѣ много рефлексіи, какъ любовь многихъ трубадуровъ и даже Данте; въ названныхъ романахъ трогало повѣствованіе о любви страстной и въ тоже время несчастной, отъ которой воздерживала строгая мораль [2]) и,

---

la santità e il peccato, lo sfinimento ascetico e la materialità grossolana: in mezzo, brutto e pericoloso ponte, la convenzione o cavalleresca o scolastica". Presso la tomba di Francesco Petrarca in Arquà il XVIII luglio MDCCCLXXIV. Discorso di Giosuè Carducci, In Livorno 1874, p. 6.

[1]) Характерно, что св. Францискъ приравнивалъ свое монашеское воинство къ рыцарству Круглаго Стола.

[2]) Романъ о Ланселотѣ подвергся церковному запрещенію. Позднѣе осудили также романъ о Floire et Blanceflor, передавая который на итальянскомъ языкѣ, Боккаччіо писалъ, что приключенія Флора „udendo la gentilissima donna, senza comparazione le piacquero... Certo grande ingiuria riceve la memoria degli amorosi giovani pensando alla gran costanza de' loro animi, i quali in un volere, per la amorosa forza, sempre furono fermi, serbando si ferma fede,..."

Digitized by Google

казалось, должно было воздерживать холодное величіе, въ какомъ должна была пребывать дама, воспѣваемая трубадурами и первыми итальянскими поэтами, изображавшими въ ней ангелоподобное существо. Любовь въ родѣ любви Ланселота и Тристана была въ модѣ въ рыцарское время, и опоэтизированіе такой любви въ романахъ Круглаго Стола заключало въ себѣ тѣмъ болѣе привлекательности, что его находили въ немногихъ другихъ эпическихъ произведеніяхъ. Даже болѣе строгій читатель могъ отнестись къ этимъ несчастнымъ влюбленнымъ такъ, какъ отнесся Данте къ извѣстнымъ Паоло и Франческѣ, увлекшимся сладкой мечтой (dolci pensier) и пагубнымъ примѣромъ Ланселота и Гвеннивары. Суровый моралистъ осудилъ ихъ на заключеніе въ аду, но все-таки былъ полонъ глубокаго состраданія. Франческа, сказалъ онъ, выслушавъ ея объясненіе касательно горести, угнетавшей чету влюбленныхъ,

. . . . . i tuoi martiri
A lagrimar mi fanno tristo e pio.

Франческа изложила затѣмъ передъ Данте исторію зарожденія преступной страсти, и поэтъ заключилъ описаніе этой сцены слѣдующими словами:

Mentre che l'uno spirto questo disse,
L'altro piangeva sì, che di pietade
I'venni men così com'io morisse;
E caddi, come corpo morte cade.

Въ началѣ VI-й пѣсни „Ада“ Дантъ еще разъ вспоминаетъ о скорби, которую испыталъ при видѣ Паоло и Франчески:

Al tornar della mente, che si chiuse
Dinanzi alla pietà de' duo cognati,
Che di tristizia tutto mi confuse... [1]).

---

[1]) Inf. V, 116—117, 139—142; VI, 1—3. Мнѣ такъ перевелъ эти стихи:

. . . . . „Твоей судьбы угрозы
И горестный, Франческа, твой разсказъ
Въ очахъ рождаетъ состраданья слёзы“
. . . . . .
Такъ духъ одинъ сказалъ, межъ тѣмъ такъ грустно
Рыдалъ другой, что въ скорби наконецъ
Я обомлѣлъ отъ повѣсти изустной
И палъ безъ чувствъ, какъ падаетъ мертвецъ.
Съ возвратомъ чувствъ, къ которымъ входъ закрылся

Digitized by Google

Тѣмъ болѣе проникались сердечнымъ участіемъ къ излюбленнымъ героямъ и героинямъ романовъ менѣе суровые читатели. Съ особымъ интересомъ и увлеченіемъ читали и слушали

de Tristram e de la reïne,
de lur amur *qui tant fu fine*,
dunt il ourent meinte dolur;
puis en mururent en un jur [1]).

Однимъ словомъ, въ бретонскихъ романахъ находили поэзію идеала, сливавшагося съ дѣйствительностью, изображеніе двоякаго идеала, который стремилось осуществить все высшее общество Запада. Здѣсь встрѣчали также блестящія описанія, разительныя картины, нѣжность чувства, истинность страсти, пріятность и легкость стиха. Все это сообщало чарующую силу дворской эпикѣ. Обаяніе, какое производила она, хорошо очерчено въ слѣдующихъ словахъ Potvin'a о знаменитѣйшемъ изъ романистовъ Круглаго Стола, Chrestien'ѣ de Troyes: „Поэтъ подымается, окидывая вдохновеннымъ взоромъ собраніе. Возвысивъ голосъ, онъ читаетъ, сопровождая музыкальнымъ аккомпаниманомъ, звучные стихи, и гармонія риѳмы повторяется въ каждомъ восьмисложномъ стихѣ. Аудиторія не пропускаетъ ни одного его слова, потому что онъ переноситъ въ магическую область возвышенной славы и задушевнѣйшей любви. Онъ читаетъ и слушающіе какъ бы видятъ, какъ истинный рыцарь, типъ влюбленнаго, защитникъ слабыхъ и красоты, странствуетъ по свѣту для защиты утѣсненныхъ, состязается въ мужествѣ и благородствѣ съ самыми храбрыми и благородными и завоевываетъ лучшую изъ красавицъ своею вѣрностью и героизмомъ; и аудиторія приходитъ въ волненіе, проникается экзальтаціей, умиляется и восторженно апплодируетъ поэту идеала". „Слушая романъ о Cliges, рыцари приходятъ въ волненіе, на глазахъ благородныхъ

При видѣ мукъ двухъ родственныхъ тѣней,
Когда печалью весь я возмутился,—
Иныхъ скорбящихъ, рядъ иныхъ скорбей
Я зрѣлъ вездѣ....

[1]) Die Lais der Marie de France, herausg. von K. Warnke, Halle 1885, Chievrefoil, v. 7—10. О воспроизведеніи сценъ романа о Тристанѣ въ произведеніяхъ искусства см. *Hucher*, Lettre à M. Paulin Paris sur les représentations de Tristan et d'Yseult dans les monuments du moyen âge (Extrait du Bulletin de la Société d'Agriculture, Sciences et Arts de la Sarthe, Mai 1871).

Digitized by Google

дамъ показываются слезы. Поэтъ поетъ о горестяхъ сердца и орошаетъ свои стихи слезами истинной страсти....“ [1]).

Вскорѣ незнакомство съ исторіями Артура, Мерлина, Ланселота, Тристана стало признакомъ необразованности. Въ теченіе долгаго времени даже серьезные умы извлекали моральныя наставленія изъ самыхъ фривольныхъ сценъ романовъ [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ сценъ находили себѣ мѣсто даже въ церковныхъ изображеніяхъ [3]). Проповѣдники, желая заинтересовать слушателей по средневѣковому обычаю какимъ-нибудь анекдотомъ, вставляли въ свою рѣчь имя Артура. По одному свидѣтельству, при дворахъ оставалась въ забвеніи скорѣе библія, чѣмъ романы объ Артурѣ.

Сюжеты бретонскаго цикла стали общеевропейскимъ достояніемъ. Справедливо замѣтилъ Вольтеръ: „Notre langue et nos belles-lettres ont fait plus de conquêtes que Charlemagne“ [4]). Сѣверныя саги начали вплетать въ исторію германскихъ героевъ имена Артура и британскихъ витязей. Въ сѣверной литературѣ водворился романтическій вкусъ, и она начала пополняться переводами романтическихъ произведеній юго-запада [5]). На отдаленномъ востокѣ, въ Іерусалимѣ, вспоминали Круглый Столъ среди рыцарскихъ увеселеній. Исторіями брет. героевъ увлекся даже греческій востокъ, гдѣ явился цѣлый рядъ переложеній романовъ Круглаго Стола [6]). Въ меньшемъ количествѣ проникали эти романти-

[1]) *Potvin*, Nos premiers siècles littéraires, t. I, Brux. 1870, Le roman à la cour de Philippe d'Alsace et de Bauduin le Courageux, p. 5, 7. [2]) Hucher., l. c., 4—8.

[3]) См. еще *Antoniewicz*, Ikonographisches zu Chrestien de Troyes, Erl. u Leipz. 1890.

[4]) Краткій очеркъ этого вліянія см. въ *Lefebvre Saint-Ogan*, Essai sur l'influence franç., deux. ed., Par. 1885.

[5]) Merlinus-spá въ Corpus poet. bor. II, 372 и слѣд. Breta sögur въ Annaler for nordisk oldkyndighed og historie, udgivne af det kongelige nordiske oldskrift-selskab. 1848, Kjöbenhavn, 102—215. Статья *Kölbing*-a: „Die nordische Parzivalsaga und ihre Quelle“ въ Germania XIV (1869), 129—181, и его же „Nachtrag zur Parzivalssaga“ ib. XV, 89—94. *Riddara-sögur* (Percevals saga, Valvers þáttr, Ivents saga, Mirmans saga) zum ersten Mal herausg. von Kölbing, Strassburg 1872. *Kölbing*, Die nordische und die englische Version der Tristan-Sage. Erster Theil. Tristrams saga ok Isondar. Heilbr. 1878. И др.; см. *Möbius*, Catalogus librorum islandicorum et norvegicorum aetatis mediae. Lipsiae MDCCCLVI, p. 79, 131; cf. p. 43; его же Verzeichniss der auf dem Gebiete der Altnordischen Sprache und Literatur von 1855 bis 1879 erschienenen Schriften, Leipz. 1886.

[6]) Ὁ πρέσβυς ἱππότης. Ein griechisches Gedicht aus dem Sagenkreise der Tafelrunde. Herausg. von Ellissen, Leipz. 1846. *Gidel*, Études sur la littérature grecque moderne. Imitations en grec de nos romans de chevalerie depuis le XII-e siècle. Par. MDCCCLXVI. *Nicolai*, Geschichte der neugriechischen Literatur, Leipz. 1876, 75 fgde. Существовала даже еврейская обработка сказанія о Круглomъ Столѣ. Въ дополненіе къ *Karpeles* Ge-

Digitized by Google

ческія исторіи въ славянскій міръ, но все-же не остался чуждъ ихъ и послѣдній [1]). Слава Артура нашла откликъ даже въ торговомъ мірѣ городовъ Тевтонскаго ордена на пограничьи со славянствомъ. Такъ, въ Данцигѣ былъ *Artushof* (Curia regis Arthus) [2]). Наибольшею извѣстностью и наиболѣе продолжительнымъ авторитетомъ пользовалась рыцарско-романтическая эпика въ романскихъ земляхъ юго-запада и въ Англіи, гдѣ она нашла наиболѣе воспріимчивую почву. Судьбы ея здѣсь представляютъ значительный интересъ, потому что ими были обусловлены многовѣковое существованіе и развитіе рыцарско-героическаго идеала на Западѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы попытаемся прослѣдить судьбы разсматриваемой эпики въ главныхъ литературахъ запада и ея вліяніе на литературное творчество, нравы и жизнь, чтобы тѣмъ яснѣе было значеніе средневѣковой романтики и тѣмъ отчетливѣе выступили условія, при которыхъ она укоренялась и развивалась.

Мы начнемъ съ эволюціи романтики въ Италіи: на Апеннинскій полуостровъ бретонскій циклъ проникъ рано, быть можетъ—ранѣе, чѣмъ въ другія страны западно-европейскаго континента, сосѣднія съ Франціей, и Италія вмѣстѣ съ тѣмъ заняла особое положеніе въ отношеніи къ этой романтикѣ. Въ Италіи романы Круглаго Стола и приключеній испытали иную участь, чѣмъ въ другихъ земляхъ Запада. На родинѣ древне-римской цивилизаціи они сразу столкнулись съ особымъ направленіемъ культуры, и рыцарскій идеализмъ ихъ подвергся мало по малу своеобразной переработкѣ, фантастика получила нѣсколько иное освѣщеніе, и въ романтику привзошли новые элементы. Въ Италіи затѣмъ уже во второй половинѣ XVI в. произошелъ переливъ романтики средневѣковой въ романтику новую. Всѣмъ этимъ Италія рано (со времени Чосера) начала вліять на судьбы романтики въ др. странахъ Запада.

Итакъ, очертимъ отношеніе итальянцевъ къ рыцарской романтикѣ вплоть до позднѣйшаго времени.

---

schichte d. Iüdischen Lit., Berl. 1886, s. 709 и 1022, слѣд. указать на изданіе этой обработки по рукописи Vaticana.

[1]) Чешскій Tristram изданъ былъ Ганкою въ Starobylá Skládanie, Djl čtwrtý, W Praze 1820. О нѣмецкихъ источникахъ чешскаго романа см. *Knieschek,* Der čechische Tristram u. Eilhart v. Oberge, Wien 1882; здѣсь указана предшествующая научная литература о чешскомъ Тристанѣ. О проникн. друг. отгол. брет. цикла въ слав. земли скажемъ далѣе.

[2]) Возникновеніе этихъ Artushöfe относится къ началу XIV в. *Hirsch,* Danzigs Handels-und Gewerbsgeschichte, Leipz. 1858, 202 fgde. Ср. *K. H. Freiherr Roth von Schreckenstein,* Die Ritterwürde und der Ritterstand. Freiburg i B. 1886, s. 248, 634. *Lohmeyer,* Geschichte von Ost-und Westpreussen, 1-te Abth., zw. Aufl., Gotha. 1881, s. 224.

Digitized by Google

II.

Средневѣковая романтика въ Италіи.

Сказанія брет. цикла начали проникать къ итальянцамъ весьма рано [1]). По изслѣдованіямъ Райны, этими сказаніями интересовались синьоры той части долины По, которая носила названіе Marca Trivigiana,—въ тѣ годы, когда марка эта славилась блескомъ гражданственности, роскошью жизни, слыла страною веселья и любви. На др. оконечности Италіи также рано (около 1211 г.) встрѣчаются слѣды сказаній объ Артурѣ, оказывающихся въ мѣстномъ пріуроченіи. Воображеніе Норманновъ перенесло Артура въ Сицилію, гдѣ славный король, раненый, пребывалъ будто бы въ сообществѣ своей сестры, феи Морганы. Находились люди, утверждавшіе, что они видѣли даже коней Артура... Это одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ чрезвычайной популярности Артуровой саги и быстраго обнародненія ея [2]). Были и въ Италіи XIII в., какъ и въ другихъ странахъ Запада, люди, ожидавшіе пришествія Артура [3]).

Итальянцы уже съ нач. XIII в. были хорошо знакомы съ романами брет. цикла въ оригиналахъ [4]), и у нихъ составилась мало по малу

---

[1]) См. статьи *Rajn*-ы: „Contributi alla storia dell'epopea e del romanzo medievale, V. VI. Gli eroi Brettoni nell'onomastica italiana del secolo XII" въ Romania XVII (1888) 161—185, 355—365; дополненіе—въ Romania XVIII, 66.

[2]) *E. Martin*, Zur Gralsage, Strassb. 1880, 32—34; *Nutt*, Studies on the Legend of the Holy Grail etc., Lond. 1888, 196—198. Статья *A. Graf*-а: „Appunti per la storia del ciclo brettone in Italia" въ „Giorn. stor. della letter. it.", vol. V (1885), p. 85—102; статья *Pitrè*: „Le Tradizioni cavalleresche popolari in Sicilia" въ Romania XIII (1884), p. 391—392. [3]) Graf. l. c., 109—110; Pitrè ib.

[4]) Уже Foscolo замѣтилъ, что булла Иннокентія III „palesa che fossero libri noti già da tre o quattro generazioni innanzi che Dante nascesse".—Немало данныхъ о Кругломъ Столѣ въ Италіи собрано въ цит. ст. Graf-а. См., далѣе, предисл. къ *La Tavola Ritonda, o l'istoria di Tristano*, pubblic. per cura e con illustr. di F. L. Polidori, Bol., 1864—66, voll. 2; предисл. къ *I Cantari di Carduino* giuntovi quello *di Tristano e Lancielotto* quando combattettero al petrone di Merlino. Poemetti cavaller. pubbl. per cura di P. Rajna, Bol. 1873; сверхъ того—*Bartoli*, I primi due secoli della letter. ital., Mil. 1880, 218—219, 251—252, 279—280.—Древнѣйшіе отголоски брет. фабулъ въ ит. письменности указаны въ Pantheon-ѣ Goffred-а da Viterbo (1-я ред. не позже 1186 г. Graf, 116—117) и въ лат. поэмѣ, напис. ок. 1192 г. и какъ бы свидѣтельствующей о томъ, что фабулы Круглаго Стола были тогда уже достаточно извѣстны въ Италіи (ib. 102). Самое раннее свидѣтельство въ ит. поэзіи относится къ роману о Тристанѣ, который былъ излюбленнѣйшимъ (ib. 104).—Въ поэмѣ *Intelligenza* вкратцѣ передано все содержаніе Tavola Rit. Изъ Li livres dou trésor видно знакомство Брунетто Латини съ li romant объ Артурѣ, съ пророчествами Мерлина. Выдержка изъ романа о Тристанѣ и Изольдѣ, находящаяся въ Tresor, перепечатана Renier-омъ въ Il tipo estet. etc., 169—171.

Digitized by Google

довольно значительная рыцарская литература, но Круглый Столъ не привлекалъ вниманія и не вызывалъ творчества въ такой мѣрѣ, какъ сюжеты франц. національной эпики. Послѣдніе пользовались благосклонностію всего ит. народа, брет. же циклъ былъ по преимуществу достояніемъ знатнаго общества, хотя вообще въ Италіи не было такого разъединенія между литературою знати и литературою остальнаго народа, какое имѣло мѣсто на остальномъ Западѣ. Въ XIII в. въ Италіи были въ ходу франц. тексты романовъ. Изъ нихъ узнали о мудромъ и вѣщемъ Мерлинѣ, который съ 30-хъ годовъ XII в. пользовался громкою извѣстностію на Западѣ и слылъ однимъ изъ величайшихъ пророковъ. Такую же извѣстность въ Италіи Мерлинъ сохранялъ вплоть до 2-й половины XVI в. Его славнымъ именемъ пожелали воспользоваться боровшіяся партіи, и какой-то Riccardo, жившій въ Мессинѣ, составилъ, по желанію импер. Фридриха II, новое собраніе пророчествъ на франц. языкѣ въ духѣ, враждебномъ Римской куріи [1]); въ XIV в. продолжали измышлять пророчества, касавшіяся Италіи [2]). Ок. 1270 г. Рустиціанъ изъ Пизы составилъ сводную исторію Круглаго Стола [3]). Обработка этой исторіи на ит.яз. относится уже къ XIV в. [4]), а равно переводъ на Тосканское нарѣчіе романа о Мерлинѣ [5]) и составленіе по-латыни поэмы о Тристанѣ [6]). Не перечисляя иныхъ древнѣйшихъ ит. произведеній, относящихся къ брет. циклу, замѣтимъ, что вообще этотъ циклъ, бывшій крайнимъ поэтическимъ выраженіемъ рыцарскаго настроенія, какъ оно сложилось въ родныхъ странахъ дворско-рыцарской утонченности, не вполнѣ подходилъ къ складу ит. жизни и входилъ *въ итальянскую литературу* медленно [7]).

Мораль романовъ и вообще рыц. мораль проникала въ среду ит. горожанъ, какъ и въ прованс. буржуазію, но вначалѣ старый обычай дѣлалъ скудныя уступки новому вѣянію. Браки даже и не въ средѣ аристократіи заключались нерѣдко по разсчету.

Не удивительно потому, что въ любовной поэзіи воспѣвались не столько дѣйствительныя личности, сколько традиціонные типическіе

[1]) Въ пророчествахъ этихъ все зло, какое будетъ имѣть мѣсто около 1260 г., приписывается клеркамъ. См. *Hersart de la Villemarqué*, Myrdhinn ou l'enchanteur Merlin, Nouv. éd., Par. 1862, p. 353—355. Вильмарке отмѣчаетъ, между проч., стремленіе автора дать „aucun bon exemple“ и наклонность къ морализированію. [2]) Graf, l. c., 120.

[3]) О ней обстоятельнѣе будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго очерка.

[4]) *Bartoli*, Storia della letter. it., III, Fir. 1880, 79. *Gaspary*, Gesch. d. italienischen Liter., I (Berl. 1885), 174 и 501; II (1888), 256 и 671.

[5]) См. ниже прим. на стр. 106. [6]) Graf, l. c., 115—116.

[7]) Перечень романовъ брет. цикла, вошедшихъ въ печатную ит. литературу начиная съ XV в., см. въ *Zambrini*, Le opere volgari a stampa dei secoli XIII e XIV. Ed. quarta, in Bol., 1878; *Melzi e Tosi*, Bibliografia dei romanzi di cavalleria italiani, Mil. MDCCCLXV.

Digitized by Google

образы. Въ школѣ *dolce stil nuovo* пробивалось уже въ значительной мѣрѣ истинное чувство, но воспѣваніе его все еще отличалось искусственностію: была выражаема любовь особая, вполнѣ эѳирная, любовь внѣ-брачная; даже въ самое искреннее выраженіе чувства примѣшивалась ученость, философское осмысленіе.

Такая концепція любви, находившей выраженіе въ поэзіи, вырабатывалась въ Италіи медленно и постепенно. Исходнымъ ея пунктомъ былъ провансальскій способъ пониманія и изображенія любви. Уже въ провансальской поэзіи преобладалъ мистицизмъ воображенія, чувство возводилось въ метафизическую идею, происходило смѣшеніе чувства съ общею идеею, были въ ходу разсужденія о сущности любви. Итальянцы углубили общее направленіе провансальской лирики. Въ провансальской поэзіи дама являлась и обладательницею и источникомъ совершенства. Любовь къ ней поднимала носителя этого чувства на высшую ступень рыцарственности и дворскости (куртуазіи); любовь внушала ему чувство чести, учтивость, изящество нрава и доставляла славу. Въ итальянской поэзіи Болонской школы и Тосканской школы „новаго стиля“ обожаемая дама оказывается на недосягаемой высотѣ, какъ ангелоподобное существо, какъ отображеніе на землѣ міра, недоступнаго нашему вѣдѣнію. Она внушаетъ совершенно платоническую любовь, и эта любовь является источникомъ добродѣтели и познанія, доставляетъ обожателю совершенство философа.

Такъ отозвалось въ средніе вѣка мистическое преображеніе любви, начавшееся у Платона [1]), продолжавшееся въ христіанской философіи и ожившее съ особою силою въ Италіи. Задолго до Гёте въ итальянской поэзіи проводилась мысль, близкая къ той, которою заканчивается вторая часть Фауста. Въ концѣ этого колоссальнѣйшаго поэтическаго созданія новаго времени Chorus mysticus, хоръ духовъ, обитающихъ въ горнихъ странахъ и принадлежащихъ къ небу, такъ поетъ объ отношеніи міра земнаго и небеснаго:

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichnis;

---

[1]) Новѣйшіе этюды о Платоновскомъ эросѣ: а) въ „Wissenschaftliche Beilage zum Programm des Luisenstädtischen Gymnasiums, Ostern 1886: Die Rede des Sokrates in Platons Symposion und das Problem der Erotik. Von *M. Koch*. Berl. 1886“. б) *M. Resl*, Verhältniss der fünf ersten im platonischen Symposion vorkommenden Reden zur Rede des Sokrates und Alkibiades. Brody 1886.

Digitized by Google

Das Unzulängliche,
Hier wird's Ereignis;
Das Unbeschreibliche,
Hier ist's gethan:
Das Ewig-weibliche
Zieht uns hinan [1]).

То Das Ewig-weibliche, о которомъ говорится здѣсь, представало въ видѣніяхъ уже нѣкоторымъ средневѣковымъ поэтамъ, между прочими—и Данте [2]).

Замѣчается въ Италіи и обратное теченіе, направлявшееся на встрѣчу тому, которое совершалось въ чисто свѣтской поэзіи. Одновременно съ обожествленіемъ земной любви происходило проникновеніе рыцарской идеи любви въ монашескую среду, очеловѣченіе божественной любви. Интереснѣйшій примѣръ этого очеловѣченія, встрѣчающагося и во французской средневѣковой поэзіи, находятъ у св. Франциска Ассизскаго и у другихъ итальянскихъ мистиковъ, въ особенности у Якопоне да Тоди.

Такой формулировки и такого господства достигла идея любви надъ совѣстью итальянцевъ въ XIII в., вторгаясь даже въ мистику и

---

[1]) По толкованію Düntzer-a (Deutsche National—Litteratur. Historisch—Kritische Ausgabe herausg. v. Kürschner, 93. Band. Goethes Werke, XII, II. Teil, 296), „Was uns dahin zieht, ist die Liebe, der Grundton reiner Weiblichkeit, der Drang nach der Gottheit, durch den „der edle Mensch auch in seinem dunklen Drange sich des rechten Weges wohlbewusst ist"--*Ewig-Weibliche*, das Ideal der Weiblichkeit, das von Ewigkeit an im Himmel war, wovon auf der Erde sich nur ein Abglanz findet". Ср. объясненіе заключительной сцены Фауста у *Harnack-a*: Goethe in der Epoche seiner Vollendung, Leipz. 1887, s. 245—246: „Was ihm (Фаусту) bleibt, ist nur der innere Gewinn, der grossartige Idealismus einer Natur, die sich mühsam durchgerungen und aus tausendfach verschlungenen Pfaden „den rechten Weg" doch schliesslich gefunden hat. Kein selbstsüchtiger Wunsch trübt die Reinheit seiner letzten Worte.--Erst an das Ende des Lebens ist also hier der Gewinn seiner Einsicht gestellt, welcher die selbstlose und zweckvolle Gestaltung der Tätigkeit erst hervorbringen kann, und der weiter Fortschritt auf dieser Bahn wird in das jenseitige Leben verlegt, das als fortwährendes Empordringen geschildert wird, angezogen von der Macht der ewigen Liebe.--Engel und beseligte Menschen vereinigen sich, zuletzt erscheint selbst die Himmelskönigin, um die Neuaufgenommenen in immer höhere Sphären heraufzuziehen Ward aber bisher das Bemühen des strebenden Menschen, das ihn zur Erlösung führt, vor allem geschildert, so wird im Gegensatze dazu hier die erlösende göttliche Liebe und die Hingabe des Menschen an diese als das Vollendende gepriesen" etc.

[2]) Ср. Les trois L du Dante. Nouvel essai d'un commentaire sur le chant I de la Divine Comédie Trois. édition. Kolozsvár. Florence, 1886. P. 12.

Digitized by Google

въ сферу науки. Она-то и обусловливала до времени Боккачьо отношеніе итальянской литературы къ эпикѣ рыцарской по преимуществу, т. е. къ романамъ Круглаго Стола.

Въ высшей степени интересно взглянуть, какъ отнесся къ нимъ съ точки зрѣнія этой общей поэтической идеи XIII в. геніальнѣйшій и универсальнѣйшій поэтъ средневѣковья, который былъ живою энциклопедіею своего времени и извѣдалъ въ высочайшей степени скорби и чистѣйшія радости земнаго существованія, въ томъ числѣ и идеализмъ любви, выше которой не могло быть въ этомъ мірѣ. Сужденіе Данте о романахъ бретонскаго цикла представитъ намъ образецъ критики этихъ произведеній съ точки зрѣнія высшей идеалистической концепціи, существовавшей въ то время, и покажетъ, какъ отзывались о герояхъ Круглаго Стола стоявшіе за строгую не-рыцарскую мораль образованные итальянцы, сходившіеся съ мнѣніемъ церкви.

Тѣ намеки, какіе имѣются въ поэмѣ Данте, свидѣтельствуютъ, что моральный кодексъ, изложенный Барберино, не вполнѣ соотвѣтствовалъ дѣйствительности того времени, и въ послѣдней имѣли мѣсто уклоненія отъ него. Дантъ нарисовалъ устами своего предка Каччьягвиды картину житья во Флоренціи въ старые годы, прославилъ чистоту нравовъ и простоту въ то доброе старое время и ихъ противопоставилъ вырожденію и развращенію своего времени. Онъ восхваляетъ прежнихъ флорентинокъ за ихъ домосѣдство, занятіе домашними работами, заботы о дѣтяхъ [1]). Прямо говоритъ Данте о своихъ современницахъ въ томъ мѣстѣ Чистилища [2]), гдѣ находимъ осужденіе безстыдства и свободныхъ манеръ флорентійскихъ доннъ. Такимъ образомъ, Данте выступалъ за нравы времени до половины XII в. противъ нравовъ рыцарскаго времени. Онъ ополчался противъ послѣднихъ во имя блага семьи, какъ и теперь противники женской эмансипаціи ратуютъ за сохраненіе заботливыхъ матерей для семьи. Ставя на пьедесталъ идеалъ *умной* домовитой жены, Данте такъ выразился о женской cortesia: „Nulla cosa in donna stà più bene, che cortesia.... Cortesia e onestade è tutt'uno“ [3]). Во имя этого идеала Данте осудилъ

[1]) Paradiso, XV, 97 и слѣд.

[2]) Purgat. XXIII, 98 и слѣд. Ср. Inf. XVI, 67 и слѣд.

[3]) Convito, lib. II, cap. 11. Выборку мѣстъ о cortesia изъ произведеній Данте см. у *Poletto*, Dizionario Dantesco, vol. I, Siena 1885, 390—391.

Digitized by Google

рыцарскую любовь, любовь Ланселота и Тристана. Послѣдователи ихъ и самъ Тристанъ помѣщены у Данте въ томъ мѣстѣ ада, гдѣ

Подземный вихрь не престающій
Несетъ неудержимо души,
Кружа, разя ихъ, удручаетъ [1]).

Идеальнѣйшій представитель рыцарства времени, предшествовавшаго бретонскому циклу, Роландъ, оказался у Данте въ раю согласно съ апоѳеозой этого героя въ Пѣснѣ о Роландѣ. Не въ такой чести у Данте знаменитѣйшіе рыцари Круглаго Стола. Тристана Данте увидѣлъ во II-мъ кругѣ Ада вмѣстѣ съ Парисомъ, Еленою и другими погибшими изъза любовной страсти, приведшей къ нарушенію святости брака [2]). Можетъ быть, Тристанъ былъ осужденъ кружиться въ вихрѣ согласно съ Сицилійскимъ преданіемъ объ Артурѣ и его витязяхъ [3]). Если Ланселотъ избѣжалъ у Данте участи Тристана и своихъ послѣдователей, Франческо da Polenta и Паоло Малатесты [4]), то это объясняется раскаяніемъ подъ старость Ланселота, ставшаго отшельникомъ [5]).

---

[1]) Inferno V, 31—33.

[2]) Inf. V, 67.

[3]) См. объ этомъ сказаніи ниже—въ 1-й главѣ, а также въ послѣдней 1-го отдѣла настоящаго изслѣдованія.

[4]) О Франческѣ см. *Morandi*, La Francesca di Dante, Città di Castello, 1886. То мѣсто романа о Ланселотѣ, которое оказалось роковымъ для Паоло и Франчески, указано. См., напр., въ комментаріи Скартаццини (La Divina Commedia, riveduta nel testo e commentata da Scartazzini, vol. I, Leipz. 1874, p. 46—48). Ср. The Edinburgh Review 1883, April, „The Malatestas of Rimini", 325—326. Извѣстно, какъ высоко цѣнятъ критики эпизодъ *Ада* о Франческѣ. Приведемъ сужденіе Ампера, который такъ говоритъ въ своемъ „Voyage Dantesque" о посѣщеніи Римини: „A cette heure brillante et mêlée de ténèbres, au bord de cette mer dont le murmure mélodieux et mélancolique semblait m'apporter à la fois des soupirs d'amour et des gémissements, j'éprouvais cette émotion suavement douloureuse que porte au coeur le récit tendre et triste de Francesca. La poésie humaine n'a rien de plus simple et de plus profond, de plus pathétique et de plus calme, de plus chaste et de plus abandonné que ce récit". *J.-J. Ampère*, La Gréce, Rome et Dante, six. éd., Par. 1884, p. 338.

[5]) Упоминаніе объ этомъ у Данте находимъ въ IV-мъ Trattato Convivio, въ разсужденіи о томъ, che faccia la nobile anima in decrepitezza. Здѣсь говорится о старости: „Rendesi dunque, a Dio, la nobile anima, in questa età; et attende la fine di questa vita, con molto desiderio; et uscire le pare del albergo e ritornare nella propria mansione; uscire le pare di cammino e tornare in città; uscire le pare di mare e tornare a porto.... Certo il cavaliere Lancillotto non volle entrare colle vele alte, nè il nobilissimo nostro Latino, Guido Montefeltrano. Bene questi nobili calaron le vele delle mondane operazioni, chè, nella loro lunga età, a religione si rendero, ogni mondano diletto et opera diponendo".

Digitized by Google

Быть можетъ, и Куниццу, возлюбленную Сордельо Мантуанскаго, Данте помѣстилъ въ сонмѣ блаженныхъ душъ въ раю потому, что зналъ ее въ старости покаявшеюся [1]). Король Артуръ не нашелъ тамъ мѣста, между тѣмъ какъ Карлъ В. вознесенъ на небо Марса. Вообще у Данте немного именъ Артурова цикла и намековъ на сказанія бретонскихъ романовъ [2]), съ которыми онъ былъ однако знакомъ. Видимо онъ относился къ романамъ Круглаго Стола не совсѣмъ благосклонно. Онъ расходился съ ними совершенно во взглядѣ на достоинство личности и на любовь, какъ идеальное влеченье. Не сочувствуя условной рыцарской морали, Данте примкнулъ къ другой условности, къ концепціи любви, какъ она сложилась въ итальянскихъ поэтическихъ школахъ второй половины XIII в., углубившихъ провансальскую концепцію. Такимъ образомъ, будучи знакомъ съ обѣими сосѣдними романскими литературами, французскою и провансальскою, Данте склонялся во взглядѣ на любовь болѣе къ направленію послѣдней. Приближаясь къ поэзіи трубадуровъ, ставъ на точку зрѣнія, къ которой въ Италіи пришли путемъ дальнѣйшаго развитія провансальскаго ученія, Данте проявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ независимость въ своемъ творчествѣ. Беатриче называетъ Данте другомъ, какъ дама рыцарской поэзіи [3]), выражаетъ ему свою благосклонность между проч. такъ, какъ могла заявить строго ревновавшая о своей чести возвышенно обожаемая дама рыцарскаго времени своему идеальному почитателю [4]), но въ тоже время она далека отъ дамъ трубадуровъ [5]).

---

[1]) Ср. Renier, La vita nuova e la Fiammetta, p. 8. Ср. примѣчаніе Bianchi къ Parad. IX, 34—36 (La Commedia di Dante Alighieri, novam. rived. nel testo e dichiarata da Bianchi, ott. ediz., Firenze 1885, p. 570). Въ Раю же, на планетѣ Венеры, помѣщена у Данте и блудница Раавъ.

[2]) См. еще, кромѣ приведенныхъ мѣстъ, Inf. XXXII, 61.

[3]) L'amico mio. Inf. II, 61.

[4]) См. слова Данте о чудной райской улыбкѣ блаженной Батриче и замѣчаніе объ этой улыбкѣ у Renier, p. 202. Ср. Parad. XVI, 13--16:

Onde Beatrice, ch'era un poco scevra,
Ridendo, parve quella che tossio
Al primo fallo scritto di Ginevra.

Здѣсь улыбка Беатриче уподоблена улыбкѣ подруги Королевы Женьевры въ романѣ о Ланселотѣ.

[5]) По словамъ Hettner'a (Italienische Studien, Braunschw. 1879, 34), „die herrlichen Sonette und Canzonen der Vita nuova von der läuternden Gewalt der Liebe singen mit einer Gluth und Wahrheit tiefinnersten Erlebnisses und mit einer Feinfühligkeit psychologischer Selbstbelauschung, die dem Dichten der Troubadours noch völlig fremd ist"...

Digitized by Google

Извѣстно крайнее одухотвореніе образа Дантовской Беатриче, сліяніе съ нимъ аллегоріи, символики и мистики. На основаніи такихъ чертъ нѣкоторые изслѣдователи даже совершенно отрицаютъ реальность этого образа. Извѣстно и возвышенное значеніе, какое Данте придавалъ своей любви къ Беатриче. Эта любовь выдвинула Данте изъ толпы и возвысила его духъ [1]). Беатриче послѣ своей смерти стала еще прекраснѣе въ представленіи Данте. Въ Божественной Комедіи Данте явился пѣвцомъ любви, которая не можетъ быть разрушена смертію любимой личности, явился пѣвцомъ неразрывнаго союза душъ, укрѣпляющаго добродѣтель, поэтомъ которой называлъ себя Данте (*il Poeta della rettitudine*). Какъ однако это отвлеченное представленіе о любви и возвеличеніе ея отзывалось въ дѣйствительности, показываетъ примѣръ самого Данте. Въ его время, по прежнему, поэтичность и возвышенность любви вполнѣ исключала сенсуализмъ въ поэзіи, но въ жизни не отрѣшались отъ этого сенсуализма. Какъ ни объяснять любовныя отношенія Данте [2]), все-таки нельзя не признать, что поэтически изображенная любовь Данте не была лишена педантства и холодности, и сердце его не принадлежало всецѣло Беатриче даже въ болѣе поздніе годы жизни поэта. Этимъ наилучше выказывается искусственность любовной концепціи въ итальянской поэзіи второй половины XIII в. и начала XIV в. Любовь, которую прославляли въ поэзіи, рѣзко отличалась отъ любви простой и вполнѣ искренней. Любовный экстазъ, впадавшій въ самый возвышенный идеализмъ и мистицизмъ и склонявшійся къ символизму, являлся какъ бы обязанностью всякаго благороднаго сердца.

Любовь въ итальянской поэзіи первой половины XIV в. характеризуется Дантовскою концепціею. Къ ней еще примыкаетъ отчасти Петрарка, хотя онъ и отрицалъ вліяніе Данте и хотя любовь его была свободна отъ эрудиціи, болѣе человѣчна и менѣе отвлеченна. Отношеніе его къ разсматриваемому нами романическому циклу высказывается нѣсколькими стихами „Trionfi in vita e in morte di madonna Laura“. Въ тріумфѣ Amore, въ толпѣ влюбленныхъ, которые

---

[1]) Inf. II, 105 и комментарій Скартаццини.—Выборку мѣстъ объ amore изъ произведеній Данте см. въ Poletto, Dizionario Dantesco, I, 45—52.

[2]) См. *Scartazzini*, Dante in Germania, parte seconda, Milano 1883, 281—285: „La vita conjugale di Dante“; 285—296: „Fu Dante lussurioso ed adultero?“

Digitized by Google

прошли передъ Петраркой въ видѣніи, находились и знаменитые герои и героини бретонскихъ романовъ:

Ecco quei che le carte empion di sogni,
Lancilotto, Tristano e gli altri erranti.
Onde conven che 'l vulgo errante agogni.
Vedi Ginevra, Isotta e l'altre amanti,
E la coppia d'Arimino, che 'nsieme
Vanno facendo dolorosi pianti [1]).

По замыслу Петрарки, цѣломудріе (castità) торжествуетъ надъ любовью. Понятно отсюда отношеніе Петрарки къ *блуждающимъ* героямъ рыцарскихъ романовъ и къ тому vulgo errante, который увлекался ихъ бреднями. Петрарка раздѣлялъ въ этомъ случаѣ взглядъ Данте и не остался, вѣроятно, внѣ его вліянія [2]); и по мнѣнію Петрарки, романы о Ланселотѣ и Тристанѣ дѣйствовали губительно на воображеніе читателей, возбуждая любовную мечтательность [3]). Вслѣдъ за Данте и Петрарка указалъ на связанную навѣки неразрывными узами любви и несчастья чету Паоло и наивной Франчески, исторія которыхъ является краткимъ, но полнымъ жизни и чувства чарующимъ романомъ среди суровыхъ повѣствованій объ обители грѣха, мукъ и скорби, чудною смѣсью поэзіи и грѣха, какою бывала часто рыцарская любовь [4]).

Такимъ образомъ въ древнѣйшей итальянской поэзіи господствовалъ крайне искусственный идеализмъ. Но уже въ концѣ XIII в. она ниспадала въ произведеніяхъ народной тосканской школы изъ возвышенныхъ сферъ идеализма въ сферу низменной шутки. Полвѣка спустя произведенія Боккаччьо явились яркимъ поэтическимъ выраженіемъ того моральнаго переворота, который подготовлялся уже съ конца XIII в. [5]).

---

[1]) Trionfo d'amore, cap. III, 79--84.

[2]) Ср. Gaspary, 479.

[3]) Въ изданіи Rime 1875 (Milano, Sonzogno) ст. 81 объясненъ такъ: „Credo che voglia significare: per li quali esempj e per le quali novelle e storie frivole e favolose, conviene che il volgo, il quale non è meno errante dell'intelletto, di quel che tali cavalieri fossero erranti della persona, s'inchini agli amori, alle concupiscenze e alle lascivie".

[4]) Поэтичность исторіи Франчески привлекаетъ и новѣйшихъ поэтовъ. Укажемъ на трагедію Сильвіо Пеллико (+1854)—„Francesca da Rimini" и на новеллу „Nell'assenza di Lanciotto" въ *D'Annunzio* Il libro delle vergini, Roma 1884.

[5]) Ср. *И. В. Лучицкаго* Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV вв., К. 1886, стр. 24—26, 36--38.

Digitized by Google

Боккаччьо еще не отрѣшился вполнѣ отъ стараго средневѣковаго дуализма, проглядывающаго и у Петрарки, отъ противоположенія любви чувственной и любви божественной, и отъ средневѣковаго мнѣнія о поэзіи, какъ моральномъ и религіозномъ ученіи подъ покровомъ вымысла. И Боккаччьо обращался къ аллегорическому изображенію, прибѣгая къ классическимъ образамъ согласно своей общей наклонности къ смѣшенію романтическаго съ классическимъ. Въ Ameto въ образѣ пастушка, увлеченнаго любовью, подъ чисто классическою оболочкою скрывается христіанская идея о любви къ Богу и подъ Венерой разумѣется Богъ. Въ Amorosa Visione Боккаччьо хотѣлъ подобно Данте изобразить возведеніе (любовью къ Богу) небесною Венерою къ истинному блаженству и вѣчному спасенію [1]). Но у Боккаччьо, благодаря его таланту пластическаго изображенія, серьезная религіозно-моральная идея предстаетъ не въ призрачномъ видѣ, прекрасные полные жизни образы не выказываютъ въ себѣ символовъ и заслоняютъ собою то, что скрывается за ними, поучительность почти совсѣмъ не оказываетъ вліянія на внѣшнюю отдѣлку. Это находилось въ связи съ общимъ направленіемъ творчества Боккаччьо, съ его реализмомъ. Въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ Боккаччьо, какъ извѣстно, переноситъ читателя въ міръ дѣйствительной любовной страсти. Онъ положилъ начало особому разряду повѣствовательной литературы, выдвинулъ романъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова [2]) и художественно-реальную новеллу. Въ герояхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній Боккаччьо изобразилъ самого себя и въ этомъ отношеніи также приблизился къ субъективизму нѣкоторыхъ изъ лучшихъ новѣйшихъ поэтовъ. Неизвѣстно, каковы были въ дѣйствительности отношенія Боккаччьо къ предмету его самой продолжительной и возвышенной любви, къ дамѣ, которую онъ прославилъ въ своей поэзіи подъ именемъ Фіамметты; существуетъ разногласіе относительно того, какъ далеко Фіамметта заходила въ своей благо-

---

[1]) *Crescini*, L'Allegoria dell'Ameto del Boccaccio, Padova 1886. Gaspary въ своей рецензіи на этотъ этюдъ (Litteraturblatt für romanische und germanische Philologie 1886, № 10) согласенъ съ выводами Crescini. О времени и обстоятельствахъ возникновенія *amorosa Visione* см. ст. *Antona-Traversi*: Notizie storiche sull'Amorosa Visione въ Studj di filologia romanza, fasc. 3 (1885).

[2]) *Körting*, Boccacio's Leben und Werke, Leipz. 1880, 549 fgde. Ср. у *Веселовскаго:* Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, Спб. 1886, стр. 15.

Digitized by Google

склонности къ поэту, разногласіе, вызываемое противорѣчивыми какъ бы изображеніями этой любви въ произведеніяхъ Боккаччьо [1]). Для насъ важно, что въ романѣ Fiammetta увлекательно изображается любовь не исключительно платоническая. Въ Filocoro развивается теорія о благородствѣ чисто духовной любви, въ предисловіи къ Декамерону Боккаччьо говоритъ о своей altissimo e nobile amore, но рядомъ съ этимъ въ своихъ новеллахъ Боккаччьо стоитъ почти всецѣло на почвѣ дѣйствительныхъ страстей и далекъ отъ рыцарской условности, исключительности и фантастики. Онъ очертилъ здѣсь жизнь во всей ея широтѣ, характеры въ ихъ разнообразіи, общество во всѣхъ его представителяхъ, и сообразно тому и любовь предстаетъ здѣсь въ различныхъ проявленіяхъ. Любовь Фіамметтьі и любовь во многихъ изъ новеллъ Декамерона приближается нарушеніемъ супружеской вѣрности къ любви въ нѣкоторыхъ изъ рыцарскихъ романовъ [2]). Въ этомъ отношеніи любопытно, что Декамеронъ носитъ прозвище Galeotto, т. е. — по имени героя того самаго романическаго эпизода, который увлекъ и погубилъ Дантовскихъ Паоло и Франческу [3]). На ряду съ реальными темами Боккаччьо обработалъ также далекій отъ реальности романъ о Флорѣ, pellegrino d'amore, и Бланшфлоръ, удержалъ его сказочный характеръ и далъ въ немъ волю фантазіи. Въ Декамеронъ онъ принялъ „грустную феодальную легенду“ о Гризельдѣ [4]). Тѣмъ не менѣе, герои и героини бретонскихъ романовъ, съ которыми Боккаччьо былъ также знакомъ [5]), не нашли виднаго мѣста въ его поэзіи [6]). Они лишь мимолетно проносятся передъ нимъ въ

---

[1]) Zeitschrift für romanische Philologie, V (1881), 209—232, ст. Körting'a: „Boccaccio—Analekten“.

[2]) Фіамметтa даже вспоминаетъ въ числѣ другихъ несчастныхъ любовниковъ Тристана и Изольду. См. въ изданіи Moutier (Opere volgari di Giovanni Boccaccio, vol. VI, Fir. MDCCCXXIX), стр. 185—186.

[3]) Нѣкоторые, впрочемъ, склоняются къ мысли, что прозвище Galeotto въ смыслѣ пособника въ любовныхъ интригахъ было упрочено за Декамерономъ не самимъ Боккаччьо, а какою-нибудь позднѣйшею припискою.

[4]) Соображенія о томъ, откуда Боккаччьо могъ взять эту новеллу, см. у *Bartoli*, *I precursori del Boccaccio e alcune delle sue fonti*, Fir. 1876, p. 42.

[5]) Op. volg. di Bocc., vol. XI (Il Comento sopra la commedia di Dante Alighieri), pp. 46—47, 60.

[6]) У Боккаччьо встрѣчается лишь повтореніе нѣкоторыхъ ситуацій романовъ Круглаго Стола. См., напр., *Etienne*, Histoire de la littérature italienne, Par. 1875, p. 153.

Digitized by Google

любовномъ видѣніи [1]), какъ мало привлекли и вниманіе Петрарки, когда проходили въ тріумфѣ любви. Герои и дамы бретонскихъ романовъ до Боккаччьо выступали еще въ нѣкоторыхъ итальянскихъ повѣстяхъ, составлявшихъ древнѣйшую формацію новеллы [2]). Боккаччьо не принялъ ихъ въ свой сборникъ новеллъ. Онъ относился къ романамъ Круглаго Стола нѣсколько скептически [3]). Мечтательная и идеальная любовь не умерла во время Боккаччьо, который, можетъ быть, самъ ее испытывалъ, но въ Италіи она проявлялась въ новой формѣ, въ отрѣшеніи отъ рыцарской эксцентричности. Рыцарскій романъ, какъ онъ сложился во Франціи и началъ слагаться въ Португаліи, не соотвѣтствовалъ вполнѣ направленію итальянскаго общества въ половинѣ XIV вѣка. Въ этомъ обществѣ условности было менѣе, за то анализъ чувства былъ глубже и жизнь сердца сложнѣе.

Въ періодъ Renaissance продолжало существовать традиціонное мистическое преображеніе обычной любви и даже ожило съ новою силою подъ вліяніемъ философіи Платона. Одновременно съ тѣмъ шелъ „карнавалъ“ Возрожденія съ его „божественнымъ весельемъ“ и также съ наивнымъ сенсуализмомъ. Декамеронъ открываетъ собою этотъ карнавалъ. Смѣхъ Боккаччьо показываетъ какъ нельзя лучше, что къ половинѣ XIV в. въ нравахъ Италіи совершился переворотъ. Этотъ переворотъ подкапывалъ старую мораль гораздо глубже, чѣмъ рыцарскіе романы, столь разрушительно вліявшіе въ XII и XIII в. на старый семейный бытъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Запада.

---

[1]) Op. volg. di Bocc., XIV, Amorosa visione, cap. XI (Conta di que'della Tavola ritonda, che seguitano la Fama del mondo) e XXIX (Dove tratta della medesima visione e nell'ultimo di Lancillotto, e di Tristano e d' Isotta).

[2]) Дѣйствующія лица романовъ Круглаго Стола выступаютъ нерѣдко въ *Conti di Antichi Cavalieri*, заимствованныхъ, вѣроятно, изъ французскихъ и провансальскихъ источниковъ. Въ этихъ повѣстяхъ герои романовъ оказываются въ реальной обстановкѣ; по поводу безумія Тристана сдѣланъ такой выводъ: così toglie amore il senno e l'onore. См. Bartoli I primi due secoli etc., 281—282. Въ *Novellino* много разсказовъ, заимствованныхъ изъ романовъ Круглаго Стола.

[3]) „Ricordami alcuna volta aver letti i franceschi romanzi, a'quali *se fede alcuna si puote attribuire*, Tristano e Isotta oltre ogni altro amante essersi amati“.... Op. volg., VI, 185—186.—„....*Di Lancelotto*, del quale molte belle e laudevoli cose raccontano i romanzi franceschi, cose, per quel ch'io creda, *più composte a beneplacito, che secondo la verità*“. Ib. XI, 60.

Digitized by Google

То изящное, веселое общество, въ которомъ были разсказаны увлекательныя новеллы Декамерона, превосходно характеризуетъ эстетическую культуру и нравы итальянскаго общества въ начальный моментъ Возрожденія. Въ воображеніи читателя весьма живо встаетъ этотъ дружескій кружокъ милыхъ, любезныхъ дамъ и полныхъ юношеской свѣжести кавалеровъ, удалившихся изъ зачумленнаго города въ очаровательное уединеніе прелестной виллы и забывшихъ среди увеселеній всеобщую скорбь и горе, которое было такъ недалеко отъ нихъ, унесло столькихъ ихъ родныхъ, друзей, знакомыхъ и ежеминутно грозило имъ самимъ. Общество Декамерона порѣшило чтить пятокъ, какъ день страданій Спасителя,—субботу, какъ навечеріе воскреснаго дня, а также какъ день, въ который „usanza e delle donne di lavarsi la testa“, но вообще не предается молитвѣ въ виду страшнаго бѣдствія, посланнаго Небомъ. Легко и беззаботно течетъ его жизнь, не смущаемая мыслью о смерти. Веселое наслажденіе жизнью доставляетъ ежечасно новую радость. Какой разительный контрастъ представляетъ такое времяпрепровожденіе съ жизнью зачумленнаго города, воздухъ котораго наполненъ удушьемъ эпидеміи, воплями и стонами живыхъ, стоящихъ надъ только что отошедшими въ вѣчность или же у не засыпанныхъ еще могилъ! Какъ далеки люди Декамерона отъ средневѣковыхъ скорбей, помысловъ о загробномъ мірѣ и мистическаго стремленія къ небу! Общество Декамерона не хочетъ знать унынія и отчаянія и изобличаетъ въ себѣ людей наслажденія, дошедшихъ, несмотря на все свое изящество и утонченное образованіе, до значительнаго нравственнаго безразличія, до эпикуреизма Возрожденія, искавшаго наслажденія жизнью въ виду ея скоротечности и быстраго увяданія красоты. Земная жизнь есть благо, которымъ люди должны пользоваться, сколько возможно—вотъ основная тенденція Декамерона. Прислушайтесь къ рѣчамъ молодежи Декамерона, къ тѣмъ разсказамъ, въ которыхъ она находитъ свое лучшее развлеченіе и которые она сопровождаетъ звонкимъ смѣхомъ, доселѣ отдающимся въ нашихъ ушахъ. Современнаго читателя поражаетъ въ этихъ разсказахъ особая легкая и въ тоже время часто наивная мораль, столь рѣзко отличающаяся отъ нашей, особое воззрѣніе на людскія дѣянія, которое иные назовутъ вполнѣ безнравственнымъ.

Чтобы отнестись къ ней вполнѣ безпристрастно, безъ излишней строгости позднѣйшей католической реакціи, необходимо, кромѣ того

Digitized by Google

или инаго рѣшенія вопроса о нравственной тенденціи новеллъ Боккаччьо [1]), вникнуть въ нравственное состояніе Италіи въ годы написанія Декамерона, обратить вниманіе на тотъ моральный переворотъ, который подготовлялся съ конца XIII в. и обозначился довольно явственно въ Декамеронѣ.

Все еще держалась въ теоріи, а весьма часто также и на практикѣ старая мораль обычая, предписывавшая женщинѣ замкнутость въ семейномъ кругу, соблюденіе супружеской вѣрности. Иногда законъ весьма сурово наказывалъ нарушителей этой морали [2]), но она уже лишилась жизненной силы, абсолютнаго господства и была подрываема другою, развившеюся подъ вліяніемъ рыцарской теоріи любви. Это новое ученіе подѣйствовало разрушительно на старый семейный укладъ, распространяя все болѣе и болѣе ученіе о томъ, что бракъ не препятствуетъ женщинѣ, не нашедшей въ немъ удовлетворенія, питать въ своемъ сердцѣ любовь не къ мужу, а къ лицу постороннему, любовь чистую и даже неизвѣстную тому, кто былъ ея предметомъ [3]). Мы встрѣчаемся такимъ образомъ и въ Италіи съ ученіемъ, котораго могла придерживаться и часто придерживалась добродѣтельная женщина рыцарскаго круга, но которое приводило нерѣдко къ ея паденію. Къ этому вѣянію, несшемуся изъ Прованса и Франціи, присоединилось вліяніе освободительнаго движенія Renaissance, оказавшагося столь благотворнымъ для моральнаго освобожденія женщины и для поднятія ея въ умственномъ и эстетическомъ отношеніи на одинъ уровень съ мужчиною [4]). Это движеніе Renaissance, составлявшее самую крупную силу въ годы, слѣдовавшіе за

---

[1]) Небольшое, но дѣльное замѣчаніе объ этомъ см. въ *C. R. Biscia:* Ricordi bibliografici, vol. I, Livorno 1885, p. 91—92.

[2]) Такъ, въ 1321 г. въ Болоньѣ былъ казненъ англичанинъ—студентъ, влюбившійся въ молодую даму и не встрѣчавшій препятствій своему ухаживанію со стороны мужа ея. Эта романтическая исторія подала сюжетъ для изображенія одному польскому художнику XIV в. См. *A. O.*, Szkice naukowo-literackie z zakresu sztuki i archeologii, Krak., Pozn. 1887, „Płaskorzeźba znaleziona w Bolonii", str. 159—162.

[3]) См. въ цит. статьѣ Веселовскаго въ „Бесѣдѣ" 1872, № 3, стр. 285—286.

[4]) Объ итальянской женщинѣ времени Возрожденія см. у *Burckhardt'a*: Die Cultur der Renaissance in Italien, Dr. Aufl., zw. Band, Leipz. 1878, sechstes Capitel: Stellung der Frau; *Janitschek*, Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst, Stuttg. 1879, III: Die Frau und die Kunst; *Magliani:* Storia letteraria delle donne italiane, Nap. 1885.

Digitized by Google

появленіемъ Декамерона, уже пріуготовлялось въ Италіи въ половинѣ XIV стол. Уже носилось въ воздухѣ вѣяніе весны и обновленія, но было также въ атмосферѣ и много міазмовъ переходнаго времени съ его нравственною неустойчивостью. Высоко поднявшаяся въ умственномъ отношеніи женщина высшихъ круговъ общества глядѣла на нравственность также, какъ Боккаччьо.

Декамеронъ воспроизводитъ это броженіе переходнаго времени и первое ликованіе морально освобожденной личности, постоянно повторяя и развивая на разные лады тему о любви. Любовь и въ Италіи, какъ ранѣе въ Провансѣ, была девизомъ личности, освобождавшейся отъ монашеской морали и вѣковой морали выдохшагося обычая. Боккаччьо явился въ Декамеронѣ корифеемъ шумнаго, пестраго, неудержимо-веселаго карнавала итальянскаго Rinascimento, въ высшей степени талантливымъ, хотя и не особенно глубокимъ, выразителемъ новаго направленія жизни, возникавшаго изъ взаимодѣйствія рыцарской морали, чисто-мѣстныхъ итальянскихъ условій общественной жизни и освободительнаго движенія Renaissance. Съ этой точки зрѣнія и надо судить о нравственномъ уровнѣ Декамерона, а вмѣстѣ и итальянскаго общества первой поры Возрожденія. Это общество было нравственно индифферентно, отдавалось смѣху ради смѣха [1]) и искало наслажденія жизнью. Оно не могло вполнѣ увлекаться исключительнымъ идеализмомъ рыцарства и средневѣковымъ мистическимъ спиритуализмомъ; оно преимущественно оцѣнило рыцарскій лоскъ. Возрожденіе, породившее новое душевное настроеніе, измѣнило литературный вкусъ, внушало стремленіе къ естественности, возвращало къ античному пониманію любви, къ натуралистическому взгляду на жизнь и пластическому изображенію ощутительныхъ земныхъ ея радостей [2]).

---

[1]) Даже вдумчивый и въ душѣ не лишенный важности Саккетти (ум. въ началѣ XV в.), столь скорбѣвшій о порокахъ своего времени, созерцая „l'umana vita, la quale con pestilenzione infermità e con oscure morti è spesso visitata“, написалъ свои новеллы imaginando come la gente è vaga d'udire cose nuove, e specialmente di quelle letture che sono agevoli a intendere, e massimamente quando danno conforto, per la quale tra molti dolori si mescolano alcune risa. Novelle, Proemio.

[2]) См. *G. Fioretto*, Gli umanisti o lo studio del latino e del greco nel secolo XV in Italia, Verona 1881, parte I, cap. III: Trasformazione del carattere letterario. Ср. *Invernizzi*, Il Risorgimento, Mil. 1878, p. 49—51.

Digitized by Google

Понятно отсюда, какова должна была быть судьба рыцарской поэзіи въ Италіи въ періодъ Возрожденія, что́ и въ какомъ видѣ могло уцѣлѣть изъ ея идеализма.

Идеалистическая рыцарская лирика, высоко возносившая платонически обожаемую женщину, могла держаться и послѣ Петрарки, оказавшагося такимъ недосягаемымъ образцомъ въ этомъ разрядѣ поэзіи. Лирическое воспѣваніе возвышенной любви было дѣломъ чрезвычайно укоренившейся традиціи и моды, стало вслѣдствіе того вполнѣ шаблоннымъ и по прежнему вполнѣ мирилось съ иною любовью—реальной. То доказываетъ лучше всего примѣръ Петрарки [1]), а также примѣръ Боккаччьо и Саккетти. Эти послѣдніе лелѣяли въ воображеніи возвышенную любовь, воспѣтую въ лирикѣ, но въ жизни не отличались соотвѣтствіемъ этому чувству, да и въ своихъ новеллахъ, какъ извѣстно, нарисовали рядъ картинъ совсѣмъ не идеалистической любви. Воспѣваніе любимой женщины, вознесеніе ея на пьедесталъ въ лирикѣ утратило у послѣдователей Петрарки глубину чувства и вдохновенія и стало вновь дѣломъ условности и непремѣнною принадлежностью галантности.

Въ эпикѣ началось особое процвѣтаніе новеллы, которая явилась самымъ оригинальнымъ созданіемъ итальянской культуры въ художественной литературѣ XIV и слѣд. вѣковъ. Самое названіе этого рода литературныхъ произведеній указываетъ на необычность, новизну его содержанія по сравненію со старымъ героическимъ эпосомъ [2]), въ сопоставленіи съ которымъ новелла была дѣйствительно *новинкой*. Позднѣйшая новелла повѣствовала о событіяхъ забавныхъ и вообще отличныхъ отъ героическихъ дѣяній. Изъ старой эпики въ ней могли получать мѣсто преимущественно тѣ эпизоды, въ которыхъ говорилось о любви нѣжной или же болѣе суровой, какъ любовь маркиза ди Салуццо къ крестьянкѣ Гризельдѣ, проявившей удивительный умъ и достоинства характера и ставшей какъ бы типическимъ образомъ идеализованной крестьянки, неоднократно привлекавшимъ поэтовъ. Новелла о Гризельдѣ поражаетъ насъ, по удачному сравненію Весе-

---

[1]) *Romussi*, Petrarca a Milano, Mil. 1874, 26—28.

[2]) См. объясненіе названія новеллы въ статьѣ проф. Веселовскаго о книгѣ Шуккарта—Ж. М. Н. Пр. 1886, № 10, стр. 314—315. Ср. въ ст. А—вой „Итальянская новелла и Декамеронъ“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1881, № 2, стр. 591 и слѣд.

Digitized by Google

ловскаго, „будто вечерній звонъ, доносящійся въ городъ изъ далекаго феодальнаго лѣса“.

Рядомъ съ новеллами читались старые романы, которые печатались въ итальянскихъ переложеніяхъ еще въ XVI в., но итальянское общество времени Возрожденія, тѣшившееся насмѣшливыми новеллами, не могло находить полнаго удовольствія въ рыцарскихъ романахъ, переведенныхъ съ французскаго, потому что идеалы его были иные. Правда, рыцарская мода проникала и въ среду итальянскихъ горожанъ [1]), такъ что и въ Италіи были въ ходу турниры. Но если въ переходное время отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ (въ XIV и XV вв.) въ самой Франціи рыцарскіе обычаи и празднества (въ томъ числѣ турниры) становились пустыми формами, то тѣмъ болѣе они должны были превращаться въ безжизненную внѣшность въ Италіи, въ которой процвѣтала жизнь городская. Оттуда насмѣшливое отношеніе къ рыцарству и его идеаламъ въ итальянской поэзіи [2]) второй половины XV стол. Изъ иноземной эпики уваженіе внушала лишь Каролингская. Ей особенно посчастливилось въ Италіи [3]), и къ ней обратилась итальянская эпика, послѣ того какъ Италія пережила въ поэзіи періодъ эрудиціи и подражанія классическимъ образцамъ, продолжавшійся съ конца XIV в. до второй половины XV в. Но прежде итальянцы хорошо понимали и удерживали отличіе героевъ Каролингскаго цикла отъ витязей Артуровскаго эпоса и отдавали предпочтеніе

---

[1]) Burckhardt, l. c., II, 108—109 и примѣч. на стр. 168—169.

[2]) См. *Graf*, Dell'epica neo-latina primitiva, parte I, Roma 1876, p. 38—41. Зачатки такого отношенія къ рыцарству встрѣчаются у самихъ французовъ. Въ Hist. littér. de la France, XIX, 69 читаемъ объ отрывкахъ сказаній о Тристанѣ: „Ces aventures n'ont rien de sérieux dans ce pöeme, non plus que dans les autres poëmes sur Tristan que contient le recueil de fragments; elles y sont bien moins touchantes que comiques, bien moins héroïques que vulgaires, et le style du poëte ou plutôt des poëtes qui les racontent (car évidemment ces fragments sont de différents auteurs), le style, quoique simple et naïf, rappelle souvent cette maniére burlesque et mosqueuse dont usèrent plus tard le Baiardo, Arioste et le Berni dans leurs poëmes, qu'on pourrait appeler des *parodies d'épopées*. Est ce des Français encore que les Italiens auraient reçu ce genre de poëmes, dans lequel, par la suite, ils se sont montrés nos maîtres? Rien ne nous paraît plus vraisemblable“. Впрочемъ, и въ средневѣковой нѣмецкой рыцарской эпикѣ замѣчается по мѣстамъ ироническое или же юмористическое изображеніе того или иного рыцаря, или эпизода рыцарской эпопеи. См., напр., *Kani-a* Scherz und Humor in Wolframs von Eschenbach Dichtungen, Altenb. 1878.

[3]) См. кромѣ упомянутыхъ ниже монографій Райны еще у *Gautier*, La chanson de Roland, I-re partie, Tours MDCCCLXXII, p. cxxxj—cxxxix.

Digitized by Google

первымъ [1]) въ силу пхъ большей серьезности и несомнѣннаго реальнаго значенія дѣятельности Карла В. Въ XV стол., какъ и въ предшествовавшіе вѣка, образъ Карла Великаго и его монархіи рисовался въ грандіозномъ видѣ воображенію итальянцевъ, и Пульчи передаетъ слова Аретино:

Sarebbe Carlo Magno un uom divino,
Però ch' egli ebbe gran vittorie e regno,
E fece per la Chiesa e per la Fede
Certo assai più, che non si dice o crede.

Этотъ Пульчи не могъ удержаться отъ восклицаній удивленія при описаніи смерти Роланда. Тѣмъ не менѣе, величавыя фигуры Карла В. и его сподвижниковъ не были пощажены легкой ироніей и веселымъ настроеніемъ итальянскаго Возрожденія. Литература этого возрожденія сообщила сюжетамъ французскаго національнаго эпоса художественную обработку, какой они были лишены на родинѣ, но въ тоже время передала ихъ безъ почтительности, съ какой относились къ нимъ французы, нѣмцы и итальянцы прежняго времени. Витязи каролингскаго эпоса были превращены въ итальянскомъ эпосѣ второй половины XV в. въ странствующихъ рыцарей, и странный и фантастическій характеръ получили приключенія Роланда и Рено у

---

[1]) Боккаччьо въ Amorosa visione такъ переходитъ отъ упоминанія о рыцаряхъ Круглаго Стола къ Карлу В. и рыцарямъ его цикла:

. . . . ma io la vista mia,
Dopo la lungha schiera discendendo,
Conobbi *più mirabil baronia*
Di porpore vestito oltre correndo
Quel Carlo Magno sen veniva avante,
Ch'al mondo fu cotanto reverendo.

Въ I Reali di Francia также находимъ противоположеніе Каролингскаго эпоса Артуровскому; предпочтеніе отдается витязямъ французскимъ, которые прославлены въ Reali, передъ Артуровскими, и возвеличиваются ревность французскаго царственнаго дома о христіанской вѣрѣ и міровое значеніе его подвиговъ. Такъ, въ I-й кн. (гл. XII) читаемъ: „Eravi in quel tempo pochi Cristiani pel mondo almeno in Europa, se si eccettui Constantino nella città di Roma, ed in Britania ed in Irlanda alcuni baroni e principi. V'era stato il re Uter Pandragone, e il re Artù con *molta bella baronia, ma fecero poco assai per la fede di Cristo.*--Regnando Fiovo in gran signoria e pensando come avea due figli, alcuna volta *udiva a biasimare il re Artù di Brittagna, perchè non avea acquistati molti paesi, e fattili fare cristiani;* parció *pensando* ancora *alla santa bandiera* ed alla speranza che l' Angelo gli avea data, deliberò di acquistare un reame" etc (гл. XXIII).

Digitized by Google

итальянскихъ поэтовъ Возрожденія, у Маттео Боярдо и у Аріосто, пѣвца міра, любившаго наслажденье.

Аріосто предпринялъ воспѣть въ своей поэмѣ о неистовомъ Роландѣ

Le donne, i cavalier, l'arme, gli amori,
Le cortesie, l'audaci imprese..., [1])

напомнить, какъ

Ben furo avventurosi i cavalieri
Ch'erano a quella età, chè nei valloni,
Nelle scure spelonche e boschi fieri,
Tane di serpi, d'orsi e di leoni,
Trovavan quel che nei palazzi altieri
A pena or trovar puon giudici buoni;
Donne, che nella lor più fresca etade
Sien degne d'aver titol de beltade [2]).

Но во времена Аріосто уже не было мѣста прежнему рыцарству, его подвигамъ и его славѣ: врагъ людской поднесъ людямъ роковое громовое огнестрѣльное оружіе; сначала употреблять его научились германцы, отъ нихъ оно было занесено въ Италію, затѣмъ во Францію, распространилось по всему міру и заставило разстаться съ прежнимъ рыцарскимъ вооруженіемъ.

---

[1]) Эти начальные стихи поэмы Аріосто въ переводѣ Уварова (С.-Пет. 1879) переданы такъ:

Дворъ Короля, дамъ, рыцарей пою,
Любовь и доблесть, схватки боевыя...

[2]) Orl. Furioso XIII, I. Въ переводѣ Ранча (М. 1832 и слѣд.):

Какъ чудно рыцарямъ жилось
Въ тѣ времена былыя,
Когда, пускаясь на авось
Въ дубравы ли пустыя,
Въ долины ли, иль по горамъ,
Вертепамъ и пустынѣ,
Они то́ находили тамъ,
Что́ рѣдко встрѣтишь нынѣ
Въ великолѣпнѣйшемъ дворцѣ,—
Они тамъ находили
Красавицъ съ о́тцвѣтомъ въ лицѣ
Нѣжнѣе розъ и лилій.

Digitized by Google

Come trovasti, o scellerata e brutta
Invenzïon, mai loco in uman core?
Per te la militar gloria è distrutta;
Per te il mestier dell'arme è senza onore;
Per te è li valore e la virtù ridutta,
Che spesso par del buono il rio migliore:
Non più la gagliardia, non più l'ardire
Per te può in campo al paragon venire.
Per te son giti ed anderan sotterra
Tanti signori e Cavalieri tanti,
Prima che sia finita questa guerra,
Che 'l mondo, ma più Italia, ha messo in pianti [1]).

Падалъ рыцарскій энтузіазмъ и одновременно спускалась съ высотъ столь прежде парившая рыцарская любовь, переходившая въ мистицизмъ и превращавшая обожаемую женщину въ ангелоподобное существо. Могли найтись еще личности, которыя, какъ Рожеръ, восторженно внимали голосу мудрости, направлявшему въ житейскомъ морѣ отъ обители и чаръ чувственности къ безопасному берегу, къ обители иной красоты и любви, во дворецъ той,

---

[1]) Orl. Fur. XI, 26. 27. Въ переводѣ Рапча:

Созданье адское! съ тѣхъ поръ,
Какъ стало ты извѣстно,
Война не славу, а позоръ
Разноситъ повсемѣстно.
Теперь уже не цвѣсти въ бояхъ
Военному искусству,
Не жить у воиновъ въ сердцахъ
Возвышенному чувству;
Теперь ни доблести въ войнѣ,
Ни мужества не видно;
Въ ней торжествуетъ наравнѣ
Герой и трусъ безстыдной.
Война—источникъ золъ для всей
Европы утомленной,
Но болѣ, болѣ для моей
Италіи безцѣнной—
Не кончена, а сколькихъ нѣтъ
Неустрашимыхъ въ боѣ!
Ихъ въ мракъ свело съ пути побѣдъ
Оружье роковое.....

Digitized by Google

Dove véder potria costumi santi,
Bellezza eterna, ed infinita grazia,
Che'l cor notrisce e pasce, e mai non sazia.

Costei, dicea, stupore e riverenza
Induce all'alma, ove si scuopre prima.
Contempla meglio poi l'alta presenza;
Ogn'altro ben ti par di poca stima.
Il suo amore ha dagli altri il cor ti lima;
In questo il desiderio più non chiede,
E contento riman come la vede

Ella t'insegnerà studj più grati,
Che suoni, danze, odori, bagni e cibi:
Ma come i pensier tuoi meglio formati
Poggin più ad alto, che per l'aria i nibi;
E come della gloria de' Beati
Nel mortal corpo parte si delibi [1]).

Но давно миновали тѣ времена, къ которымъ относились слова Аріосто:

Fra quanti amor, fra quante fedi ai mondo
Mai si trovâr, fra quanti cor constanti,

---

[1]) Orl. Fur. X, 45—47. Въ переводѣ Уварова:

Въ ней чистоты обрящетъ онъ свѣтило
И образъ красоты, что въ сердце рай
Вливая, въ горній восхищаетъ край.
„Прекрасной феи первое явленье
Вселяетъ трепетъ, старецъ говорилъ;
Но углубясь душею въ лицезрѣнье,
Забудешь все, чѣмъ прежде дорожилъ.
Чужда любовь къ ней замираній, млѣнья,
Мерцанья ложнаго земныхъ свѣтилъ,
Въ ея любви ты опочишь душою,
Ей будешь жить и ей дышать одною,
Досуги лучшіе познаешь съ ней,
Чѣмъ пѣсни, танцы, благовонья, вина;
Увѣдаешь, какъ на душѣ свѣтлѣй,
Какъ бы полетъ тебя поднялъ орлиный.
Узнаешь, какъ блаженство безъ цѣпей
Подъ часъ и плоти бренной удѣлимо....“

Digitized by Google

Fra quante, o per dolente o per giocondo
Stato, fêr prove mai famosi amanti.. . [1]).

Во времена Аріосто былъ рѣдокъ подобный идеализмъ, и поэтъ даетъ такой совѣтъ:

Donne, alcuna di voi mai più non sia,
Ch'a parole d'amante abbia a dar fede.
L'amante, per aver quel che desia,
Senza guardar che Dio tutto ode e vede,
Avviluppa promesse e giuramenti,
Che tutti spargon poi per l'aria i venti [2]).

Мораль была не строга и согласно съ нею Ринальдъ не только не осуждаетъ любовниковъ за свиданія, лишь бы послѣднія происходили втайнѣ (того требовали и рыцарскіе нравы), но идетъ еще далѣе и говоритъ:

Se un medesimo ardor, s'un disir pare
Inchina e sforza l'uno e l'altro sesso
A quel soave fin d'amor, che pare
All' ignorante vulgo un grave eccesso:
Perchè si dé' punir donna o biasmare,
Che con uno o più d'uno abbia commesso
Quel che l'uom fa con quante n'ha appetito,
E lodato ne va, non che impunito? [3]).

---

[1]) Orl. Fur. X, 1. Переводъ Рапча:

Бывали люди подъ луной—
Чудесныя созданья,—
Тѣ люди, твердые душой
Въ дни счастья и страданья,
Влюбившися, любви своей
Не измѣняли вѣчно.

[2]) Orl. Fur. X, 5. Переводъ Уварова:

. . . . . красавицъ небо да спасетъ,
Не дастъ внимать любви обѣтамъ вѣчной.
Влюбленный тароватъ на сей предметъ;
Забывъ, что внемлютъ небеса, безпечный
Обѣты онъ на клятвы громоздитъ,
Чтобы затѣмъ все по вѣтру пустить.

[3]) Orl. Fur. IV, 66. Переводъ Рапча:

Пусть нѣжутся!... и что за грѣхъ?
За что на женщинъ пѣни?

Digitized by Google

Если такъ понизилась рыцарская доблесть и такъ ослабѣла мораль, часто, впрочемъ, нарушавшаяся и въ рыцарское время, то и въ поэзіи не было мѣста возвеличенію мужественности въ духѣ старофранцузскаго національнаго эпоса. Не удивительно, что герои этого эпоса предстали въ итальянскихъ поэмахъ времени Возрожденія въ совершенно своеобразномъ видѣ. Даже доблестнѣйшій изъ нихъ, Роландъ, совершая чудеса храбрости, видитъ главную цѣль въ любви и гоняется по свѣту за прекрасной язычницей Ангеликой, типомъ своенравно тиранствующей донны. Любовь довела его до забвенія долга и до неразумія.

Che non può far d'un cor ch'abbia suggetto
Questo crudele e traditore Amore,
Poich'ad Orlando può levar del petto
La tanta fè che debbe al suo Signore?
Già savio e pieno fu d'ogni rispetto,
E della santa Chiesa difensore:
Or per un vano amor, poco del zio,
E di sè poco, e men cura di Dio [1]).

Подобно Церерѣ, неустанно всюду искавшей своей дочери,

S'in poter fosse stato Orlando pare
All'eleusina Dea, come in disio,
Non avria, per Angelica cercare,
Lasciato o selva o campo o stagno o rio

И почему имъ не любить
Двухъ—трехъ и даже болѣ,
Когда мужчинамъ запретить
Тогожь никто не въ волѣ.

Параллельно обвиненіямъ женщинъ вставляются неоднократно имъ и похвалы.

[1]) Orl. Fur. IX, 1. Переводъ Уварова:

Чего Амуръ не натворитъ съ душой,
Отдавшейся любовному задору,
Когда Роландъ могъ долгъ забыть святой
И преданность верховному Синьору?
Какъ вѣровалъ въ него народъ честной!
И церковь зрѣла въ немъ свою опору;
И вотъ, пустой любовью ослѣпленъ,
Забылъ себя, забылъ и Бога онъ.

Digitized by Google

O valle o monte o piano o terra o mare,
Il cielo e'l fondo dell'eterno obblio [1]).

Роланду уподобляются въ томъ другіе рыцари, а Ангелика подсмѣивается надъ ними:

Di lor si ride Angelica proterva,
Che non è vista, e i lor progressi osserva [2]).

Мы не станемъ говорить объ отношеніи замысла Аріосто къ идеѣ Боярдо и не будемъ вдаваться въ рѣшеніе спорнаго вопроса о тенденціи поэмы Аріосто, о томъ, слѣдуетъ ли видѣть въ ней симпатію къ рыцарству, осмѣяніе его, или же просто беззаботную „Олимпійскую" веселость [3]). Скажемъ только, что герои Аріосто оказываются въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно смѣшными, какъ, напр., Роландъ въ тотъ моментъ, когда

Ritrássi Orlando, e gli occhi al ramo gira:
Non vede l'elmo, e tutto avvampa d'ira.
E nel parer di Ferrau concorse,
Che 'l cavalier che dianzi era con loro,
Se lo portasse; onde la briglia torse,
E fe sentir gli sproni a Brigliadoro [4]).

---

[1]) Orl. Fur. XII, 3. Переводъ Ранча:

Когдабъ Орландъ подобно ей
Могъ дѣлать все по волѣ;
Онъ за Ангеликой своей
Пустился бъ въ горькой долѣ
По всей землѣ, по всѣмъ морямъ
И по предѣламъ неба;
Все высмотрѣвши тамъ и сямъ,
Сошелъ бы въ мракъ Эреба.

[2]) Orl. Fur. XII, 36. Переводъ Ранча:

Ангелика на нихъ глядитъ
Съ лукавою улыбкой,
И невидимая слѣдитъ
За каждой ихъ ошибкой.

[3]) Перечень мнѣній о смыслѣ поэмы Аріосто см. у *Fr. Dini*, Della ragione della lettere, vol. II, 1885, p. 288 e seg. Среднее мнѣніе см. у *Schuchardt-a:* Romanisches und Keltisches, Berl. 1886, s. 74—83: Ariost.

[4]) Orl. Fur. XII, 54, 55. Переводъ Ранча:

Орландъ на вѣтьви древа
Взглянулъ, и удержать не могъ
Пылающаго гнѣва.

Digitized by Google

Комизмъ героевъ Аріосто проистекаетъ изъ того, что они дошли до крайности въ односторонности своего настроенія. Они походятъ на рыцарей позднѣйшей рыцарской эпики, являвшейся естественнымъ продолженіемъ бретонскаго цикла. Для насъ въ особенности интересно это полное введеніе героевъ Каролингскаго эпоса въ міръ, подобный тому, о которомъ повѣствовала Артуровская эпика, и надѣленіе ихъ чертами характера и приключеніями рыцарей Круглаго Стола [1]). Правда, Аріосто лишь мимоходомъ и на непродолжительный моментъ ведетъ насъ

Dove la selva Calidonia appare,
Che spesso fra gli antiqui ombrosi cerri
S'ode sonar di bellicosi ferri.
Vanno per quella i cavalieri erranti,
Incliti in arme, di tutta Bretagna,
E de' prossimi luoghi e de' distanti
Di Francia, di Norvegia e di Lamagna.
Chi non ha gran valor non vada innanti;
Chè dove cerca onor, morte guadagna.
Gran cose in essa già fece Tristano,
Lancilotto, Galasso, Artù e Galvano,
Ed altri cavalieri e della nova
E della vecchia Tavola famosi [2]).

Увѣренный, что похищенъ
Шеломъ его Черкесомъ,
Пришпорилъ Брильядора онъ
И быстро мчится лѣсомъ.

[1]) На это указалъ уже Ренанъ въ Rev. de Deux Mondes 1852, vol. V.

[2]) Orl. Fur. IV, 51—53. Переводъ Рапча:

. . . . . на берегъ злачной,
Гдѣ Каледонскій древній лѣсъ,
Простершійся далёко,
Тьмы бранныхъ видывалъ чудесъ
Въ тѣни своей глубокой
Видалъ подъ тѣнью онъ своей
И витязей Британскихъ
И витязей изъ за-морей—
Французскихъ и Германскихъ.
Счастливъ, кто въ сердцѣ твердомъ слилъ
Безстрашіе и силу!

Digitized by Google

Но капризная фантазія поэта, переносящая моментально читателя изъ одной страны въ другую, часто ставитъ насъ въ виду образовъ, знакомыхъ уже намъ изъ романовъ Круглаго Стола, или напоминающихъ фигуры этого цикла; нерѣдко также мы оказываемся въ фантастическихъ мѣстностяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ какихъ мы бывали, читая исторію подвиговъ Артуровскихъ витязей. Знаменитый волшебникъ и пророкъ времени Артура, Мерлинъ, не выступаетъ прямо передъ нами; онъ покоится въ созданномъ имъ самимъ гротѣ, въ могилѣ, въ которую былъ коварно заключенъ своею возлюбленною, Дѣвою Озера. Но, мертвый тѣломъ, онъ живъ духомъ, ожидаетъ ангельской трубы, возвѣщаетъ будущее тѣмъ, кто обращаются къ нему [1]), и въ поэмѣ Аріосто нерѣдко слышимъ его пророчества.

Другой тамъ—робкій—находилъ
Не славу, а могилу....
Прославились изъ рода въ родъ,
Проникнувъ въ лѣсъ дремучій,
Тристанъ, Галассъ и Ланцелотъ;
Артуръ, Гальванъ могучій,
И столько Рыцарей Стола,
Извѣстныхъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Которыхъ ратныя дѣла
Сіяютъ въ полномъ свѣтѣ.

[1]) Orl. Fur. III, 10—11. Переводъ Рамча:

Сей гротъ устроила рука
Мерлина чародѣя
Въ давно минувшіе вѣка;
Здѣсь, страстью пламенѣя,
Какъ, можетъ быть, тебѣ самой
Давно уже извѣстно,
Онъ Дамой Озера младой—
Любовницей прелестной—
Обманутый, въ гробницу лёгъ
Изъ угожденья милой,
И разлучиться ужъ не могъ
Съ гробницею унылой.
Онъ тѣломъ мертвъ, но духомъ живъ,
И живъ дотолѣ будетъ,
Доколѣ Ангельскій призывъ
На судъ насъ не пробудитъ,
Гдѣ праведницка—наградитъ,
А грѣшника—накажетъ.

Digitized by Google

Извѣстна намъ изъ Артуровскаго эпоса и фея Моргана. Феи Аріосто напоминаютъ своихъ сестеръ, о которыхъ говоритъ этотъ эпосъ, и живутъ въ чудныхъ мѣстностяхъ вѣчнаго веселія и весны. И у Аріосто мы встрѣчаемся съ гигантами, волшебниками, карликами; и у него попадаемъ въ очарованные замки, въ одномъ изъ которыхъ было много плѣнныхъ рыцарей и дамъ, какъ и въ *Val sans retour* романа о Ланселотѣ. Соотвѣтственно любовному напитку, соединившему на вѣки неразрывною связью сердца Тристана и Изольды, и у Аріосто читаемъ о двухъ чудныхъ ключахъ, поселявшихъ любовь или ненависть въ сердцахъ тѣхъ, которые испили воды изъ этихъ ключей [1]).

Мы могли бы привести еще болѣе данныхъ, сближающихъ фантастику Аріосто съ міромъ Артуровскаго эпоса, но и сказанное достаточно выяснило, что Аріосто посмотрѣлъ на рыцарство и обработалъ сказаніе о Роландѣ совершенно въ духѣ итальянскаго Возрожденія, представилъ при этомъ въ своихъ герояхъ такихъ же рыцарей, какъ рыцари Круглаго Стола, и воспользовался фантастикою этого цикла [2]). Онъ создалъ лучшее произведеніе рыцарской эпики въ томъ направленіи, которое господствовало въ Италіи въ XV столѣтіи и имѣло до Аріосто представителей въ лицѣ Пульчи и въ особен-

---

И гласъ въ немъ живъ, онъ говоритъ,
Онъ все изъ гроба скажетъ
Тому, кѣмъ будетъ вопрошенъ;
Онъ знаетъ все, что́ было
И что сокрыто въ мглѣ временъ,—
Онъ дивенъ дивной силой.

Не приводимъ другихъ упоминаній Аріосто о Мерлинѣ, напр. въ XXVI. 30.

[1]) Orl. Fur. I. 78. Переводъ Ранча:

Въ Арденахъ два ключа журчатъ
Въ сосѣдствѣ межь собою,
Въ одномъ любви кипучій ядъ
Съ прохладной слитъ водою:
А тотъ, кто, жаждою томясь,
Напьется изъ другова,
Разлюбитъ свой кумиръ тотчасъ
И не полюбитъ снова.

О Тристатѣ см. XXXII, 84—93.

[2]) Наиболѣе обстоятельное разъясненіе отношенія поэмы Аріосто къ романамъ Круглаго Стола представилъ *Rajna* въ своей монографіи: Le Fonti dell' „Orlando Furioso", Fir. 1876. См. еще замѣтку объ этой монографіи въ *D' Ovidio* Saggi critici, Nap. 1879, а также этюдъ *K. Hillebrand-a*: „Cycle carolingien" въ его Études historiques et littéraires, t. I. Études italiennes, Par. 1868, p. 124 suivv.

Digitized by Google

ности Боярдо [1]). У Аріосто замѣчается гармоническое сліяніе средневѣковой романтики съ общественнымъ настроеніемъ Возрожденія и классицизмомъ, комическое уравновѣшивается серьезнымъ, требованія вѣры берутъ кое-гдѣ верхъ надъ внушеніями рыцарской морали, но не достигаютъ исключительнаго преобладанія. Словомъ, у Аріосто средневѣковая романтика уже не составляетъ предмета беззавѣтнаго увлеченія но съ другой стороны сохраняетъ еще всю привлекательность. Никто лучше Аріосто не сумѣлъ очаровывать читателей быстро мѣняющимися картинами приключеній рыцарей и волшебнаго міра, въ которомъ витало ихъ воображеніе. Онъ завершилъ романтику Круглаго Стола въ періодъ итальянскаго Возрожденія пѣснью, въ которой слышна легкая усмѣшка, но также и нѣкоторое сочувствіе къ блестящему рыцарству, прославленіе котораго было предпринято поэтомъ. Можно повторить вмѣстѣ съ Шухардтомъ:

. . . . . des Königs Arthur Rosen,
Die wilden, schlangen wie ein duft'ger Rahmen
Sich um die Lorbeerstämme Karls des Grossen,
Und blühten schöner unter schöner Damen
Huldvollem Lächeln und verliebtem Kosen,
Bis endlich in Ariostos üpp'gen Hainen,
Uns zu entzücken, sie verewigt scheinen.

Своимъ блестящимъ міромъ рыцарства, веселой шуткой и цвѣтистымъ стилемъ Аріосто восхитилъ не только Италію, но и другія страны, въ томъ числѣ Испанію и самое родину каролингскаго эпоса —Францію. Справедливо говорятъ, что послѣ Аріосто было невоз-

---

[1]) Боярдо перенесъ во внѣшность Каролингскаго эпоса внутреннее содержаніе Артуровскаго цикла; по выраженію Райны, Боярдо „mantenne il letto del fiume carolingio, ma v'incanalò le acque dei domini d'Artù".—Боярдо такъ сопоставляетъ дворъ Карла В. съ Артуровскимъ:

Fu gloriosa Bertagna la grande
Una stagion per l'arme e per *l'amore*...
Carlo in Francia poi tenea gran corte
Ma a quella prima non fu simigliante,...
Perchè tenne ad amor chiuse le porte
E sol si diede alle battaglie sante etc.

Объ отраженіи Артуровскаго эпоса въ „Spagna istoriata" см. въ этюдѣ *Osterhage:* Ueber die Spagna istoriata, Berl. 1886 (Wissenschaftl. Beilage z. Progr. des Humboldts-Gymnasiums).

Digitized by Google

можно подняться выше въ томъ же направленіи.

Аріосто сообщилъ новую и особую привлекательность сказаніямъ, вышедшимъ изъ Каролингскаго эпоса, и вслѣдъ за „Неистовымъ Роландомъ“ съ 1517 г. явилось множество романическихъ поэмъ того же цикла. Авторы ихъ пошли за Аріосто [1]) по торной дорогѣ въ фантастическій міръ вымысловъ, въ которомъ одновременно съ небывалыми войнами христіанъ съ сарацинами имѣли мѣсто различныя рыцарскія и любовныя приключенія. Поэты такого направленія повѣствовали на разные лады,

.....come saracini
Orlando mandi,..a Rinaldo guanti
...come caminando i palatini
trouasson per le siepe i gran Giganti
...come errando fuor di lor confini
andar gia molti caualier erranti.
....e chi le carte empi de sogni
per cui conuẽ ch'el vulco erãte agogni [2]).

Эти поэмы представляли либо распространеніе и продолженіе сказаній, переданныхъ Аріосто и его ближайшимъ предшественникомъ Боярдо, либо эпизодическую разработку сказаній объ отдѣльныхъ личностяхъ того Каролингскаго эпоса, который сложился въ Италіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поэма Аріосто подверглась многочисленнымъ передѣлкамъ, приспособленіемъ и сокращеніямъ въ народѣ и для народа. Словомъ, чудная фантастика Аріосто произвела необычайное впечатлѣніе на народное воображеніе, и франко-итальянская рыцарская эпика продолжала поль-

[1]) Въ первыя десятилѣтія XVI вѣка писались также поэмы Каролингскаго цикла на темы, не затронутыя Боярдо и Аріосто.

[2]) *Troiano il qual tratta la destrutione de Troia, per amor di Helena grecha la qual fu tolta da Paris Troiano al Re Menelao. Et come per tal destrution fu edificata Roma, Padoua, e Verona et molte altre Cittade in Italia, per Enea Troiano come intenderai.* Con molte altre diuerse historie da molti Autori descrite. In Venetia, M. D. LXXXVII. Canto primo. Мы пользовались экземпляромъ Парижской Національн. библіотеки У. 3549. B. Объ этомъ произведеніи см. *Joly*, Benoit de Sainte More et le Roman de Troie etc., Par. MDCCCLXXI, t. II, p. 516—517.

Digitized by Google

зоваться весьма широкою извѣстностью въ Италіи, интересуя и высшее образованное общество и низшіе слои народа.

Ни одно изъ произведеній этой эпики, вызванныхъ „Неистовымъ Роландомъ“, не только не поравнялось съ поэмой Феррарскаго пѣвца, но даже не приблизилось къ ней. Подобно „Божественной комедіи“, созданіе Аріосто осталось единственнымъ въ своемъ родѣ. Оно отличалось вполнѣ своеобразнымъ и въ высшей степени удачнымъ соединеніемъ серьезности (а по мѣстамъ и трагизма) съ юморомъ въ изображеніи рыцарства. Послѣдующее творчество не представило такого сочетанія этихъ началъ. Литературное теченіе, приведшее къ появленію „Неистоваго Роланда“, вновь раздвоилось. Съ одной стороны началось рѣшительное преобладаніе бурлеска, а съ другой обнаруживалась наклонность къ серьезному и идеалистическому изображенію рыцарства. Болѣе рѣзкія выраженія этихъ направленій для насъ въ особенности интересны, и мы остановимся на нихъ.

Шутливая рыцарская поэма уже въ XV стол. стала крупнымъ явленіемъ итальянской литературы. Въ XVI в. продолжалось карикатурное подражаніе рыцарскимъ романамъ и насмѣшливое отношеніе къ средневѣковому творчеству. Годъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Orlando Furioso“ появились 17 пѣсенъ *Macaroneae* Т. Фоленго (въ 1517 г.), который можетъ быть поставленъ во главѣ итальянскихъ сатирическихъ романистовъ XVI в. [1]). Потому Фоленго должно принадлежать первое мѣсто въ нашемъ обзорѣ рыцарской и противорыцарской итальянской эпики XVI в.

Фоленго замыслилъ и началъ свою знаменитую поэму о Бальдѣ еще въ годы студенчества въ Болоньѣ (1511—1512), когда былъ ученикомъ Помпонацци. Молодые пріятели Фоленго встрѣтили весьма сочувственно его первыя произведенія и подали ему идею новой поэмы объ отважномъ Бальдѣ. Поэтъ долженъ былъ изобразить въ ней съ фантастическими преувеличеніями шумный міръ ихъ, проказы и приключенія буйныхъ юношей. Начавъ поэму, Фоленго вдохновлялся похожденіями лицъ, дѣйствительно существовавшихъ. Прототипомъ главнаго героя поэмы послужилъ одинъ Мантуанецъ (землякъ Фо-

[1]) Родился въ 1496 г. Новѣйшая монографія о Фоленго, принадлежащая Luzio, помѣщена въ *Giorn. storico della letter. italiana*, vol. XIII (1889), подъ заглавіемъ «Nuove ricerche sul Folengo».

Digitized by Google

ленго) изъ фамиліи Donesmondi, Болонскій студентъ, силачъ, смѣльчакъ и непосѣда, собравшій около себя толпу подобныхъ же отважныхъ юношей и рано сдѣлавшійся жертвою своей неугомонности [1]). Такъ возникли первыя *Maccheroniche*. Постепенно онѣ разростались и въ 1517 г. явились въ печати безъ вѣдома автора, вступившаго въ декабрѣ 1512 г. въ монастырь послѣ печальной развязки похожденій Donesmondi. Дѣйствительное имя автора поэмы о Бальдѣ было скрыто псевдонимомъ Merlinus Cocajus. Въ 1521 г. поэма вышла въ дополненомъ видѣ—въ 25 пѣсняхъ. На печатаніе этого изданія авторъ долженъ былъ согласиться по неволѣ,—потому, что книгопродавецъ помимо его получилъ одинъ изъ рукописныхъ экземпляровъ, распространившихся по неосторожности насмѣшливаго монаха. Редакція 1521 г. представляетъ значительныя отмѣны по сравненію съ изданіемъ 1517 г. Она отличается большею полнотою и художественностію отдѣлки и не ограничивается воспроизведеніемъ безпорядочнаго житья Болонскаго студенчества, а заключаетъ также язвительнѣйшую сатиру на монашескую братію, въ сонмъ которой вступилъ Фоленго послѣ веселаго студенческаго житья. Авторъ и въ стѣнахъ монастыря видимо съ любовію возвращался къ первому наброску и постоянно передѣлывалъ его и пополнялъ.

Это произведеніе Фоленго представляетъ собою длинную поэму въ макароническихъ стихахъ. Герой ея Baldus—знатнаго рода valenthominus barone,

> Quo non Hectorior, quo non Orlandior, et quo
> Non tulit in spalla portas Sansonior alter [2]).

Бальдъ былъ сынъ храбраго рыцаря (потомка Ринальдо) и дочери французскаго короля, бѣжавшихъ въ Италію. Мать Бальда умерла тотчасъ же послѣ его рожденія, отецъ удалился, и мальчикъ былъ воспитанъ добрымъ поселяниномъ, благородно пріютившимъ бѣглецовъ. Выучившись читать, Бальдъ набросился съ особой охотой на рыцарскія книги и пламенно пожелалъ подражать Роланду, подобно

---

[1]) Ibid., 167--168. Объ этомъ говоритъ самъ Фоленго въ сдѣлавшемся недавно извѣстнымъ изданіи,—единственномъ, которое было имъ одобрено. L. c., 162—163 и 159. Доселѣ это изданіе считалось безслѣдно погибшимъ.

[2]) Подобное выраженіе указываютъ уже въ Carmina Burana, гдѣ нашли *Codro codrior*, напоминающее Плавтово *poenus punior*.

Digitized by Google

которому держалъ себя въ играхъ и дракахъ съ мальчиками [1]). Онъ оказался необузданнымъ проказникомъ и однажды убилъ бездѣльника пытавшагося сдержать его. Толпа сыщиковъ хочетъ арестовать Бальда, но знаменитый Сордельо Мантуанскій [2]), восхищенный бойкостью мальчика, беретъ его къ себѣ и воспитываетъ въ качествѣ пажа. Сордельо обучаетъ питомца рыцарскимъ искусствамъ, но, выросши, Бальдъ ведетъ себя не по-рыцарски и становится во главѣ забіякъ и бродягъ. Главные члены его шайки великанъ Фракассъ (потомокъ Морганта), Cingar (цыганъ)—воръ и обманщикъ изъ рода Маргутта—и Fraschetto—получеловѣкъ и полусобака, напоминающій Pulicane въ Buovo d'Antona [3]). Продѣлки этой дурачащейся компаніи вынуждаютъ къ принятію мѣръ противъ нея. Бальдъ попадаетъ въ ловушку, мужественно защищается, но все-таки его берутъ и отводятъ въ заключеніе въ Мантую. Вѣрные сподвижники Бальда готовы сдѣлать все для освобожденія его. Наиболѣе сметки проявляетъ плутъ Cingar, который на время выдвигается на первое мѣсто въ поэмѣ. Онъ неистощимъ въ разнаго рода выдумкахъ. Слѣдуетъ разсказъ о шуткахъ, хитростяхъ и изворотахъ, къ которымъ прибѣгалъ Cingar для осмѣянія и одураченія враговъ Бальда, крестьянъ, судей, а также полицейскихъ, солдатъ, монаховъ, и для освобожденія пріятеля. Повѣствованіе обо всемъ этомъ даетъ автору поводъ нарисовать цѣлый рядъ быстро смѣняющихся весьма наглядныхъ и полныхъ сатиризма и выразительной реальности картинъ народной жизни въ разныхъ проявленіяхъ ея. Поэтъ выставляетъ полуживотныя качества виллановъ и отъ лица Cingar-a зло смѣется надъ религіозными корпораціями, которыя стали пріютомъ отребья и тунеядцевъ. Во множествѣ частностей онъ выказываетъ глубокое знакомство съ жизнью

---

[1]) Эта часть поэмы обнаруживаетъ вліяніе принадлежащаго къ Каролингскому циклу сказанія о любви Милона и Берты и о дѣтствѣ Роланда. Существуетъ нѣсколько изданій готическимъ шрифтомъ *Innamoramento de Melone e Berta e come nacque Orlando et de sua pueritia.*

[2]) Очевидно тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Данте,—авторъ *Ensenhamen d'onor*, недавно изданнаго Palazzi [Le poesie inedite di Sordello, Venez. 1887; рец. Schultz-a въ Zeitschr. f. roman. Philologie XII (1888), 270—275]. Впрочемъ, относительно того, кого разумѣть подъ Сордельо, упомянутымъ у Данта, существуетъ разногласіе. См. Rivista di filologia romanza, vol. I, fasc. III, p. 198.

[3]) Русскій Полканъ. См. статью А. Н. Веселовскаго въ Истор. р. словесности *Галахова*, I², 458 и слѣд. Ср. у *А. И. Кирпичникова*: Поэмы Ломбардскаго цикла, М. 1873, стр. 8—9.

Digitized by Google

своей родины, деревни Cipada и города Мантуи; видимо пишетъ съ натуры и соблюдаетъ мѣстный колоритъ даже въ языкѣ, что сообщало удивительную живость позднѣйшимъ обработкамъ *Maccheroniche*. —Переодѣвшись монахомъ, Cingar успѣваетъ, наконецъ, освободить Бальда. Бальдъ и его дружина садятся на корабль. Начинается продолжительное путешествіе, во время котораго герои Фоленго испытываютъ множество неожиданныхъ приключеній. Въ повѣствованіи объ этихъ приключеніяхъ причудливо смѣшиваются легендарные и романическіе мотивы съ подробностями, характеризующими тогдашнюю современность (пираты, cortigiane). Бальду пришлось побывать на седьмомъ небѣ, дважды выслушать прорицанія о будущемъ, прожить нѣкоторое время на заколдованномъ островѣ, раздѣлываться съ колдуньями—meretrice [1]), сражаться съ дьяволами и пиратами. Поэма заканчивается посѣщеніемъ ада, въ который мужественно проникаютъ наши герои. Въ первой изъ подземныхъ странъ они встрѣчаютъ мудреца и пророка Merlinus Cocajus, имя котораго какъ бы не нарочно совпадаетъ съ именемъ знаменитаго волшебника Артуровскихъ романовъ [2]). Въ одной изъ пещеръ, которая носитъ названіе „phantasiæ domus“, пребываютъ

.....grammaticæ populi, pedagogaque proles:
Argumenta volant dialectica; mille sophistæ
Adsunt bajanæ, pro, contra, negoque proboque.

Затѣмъ въ большой тыквѣ неустрашимые бойцы находятъ поэтовъ и астрологовъ, ложью снискивающихъ себѣ хлѣбъ при дворахъ. Здѣсь авторъ разстается съ Бальдомъ, предоставляя другому поэту воспѣть побѣду Бальда надъ Люциферомъ и возвращеніе витязя изъ ада [3]).

---

[1]) Одна изъ нихъ напоминаетъ древнюю Цирцею.

[2]) Фоленго такъ объясняетъ въ поэмѣ о Бальдѣ этимологію прозвища Merlinus Cocajus:

Mox fuit apparsum toto miracol in orbe,
Quale aiunt magno quondam evenisse Platoni,
Quem pecchiae dulci civabant melle putinum:
Sic quoque quottidie passabat nigra frequenter
Merla Padum, portans infanti pabula becco,
Qua propter nomen Merlini venit ab inde,
Motivumque frequens coepit celebrarier illud,
Merla Padum passat propter nutrire Cocajum.

Merla—черный дроздъ. Интересно сопоставить эти слова Фоленго съ провинціальной поговоркой: la Merla ha passato il Po (миновало время счастья).

[3]) Нисхожденіе въ адъ предпринимали нѣкоторые рыцари задолго до Вальда. См., напр., Storia di Ugone d' Alvernia, изд. Zambrini и Bacchi della Lega (Bol. 1882), Scelta, CLXXXVIII и CXC);

Digitized by Google

Даже представленное краткое изложеніе исторіи возникновенія поэмы Фоленго и содержанія ея можетъ показать, изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ сложилось это бурлескное произведеніе, не ограничивающееся пародированіемъ рыцарства и его повѣствованій. Нельзя не согласиться отчасти съ Canello, который, развивая и дополняя мнѣніе de Sanctis, усматриваетъ въ поэмѣ Фоленго широкую и серьезную тенденцію. Онъ видитъ въ Бальдѣ неукротимый человѣческій духъ, устраняющій всякія стѣсненія, а въ особенности препоны со стороны религіозныхъ суевѣрій, сокрушающій адскія пугала и самый адъ. По мнѣнію Canello, поэма о Бальдѣ—„остроумнѣйшая сатира на условія соціальной и религіозной жизни въ началѣ XVI в., который, въ особенности въ низшихъ слояхъ народа, былъ еще цѣликомъ пропитанъ средневѣковыми недостатками; и въ тоже время *Baldus*—торжественное заявленіе новыхъ, или обновленныхъ, правъ разума, который въ обществѣ и въ современной наиболѣе популярной литературѣ находилъ себѣ наиболѣе пригоднаго представителя въ рыцарѣ, защитникѣ права и свободной мысли, всегда и въ особенности не терпящемъ грубости причудливыхъ мѣстныхъ законовъ“ [1]). Принимая это мнѣніе, мы не находимъ возможнымъ лишь согласиться со взглядомъ Canello на отношеніе Фоленго къ рыцарству и признаемъ долю справедливости и въ мнѣніи другихъ историковъ итальянской литературы, между прочимъ и новѣйшаго [2]), которые, считая существенной нотой поэмы Фоленго пародію и смѣхъ надъ всѣмъ, конечнымъ результатомъ поэмы полагаютъ осмѣяніе рыцарства. Нельзя утверждать вмѣстѣ съ Canello, что произведенію Фоленго присуще лишь въ частностяхъ юмористическое отношеніе къ рыцарству въ лицѣ Бальда и его дружины. Въ поэму Фоленго вошло не мало ска-

---

Renier, La discesa di Ugo d' Alvernia allo Inferno, Bologna 1883 (Sc. di cur. lett., disp. CXCIV). и статью *Graf-a*: «Di un poema inedito di Carlo Martello e di Ugo conte d'Alvernia». Cf. Ztschr. f. rom. Philol., III, 620; XI, 158—159; Romania II, 57; IX, 508. О Падуанскомъ манускриптѣ Ugo di Alvernia—въ приложеніи къ статьѣ Крешини объ Orlando (см. ниже). См. еще Rajna, Le origini etc, 236—237. Поэма *Carlo Martello et Ugo Conte Dalvernia* была напечатана въ 1506 г. въ Венеціи и въ 1507 г. въ Миланѣ.

[1]) Storia della letteratura italiana nel secolo XVI, Milano 1880, p. 178 Рец. на эту книгу: Торраки—въ Giornale di filol. romanza № 8 (vol. IV, 117—122) и въ Ztschr. f. Vergleich. Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur, N. F., I, 116—117.

[2]) *Gaspary*, Gesch. der Italienischen Literatur, Zweiter Band, Berl. 1888, 522, 525.

Digitized by Google

заній рыцарскихъ поэмъ [1]), и въ передачѣ этихъ эпизодовъ макаронической поэтъ XVI в. возвратился къ той манерѣ, которой придерживался Пульчи въ эпизодѣ о Маргуттѣ. Если Фоленго пользовался пріемами народнаго или полународнаго эпоса [2]), то не спроста: вѣдь онъ такъ не долюбливалъ простонародья! Не даромъ обратился онъ и къ макаронической рѣчи, которая усилила разящій контрастъ напыщеннаго эпическаго тона и несоотвѣтственнаго содержанія: въ предшествовавшей Фоленго макаронической поэзіи также имѣло мѣсто комическое сопоставленіе изображаемыхъ ею лицъ съ героями рыцарскихъ поэмъ [3]). Въ связи со всѣмъ этимъ не надо забывать, что Бальдъ, рыцарь знатнаго происхожденія, не только въ дѣтствѣ и ранней юности витаетъ въ низменной обстановкѣ и чудеситъ (эти юношескія продѣлки не помѣшали бы ему быть истинно доблестнымъ рыцаремъ, какъ не помѣшали и другимъ героямъ считаться истинно доблестными рыцарями [4]); онъ и позднѣе не только рыцарь разума, правды и отечества (campio rationis, iustitiae, fidei, patriae), какъ называетъ его отецъ, но и *tabolae rotundae*; а къ этому братству круглаго стола принадлежатъ не исключительно чистокровные рыцари; къ нему принадлежатъ одновременно и такія личности, какъ симпатичный энтузіастъ, испанецъ Леонардо, и такія какъ плутъ Cingar. Бальдъ—членъ вольницы, не знающей рыцарскаго этикета и рыцарской любви, не уживающейся съ ограниченностію людей, стоящихъ за обычную мораль и законность. Изображеніе этой воль-

---

[1]) Отмѣтимъ, между прочимъ, эпизоды, напоминающіе Guerino il Meschino, знаменитый и весьма популярный народный романъ Andrea dei Magnabotti.

[2]) См., напр., бой Бальда съ дьяволами, во время котораго герой вмѣсто оружія употребилъ Belzebub-a; ср. въ нашихъ былинахъ помахиваніе татариномъ.

[3]) Вспомнимъ, напр., солдата Guiotto, который мужествомъ своимъ напоминаетъ Uggieri il Danese; у него была шпага

Quam Durindane poteris pensare sororem,
Quam vix triginta possent de terra levare.

Фоленго считалъ Odassi самымъ знаменитымъ своимъ предшественникомъ. О началѣ маккаронической поэзіи см. въ статьѣ Rossi: «Di un poeta maccheronico e di alcune sue rime italiane» въ Giorn. stor. della lett. ital., vol. XI (1888), fasc. 31—32; въ моногр. *F. Gabotto e D. Barella*, La poesia maccaronica e la storia in Piemonte sulla fine del secolo XV, Torino 1888; въ моногр. *Zannoni*: I precursori di Merlin Cocai. Città di Castello, S. Lapi, 1888; и въ обширной рецензіи на эту монографію, помѣщенной въ Giorn. stor. etc., vol. XII. fasc. 36.—Зародышъ макаронической поэзіи находятъ въ произведеніяхъ голіардовъ, новѣйшая монографія о которыхъ—*Gabrielli*: Su la poesia dei Goliardi, Città di Castello, 1889.

[4]) См., напр., ниже въ изложеніи содержанія англійскаго романа о Red Rose Knight.

Digitized by Google

ницы введено въ широкія рамки осмѣянія средневѣковой рутины, которую авторъ находитъ всюду, даже въ средѣ представителей интеллигенціи. Наконецъ, истинный смыслъ загадочной поэмы Фоленго освѣщается сопоставленіемъ ея съ однородными и родственными произведеніями другихъ литературъ, въ особенности съ знаменитымъ сатирическимъ романомъ современника Фоленго, Рабле, который, по нашему мнѣнію, выработалъ идею своего произведенія не безъ вліянія Фоленго [1]), сроднаго ему по духу и отчасти также по внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни. Поэма Фоленго представляется намъ смѣлымъ и оригинальнымъ литературнымъ построеніемъ въ родѣ тѣхъ, какими выдается первая половина XVI в. Рыцарь Фоленго, во имя доблести и справедливости смѣло идущій на встрѣчу всѣмъ препятствіямъ и не мирящійся съ окружающей обстановкою, не Донъ-Кихотъ [2]), не представитель только отживающихъ воззрѣній; отвага его, на которую указываетъ самое имя его,—молодецкая отвага вождя новаго движенія, съ юношескою неопытностью вѣрящаго въ безграничность своихъ силъ, смѣло идущаго на встрѣчу адской тьмѣ, во главѣ которой стоитъ тьма разума.

Если справедливо наше истолкованіе значенія поэмы о Бальдѣ, то слѣдуетъ признать, что Фоленго возвеличивалъ не обычное рыцарство въ личности Бальда, а какое-то иное—рыцарство будущаго. Что Фоленго не удовлетворялся обычнымъ рыцарствомъ, видно и изъ отношенія его къ послѣднему въ другихъ произведеніяхъ. По мнѣнію самого Canello, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній Фоленго имѣлъ въ виду осмѣяніе наклонности къ любовной идилліи и любовной изнѣженности, пародированіе любовныхъ канцонъ (*Zanitonella*) и осмѣяніе рыцарскихъ романовъ (*Moschei-*

---

[1]) Мы пришли къ этому выводу независимо отъ *P. Stapfer*-а, съ книгою котораго о Рабле (Rabelais, sa personne, son génie, son oeuvre, Par. 1889; см. p. 389—392) мы ознакомились потомъ.

[2]) Къ сожалѣнію, мы не могли ознакомиться со статьею *Zumbini*: Folengo precursore del Cervantes, помѣщенною въ Napoli letteraria 3 января 1885 г. Проводя параллель между Фоленго и Сервантесомъ, можно бы указать, между проч., на то, что оба поэта вывели героевъ своихъ изъ деревушки, которая имѣла то или иное значеніе въ ихъ жизни и которую они хотѣли помянуть не добромъ. У Фоленго такою деревушкою является Cipada, у Сервантеса одна деревушка въ Ла-Манчѣ. Предполагаютъ, что Сервантесъ потерпѣлъ однажды непріятность отъ жителей послѣдней и въ знакъ своего негодованія не захотѣлъ ее назвать въ начальныхъ строкахъ своего знаменитаго романа: «En un lugar de la Mancha, *de cuyo nombre no quiero acordarme*, no ha mucho tiempo que vivia un hidalgo»....

Digitized by Google

de) [1]). Равнымъ образомъ и поэма *Orlandino* [2]) была не притворнымъ лишь, а дѣйствительнымъ осмѣяніемъ какъ Роланда, такъ и рыцарства вообще.

Послѣ Фоленго заслуживаетъ упоминанія въ числѣ поэтовъ, комически изображавшихъ рыцарство, Берни. Онъ обработалъ поэму Боярдо Orlando inammorato (окончилъ обработку въ 1531 г.; въ печати она явилась въ 1541 г.) не съ цѣлью пародированія, хотя вообще имѣлъ охоту къ насмѣшкѣ, а съ цѣлью сообщенія большаго изящества языку. Тотъ юморъ, который присущъ обработкѣ Берни, былъ впервые внесенъ въ изображеніе Роланда еще графомъ Боярдо [3]); Боярдова Роланда считаютъ одною изъ самыхъ смѣшныхъ фигуръ итальянской рыцарской поэзіи. Orlando rifatto Берни соотвѣтствуетъ духу времени, въ которое писалъ послѣдній. Между тѣмъ какъ Боярдо во многомъ близокъ еще къ средневѣковью, Берни въ большей степени выказываетъ себя человѣкомъ новаго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ Берни нѣсколько обезцвѣтилъ лица, изображенныя Боярдо. У послѣдняго они тщательно охарактеризованы, Берни же сглаживаетъ отличія и водворяетъ нѣкоторое однообразіе.

Пьетро Аретино, пробовавшій свои силы въ различныхъ родахъ творчества, проявилъ двоякое отношеніе къ рыцарской эпопеѣ [4]) и въ этомъ отношеніи отразилъ двойственность первой половины XVI вѣка и свое индифферентное, спекулянтское отношеніе къ литературѣ.

Вначалѣ онъ признавалъ (Marfisa, canto I)

Bell'onor, che n'acquista il secol nostro
Che rivolga l'istorie di Turpino,
E di lor canti con pregiato inchiostro
Ogni Spirito eccelso e pellegrino....

---

[1]) Оба эти произведенія написаны Фоленго еще въ началѣ его литературной дѣятельности въ Болоньѣ.

[2]) Поэма *Orlandino* написана или вновь обработана въ 1525—1526 гг.; напечатана впервые въ 1527 г.

[3]) Crescini (Orlando nella Chanson de Roland e nei poemi del Bojardo e dell' Ariosto: Propugnatore 1880 и отдѣльный оттискъ) подтвердилъ выводъ Райны, по которому Orlando *inammorato*—лицо комическое, а *furioso* вновь становится героемъ серьезнымъ.

[4]) О произведеніяхъ Аретино, имѣющихъ отношеніе къ рыцарской эпопеѣ, см. въ статьѣ *Luzio*: «L'Orlandino di Pietro Aretino», помѣщенной въ № 6 (t. III) Giornale di filologia romanza.

Digitized by Google

По примѣру многихъ другихъ, издававшихъ primi canti о какой-нибудь отдѣльной личности поэмы Аріосто, Аретино написалъ три отрывочныхъ эпическихъ наброска, примыкавшихъ къ поэмѣ Аріосто [1]). Въ одномъ изъ нихъ (*Marfisa*) Аретино вдался, между проч., въ фантастическое измышленіе о той кутерьмѣ, которую поднялъ въ преисподней послѣ своей смерти нетерпѣливый и гордый Родомонтъ [2]); явившись туда, онъ вступилъ въ борьбу со всѣмъ адомъ. Въ описаніи этой борьбы встрѣчаемся съ Дантовскимъ Харономъ и съ Плутономъ. Затѣмъ Родомонту предстаетъ печальное зрѣлище: онъ видитъ поруганіе, которому подверглось его бездыханное тѣло, и возвращается дорогою, которою пришелъ, отгоняетъ воронов, глодущихъ останки, наталкивается на Сакрипанта и вступаетъ въ бой съ нимъ.—Отъ такихъ причудливостей было недалеко уже до изображенія рыцарства въ комическомъ видѣ. Аретино въ этомъ случаѣ пошелъ нѣсколько далѣе чѣмъ Аріосто.

Во второмъ отрывкѣ (*De le lagrime d'Angelica*) отмѣчаютъ идиллическій эпизодъ о счастіи, которымъ паслаждаются среди прекрасной природы Медоръ и Анджелика. Аретино, воздержавшійся въ этой картинѣ отъ свойственнаго ему цинизма, восклицаетъ, созерцая блаженство упоенныхъ любовью:

O beati color ch'anno due cori
In un sol core, e due alme in un'alma etc. [3]).

Продолжать въ томъ же тонѣ Аретино не могъ, да и не предвидѣлъ удачи. Онъ ограничился отрывками и не создалъ цѣльной рыцарской поэмы. Рыцарскій идеализмъ не могъ быть ему по душѣ.

Потомъ [4]) Аретино, „Flagello dei principi", какъ съ гордостью

---

[1]) Быть можетъ, Аретино не отказывался отъ мысли довести до конца эти отрывки. Въ предисловіи къ Marfiza издатель говоритъ: «...esser potra che il Diuino auttor dia fuor il resto dell' opra sua a requisitione, et uoto di quelli che piu le gratie d'esso godono». Ср. слова самого Аретино о томъ, что онъ уничтожилъ около 4000 стансовъ романовъ.

[2]) Онъ выступаетъ у Аріосто, какъ Сарацинскій витязь, разочаровавшійся въ концѣ концовъ и въ дѣвушкахъ и въ рыцаряхъ. Его убилъ Ruggero. См. о Родамонтѣ *Regis*, Matteo Maria Bojardo's Verliebter Roland, Berl. 1840, 432—433.

[3]) Потомъ эти стихи очутились въ Ragionamenti (nella nobil città di Bengodi MDLXXXIV) p. 437!

[4]) Упомянутые отрывки обѣихъ поэмъ напечатаны до 1532 г. Перечень изданій рыцарскихъ поэмъ Аретино у Melzi e Tosi, 20—23. Мы пользовались Венеціанскимъ изданіемъ (Tre primi canti di Marfisa del divino Pietro Aretino. Nuouamente stampati et historiati. Venet M. D. XLV), не обозначеннымъ у Melzi e Tosi.

Digitized by Google

называлъ онъ себя, становится въ иное отношеніе къ рыцарской эпопеѣ. Изъ-подъ его пера выходитъ „ladra storia composta improvviso", получившая неподходящее названіе *Orlandino* [1]). Въ ней авторъ даетъ волю своему неудержимому смѣху, представляетъ идеальность рыцарскаго міра ложью, а знаменитыя рыцарскія поэмы, рядомъ съ авторами которыхъ безцеремонно называетъ и себя, пустою болтовнею. Турпинъ, виновникъ будто бы всѣхъ причудливыхъ измышленій Аріосто и др., обозванъ „chronichista ignorante nulla tenensis", его твореніе—болтовней и глупостями [2]); вслѣдъ за Турпиномъ пустились въ лживыя повѣствованія Пульчи, Боярдо, *Furioso divino* (Аріосто) и *gran Pietro Aretino*. Аретино какъ будто раскаивается въ прежнемъ увлеченіи рыцарствомъ и противополагаетъ свое сказаніе повѣствованіямъ Пульчи, Боярдо и Аріосто: онъ не обманываетъ, какъ они, небылицами. Пѣснь его иная, и характеръ ея онъ обозначаетъ въ самомъ началѣ, пародируя извѣстную начальную строфу „Orlando Furioso": пою, говоритъ онъ,

Le eroiche pazzie, li eroici umori,
Le traditore imprese, il ladro vanto,
Le menzogne de l'armi e de gli amori,
Di che il mondo coglion s'inebria tanto etc.

Аретино предаетъ полному осмѣянію идеальный міръ рыцарей: онъ изображаетъ ихъ въ Orlandino не такими, какими выставилъ въ *Marfisa*; онъ превращаетъ пресловутыхъ паладиновъ въ дрянной сбродъ лѣнтяевъ и остолоповъ, трусливыхъ, но плебейски-хвастливыхъ, а подвиги ихъ въ „ladri gesti" (гадкія дѣянія).—Дѣйствіе открывается, какъ у Боярдо и вообще въ рыцарскихъ романахъ—собраніемъ при дворѣ Карла, въ Троицынъ день. Дюжина паладиновъ *della tavola rotonda* [3]) стремительно бросаются къ роскошно уставленному столу и жадно поглощаютъ яства и напитки. Къ концу пира Оливье въ шутку ударяетъ по головѣ Гано (Ганелона) лопаткой

---

[1]) Поэма эта перепечатана у Romagnoli въ Scelta di curiosità letterarie № 95.

[2]) О Турпинѣ иронически упоминаетъ уже Аріосто XXX, 49. Въ изданіи поэмы Боярдо 1495 г. прямо говорилось въ началѣ 1-й книги, что она »tratto dalla historia di Turpino Arcivescovo Remense». Въ самомъ текстѣ Боярдо Турпинъ поминается не разъ.

[3]) Авторъ называетъ ихъ такъ, вѣроятно, въ насмѣшку, имѣя въ виду застольные подвиги паладиновъ, и врядъ ли смѣшивалъ ихъ съ рыцарями Артура. Могло быть также, что онъ подражалъ въ данномъ случаѣ Фоленго; см. ниже.

Digitized by Google

зажареннаго барана; если Ганелонъ промолчалъ при этомъ, то—потому, что уже замыслилъ измѣну и Ронсевальскую катастрофу. Затѣмъ, какъ въ Артуровскихъ романахъ, веселье прерывается неожиданнымъ приключеніемъ—звукомъ рога, заслышавъ который, паладины поблѣднѣли. Оказалось, что паладинамъ сдѣлалъ вызовъ языческій витязь Альманзоръ. Карлъ приглашаетъ Роланда вооружиться и выйти на бой, но Роландъ уклоняется:

Rispose allora il coraggioso conte:
Lasciami andar prima a far un servisio.

Выступить рѣшается Астольфо, но труситъ, и вступаетъ въ бой лишь послѣ насмѣшекъ Альманзора. Онъ палъ на землю при первой же схваткѣ и закричалъ побѣдителю:

..... magnificenza, omnipotenza,
Serenità, majestà e potestate,
Reverendissimo, illustre, eccelenza
Vivo Domeniddio, e sanitate *etc.*

Поэтъ выражаетъ негодованіе на то, что Марсъ позволяетъ носить оружіе такимъ трусливымъ бездѣльникамъ, а государи предпочитаютъ ихъ доблестнымъ людямъ. Затѣмъ онъ подсмѣивается надъ лавровѣнчанными поэтами, которые, можетъ быть, перестанутъ ломать голову надъ подвигами паладиновъ, возвеличивая ихъ,

Mettendoli su in ciel soprai tappeti
E facendoli Dei, nonchè divini.
State di grazia trium vitium cheti
Bojardi, Ariosti ed *Aretini*
Che Astolfo valentuom pietà domanda....

На вопросъ Альманзора, кто онъ, Астольфо отвѣчаетъ:

..... Astolfo sono,
Arma virumque cano in terra a piei...
Non cavar fuor laspada, che perdono,
Signor, ti chiedo; miserere mei.

Этимъ посрамленіемъ паладина и насмѣшкой Альманзора и оканчивается отрывокъ, написанный Аретино.

Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы ознакомиться съ тономъ этого повѣствованія и видѣть, что оно представляетъ пародію грубую, по мѣстамъ непристойную или, по меньшей мѣрѣ, тривьяльную и скоро надоѣдающую. Въ смѣшномъ видѣ переданъ

Digitized by Google

лишь одинъ эпизодъ рыцарскихъ романовъ—тотъ, которымъ открываются нѣкоторые романы Круглаго Стола [1]). Написана каррикатура во вкусѣ таверны, и не можетъ быть рѣчи о сближеніи ея съ насмѣшкой Пульчи и Фоленго. Мы не видимъ даже оригинальности въ произведеніи Аретино. Повидимому, онъ былъ обязанъ Фоленго идеею и нѣкоторыми подробностями разсмотрѣнныхъ произведеній: на то указываютъ хотя бы такіе внѣшніе признаки, какъ употребленіе макаронической рѣчи по мѣстамъ, недоконченность поэмъ, названіе Орландино. Подвиги Родомонта въ аду напоминаютъ не только удальство Морганте, но и проникновеніе Бальда и его сподвижниковъ въ адъ. Грубоватый тонъ въ пародированіи рыцарства также указываетъ на связь съ Фоленго. Астольфо у Аретино похожъ на Астольфо Боярдо. Ср. поэму Guazzo „Astolfo borioso“ (Venez. 1523).

Поэма Orlandino, какъ и предыдущія, не могла имѣть виднаго успѣха въ образованной публикѣ, но, тѣмъ не менѣе, она не лишена значенія, потому что встрѣтила благосклонный пріемъ у читателей низшаго разряда, являясь въ переработкахъ для народа и въ переложеніяхъ на народный говоръ. Она перепечатывалась еще въ началѣ XVII в. (1616). Въ этихъ народныхъ изданіяхъ то, что имѣло прямое отношеніе къ личности Аретино, было устранено; выраженія Аретино, казавшіяся сомнительными въ моральномъ или религіозномъ отношеніи, были замѣнены другими; самое имя Аретино уступило мѣсто популярному и всюду царившему имени Аріосто, поэма котораго печаталась почти ежегодно (въ нѣкоторые годы даже въ нѣсколькихъ изданіяхъ); вообще проявлялось вольное отношеніе къ подлинному тексту Аретино, но основные мотивы его были подхвачены и пущены въ ходъ съ видимымъ удовольствіемъ. Перы Карла В., какъ и у Аретино, были названы „paladi della tavola retonda“.

Такъ печально начали послѣдній періодъ своего существованія въ Италіи герои Каролингскаго эпоса, постепенно превратившіеся со второй половины XV в. въ „cavalieri erranti“, а въ XVI в. ставшіе даже *malscalzoni*.

Со второй половины XVI в., когда нѣсколько утихло движеніе, произведенное поэмою Аріосто, Каролингская сага въ Италіи уже не проявляла прежнихъ задатковъ развитія и не привлекала выдающихся

[1]) Что такова была обычная форма начала нѣкоторыхъ позднѣйшихъ романовъ Круглаго Стола, см. *Gautier*, Les épopées, I², 393.

Digitized by Google

поэтовъ: они какъ бы чуяли, что въ старомъ эпосѣ, разработанномъ на всевозможные лады, уже не найти новыхъ и свѣжихъ темъ. Каролингскій эпосъ еще долго наполнялъ собою въ значительной степени эпическую литературу Италіи. До 30-хъ годовъ XVII в. довольно часто перепечатывались старыя поэмы, явившіяся въ итальянской литературѣ въ періодъ, предшествовавшій той блестящей обработкѣ, какую получилъ Каролингскій эпосъ въ произведеніяхъ Боярдо и Аріосто [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ царилъ эпосъ Аріосто, и напрасно, какъ увидимъ, пытался затмить его славу Тассо. Продолжалъ пользоваться уваженіямъ и Боярдовъ „Orlando Inammorato", правда—не въ подлинникѣ, а въ rifacimenti или переработкахъ Берни и Доменики [2]). Время отъ времени вновь переиздавался „Моргантъ" Пульчи [3]). Выходили въ свѣтъ новыя поэтическія обработки сюжетовъ, затронутыхъ въ поэмахъ Боярдо и Аріосто [4]), по временамъ бурлеск-

[1]) Перечислимъ важнѣйшія изъ этихъ и сродныхъ имъ поэмъ и обозначимъ годы, къ которымъ относятся сохранившіяся датованныя изданія ихъ начиная съ половины XVI в.: Libro della regina Ancroja 1551, 1575, 1589. Aspramonte 1553, 1556, 1594, 1615, 1620. Bradiamonte 1551, ок. 1560, 1558, 1601, 1615. Buovo d'Antona 1560, 1562, 1576, 1579, 1580, 1584, 1587, 1599 и др. послѣдующаго времени. Innamoramento di Carlo Magno 1553, 1556. Libro delle battaglie del Danese 1553, 1588, 1599, 1611, 1638. Drusiano dal Leone 1555, 1571, 1575, 1576, 1580, 1587, 1614, 1620, 1627, 1669, 1670. Falconeto 1572, 1605, 1669. Tradimento di Gano contra Rinaldo 1566, 1606, 1639, 1668. Innamoramento de Melone e Berta e come nacque Orlando e de sua pueritia 1558, 1580, 1602, 1612, 1628 и др. *Narcisso*—Il Fortunato 1583, 1597, 1620. *Durante da Gualdo*, Leandra 1550, 1551, 1553, 1556, 1562, 1563, 1568, 1569, 1579, 1587, 1683. Innamoramento di Rinaldo 1553, 1575, 1615, 1625, 1640. Libro chiamato Dama Rovenza 1566, 1580, 1584, 1620, 1625, 1671. Sala de Malagise e Uanto di Paladini 1585, 1606, 1614, 1616. Spagna 1557, 1564, 1568, 1570, 1580, 1610, 1615, 1670, 1783. Trabisonda 1558, 1568, 1576, 1616, 1623, 1672.—Данныя эти извлечены изъ Melzi и Tosi.

[2]) Послѣ 1544 г. поэма Боярдо перепечатывалась въ передѣлкахъ, такъ что во второй половинѣ XVI в. уже трудно было найти изданіе, вѣрно воспроизведшее оригиналъ [Melzi e Tosi, 95].—Orlando, передѣланный Берни, выдержалъ немного изданій: четвертое относится къ 1625 г. О причинѣ немногочисленности изданій этой передѣлки см. у Regis-a, 394. Болѣе вышло изданій обработки Domenichi; съ 1545 до 1623 г. было выпущено не менѣе 20 изданій ея.

[3]) Въ 1550, 1552, 1574, 1606 гг.

[4]) Назовемъ: поэму Angelica innamorata, написанную Brusantino (изд. 1550 и 1553) и составлявшую продолженіе повѣствованія Аріосто; Dell'amor di Marfisa, tredici canti del Danese *Cataneo* de Carrara, 1562 (перепеч. ок. 1680); Doi canti di Daniele Contrario Trivigiano dei successi e delle nozze dell' orgoglioso Rodomonte, dopo la repulsa, ch'egli hebbe da Doralice (1557); Bradamante gelosa di *M. Secondo* Tarentino (1552, 1608 и 1619); поэму *Galuzzo* Il Ruggero (1550, 1558).—Нерѣдко вниманіе поэтовъ, занимавшихся переработкою поэмы Аріосто, привлекали отдѣльныя мѣста и небольшіе эпизоды «Неистоваго Роланда»; оттуда рядъ такихъ произведеній, какъ «tramutazione», «compendio», «discorsi» изъ отдѣльныхъ мѣстъ поэмы Аріосто, «pianto» «Epistole heroiche», «lettere», усвояемые героямъ и героинямъ этой поэмы.—Одною изъ наиболѣе интересныхъ личностей казался Родомонтъ. Имя его вошло въ пословицу, какъ и имя Galeotto; послѣднее стало нарицательнымъ для означенія сводника какъ будто уже во время Данте. *Regis*, l. c.

Digitized by Google

ныя [1]), и повторялись изданія прежнихъ продолженій и эпизодическихъ распространеній, которымъ подверглись объ ихъ знаменитыя поэмы и „Моргантъ“ Пульчи [2]). Но все это не сообщало прежней жизненности Каролингской сагѣ, успѣвшей нѣкогда стать національно-итальянскою. Тѣ новыя, коренившіяся въ этой сагѣ, произведенія, которыя явились во второй половинѣ XVI в. и въ первыя десятилѣтія XVII в., по справедливости преданы забвенію.

Съ 30-хъ годовъ XVII в. интересъ къ Каролингской рыцарской сагѣ замѣтно слабѣетъ въ итальянской литературѣ: меньше выходитъ новыхъ оригинальныхъ произведеній изъ области ея [3]), да и перепечатки прежнихъ становятся рѣже. До нашихъ дней изъ старой рыцарской литературы Италіи не переставали обращаться въ народѣ лишь два произведенія Andrea dei Magnabotti di Barberino di Val d'Elsa (жилъ до 40-хъ годовъ XV в.): Reali di Francia и Guerino il Meschino [4]), приспособленныя къ народному вкусу.

Итакъ, рыцарская эпика Италіи въ томъ теченіи, которое выражалось въ Каролингской сагѣ, съ половины XVI в. чахла.

Но, съ ослабленіемъ славы паладиновъ, авторитетъ рыцарства и его эпики еще не былъ подорванъ въ Италіи. Напротивъ, вторая половина XVI в. ознаменовалась въ Италіи подъемомъ рыцарской

---

[1]) Отдѣльные эпизоды поэмы Аріосто перелагались на народныя нарѣчія, при чемъ получали комическій характеръ, еще въ началѣ XVII в. (Stanze dell'Ariosto tramudade per el dottor *Partesanon* de Trancolin in lingua gratiana. Ven. 1597.—Pescatoria amorosa in lingua venetiana, con la risposta a certe stanze tramutate dell'Ariosto in laude delle donne etc.; пародируются слова Аріосто: «Donne e voi che le donne avete in pregio». Ср. ст. Luzio объ Orlandino, p. 80).

[2]) *Dragoncino*. Vita del solazzevole Buracchio figliuolo di Margutte e di Tanunago suo compagno M. D. XXXXVII. *Zanetti*, Lodi dell'eccelente sig. Porchetto. Dialogo di Morgante e Margutte etc. In Padova et in Trevisi 1626. И др.

[3]) *Boldoni*, La Caduta dei Longobardi, Bol. 1636 (сюжетъ поэмы заимствованъ изъ Innamoramento di Carlo Magno, 1-е изд. кот. 1481 г.). Поэмы *Chiabrera*: Ruggiero (сюжетъ взятъ изъ Orl. Fur.), La Conquistà di Rabiano (изъ Боярдо), Alcina prigioniera (изъ Аріосто) (1653 и слѣд.). Затѣмъ слѣдуютъ поэмы XVIII в.: *Montefusco*, Le imprese di Carlo Magno e suoi Paladini etc. Mil. 1737; *Gozzi*, La Marfisa bizarra 1772 и др. Въ ряду позднѣйшихъ поэмъ, сюжетъ которыхъ примыкаетъ къ Каролингскому циклу, выдается Il Ricciardetto (1716). Авторъ ея Niccolò *Forteguerri* (1674—1735) достигъ значительнаго успѣха благодаря талантливому и удачному сочетанію стилей Пульчи, Берни и Аріосто. См. предисловіе Рубби къ Венеціанскому изданію въ 3-хъ томахъ, вышедшему въ 1789 г. (Parnasso italiano, tt. XLIII—XLV). Такъ долго держался въ Италіи излюбленный родъ ея эпоса!

[4]) Перечень изданій послѣдняго у Melzi e Tosi, 172—180. Этотъ романъ нѣкоторые относили къ *Tavola Ritonda*. О времени жизни Andrea da Barb. см. Ztschr f. rom. Philol, XII, 485

Digitized by Google

эпики и развитіемъ ея въ двухъ направленіяхъ, которыя были намѣчены уже Аріосто или нѣкоторыми изъ ближайшихъ его послѣдователей.

Уже Боккаччіо соединилъ въ нѣкоторыхъ романахъ эпизоды рыцарской эпики съ античными сказаніями и съ художественностію формы [1]). У Аріосто усматриваютъ нѣкоторое стремленіе приблизить рыцарскій романъ къ типу античнаго эпоса. Но, при всѣхъ крупныхъ достоинствахъ, чаровавшихъ читателей „Неистоваго Роланда", послѣдній не считался эпосомъ, который могъ бы поравняться съ древнимъ. Аріосто, умышленно нарушивъ во многомъ кодексъ поэтики, который былъ ему извѣстенъ, не могъ встрѣтить благосклоннаго отношенія со стороны чтителей теоріи и древнихъ образцовъ эпоса: поэму Аріосто не могли признать тѣмъ эпосомъ, въ которомъ Возрожденіе усматривало вѣнецъ литературнаго творчества.

Послѣ Аріосто въ рыцарскую эпику проникаетъ въ большей степени то теченіе, которое проявлялось съ самаго начала Возрожденія въ итальянской литературѣ, но прежде оказывало воздѣйствіе на иные сюжеты. Въ рыцарскій эпосъ вводятъ тѣ пріемы, которые считались обязательными для эпическаго поэта на основаніи изученія древней эпопеи, и обогащаютъ его данными, заимствованными изъ древней литературы. Словомъ, древніе образцы начинаютъ вліять и на рыцарскій эпосъ Италіи. Такой поворотъ находился въ связи съ подъемомъ значенія эллинизма въ Италіи начала XVI в. и съ первыми опытами обстоятельной разработки теоріи поэзіи [2]), отправлявшейся отъ началъ, положенныхъ Аристотелемъ и Гораціемъ [3]). Въ древней же литературѣ—въ поэмѣ Виргилія—нашли образецъ практическаго выполненія той теоріи эпоса, которую выдвигали [4]). Вообще въ разсматриваемое время были оживленно обсуждаемы теоретическіе вопросы, возникавшіе относительно эпоса и романа, который связывали съ эпосомъ [5]).

---

[1]) По вопросу о складѣ *Filocolo* см. ст. Novati: «Sulla compositione del Filocolo» въ Giorn. di filol. romanza № 6.

[2]) *Borinski*, Die Poetik der Renaissance und die Anfänge der litterarischen Kritik in Deutschland, Berl. 1886, 4.

[3]) Къ Аристотелю Возрожденіе относилось сначала недовѣрчиво, да и въ XVI в. І. Ю. Скалигеръ не благоволилъ къ нему.

[4]) Энеида считалась образцомъ эпоса предпочтительно передъ Гомеровскимъ эпосомъ.

[5]) См. ниже.

Digitized by Google

Авторы поэмъ, сложенныхъ по правиламъ теоріи и примыкавшихъ по содержанію къ древней сагѣ и исторіи, противополагали свои произведенія рыцарскимъ романамъ, написаннымъ безъ соблюденія правилъ, напр.—поэмѣ Аріосто, которая „нравится толпѣ“. Поэты, покорно исполнявшіе велѣнія поэтики, какъ бы не полагаясь на собственное сужденіе, придавали большое значеніе совѣтамъ лицъ, авторитетныхъ, по ихъ мнѣнію, въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній.

Однимъ изъ первыхъ выполнителей новой теоріи на практикѣ былъ Триссино, подражавшій преимущественно Виргилію и Гомеру. Онъ готовъ былъ подобно Аріосто осудить любовь, какъ причину недѣятельности (desidia), и восхвалилъ ее вслѣдъ за Боярдо какъ источникъ высшей доблести. Вообще онъ не вполнѣ устранилъ романическій элементъ. Тѣмъ не менѣе, его Italia Liberata da Gotti (первоначально—въ 1547 г.—въ свѣтъ было выпущено 9 книгъ этой поэмы) потерпѣла рѣшительное пораженіе, и потому авторы послѣдующихъ героическихъ поэмъ не слѣдовали примѣру Триссино во всей строгости и примыкали въ большей степени къ рыцарскимъ романамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они поднимали и самое рыцарство до высоты, подобающей героямъ эпоса важнаго характера.

Боярдо и Аріосто относились не безъ улыбки къ подвигамъ фантастическаго рыцарства, о которыхъ повѣствовали. Первая половина XVI в. въ Италіи не могла вселить вѣру въ рыцарскую доблесть: царившій тогда индивидуализмъ былъ не идеалистическаго свойства. Но у нѣкоторыхъ послѣдователей Аріосто уже исчезаетъ шутка и иронія. Во второй половинѣ XVI в. видимъ рѣшительный поворотъ къ вполнѣ серьезному изображенію рыцарства, къ вознесенію его на такой пьедесталъ, на какой оно рѣдко подымалось до той поры, и къ превращенію измышленныхъ героевъ его въ образцы нравственной доблести, благодаря чему въ рыцарскій романъ начинаетъ приходить нравственная тенденція. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ проявленіяхъ рыцарскій эпосъ взойдетъ даже на ту ступень, на которой давно уже не былъ, на ступень религіознаго воодушевленія [1]): у Тассо совсѣмъ уже нѣтъ мѣста юмору.

[1]) Въ 1597 г. была напечатана поэма in ottava rima, написанная Graziano (+1594): Di Orlando santo Vita e Morte con venti mila Cristiani uccisi in Roncisvale, cavata dal Catalogo de' Santi di Giulio Cornelia Gratiano, libri otto. Trevigi, in-12. Перепечатана она была въ Венеціи въ 1609 и 1639 гг.

Digitized by Google

На ряду съ героями стараго Каролингскаго эпоса, повѣствовавшаго о „Carlo magno imperadore, et de tutti li paladini, et de molte battaglie crudelissime“ и воспринявшаго въ себя множество элементовъ поздпѣйшей романтики, вновь получили весьма видное мѣсто и витязи иные, настоящіе cavalieri erranti, тѣ, по образцу которыхъ были разрисованы въ Италіи со второй половины XV в. герои Каролингскаго цикла.

Прежде всего вновь выдвинулись старые рыцари Круглаго Стола. Въ XVI стол. въ Италіи вышло не мало изданій романовъ Артуровскаго цикла въ переводахъ, сдѣланныхъ въ предыдущіе вѣка, но подвергшихся подновленіямъ и вліянію говоровъ Ломбардскаго и Венеціанскаго [1]). Появились и новыя обработки изстари извѣстныхъ въ Ита-

---

[1]) Отмѣтимъ слѣдующія изданія: *Storia di Merlino*, напечатанная въ гг. 1480, 1495, 1507, 1516, 1529, 1539, 1540, 1554, (въ послѣднемъ изданіи носитъ заглавіе: La vita di Merlino con le sue profetie nuovamente ristampata, et con somma diligentia corette Le quali tratta delle cose che anno a venire). Эта Storia, какъ свидѣтельствуетъ приписка въ концѣ перваго печатнаго изданія, была переведена съ французскаго въ 1379 г. (въ нѣкоторыхъ изданіяхъ стоитъ ошибочно 1479): «Tracta e questa opera del Libro autentico del Magnifico messer Pietro del Delphino fu del Magnifico messer Zorzi, translatato de lingua francese in lingua italica scripto nel anno del Signore 1379». Новѣйшее изданіе: I Due Primi Libri della Istoria di Merlino, Bol. 1884 (Scelta, 201). Исторія этой книги критически возсоздана акад. Веселовскимъ въ статьѣ: «Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы», Ж. М. Н. Пр. 1873, № 2, стр. 168—187. Г. Веселовскій пришелъ къ выводу, что въ томъ видѣ, въ какомъ явилась старопечатная книга, она сложилась въ Италіи постепенно. Исходнымъ пунктомъ послужилъ французскій текстъ пророчествъ Мерлина, существовавшій уже во второй половинѣ XIII в. и составленный, вѣроятно, по заказу императора Фридриха II, желавшаго воспользоваться пророчествами, какъ удобной формой памфлета для борьбы съ духовенствомъ. Въ 1379 г. Paolino Pieri, извѣстный какъ авторъ Флорентійской хроники, перевелъ во Флоренціи французскій текстъ на Тосканское нарѣчіе. Оригиналомъ могъ послужить одинъ изъ французскихъ сборниковъ, гдѣ за романомъ о Мерлинѣ, составленнымъ по de Boron-у, слѣдовали prophéties. Тосканскій переводчикъ внесъ въ свою книгу хронологическія указанія, относящіяся къ XIV в. Трудомъ его воспользовался Венеціанскій редакторъ Vita di Merlino, жившій къ XV в. и внесшій немало политическихъ намековъ, касающихся Венеціи. Онъ далъ новое распредѣленіе памятнику. Ср. *Fontanini*, II, 191—192; Galfridi de Monemuta Vita Merlini, publ. par Fr. Michel et Th. Wright, Par. 1837, p. LXV—LXVIII.—*Delle magnanime opere de'due Tristani cavalieri invitti della Tavola Ritonda*, Libri due, Vineggia. 1555. Это—старый романъ, составляющій часть Tavola Ritonda и переведенный въ buon secolo. «Egli ci viene dal Provenzale. Non ne trarrebbe gran profitto chi volesse studiare su questa stampa... l'antica semplicità ed eleganza non si presentano se non se a guisa di fantasmi», говоритъ Zambrini (col. 720).—*Dell'illustre e famosa istoria di Lancilotto dal Lago, che fu al tempo del re Artù, nella quale si fa menzione de i gran fatti et alta sua cavalleria, et di molti altri valorosi cavallieri suoi compagni della Tavola Ritonda*. Libri 3. Vinegia 1558—59. Изъ этого романа черпали матеріалъ Пульчи, Боярдо (cf. Rajna въ Scelta, 135, p XXXVI), Аріосто, Valvasone. О новѣйшихъ перепечаткахъ нѣкоторыхъ мѣстъ этого романа—Zambrini, 529.—*Gli egregi fatti del gran re Meliadus, con altre rare prodezze del re Artù, di Palamides ecc.* Ven. 1558—60, voll 2. Этотъ романъ былъ пе-

Digitized by Google

ліи сказаній о рыцаряхъ Артура, именно о Гаванѣ [1]), о Тристанѣ [2]) и о Ланселотѣ [3]). Опытъ новой обработки сказаній бретонскаго цикла наилучше удался поэту, писавшему къ концу XVI в.,— Erasmo di Valvasone [4]), но этотъ поэтъ не довелъ до конца своей поэмы и ограничился всего четырьмя пѣснями. Видно, время славы древнѣйшихъ героевъ Круглаго Стола и живаго интереса къ ихъ любовнымъ похожденіямъ и страданіямъ проходило. Въ XVII в. италь-

---

реведенъ съ французскаго «in lingua Toscana» еще въ XIV в., ma nella presente edizione è stato talmente raffazzonato, e ridotto alla foggia moderna, che non altro dell'antico vi rimane se non se un' ombra, говоритъ Zambrini (col. 402).—Позднѣйшаго времени *Libro de battaglie de Tristano* (во второмъ изд. на оборотѣ 1-го листка: La Bataglia De Tristano e Lancelloto e Galaso e della Raina Isota) въ оттавахъ, изд. въ 1492 и 1523 г.г. Это изданіе воспроизводитъ текстъ, совершенно отличный отъ того, имѣющаго подобное же заглавіе, который изданъ Rajn-ой въ Scelta.—O Girone il Cortese см. ниже.—Наконецъ укажемъ еще на *La dilettevole historia del valorosissimo Parsaforesto Re della gran Brettagna.* Con i gran fatti del valente Gadiffero Re di Scotia, uero esempio di Cavalleria. Novamente translatato di Francese in lingua Italiana. Vinegia, 1558, 6 vol.—Читатель могъ замѣтить изъ этого перечня, что въ 1558—1560 г.г. въ Венеціи явилось въ печати нѣсколько романовъ Круглаго Стола.

[1]) Въ началѣ XVI в. «il laureato poeta» Fossa изъ Кремоны написалъ въ стихахъ «ad instantiam Jo. Ja. de leg. (т. е. Joannis Jacobi de Legnano) et fratribus suis» *Libro nouo de lo Inmamoramento de Galuano.* Поэма эта была напечатана дважды въ XVI в. (годъ перваго изд. неизвѣстенъ; второе вышло въ 1508 г).

[2]) За обработку сказанія о Тристанѣ принялся плохой рифмачъ Niccolo degli Agostini, родомъ Венеціанецъ, которому принадлежитъ также весьма неудачное продолженіе Боярдова Orlando Inammorato въ 3 книгахъ, раздѣленныхъ на 33 пѣсни (1-я книга этого продолженія была прибавлена къ подлинному тексту Боярдо уже въ изданіи 1506 г., потомъ нерѣдко къ поэмѣ Боярдо присоединялось продолженіе Агостини; см. у Melzi e Tosi, 85—94), быть можетъ, наведшее Аріосто на мысль также взяться за продолженіе поэмы Аріосто. Одновременно Агостини занимался Тристаномъ. 1-я книга этого романа, повидимому, не сохранилась въ первомъ изданіи. Библіографіи извѣстны лишь *Il secondo e terzo libro di Tristano, nel quale si tracta come Re Marco di Cornovaglia trovandolo un giorno con Isotta l'uccise a tradimento e come la ditta Isotta vedendolo morto di dolore morì sopra suo corpo.* Venez. 1520. Слѣдующее изданіе, вышедшее въ Венеціи безъ обозначенія года и имени автора, содержитъ уже 20 пѣсенъ въ *Tre libri dello innamoramento di messer Tristano e di madonna Isotta.* Послѣднее изданіе, также Венеціанское, вышло въ 3 книгахъ въ 1588 г. (Innamoramento di Tristano etc.). Съ этой поэмой сходенъ упомянутый выше романъ I due Tristani.

[3]) Тотъ же Агостини, которому принадлежала переработка сказанія о Тристанѣ, предпринялъ потомъ стихотворное изложеніе романа о Ланселотѣ. Первыя двѣ книги поэмы явились въ печати въ Венеціи въ 1521 г. подъ заглавіемъ *Innamoramento di Lancilotto.* 3-я книга извѣстна въ изданіи, вышедшемъ тамъ же въ 1526 г. Окончаніе было прибавлено Guazzo, авторомъ поэмъ «Astolfo borioso» (1-е изданіе 1523; слѣдующія изд. 1532, 1533, 1539, 1549, 1607 и 1623) и «Belisardo fratello del Conte Orlando» [изд. въ 1525 (окончаніе явилось съ особымъ заглавіемъ въ 1528 г.] и 1533 г.). Поэма Guazzo о Ланселотѣ носитъ заглавіе: *Fine di tutti li libri de Lancilotto del strenuo milite Marco Guazzo,* Venez. 1526.

[4]) *I quattro primi canti del Lancilotto,* Venez. 1580.

Digitized by Google

янцы почти совсѣмъ перестали интересоваться рыцарями Круглаго Стола [1]).

Перечисленныя итальянскія произведенія Артуровскаго цикла не представляли значительныхъ отклоненій отъ общеизвѣстныхъ фабулъ, не вносили новаго духа въ избитые сюжеты и не отличались никакою оригинальностью въ пріемахъ обработки сюжетовъ, завѣщанныхъ вѣками. Быть можетъ, это зависѣло отчасти и отъ слабой талантливости поэтовъ, не умѣвшихъ пролагать новые пути, оживлять новымъ духомъ старыя сказанія и передавать ихъ въ тонѣ, согласовавшемся съ національнымъ характеромъ.—Оттуда слабая удача этихъ поэтовъ.

Изъ итальянскихъ эпиковъ XVI в., воспѣвавшихъ Артура и его рыцарей, нѣсколько выдѣляется лишь Луиджи Аламанни (+1556), авторъ поэмъ *Girone il Cortese* и *Avarchide*, написанныхъ во Франціи.

Первая изъ этихъ поэмъ заключаетъ стихотворную обработку французскаго прозаическаго романа Guiron le Courtois, который приписывался Рустиціану Пизанскому [2]) и входилъ вначалѣ въ болѣе обширное повѣствованіе. Французскій оригиналъ былъ издавна извѣстенъ въ Италіи [3]). Онъ встрѣтилъ здѣсь ту же благосклонность, какою пользовался въ Англіи и во Франціи [4]). Онъ былъ однимъ изъ главныхъ рыцарскихъ романовъ Артуровскаго цикла, изъ сказаній которыхъ соткалъ чудныя узорочья своего вымысла Аріосто [5]). Французскій прозаическій текстъ былъ напечатанъ въ Парижѣ ок.

---

[1]) Изъ поэмъ Артуровскаго цикла, сколько намъ извѣстно, лишь одна была перепечатана въ XVII в. въ Италіи, именно упомянутая выше поэма Фоссы Innamoramento di Galvano, Venez. 1607.

[2]) О немъ см. ниже—въ исторіи романовъ Круглаго Стола, написанныхъ въ Англіи.

[3]) Объ экземплярѣ Паламидеса, полученномъ импер. Фридрихомъ II, см. въ ст. А. Н. Веселовскаго, Журн. мин. нар. пр. 1873, 2, стр. 186. Въ числѣ французскихъ рукописей Гонзагъ былъ и Guronus (Romania IX, 510 и 501), а равно и въ библіотекѣ Эсте былъ Liber Guroni (Romania II, 55).

[4]) Къ XIV в., быть можетъ, относится фрагментъ прозаической редакціи, отличной отъ текста, усвояемаго Рустиціану Пизанскому; объ этомъ фрагментѣ см. у Zambrini, 433. Когда и кѣмъ былъ переведенъ текстъ Рустиціана, неизвѣстно. Rajna; I cantari di Carduino etc., LI—LII; cf. Zambrini 889—890. Gaspary принялъ мнѣніе Райны.

[5]) На заимствованія Аріосто изъ Guiron-а указывалъ уже Ранке въ своей доселѣ не потерявшей значенія статьѣ: «Zur Geschichte der italienischen Poesie», помѣщенной въ «Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Aus dem Jahre 1835, Philos.—hist. Classe, s. 439, 441.

Digitized by Google

1501 г. и въ 1519 г. По желанію французскаго королевскаго дома, Аламанни переложилъ этотъ текстъ въ итальянскіе стихи. Первое изданіе его поэмы явилось въ Парижѣ въ 1548 г. [1]).

Въ началѣ поэмы авторъ вспоминаетъ о литературныхъ трудахъ своей молодости, относившихся къ поэзіи легкой любовной, пастушеской и дидактической, и затѣмъ такъ переходитъ къ своему повѣствованію:

Or de i miei giorni alle stagion mature
Narrerò di Gyron l'alte avventure.
Il qual di Gallia, errante cavaliero,
Del gran Re Pandragon passato in corte,
D'esso e d'Artù sotto 'l famoso impero
Ebbe fermo il valor, varia la sorte,
Allor, che gli Angli di Sassonia fero
Al Britanno terren mal fide scorte;
Or qui mi presti Apollo ogni favore,
Che non ebbe amor mai più degno onore,
Perchè l'alto Francesco, il grande Enrico,
La real Caterina et Margherita
Con' benigna udienza e core amico,
Con dolci Sproni, a ragionar m'invita,
Qui dove lieta stampa il lito aprico
La chiara Senna, et fa così gradita
La riva intorno, che farebbe il cielo
Lasciare a Febo, non pur Delfo e Delo.

Во французскомъ романѣ возвеличивались вѣрность въ дружбѣ и самообладаніе героя, обуздавшаго влеченіе, которое могло привести его къ нарушенію вѣрности товарищу по оружію и другу чрезъ сближеніе съ его женой. Другъ этотъ оказался потомъ неблагодарнымъ и похитилъ дѣвушку, которую любилъ Гиронъ, но Гиронъ,— разыскавши и побѣдивши его, пощадилъ его. Въ этомъ романѣ въ особенности интересенъ тренетъ Гирона предъ оскорбленіемъ святости брака, представляющій противоположность легкой морали романовъ о Ланселотѣ и Тристанѣ. Неженатому рыцарю, по морали романа, возможно

[1]) Gyrone il Cortese. Parigi 1548. Въ слѣдующемъ году романъ былъ перепечатанъ въ Венеціи и послѣ того не являлся въ печати до 1757 года.

Digitized by Google

питать любовь только къ дѣвушкѣ, но отношеніе къ послѣдней довольно далеко отъ почтенія, какое провозглашала любовная поэзія трубадуровъ и ихъ послѣдователей. Аламанни сообщилъ еще болѣе видное значеніе моральной тенденціи въ романѣ о Гиронѣ. Онъ желалъ представить въ своемъ героѣ образецъ рыцарской доблести [1]). Онъ мало отступилъ отъ французскаго романа, но постарался внести болѣе единства въ повѣствованіе, не вполнѣ связанное въ оригиналѣ единствомъ господствующей мысли; онъ сосредоточилъ дѣйствіе своего романа около совершенной по его представленію личности Гирона, долженствовавшей служить для читателя примѣромъ добродѣтели. Признаніе семейнаго начала, характеризующее французскій романъ, выступаетъ еще яснѣе въ итальянской поэмѣ. Girone въ тотъ моментъ, когда былъ близокъ къ паденію, возобладалъ надъ собою, прочитавъ на своей шпагѣ девизъ:

Lealtà reca honor, vittoria et fama;
Falsitade honta et duol dona a ciascuno [2]).

Затѣмъ онъ разитъ себя мечемъ за то, что даже въ мысли позволилъ себѣ преступное увлеченіе. То была мораль, которую признавали не всѣ рыцари и которой не раздѣляла и жена Гиронова друга; послѣдняя является представительницею женщины той поры, когда бракъ весьма часто заключался не по взаимной склонности.

Моральное направленіе, которому послѣдовалъ Аламанни, можетъ быть приведено въ связь съ проявлявшимися въ Италіи второй

---

[1]) Юноши изъ примѣра Гирона должны были выучиться переносить голодъ и безсонницу, холодъ и жаръ, владѣть оружіемъ, въ отношеніи къ каждому соблюдать справедливость, кротость и прощать обиды. Въ посвященіи своего произведенія французскому королю Генриху II Аламанни сообщаетъ содержаніе той клятвы, которую должны были давать рыцари, принимаемые въ братство Круглаго Стола. Оказывается, что обѣтъ ихъ долженъ былъ превращать ихъ въ доблестнѣйшихъ и христіаннѣйшихъ витязей и идеальнѣйшихъ гражданъ. Между проч., читаемъ: «Ch'egli esporebbe beni e vita per l'onor del suo Signore e *della sua patria. Che l'util no'l movesso* ad atto alcuno, ma sol la gloria e la virtude. Che diligentemente riverirebbe Dio, udendo una messa per giorno, o visitando la chiesa farebbe orazione, o per mancamento di essa davanti una croce, delle quali molte per tale ufficio affisse n'erano sopra tutti i cammini della gran Bretagna. Ch'ei non prenderebbe prezzo di servigio fatto, e nei suoi paesi proprj non farebbe danno a persona, quantunque a lui nemicissima, anzi con la sua vita la guarderebbe di ogni danno. Che ritornando alla Corte dalle avventure e dall'inchieste, direbbe tutta la verità (e si fuss'ella a sua gran vergogna) a chei ch'eran ordinati per descriver le pruove dei compagni della tavola: tonda, e cio sotto pena di privazion di Cavalleria».

[2]) Кажется, соотвѣтственный девизъ французскаго текста, по распоряженію Иннокентія VIII, былъ начертанъ на мечѣ, подаренномъ папою ландграфу Гессенскому. *Ranke*, l. c., 452.

Digitized by Google

половины XVI в. попытками возстановить святость и чистоту брака, попранныя временемъ Возрожденія, дошедшаго до ужасающей безнравственности. Безспорно, примѣръ Гирона могъ быть весьма поучителенъ для итальянской знати, дошедшей до страшной распущенности [1]). Но, къ сожалѣнію, романъ не могъ привлечь многихъ читателей, такъ какъ довольно скученъ, вслѣдствіе устраненія многихъ характерныхъ подробностей оригинала, и тѣ стилистическія прикрасы, какія внесъ Аламанни подъ вліяніемъ классическихъ реминисценцій, не послужили ему въ пользу.

Во второй своей поэмѣ [2]) Аламанни попытался приблизить Артуровскій эпосъ къ классическому эпосу, но этотъ опытъ совсѣмъ не удался. Аламанни избралъ исходнымъ пунктомъ начало романа о Ланселотѣ и затѣмъ ввелъ Артура и его рыцарей въ положеніе грековъ, осаждающихъ Трою, хотя врагами бриттовъ оказываются франки, бургунды, готы и вандалы. Дѣйствіе романа сосредоточивается около осады города *Avarco* (Буржъ во Франціи). Артуру приписывается подвигъ, весьма важный съ романской точки зрѣнія—защита свободы европейскаго Запада отъ наступавшихъ на него варваровъ—германцевъ. Въ эту общую схему вплетена романическая исторія любви Ланселота и Гавана къ молодой дочери Clodasso, находящейся въ Avaricum. Въ такого рода издѣліи рыцарскій романъ превращался въ довольно уродливое сочетаніе трудно совмѣстимыхъ элементовъ. Герои Круглаго Стола у Аламанни не занимаютъ такъ читателя, какъ рыцари романовъ, и съ другой стороны не стали чисто эпическими героями [3]). Единственное обстоятельство, нѣсколько возвышающее цѣну поэмы,

---

[1]) Нигдѣ распущенность Возрожденія не сказалась такъ ярко, какъ въ произведеніяхъ Пьетро Аретино, переносящихъ читателя во весь омутъ тогдашняго порока. Лишь простонародье, повидимому, было менѣе поражено этой язвой. Въ Giornata seconda de Ragionamenti Nanna говоритъ (p. 122): «son ciancie quelle, che ti hò conto, le cose stupende sono fra le signore, e fra le grandi: e se non che non uoglio esser tenuta mala lingua, ti direi chi è quella, che si dà in preda al Fattore, e lo Staffiere, al Famiglio di stalla, al Cuoco, et al Guattaro».

[2]) *L'Avarchide*. Fir. 1570. Второе изданіе было выпущено извѣстнымъ изслѣдователемъ итальянской литературы XVI в., аббатомъ Serassi въ Бергамо въ 1761 г. Такимъ образомъ, Avarchide понравилась читателямъ еще менѣе, чѣмъ Girone.

[3]) Содержаніе и стиль поэмы (между прочимъ, подражаніе Иліадѣ) характеризуются тремя первыми октавами ея:

Canta, o Musa lo' sdegno e l'ira ardente
Di Lancilotto, del Re Ban figliuolo,
Contra 'l re Arturo; onde si amaramente
Il Britannico pianse e 'l Franco stuolo,

Digitized by Google

можно найти въ той политической мысли, которую Канелло приписываетъ Аламанни: по словамъ Канелло, авторъ Avarchide, говоря о событіяхъ V-го в., имѣлъ будто бы въ виду Европу XVI стол. и предпринялъ не удавшійся опытъ поэмы, въ которой выступаетъ идея противодѣйствія германству и стремленія къ независимому національному существованію [1]).

Такіе поэты, какъ Аламанни, не могли поддержать старой романтики Круглаго Стола въ Италіи,—тѣмъ болѣе, что надвигалась волна испанско-португальской романтики, всюду на западно-европейскомъ материкѣ покрывавшая собою болѣе древніе романы Артуровскаго цикла.

Испанскіе рыцарскіе романы начали проникать въ Италію съ конца 30-хъ годовъ XVI вѣка [2]), и нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли успѣхъ гораздо большій, чѣмъ романы Круглаго Стола, перенесенные изъ Франціи [3]). Во второй половинѣ XVI в. и въ пер-

---

E tante anime chiare, afflitte e spente
Lasciar le membra in sanguinoso duolo,
D'empi uccelli e di can rapina indegna,
Come piacque a colui, che move e regna.
Or chi fu cagion di tanta lite?
Gaven, che dell'Arcania era Signore,
Che portò invidia alle virtù gradite
Di Lancilotto, e gli pungeva il core,
Che per opra di lui fosser fallite,
Le nozze, ch'ei bramò con troppo ardore
Di Claudiana di Clodasso figlia,
Che fu bella e leggiadra a maraviglia.
Ma, temendo di lui, gran tempro tenne
L'uno e l'altro dolor nel petto ascoso,
Finchè Tristan con le sue genti venne:
All' arrivar del quale il Re Famoso
Fè 'l consiglio adunare, ove convenne
Ogni Duce maggior, onde fu oso
Di dar principio alle dannose risse;
E, drizzatosi in piedi, così disse.

[1]) Canello, Storia della letter. it. nel sec. XVI, p. 136. Этотъ ученый преувеличилъ значеніе Avarchide.

[2]) Старѣйшій изъ извѣстныхъ намъ испанскихъ романовъ, переведенныхъ на итальянскій языкъ,—Tirante il bianco, valorosissimo cavaliere: nel quale contiensi del principio della cavalleria..... Di lingua spagnola nello idioma nostro per Messer Lelio di Manfredi tradotto. Vinegia, 1538. Этотъ романъ былъ перепечатанъ въ 1566 и 1611 г.г.

[3]) Перечислимъ изданія испанскихъ романовъ, имѣвшихъ особый успѣхъ въ Италіи. *Cavalier della Croce* былъ напечатанъ въ 1544, 1550, 1559, 1560, 1562, 1580, 1581, 1592

Digitized by Google

выя десятилѣтія XVII в. испанскіе романы нравились итальянцамъ болѣе другихъ, за исключеніемъ, конечно, популярныхъ романовъ, основанныхъ на Каролингской сагѣ. Такимъ образомъ, въ Италіи французское вліяніе столкнулось съ испанскимъ, и въ этомъ отношеніи итальянская эпика того времени представляла аналогію съ политическими отношеніями.

Какъ Аламанни написалъ Girone по совѣту Франсуа I и включилъ въ свое произведеніе прославленіе этого короля и французскаго двора, такъ и Бернардо Тассо задумалъ переложеніе въ стихи популярнѣйшаго изъ испанскихъ романовъ [1]), Amadis de Gaula, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ нѣсколькими испанцами, и посвятилъ свою поэму *all'invitissimo e catolico Re Filippo*. Оба поэта почти одновременно начали работу [2]), но поэма Б. Тассо *L'Amadigi* вышла въ свѣтъ 12 лѣтъ спустя послѣ появленія въ печати Girone il Cortese, именно въ 1560 г.

Вначалѣ, въ первыхъ 10 пѣсняхъ, Б. Тассо пытался подобно Аламанни внести болѣе единства въ распорядокъ матеріала, который подвергъ переработкѣ, и желалъ подражать Виргилію и Гомеру. Б. Тассо началъ свою поэму самымъ возвышеннымъ стилемъ и громкими притязаніями:

L'eccelse imprese e gli amorosi affanni
Del Prencipe Amadigi e d'Oriana,
Il cui valor, dopo tanti e tanti anni,
Ammira e 'nchina ancor l'Austro e la Tana:

и 1606 г.г. *Florisello*—1551, 1564, 1565, 1575, 1582, 1593, 1594, 1599, 1606, 1608, 1619. 1-я книга *Lisuarte di Grecia*—1550, 1557, 1559, 1567, 1570, 1578, 1578, 1581, 1599, 1610. 2-я книга—1564, 1599, 1610, 1630. *Silves de la Selva* 1558, 1561—68, 1581, 1592, 1607, 1629; *Splandiano* 1550, 1554, 1557, 1560, 1564, 1573, 1582, 1592, 1599, 1609 и 1612; II-я книга 1564, 1582, 1592, 1599, 1609, 1613. Изъ этого перечня видно, что въ особенности были въ ходу романы цикла Амадисовъ. См. еще ниже перечень изданій Амадиса Галльскаго, Пальмерина и Прималеона.

[1]) Прозаическій переводъ *I quattro libri di Amadis di Gaula*, Venezia, явился въ 1546 г. и былъ перепечатанъ въ 1552, 1558 и 1559 г.г. *Aggiunta al quarto libro dell'historia di Amadis di Gaula* была напечатана въ 1563, 1594, 1609 и 1624 г.г. О раннемъ знакомствѣ итальянцевъ съ Амадисомъ см. Gaspary II, 692.

[2]) Въ литературномъ мірѣ знали о работѣ, начатой Б. Тассо, задолго до выхода ея въ свѣтъ. См., напр., письмо Аретино къ Бернарн. Тассо, относящееся къ 1549 г. (Il quinto libro delle lettere di M. Pietro Aretino. In Parigi, M. D. C. IX, car. 187).

Digitized by Google

E d'altri Cavalier, ch'illustri inganni
Fecero al tempo e la sua rabbia vana,
Cantar vorrei, con si sonoro stile,
Che l'udisse Ebro, Idaspe e Battro e Thile.

Пѣвецъ Амадиса желалъ бы, чтобы слава его творенія была вѣчна. Кто превратитъ меня, спрашиваетъ онъ, въ бѣлаго сладкогласнаго лебедя,

Tal, che furor del tempo invido e rio
Romper non possa il mio gentil lavoro;
Ma, tratto a forza da l'oscuro oblio,
Lo serbi eternità nel suo tesoro;
E viva sempre in bocca de le genti,
Mentre durerà il Cielo e gli elementi?

Гордая мечта Б. Тассо не сбылась. Стихъ его довольно текучъ, но поэмѣ недостаетъ художественной пропорціональности, и размѣръ ея разросся безъ надобности. Поэтъ не выдержалъ до конца свое намѣреніе соблюдать строгое единство и перешелъ потомъ на сторону Аріосто, порѣшивъ подражать классикамъ только въ реторической внѣшности. Б. Тассо послѣдовалъ мнѣніямъ теоретиковъ, которые какъ разъ въ то время, когда онъ работалъ надъ Амадисомъ, высказались за поэму Аріосто, считая ее образцовымъ романомъ, и за возможность, но не обязательность сочетанія *романическаго* творчества съ формальною обработкою по образцу древняго эпоса, такъ какъ романъ—новый родъ творчества, неизвѣстный древнимъ[1]).

---

[1]) Разумѣемъ Giraldi, автора романической поэмы *Ercole*, и Pigu-у. Перемѣна во взглядѣ Б. Тассо на эпосъ новаго времени была вызвана появленіемъ въ 1554 г. трактатовъ этихъ писателей. Giraldi Cintio въ *Discorso intorno al comporre dei Romanzi e delle Commedie, delle tragedie e di altre maniere di Poesie* (Vin.) выступилъ въ защиту пріемовъ Аріосто и указалъ на то, что романическая поэзія новаго времени отлична отъ античнаго эпоса; романъ, по мнѣнію Джиральди, повѣствуетъ о многихъ дѣяніяхъ многихъ героевъ, эпосъ—о единичномъ дѣяніи одного героя; Джиральди указываетъ на то, что въ новое время въ большей степени, чѣмъ классическая эпопея, можетъ нравиться третій родъ творчества, приближающійся къ романамъ своимъ разнообразіемъ, именно повѣствованіе о многихъ событіяхъ въ жизни одного героя. Говоря о такомъ біографическомъ повѣствованіи, Giraldi имѣлъ въ виду своего Ercole. Ученикъ Giraldi, Pigna издалъ въ томъ же году *I romanzi, divisi in tre libri nei quali della poesia, et della vita di Ariosto con nuovo modo si tratta.* Въ этомъ произведеніи сообщены интересныя данныя объ Orlando Furioso, на котораго обращено особое вниманіе во второй книгѣ, и вообще о рыцарскихъ романахъ. Giraldi обвинилъ своего ученика въ литературной кражѣ, а Пигна отвѣтилъ своему учителю тѣмъ же обвиненіемъ. См. однако

Digitized by Google

Б. Тассо отнесся довольно свободно къ своему оригиналу, рядомъ съ главною исторіею выдвинулъ другія (о Мириндѣ и Флориданте), началъ заботиться о разнообразіи и частой смѣнѣ эпизодовъ, но остался ниже своего образца—Аріосто. Въ противоположность изящной простотѣ послѣдняго Б. Тассо впадаетъ въ напыщенность и шаблонность въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ, прибѣгаетъ къ реторизму и классическимъ реминисценціямъ. Главныя личности поэмы вполнѣ добродѣтельны и, по мысли автора, могутъ быть не только занимательны, къ чему Б. Тассо особенно стремился, но и поучительны. Герои Тассо совершаютъ чудеса храбрости и вмѣстѣ съ тѣмъ они—образцы вѣрной и истинной любви; они стараются соблюдать вѣрность своимъ дамамъ. Любовь прилична, томна и приторно сентиментальна. Вѣроятно, въ силу такого общаго направленія романа объ Амадисѣ, о послѣднемъ былъ хорошаго мнѣнія и сынъ Бернардо Тассо, знаменитый Торквато [1]); онъ продолжилъ творчество отца.

Б. Тассо началъ перерабатывать въ новой поэмѣ Floridante одинъ изъ трехъ главныхъ эпизодовъ, которые сведены въ Amadigi, именно повѣсть о любви Кастильскаго королевича Флориданта,

---

Canello, 306. Кое-какія совпаденія есть, о полномъ же плагіатѣ не можетъ быть рѣчи. Характеръ Пигны заставляетъ думать, что онъ могъ поступить не совсѣмъ честно со своимъ учителемъ. См. ст. Solerti: «Torquato Tasso e Lucrezia Bendidio» въ Giorn. ster. etc., X (1887), 125—130. Тассо былъ знакомъ и съ Джиральди и съ Пигной. — Въ послѣдней пѣснѣ Amadigi въ числѣ другихъ лицъ, находящихся у *Meta della gloria*, названъ и Пигна,

.....le cui carte alta memoria
Fanno del suo saver, con laudi immense
Dal giudicio comun, in prosa e in verso,
Tenuto per scrittor polito e terso.

[1]) Торквато Тассо выразился такъ: «Qualunque fosse colui che ci descrisse Amadigi amante d'Oriana merita maggior lode che alcuno degli scrittori Francesi» (T. T. разумѣлъ, между проч., Ланселота). Въ діалогѣ «Il Porzio ovvero delle virtù» читаемъ слѣдующее замѣчаніе о романѣ Б. Тассо: «Ne' poeti ancora sono stati descritti il mezzo e gli estremi con molta leggriadria, e con gran giovamento di chi legge, per farsi esempio dell'altrui virtù: e particolarmente il Tasso, nostro amico, ed al nostro secolo poeta di molta stima e di molta erudizione, nel suo Amadigi ha voluto far vergognar questa età della soverchia intemperanza: perchè, oltre all'altre sue belle invenzioni della selva delle maraviglie, finge che Galaoro per una incontinenza simile a quella, dimostrata de Ruggiero con Angelica, perdesse la spada vermiglia, da lui per valore acquistata, senza la quale non si poteva dar fine all'incanto delle selve; ma Floridante, disprezzando la Fata, che ignuda lo invitava all'amorosa lutta, usò virtù maravigliosa, somigliante a quella di Anassagora; laonde al fine non solo si conservò la spada vermiglia, ma superò gl'incanti della selva, e condusse a fine molte altre maravigliose avventure». T. Tasso, Dialoghi scelti, Milano 1878 (Bibl. class. econom., № 58), p. 337.

[2]) Первыя восемь пѣсенъ Floridante какъ бы цѣликомъ извлечены изъ Amadigi.

Digitized by Google

желая какъ будто въ этотъ разъ соблюсти единство дѣйствія. Поэтъ хотѣлъ воспѣть

.....l'alte fatiche e i lunghi errori
Di Floridante, gran principe Ibero,
All'or, che per desio d'eterni onori
Si diparti dal suo paterno impero;
E, 'n pregio asceso, agli amorosi ardori
Aperse il petto giovinetto e fiero,
E, da l'Atlante ai regni de l'Aurora,
Cercando andò l'amata Filidora.

Б. Тассо не окончилъ этой поэмы; заключилъ ее, и издалъ въ свѣтъ въ 1587 г. сынъ Бернардо, Торквато.

Одновременно съ Бернардо Тассо другъ его Лодовико Дольче, подражавшій Аріосто и разработавшій нѣсколько эпизодовъ Каролингскаго цикла [1]), также принялся за переложеніе въ стихи двухъ испанскихъ романовъ и выпустилъ свои поэмы въ свѣтъ въ 1561 и 1562 гг. [2]).

Итальянцы XVI в., читая произведеніе Бернардо Тассо, не предъявляли роману тѣхъ требованій, какія предъявляемъ мы. Тѣмъ не менѣе, сдѣланныя Б. Тассо и другими попытки возсоздать рыцарскій эпосъ въ новомъ направленіи не имѣли значительнаго успѣха [3]), и не безъ основанія называютъ Amadigi могильной плитой чисто рыцарскаго романа въ Италіи.

---

[1]) *Cinque primi canti di Sacripante*, Vin. 1535 и Per. 1536; *Il Sacripante* (въ 10 пѣсняхъ) 1536, 1537, 1539, 1541, 1545, 1548, 1587, 1604, 1608, 1611 и 1625.—*Le prime imprese del conte Orlando* 1572, 1716 и др.

[2]) *Il Palmerino* In Ven. 1561.—*Primaleone figliuolo di Palmerino* Ven. 1562.—Прозаическій переводъ 1-й книги испанскаго романа *Palmerino d'Oliva* былъ напечатанъ въ 1544 и 1552 гг., а *Il secondo libro di Palmerino d'Oliva Imperatore di Constantinopoli* въ 1560 г.; затѣмъ обѣ книги были напечатаны въ 1573, 1581, 1585, 1591—92, 1597, 1603, 1611 и 1620. *Primaleone* (первыя 3 части) 1548, 1556, 1559, 1563, 1573, 1579; *La quarta parte del Libro di Primaleone* была напечатана въ 1560 г.; вмѣстѣ всѣ четыре книги были изданы въ 1584, 1597 и 1608 гг.

[3]) Количество изданій поэмъ, составленныхъ Б. Тассо и Дольче по испанскимъ романамъ, незначительно въ сравненіи съ количествомъ изданій поэмъ Каролингскаго цикла. L'Amadigi, напр., былъ изданъ въ XVI стол. всего три раза (1560, 1581 и 1583), Il Floridante-четыре (3 изданія 1587 г. и одно 1588 г.). Il Palmerino и Primaleone Dolce не разошлись даже въ первомъ изданіи и были выпущены въ 1597 г. лишь въ новой обложкѣ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, новый притокъ иноземныхъ литературныхъ вліяній, подкрѣплявшій въ XVI в. рыцарскую литературу Италіи, возникшую ранѣе, поддержалъ ее лишь на время, и ни одно изъ вѣяній, притекавшихъ извнѣ, не достигло рѣшительнаго господства надъ отношеніемъ къ рыцарству, издстари укоренившимся въ итальянской литературѣ.

Усилія поднять падавшее обаяніе рыцарства увѣнчались значительнымъ успѣхомъ только въ знаменитомъ произведеніи сына Бернардо Тассо, Торквато (род. 1544). „Освобожденный Іерусалимъ" послѣдняго явился завершеніемъ попытокъ итальянскаго Возрожденія создать новый эпосъ, достойный древняго, и вмѣстѣ соблюсти самобытность, присущую новому времени, возвеличивъ героизмъ средневѣковаго рыцарства, не переставшій манить и чаровать воображеніе западно-европейскаго міра и послѣ того, какъ рыцарство пережило дни своего блеска и славы.

Первымъ опытомъ Торквато Тассо [1]) въ области рыцарской эпики была поэма *Rinaldo* въ 12 пѣсняхъ, написанная, когда поэту было 18 лѣтъ, и изданная въ 1562 г. [2]). Герой поэмы—Renaud, одинъ изъ *Quatre Fils Aimon* и двоюродный братъ Роланда. Поэтъ отнесся довольно свободно къ эпизоду старой chanson de geste, положенному въ основу поэмы. Ринальдо полюбилъ красавицу Clarice, сестру Гасконскаго короля. Чтобы по достоинству получить ея руку, Ринальдо совершаетъ рядъ весьма трудныхъ подвиговъ и въ концѣ со-

---

[1]) Двѣ общія, отдѣльно вышедшія и довольно значительныя, монографіи о Тассо принадлежатъ *Cecchi*: Torquato Tasso e la vita italiana nel secolo XVI. Fir 1877.—Torquato Tasso. Il pensiero e le belle lettere italiane nel secolo XVI. Fir. 1877. По нѣмецкому переводу перваго изъ этихъ сочиненій составлены двѣ изъ трехъ статей М. Корелина, помѣщенныхъ въ №№ 7—9 «Историческаго Вѣстника» 1883 г. Перечень новѣйшихъ монографій о Тассо см. въ библіографическихъ указателяхъ, которые помѣщаются при журналѣ «Zeitschrift für romanische Philologie». Лучшими біографіями Тассо считаются старыя, написанныя Manso (въ томъ не вполнѣ безпристрастномъ и не всегда заслуживаетъ довѣрія), Serassi (La vita di T. Tasso, 3a ediz. Firenze, 1858) и болѣе новая—Giovanni Zuccala (Della vita di Torquato Tasso). Новѣйшая монографія о Тассо *Di Niscia* «La Gerusalemme Conquistata e l'arte poetica di T. Tasso»—въ Il Propugnatore 1889. Теперь Т. Тассомъ много занимаются въ Италіи, и новѣйшія изслѣдованія представляютъ жизнь его и характеръ въ совершенно новомъ освѣщеніи. Важнѣйшія изъ изданій и монографій о Тассо указаны въ популярной книжкѣ *Piumati*: La vita e le opere di Torquato Tasso, Tor. 1889.

[2]) Перепечатана была эта поэма въ 1570, 1581 и 1582 гг. и затѣмъ много разъ печаталась совмѣстно съ Rime, Prose и др. произведеніями Т. Тассо. Новое изданіе редактировано Mazzoni и выпущено Sansoni.

Digitized by Google

четается бракомъ со своею милой. Ясно, что по основному содержанію поэма Тассо не отличается отъ тѣхъ итальянскихъ сказаній Каролингскаго цикла, которыя восприняли въ себя схему Артуровскихъ романовъ и романовъ приключеній. Тассо воспользовался готовыми романтическими мотивами [1]) и съ удивительною ловкостью усвоилъ романическія измышленія. Онъ завершилъ литературную обработку сюжета, которому были посвящены въ Италіи поэмы [2]), пріобрѣвшія, повидимому, значительную извѣстность. Юный поэтъ сообщилъ особую привлекательность этому сюжету, надѣливъ молодого героя и избранницу его сердца благородствомъ помысловъ, изяществомъ и вмѣстѣ душевною чистотою, которыми, совмѣстно съ возвышенностію настроенія, самъ отличался. Обрисовывая такъ Ринальдо и Клариче, Тассо сумѣлъ избѣжать сухости и пошлости и далъ образчикъ занимательной рыцарской поэмы. Въ разсматриваемой поэмѣ для насъ въ особенности интересна попытка юнаго поэта занять независимое положеніе среди эстетическихъ споровъ, которые велись тогда строгими поборниками теоріи Аристотеля и древнихъ образцовъ съ одной стороны и приверженцами Аріосто съ другой. У Тассо находимъ стремленіе обработать романтическую тему въ формѣ античной героической поэмы съ соблюденіемъ единства разсказа, вплетеніе фабулъ древней литературы въ рыцарскую поэму, перенесеніе эпизода послѣдней въ античный буколическо-классическій пейзажъ, примѣръ чего показалъ уже Боккаччіо, и сведеніе во-едино чертъ рыцарскаго быта и подробностей, напоминающихъ древній міръ. [3]). Заслужи-

[1]) Подвигъ укрощенія коня Боярда, усвояемый обыкновенно Maugis-у (Malagigi), Тассо приписалъ Ринальдо. Мерлинъ помянутъ у Тассо какъ создатель статуй Ланселота и Тристана. Заколдованная могила, въ которой лежала Clizia, и источникъ, повергавшій въ сѣтованія, напоминаютъ подобныя измышленія бретонскихъ романовъ. О параллеляхъ къ другимъ подробностямъ повѣствованія Тассо см. *Dunlop-Liebrecht*, 101, 174.

[2]) Поэма *Innamoramento di Rinaldo da Monte Albano*, сообщившая, быть мож., идею *Ринальдо*, составлена въ половинѣ XV в.; годъ и мѣсто перваго изданія неизвѣстны; слѣд. изданія—1494, 1517, 1533, 1537, 1540, 1547, 1553 и др. (см. выше). Существуютъ еще два изданія (1540 и 1521) съ подобнымъ же заглавіемъ и, повидимому, того же содержанія (отличія усмотрѣны лишь въ количествѣ пѣсенъ и въ стилѣ), въ которыхъ названъ авторъ—Miser Dino Poeta Fiorentino (Melzi e Tosi, 254—258 и 134—136).—Носитъ то же заглавіе, что и предыдущая, но совершенно отлична по содержанію поэма, напечатанная въ Туринѣ въ 1503 г. Была также весьма распространена поэма *Rinaldo appassionato*, напечатанная въ 1528, 1538, 1554, 1576, 1578, 1582, 1586, 1613, 1628, 1683 гг. и д., и нѣсколько разъ—безъ обозначенія года и мѣста изданія; имя автора (Baldovinetti) названо только въ изданіи 1533 г. У Фоленго Ринальдо согласно съ *Trebisonda Istoriata* оказывается «ferus».

[3]) Многія прикрасы взяты Тассо изъ Виргилія. Въ V и VI пѣсняхъ эпизодъ о пастухѣ Флориндѣ составленъ подъ вліяніемъ одного намека Ѳеокрита. См. замѣтку Cotronei: «Il Rinaldo» del Tasso ed il «Pastor fido» del Guarini въ Giorn. stor., vol XI, 166—176.

Digitized by Google

ваетъ вниманія, далѣе, взглядъ поэта на любовь, по которому это чувство путеводствуетъ къ подвигамъ, совершаемымъ также по внушенію стремленія къ славѣ. Любовь увѣнчивается бракомъ, но при этомъ ставится выше родительскаго авторитета, соизволенія котораго ожидаетъ лишь простонародье (le vulgari gente); равнымъ образомъ она не получаетъ и религіознаго освященія у Тассо, какъ бы не нуждаясь въ немъ. По мѣстамъ чувство любви пріобрѣтаетъ сентиментальный характеръ, какимъ отличалось потомъ въ пастушеской поэзіи. Наконецъ, поражаетъ въ устахъ юнаго поэта сѣтованіе на то, что

. . . . . or è l'antica norma
E quel buon uso e que' bei modi spenti! [1]).

Дальнѣйшее развитіе всѣхъ этихъ начатковъ мы встрѣтимъ въ той поэмѣ, грандіозный планъ которой Тассо началъ вырабатывать вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ Ринальдо, ободренный значительнымъ успѣхомъ перваго опыта [2]). Тассо возымѣлъ гордый замыселъ дать послѣднему вѣку Rinascimento поэтическое произведеніе, котораго Возрожденіе добивалось такъ долго и страстно, но безуспѣшно [3]). Тассо задумалъ героическую поэму, которая обновила бы искусство и чувство, одушевляющее творчество, которая совмѣстила бы въ себѣ красоты поэзіи древней и новой. Этотъ планъ занималъ Тассо во всю послѣдующую жизнь его. Къ выполненію его юный поэтъ готовился тщательно и затѣмъ долго работалъ надъ своею поэмою [4]). Результатъ однако не вполнѣ соотвѣтствовалъ затратѣ труда и энергіи.

Приступая къ созданію „Освобожденнаго Іерусалима“, Тассо подпалъ прежде всего вліянію не совсѣмъ правильныхъ теоретическихъ воззрѣній на эпопею, выработанныхъ эпохою Возрожденія. Онъ считался подобно Триссино съ теоріей эпоса, хотя и не вполъ-

---

[1]) Тассо говоритъ также о maggior libertà dei *secoli miglior*, что соотвѣтствуетъ прославленію «bella età de l'oro» въ Аминтѣ.

[2]) Въ письмѣ къ Филиппу II Ruscelli назвалъ 17-лѣтняго Торквато «giovine di rara speranza per la vivacità dell'ingegno e affezione agli studi».

[3]) См. статью Боринскаго: «Das Epos der Renaissance» въ Vierteljahrsshrift für Kultur und Litteratur der Renaissance, I Jahrg. 2. Heft, 187—215.

[4]) Окончательная обработка ея относится къ августу 1574 г. Тассо употребилъ на этотъ трудъ 10 лѣтъ, работая съ перерывами.

Digitized by Google

нѣ [1]). О томъ свидѣтельствуютъ его литературныя бесѣды съ Mazzone и Pino въ Pesaro въ 1574 г. [2]) и *Discorsi del poema heroico,* написанные въ то самое время, когда поэтъ устанавливалъ планъ своей поэмы,—въ 1564 г. [3]) Тассо, поработавъ надъ вопросомъ о героической поэмѣ, сообщилъ дальнѣйшее развитіе мыслямъ Джиральди и Пигны (послѣдній, какъ и Тассо, жилъ при Феррарскомъ дворѣ; Тассо старался выказывать постоянное вниманіе къ его авторитету) и пришелъ къ мысли о возможности примиренія обѣихъ споривших сторонъ (чтителей древнихъ образцовъ согласно поэтикѣ, основанной на Аристотелѣ, и приверженцевъ романа): по мнѣнію Тассо, вполнѣ достижимо сліяніе эпоса съ романомъ и соединеніе классичности съ тѣмъ содержаніемъ, которое наполняетъ произведенія romanzator-овъ; наряду съ изображеніемъ военныхъ подвиговъ въ героической поэмѣ могутъ имѣть мѣсто разсказы о странствованіяхъ, приключеніяхъ, колдовствѣ, куртуазіи, благородствѣ, счастливой и несчастной любви. Говоря это, Тассо имѣлъ въ виду различные образцы въ древней и новой литературѣ, достоинства и равный успѣхъ которыхъ подкрѣпляли заключенія, выведенныя теоретически. Древній эпосъ оказывалъ на Тассо подавляющее вліяніе, и Тассо не могъ отрѣшиться отъ производимаго имъ обаянія, признавая эпосъ Виргилія созданіемъ, образцовымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ [4]). Древняя же литература доставила образецъ романа, который казался весьма привлекательнымъ въ XVI в. и изъ котораго Тассо заимствовалъ подробности, на-

---

[1]) Въ діалогѣ «Della poesia toscana» Forestiero (Tacco) говоритъ: «molte cose, che son fatte per arte, e per intelligenza, son fatte ancora a caso. E quantunque non tutte l'arti partecipino della fortuna egualmente, pur quasi tutte ne partecipano, chi più, e chi meno» (p. 165). «Jo non son tale, che possa dar le regole, se non per avventura a me stesso; ma delle regole dateci dagli altri, molte volte ho dubitato, se fosse, o non fosse convenevole osservarle intieramente» (p. 170).

[2]) Объ этихъ бесѣдахъ см. въ письмѣ Almerici, напечатанномъ въ Giorn. stor. d. l. it., XII, 414.

[3]) Ему былъ тогда 21-й годъ. Первые три discorsi были напечатаны въ 1587 г.

[4]) Въ эпоху Возрожденія продолжалась отчасти средневѣковая слава Виргилія, и многіе отдавали послѣднему предпочтеніе передъ Гомеромъ. См. *Sabbadini,* Storia del Ciceronismo e di altre questioni letterarie nell'età della Rinascenza, Torino 1886, p. 87, 98—99 и 103—111 (Sull'allegoria dei poeti, specialmente di Virgilio). Какъ хорошо былъ знакомъ Тассо съ древними литературами и какъ хорошо онъ ихъ усвоилъ, видно изъ тѣхъ цитатъ, которыя онъ приводилъ по памяти въ діалогахъ, написанныхъ во время заключенія въ S. Anna.

Digitized by Google

полняющія описаніе рожденія и дѣтства Клоринды [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ предъ Тассо было множество новыхъ поэмъ, достигшихъ громкой славы. Мы видѣли, что въ юности онъ поэтически изложилъ въ духѣ Аріосто, но не поравнявшись съ нимъ, исторію одного изъ героевъ французскаго національнаго эпоса [2]). Потомъ французскій эпосъ утратилъ привлекательность въ глазахъ Тассо. Предъ тѣми героями, которые заняли воображеніе Тассо, должна была померкнуть также слава Артура и его витязей:

. . . . . taccia Artù que' suoi
Erranti, che di sogni empion le carte;
Ch'ogni antica memoria appo costoro
Perde . . . . . [3]).

Изъ романовъ о cavalieri erranti Тассо нравились испанскіе романы [4]), и въ особенности тотъ, который былъ переработанъ отцомъ его, Бернардомъ Тассо. Торквато переписывалъ въ юности для отца нѣкоторые отдѣлы Amadigi, а потомъ, какъ мы видѣли, закончилъ Floridante. Изъ произведеній новой эпики Тассо уважалъ въ особенности нѣкоторыя созданія родной литературы. Наравнѣ съ Гомеромъ и Виргиліемъ Т. Тассо чтилъ Данте [5]) и не остался также безъ вліянія лиризма Петрарки, съ произведеніями котораго былъ хорошо знакомъ, какъ видно изъ повторенія его стиховъ въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ и изъ частыхъ цитатъ. Тассо ви-

---

[1]) *Dunlop*, History of prose fiction. A new edition revised with notes, appendices, and index, by Henry *Wilson*, Lond. 1888, t. I, p. 35. По словамъ Тассо, читатель слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ за содержаніемъ этого романа, и искусство его автора напоминаетъ искусство Виргилія.

[2]) Clarice упоминается и у Аріосто: Orl. Fur. XLIII, 66.

[3]) *Gerusalemme liberata*, I, 52. Слова: «(erranti), che di sogni empion le carte»... буквально совпадаютъ съ приведенными выше въ выдержкѣ изъ поэмы *Troiano*. Авторы обѣихъ поэмъ заимствовали это выраженіе изъ Trionfo d'Amore (cap. III, 79—81) Петрарки (см. выше).

[4]) Въ указанномъ выше діалогѣ «delle virtù» читаемъ: «I poeti spagnuoli sono maravigliosi in descrivere la lealtà de'cavalieri; perchè questa virtù che voi chiamate temperanza, è lealtà piuttosto e fede inviolabilmente osservata alla sua donna; essendo per altro i cavalieri da loro descritti simili piuttosto agl'intemperanti, o agl'incontinenti; i quali sono vinti dalle passioni amorose; come avvenne ad Amadigi, che per un picciolo ed ingiusto sdegno di Oriana, si lasciò in preda alla disperazione».

[5]) Второе изданіе статьи Grosso: «Sulle postille del Tasso alla Divina Commedia» помѣщено въ № 1 журнала *L'Aligieri* 1889.

Digitized by Google

дѣлъ, какую неудачу встрѣтили издѣлія Bolognetti, Giraldi, Триссино, и съ другой стороны былъ свидѣтелемъ популярности поэмъ Пульчи, Боярдо и въ особенности Аріосто, имя котораго было славно не только въ Италіи, но и за предѣлами ея [1]). Тассо не могъ не признать великихъ достоинствъ поэмы Аріосто, тѣхъ достоинствъ, которыми пѣвецъ неистоваго Роланда очаровываетъ читателя, которыми онъ, по словамъ Тассо, вознесся превыше всѣхъ новыхъ писателей, и въ которыхъ съ Аріосто могли поравняться лишь немногіе древніе поэты. По мнѣнію Тассо, Аріосто обладалъ способностію понимать красоту; выработавъ вкусъ, Аріосто умѣлъ выбирать изъ прекраснаго наиболѣе прекрасное и великое и влагать въ изображеніе того и другого разнообразіе, силу и страсть [2]).

Такимъ образомъ, Тассо чтилъ достоинства и древнихъ и новыхъ поэтовъ и не соглашался съ тѣми, которые признавали право на существованіе лишь за произведеніями, написанными на латинскомъ языкѣ. Онъ не думалъ подражать лишь древнимъ поэтамъ, какъ не подражали имъ вполнѣ и лучшіе изъ его предшественниковъ. Онъ мечталъ о созданіи поэмы болѣе совершенной, чѣмъ всѣ предыдущія, не находя вмѣстѣ съ педантами единства въ „Неистовомъ Роландѣ“. Видя, что героическія поэмы въ родѣ написанныхъ Аламанни и Триссино обречены на неуспѣхъ, Тассо попытался слить чистый эпосъ въ духѣ Иліады съ тѣмъ романомъ, который развился изъ средневѣковаго Каролингскаго и бретонскаго эпоса и уже завладѣлъ симпатіею публики [3]); онъ хотѣлъ соединить эпическія картины, подобныя древнимъ, съ чувствованіями новаго времени. Тассо, слѣдовательно, имѣлъ въ виду не чисто романтическую поэму. Онъ хотѣлъ совмѣстить поэтическій вымыселъ съ исторіею, которая вообще начала входить въ то время въ созданія искусства. Далѣе, Тассо заявлялъ притязаніе на введеніе соотношенія причинности въ произведеніе своего творчества. Наконецъ, онъ хо-

---

[1]) О переводахъ поэмы Аріосто на французскій языкъ въ XVI в. см. *J. Blanc*, Bibliographie italico-française universelle, II, Mil. 1886, col. 1271—1272. Тассо пробылъ во Франціи шесть мѣсяцевъ (1570—1571).

[2]) Ср. однако мнѣніе собесѣдниковъ въ діалогѣ »Il Minturno ovvero della bellezza“.

[3]) Уже въ вѣкъ Тассо указывали у Аріосто соединеніе поэмы и романа, и то же сочетаніе признаютъ и теперь въ «Неистовомъ Роландѣ».

Digitized by Google

тѣлъ вложитъ въ него глубокій смыслъ, зная, какъ манятъ людей поэтическія прикрасы:

Sai che là corre il mondo, ove più versi
Di sue dolcezze il lusinghier Parnaso;
E che il vero condito in molli versi,
I più schivi allettando ha persuaso;
Così all'egro fanciul porgiamo aspersi
Di soave licor gli orli del vaso:
Succhi amari ingannato intanto ei beve,
E dall'inganno suo vita riceve [1]).

Затѣя была широка и въ высшей степени трудна. Она была выполнена лишь отчасти. Тассо удалось избѣжать запутанности средневѣковыхъ романовъ и героическихъ поэмъ Возрожденія: онъ расположилъ свой матеріалъ въ той системѣ, которая казалась ему необходимою при изложеніи дѣйствія, хорошо построеннаго, онъ сообщилъ своей поэмѣ цѣлостность, какой не было до того времени ни въ одномъ эпическомъ [2]) произведеніи итальянцевъ, и за то хвалили его нѣкоторые изъ его современниковъ [3]). Тѣмъ не менѣе, даже не

[1]) *Gerus. liber.*, I, 3. Въ переводѣ Ранча (М. 1828, I, стр. 2):

Волшебны вымыслы манятъ
Людей къ себѣ толпами;
Имъ истина милѣй стократъ,
Когда её цвѣтами
Холмовъ Парнасскихъ уберутъ.
Такъ часто мы больному
Младенцу подаемъ сосудъ,
По краю золотому
Распрыскавъ сладкій ароматъ,
И—чуждымъ подозрѣнья—
Въ сосудѣ горькій сокъ пріятъ,
Въ обманѣ—даръ спасенья.

Комментаторы приводятъ къ этимъ словамъ параллели изъ древнихъ поэтовъ и изъ Виды, а также изъ писемъ Тассо. Укажемъ еще на слова Тассо въ діалогѣ «Della poesia toscana»: «l'arte è abito, e quasi forma: e le cose, delle quali è arte, sono quasi materia» (p. 169); «i poeti oratori simili a'medici, che volendo, che sia presa la medicina, ungono di mele i labbri del vaso e dopo che la medicina è stata presa, porgono sempre o confetto, o narancio, o altra cosa, per la quale l'odore della medicina non offenda l'infermo» (p. 171). Ср. у Cecchi, Torqu. Tasso, Il pensiero etc., p. 391. Подобнымъ же образомъ опредѣлялъ поэзію Данте, выразившійся такъ: «La Poesia è una finzione rettorica, posta in musica». О томъ, какъ передавался этотъ взглядъ по традиціи, см. у Dunlop-а въ главѣ о Gesta Romanorum.

[2]) Если искать внѣшняго единства, то не окажется его и въ поэмѣ Аріосто. У Тассо орудіемъ такого внѣшняго единства являются Годфредо и общее предпріятіе, въ вожди котораго Годфредо избранъ, но на дѣлѣ Годфредо часто остается въ тѣни, и первенствующее мѣсто занимаетъ Ринальдо.

[3]) Vassalini, напр., назвалъ поэму Тассо *ben ordinato*. Нѣкоторыя данныя для рѣшенія вопроса о единствѣ «Освобожденнаго Іерусалима» можно найти въ монографіи *Wedewer*-а: Homer, Virgil, Tasso, oder Das befreite Jerusalem in seinem Verhältniss zur Jlias, Odyssee und Aeneis, Münster, 1843, s. 257—304.

Digitized by Google

нужно глубоко вникать, чтобы открыть довольно слабую связь съ цѣлымъ такихъ эпизодовъ, какъ эпизодъ объ Олиндѣ и Софроніи, который d'Ancona называетъ перломъ поэмы и который опущенъ въ Gerusalemme Conquistata. Еще замѣтнѣе отсутствіе внутренней связи событій тамъ, гдѣ дѣйствуетъ deus ex machina,—въ тѣхъ мѣстахъ поэмы, гдѣ Тассо прибѣгалъ къ помощи чудеснаго, заимствованнаго у Гомера и Виргилія, и во многихъ др. Самъ Тассо призналъ слабо мотивированною связь нѣкоторыхъ эпизодовъ (напр., о Gernando и Rinaldo) и пытался исправить погрѣшности 1-й редакціи. Новѣйшіе критики вслѣдъ за старыми продолжаютъ указывать крупные недостатки [1]) въ построеніи поэмы Тассо и не находятъ въ ней органическаго сліянія тѣхъ разнородныхъ элементовъ, которые поэтъ пытался сплавить въ горнилѣ своего творчества. Общій ходъ дѣйствія не увлекаетъ читателя. Словомъ, Тассо не представилъ поэмы, какую обѣщалъ дать: его „Освобожденный Іерусалимъ“ не имѣетъ объективнаго единства внѣ идеальныхъ влеченій самого поэта; это поэма, которая не можетъ назваться ни религіозною, ни историческою, ни эпосомъ классической техники. Это по преимуществу поэма рыцарско-романтическая [2]). Религіозное воодушевленіе, котораго исполнены нѣкоторыя ея части, не противорѣчитъ такому опредѣленію: оно являлось составною частью рыцарскаго настроенія даже въ нѣкоторыхъ романахъ Круглаго Стола. Но съ другой стороны „Освобожденный Іерусалимъ“ заключаетъ весьма замѣтную примѣсь отголосковъ классическаго эпоса, чѣмъ значительно отличается отъ „Неистоваго Роланда“ [3]), и вообще содержитъ много частностей, производящихъ диссонансы, такъ что читатель выноситъ въ общемъ неопредѣленное впечатлѣніе.

Такое отсутствіе гармоніи въ поэмѣ, въ которой авторъ хотѣлъ соблюсти строгое единство, зависѣло отъ неправильной теоретической

---

[1]) См., напр., Canello p. 141.

[2]) Ср. у Wedewer-a, 248—257: «die Gerusalemme liberata ein romantisch-klassisches Epos.» Ведеверъ пришелъ къ выводу, что поэма Тассо—«ein romantisches Gemälde in einem klassischen Rahmen».

[3]) И у Аріосто издавна уже указывали множество заимствованій изъ древняго эпоса (см., напр., *P. Bini*, Comparatione di Homero, Virgilio e Torquato. Et a chi di loro si debba la Palma nell' Heroico Poema.... Et in particolare si fà giuditio dell' Ariosto, In Padova, 1607, p. 304—306), но у него эти заимствованія претворены и прикрыты романтическою оболочкою. Ср. Dini 429. Райна отмѣтилъ quasi—плагіаты Аріосто изъ Овидія, Стація и Виргилія; Furioso, по его словамъ, родился «di padre italiano, ma di madre latina».

Digitized by Google

постановки задачъ поэмы, отъ подчиненія творчества предвзятой теоріи [1]), отъ характера творчества Тассо и отъ разорванности въ духѣ самого поэта: въ годы, въ которые Тассо писалъ „Освоб. Іерус.“, онъ видимо еще не пришелъ къ тому примиренію противоположныхъ началъ, какое видимъ въ послѣдній моментъ его жизни, въ который, по выраженію Guasti, „прозвучалъ послѣдній вопль человѣческой скорби, и засіяла первая улыбка небесной надежды“. Въ годы юности въ душѣ Тассо боролись противоположные порывы, и ни одинъ изъ нихъ не достигалъ полнаго верховенства.

Это находилось въ связи съ характеромъ времени, въ которое жилъ Тассо, и съ общею чертою личности Тассо: онъ былъ однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей того Возрожденія, въ которомъ усматриваютъ цѣлый рядъ „противорѣчій“ [2]). Врядъ ли кто другой изъ великихъ мыслителей и художниковъ итальянскаго Возрожденія отражаетъ въ такой мѣрѣ, какъ Тассо, характерныя особенности эпохи, въ которую легко могли переходить отъ глубоко философскихъ разсужденій къ такимъ произведеніямъ какъ *Ragionamenti* Аретино, отъ занятій поэзіею и философіею къ самымъ грязнымъ и постыднымъ утѣхамъ; врядъ ли кто другой испытывалъ въ такой мѣрѣ, какъ Тассо, всю горечь шаткости и своего неполнаго соотвѣтствія боровшимся направленіямъ времени.

Тассо жилъ въ переходную пору, когда карнавалъ Возрожденія проходилъ и повергъ въ утомленіе участниковъ его, когда вступили въ борьбу противоположныя стремленія времени оканчивавшагося и времени наступавшаго, когда подъ вліяніемъ реформаціи начался усиленный поворотъ къ религіознымъ вопросамъ, когда вольнодумство въ Италіи подвергалось преслѣдованіямъ, матеріализмъ, внесенный итальянскимъ Возрожденіемъ, сохраняя свою силу, уже прикрывался набожностію, и когда, съ другой стороны, вѣра все еще была колеблема сомнѣніями, порождаемыми усиліемъ согласовать ея истины съ авторитетомъ древнегреческой мудрости, предъ которымъ преклонялось Возрожденіе. Все еще держались средневѣковыя схоластическія доктрины, но слышался также голосъ скептицизма, возникшаго подъ вліяніемъ греческой философіи.

---

[1]) Теорія героической поэмы Тассо на русскомъ языкѣ довольно подробно изложена и разобрана въ книгѣ *Шевырева:* Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ, М. 1836, стр. 125—137.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, № 12, статья: «Противорѣчія италіанскаго Возрожденія» акад. А. Н. Веселовскаго.

Digitized by Google

Надѣленный отъ природы организаціей, въ которой ключемъ била жизнь, которая потому развилась быстро и рано, обладая весьма богатыми дарованіями, способностью къ философскому вниканію, поэтическою воспріимчивостью, пылкою фантазіею, тонкою чувствительностью и изящнымъ вкусомъ, Тассо испытывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ страстное влеченіе къ знанію: l'amor del sapere, говоритъ онъ,

.....m'ha si acceso,
Che l'opra è ritardata dal desio [1]).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тассо говоритъ, что его умъ былъ „per se stesso curioso e vago de l'alte e sovrane investigazioni". Онъ пріобрѣлъ основательныя, обширныя и разностороннія познанія и пытался взойти къ цѣльному міровоззрѣнію. Пламенную вѣру, которую старались развить въ своемъ воспитанникѣ іезуиты и которая ослабѣла въ годы студенчества его въ Падуѣ и веселаго житья въ Феррарѣ, Тассо пытался примирить съ философіею [2]), въ которой чтилъ особливо Платона [3]). Тассо надѣялся обойти противорѣчія „scrivendo come filosofo e credendo come cristiano"; онъ не отрѣшился отъ схоластическихъ умствованій и даже о любви *разсуждалъ* на средневѣковой ладъ. Его занимала тайна сущаго, вопросы морали, религіи и эстетики, и онъ рѣшалъ ихъ, постоянно вращаясь между крайностями, силясь постигнуть безконечное и согласить противорѣчія философскихъ системъ, живо занимавшія его, какъ показываютъ нѣкоторые діалоги [4]). Даже въ часы болѣе радостнаго состоянія духа его посѣщали грезы о неизвѣстномъ и таинственномъ

---

[1]) Dial., 247.

[2]) Въ письмѣ 15 апрѣля 1579 г., вспоминая о грѣхахъ своей юности, Тассо въ обращеніи къ Богу, говоритъ: «Andava io pensando di Te non altramente di quel che solessi talvolta pensare a l'idee di Platone e agli atomi di Democrito, a la mente di Anassagora... a la materia prima d'Aristotile... o ad altre sì fattre cose de' filosofi»....

[3]) Въ діалогѣ «Il Malpiglio secondo ovvero del fuggir la moltitudine» Forestiero на вопросъ Malpiglio: «in qual vogliamo entrare; in quell' antico di Platone?» отвѣчаетъ: «In quello, per l'antichita, poche navi, e pochi peregrini oggi si riparano, e quelli per la maggior parte, son Greci, che per l'autorità del cardinal Bessarione possono farlo sicuramente; e degli Italici alcuni Gentili, più vaghi di mercare onore e chiara fama, che altra merce». Dial., 203.

[4]) Въ діал. «Il Malp. sec.» Forestiero говоритъ: «Noi dicemmo nel principio che gli affetti agli affetti son contrarj, e l'immagini all'immagini, e l'opinioni all'opinioni; ma che fra le scienze inon è contrarietà perchè la scienza inferiore serve alla superiore quasi ministra, e piglia da lei principj ; nondimeno volendo ripararci iu questo porto, abbiam ritrovato una gran maltitudine di opinioni, che il rendono men tranquillo». Dial., 220—221.

Digitized by Google

и погружали его въ меланхолическое созерцаніе, къ которому онъ вообще былъ склоненъ [1]). Когда же миновало свѣтлое настроеніе молодости, порожденное ранними и блестящими удачами, въ душѣ поэта при первомъ серьезномъ столкновеніи съ житейскими невзгодами выникла съ полною силою борьба, которая прорывалась въ немъ уже во дни юности. Какъ въ философскомъ умозрѣніи, такъ и въ жизни своей Тассо съ той поры не находилъ покоя и радости: онъ испытывалъ умственное раздвоеніе и нравственныя муки; его тяготило чувство человѣка, не достигшаго гармоніи сознанія, и недовольство людьми. Онъ хотѣлъ бы идти, не разъединяясь со своимъ временемъ, и не могъ. Наступилъ періодъ въ его жизни, когда онъ подвергался припадкамъ неистовства и душевной болѣзни [2]). Тассо доходилъ до скептицизма, среди котораго въ немъ уцѣлѣвала лишь инстинктивная вѣра въ возможность милосердія Божія и подъ вліяніемъ котораго онъ готовъ былъ усомниться въ своемъ правовѣріи и отдать себя въ руки инквизиціи [3]), и затѣмъ впадалъ въ противоположную крайность—мистицизмъ. Отъ моральнаго самобичеванія въ припадкахъ крайняго аскетизма онъ восходилъ къ религіозному энтузіазму и экстазу видѣній. Поэтъ жизнерадостнаго настроенія, рыцарской любви и любви Возрожденія превратился въ аскета, окончившаго чуть не самоотрицаніемъ. Полный вѣры въ людей и постоянно возлагавшій нядежды на нихъ, Тассо терпѣлъ разочарованія, потому что съ дѣтства привыкъ много думать о себѣ и ожидалъ лишь поклоненія. Словомъ, онъ представлялъ собою глубоко трагическую личность, которая не переставала внушать участіе и постепенно стала идоломъ итальянскаго народа. Поэтъ, критикъ и философъ постоянно оставались непримиренными въ Тассо, да и въ частности въ каждой изъ этихъ трехъ сферъ дѣятельности Тассо испытывалъ колебанія.

Оттуда-то эклектизмъ и отсутствіе полной гармоніи и въ главномъ поэтическомъ созданіи Тассо,—„Освобожденномъ Іерусалимѣ“.

---

[1]) См. упомянутое письмо 1579 г.: «Spesso mi suonavano orribilmente ne l'imaginazione l'angeliche trombe del gran giorno» etc.

[2]) Новѣйшіе изслѣдователи признаютъ фактъ помѣшательства Тассо не подлежащимъ сомнѣнію и въ значительной мѣрѣ снимаютъ съ Феррарскаго герцога Альфонса обвиненіе въ тиранскомъ заключеніи поэта въ госпиталь св. Анны.

[3]) Саннацаро въ своихъ письмахъ также высказывалъ сомнѣніе въ своемъ правовѣріи, и Geiger сближаетъ это сомнѣніе съ мучительнымъ самоистязаніемъ Тассо.

Digitized by Google

Коренясь отчасти въ сравнительно слабой способности Тассо къ изобрѣтенію и въ теоретическомъ положеніи о томъ, что поэтъ долженъ выбирать наиболѣе эффектный матеріалъ, они были усилены характеромъ душевной жизни Тассо и внутреннимъ разладомъ, который онъ испытывалъ. Въ поэмѣ Тассо находимъ сплавъ самыхъ разнородныхъ матеріаловъ, классическихъ и романтическихъ [1]), и зачатки романтики

[1]) *D'Ancona* (въ статьѣ: «Di alcune fonti della Gerusalemme liberata», помѣщенной въ Varietà storiche e Letterarie, (I-a ser., Mil. 1883, 99—108) различаетъ двоякіе источники Тассо: классическіе и античные съ одной стороны и относящіеся къ средневѣковой рыцарской и легендарной литературѣ съ другой. Къ этимъ двумъ разрядамъ слѣдуетъ прибавить третій—романтическія поэмы итальянскаго Возрожденія. Наиболѣе обстоятельно выяснено отношеніе «Освобожденнаго Іерусалима» къ классическимъ поэмамъ. Въ подражаніи Гомеру сознался самъ Тассо въ своемъ Giudizio della Gerusalemme, да и сверхъ того найденъ экземпляръ Иліады, принадлежавшій Тассо и сохранившій на полѣ противъ описанія пояса Афродиты приблизительно слѣдующую приписку: Ricordarsene per il Cinto d'Armida». При сравненіи «Gerus. lib.» съ Иліадой оказалось, что Тассо подражалъ Гомеру въ общемъ построеніи своего эпоса, въ характеристикѣ цѣлаго ряда лицъ «Освоб. Іерус.», соотвѣтствующихъ героямъ Иліады, а равно въ нѣкоторыхъ эпизодахъ, обусловливающихъ завязку и развязку дѣйствія, и въ длинныхъ описаніяхъ сраженій. О заимствованіи нѣкоторыхъ изреченій у Гомера нечего и говорить. Потому основательно называютъ поэму Тассо романтическою Иліадою. На ряду съ Гомеромъ еще болѣе видная доля воздѣйствія на складъ «Освобожд. Іерусалима» принадлежитъ Виргилію. *Colagrosso* въ Studii sul Tasso e sul Leopardi, Forli 1883, старался доказать огромную зависимость Ger. lib. отъ Энеиды въ общей схемѣ. По мѣстамъ Тассо почти буквально воспроизводилъ нѣкоторые стихи Виргилія; у послѣдняго онъ заимствовалъ черты для обрисовки Гоффредо, эпизодъ о пораненіи его и исцѣленіи, о смерти Дудона и др. (см. ниже) и множество отдѣльныхъ оборотовъ, сравненій, описаній и сентенцій. Обстоятельное указаніе отношенія «Освобожденнаго Іерусалима» къ Иліадѣ и Энеидѣ см. также у Wedewer-a. Что до сентенцій Тассо, то параллели къ нимъ изъ разныхъ поэтовъ приведены въ сборничкѣ *Coda*, La filosofia di Torquato Tasso nella Gerusalemme Liberata, 1885. Кромѣ Гомера и Виргилія изъ древнихъ поэтовъ оказали вліяніе на Тассо еще Луканъ (изъ него взяты нѣкоторыя ситуаціи) и Стацій. См. Ranke, l. c., 466 fgde (статья Ранке перепечатана въ 1889 г. въ его Abhandlungen und Versuchen, hrsg. v. Dove und Wiedemann, Leipz.) и Dunlop-Liebrecht, 175; см. также ниже объ очарованномъ лѣсѣ. У Геліодора заимствовано чудо происхожденія бѣлолицей Клоринды отъ чернокожихъ родителей (см. выше; исторію спасенія Клоринды и ея юности сближаютъ также съ исторіею Камиллы у Виргилія).—Изъ этого перечня можно видѣть, какою значительною частью содержанія «Освобожденнаго Іерусалима» былъ обязанъ Тассо древнимъ писателямъ, въ особенности латинскимъ, съ которыми былъ превосходно знакомъ: общій складъ фабулы Освоб. Іер. и многія частности ея возникли подъ вліяніемъ древней поэзіи. Романтическая поэзія, зародившаяся въ средніе вѣка, вдохнула преимущественно душу въ остовъ, составившійся изъ припоминаній античной эпики,—тѣ чувствованія, которыми оживился этотъ остовъ; но она надѣлила Тассо также и нѣкоторыми изъ своихъ сказаній. По мнѣнію d'Ancon-ы, изъ Каролингскаго эпоса почерпнуты подробности эпизода о первомъ боѣ Танкреди съ Клориндой; для эпизода же послѣднемъ ихъ боѣ и о крещеніи Клоринды доставилъ матеріалъ циклъ сказаній о Рыцарѣ Лебедя; эпизодъ объ Олиндѣ и Софроніи, имена которыхъ встрѣчаются въ Amadigi (Олинду соотвѣтствуетъ Galindo), представляетъ передѣлку религіозной легенды. Ср. указаніе Michaud на историческій фактъ, переданный Вильгельмомъ Тирскимъ. *Graf* (Gior. stor. d. l. it., II, 419—420; ср. Canello p. 142) отнесся скептически къ этимъ указаніямъ на средневѣковыя произведенія, которыми могъ воспользоваться Тассо: Graf находитъ, что «si corra troppo

Digitized by Google

новой, слагавшейся въ Италіи въ вѣка Возрожденія и перенесенной оттуда въ XVI и XVII вв. въ другія страны Запада, преимущественно въ Испанію, Англію и во Францію. Главное значеніе въ этомъ сплавѣ

di leggieri a dir fonte quello che forse non è altro se non un luogo parallelo, o una fortuita corrispondenza». Онъ принимаетъ за вѣроятное лишь сближеніе эпизода о крещеніи Клоринды съ однимъ мѣстомъ поэмы Chétifs. Сомнѣнія Graf-a преувеличиваютъ слабую доказательность сближеній, сдѣланныхъ d'Ancon-ой. Тассо съ юныхъ лѣтъ былъ хорошо знакомъ съ рыцарской эпикой, да и въ библіотекѣ Феррарскихъ Эсте было много рыцарскихъ поэмъ и романовъ. См. цитованную уже статью Райны: «Ricordi di codici francesi posseduti dagli Estensi nel sec XV» въ Romania II (см. также Romania XVIII, 296 и слѣд.) и статью *Cappelli*: «La biblioteca Estense nella prima metà del secolo XV» въ Giorn. stor. d. l. it., XIV, 22 и слѣд. Приведенное выше выраженіе: «condusse a fine molte altre maravigliose avventure» представляетъ повтореніе типичной фразы бретонскихъ романовъ и свидѣтельствуетъ о знакомствѣ Тассо съ послѣдними. На заимствованіе изъ Perceforest указано у Dunlop-Liebrecht 101; см. еще ib. 129 и 478.—Родные поэты, въ особенности поэты времени Возрожденія, также доставили вкладъ въ поэму Тассо. Не разъ у него можно найти отголоски поэзіи Данте, напр., въ аллегорическомъ значеніи нѣкоторыхъ образовъ (мага, котораго обратилъ въ христіанство Петръ пустынникъ; въ *Gerus. Conquist.* этотъ Veglio носитъ имя *Filalitео*) и цѣлыхъ эпизодовъ (о пребываніи Ринальдо у Армиды). Подъ конецъ Тассо готовъ былъ свести къ аллегоріи всю свою поэму. 6-я новелла 5-го дня Декамерона помогла закончить эпизодъ объ Олиндѣ и Софроніи (Dunlop-Liebrecht, 205). Повѣствованіе Чьеко Феррарскаго (въ «Mambriano») о пребываніи Ринальдо въ плѣну у феи Карандины представляетъ нѣкоторое сходство съ разсказомъ Тассо о житьѣ Ринальдо въ плѣну у Армиды (впрочемъ, подобный же эпизодъ есть и у Аріосто). Вліяніе Боярдо на Тассо неоднократно отмѣчается у Panizzi въ изданіи, доселѣ не утратившемъ цѣны: Orlando inammorato di Bojardo: Orlando furioso di Ariosto: with an Essay on the romantic narrative poetry of the Italians: memoirs and notes by Antonio Panizzi: Lond. 1830. 9 vols), но указанія его не всегда убѣдительны. Гораздо замѣтнѣе вліяніе Аріосто. Оно сказывается отчасти въ общей схемѣ (см. ниже о вліяніи любви на ходъ дѣйствія у Аріосто и Тассо), а также въ частностяхъ. Такъ, напр., сады Армиды уподобляются очаровательнымъ рощамъ Альчины; начало XV-й пѣсни «Освобожденнаго Іерусалима» (о путешествіи рыцарей Карла и Убальда, посланныхъ для отысканія Ринальдо) напоминаетъ соотвѣтственный эпизодъ въ поэмѣ Аріосто о путешествіи Астольфо (см. примѣч. Camerini къ его изданію Gerus. Lib., p. 386). Видимо оставили слѣдъ въ воображеніи Тассо и другія измышленія Аріосто. Аргантъ напоминаетъ Родомонта (и Турна), Солиманъ-Мандрикарда. Прославленіе Феррарскаго дома и пророчества касательно Эсте также вставлены въ поэму Тассо по образцу такихъ отступленій въ поэмѣ Аріосто. Нѣкоторыя изъ подробностей поэмы Тассо, напоминающихъ поэму Аріосто, указаны Wedewer-омъ.—Какъ поэма Тассо въ общемъ представляетъ сліяніе разнородныхъ вымысловъ въ болѣе или менѣе цѣльное повѣствованіе, такъ въ отдѣльныхъ наполняющихъ ее фикціяхъ процессъ творчества поэта состоялъ въ сплавѣ образовъ, отпечатлѣвшихся въ его представленіи при чтеніи цѣлаго ряда произведеній. О различныхъ составныхъ частяхъ исторіи Олинда и Софроніи см. выше. Армида, по Валентину Шмидту, заимствована изъ Florisel de Niquea, но Т. Тассо привнесъ также частности изъ повѣствованія объ Анжеликѣ у Боярдо и объ Альчинѣ у Аріосто; сѣтованія и угрозы Армиды по оставленіи ея Ринальдомъ напоминаютъ сѣтованія Дидоны.—Мозаическій подборъ матеріаловъ и перенесеніе въ поэму цѣликомъ нѣкоторыхъ чужихъ подробностей напоминаютъ процессъ творчества средневѣковыхъ поэтовъ и поэтовъ предшествовавшаго—переходнаго—времени. Тассо въ этомъ отношеніи отклоняется отъ творчества новѣйшаго времени, которое отличается оригинальностью фабулъ. Поэма Тассо искуственное реторическое произведеніе, составленное по правиламъ и въ значительной степени подражательное. Ср. у Dini 297—298 и 427—429.

Digitized by Google

принадлежало рыцарско-романтическому духу, котораго былъ исполненъ творецъ „Освобожденнаго Іерусалима“.

Въ тѣ годы, когда слагались его поэтическія наклонности, рыцарскій духъ не вполнѣ еще исчезъ, и все еще были въ ходу чисто рыцарскія увеселенія, часто имѣвшія мѣсто при блестящей обстановкѣ [1]). Юность свою, самое радостное время своей жизни (съ октября 1565 г.), Тассо [2]) провелъ въ Феррарѣ, въ герцогскомъ замкѣ которой, расписанномъ Тиціаномъ и др., пріютились феодальныя преданія, держались средневѣковой аристократизмъ и cortesia и процвѣтала дворская жизнь. Одновременно съ испорченностію нравовъ [3]) тамъ было много блеска и утонченности. Развлеченія смѣнялись развлеченіями, и въ пестромъ чередованіи ихъ поперемѣнно выступали то обычныя увеселенія времени Возрожденія, то переживанія старинныхъ, средневѣковыхъ забавъ. Ставились на сцену комедіи, эклоги, пасторали, давались грандіозные концерты, и одновременно держалась легкая лирика во вкусѣ, унаслѣдованномъ отъ среднихъ вѣковъ: придворные поэты писали мадригалы, канцоны (для музыкальнаго аккомпанимана) и сонеты въ честь принцессъ и выдававшихся красотою дамъ двора; дамы восхвалялись и любовь прославлялась все по одному и тому же образцу пѣсенъ блистательнаго эпигона и завершителя поэзіи трубадуровъ—Петрарки. Прибывъ къ Феррарскому двору, Тассо былъ ослѣпленъ блескомъ этого самаго пышнаго изъ итальянскихъ дворовъ, и отголосокъ такого впечатлѣнія указываютъ въ слѣдующихъ стихахъ его „Аминты“, написанной позже (зимою 1574 г.):

Oh che sentii? che vidi allora? I'vidi
Celesti Dee, ninfe leggiadre e belle
Nuovi Lini ed Orfei...

Рыцарскій міръ, воспѣтый въ Rinaldo, теперь былъ на яву передъ поэтомъ и очаровалъ его навсегда такъ, что Тассо почти во всю жизнь не могъ отрѣшиться отъ обаянія блестящей дворской жизни,

---

[1]) Ranke, 465.

[2]) Ему былъ тогда 21-й годъ.

[3]) Тамъ царило правило, увѣковѣченное въ пѣснѣ хора, заканчивающей 1-й актъ Аминты. царилъ legge aurea e felice

Che natura scolpì: *S'ei piace, ei lice.*

Digitized by Google

хотя послѣ нѣсколькихъ лѣтъ легкаго и радостнаго житья въ ея атмосферѣ, испыталъ и тѣ огорченія, какія она можетъ приносить, и узналъ, что въ его время „l'infingere è una delle maggiori virtù". Тассо доводилось присутствовать и въ другихъ мѣстахъ при увеселеніяхъ, носившихъ рыцарскій характеръ, и принимать участіе въ состязаніяхъ въ родѣ тѣхъ, какія были столь обычны въ средніе вѣка при дворахъ знатныхъ господъ и владѣтелей [1]).

Такимъ образомъ, уже среда, въ которой пришлось вращаться нашему поэту, направляла его къ поэтическому культу преданій и завѣтовъ рыцарства. Это вліяніе окружающаго общества сходилось съ предрасположеніями въ характерѣ Тассо. Ему были присущи рыцарскіе инстинкты, мечтательность и унаслѣдованное отъ отца рыцарское благородство. Какъ сынъ человѣка высшаго круга, Торквато былъ обученъ всему, что входило въ дворское воспитаніе того времени, т. е. верховой ѣздѣ, фехтованію, и выказалъ однажды въ Феррарѣ свое рыцарское мужество. Тассо не раздѣлялъ всѣхъ феодальныхъ предразсудковъ, напр. касательно благородства по рожденію,—предразсудковъ, которые были всего менѣе умѣстны въ Италіи, но, ставъ въ Феррарѣ въ значительной степени дворскимъ поэтомъ, Тассо приблизился въ области поэзіи къ средневѣковымъ поэтамъ рыцарства: онъ чтилъ завѣты рыцарства (въ томъ числѣ и завѣтъ о любви и воспѣваніи дамъ) и чувствовалъ красоту средневѣковой доблести. Къ ней онъ долженъ былъ переноситься своею мечтою, не находя въ родной современности крѣпкой опоры для эпической идеализаціи, заключившись въ кругу своей учености и поэтическаго фантазированія и не привыкши входить въ новые интересы и потребности современности, серьезно вдохновляться ею.

---

[1]) Укажемъ на празднество въ Пезаро въ 1574 г. Тамъ выступили «cavaglieri combattenti», носившіе названіе «il cavaglier della Luce», «il cavaglier della Selva Amorosa», «il cavaglier Costante», «il cavaglier della Fiamma amorosa». См. письмо Almerici, напечатанное въ Giorn. stor. d. l. it., XII, 406—411. Тамъ же и сюжетъ одного изъ театральныхъ представленій былъ заимствованъ изъ рыцарской романтики: «L'altro irtermedio è stato l'arco de' leali amanti e della camera incantata, dell'historia d'Amadis di Gaula e d'Oriana, et è comparso benissimo et ancora che quegli che non sapevano l'historia non ne godessero così bene ha però fatta bellissima vista poichè c'intervenivano cavaglieri e dame, et incantaggioni, et combattimenti et altre cose che mirabilmente compariscono in scena» (ib. 412). Отголосками средневѣковыхъ диспутовъ и вмѣстѣ античныхъ философскихъ собесѣдованій являлись «ragionamenti» «fra molti begli intelletti». Предметомъ одного ragionamento было рѣшеніе вопроса, «se l'odio era contrario dell'amore»; въ другой разъ разсуждали о томъ, «qual fosse maggiore cortesia» (ib., 414—415).

Digitized by Google

Потому-то, задумавъ поэму, Тассо, несмотря на то, что хорошо изучилъ классическую древность и порѣшилъ оставить въ сторонѣ чисто романтическія измышленія, обратился къ исторіи среднихъ вѣковъ, къ крупнѣйшему изъ событій ея, въ которыхъ вспыхнулъ было яркимъ пламенемъ средневѣковой героизмъ идеалистическаго пошиба,—къ тому изъ крестовыхъ походовъ, въ которомъ наименѣе заправляли побужденія своекорыстія и который могъ быть представленъ въ эпосѣ повтореніемъ похода Карла В. въ Палестину [1]). Тассо уловилъ въ исторіи среднихъ вѣковъ моментъ всемірно-историческаго значенія, въ который наияснѣе сказалась идея среднихъ вѣковъ и въ который рыцарство достигло своего апогея. Этотъ моментъ доставилъ поэту возможность войти такъ глубоко въ душу средневѣковаго рыцарства, какъ не входилъ до Тассо ни одинъ изъ итальянскихъ эпиковъ, обращавшихъ вниманіе преимущественно на фантастику рыцарскихъ грезъ [2]). Рыцарство, подвизавшееся въ первой борьбѣ за гробъ Господень, представало воображенію поэта и читателей времени католической реакціи въ особомъ ореолѣ, подобнаго которому не имѣли рыцари ни одной изъ поэмъ, читавшихся въ Италіи XVI в. [3]), хотя, съ другой стороны, оно было лишено ореола національнаго героизма, которымъ славились паладины Карла. Тассо могъ оставить въ сторонѣ всѣ романтическія измышленія, наполнявшія исторію рыцарскихъ подвиговъ въ романахъ и поэмахъ, и возвеличить рыцарство, опираясь на дѣйствительный фактъ, на крупное дѣяніе, которое могло возбуждать участіе и въ читателяхъ вѣка религіозныхъ войнъ, какими

---

[1]) Такъ и представленъ походъ Гоффредо въ *Gerus. Conquistata*. Франкъ Giovanni, находящійся въ ополченіи Гоффредо, былъ во св. землѣ также съ Карломъ. Тассо послѣдовалъ въ этомъ вымыслѣ за Каролингскою легендою, которая знала оруженосца, служившаго Роланду или Оливье и дожившаго до времени импер. Фридриха II (до 1223, 1234 или 1231 г. См. G. *Paris* Histoire poétique de Charlemagne, Par. 1865, p. 323, n. 4; Romania X, 214 (письмо d'Ancon-ы) замѣтка того же *d'Ancon'ы*: Tradizioni carolingie in Italia, Roma 1889, и Romania XVIII, 251

[2]) Нѣкоторые готовы думать, что «dopo l'Ariosto, che con insolita comprensione aveva adunato intiero nel suo poema il concetto della Cavalleria, non era più possibile trattare quella materia»... Dini, 296; ср. однако p. 302. Съ ультра-католической точки зрѣнія также не удовлетворялись Тассовымъ изображеніемъ перваго крестоваго похода. Фр. Шлегель (Ист. древней и новой литературы, перев. съ нѣмецкаго, ч. вторая, Спб. 1830, стр. 101) говоритъ что Тассо «совсѣмъ не достигъ до всей высоты своего предмета, и не умѣлъ исчерпать все богатство онаго, но такъ сказать прикоснулся только поверхности его».

[3]) Вѣдь образъ Роланда, какъ онъ рисовался воображенію итальянцевъ XVI в., весьма мало походилъ на ликъ древняго Роланда, причтеннаго церковью къ сонму святыхъ.

Digitized by Google

было наполнено XVI-е столѣтіе, бывшихъ свидѣтелями грозной борьбы христіанскаго міра съ турками, участвовавшихъ въ знаменитой Лепантской битвѣ или слышавшихъ о ней. Для этихъ читателей борьба крестоносцевъ съ невѣрными въ Палестинѣ была исполнена какъ бы современнаго интереса: въ Лепантской битвѣ противъ невѣрныхъ также ополчился почти весь католическій западъ. То былъ сюжетъ одновременно историческій и романтическій, и остановившись на немъ, Тассо превзошелъ своихъ предшественниковъ, воспѣвавшихъ въ серьезномъ тонѣ доблесть средневѣковаго рыцарства [1]). Благодаря широтѣ темы, Тассо могъ нарисовать грандіозную картину, въ которой могло найти мѣсто все возвышенное и трогательное въ дѣлахъ, помышленіяхъ и чувствованіяхъ рыцарства какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ его представителяхъ.

Тассо принялся за разрисовку и отдѣлку этой картины со всѣмъ воодушевленіемъ, къ которому былъ способенъ. Его окрыляло вдохновеніе сродное тому, которое за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ одушевляло поэтовъ, разрабатывавшихъ ту же тему о борьбѣ христіанъ съ сарацинами,—поэтовъ, воспѣвшихъ первый крестовый походъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ грандіозныхъ событій, ознаменовавшихъ это предпріятіе; былъ не чуждъ Тассо и того вдохновенія, которое создало нѣкогда поэмы о борьбѣ христіанъ съ Сарацинами на материкѣ Европы и которое согрѣвало сердца пѣвцовъ, восхвалявшихъ славный подвигъ Роланда и его сподвижниковъ, павшихъ въ борьбѣ за „crestiëntét“ и за „France dolce la bele“.

Подобно тѣмъ древнимъ пѣвцамъ и историку, котораго разсказомъ постоянно руководился [2]), Тассо готовъ былъ вѣрить, что сражавшіеся съ невѣрными витязи были подкрѣпляемы помощію свыше (впрочемъ, его религіозныя представленія оказываются иногда неясными даже въ поэмѣ [3]). Какъ въ пѣснѣ о Роландѣ архангелъ Гавріилъ является обычнымъ посломъ

---

[1]) Нѣкоторые изъ критиковъ XIX в. не одобряютъ сюжета, обработаннаго Тассо.

[2]) Разумѣемъ Вильгельма Тирскаго. См. Ранке, стр. 463. Итальянскій переводъ Вильгельма былъ напечатанъ въ 1562 г. Къ сказанному Ранке надо прибавить, что Тассо ввелъ въ свое повѣствованіе разсказы Вильгельма о чудесахъ, имѣвшихъ мѣсто во время перваго крестоваго похода, и многое другое. См. вкратцѣ въ статейкѣ *Burgtorf*-а: «Ueber einige ästhetische Eigenthümlichkeiten und Werth des «befreiten Ierusalem», von Torqu. Tasso» въ «Programm der höheren Bürgerschule zu Northeim» 1875, s. 9

[3]) Ib., 17.

Digitized by Google

отъ Бога къ рыцарямъ, защищающимъ Его народъ [1]), такъ и у Тассо нерѣдко видимъ нисхожденіе Гавріила съ небесъ къ Гоффредо [2]). Мало того: Тассо ввелъ битвы подъ стѣнами Іерусалима въ рамку общей исконной борьбы царствъ свѣта и тьмы. Тассо примкнулъ, такимъ образомъ, къ древнему дуалистическому представленію, вошедшему и въ романъ о Мерлинѣ [3]); онъ выставилъ рядомъ два царства, царство Божіе и царство сатаны. Борьба ихъ составляетъ одну изъ главныхъ пружинъ дѣйствія въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ". Не допускавшіе христіанъ въ Іерусалимъ—союзники діавола. Духъ гуманности, который былъ присущъ Тассо [4]), заставилъ его смягчить рѣзкость красокъ въ изображеніи мусульманъ, но, тѣмъ не менѣе, Тассо былъ всею душею на сторонѣ христіанъ въ этой борьбѣ, считая ихъ дѣло вполнѣ Богоугоднымъ [5]) и желая новаго крестоваго похода, который, какъ надѣялся поэтъ, могъ состояться подъ водительствомъ мнимаго потомка Ринальдо, Альфонса II Феррарскаго, покровителя поэта [6]). Тассо видимо сочувствовалъ средневѣковой антиимператорской идеѣ обширнаго религіознаго царства Божія на землѣ съ центромъ въ Римѣ, воспѣвъ подвиги рати изъ разныхъ народовъ, собравшейся подъ общимъ католическимъ знаменемъ [7]). Словомъ, общая окраска поэмы—католическая, сообщающая произведенію Тассо въ значительной степени средневѣковой колоритъ.

---

[1]) Въ моментъ смерти Роландъ, какъ мы видѣли,

Son destre guant a Dieu en porofrit,
E de sa main sainz Gabriëls l'at pris.

Затѣмъ ангелы перенесли душу Роланда «en paredis».

[2]) См., напр., Gerus. lib., I, 11 и слѣд.; XVIII, 92 и др.

[3]) Разумѣемъ знаменитое начало этого романа. Тассо могъ заимствовать сцену совѣщанія демоновъ изъ поэмы Виды.

[4]) Нѣкоторые критики обвиняютъ Тассо въ католической нетерпимости, но намъ кажется болѣе убѣдительнымъ взглядъ Cecchi.

[5]) См., напр., Gerus. lib. III. 68, гдѣ Гоффредо, стоя надъ тѣломъ Дудона, называетъ его святымъ и говоритъ:

. . . . . or godi e pasci
In Dio gli occhi bramosi, o felice alma,
Ed hai del ben oprar corona e palma.

[6]) Ib.. I, 5; XVII, 93—94.

[7]) Въ Gerus. Conquist. Тассо уже не заявляетъ себя противникомъ императорской идеи.

Digitized by Google

Съ точки зрѣнія своего основнаго плана и міросозерцанія Тассо долженъ былъ включить и чудесное въ свою поэму, но это чудесное должно было отличаться отъ фантастики прежнихъ рыцарскихъ поэмъ и количествомъ и качествомъ. Тассо избѣжалъ необузданнаго разгула фантазіи своихъ предшественниковъ отчасти по принципу, а отчасти, можетъ быть, и потому, что фантазія его не была способна къ той чудной игрѣ яркими красками и пестротою картинъ,—какою плѣняетъ Аріосто. Тассо старался держаться въ предѣлахъ вѣроятности, допускаемой католическимъ исповѣданіемъ. То чудесное, которое онъ принялъ, было, по его мнѣнію, умѣстно въ христіанскомъ эпосѣ: то было, по преимуществу, христіанское чудесное. Въ самомъ изображеніи чудеснаго сказалось, какъ трудно было поэту Возрожденія вернуться къ наивной вѣрѣ среднихъ вѣковъ, какой разладъ должна была внести въ религіозное творчество итальянскаго поэта XVI в. та пройденная Тассо съ ранняго дѣтства классическая школа, отъ впечатлѣній которой онъ не могъ отрѣшиться во всю жизнь, и какъ вліялъ тотъ вѣкъ, который признавалъ великое могущество человѣческаго разума [1]). Воздѣйствіе классицизма, которымъ проникнись мысль и воображеніе поэта, и міровоззрѣніе Возрожденія разрушительно подѣйствовали на цѣльность религіознаго міросозерцанія въ ученикѣ іезуитовъ, какимъ былъ Тассо, и отняли у его вѣры непосредственность религіознаго чувства, необходимую для вполнѣ искренняго и подъ этимъ только условіемъ вполнѣ удачнаго изображенія чуда.

Въ изображеніи чудеснаго Тассо отличается отъ остальныхъ поэтовъ итальянскаго Возрожденія. У нихъ чудесное фантастично, и они впадали въ гротескъ, подшучивая надъ дѣтскими, по ихъ мнѣнію, вѣрованіями; какъ скоро же они относились къ чудесному серьезно, то невольно придавали ему характеръ суевѣрія, которое въ существѣ—ничто. У Тассо находятъ послѣднее [2]), и нельзя не согласиться, что такое впечатлѣніе производятъ тѣ мѣста „Освобожденнаго Іерусалима“, гдѣ выступаютъ фантастическія существа, перенесенныя въ христіанскую поэму изъ Гомера, Вергилія, или гдѣ идетъ рѣчь о призракѣ, созданномъ Вельзевуломъ, и т. п. Первое мѣсто у Тассо принадлежитъ однако возвышенному чудесному христіанства. Искусно пользуясь имъ, Тассо могъ бы нарисовать

[1]) См. Cecchi, p. 372.
[2]) Ib., 371.

Digitized by Google

рядъ грандіозныхъ картинъ въ родѣ тѣхъ, какія далъ намъ Мильтонъ. Къ сожалѣнію, христіанское чудесное Тассо не производитъ должнаго впечатлѣнія на читателя. Вмѣшательство Божества въ людскія дѣла носитъ у Тассо характеръ какой-то привѣски, уподобившись вмѣшательству древнихъ божествъ, какъ оно изображено преимущественно у Вергилія. Съ другой стороны, и герои Тассо много теряютъ отъ того, что лишены полной самостоятельности и дѣйствуютъ не собственными только силами, да и общій интересъ, вызываемый въ читателѣ дѣйствіемъ, развивающимся въ поэмѣ, значительно ослабляется: читатель заранѣе предвидитъ развязку въ томъ, а не въ иномъ направленіи.

Ту же дисгармонію концепціи найдемъ и въ изображеніи романтическаго чудеснаго, которое также нашло мѣсто въ поэмѣ Тассо, примѣшавшись къ христіанскому чудесному. Увлеченный пристрастіемъ времени къ романтикѣ, Тассо не могъ удержаться ни на строго исторической, ни на легендарной почвѣ, и отвелъ нѣсколько эпизодовъ романтическому чудесному, но нерѣдко послѣднее получаетъ характеръ призрака. Таковъ, напр., заколдованный старый дремучій лѣсъ, въ которомъ крестоносцы хотѣли нарубить матеріала, нужнаго для постройки осадной башни. Въ томъ лѣсу господствовалъ мракъ даже среди бѣла дня.

Ma quando parte il Sol, qui tosto adombra
Notte, nube, caligine ed orrore,
Che rassembra infernal, che gli occhi ingombra
Di cecità, ch'empie di tema il core.
Nè qui gregge od armenti a' paschi, all'ombra
Guida bifolco mai, guida pastore;
Nè v'entra peregrin, se non smarrito;
Ma lunge passa, e la dimostra a dito.

Qui s'adunan le streghe, ed il suo vago
Con ciascuna di lor notturno viene;
Vien sovra i nembi, e chi d'un fero drago,
E chi forma d'un irco informe tiene:
Concilio infame, che fallace imago
Suole allettar di desïato bene
A celebrar con pompe immonde e sozze
I profani conviti e l'empie nozze [1]).

[1]) Gerus. lib. XIII, 3—4. Въ переводѣ Рамча:

Digitized by Google

Указывали различные источники, изъ которыхъ Тассо могъ заимствовать эту диковинку [1]). Намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ усматривать въ очарованномъ лѣсѣ Іерусалимскихъ окрестностей повтореніе тѣхъ чудесныхъ лѣсовъ, о которыхъ повѣствовали рыцарскіе романы [2]) и изъ которыхъ особенно славился Броселіандскій лѣсъ въ Бретани [3]). О подвигахъ въ томъ лѣсу говорилъ романъ о „Ponthus et belle Sydoine", французскій текстъ котораго былъ дважды напечатанъ въ XV в. [4]). Въ XVI в. продолжали ходить розсказни о дивахъ, совершавшихся въ томъ лѣсу [5]). У Тассо подобныя роз-

---

Когдажъ послѣдній солнца свѣтъ
Гасъ на вершинѣ лѣса,—
Лѣсъ ужасами былъ одѣтъ
И мраками Айдеса;
Склоненный взоръ къ нему—темнѣлъ
И сердце леденѣло;
Тамъ пастырь стадъ пасти не смѣлъ,
Тамъ волъ дрожалъ дебѣлой,
И путникъ мимо пробѣгалъ,
Собравъ остатокъ силы,
И трепетнымъ перстомъ казалъ
Другимъ на лѣсъ унылый.

Туда въ ночи на облакахъ
Волшебницы слетались
Съ любовниками на рукахъ;
Тамъ браки ихъ свершались;
Тамъ слышенъ былъ и шумъ пировъ
И шумъ веселыхъ оргій;
Тамъ развращенная любовь
Вливала ядъ въ восторги;
Тамъ дѣти ада средь забавъ
Природу унижали;
Тамъ, виды разные пріявъ,
Совѣтъ они держали.

Интересныя повѣрья XVI в. касательно колдуній см. въ Ragionamenti Аретино, p. 492—493.

[1]) По мнѣнію Ранке (S. 468), идея этого лѣса заимствована авторомъ «Освоб. Іерус.» у Лукана (Pharsalia III, 399 и слѣд.). Wedewer (S. 366, Anmerk.), сравниваетъ разсказъ Тассо объ ужасѣ, который испытывали крестоносцы, приближаясь къ очарованному лѣсу, со сказкой «Тысячи и одной ночи». См. еще примѣчаніе Camerini на стр. 384 его изданія «Ger. lib.».

[2]) Таковъ, напр., лѣсъ Дарданта въ романахъ о Мерлинѣ, о Ланселотѣ и Perceforest. Итальянскій переводъ послѣдняго, какъ мы видѣли, былъ напечатанъ въ 1558 г.; по мнѣнію Dunlop-a (изд. 1888 г., p. 243; нѣм. перев. s. 99), разсказъ Тассо объ очарованномъ лѣсѣ имѣетъ исходнымъ пунктомъ соотвѣтственный эпизодъ романа о Perceforest-ѣ (отрывокъ, сюда относящійся, напечатанъ въ приложеніи къ книгѣ Dunlop-a подъ № 9), а вымыселъ послѣдняго представляетъ развитіе Луканова сказанія.—Отмѣтимъ, далѣе, «selva delle maraviglie» въ «Amadigi».

[3]) Тожественный съ лѣсомъ Дарданта. На Броселіандскій лѣсъ, какъ на первообразъ Тассова, указывали давно. См. (*Baron du Taya*) Broceliande, ses chevaliers et quelques legendes, recherches publiées par l'éditeur de plusieurs opuscules bretons, Rennes. M. DCCC. XXXIX, p. 346. *De la Villemarqué*, Les romans de la Table Ronde et les contes des anciens Bretons, trois. éd.. Par. 1860, p. 174, также говоритъ: «le Tasse a trouvé dans la forêt de Brécilien le germe de la forêt d'Armide».—О Броселіандскомъ лѣсѣ см. въ той же книгѣ Вилльмарке (p. 231—235; къ сообщенію Вилльмарке о процессіи во время засухъ къ fontain de Baranton укажемъ на южнорусскій обычай такого же хожденія иногда къ колодцу, находящемуся вдали отъ селенія и пользующемуся какимъ-то особымъ уваженіемъ), въ названной книгѣ «Broceliande» и у *San-Marte*, Die Arthur-Sage und die Mährchen des rothen Buchs von Hergest, Quedl. u. Leipz., 1842, 155—160. Др. указанія—у *Grässe*, Die grossen Sagenkreise des Mittelalters, Dresd. u. Leipz. 1842, s. 199.

[4]) Объ этомъ романѣ—*Ward*, Catalogue of romances in the department of manuscripts in the British Museum, vol. I, 1883, p. 469—470.

[5]) Broceliande, p. 106.

Digitized by Google

сказни передаются не съ полнымъ сомнѣніемъ, съ какимъ относился къ нимъ Васъ уже въ XII стол., и не съ тѣмъ легковѣріемъ, какое проявилъ въ XIII в. Huon de Méry, подтвердившій, что онъ видѣлъ въ томъ лѣсу чудеса, разсказанныя въ романахъ: у Тассо весьма искусно вся эта легенда разрѣшается въ фантомъ, исчезающій, какъ скоро человѣкъ преодолѣетъ страхъ передъ призраками. Напрасно не разъ крестоносцы пытались проникнуть въ очарованный лѣсъ: они испытывали страхъ, уже приближаясь къ лѣсу; затѣмъ ихъ сердца леденѣли отъ ужаса, который внушали разнозвучный гулъ, разливавшійся по лѣсу пожаръ, показывавшіяся въ лѣсу привидѣнія, укрѣпленія и т. п. Танкреди вошелъ-было въ чащу, не устрашенный ни громомъ, ни пожаромъ, который его не опалилъ, ни снѣгомъ и мракомъ, скоро исчезнувшими, ни кипарисомъ съ загадочнымъ Сирійскимъ надписаніемъ на его корѣ, ни скорбнымъ шепотомъ листьевъ. Онъ ударилъ въ кипарисъ мечемъ, и кровь полилась ручьемъ; онъ участилъ удары, и тогда послышался жалобный стонъ, походившій на голосъ мертвеца, исходящій изъ могилы; Танкреди слышитъ затѣмъ слова упрека со стороны Клоринды, которую онъ любилъ и душа которой послѣ ея смерти вселилась будто бы въ кипарисъ. Ужаснувшись, оставилъ лѣсъ и Танкреди [1]). Лишь Ринальдо суждено было преодолѣть чары, заграждавшія входъ въ лѣсъ христіанамъ. И что же мы слышимъ изъ устъ Ринальдо послѣ того, какъ онъ совершилъ свой подвигъ? Ринальдо

.....sorride, e fra sè dice: Oh vane.
Sembianze! oh folle chi per voi rimane! [2])

Въ этихъ словахъ намъ слышится рѣчь человѣка новаго времени, который не останавливается предъ призраками.

Такой же раціонализмъ проглядываетъ и въ одной изъ рѣчей чародѣя Исмено, который заколдовалъ-было лѣсъ, освобожденный потомъ отъ чаръ Ринальдомъ. На вопросъ Солимана, какою силою Исмено творитъ необычайныя дѣла, и что̀ сулитъ грядущее, чародѣй такъ говоритъ о себѣ и о будущемъ [3]):

[1]) Gerus. lib. XIII, 17—47.

[2]) Ib. XVIII, 38. Въ переводѣ Раича:

И мечъ въ ножны влагая свой
Онъ говорилъ съ собою:
«Безумецъ, кто передъ мечтой
Смущается душою».

[3]) Ib. X, 19—20. Въ переводѣ Раича:

Digitized by Google

Son detto Ismeno; e i Siri appellan mago
Me, che dell'arti incognite son vago.
Ma ch'io scopra il futuro, e ch'io dispieghi
Dell'occulto destin gli eterni annali,
Troppo è audace desio, tropp'alti preghi:
Non è tanto concesso a noi mortali.
Ciascun qua giù le forze e il senno impieghi
Per avanzar fra le sciagure e i mali;
Chè sovente addivien che il saggio e il forte
Fabro a sè stesso è di beata sorte.

И это говоритъ тотъ самый Исмено, который вслѣдъ затѣмъ предрекаетъ Солиману, что потомокъ послѣдняго сокрушитъ владычество христіанъ въ Азіи. Являясь въ этомъ случаѣ въ роли пророка и дѣятельно пособляя мусульманскому царю, Исмено какъ бы играетъ роль Мерлина, но въ то же время какъ мало походитъ онъ на знаменитаго волшебника во всемъ остальномъ! Исмено дѣятельно создаетъ разнаго рода затрудненія христіанамъ при помощи колдовства, но, подобно другимъ людямъ, многое признаетъ для себя темнымъ и уподобляется новѣйшему фокуснику, дѣйствующему силами науки. Колдовство его, какъ справедливо замѣтилъ Cecchi, носитъ раціоналистическій характеръ; оно—не чудо: итальянское Возрожденіе не вѣрило въ чудо. Магія подчиняется разуму человѣка. Къ помощи ея можетъ прибѣгать даже христіанинъ. Это видно изъ примѣра того кудесника, который какъ бы противополагается Исмено и котораго Петръ пустынникъ просвѣтилъ крещеніемъ (Исмено, наоборотъ, оставивъ христіанство, сталъ служитъ Магомету, или, лучше сказать, держался двоевѣрія). Къ этому кудеснику - христіанину направилъ Петръ пустынникъ рыцарей, посланныхъ разыскать и возвратить Ринальдо въ станъ крестоносцевъ, которымъ приходилось плохо безъ

..... Имя мнѣ—Исменъ,
Въ народѣ,—онъ зналъ
Невѣжествомъ, онъ ослѣпленъ,—
Славу я чародѣя.
Ты хочешь, молишь, чтобы я
Раскрылъ передъ тобою
Завѣтной свитокъ бытія,
Начертанный Судьбою....

Нѣтъ, это выше насъ—людей,
Взоръ смертнаго недуженъ....
Мы на землѣ бьёмъ путь скорбей;
Намъ вождь надежный нуженъ:
Геройство, мудрость—два вождя;
Кто свыкся съ ними съ дѣтства,
Тотъ знаетъ счастье, проходя
Свой путь въ юдоли бѣдства.

Digitized by Google

этого христіанскаго Ахилла, тѣмъ временемъ утопавшаго въ нѣгѣ въ объятіяхъ Армиды на одномъ изъ далекихъ Счастливыхъ острововъ. Чудесный старецъ обиталъ въ подводномъ гротѣ, въ нѣдрахъ земли, гдѣ виднѣлись всѣ ея сокровища. Ведя путниковъ въ свое жилище, онъ повторяетъ библейскія чудеса: онъ то шествуетъ по водамъ, то велитъ водамъ разступиться, и волны покорны ему. Онъ такъ говоритъ о своемъ знаніи:

Nacqui io pagan, ma poi nelle sante acque
Rigenerarmi a Dio per grazia piacque.
Nè in virtù fatte son d'angioli stigi
L'opere mie meravigliose e conte
(Tolga Dio ch'usi note o suffumigi
Per isforzar Cocito e Flegetonte);
Ma spiando men vo' da' lor vestigi.
Quale in sè virtù celi o l'erba o 'l fonte;
E gli altri arcani di natura ignoti
Contemplo, e delle stelle i vari moti.
Perocchè non ognor lunge dal cielo
Tra sotterranei chiostri è la mia stanza;
Ma sul Libano spesso e sul Carmelo
In aërea magion fo dimoranza:
Ivi spiegansi a me senz'alcun velo
Venere e Marte in ogni lor sembianza;
E veggio come ogni altra o presto o tardi
Roti, o benigna o minaccevol guardi.
E sotto i piè mi veggio or folte or rade
Le nubi, or negre, ed or pinte da Iri....
Scorgo comete e fochi altri sì presso,
Ch'io soleva invaghir già di me stesso.
Di me medesmo fui pago cotanto,
Ch'io stimai già che 'l mio saper misura
Certa fosse e infallibile di quanto
Può far l'alto Fattor della natura:
Ma, quando il vostro Piero al fiume santo
M'asperse il crine, e lavò l'alma impura,
Drizzò più su il mio guardo, e il fece accorto
Ch'ei per sè stesso è tenebroso e corto.

Digitized by Google

Conobbi allor ch'augel notturno al sole
È nostra mente ai rai del primo Vero;
E di me stesso risi e delle fole
Che già cotanto insuperbir mi fêro:
Ma pur *séguito ancor, com'egli vuole,*
Le solite arti e l'uso mio primiero.
Ben sono in parte altr'uom da quel ch'io fui;
Ch'or da lui pendo, e mi rivolgo a lui [1]).

Въ этихъ словахъ кудесника, познавшаго слабость человѣческой мысли и однако творящаго чудеса при помощи наблюденія и изученія природы съ вѣрою въ Бога, сказывается взглядъ самого Тассо на магію: чудесное возможно и для человѣка, но—при помощи

---

[1]) Gerus. lib. XIV, 41—46. Въ переводѣ Раича:

«Я былъ слѣпцомъ... но чистый свѣтъ
Пріялъ въ водахъ крещенья.

«—*Не силой адскихъ я духовъ*
Творю дѣла чудесны,
И чуждъ отверженныхъ мнѣ ковъ,—
Избавь Отецъ Небесный
Къ волшебствамъ Стикса прибѣгать
И довѣрять Коциту!—
Я научился постигать
Растеній силу скрыту
И свойства животворныхъ влагъ;
Я снялъ покровъ съ природы,
И развились въ моихъ очахъ
Пространны неба своды....

«—И не всегда я отъ небесъ
Далеко обитаю,
Но часто, жаждущій чудесъ,
Къ Ливану возлетаю,
Несусь къ Кармильскимъ высотамъ
Изъ подземельныхъ кротовъ,
И Марса и Венеру тамъ
Видаю безъ покрововъ,
И наблюдаю ходъ планетъ
То медленный, то скорый,
Въ нихъ тайны благъ земныхъ и бѣдъ
Мои провидятъ взоры.

«—Смотрю, склоняя надъ скалой,
Какъ облака зыбучи
Порой рѣдѣютъ предо мной,
Порой сгустятся въ тучи;
Какъ радуги рисуютъ ихъ...
Смотрю—и радостью живой
Мои пылаютъ взоры.

«—Я прежде о себѣ мечталъ,
О знаньяхъ сихъ высоко,
И вѣрной мѣрой ихъ считалъ
Всего, что видитъ око,
Что мысль одна постичь сильна—
Всѣхъ дѣлъ Творца природы:
Когда же Петръ вашъ на меня
Излилъ священны воды
И ими духъ очистилъ мой;—
Горѣ простерши очи,
Безумный, я узналъ, что тьмой
Они покрыты ночи;

«—Что Вѣчной Истины въ очахъ
Премудрость вся земная—
При яркихъ солнечныхъ лучахъ
Пернатая ночная;
Узналъ, и гордости моей
Безумной посмѣялся....
При мнѣ науки—сладость дней,
Я съ ними не разстался,
Но сталъ уже не то, чѣмъ былъ;
Предметъ моихъ желаній
Единый Богъ—источникъ силъ,
Свѣтильникъ чистыхъ знаній.

Digitized by Google

науки, соединенной не съ призываніемъ адскихъ силъ, а со стремленіемъ къ познанію Бога въ мірѣ и съ покорностію Его волѣ [1]). Остальныя чудеса магіи могутъ временно доставлять торжество началамъ, противнымъ высшему, Божьему міропорядку, но разлетаются въ прахъ, лишь только въ человѣкѣ, подпавшемъ ихъ вліянію, возобладаетъ сознаніе высшей истины.

Такимъ образомъ, даже въ дѣйствіи чудеснаго на человѣка весьма видное значеніе принадлежитъ человѣческой волѣ и разумности; даже въ чудесномъ дѣйствуютъ мотивы чисто человѣческіе. Волшебница Армида, которая была послана Идраотомъ въ христіанскій лагерь по внушенію демоновъ съ тѣмъ, чтобы увлечь собою рыцарей и произвести среди нихъ нестроеніе, плѣняетъ сначала и удаляетъ изъ христіанскаго стана большинство выдающихся витязей не волшебствомъ и дьявольской силой, въ руку которой дѣйствуетъ, а чудесной красотою и обольстительнымъ кокетствомъ. Затѣмъ она сама подпадаетъ вліянію любви и увлекаетъ Ринальдо на одинъ отдаленныхъ счастливыхъ острововъ [2]), гдѣ всецѣло отдается своему чувству. Тамъ она создала очаровательную обстановку и убаюкала геройскій духъ Ринальдо, въ радостяхъ любви и страстныхъ лобзаньяхъ забывшаго про остальной міръ. Но лишь только онъ увидѣлъ пословъ въ бранныхъ доспѣхахъ и щитъ, который былъ поставленъ передъ нимъ, въ немъ заговорилъ стыдъ, и онъ поспѣшилъ оставить чертогъ и сады Армиды. Не помогли послѣдней силы чаръ, и не могла она остановить героя, въ которомъ велѣніе долга превозмогло любовь, не угасшую, впрочемъ, въ его сердцѣ. И что же? опять порожденія чаръ исчезли какъ призракъ—послѣ тьмы и бури, произведенныхъ адскими полчищами, явившимися по зову Армиды:

Cessa alfin l'ombra; e i raggi il Sol riduce
Pallidi; nè ben l'aura anco è gioconda:
Nè più il palagio appar, nè pur le sue
Vestigia, nè dir puossi: Egli qui fue.

---

[1]) Ср. мнѣніе E. G. Earle Lytton Bulwer-a въ «Zanoni»: «...in his sorrows and his wrongs, in the prison of his madhouse, know you not, that Tasso himself found his solace, his escape in the recognition of a holy and spiritual Theurgia—of a magic that could summon the Angel, or the good Genius, not the Fiend?...»

[2]) Ger. lib. XIV, 70:

Un'isoletta la qual nome prende | Con le vicine sue dalla Fortuna.

Digitized by Google

Come imagin talor d'immensa mole
Forman nubi nell'aria, e poco dura,
Chè il vento la disperde, e solve il Sole;
Come sogno sen va, ch'egro figura;
Cosi sparver gli alberghi: e restâr sole
L'alpi e l'orror che fece ivi natura [1]).

Утративъ Ринальдо, Армида испытала не только гнѣвъ, но и глубочайшую горесть. Въ концѣ она станетъ женой Ринальдо и, можно думать, христіанкой. Ясно отсюда, насколько она человѣчнѣе Аріостовой Альчины [2]).

Итакъ, романтическое чудесное на ряду съ чудеснымъ религіознымъ играетъ весьма видную роль въ поэмѣ Тассо, но рядомъ съ традиціонными пружинами чудеснаго и совмѣстно съ ними дѣйствуютъ психологическіе мотивы. Въ мірѣ сознательныхъ комбинацій разума и человѣческой воли верхъ берутъ силы, болѣе или менѣе понятныя разуму. Событія въ человѣческомъ мірѣ представляютъ гармоническое соотвѣтствіе причинъ и слѣдствій, развивающихся съ неизбѣжностію. Сами по себѣ подвиги рыцарей у Тассо не выходятъ изъ предѣловъ натуральности, да и совершаются они не внѣ общественныхъ интересовъ, какъ въ большинствѣ рыцарскихъ романовъ. Единство интересовъ и задачъ сближаетъ разнородные характеры и объединяетъ ихъ въ стремленіяхъ къ одной цѣли.

Таковы черты сходства и отличія „Освобожденнаго Іерусалима“ по сравненію съ рыцарской эпикой въ общемъ построеніи поэмы. Въ этомъ построеніи Тассо ближе къ Каролингскому эпосу (épopée royale), чѣмъ къ эпикѣ Круглаго Стола.

---

[1]) Ger. lib., XVI, 68—69. Въ переводѣ Раича:

Пронесся страхъ, и мракъ исчезъ,
И солнце золотое
Вросаетъ томный свѣтъ съ небесъ,
Лишь вѣтры не въ покоѣ.
Гдѣ жь пышны зданія? ихъ нѣтъ
И всѣ слѣды пропали,
И тщетно бы искалъ ихъ свѣтъ,
Они—какъ не бывали.

Такъ взгроможденны облака
Теряются въ полетѣ
Отъ дуновенья вѣтерка
При тихомъ солнца свѣтѣ;
Такъ грезы, дѣти легкихъ сновъ,
Уходятъ отъ больнаго.
Въ странѣ волшебной ни садовъ,
Ни дома золотаго;
Тамъ горы лишь и черный страхъ.

[1]) Въ *Gerus. conquist.* Армида, разрушивъ въ отчаяніи очарованный замокъ, въ которомъ пребываетъ Riccardo (соотвѣтствуетъ Ринальду *Gerus. lib.*), оказалась въ несокрушимой цѣпи (означающей разумъ—узду чувственности).

Digitized by Google

Но и у Тассо, какъ у Аріосто, кромѣ основной темы многихъ поэмъ Каролингскаго цикла о борьбѣ христіанъ съ сарацинами [1]), есть частныя темы: почти всѣ главныя личности поэмы вдохновляются любовью. У обоихъ поэтовъ совмѣщаются тѣ два теченія эпики, которыя и во Франціи и въ Италіи первоначально существовали параллельно, не сливаясь, находя выраженіе съ одной стороны въ *Reali di Francia* и въ иныхъ поэмахъ Каролингскаго цикла, а съ другой въ *Avventure della Tavola Rotonda*. Аріосто и Тассо подошли въ этомъ отношеніи къ повѣствовательной поэзіи новаго времени, крупныя созданія которой нерѣдко вмѣщаютъ въ себя изображеніе условій общественной жизни даннаго времени и характеристику душевной и внѣшней жизни отдѣльныхъ лицъ, интимныя побужденія которыхъ обусловливаютъ въ значительной мѣрѣ теченіе общихъ событій. Рядомъ съ коллективными предпріятіями и героическими дѣяніями, вызываемыми возвышеннымъ энтузіазмомъ ясной и чистой вѣры, либо пылкимъ героизмомъ и влеченіемъ къ подвигамъ, бушуютъ страсти, проскальзываютъ подавляемыя въ глубинѣ души страданія любящаго сердца; въ то время какъ подъ стѣнами Іерусалима происходятъ сѣчи, нѣкоторые изъ витязей отдаляются отъ него любовною страстью, какъ и Парижъ у Аріосто лишается своихъ главныхъ защитниковъ по той же причинѣ; въ то время, какъ всѣ помыслы Гоффредо, котораго называютъ сколкомъ съ pius Aeneas, направлены лишь къ освобожденію гроба Господня, Ринальдо, главный герой крестоноснаго ополченія, пребываетъ въ *giardino della volluttà*. Такимъ образомъ, женщина и любовь получили весьма видное мѣсто въ поэмѣ, посвященной прославленію одного изъ важнѣйшихъ событій міровой исторіи. Введши ту и другую въ свое произведеніе, Тассо подошелъ къ довольно вѣрному и разностороннему изображенію рыцарства въ общемъ [2]).

Въ частностяхъ въ характеристикѣ женщины и любви у Тассо замѣчается то же совмѣщеніе чертъ средневѣковыхъ и новыхъ, какое открывается при разсмотрѣніи чудеснаго въ „Освобожденномъ

[1]) У Аріосто эта тема развита болѣе въ направленіи національномъ, у Тассо на первый планъ выступаетъ религіозное начало борьбы: рыцарство Тассо не защищаетъ отечество, а само предприняло наступленіе ради освобожденія гроба Господня.

[2]) Даже въ войскѣ первыхъ крестоносцевъ по временамъ господствовала чрезвычайная безнравственность.

Digitized by Google

Іерусалимѣ"; рядомъ съ романтикою средневѣковой выникаютъ зачатки романтики новой.

Въ поэмѣ Тассо женщинѣ принадлежитъ столь же важное значеніе, какъ и въ романахъ Круглаго Стола и въ „Неистовомъ Роландѣ", но вмѣстѣ съ тѣмъ ей удѣлено болѣе почетное положеніе, и нравственный обликъ ея гораздо чище и привлекательнѣе. Она не исключительно легкомысленная красавица, помыслы которой сосредоточены на любви и которая рѣдко держитъ себя съ подобающимъ достоинствомъ; она не Анжелика Боярдо и Аріосто [2]): у Тассо есть такія дѣвушки, какъ Софронія и Клоринда, сердце которыхъ полно высокаго цѣломудрія и которыя сопротивляются даже мысли о любви. Героиня Тассо можетъ отдать сердце мужчинѣ, доблесть котораго произведетъ на нее глубокое впечатлѣніе, но съ красотою и сердцемъ, способнымъ къ неизмѣнной любви, въ женщинѣ Тассо соединяются возвышенные помыслы и моральная сила. Подобно женщинѣ Возрожденія, женщина „Освоб. Іерусалима"—дѣятельная личность и вполнѣ женщина новаго времени. Нерѣдко она не уступаетъ мужчинѣ въ умѣ и образованіи, въ доблести, въ страстномъ участіи въ дѣлахъ общественныхъ. Она смѣло идетъ на встрѣчу опасностямъ, дѣятельно пособляетъ своимъ единовѣрцамъ и вліяетъ на ходъ событій [2]). Вслѣдъ за Аріосто [3]) и Тассо выдвинулъ образъ воинственной дѣвы, безпокойные помыслы которой обращены къ чему-то необычайному. Клоринда говоритъ Арганту:

Buona pezza è, signor, che in sè raggira
Un non so che d'insolito e d'audace
La mia mente inquieta: o Dio l'inspira,
O l'uom del suo voler suo Dio si face [4]).

---

[1]) Такого типа нѣтъ у Тассо; Армида, нѣсколько напоминающая Анжелику, гораздо выше послѣдней.

[2]) О женщинахъ въ войскахъ крестоносцевъ и объ участіи ихъ въ битвахъ см. Prutz, S. 118 и 126—127; библіографическія указанія на стр. 596.

[3]) О donne guerriere см. въ книгѣ Райны Le Fonti dell' Orlando Furioso, p. 41—48. Въ итальянскомъ эпосѣ нерѣдко выступаютъ воинственныя дѣвы. Есть онѣ и во французскихъ поэмахъ феодальнаго эпоса и цикла крестовыхъ походовъ; въ итальянскихъ переработкахъ воинственность усилена. См. еще изданіе Camerini p. 367. Вообще воинственныя дѣвы встрѣчаются въ сказаніяхъ разныхъ народовъ. О воинственныхъ дѣлахъ см. указанія, между проч., въ *Heinzel*, Ueber d. ostgotische Heldensage, Wien. 1889, s. 82; ср. въ рец. *Ѳ. Д. Батюшкова* на книгу г. Сазоновича, Ж. М. Н. Пр. 1887, № 3, стр. 143—144.

[4]) Gerus. lib. XII, 5. Въ переводѣ Раича:

Давно душа моя полна
Великаго чего-то,
И непонятною она
Тревожима заботой;
Внушенье ль Бога то, или—
Нашъ Богъ—желанье наше....

Digitized by Google

Вопреки вѣроятности Клориндѣ принадлежитъ чуть не первое мѣсто въ мусульманскомъ лагерѣ. Она—одна изъ главныхъ опоръ мусульманъ на полѣ битвы и въ совѣтѣ короля [1]). Даже кроткая, вполнѣ женственная Эрминія облекается однажды въ доспѣхи Клоринды, желая пробраться въ лагерь крестоносцевъ и видѣть любимаго ею втайнѣ Танкреди. Личность Армиды, образъ которой полонъ жизни и правды, выросла несоразмѣрно общему замыслу. Даже она,—до нѣкоторой степени олицетвореніе чувственныхъ влеченій человѣческой природы,—внушаетъ участіе. Въ общемъ героини Тассо поддерживаютъ вѣру въ нравственное достоинство жещины, и въ рѣшительномъ облагороженіи облика послѣдней въ вѣкъ, когда это достоинство было потрясено, нельзя не признать важной заслуги Тассо. Многіе изъ женскихъ образовъ Тассо необычайно привлекательны и тѣмъ болѣе возбуждаютъ симпатіи, чѣмъ болѣе присматриваешься къ нимъ. Эрминію, которая долго таила въ глубинѣ своего сердца любовь къ Танкреди, борясь съ этимъ чувствомъ, нѣмецкіе критики [2]) называютъ „самымъ естественнымъ и прелестнымъ женскимъ образомъ въ итальянскомъ эпосѣ". Въ Эрминіи находятъ прекраснѣйшія и благороднѣйшія стороны истинной женственности, прелесть дѣвственной граціи и чистой любви.

Образы Эрминіи, Армиды и Клоринды видимо занимали Тассо въ большей степени, чѣмъ личности Гоффредо, Танкреди и даже Ринальдо. И такое же особое вниманіе къ прекраснымъ героинямъ выказываютъ и рыцари, изображенные Тассо.

Эти рыцари рѣзко отличаются отъ суровыхъ и энергичныхъ витязей пѣсни о Роландѣ. Они прибыли въ Палестину для освобожденія Іерусалима изъ-подъ власти невѣрныхъ, но не прониклись всецѣло мыслію объ этомъ подвигѣ. Лишь одинъ Гоффредо, котораго Тассо изобразилъ героемъ высшимъ Энея и котораго можно назвать идеаломъ средневѣковаго христіанскаго витязя, еще болѣе безстрастнаго, чѣмъ Роландъ, и святымъ олицетвореніемъ разсудочности, устранившей всякую человѣческую слабость,

[1]) Клориндѣ было ввѣрено начальство надъ войскомъ Іерусалимскаго короля. Ger. lib. II, 48. Въ Gerusal. Conquistata Тассо выдвигаетъ на первое мѣсто Аргантa предпочтительно передъ Клориндой.

[2]) Шерръ, Бурторфъ.

Digitized by Google

...pien di fe', di zelo, ogni mortale
Gloria, impero, tesor mette in non cale [1]).
Non è però ch'all'esca de'diletti
Il pio Goffredo lusingando alletti.
Invan cerca invaghirlo, e con mortali
Dolcezze attrarlo all'amorosa vita:
Chè, qual saturo augel che non si cali
Ove il cibo mostrando altri l'invita,
Tal ei, sazio del mondo, i piacer frali
Sprezza, e sen poggia al ciel per via romita;
E quante insidie al suo bel volo tende
L'infido Amor, tutte fallaci rende [2]).

Остальные изъ доблестнѣйшихъ христіанскихъ витязей не такъ закалены противъ женской красоты. Одни изъ нихъ по избранію жребія и съ согласія Гоффредо открыто оставили христіанскій лагерь, чтобы оказать помощь Армидѣ, притворно просившей ихъ содѣйствія въ возвращеніи ей принадлежавшаго ей царства. Другіе убѣжали тайкомъ ночью вслѣдъ за Армидой, и вмѣсто десяти ей удалось сманить пятьдесятъ рыцарей за собою. Пылкій Эвстаѳій, первый изъ убѣжавшихъ, ранѣе отстаивалъ дѣло Армиды передъ Гоффредо, ссылаясь на долгъ рыцаря:

Quando dunque all'impresa or non m'invoglio
Quell'util certo, che da lei s'attende,
Mi ci muove il dover; ch'a dar tenuto
È l'ordin nostro alle donzelle aiuto [3]).

---

[1]) Gerus. lib., I, 8. Въ переводѣ:

Другой онъ славы не искалъ;
Имъ прѣзрѣна порфира
И ослѣпляющій металлъ
И обольщенья міра.

[2]) Ger. lib., V, 61—62. Въ переводѣ Раича:

Въ немъ сердце для любви земной
Давно уже остыло.
Напрасно дѣва красоты
На мертваго для міра
Соблазновъ сѣяла цвѣты.
Пернатый сынъ эѳира,
Пресытясь къ снѣди не летитъ,
Не обольстится ею:
Такъ и Готфредъ; онъ міромъ сытъ;
Онъ тайною стезею
Перелетаетъ въ небеса;
Онъ съ ними слился волей;
Любовь и гордая краса
Надъ нимъ не властны болѣ.

[3]) Ger. lib. IV, 80. Въ переводѣ Раича:

Не польза—честь на подвигъ сей
Зоветъ меня изъ стана:
По долгу рыцарства мы всѣ
Клялися быть защитой
Невинно страждущей красѣ,
И это все забыто!

Digitized by Google

Но нашлись и такіе, которые готовы были совсѣмъ забыть даже высшій долгъ рыцаря изъ-за Армиды [1]). Къ числу ихъ должно отнести и Ринальдо. Танкреди, полюбившій Клоринду, забывается на полѣ брани въ созерцаніи ея образа; когда онъ смертельно изранилъ свою милую самъ того не зная, и она умерла, онъ разражается сѣтованіями, мало приличествующими мужественному витязю. Ранѣе, предполагая, что къ стану крестоносцевъ являлась въ доспѣхахъ Клоринды не кто иная, какъ она сама, Танкреди бросился разыскивать ее и попалъ въ сѣти Армиды подобно витязямъ, увлеченнымъ послѣднею.

Удаленіе этихъ витязей, а также Ринальдо, лишило христіанское ополченіе лучшихъ бойцевъ, и крестоносцы, оставшіеся подъ стѣнами Іерусалима, претерпѣли отъ того много невзгодъ. Такимъ образомъ, любовь, не исчерпывая содержанія „Освобожд. Іерусалима", обусловливаетъ въ значительной мѣрѣ ходъ дѣйствія въ этой поэмѣ и замедляетъ достиженіе общей цѣли, направившей рыцарей въ Палестину; любовь является помѣхою, ослабляющею воинскую доблесть. Тассо унаслѣдовалъ эту схему отъ своего великаго предшественника въ воспѣваніи рыцарства. Начатки представленія о губительномъ вліяніи любовной изнѣженности на успѣхъ великихъ національныхъ предпріятій указаны у Вергилія. У Аріосто оно принимаетъ грандіозные размѣры [2]). У Тассо любовь точно также повергаетъ иногда одержимаго ею въ столкновеніе съ долгомъ, налагаемымъ религіею, и отвлекаетъ отъ выполненія его; она также является трагическимъ мотивомъ и— что́ весьма рѣзко отличаетъ схему „Освоб. Іерусалима" отъ схемы Иліады—вліяетъ на исходъ дѣйствія болѣе, чѣмъ пресловутый гнѣвъ [3]). Но какъ Аріосто не остался вѣренъ своему основному взгляду на любовь, заимствованному у классическихъ поэтовъ, и отдалъ дань своему вѣку, поэтически иллюстрируя изреченіе Овидія: „Amor omnia vincit" [4]), такъ и Тассо вслѣдъ за Аріосто ввелъ въ свою поэму этотъ тезисъ, своеобразно развитый въ средніе вѣка на множество ладовъ, затѣмъ унаслѣдованный итальянскимъ Возрожденіемъ и отчетливо и

---

[1]) Въ числѣ десяти витязей, избранныхъ по жребію для слѣдованія за Армидою,

Rambaldo u'timo fu, che farsi elesse
Poi, fe' cangiando, di Gesù nemico.

(Tanto puote amor dunque?)
Ger. lib. V, 75.

[2]) См. Canello, 121 и 111—112.
[3]) Ib. 140.
[4]) Ib. 112—113; 118.

Digitized by Google

рельефно повторенный Боярдомъ. Совмѣщеніе обоихъ этихъ взглядовъ на любовь безъ надлежащаго примиренія ихъ составляетъ одно изъ многихъ противорѣчій итальянскаго Возрожденія.

Тассо принялъ это противорѣчіе вмѣстѣ съ готовою концепціею, сложившеюся въ такихъ крупныхъ произведеніяхъ итальянской рыцарской эпики, какъ поэмы о Роландѣ Боярдо и Аріосто, и со схемою Вергиліевой Энеиды. Тассо повторилъ нѣкоторыя изъ ситуацій, изображенныхъ у Боярдо и у Аріосто [1]). И у Тассо любовь не взираетъ на различія вѣры: въ лагеряхъ обѣихъ воюющихъ сторонъ есть личности, сердце которыхъ нашло избранника или избранницу въ средѣ противниковъ. Но у Тассо трагизмъ, порождаемый такимъ столкновеніемъ чувства съ обстоятельствами, глубже въ сознаніи лицъ, ему подпадающихъ, и любовь въ общемъ гораздо чище. Тассо впервые раскрылъ въ итальянской эпикѣ меланхолическое величіе чувства любви со всею ея безграничностію, съ ея полными таинственности стремленіями, въ которыхъ чудно сливается духовность и осязательное [2]). Это чувство у Тассо полно естественнаго идеализма.

У Аріосто на ряду съ вполнѣ сочувственно изображенною, оканчивающеюся бракомъ, любовью Руджьеро и Брадаманты, исторія которой составляетъ какъ бы длинный романъ, вплетенный въ общую канву эпоса, на первомъ планѣ поставлена чисто средневѣковая любовь женатаго рыцаря къ женщинѣ посторонней, губящая общее дѣло и отечество [3]). У Тассо чисто-рыцарская любовь, часто имѣвшая мѣсто въ средніе вѣка, любовь между лицами, изъ которыхъ одно, а иногда и оба состоятъ уже въ бракѣ, отсутствуетъ. Тассо изображаетъ любовь не столь условную и въ освѣщеніи ея проявляетъ много своеобразія. Поэтическій тезисъ о великомъ значеніи любви въ жизни человѣка берстъ у него рѣшительный перевѣсъ надъ тезисомъ противоположнымъ, и возвеличеніе любви пріобрѣтаетъ новый характеръ, значительно отличный отъ средневѣковаго абстрактнаго культа женщины и любви.

Женщины Тассо отличны отъ женщинъ Аріосто. Согласно тому и скептическое отношеніе къ женщинѣ, не разъ замѣтно вы-

---

[1]) Зачатки такихъ ситуацій встрѣчаются уже во французскомъ національномъ эпосѣ.

[2]) Ср. Cecchi, T. Tasso, Il pensiero etc., 321.

[3]) Canello, 111.

Digitized by Google

ступающее у Аріосто [1]), у Тассо едва проскальзываетъ въ предостереженіи со стороны мудраго старца противъ

[1]) См. порицаніе женщинъ, выходящее изъ устъ Родомонта въ концѣ XXVII-й пѣсни, послѣ того какъ ему довелось убѣдиться въ измѣнѣ Doralice, отданной предпочтеніе Мандрикарду:

Oh femminile ingegno. . . . . .
Come ti volgi e muti facilmente!
Contrario oggetto proprio della fede!
Oh infelice, oh miser chi ti crede! . . .
Credo che t'abbia la Natura e Die
Produtto, o scellerato sesso, al mondo
Per una soma, per un grave fio
Dell'uom, che senza te saria giocondo . . .

Въ особенности достается женщинамъ въ слѣдующей затѣмъ бесѣдѣ Родомонта съ хозяиномъ гостинницы, въ которой остановился отдохнуть горевавшій витязь. Трактирщикъ оказывается полнѣйшимъ скептикомъ въ отношеніи къ женской добродѣтели: люди, которые относятся иначе къ послѣдней, по его словамъ—senza ragione. Онъ былъ прежде иного мнѣнія, но его просвѣтилъ одинъ Венеціанскій gentiluomo, поразсказавшій, какъ и подобало жителю одного изъ центровъ тогдашней распущенности, множество правдивыхъ примѣровъ женской невѣрности:

Le fraudi che le mogli e che l'amiche
Sogliono usar, sapea tutte per conto:
E sorpa ciò moderne istorie e antiche,
E proprie esperienze avea si in pronto,
Che mi mostrò che mai donne pudiche
Non si trovaro, o povere o di conto;
E s'una casta più dell'altra parse,
Venia, perchè più accorta era a celarse.

Слѣдуетъ въ передачѣ хозяина гостинницы одинъ изъ этихъ разсказовъ. Въ началѣ XXVIII-й пѣсни Аріосто со свойственною ему граціозною шуткой предостерегаетъ дамъ и ихъ почитателей отъ чтенія этого разсказа:

Donne, e voi che le donne avete in pregio,
Per Die non date a questa istoria orecchia,
A questa che l'ostier dire in dispregio
E in vostra infamiae biasmo s'apprarecchia . . . .

И дѣйствительно, повѣсть о Giocondo вполнѣ напоминаетъ пикантнѣйшія новеллы Декамерона, съ которымъ сходится даже въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, и изображаетъ легкомысліе женщинъ и ихъ поползновенія въ остроумной и самой жестокой шуткѣ. Обманутые своими женами, король Астольфо и Giocondo предпринимаютъ путешествіе, чтобы извѣдать,

. . . . . se son l'altre così molli:
Facciam delle lor femmine ad altrui
Quel ch'altri delle nostre han fatto a nui.

Они объѣхали Италію, Францію, Фландрію, Англію;

E quante ne vedean di bella guancia,
Trovavan tutte a prieghi lor cortesi,
Davano, e data loro era la mancia;
E spesso rimmetteano i danar spesi.
Da lor pregate foro molte, e foro
Anch'altrettante che pregaron loro.

Digitized by Google

. . . . . le donzelle intide,
Che voce avran piacevole e lasciva,
E dolce aspetto che lusinga e ride [1]),

и въ мысляхъ Вафрина о томъ, что

Femmina è cosa garrula e fallace,
Vuole e disvuole: è folle uom che sen fida [2]).

Думая такъ, Вафринъ имѣлъ въ виду „лживую Армиду", которая какъ мы видѣли, плѣнила многихъ рыцарей и увлекла Ринальдо на

Король говоритъ тогда своему спутнику:

So ben ch'in tutto il gran femmineo stuolo
Una non è che stia contenta a un solo.

Послѣдній извѣданный ими затѣмъ опытъ съ Фьяметтой (имя, напоминающее извѣстную возлюбленную Боккаччіо) окончательно убѣдилъ ихъ, что

Se più che crini avesse occhi il marito,
Non potria far che non fosse tradito.

Аріосто, изложивъ занимательно всю эту пикантную исторію, по своему обычаю, не оставляетъ читателя подъ исключительнымъ впечатлѣніемъ ея и, какъ прежде обозвалъ безразсуднымъ Родомонта за его гнѣвныя выходки противъ женщинъ,

Chè per una o per due che trovi ree,
Che cento buone sien creder si dee,

(хотя тотчасъ же замѣтилъ, что, сколько самъ ни любилъ женщинъ, не встрѣтилъ вѣрности ни у одной); такъ и теперь онъ выставляетъ оппонента трактирщику въ лицѣ «un uom d'età, ch'avea piu retta opinione», «il sincero e giustovecchio». Старикъ говоритъ, что женщины не такъ худы, какъ о нихъ говорятъ, и что мужчинамъ слѣдуетъ поразмыслить, каковы-то они сами. Родомонтъ не захотѣлъ слушать такихъ доводовъ, и старику не удалось разсказать исторію, которая составила бы достодолжный противовѣсъ предыдущей, но лучшее опроверженіе всей хулы на женщинъ слѣдуетъ непосредственно затѣмъ въ эпизодѣ о томъ, какъ тщетно пытался Родомонтъ прельстить Изабеллу. Она осталась вѣрна своему Zerbino несмотря на то, что послѣдній былъ мертвъ, и чтобы не подпасть насилію со стороны Родомонте, который какъ-бы готовъ былъ подтвердить своимъ примѣромъ слова старика о легкомысліи мужчинъ, приняла ядъ и умерла. Этотъ эпизодъ называютъ трогательнѣйшимъ во всей поэмѣ. «En mettant l'acte de vertu et de fidélité le plus sublime immédiatement après des friponneries d'amour, l'Arioste a prouvé combien il était loin de penser mal des femmes...», говоритъ *Ginguené*, Hist. littér. d'Italie, t. IV, A. Paris, M. DCCCXII, p. 433.

[1]) Ger. lib. XIV, 75. Въ перев. Ранча:

. . . слухъ вашъ будутъ обольщать
Пѣвицы молодыя,
И сердце страстью зажигать
Ихъ прелести нагія...

[2]) Ger. lib. XIX, 84. Въ переводѣ Ранча:

. . . . какъ женщинъ разгадать,
Раскрыть ихъ тайны виды;
Ихъ сердце—моря глубина,
И кто ее измѣритъ?
Какая женщина скромна?
Безуменъ, кто ей вѣритъ!

Digitized by Google

Счастливый островъ. Армида напоминаетъ, съ одной стороны, волшебницъ средневѣковыхъ романовъ, которыя заманивали рыцарей [1]), а съ другой является очаровательною представительницею любви, увлекающей своею чувственною стороною, той любви, которая не возвышается надъ влеченіемъ, замѣчаемымъ во всей природѣ. На островѣ, гдѣ Армида нѣжилась съ Ринальдо, вся природа была погружена въ любовное томленіе и ликованіе:

Vezzosi augelli infra le verdi fronde
Temprano a prova lascivette note.
Mormora l'aura, e fa le foglie e l'onde
Garrir, che variamente ella percote.
Quando taccion gli augelli, alto risponde... [2])

Одинъ изъ пернатыхъ пѣвцовъ запѣлъ особенно увлекательно о томъ, что должно спѣшить срывать цвѣтокъ любви, и, внемля той пѣснѣ,

Tacquero gli altri ad ascoltarlo intenti;
E fermaro i susurri in aria i venti [3]).

Когда пѣвецъ замолкъ,

..... concorde degli augelli il coro,
Quasi approvando, il canto indi ripiglia.
Raddoppian le colombe i baci loro;
Ogni animal d'amar si riconsiglia:
Par che la dura quercia, e il casto alloro,
E tutta la frondosa ampia famiglia,
Par che la terra e l'aria e formi e spiri
Dolcissimi d'amor sensi e sospiri [4]).

---

[1]) См., напр., Фею Моргану въ Ogier le Danois, которой чары Dunlop сближалъ съ чарами Альчины Аріосто (Dunlop-Liebrecht, 141).

[2]) Ger. lib. XVI, 12. Въ переводѣ Ранча.

Качаясь на вѣтвяхъ деревъ,
Пернатыхъ хоръ прекрасной
Наперерывъ поетъ любовь,
Вздыхая сладострастно;
И не шелохнутся листки,
И воды онѣмѣли,
И притаились вѣтерки...
Пернатые пропѣли;—
И вѣтерокъ заговорилъ...

[3]) Ib. XVI, 13. Въ переводѣ Ранча:

И всѣ ему внимали,
И вѣтерокъ дохнуть не смѣлъ,
И струйки не плескали.

[4]) Ger. lib., XVI, 16. Въ переводѣ Ранча:

Digitized by Google

Любовь, въ которую погрузился Ринальдо среди этой изнѣживавшей природы, была отрѣшена отъ добродѣтели и удаляла отъ возвышенныхъ дѣяній. Мудрецъ, помогшій Карлу и Убальду разыскать Ринальдо и исторгнуть изъ объятій волшебницы, преподаетъ Ринальдо такой совѣтъ, прямо „противоположный пѣснѣ Сиренъ“:

Signor, non sotto l'ombra in piaggia molle
Tra fonti e fior, tra Nínfe e tra Sirene,
Ma in cima all'erto e faticoso colle
Della virtù riposto è il nostro bene.
Chi non gela, e non suda, e non s'estolle
Dalle vie del piacer, là non perviene.
Or vorrai ti lungi dall'alte cime
Giacer, quasi tra valli augel sublime?
T'alzò natura inverso il ciel la fronte,
E ti diè spirti generosi ed alti,
Perchè in su miri, e con illustri e conte
Opre te stesso al sommo pregio esalti... [1])

И горлицы воркуя,
Въ восторгѣ пламенномъ сердецъ
Пьютъ сладость поцѣлуя;
И все удвоило любовь,
Все къ рѣчѣ пробудилось

И сердце твердое дубовъ
Любовію забилось;
Кусты травки и цвѣтки—
Весь лугъ живой эмали,—
Земля, вода и вѣтерки,—
Любовію вздыхали.

Ср. слова Дафны въ 1-й сценѣ 1-го акта «Аминты»:

Stimi dunque stagione
Di nimicizia e d'ira
La dolce primavera
Ch'or, allegra e ridente,
Riconsiglia ad amare
Il mondo e gli animali,

E gli uomini e le donne? E non t'accorgi
Come tutte le cose
Or sono innamorate
D'un amor pien di gioia e di salute?
Mira là quel colombo и проч.

[1]) Ib. XVII, 61—62. Въ переводѣ Ранча:

«Не между Нимфъ у ручейковъ,
На розахъ сладострастья
Подъ тѣнью миртовыхъ кустовъ
Искать прямаго счастья;
Есть добродѣтели утесъ
Неровный и высокой,
Тамъ счастіе—дитя небесъ—
Живетъ отъ всѣхъ далёко.
Кто съ нуждой не бывалъ знакомъ,
Тому съ нимъ не спознаться...

Захочешь ли, родясь орломъ,
Ты червемъ пресмыкаться?

«Тебѣ съ возвышеннымъ челомъ
Природа умъ высокой
Дала, чтобъ ты, водясь умомъ,
Вперяя въ небо око,
Величьемъ каждый подвигъ свой
Знаменовалъ въ подлунной.

Digitized by Google

Такимъ образомъ Ринальдо, очнувшійся отъ чаръ волшебницы подобно Ogier le Danois и Ruggier-у, поставленъ у Тассо въ положеніе христіанина, выдерживающаго бой съ чувственностью и преодолѣвающаго ее сознаніемъ долга и своего человѣческаго достоинства. Ринальдо окончательно вышелъ изъ путъ чувственности, принесши покаяніе предъ Пустынникомъ. Ринальдо

. . . . . in sè stesso
Pianse i superbi sdegni e i *folli amori*;
Poi, chinato a' suoi piè, mesto e dimesso
Tutti scoprígli i *giovenili errori* [1]).

Итакъ, любовь Ринальдо къ Армидѣ была неразумнымъ юношескимъ увлеченіемъ.

Но у Тассо изображена не только любовь, выникающая изъ чувственной основы,—любовь, убаюкивающая высокіе помыслы даже въ такомъ витязѣ чести какъ Ринальдо, находившій удовольстіе въ

Quel parlar ch'al dovuto onor l'invita [2]),

—помрачающая славу такого рыцаря какъ Танкреди. Любовь у Тассо не только безуміе [3]), котораго должно остерегаться по слову Аріосто:

Chi mette il piè su l'amorosa pania,
Cerchi ritrarlo, e non v'inveschi l'ale;
Chè non è in somma Amor se non insania
A giudizio de'savi universali [4]).

---

[1]) Ger. lib., XVIII, 9. Въ переводѣ Раича:

Ринальдъ смиренно рѣчи внялъ, | Оплакалъ заблужденья,
И съ чувствомъ сокрушенья | Оплакалъ юности грѣхи
Къ стопамъ Пустынника припалъ, | И пылъ безумной страсти.

[2]) Ib. V, 13. Въ переводѣ Раича:

Ринальдъ съ восторгами внималъ | Рѣчамъ, зовущимъ къ чести.

[3]) Ib. I, 45:

S'alcun'ombra di colpa i suoi gran venti
Rende men chiari, è sol *follia d'amore.*

Въ перев. Раича:

Одна любовь слѣпая, | Набрасывала легку тѣнь
Рожденная въ кровавой день, | На доблести героя.
Въ коварный мигъ покоя,

[4]) Orl. Fur. XXIV, 1.

Digitized by Google

Любовь у Тассо не изнѣживающее только чувство: она сообщаетъ отважную рѣшимость кроткой и нѣжной Эрминіи. Далѣе, есть у Тассо любовь, которая оказывается свободнымъ, крѣпкимъ и неизмѣннымъ единеніемъ двухъ личностей, одинаковыхъ по своимъ наклонностямъ,— единеніемъ, основаннымъ не на преступномъ или низменномъ взаимномъ влеченіи, а на глубокомъ убѣжденіи и нравственной связи. Крѣпкая основа любви въ доблести обѣихъ этихъ личностей превращаетъ любовь въ чувство, возвышающее душу и могущее направлять къ величію и славѣ. Такая любовь становится въ неразрывной связи съ бракомъ, который является первой формой общественнаго строя. У Аріосто любовь Руджьеро и Брадаманты также увѣнчивается бракомъ, но вообще у итальянскихъ писателей первой половины XVI в. бракъ не встрѣчалъ сочувствія. Berni писалъ: „Gran disgrazia è l'aver moglie". Въ письмахъ Аретино находимъ порицаніе брака, къ традиціоннымъ доводамъ прибавляющее новые во вкусѣ времени [1]). Иначе относился къ браку Тассо [2]). Онъ мечталъ о бракѣ въ годы юности, когда написалъ Аминту, и отказался отъ мысли о женѣ только тогда, когда пошелъ ему пятый десятокъ. Въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ" онъ вывелъ чету Одоардо и Гильдиппы, которые поддерживаютъ другъ друга даже на ратномъ полѣ [3]). То были „*amanti e sposi*, nella guerra anco consorti", которыхъ могла разлучить лишь смерть [4]). Тассо не разъ вспоминаетъ о нихъ

---

[1]) См. *Ruth*, Geschichte der italienischen Poesie, zw. Theil, Leipz. 1847, s. 555.

[2]) Мысли Тассо о семейной жизни изложены въ діалогѣ «Il padre di famiglia», въ которомъ воззрѣнія новаго времени переплетены ссылками на древнихъ авторовъ и примѣрами изъ Виргилія, Гезіода, Эврипида, Гомера. Взглядъ Тассо на женщину выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Virtù della donna è il sapere ubbidire all'uomo, non in quel modo, che il servo al signore, ed il corpo all'anima ubbidisce, ma civilmente in quel modo, che nelle città ben ordinate i cittadini ubbidiscono alle leggi ed ai magistrati . . . Virtù propria dell'uomo è la prudenza e la fortezza e la liberalità; della donna la modestia e la pudicizia . . . tu prenderai moglie, quale io desidero che tu la prenda, bella, e giovinetta, e di condizione eguale alla tua, e d'ingegno modesto e mansueto, da buona, e pudica madre, sotto buona disciplina allevata» (pp. 41-43).

[3]) Ger. lib. XX, 36. Въ переводѣ Раича:

Какая рѣдкая чета!
Надъ нею смерть летаетъ;
Но въ страшный часъ и тотъ и та
Другъ друга защищаетъ.

[4]) Ib., I, 56. Въ перев. Раича:

Любовники—супруги...
Одною жившіе душой,
Разлуки вы не знали,
И смерть вы отъ руки одной
И въ часъ одинъ пріяли.

Digitized by Google

въ своей поэмѣ [1]), уравнивая въ боевой доблести Гильдиппу съ Клориндой [2]). Весьма трогательна картина смерти Одоардо и Гильдиппы на полѣ битвы, нарисованная Тассо [3]), который пророчитъ имъ вѣчную славу. Такое же счастливое супружество предвидится въ перспективѣ, представляющейся въ концѣ поэмы, гдѣ Эрминія перевязываетъ раны Танкреди [4]) и гдѣ Ринальдо примиряется съ Армидой, которая, повидимому, имѣла быть просвѣщена „лучами небеснаго свѣта“ и оставить язычество [5]). Такимъ образомъ, беззавѣтная любовь возстаетъ у Тассо съ идеей о бракѣ, а слѣдовательно и о семьѣ. Тассо пошелъ далѣе по тому пути, который уже въ средніе вѣка былъ намѣчаемъ такими произведеніями, какъ повѣсть объ Окассинѣ и Николеттѣ, романомъ о Флорѣ и Бланшфлоръ и т. п., и на который свернулъ рыцарскій романъ въ извѣстномъ уже намъ Guiron le Courtois, переложенномъ въ итальянскіе стихи Аламанни. Тассо былъ однимъ изъ поэтовъ, направлявшихъ Италію XVI в. къ моральному подъему [6]), яркій примѣръ котораго представляютъ такія личности какъ Vittoria Colonna, послѣ смерти мужа посвятившая всю остальную жизнь поэтическому воспѣванію его, или какъ Rota, воспѣвавшій свою жену Porzia Capece по-латыни и по-итальянски при жизни ея и по смерти [7]). Въ вѣкъ, когда были въ особомъ почетѣ блестящія cortigiane, нерѣдко болѣе изящныя и образованныя чѣмъ древне-греческія гетеры [8]), примѣры

---

[1]) Ib., I, 56—57; III, 40; VII, 67.

[2]) Ib., IX, 71.

[3]) XX, 94—100.

[4]) XIX, 114. Эрминія на вопросъ Танкреди, кто его спасительница, говоритъ, что онъ потомъ узнаетъ все, а тѣмъ временемъ долженъ пребывать въ покоѣ, и заключаетъ словами: «Salute avrai; *prepara il guiderdone*».

[5]) XX, 137.

[6]) Canello старался доказать, что XVI-й вѣкъ возстановилъ семью въ ея основахъ, такъ какъ любовь почти совсѣмъ перестала «di perdersi per le vie anormali e negative della famiglia». Любовь избрала своимъ предметомъ прежде всего meretrice, типъ которой облагородился вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ она была надѣлена титулами signora и cortigiana. Потомъ любовь была перенесена на донну, которая возвышается до достоинства жены съ увѣренностію въ томъ, что это достоинство не претерпитъ оскорбленія.

[7]) Имѣются и другіе примѣры такого воспѣванія.

[8]) Значеніе cortigiane въ Италіи XVI в. рѣзко бросилось въ глаза и Montaign-ю, который говоритъ о нихъ въ своемъ путешествіи въ Италію, недавно переизданномъ D'Ancon-ой (L'Italia alla fine del secolo XVI. Journal du voyage de Michel de Montaigne en Italie en 1580 et 1581). См. также *Graf*, Attraverso il Cinquecento, Torino, 1888, гл. IV.

Digitized by Google

такихъ семейныхъ добродѣтелей должны были сіять тѣмъ ярче въ жизни и поэзіи!

Кромѣ любви, увѣнчавшейся бракомъ, но при которой супруги были какъ бы и любовниками—такъ не угасая горѣлъ ея пламень,—предстаютъ у Тассо и иные образы любви, не менѣе прекрасные и привлекательные, но отличающіеся особымъ порывомъ чувства и особымъ его напряженіемъ, переполняющимъ душу. Въ этихъ поэтическихъ вымыслахъ еще недавно готовы были усматривать выраженіе чувства, наполнявшаго душу самого поэта. Къ прискорбію обожателей прекрасной мечты, современное критическое изслѣдованіе начинаетъ разрушать ореолъ чтителя идеальной любви, окружавшій образъ Тассо. Оказывается, что, быть можетъ, и Тассо не былъ врагомъ слабости, запятнавшей многихъ людей итальянскаго Возрожденія начиная съ Дантова учителя Брунетто Латини [1]). Тѣмъ не менѣе, Тассо лелѣялъ во всю свою жизнь идеалъ нѣжнѣйшей и возвышеннѣйшей любви, какая была только возможна въ вѣкъ, когда крайній идеализмъ Дантовой концепціи былъ значительно ослабленъ направленіемъ итальянской жизни. Въ силу особенностей организаціи (нервности, доходившей до болѣзненности) и обстоятельствъ жизни, Тассо болѣе всякаго другаго итальянскаго поэта XVI в. былъ способенъ къ воспріятію и воспроизведенію романтической стороны любви. И онъ представилъ это чувство въ благороднѣйшемъ видѣ, передалъ весьма сердечно и нѣжно чарующее дѣйствіе любви, ея энтузіазмъ и неизбѣжныя горести [2]), ея чрезмѣрную силу и меланхолическую прелесть, доводящія мечтательную душу до болѣзненности.

Мелькомъ проносятся предъ читателемъ поэмы образы Софроніи и Олинда и, тѣмъ не менѣе, оставляютъ неизгладимый слѣдъ въ воображеніи. Софронія, расцвѣтшая во всемъ блескѣ красоты,

---

[1]) См. статью *Solerti*: «Anche Torquato Tasso» въ vol. XI Giorn. stor. d. lett. it. Вѣроятно, Тассо не былъ также свободенъ отъ легкихъ увлеченій уже въ годы юности.

[2]) *Ger. lib.* IV, 92:

Ahi crudo Amor, ch'egualmente n'ancide
L'assenzio e il mel che tu fra noi dispensi,
E d'ogni tempo egualmente mortali
Vengon da te le medicine e i mali.

Въ переводѣ Раича:

Любовь! ты въ сладость бытія
Вливаешь огорченье:
Смертельна и болѣзнь твоя,
Смертельно и цѣленье.

Digitized by Google

была исполнена лишь возвышенныхъ помысловъ и уединенно жила въ тѣсной хижинѣ, не заботясь о своей красѣ, не зная и не ища любви. До ея слуха доходитъ вѣсть, что Іерусалимскіе христіане поголовно обречены Іерусалимскимъ царемъ на смерть по подозрѣнію въ похищеніи изъ мечети чудотворнаго образа (унесеннаго неизвѣстно кѣмъ). Стыдливость и отважное желаніе спасти единоплеменниковъ борются въ сердцѣ Софроніи, но, наконецъ, она рѣшается отправиться къ царю и заявляетъ, что похищеніе было совершено ею. Ее приговариваютъ къ сожженію, но у костра Олиндо, втайнѣ любившій Софронію и пожелавшій умереть вмѣстѣ съ нею, принимаетъ вину на себя; между юношей и дѣвушкой возникаетъ споръ, который царь прерываетъ приказаніемъ сжечь обоихъ. Уже близится исполненіе этого повелѣнія, какъ явившаяся въ Іерусалимъ Клоринда, тронутая жалостью, вымаливаетъ у царя отмѣну жестокаго распоряженія, и обреченные на смерть освобождены. Сердце Софроніи открывается тогда для Олиндо, и она становится его женой:

Volse con lei morire: ella non schiva
Poi che seco non muor, che seco viva [1]).

Любовь Олиндо къ Софроніи такъ же благородна и стыдлива, какъ любовь Эрминіи къ Танкреди, съ тѣмъ различіемъ, какое обусловлено истинною и благороднѣйшею женственностію Эрминіи [2]). Въ Олиндо и Эрминіи идея любви возносится на высшую ступень земнаго идеальнаго чувства. Софронія же проникнута религіозною восторженностію, подчиняющею земное чувство порывамъ любви къ Богу и всему его прекрасному творенію. Когда Олиндо, закованный въ цѣпи, былъ привязанъ къ тому же столбу, что и Софронія, но такъ, что не могъ ее видѣть, онъ разражается сѣтованіями на судьбу, которая издавна отдѣляла его отъ милой. Теперь онъ уже не такъ скорбитъ о своей участи, потому что умираетъ съ нею; но рыдая онъ все-таки восклицаетъ:

---

[1]) Ger. lib. II, 53. Въ переводѣ Ранча:

Онъ умереть готовъ былъ съ ней,— Смерть мимо пронеслася;— | Она съ нимъ жизненной стезей Итти не отреклася.

[2]) Burgtorf называетъ исторію Эрминіи прекраснѣйшею во всей поэмѣ; въ Эрминіи изображена «echte, wahre und edle Liebe des Weibes, welche als die edelste, wahrste, schönste und duftigste weibliche Gestalt der italienischen Epik, in allem Zauber jungfräulicher Weiblichkeit, erglänzt» (S. 25).

Digitized by Google

Ed oh mia morte avventurosa appieno!
O fortunati miei dolci martiri!
S'impetrerò che giunto seno a seno
L'anima mia nella tua bocca io spiri,
E, venendo tu meco a un tempo meno,
In me fuor mandi gli ultimi sospiri [1]).

Софронія спокойно на то отвѣчаетъ:

Amico, altri pensieri, altri lamenti
Per più alta cagione il tempo chiede.
Chè non pensi a tue colpe, e non rammenti
Qual Dio prometta ai buoni ampia mercede?
Soffri in suo nome, e fian dolci i tormenti;
E lieto aspira alla superna sede.
Mira il ciel com'è bello, e mira il Sole,
Ch'a sè par che n'inviti, e ne console [2]).

Въ этихъ словахъ Софроніи [3]) земное чувство умираетъ и переливается въ паѳосъ мученицы, какой нерѣдко изображала христіанская легенда и поэзія, возникавшая подъ вліяніемъ послѣдней [4]). Но кромѣ того исхода для любви, какой представлялся Олиндо, у Тассо указывается еще иной, менѣе отрицательный для любви: послѣдняя не исчезаетъ вполнѣ въ религіозномъ чувствѣ, но сливается

---

[1]) Ger. lib. II, 35. Въ переводѣ Раича;

«Но смерть была бъ блаженствомъ мнѣ,
И мука—рай отрады;
Когда бы дали мнѣ вполнѣ
Тобой насытить взгляды
И, грудью съ грудью съединясь,
Въ уста твои огнисты
Вдохнуть всю душу въ смертный часъ,
И вздохъ принять твой чистый
Съ послѣднимъ трепетаньемъ...

[2]) Ib. II, 36. Въ переводѣ Раича:

«Другая мысль и плачь другой
Для горней цѣли нужны;
Спѣши раскаянья слезой
Твой духъ, земнымъ недужный,
Уврачевать; надѣйся, вѣрь,
Терпи во имя Бога.
Страданье намъ отверзитъ дверь
Надзвѣзднаго чертога.
Взгляни на свѣтлый неба сводъ,
На солнце златозарно;
Оно съ улыбкой насъ зоветъ
Съ земли неблагодарной».

[3]) За любовью Олиндо къ Софроніи нѣкоторые готовы были усматривать любовь самого Тассо къ принцессѣ Элеонорѣ, въ которой видѣли прототипъ Софроніи.

[4]) См., напр., драмы Гросвиты.

Digitized by Google

съ нимъ; она превращается въ чувство, переходящее за предѣлы настоящаго міра, въ то романтическое чувство, которое достигло самого яркаго и отчетливаго выраженія въ поэзіи Данте, передалось послѣдующему времени главнымъ образомъ черезъ Петрарку и встрѣчается не разъ въ новѣйшей романтикѣ. Въ поддерживающей это чувство романтической вѣрѣ въ загробное единеніе душъ состоитъ одна изъ рѣзкихъ особенностей новой романтики, не имѣвшихъ мѣста въ древней поэзіи [1]). Клоринда, сраженная рукою Танкреди, любившаго ее и неутѣшно потомъ горевавшаго по ней, является Танкреди во снѣ и говоритъ, озаренная небеснымъ блескомъ подобно Беатриче:

Mira come son bella e come lieta,
Fedel mio caro; e in me tuo duolo acqueta.
Tale i'son, tua mercè: tu me dai vivi
Del mortal mondo, per error, togliesti;
Tu in grembo a Dio fra gl'immortali e divi,
Per pietà, di salir degna mi festi.
Quivi io beata amando godo, e quivi
Spero che per te loco anco s'appresti,
Ove al gran Sole e nell'eterno die
Vagheggerai le sue bellezze e mie [2]).

Клоринда обнадеживаетъ Танкреди въ любви и внушаетъ ему не заграждать себѣ пути въ небо и не сворачивать въ сторону, поддаваясь чувственности. Отклоняя отъ послѣдней, Клоринда какъ бы повторяетъ слова Софроніи, готовившейся къ смерти:

---

[1]) Это объясняется отчасти тѣмъ, что вѣра въ загробную жизнь не была такъ жива въ древней поэзіи, какъ въ поэзіи христіанскаго направленія. Въ нехристіанской поэзіи новыхъ народовъ также издавна существовали сказанія о любви, которая продолжалась и послѣ смерти одной изъ личностей, соединенныхъ неразрывными узами этого чувства.

[2]) Ger. lib. XII, 91—92. Въ переводѣ Козлова:

«О, милый другъ, взгляни, какъ я прекрасна,
Какъ весела: твоя печаль напрасна!»
«Ты далъ мнѣ все, нетлѣннымъ ты вѣнцомъ
Меня вѣнчалъ—а мечъ обманутъ мглою...
Что̀ бренный міръ! Ужь я передъ Творцомъ:
Я въ хорѣ дѣвъ безсмертною, святою,
Живу; люблю, молюся объ одномъ,
И жду тебя . . . и вѣчный предъ тобою
Возблещетъ свѣтъ—и взоръ плѣнится твой
Красой небесъ и въ нихъ моей красой».

Digitized by Google

Se tu medesmo non t'invidi il Cielo,
E non travii col vaneggiar de' sensi,
Vivi, e sappi ch'io t'amo, e non tel celo,
Quanto più creatura amar conviensi [1]).

Танкреди принимаетъ этотъ завѣтъ и у гроба Клоринды провозглашаетъ свою рѣшимость быть вѣрнымъ ей до смерти:

. . . amando morrò: felice giorno,
Quando che sia: ma più felice molto,
Se, come errando or vado a te d'intorno,
Allor sarò dentro al tuo grembo accolto [2]).

Танкреди становится чтителемъ романтической любви, которой не можетъ разрушить смерть любимаго существа [3]). Эта любовь, не увѣнчавшаяся единеніемъ на землѣ и просвѣтленная вѣрой, почерпаетъ поддержку и утѣшеніе въ религіи и становится въ подчиненное отношеніе къ послѣдней. Она сливается съ общимъ чувствомъ любви къ Богу и красѣ созданнаго Имъ міра, является какъ бы частью эстетическаго чувства природы, которое не разъ прорывается звучными стансами въ поэмѣ Тассо и возвышается до неподдѣльной задушевности.

Красоты небесныя выше земныхъ, и, созерцая ихъ, человѣкъ возносится надъ суетностью земныхъ увлеченій. Такъ было съ Ринальдо, который, любуясь съ Елеонскаго взгорья зарей и вѣчной божественной красой (Bellezze incorrutibili e divine), размышлялъ, сколько красотъ вмѣщаетъ въ себѣ небесный храмъ,—красотъ, которыми не восхищаются люди:

---

[1]) Ib., 93. Въ переводѣ:

«Стремися къ намъ душою неизмѣнной;
Волненьямъ чувствъ упорствуй и живи;
Люблю тебя, другъ сердца незабвенный,
И не таюсь теперь въ моей любви (*Козловъ*).
Люблю тебя, какъ въ небесахъ
Могу любить земное (*Рамча*).

[2]) Ib., 99. Въ переводѣ Рамча:

Любовь питать я буду къ ней
Еще и умирая;
И счастл въ, если смерть ко мнѣ
Придетъ какъ вѣстникъ рая.

[3]) Ср. въ діалогѣ «Il padre di famiglia»: «parebbe convenevole, che la donna o l'uomo, che per morte sono stati disciolti dal primo nodo di matrimonia, non si legassero al secondo».

Digitized by Google

E miriam noi torbida luce e bruna,
Che un girar d'occhi, un balenar di riso
Scopre in breve confin di fragil viso [1]).

Въ порывѣ религіознаго восторга Ринальдо молитъ Бога о прощеніи грѣховъ и о помощи въ совлеченіи ветхаго Адама.

Намъ слышится въ этихъ мысляхъ и словахъ голосъ самого Тассо, изъ устъ котораго не разъ въ поэмѣ исходятъ элегическіе возгласы, выражающіе горесть страждущаго сердца. Такъ подъ вліяніемъ христіанства къ земнымъ увлеченіямъ у Тассо примѣшивается элементъ скорби.

Многіе люди Возрожденія заглушали въ себѣ это меланхолическое недовольство, всецѣло отдаваясь свѣтлому міросозерцанію, радостно взирая на міръ и вдыхая полной грудью ароматъ его красотъ, доставляя полную свободу всѣмъ жизнерадостнымъ порывамъ человѣческой натуры. Уже древніе элегики, глядя на быстро вянущій цвѣтокъ, проникались мыслью, что такъ же быстро преходитъ и цвѣтъ жизни и что слѣдуетъ спѣшно пользоваться имъ. Ту же мысль повторяли и поэты Возрожденія. Angelo Poliziano писалъ:

Mentre che il fiore è nella sua vaghezza,
Coglilo, chè bellezza poco dura;
Fresca è la rosa di mattino [2]); e a sero
Ell' ha perduto sua bellezza altera.

---

[1]) Ger. lib., XVIII, 13. Въ переводѣ Ранча:

Въ земной красѣ насъ свѣтъ очей	Безумцы — прелестью мы въ ней
Обворожаетъ мутной!	Любуемся минутной!

Этотъ эпизодъ Ger. lib. показываетъ, какъ невѣрно замѣчаніе Biese («Die ästhetische Naturbeseelung in antiker und moderner Poesie») о томъ, что «uns die grossen Epen Ariosto's und *Tasso's* nicht wesentlich weiter führen»... Zeitschr. f. Vergl. Litteraturgesch., I, 209. Ср. еще Dial. 224, 231, 234—237, 240—241, гдѣ сталкиваются два противоположные взгляда на красоту. Тассо въ *Considerazioni sopra tre canzoni di Gio. Battista Pigna, intitolate le tre sorelle; nelle quali si tratta del'amor divino in paragone del lascivo* прямо противополагалъ любовь нецѣломудренную любви божественной. Эти Considerazioni были написаны, вѣроятно, въ 1572 г. (Solerti въ Giorn. st. d. l. it., X, 144). Кампанелла также писалъ:

Breve è verso l'eterno ogni altro tempo

и на правилъ

Verso l'aurora degli eterni rai!

[2]) Сравненіе красавицы съ розой встрѣчается рано въ итальянской поэзіи, напр. въ стихѣ: «Rosa fresca aulentissima c'apar' in ver la state», которымъ начинается извѣстный Contrasto, написанный Cielo del Camo или d'Alcamo. См. этотъ Contrasto въ *Monaci* Crestomazia italiana dei primi secoli, fasc. primo, Città di Castello, M. DCCC. LXXXIX, p. 106—109.

Digitized by Google

Къ юношескому ликованію на праздникѣ жизни призывали и многіе другіе итальянскіе поэты Возрожденія. У Тассо раздается такой же призывъ въ пѣснѣ, которую услышалъ Риналдо изъ устъ прелестной нимфы или богини, выникшей изъ глубины водъ подобно Афродитѣ, когда онъ прибылъ на островъ Армиды:

O giovinetti, mentre aprile e maggio
V'ammantan di fiorite e verdi spoglie,
Di gloria o di virtù fallace raggio
La tenerella mente ah non v'invoglie!
Solo chi segue ciò che piace è saggio,
E in sua stagion degli anni il frutto coglie.
Questo grida natura. Or dunque voi
Indurerete l'alma ai detti suoi?
Folli, perchè gettate il caro dono,
Che breve è sì, di vostra età novella?
Nomi, e senza soggetto idoli sono
Ciò che pregio e valore il mondo appella.
La fama che invaghisce a un dolce suono
Voi superbi mortali, e par sì bella,
È un'eco, un sogno, anzi del sogno un'ombra,
Ch'ad ogni vento si dilegua e sgombra.
Goda il corpo securo, e in lieti oggetti
L'alma tranquilla appaghi i sensi frali....
Nulla curi se 'l ciel tuoni o saetti;
Minacci egli a sua voglia, e infiammi strali.
Questo è saver, questa è felice vita:
Si l'insegna natura, e si l'addita [1]).

---

[1]) Gerus. lib. XIV, 62—64. Въ переводѣ Райча:

Средь розъ и миртовъ и лилей
Весною скоротечной
Пей, юность, полной чашей пей
Восторги нѣгъ безпечно!
Тебѣ ли съ пламенной душой
За славою гоняться?
Счастливъ, кто жизнью молодой
Умѣетъ наслаждаться.
Нѣжь, чувства, нѣжь, пока твой часъ,
Пока насъ нѣжатъ годы,
Пока зоветъ къ утѣхамъ насъ
Привѣтный гласъ природы!

Зачѣмъ даръ жизни золотой—
Цвѣтокъ весны прелестной
Губить, гонясь за мечтой,
За славой неизвѣстной?
О юность, дорожи цвѣткомъ
Плѣнительнаго мая!

Digitized by Google

Подобную же пѣсню услышали въ Армидиномъ саду и Карлъ и Убальдъ, когда разыскивали Ринальдо:

Deh mira..... spuntar la rosa
Dal verde suo modesta e verginella,
Che mezzo aperta ancora, e mezzo ascosa,
Quanto si mostra men, tanto è più bella.
Ecco poi nudo il sen già baldanzosa,
Dispiega; ecco poi langue, e non par quella;
Quella non par, che desïata avanti
Fu da mille donzelle e mille amanti.

Così trapassa al trapassar d'un giorno
Della vita mortale il fiore e il verde;
Nè, perchè faccia indietro april ritorno,
Si rinfiora ella mai, nè si rinverde.
Cogliam la rosa in sul mattino adorno
Di questo dì, che tosto il seren perde;
Cogliam d'amor la rosa; amiamo or quando
Esser si puote riamati amando [1]).

Спи, спи у нѣги подъ крыломъ,
О славѣ не мечтая!
Что слава? эхо дальнихъ горъ,
Иль грезы легкокрылы;
Ихъ нѣтъ, когда откроешь взоръ,
И слѣдъ ихъ—вздохъ унылый.

Не простирая взоровъ вдаль,
Нѣжь чувства безопасно!
Забудь прошедшаго печаль,
Не суетись напрасно.....
Пусть громъ на небесахъ гремитъ,
Пусть вихрь съ грозой бушуетъ,
Пусть стрѣлы молній раскалятъ
Дрожащи неба своды;—
Дай волю имъ и въ сѣнь отрадъ
Спѣши на зовъ природы.

[1]) Ger. lib. XVI, 14—15. Въ переводѣ:

Смотри, какъ мило нѣжный розы цвѣтъ
Изъ почки дѣвственно-зеленой выникаетъ.
Немного открытъ, однако же одѣтъ,
Онъ тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ менѣе блистаетъ!
Но вотъ раскрылся онъ зефира теплотѣ
И, ей охваченный, поникнулъ головою,
Онъ вянетъ, и куда, куда дѣвались тѣ,
Кто обступалъ его восторженной толпою?
Такъ исчезаетъ въ день одинъ, и безъ слѣда,
Блаженство юности игривой, быстролетной.
Ликъ мая ты опять увидишь, какъ всегда,
Но молодости май не принесетъ завѣтной.
Спѣши жъ плести вѣнки, вставая на зарѣ:
Вѣдь солнца ясный ликъ не надолго восходитъ!
Ахъ рви цвѣты любви, пока ты въ той порѣ,
Когда взаимное влеченье души сводитъ!

Digitized by Google

То были пѣсни, подобныя пѣснямъ древней Сирены [1]); ихъ возглашало Возрожденіе въ Италіи и во Франціи [2]). Но для человѣка новаго времени, отрѣшившагося отъ энтузіазма Возрожденія, жизнь оказывается не свободною отъ горечи даже среди приносимыхъ ею радостей: въ самый ясный день можетъ показаться облачко, да и въ каждый моментъ можно испытывать контрастъ безграничныхъ желаній и ограниченныхъ силъ. Потому-то ароматъ свѣжей розы привлекалъ иногда Тассо, который упивался ея благоуханіемъ, но поэтъ былъ непостояненъ въ наслажденіи; какъ философъ, онъ углублялся въ сущность удовольствія, которое испытывалъ, и разумъ начиналъ торжествовать надъ голосомъ Сирены [3]). Вкусивъ скоро преходя-

---

Та же мысль болѣе кратко выражена въ заключительныхъ словахъ хора 1-го акта «Аминты»:

Amiam; che non ha tregua
Cogli anni umana vita, e si dilegua:
Amiam; che 'l Sol si muore, e poi rinasce:
A noi sua breve luce
S'asconde, e'l sonno eterna notte adduce.

[1]) Ger. lib. XIV, 61: Questa, *benchè non sia vera Sirena,*
Ma sia magica larva, una ben pare
Di quelle che già presso alla tirrena
Piaggia abitâr l'insidïoso mare;
Nè men che 'n viso bella, in sueno è dolce;
E così canta, e il cielo e l'aure molce.

Ср. приведенную выше 61 октаву XVII-й пѣсни: «Signor, non sotto l'ombra ....tra Ninfe e *tra Sirene*».... Повѣрье о Сиренахъ существуетъ и теперь у итальянцевъ. См. ст. *Simiani*: «Usi, leggende e pregiudizi popolari Trapanesi» въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, vol. VIII (1889), 484—488.

[2]) См., напр., стихотвореніе Ронсара къ Кассандрѣ (такъ называлъ Ронсаръ первую даму своего сердца), начинающееся словами:

Mignonne, allons voir si la rose....

продолжающее нравиться и современнымъ читателямъ. Это стихотвореніе вполнѣ совпадаетъ съ приведенною выше пѣснью, которую слышали Карлъ и Убальдъ. Ср. еще XCV-й сонетъ Ронсара, начинающійся стихами:

Prens ceste rose, aymable comme toy,
Qui sers de rose aux roses les plus belles....

Знакомство Ронсара съ Тассо не подлежитъ сомнѣнію.

[3]) См. строфу, которая въ первыхъ изданіяхъ «Освобожд. Іерусалима» печаталась вслѣдъ за 40-мъ стансомъ XVI-й пѣсни, была потомъ выброшена и вновь введена была въ Ger. Conquist.:

Dissegli Ubaldo allor: Già non conviene
Che di aspettar costei; signor, ricusi.
Di beltà armata e de' suoi preghi or viene
Dolcemente nel pianto amaro infusi
Qual più forte di te, se le sirene,
Vedendo ed ascoltando, a vincer ti usi?
Così ragion pacifica reina
De' sensi fassi e sè medesma affina.

Digitized by Google

щихъ радостей наслажденія, Тассо, подобно своему Ринальдо, быстро приходилъ къ мысли о ничтожествѣ этихъ радостей. Оттуда исполненный особой прелести элегическій тонъ, слышащійся во всей поэмѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ, напр., въ изображеніяхъ любви, могло прорываться чувство самого поэта.

Средневѣковая рыцарская поэзія знавала по временамъ подобное недовольство своихъ героевъ: она удаляла ихъ тогда или въ монастырь, или въ замокъ св. Грааля, уединенно стоящій среди міра, знающаго только мірскую доблесть. Ринальдо Тассо, преодолѣвъ въ себѣ чувственную изнѣженность, возвращается въ крестоносное ополченіе, помогаетъ успѣшно окончить начатый подвигъ освобожденія гроба Господня и затѣмъ заживетъ семейною жизнью въ сообществѣ Армиды, просвѣтленной вѣрою. Самъ же Тассо не достигъ того полнаго успокоенія, какое нашелъ Парциваль въ замкѣ св. Грааля послѣ мукъ продолжительнаго сомнѣнія. Не суждено было Тассо найти и то тихое пристанище въ семейной жизни, какимъ онъ надѣлилъ своего Ринальдо. Тассо зналъ лишь то *неопредѣленное* сосредоточеніе, которое вращается между безграничностью замысловъ и чувства и границами возможности.

Итакъ, и въ поэмѣ Тассо какъ и въ средневѣковой романтикѣ вполнѣ земныя влеченія перемежаются съ глубоко религіозными стремленіями и мистицизмомъ [1]): Тассо не былъ чуждъ сенсуализма Возрожденія, но, съ другой стороны, христіанство развило въ немъ наклонность къ мечтательности и меланхоліи. Такую двойственность испытывалъ Тассо въ пору разцвѣта своего творчества, въ тѣ годы, когда онъ отдѣлывалъ „Освобожденный Іерусалимъ“. Потомъ Торквато все болѣе и болѣе подпадалъ меланхоліи; онъ призналъ, что написанная имъ поэма требуетъ очищенія, предпринялъ передѣлку ея и закончилъ свое поэтическое творчество вполнѣ религіозною поэмой, а жизнь недовольствомъ на тотъ міръ, который оставлялъ [2]).

---

[1]) И Carducci замѣтилъ, что въ поэмѣ Тассо «сенсуализмъ примѣшивается къ мистицизму».

[2]) Въ своемъ послѣднемъ письмѣ, написанномъ незадолго до смерти, Тассо говоритъ: «io mi sento al fine della mia vita, non essendosi potuto trovar mai rimedio a questa mia fastidiosa ndisposizione.... Non è più tempo ch' io parli della mia ostinata fortuna, per non dire della ingratitudine del mondo....»

Digitized by Google

На исходѣ своихъ дней Тассо приблизился къ тому типу, какой изобразилъ въ своемъ Гоффредо, и едва не впалъ въ то состояніе, въ которомъ человѣкъ становится вполнѣ равнодушнымъ къ мірскимъ радостямъ и успѣхамъ. Но какъ въ молодости Тассо не былъ исключительно придворнымъ поэтомъ, пѣвцомъ лишь дворскаго эпикуреизма и той любви, которую внушала мода, такъ и потомъ онъ не сталъ исключительно поэтомъ іезуитской реакціи, какимъ представилъ его Кине, а за послѣднимъ и нѣкоторые другіе. Тассо не отрекся всецѣло отъ своей личности: будучи истомленъ житейскими тревогами, онъ все-таки не вполнѣ отказался отъ того, что было дорого ему въ теченіе лучшихъ лѣтъ его жизни. И хотя Тассо подъ конецъ скорбѣлъ о томъ, что поздно позналъ истину, увлекаясь раньше безсильнымъ, суетнымъ, мертвымъ знаніемъ и поэзіею [1]), но въ немъ все еще былъ виденъ тотъ самый поэтъ, который во многихъ неоднократно являлъ въ себѣ человѣка новаго времени, не могущаго отрѣшиться отъ своей субъективности и подавить въ себѣ свою личность,—поэтъ, котораго личныя стремленія постоянно сообщали идеальное единство его произведеніямъ.

Это-то идеальное единство [2]), рѣзко отдѣляющее романтику Тассо отъ романтики Аріосто, и должно постоянно имѣть въ виду, читая поэму Тассо. Поэтъ выразилъ въ ней свои идеальныя стремленія, изобразилъ жизнь примѣнительно къ тому драматизму, который имѣлъ мѣсто въ его собственной душѣ. Въ нѣкоторыхъ личностяхъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Тассо воспроизвелъ самого себя и значительную часть своей душевной жизни, и потому такъ были дороги поэту эти образы, потому взоръ его останавливался на нихъ съ такою любовью... Рядомъ съ внѣшними дѣяніями, наполняющими

---

[1]) См. сонетъ: «La vita è duro agone, in cui se'l santo» etc. и канцону: Ecco fra le tempestate e i fieri venti» etc.

[2]) Внѣшняго единства въ поэмѣ Тассо не находятъ. Разборъ «Освобожденнаго Іерусалима» въ отношеніи градаціи въ расположеніи эпическаго матеріала можно прочесть въ книжкѣ *Serment*-а: De la gradation dans l'épopée, Genève 1860 (Tiré de la Bibliothèque universelle). Serment, считая строгое единство и послѣдовательность необходимыми условіями хорошо построенной поэмы (p. 31), находитъ съ точки зрѣнія этого требованія, что поэма Тассо, при сравненіи съ Иліадою, совсѣмъ не удовлетворительна: Serment усматриваетъ у Тассо пять параллельныхъ романовъ, слабо связанныхъ и представляющихъ «imbroglio, mode de fabulation éclos à la décadence de la poésie chevaleresque» (p. 116). Неизмѣримо выше Тассо оказался Вальтеръ Скоттъ въ своемъ Ричардѣ.

Digitized by Google

рамку эпоса согласно рутинѣ, раскрываются факты сокровенной жизни поэта, испытавшаго глубокую скорбь, душевную разорванность, томившагося исканіемъ выхода.

Изъ эпизодовъ поэмы, открывающихъ просвѣтъ въ душевное состояніе ея автора, заслуживаетъ вниманія, кромѣ перечисленныхъ, еще одинъ, дополняющій характеристику Тассо, какую можно было составить на основаніи предложеннаго доселѣ разсмотрѣнія поэмы, и указывающій на тотъ выходъ, о которомъ въ молодости мечталъ пѣвецъ „Освобожденнаго Іерусалима“.

Боевые подвиги, которые были такъ высоко цѣнимы людьми среднихъ вѣковъ, видимо не приносятъ дѣйствительнаго счастія ни героямъ Тассо, ни его героинямъ, и не даромъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ въ концѣ поэмы открывается перспектива будущаго счастія въ тихой семейной жизни. Болѣе рѣзко выступаетъ сродная этой мысль поэта въ первой половинѣ поэмы, среди описанія разгара той борьбы, которая ведется подъ стѣнами Іерусалима. Несчастная Эрминія, томимая любовью къ Танкреди, думая, что послѣдній раненъ, облекается въ доспѣхи Клоринды и ѣдетъ къ стану крестоносцевъ, надѣясь увидѣть своего милаго и излечить его отъ раны, терпитъ неудачу въ этой смѣлой попыткѣ, блуждаетъ затѣмъ по лѣсу, унесенная конемъ, и наталкивается на жилища пастуховъ, „людей, любимыхъ небомъ“. Старецъ, съ которымъ она вступаетъ въ бесѣду, промѣнялъ-было въ годы молодости, когда человѣкомъ владѣетъ суетность, пасеніе стадъ на жизнь при дворѣ, и ему довелось видѣть и познать неправду дворовъ („le inique corti“). Убаюкиваемый смѣлой надеждой, онъ долго сносилъ то, что было ему противно, но, разсказываетъ онъ,

...poi ch'insieme coll'età fiorita
Mancò la speme e la baldanza audace,
Piansi i riposi di quest'umil vita,
E sospirai la mia perduta pace;
E dissi: O corte, addio. Cosi, agli amici
Boschi tornando, ho tratto i di felici [1]).

[1]) Gerus. lib., VII, 13. Въ переводѣ Шевырева („Седьмая пѣсня Освобожденнаго Іерусалима“):

«Но только наступилъ мой возрастъ спѣлой,
И время упованья погасило,—

Digitized by Google

Ему нравится его теперешняя жизнь:

Altrui vile e negletta, a me si cara,
Chè non bramo tesor, nè regal verga;
Nè cura o voglia ambiziosa o avara
Mai nel tranquillo del mio petto alberga.
Spengo la sete mia nell'acqua chiara,
Che non tem'io che di venen s'asperga;
E questa greggia e l'orticel dispensa
Cibi non compri alla mia parca mensa:
Chè poco è il desiderio, e poco è il nostro
Bisogno, onde la vita si conservi [1]).

Успокоительно подѣйствовала эта рѣчь на Эрминію; въ душѣ послѣдней улеглась буря чувствъ, и выникло рѣшеніе остаться среди пастуховъ, пока судьба не устроитъ ей легкаго возврата.

Этотъ эпизодъ, переносящій насъ въ уединеніе, полное контраста тревогамъ и сумятицѣ войны, наполняющимъ Іерусалимъ и окрестности города, составляетъ прелестную картину и увлекаетъ читателя благодаря задушевности рѣчей, не совсѣмъ естественно влагаемыхъ поэтомъ въ уста старому пастуху. Невольно приходитъ на мысль, что самому поэту по душѣ была та жизнь, среди которой на время очутилась Эрминія, не разставшаяся, впрочемъ, со своимъ горемъ [2]). Идиллическую картину мирной жизни пастуховъ и пастушекъ, близ-

---

О жизни прежней, я, осиротѣлой,
Вздохнулъ,—и сердце мира запросило:
Сказавъ двору: прощай!—къ своимъ лѣсамъ
Бѣжалъ бѣгомъ—и слава небесамъ!»

[1]) Ger. lib., VII, 10—11. Въ переводѣ Шевырева:

«Кому низка, а мнѣ святая доля!
Душа ни скиптромъ, ни казной не льстится;
Корысти, славы жаждущая воля
Въ покоѣ груди смирной не гнѣздится.
На жажду есть ручей роднаго поля,—
И не боюсь, что ядомъ отравится;
А это стадо, огородъ—вотъ тутъ
На столъ простой мнѣ даромъ пищу шлютъ».
«Желанья малы—мало намъ и надо,
Чѣмъ жизнь питать безъ лишнихъ наслажденій»...

[2]) Въ Gerus. conquistata вмѣсто этихъ строфъ о встрѣчѣ Эрминіи съ пастухами поставлены другія,—аллегорическаго характера.

Digitized by Google

кой къ природѣ и приносящей счастіе въ единствѣ сердецъ,—счастіе, котораго была лишена Эрминія, находимъ и въ одномъ изъ лирическихъ произведеній Тассо,—въ пастушескомъ стихотвореніи, начинающемся словами: „Era nella stagione" и проч. Видно, не разъ мысль Тассо уносилась въ подобную обстановку.

Эти мечты, не разъ посѣщавшія Тассо, но на дѣлѣ никогда не осуществившіяся, напоминаютъ намъ подобную же, но мимолетную мечту другаго великаго поэта—Гёте въ одинъ изъ моментовъ Страсбургскаго періода его жизни, когда онъ со всѣмъ пыломъ молодой души любилъ Фридерику, дочь Сезенгеймскаго пастора. Въ стихотвореніи *An die Erwählte,* написанномъ, по всей вѣроятности, незадолго до разлуки, навсегда прервавшей этотъ высоко поэтическій моментъ жизни Гёте [1]), какъ будто еще не видно рѣшимости поэта покончить съ чувствомъ, принесшимъ ему много отрады, но вмѣстѣ повергавшимъ его подъ конецъ въ нѣкоторое безпокойство въ виду неизбѣжности опредѣленно рѣшить вопросъ о будущемъ. Въ обращеніи къ милой, которую Гёте назвалъ своею избранницей, онъ подтверждаетъ то обѣщаніе вѣрности, которое заявилъ въ другомъ стихотвореніи, относящемся къ тому же времени и носящемъ заглавіе: *Mit einem gemalten Band,* и затѣмъ переносится воображеніемъ въ пріятный пейзажъ, въ мирный уголокъ [2]), гдѣ надѣется наслаждаться нѣкогда со своею избранницею:

---

[1]) *Düntzer* [Goethes Werke. Erster Theil.—Gedichte. Erster Band—въ коллекціи Deutsche Nat.-Litt., hrsg. v. Kürschner,—S. 38; ср. его же Erläuterungen zu den Deutschen Klassikern, 61-63. Bändchen, Goethes lyrische Gedichte, zw. Aufl., Leipz. 1874, S. 270] думаетъ, что стихотвореніе «An die Erwählte» слѣдуетъ отнести къ 1799 г., при написаніи его поэтъ вовсе не руководился личными отношеніями, и изображенная имъ ситуація — измышленная, чисто поэтическая, но глубоко прочувствованная и обрисованная съ такой отчетливостью, какая была возможна только для созрѣвшаго художника. Стихотвореніе это не помѣщено въ числѣ произведеній, относящихся къ Страсбургскому періоду жизни Гёте, и *Hirzel*-емъ въ его изданіи «Der junge Goethe», zw. Abdruck, erster Theil, Leipz. 1887, очевидно—въ силу соображеній, высказанныхъ на стр. LXX—LXXI введенія (разсматриваемое стихотвореніе, ставшее извѣстнымъ впервые въ изданіи 1799 г., предполагаютъ, могло явиться въ печати въ нѣсколько измѣненномъ видѣ по сравненію съ первоначальною редакціею). Мы принимаемъ мнѣніе тѣхъ критиковъ, которые вслѣдъ за Viehoff-омъ относятъ стихотвореніе «An die Erwählte» къ Фридерикѣ. См. *Lehmann*, Goethe's Liebe und Liebesgedichte, Berl. 1852, S. 88; *Baier*, Das Heidenröslein oder Goethe's Sessenheimer Lieder in ihrer Veranlassung und Stimmung, Heidelberg 1877, S. 113—115; *Lichtenberger*, Étude sur les poésies lyriques de Goethe, deux. éd., Par. 1882, p. 46. Ср. о мнѣніи Düntzer-а замѣчаніе *von Loeper*-а въ его брошюрѣ: «Zu Goethe's Gedichten» etc. Berl. 1886, s. 25.

[2]) Можетъ быть,—на Рейнѣ; см. Baier l. c. Въ «Buchen in dem Hain» не слѣдуетъ ли видѣть буковую «соловьиную рощу» невдалекѣ отъ дома Сезенгеймскаго пастора, въ которой не

Digitized by Google

Schon ist mir das Thal gefunden,
Wo wir einst zusammen gehn
Und den Strom in Abendstunden
Sanft hinuntergleiten sehn.
Diese Pappeln auf den Wiesen,
Diese Buchen in dem Hain!
Ach! und hinter allen diesen
Wird doch auch ein Hüttchen sein [1]).

Понятно, какъ Гёте могъ прійти къ этой идеѣ въ порывѣ юношескаго чувства. Но спрашивается, почему Тассо *не разъ* въ годы молодости, среди блестящей дворской обстановки, пышности и празднествъ, представлялъ себѣ въ привлекательномъ видѣ радости тихой идиллической жизни въ сообществѣ нѣжно любящаго существа, въ обстановкѣ, при которой властвуютъ не условныя понятія о чести, а законы натуры;—почему на такой же идиллической жизни останавливалось иногда и позже разстроенное воображеніе поэта? Картина подобной жизни могла казаться заманчивой Тассо уже благодаря чтенію древнихъ поэтовъ, которыми онъ такъ увлекался и съ которыми былъ такъ хорошо знакомъ. Между проч., въ пастушескомъ романѣ, усвояемомъ Лонгу (имя сомнительное), Тассо могъ найти привлекательное изображеніе приволья, радостей и утѣхъ простой жизни, близкой къ природѣ и далекой отъ утонченности городскаго быта. Герой и героиня этого романа, Дафнисъ и Хлоя—дѣти природы. И послѣ того, какъ обнаружилось ихъ знатное происхожденіе, они проводили большую часть времени въ обстановкѣ пастушескаго быта; по словамъ романа, имъ не нравилась городская жизнь. Они привыкли съ дѣтства къ жизни иной и испытали въ ней полное счастіе. Они были достойны этого счастія

разъ гуляли Гёте и Фридерика? Въ «Der junge Goethe» Hirzel-я напечатано (I, 270) «Einzeichnung auf die Tafel in der Buchenlaube bei Sesenheim unter die Namen der Freunde».

[1]) Къ этой строфѣ указываютъ (*Minor und Sauer*, Studien zur Goethe-Philologie, Wien 1880, s. 35) такую параллель у Gleim-a:

Hier wollen wir uns Hütten bauen...
Hier wollen wir den Himmel loben...
Hier wollen wir am Ufer trinken...
So wollen wir, o Freund, auch lieben!

Мы съ своей стороны укажемъ на стихотвореніе Гёте, обращенное къ Фридерикѣ и начинающееся словами: Ich komme bald, ihr goldnen Kinder...» (Hirzel, I, 266).

Digitized by Google

въ силу той невинности, которою надѣляетъ ихъ авторъ, видимо питавшій наклонность къ идеализаціи простой сельской жизни и выставившій горожанъ и богачей въ не совсѣмъ привлекательномъ видѣ. Романъ Лонга, весьма нравившійся въ XVI и послѣдующихъ вѣкахъ [1]), могъ произвести тѣмъ большее впечатлѣніе на Тассо, что заключаетъ въ себѣ немало сентиментальности и исполненъ живаго чувства природы, постоянно прорывающагося въ повѣствованіи, а Тассо былъ весьма воспріимчивъ къ воздѣйствію такого рода.

Кромѣ романа о Дафнисѣ и Хлоѣ, пріобрѣвшаго значительную извѣстность во 2-й половинѣ XVI в., и кромѣ др. пастушескихъ произведеній древней поэзіи, предъ Тассо былъ цѣлый рядъ произведеній родной литературы, въ которой со времени Возрожденія пастораль принадлежала къ излюбленнымъ формамъ поэзіи.—Послѣ паденія поэзіи трубадуровъ и труверовъ, выдвинувшей довольно оригинальныя пастурели [2]), которыя, впрочемъ, по основному ихъ направленію, мало прымыкаютъ къ чи-

---

[1]) О романѣ Лонга отзывались съ похвалой гуманисты итальянскіе и нѣмецкіе. Романъ этотъ въ 1569 г. явился въ передѣлкѣ на латинскомъ языкѣ (въ стихахъ), принадлежащей Лаврентію Гамбарѣ и распространившей извѣстность этого произведенія. См. Dunlop-Liebrecht, 459—460, и монографію *А. И. Кирпичникова*: Греческіе романы въ новой литературѣ, Харьк. 1876. Во Франціи еще ранѣе (въ 1559) вышелъ переводъ Amyot, который былъ одной изъ любимыхъ книгъ занимательнаго содержанія. О французскихъ изданіяхъ этого романа см. въ *Bibliothèque des romans*, avec des remarques critiques sur leur choix et leurs differentes Editions, Par M. le C. Gordon de Percel, t. II, A Amsterdam MDCCXXXIV, p. 4—6 (экземпляръ этой книги, принадлежащій библіотекѣ университета св. Владимира, заключаетъ рядъ интересныхъ дополненій). О значеніи романа о Дафнисѣ и Хлоѣ во французской литературѣ см. у *Egger*, L'Hellénisme en France, II, Par. 1869, 342—343. Вилльмэнъ проводилъ параллель между Дафнисомъ и Хлоей съ одной стороны и Paul et Virginie съ другой, и его замѣчанія повторены *Chauvin*-омъ (Les romanciers grecs et latins, Par. 1862, p. 141-142).— О томъ, какъ нравился Тассо романъ Геліодора, также не лишенный элемента идилліи, мы уже говорили. О вліяніи этого романа см. *Tüchert*, Racine und Heliodor, Zweibrücken 1890 (Programm).

[2]) Мнѣнія о происхожденіи пастурелей приведены и разсмотрѣны въ ст. Ѳ. Д. Батюшкова о книгѣ Jeanroy въ Ж. М. Н. Пр. 1890, № 4. Г. Батюшковъ ставитъ интересный вопросъ объ участіи литературной традиціи («эклогъ») въ возникновеніи пастурелей. По его словамъ, «въ куртуазной литературѣ сюжетомъ, очевидно, должна была служить любовная тема; пастушка осталась, но пастухъ замѣненъ поэтомъ, который самъ выступаетъ собесѣдникомъ пастушки... за симъ могло произойти сближеніе и даже сліяніе съ народной поэзіей, въ которой діалогическая форма весьма распространена» (стр. 437).—Эклога получила видное значеніе въ западноевропейской литературѣ уже со времени Карла В., когда писалось немало эклогъ по образцу Виргиліевыхъ, но, тѣмъ не менѣе, связь пастурели съ латинскою эклогою сомнительна. Въ вопросѣ о пасторетахъ вслѣдъ за Mahn-омъ, Bartsch-емъ и Suchier и мы придаемъ рѣшающее значеніе свидѣтельству о томъ, что Cercamon (время его жизни опредѣлено Rajn-ой въ Romania VI, 115 ss.) *trobet Vers a la usanza antiga*».

Digitized by Google

сто идиллическимъ произведеніямъ [1]), вновь начала процвѣтать пастушеская поэзія въ Италіи. Здѣсь она наиранѣе развилась въ томъ новомъ направленіи, которое суждено было принять ей въ новоевропейскихъ литературахъ, слившись съ рыцарской романтикой. Въ Италіи въ эпоху Возрожденія не разъ начиная съ Данте [2]) подражали Bucolica-мъ Вергилія, какъ подражали и другимъ видамъ древней поэзіи. Во главѣ этихъ ново-латинскихъ эклогъ ставятъ эклоги *Петраржи*, но послѣднія—пастушескія произведенія лишь по внѣшности. Первымъ пастушескимъ произведеніемъ на итальянскомъ языкѣ считаютъ „Ameto“ (1341 или 1342 г.) Боккаччіо, который однако не назвалъ этого повѣствованія пастушескимъ [3]) и не имѣлъ въ виду дать чисто пасторальное произведеніе. Въ „Ameto“ среди антично-пасторальнаго пейзажа съ миѳологическими образами сочетается христіанская аллегорія, страннымъ образомъ сливающая Дантовскіе мотивы съ языческою оболочкой и сенсуалистическими прикрасами любовныхъ отношеній, и ко всему этому примѣшиваются отголоски личныхъ реминисценцій поэта. Рядомъ съ Ameto ставятъ „Ninfale Fiesolano“. „Ameto“, отличаясь довольно значительнымъ размѣромъ и заключая короткія пѣсни въ стихахъ среди изложенія въ прозѣ, является какъ бы посредствующимъ звеномъ между буколическимъ стихотвореніемъ и позднѣйшимъ пастушескимъ романомъ. Къ „Ameto“ примыкаетъ написанная не безъ вліянія этого произвенія, а также заключающая немало заимствованій изъ эклогъ, Энеиды и Георгикъ Вергилія и изъ разныхъ произведеній Овидія, Тибулла и Горація [4]), „Arcadia“ Саннацаро, въ которой

---

[1]) Въ пастурелях обыкновенно рыцарь (онъ же и поэтъ) навязывается со своимъ любовнымъ ухаживаніемъ къ пастушкѣ, но послѣдняя въ большинствѣ случаевъ ловко отстраняетъ его, и при этомъ выступаетъ различіе воззрѣній рыцарей и сельскаго люда на бракъ и любовь. Авторы пастурелей могли имѣть въ виду либо юмористическое изображеніе рыцарскихъ нравовъ въ противоположеніи ихъ деревенской простотѣ (сюда относятся пасторели Guiraut Riquier), или же потѣшались, комически изображая простонародье. Но въ ряду древнихъ провансальскихъ пасторелей есть такая, ситуація въ которой приближается нѣсколько къ любовной идилліи. Поэтъ встрѣчаетъ въ рощѣ пастуха, поверженнаго въ горесть и поющаго пѣсню, въ которой заключаются жалобы на клеветниковъ: послѣдніе, повидимому, разлучили пастушка съ его милой. Поэтъ пытается утѣшить горюющаго, но напрасно: взглядъ пастушка совсѣмъ иной. *Brinckmeier*, Die provenzalischen Troubadours als lyrische und politische Dichter, Göttingen 1882, 89—90.

[2]) *Macrì-Leone*, La bucolica latina nella letteratura italiana del secolo XIV, con una introduzione sulla bucolica latina nel medio evo. Parte I. Torino. 1890.

[3]) Comedie delle Ninfe Fiorentine.

[4]) Эти источники указалъ *Torraca* въ своемъ изслѣдованіи: La Materia dell' Arcadia dell Sannazaro. Città di Castello, S. Lapi 1888.

Digitized by Google

проза перемежается со стихами „эклогъ". „Аркадія" — самое обширное произведеній пастушеской поэзіи, явившихся предъ „Діаной" Монтемайора, которая считается первымъ настоящимъ пастушескимъ романомъ. „Аркадія" долго пользовалась громкою извѣстностію и положила начало вліянію итальянской пастушеской поэзіи на поэзію другихъ странъ Запада.

Это вліяніе было упрочено развитіемъ пастушеской драмы, слава созданія которой принадлежитъ всецѣло Италіи, между тѣмъ какъ созданіе пастушескаго романа составляетъ въ значительной степени заслугу поэтовъ Пиринейскаго полуострова.—Въ XVI стол. пастушеская поэзія достигла особаго значенія въ Италіи. При дворахъ и въ замкахъ знати разыгрывались идиллическія сцены, нравившіяся изяществомъ и остроуміемъ рѣчей. Феррара была мѣстомъ, гдѣ въ особенности привился этотъ новый родъ драмы. Тамъ до прибытія Тассо былъ представленъ рядъ пьесъ, которыя были какъ бы первыми опытами и подготовляли развитіе настоящей пасторальной драмы [1]). Постепенно эта драма заняла срединное положеніе между трагедіею и комедіею [2]). При представленіяхъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пьесъ могъ присутствовать затѣмъ Тассо.

Такое процвѣтаніе пастушеской поэзіи въ Италіи XVI в. объясняется отчасти обстоятельствами политической ея жизни и еще болѣе — общимъ закономъ, обусловливающимъ развитіе идилліи и пастушеской поэзіи въ извѣстные историческіе моменты [3]). Имѣя въ виду поэзію времени упадка греческой культуры, не разъ повторяли замѣчаніе, что извращенное направленіе цивилизаціи обращаетъ обыкновенно воображеніе людей, пресыщающихся утонченностію своей жизни, къ первобытному состоянію человѣка, порождаетъ пристра-

---

[1]) Ginguené, VI, 329 и слѣд.

[2]) Въ XVI в. пастушескую драму опредѣляли, какъ сочетаніе этихъ видовъ драматическаго творчества.

[3]) Объясненіе разсматриваемаго явленія особенностями племеннаго характера романцевъ страдаетъ преувеличеніями. *M. Carriere* въ книгѣ своей «Die Poesie, zw. Aufl., Leipz. 1884», 331—332, указываетъ на отличительныя черты характера романскихъ народовъ, которые болѣе, чѣмъ германцы, любили изысканность, благозвучіе языка и сентиментальную реторику; оттого-то пастушеская поэзія болѣе привилась въ Италіи, Испаніи и Франціи, чѣмъ въ Германіи и Англіи. Подобный взглядъ у насъ выразилъ г. *Тихонравовъ* въ своей рѣчи о Шекспирѣ (Р. Вѣст. 1864, № 4, и отд. оттискъ). Но не надо забывать, что пастушеская поэзія пользовалась особенною благосклонностію въ Англіи. См. *H. O. Sommer*, Erster Versuch über die Englische Hirtendichtung, Marburg 1888. Въ Германію пастушеская поэзія проникла лишь нѣсколько позже, чѣмъ въ другія страны.

Digitized by Google

стіе къ идиллическому жанру. Это общее положеніе примѣнимо какъ нельзя болѣе къ Италіи XVI в., въ которой развилась впервые въ значительныхъ размѣрахъ сентиментальность новаго времени. Въ Италіи быстрому движенію цивилизаціи впередъ сопутствовали возраставшая порча нравовъ и искусственность жизни, а чѣмъ болѣе удалялись отъ простоты, тѣмъ въ большей степени выникало въ силу реакціи влеченіе къ идилліи [1]), не наивной, а сентиментальной [2]). По словамъ Шиллера, „всѣ мы безъ различія, при всемъ огромномъ удаленіи нашемъ отъ простоты и истины природы, невольно приближаемся къ ней въ идеѣ". „Для человѣка, отклонившагося разъ отъ естественной простоты и вдавшагося въ опасный путь своего разума, чрезвычайно важно снова взглянуть на законодательство природы во всей чистотѣ его, и посредствомъ этого вѣрнаго зеркала снова очиститься отъ порчи искусства". Оттуда-то и въ Италіи XVI в. сентиментальное влеченіе къ природѣ и наивному, вполнѣ отчетливо выраженное въ „proemio" къ Аркадіи Саннацаро [3]).

Этотъ сентиментальный поштбъ итальянской поэзіи XVI в. долженъ былъ найти яркое выраженіе въ поэзіи Тассо, какъ долженъ былъ найти въ ней опору и рыцарскій идеализмъ въ силу особаго предрасположенія Тассо къ тому и другому. Мы видѣли, что въ Тассо глубоко укоренилось чувство, не разъ смущающее человѣка новаго

---

[1]) О томъ, какъ возникаетъ влеченіе къ пастушеской идилліи, прекрасно говоритъ Шиллеръ въ статьѣ «Über naive und sentimentalische Dichtung» (см. стр. 390 и слѣд. р. перевода — въ III-мъ т. «Полн. собр. соч. Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей)».

[2]) Разъясненіе того, что интересъ къ наивному—сентиментальный, см. *Tomaschek K.*, Schiller in seinem Verhältniss zur Wissenschaft, Wien 1862, S. 328.

[3]) Въ этомъ «proemio» авторъ «mostra qnanto più diletto alcune volte arrechi all'uomo una cosa rozza, naturalmente fatta, che una pulita, e fabbricata con artifizio». Изъ этого общаго положенія поэтъ выводитъ и свое намѣреніе изобразить Аркадію. «Sogliono il più delle volte gli alti, e spaziosi alberi negli otridi monti dalla natura produtti, più che le coltivate piante, da dotte mani espurgate negli adorni giardini, a'riguardanti aggradare; e molto più per li soli boschi i salvatichi uccelli sovra i verdi rami cantando, a chi gli ascolta piacere, che per le pien cittadi dentro le vezzose ed ornate gabbie non piacciono gli ammaestrati. Per la qual cosa ancora (siccome io stimo) addiviene, che le silvestre canzoni vergate nelle ruvide corteccie de'faggi dilletino non meno a chi legge, che li colti versi scritti nelle rase carte degli indorati libri; e le incerate canne de' pastori porgano per le fiorite valli forse più piacevole suono, che li tersi e pregiati bossi de' musici per le pompose camere non fanno». Le tre Arcadie ovvero Accademie pastorali di messer Jacopo Sannazaro del canonico Benedetto Menzini e del signor Abate Michel Giuseppe Morei. Raccolte per la sec. volta etc. In Ven. MDCCLXXXIV, p. 7—8. Ср. начало статьи Шиллера о наивной и сентиментальной поэзіи. Новаго изданія «Аркадіи» (Biblioteca di autori Italiani, Vol. I. M. Scherillo, Arcadia di Jacopo Sannazaro, Torino 1888) мы не видѣли.

Digitized by Google

времени, чувство дуализма нашего бытія, обусловленное меланхолическимъ противоположеніемъ внѣшняго міра міру нашихъ идеальныхъ помысловъ, — чувство скорби, которая вытекаетъ изъ столкновенія правъ духа, вѣчно заявляющихъ себя, — съ противоположными влеченіями; а при такомъ настроеніи, является особое отношеніе къ природѣ, и воображеніе увлекается картинами жизни, близкой къ природѣ и находящейся въ гармоніи съ вѣчными и неизмѣнными законами, властвующими въ природѣ.

Тассо со свойственною ему мечтательностію не могъ не поддаться грезамъ о первобытной пастушеской жизни. Воображенію его должна была рисоваться въ привлекательномъ видѣ идиллическая обстановка полуфантастическаго пасторальнаго міра, въ который переносило поэта и чтеніе древнихъ писателей и созерцаніе драматическихъ сценъ изъ пастушескаго быта, вошедшихъ въ моду въ Италіи. И такъ, возсоздавая въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ идеальный міръ рыцарства, невозможность возстановленія котораго въ современной поэту дѣйствительности была очевидна даже для Тассо [1]), не безъ грусти потому представлявшаго себѣ этотъ міръ, поэтъ одновременно [2]) увлекся и другою поэтическою мечтою и въ два мѣсяца написалъ пастушескую драму, въ которой изобразилъ не вѣкъ закованныхъ въ желѣзо рыцарей, а идиллическій золотой вѣкъ отдаленнѣйшей старины. Легко и свободно развернулось его творчество въ этомъ произведеніи, на что указываетъ самая быстрота возникновенія драмы. Видно, что Тассо въ моментъ творчества вполнѣ отдался своему вдохновенію, не руководясь тѣми правилами и теоретическими соображеніями, которыя постоянно принималъ въ разсчетъ въ своемъ „Іерусалимѣ“. Видно также, что въ „Аминта“ (имя главнаго дѣйствующаго лица пьесы) онъ вложилъ много своей души и собственныхъ идеальныхъ порывовъ, которые влекли его въ тѣсно ограниченный міръ личнаго чувства.

Этотъ міръ былъ дорогъ поэту съ юныхъ лѣтъ [3]). Тассо прошелъ всѣ ступени любовнаго энтузіазма начиная съ юношескаго эпику-

---

[1]) См., напр., стихотвореніе Тассо: «L'arme e l'Duce cantai, che per pietate» ec.

[2]) Представлена была «Аминта» въ Феррарѣ въ 1573 г., а напечатана лишь въ 1581 г.

[3]) Въ діалогѣ «Constantino ovvero della Clemenza» Тассо сознается, что «la sua giovinezza fu tutta sottoposta all'amorose leggi». Характерны и сюжетъ первой поэмы Тассо и обстоятельства ея возникновенія. Тассо такъ говоритъ объ этомъ возникновеніи:

Digitized by Google

реизма [1]), и мечталъ, наконецъ, о семейномъ счастьи, о томъ, чтобы ему досталась радость взаимной любви безъ тѣхъ страданій, какія пришлось вынести Аминту:

Me la mia ninfa accoglia
Dopo brevi preghiere e servir breve;
E siano i condimenti
Delle nòstre dolcezze
Non si gravi tormenti,
Ma soavi disdegni,
E soavi ripulse,
Risse e guerre a cui segua,
Reintegrando i cori, o pace o tregua (пѣснь хора въ V актѣ „Aminta").

Съ другой стороны, въ началѣ драмы Дафна, увѣщевая Сильвію не удаляться отъ любви, указываетъ также на радости материнскаго счастія:

Nè'l *dolce nome di madre* udirai?
Nè intorno ti vedrai vezzosamente
Scherzare i *figli pargoletti?* Ah, cangia,
Cangia, prego, consiglio,
Pazzerella che sei (Am., a. I, sc. I).

Così scherzando io risuonar già fea
Di Rinaldo *gli ardori e i dolci affanni*,
Allor che ad altri studi il dì togliea
Nel quarto lustro ancor de'miei verd'anni;
Ad altri studi, onde per speme avea
Di ristorar d'avversa sorte i danni;
Ingrati studi, dal cui pondo oppresso
Giaccio ignoto ad altrui, grave a me stesso.

[1]) См., напр., сонетъ къ Phillis, въ подлинности котораго сомнѣвался Ginguené:

Odi, o Filli, che tuona; odi che in gelo
Il vapor di lassù converso piove;
Ma che curar dobbiam che faccia Giove?
Godiam noi qui, s'egli è turbato in cielo.
Godiamo amando, e un dolce ardente zelo
Queste gioje notturne in noi rinnove;
Tema il volgo i suoi toni e porti altrove
Fortuna o caso il suo fulmineo telo....
Pera il mondo e ruini; a me non cale,
Se non di quel che più piace e diletta;
Che se terra sarò, terra ancor fui.

Digitized by Google

Въ „Аминтѣ“ вылились помыслы о любви внѣ того сцѣпленія событій, которое требовалось въ эпосѣ правилами, принятыми Тассо. Въ „Аминтѣ“ ходомъ дѣйствія заправляютъ не выше человѣка стоящія силы, какъ въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, и судьба влюбленныхъ не связана съ ходомъ тѣхъ или иныхъ общихъ событій, полагающихъ немало внѣшнихъ преградъ тому счастію, которое могло бы быть принесено единеніемъ сердецъ; въ „Аминтѣ“ главнымъ двигателемъ событій, обусловливающимъ личное счастіе, является сердце: лишь только Сильвія прониклась тою же любовью, какою давно уже было влекомо къ ней сердце Аминта, наступило для обоихъ влюбленныхъ полное счастье, осуществленія котораго не найти въ „Освоб. Іерус.“. Мы видѣли, что для нѣкоторыхъ героевъ и героинь „Освобожденнаго Іерусалима“ такое счастіе виднѣется лишь въ перспективѣ, открывающейся для Софроніи и Олинда, для Ринальдо и Армиды и, можетъ быть, для Танкреди и Эрминіи, а у другихъ счастіе это (вспомнимъ Одоардо и Гильдиппу) или возможность его (вспомнимъ Клоринду) были отняты безжалостной спутницей войны,—смертью. Такимъ образомъ, въ „Аминтѣ“ выступаетъ съ полной свободой идеализація взаимной любви внѣ тѣхъ или иныхъ препонъ въ общественныхъ отношеніяхъ, — идеализація, которая не могла найти простора въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, хотя и проскальзываетъ тамъ [1]).

Итакъ въ своей пастушеской драмѣ Тассо явился талантливымъ выразителемъ того теченія итальянскаго Возрожденія, которое имѣло внѣшнимъ исходнымъ пунктомъ буколическія произведенія древней поэзіи, а внутренно обусловливалось послѣдовательнымъ развитіемъ новоевропейской сентиментальности. Сентиментальность вторглась и въ эпосъ (уже въ XV в. у Боярдо), но искала вмѣстѣ съ тѣмъ для себя особой, вполнѣ самостоятельной, области и нашла ее съ конца XV в. въ пастушеской поэзіи. Тассо оказывается въ „Аминтѣ“ всецѣло поэтомъ итальянскаго Возрожденія и однимъ изъ выдающихся представителей того творчества, которое было по преимуществу порожденіемъ древней и новой Италіи въ лицѣ Ѳеокрита, Вергилія и ново-итальянскихъ авторовъ пастушескихъ произведеній. Тассо примыкаетъ въ „Аминтѣ“ съ одной стороны къ древнимъ

[1]) Слѣдовательно, мы не видимъ того противорѣчія между концепціями «Аминта» и «Освобожденнаго Іерусалима», какое усматривалъ Canello (p. 243).

Digitized by Google

поэтамъ [1]), а съ другой къ своимъ ближайшимъ — Феррарскимъ — предшественникамъ [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ себя поэтомъ могучаго таланта, творчески и вполнѣ оригинально претворяющимъ заимствованный матеріалъ и вносящимъ въ него богатый вкладъ своего самобытнаго духа. Ясно отсюда отношеніе „Аминта“ къ „Освобожденному Іерусалиму“ и значеніе перваго по сравненію съ послѣднимъ. Въ своей поэмѣ Тассо воспѣлъ и пытался оживить умиравшую рыцарственность; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался приспособить средневѣковую романтику къ теоретическимъ воззрѣніямъ Возрожденія, введши ее въ рамки эпопеи, и къ новому направленію чувства, вдохнувъ въ средневѣковыхъ героевъ любовную сентиментальность новаго времени. Всѣмъ этимъ дѣятельность Тассо на поприщѣ эпоса сводилась къ *завершенію* творчества, для котораго вторая половина XVI в. была послѣднимъ періодомъ въ длинномъ ходѣ развитія. Въ „Аминтѣ“ же Тассо воспринялъ для *дальнѣйшаго* развитія то отчасти средневѣковое наслѣдіе, которому суждено было долго еще быть въ обращеніи. Вѣдь сентиментальности, развившейся на почвѣ рыцарственности, пред-

---

[1]) Приведемъ наблюденіе, честь первой формулировки котораго оспаривали другъ у друга трое итальянскихъ писателей, и которое впервые высказалъ, повидимому, Parini (см. *Corniani*, I secoli della letteratura italiana, vol. VI, Brescia MDCCCXIX, p. 215—216):... «ebbe cura di andare imitando negli eccellenti Greci e massimamente Anacreonte, in Mosco, in Teocrito certe figure, certi traslati, certe immaginette, derti vezzi in somma che sembrano affatto naturali, e pure sono artificiosissimi e delicati; nella quale imitazione il Tasso fu veramente maraviglioso, perciocchè non ricopiò già egli, nè troppo da vicino imitò, ma sul tronco delle greche bellezze innestò, per così dire, le sue proprie e quelle della sua lingua»..... — Кромѣ заимствованій, указанныхъ въ приведенныхъ словахъ, есть у Тассо и другія. Такъ, напр., подробность о томъ, какъ любовь была усилена поцѣлуемъ, заимствована изъ Ахилла Тація. Ginguené, VI, 344—345; Dunlop-Liebrecht, 17.

[2]) Bapt. *Guarini* въ своемъ «Compendio della poesia tragicomica», изданномъ отъ лица Duo Verati (мы пользовались довольно рѣдкимъ изданіемъ: Compendio della poesia tragicomica, tratto dai dvo Verati, Per opera dell' Autore del Pastor Fido, Colla giunta di molte cose spettanti all'arte,In Venet., M. DCIII), называетъ изобрѣтателемъ пасторальной эклоги въ новое время Agostin-a de Beccari honorato Cittadin di Ferrara, da cui solo dè riconoscere il mondo la bella inuenzione di tal poema. По словамъ Guarini, Beccari въ своемъ изобрѣтеніи руководился примѣромъ *Pompe di Adone* Θеокрита и свѣдѣніями о развитіи драмы, найденными у Аристотеля и Діогена Лаэрція, и развилъ въ цѣльную драматическую фабулу тѣ зачатки, которые были до него. Тассо потомъ ввелъ еще хоръ. La'nuenzione è poi stata con tanto applauso riceuuta dal mondo, et si felicemente autenticata in Parnaso, che i primi trouatori del nostro secolo, e spezialmente il sopranominato Torquato Tasso, *il qual non può negare d'essere stato nel suo bellissimo Aminta imitator del Beccari;* si son recati à gran pregio, non solo lo'mpiegarui lo'opere loro, ma il cõseguirne ancora, o sperarne almeno sourano onore, & lode di poesia (p. 50—51). *Camerini* (I drammi de' boschi e delle marine etc., Milano 1874, p. 5) вслѣдъ за Serassi повторяетъ что Тассо написалъ «Аминта» не столько подъ вліяніемъ *Sacrificio* Беккари (1554), сколько подъ вліяніемъ *Sfortunato*, написаннаго въ 1567 г. Agostino-мъ degli Arienti.

Digitized by Google

стояла будущность, и Тассо, ярко выразивъ ее въ своей пастушеской драмѣ, былъ не завершителемъ, а лишь однимъ изъ самыхъ видныхъ распространителей ея.

Послѣ этихъ замѣчаній о генезисѣ пасторали Тассо обратимся къ разсмотрѣнію самой драмы. Въ ней, какъ въ большинствѣ произведеній пастушеской поэзіи, нечего искать правдиваго изображенія дѣйствительнаго первобытнаго міра. Міръ лицъ, дѣйствующихъ въ пастушеской драмѣ Тассо,—особый міръ, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ Амуру. Богъ любви, нисшедши на землю, облекся въ пастушескую одежду и возвѣщаетъ въ прологѣ, что намѣренъ заявить свое присутствіе тою перемѣною, которую произведетъ въ жителяхъ посѣщеннаго имъ мѣста:

Spirerò nobil sensi a'rozzi petti;
Raddolcirò nelle lor lingue il suono;
Perchè, ovunque i'mi sia, io sono Amore
Ne' pastori non men, che negli eroi;
E la disagguaglianza de' soggetti
Come a me piace, agguaglio.... (Prol.).

Хоръ затѣмъ въ теченіе всего дѣйствія драмы нерѣдко поетъ какъ бы гимны въ честь Амура и любви. Соотвѣтственно тому и пастушки Тассо—не изъ обыкновенныхъ: они обращаютъ вниманіе не столько на стада, сколько на чувствованія своего сердца. Это пастушки героическаго міра, благородные, „uomini cortesi", видимо подпавшіе вліянію Амура, который обѣщалъ въ прологѣ внушить благородныя чувствованія грубымъ сердцамъ. Какъ скоро они проникаются любовью, она до такой степени овладѣваетъ ихъ существомъ, что жизнь имъ не мила безъ любимой личности, и они готовы покончить съ собою. Представителемъ грубой чувственности является лишь сатиръ. Чувственность прорывается также въ рѣчахъ остальныхъ лицъ, но она наивна, не есть проявленіе развращенности и не выходитъ изъ предѣловъ реализма древней пасторали въ родѣ Лонговой [1]). Вообще

[1]) См. въ 1-й сценѣ III-го акта разсказъ о томъ, какъ Аминтъ смотрѣлъ на привязанную къ дереву Сильвію. Во 2-й сценѣ 3-го акта Дафна говоритъ Аминту, спасшему изъ рукъ сатира Сильвію, которая, обнаженная, была привязана къ дереву:

Quanto che sia, fia premio della speme,
Se vivendo e sperando ti mantieni,
Quel che vedesti nella bella ignuda.

Digitized by Google

въ пастушескомъ обществѣ Тассо господствуетъ непринужденность, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствованія благородны и выражаются со всею силою души. Вслѣдствіе того личности пастушеской драмы должны были представлять значительный интересъ для зрителей, принадлежавшихъ къ знатному обществу. Въ частности въ Феррарѣ могли заинтересовывать и личные намеки, вошедшіе въ пьесу Тассо, и имѣвшіе отношеніе къ тому кругу, въ которомъ вращался поэтъ [1]); знакомой должна была казаться и обстановка драмы, такъ какъ дѣйствіе послѣдней представлено совершающимся въ окрестностяхъ Феррары. Въ этомъ Тассо можетъ быть сближенъ съ Боккаччіо и вообще оказывается поэтомъ итальянскаго Возрожденія, не разъ (начиная съ Данте) сливавшаго въ одной картинѣ древнее съ новымъ безъ разграниченія того и другого. Повторяемъ, міръ, изображенный въ „Аминтѣ“,—какой-то особый міръ, исполненный прелести отдаленнѣйшей старины, и въ то же время вполнѣ близкій зрителямъ XVI в. по тѣмъ чувствованіямъ, которыми воодушевляется.

Весь интересъ въ пьесѣ сосредоточенъ на постепенномъ развитіи взаимной привязанности пастушка Аминта и нимфы Сильвіи. Аминтъ, съ дѣтства знавшій Сильвію, давно любитъ ее, но сердце его не встрѣчаетъ отклика, потому что Сильвія дорожитъ болѣе всего своею свободой. По признанію, которое впослѣдствіи слышимъ

Amin. Non pareva ad Amor e a mia Fortuna,
Ch'appien misero fossi, s'anco appieno
Non m'era dimostrato
Quel che m'era negato.

Ранѣе та же Дафна, подруга Сильвіи, внушаетъ Тирси посовѣтовать Аминту образъ дѣйствій, отличный отъ того, котораго придерживался дотолѣ почтительный пастушокъ (a. II, sc. II):

.....Chi imparar vuol amore,
Disimpari il rispetto: osi, domandi,
Solleciti, importuni, alfine involi;
E se questo non basta, anco rapisca.
Or, non sai tu com'è fatta la donna?
Fugge, e fuggendo vuol ch'altri la la giunga;
Niega, e negando vuol ch'altri si toglia;
Pugna, e pugnando vuol ch'altri la vinca.

Въ этихъ и послѣдующихъ совѣтахъ слышимъ взглядъ на женщину, который объясняется отчасти характеромъ итальянской женщины и семейной жизни въ Италіи въ XIV—XVI вв.

[1]) Въ пьесѣ Тассо много намековъ на ближайшую къ нему современность, на Феррарскій дворъ, на современныхъ поэтовъ. Между проч., въ Эльпинѣ изображенъ Пигна, самъ Тассо изображенъ подъ именемъ Тирси, друга Аминтова. Нѣкоторые готовы видѣть и въ «Аминтѣ» отголоски сердечныхъ отношеній поэта.

Digitized by Google

изъ ея устъ, ея „onestate fu troppo severa e rigorosa". Она, „dispettosa giovinetta",

Dai piaceri di Venere lontana,

считала бы врагомъ всякаго, кто полюбилъ бы ее, такъ какъ для нея онъ былъ бы „insidiator di virginitate". Дафнѣ, убѣждающей иначе относиться къ любви, Сильвія говоритъ (A. I, sc. I):

Altri segua i diletti dell'amore,
Se pur v'è nell'amore alcun diletto:
Me questa vita giova; e'l mio trastullo
È la cura dell'arco e degli strali,
Seguir le fere fugaci, e le forti
Atterrar combattendo: e se non mancano
Saette alla faretra, o fere al bosco,
Non tem'io che a me manchino diporti.

Аминтъ, томно влюбленный въ Сильвію пастушокъ, по отзыву его друга, „rispettoso e fuor di modo"; онъ хотѣлъ бы преодолѣть холодность Сильвіи лишь силою своего постоянства въ любви „servendo, amando, piangendo, e sospirando"; какъ новый Орфей, онъ находитъ единственное облегченіе, изливая свое горе въ дивныхъ звукахъ свирѣли въ пещерѣ „dell saggio Elpino"; тамъ онъ

.....sovente suole
Raddolcir gli amarissimi martiri
Al dolce suon della sampogna chiara,
Ch'ad udir trae dagli alti monti i sassi
E correr fa di puro latte i fiumi,
E stillar mele dalle dure scorze (A. III, sc. I).

Таковы главныя лица, на которыхъ сосредоточивается вниманіе зрителя. Дѣйствія въ пьесѣ, развивающаго отношенія этихъ лицъ, немного, и оно отличается значительною простотою. Первое мѣсто принадлежитъ рѣчамъ, полнымъ лиризма; многія событія совершаются за сценою и передаются лишь въ разсказѣ. Аминтъ, по внушенію Тирси, своего друга, послушавшагося въ этомъ случаѣ совѣта Дафны и убѣждающаго быть энергичнѣе въ обращеніи съ Сильвіей, нерѣшительно идетъ съ Тирси къ тому мѣсту, гдѣ должны были купаться Дафна и Сильвія, слышитъ жен-

Digitized by Google

скій вопль, видитъ Дафну, кричащую: „Ah correta; Silvia è sforzata“, бѣжитъ и наталкивается на сатира, который питалъ-было недобрыя намѣренія касательно Сильвіи. Аминтъ обращаетъ въ бѣгство сатира и начинаетъ распутывать Сильвію, но она, лишь только пастушокъ освободилъ ея руки, кричитъ презрительно:

Pastor, non mi toccar; son di Diana:
Per me stessa saprò sciogliermi i piedi.

Потомъ послѣ долгихъ усилій ей удалось вполнѣ отвязать себя отъ дерева, къ которому крѣпко привязалъ ее сатиръ при помощи ея волосъ, ея пояса и древесныхъ вѣтвей,

E sciolta appena, senza dire, Addio,
A fuggir cominciò com'una cerva.

Аминтъ желаетъ лишить себя жизни, не вѣря уже въ то, что когда-нибудь Сильвія станетъ благосклоннѣе къ нему, Дафна же не допускаетъ Аминта до самоубійства и старается поддержать въ немъ надежду. Въ этотъ моментъ нимфа Нерина возвѣщаетъ, что Сильвія, послѣ приключенія съ сатиромъ, приняла участіе въ охотѣ на волковъ; ранивъ волка, она устремилась въ погоню за нимъ; послѣдовавшая за Сильвіею Нерина нашла окровавленное покрывало ея и увидѣла 7 разъяренныхъ волковъ возлѣ какихъ-то костей и крови, а также копье Сильвіи, но, что постигло послѣднюю, Нерина не видѣла. Аминтъ думаетъ, что Сильвія погибла, вновь рѣшается прекратить свою жизнь и убѣгаетъ. Между тѣмъ оказалось, что Сильвія осталась въ живыхъ: она ускользнула отъ волка, бросивъ дорогой свое покрывало. Выслушавъ разсказъ Сильвіи о томъ, ей сообщаютъ, что случилось съ Аминтомъ. Дафна упрекаетъ Сильвію въ безсердечіи, и въ душу послѣдней проникаетъ скорбь. Гордая Сильвія плачетъ, и Дафна въ этомъ состраданіи усматриваетъ уже „messagiera dell'amore“. Сильвія заявляетъ потомъ, что готова пожертвовать даже своею жизнію для спасенія Аминта. Слѣдуетъ длинный разсказъ Эргаста о томъ, какъ провелъ свои послѣднія минуты Аминтъ прежде, чѣмъ низвергся со скалы въ пропасть. Сильвія не предаетъ себя тотчасъ же смерти лишь потому, что желаетъ собрать и погребсти останки Аминта. Она прощается съ пастухами, говоритъ addio лѣсамъ и рѣкамъ, и уходитъ съ Дафной разыскивать тѣло Аминта. Въ V-мъ актѣ Эльпинъ

Digitized by Google

сообщаетъ, что Аминтъ, при паденіи съ высокой скалы, попалъ на заросли, бывшія на ея откосѣ и вырвавшіяся при этомъ, и благодаря имъ остался живъ, хотя лишился совсѣмъ чувствъ. Подоспѣвшая Сильвія оросила его потоками слезъ,

.....e fu quell'acqua
Di cotanta virtù, ch'egli rivenne.

Кто можетъ описать то, что переживали тогда Аминтъ и Сильвія, говоритъ Эльпинъ.

Chi è servo d'Amor, per sè lo stimi:
Ma non si può stimar, non che ridire.

Какъ можно видѣть изъ этого краткаго пересказа „Аминта", поэтъ велъ все дѣйствіе къ тому, чтобы прославить тріумфъ любви вѣрнаго до готовности умереть пастушка. Онъ хотѣлъ показать, какъ въ душѣ Сильвіи совершился переворотъ, послѣ котораго ея сердце воспылало такою же любовью, какою давно уже томился Аминтъ. Сильвія является дѣвушкой того же типа, что и Софронія: вначалѣ она глуха ко всѣмъ внушеніямъ любви, отгоняетъ отъ себя мысль о послѣдней, но, увидѣвъ всю силу любви, которая одушевляла ея обожателя, не захотѣвшаго жить по полученіи вѣсти о смерти милой, сама исполняется такого же пламеннаго чувства, и тогда для обоихъ влюбленныхъ наступаетъ полное счастіе — то счастіе, которое можетъ доставить только любовь. Уже въ первой сценѣ драмы Дафна, знающая жизнь, знакомая съ тайнами природы и сердца, убѣждая Сильвію отстать отъ упорнаго сопротивленія любви, указываетъ на то, что все въ мірѣ живетъ любовью, животныя, растенія.... [1]). Что болѣе благъ, обусловленныхъ любовью, возвышаетъ насъ къ Божеству? слышимъ затѣмъ въ одной изъ интермедій Аминта. Эта интермедія — гимнъ во славу „священныхъ законовъ любви и натуры", соединяющихъ два существа крѣпкими узами чистой вѣрности и прекрасныхъ стремленій; иго этихъ узъ пріятно и бремя легко, сладостно при нихъ человѣческое общеніе, два организма составляютъ одно сердце и одну душу, и благодаря тому

---

[1]) Ср. выше стр. 153. Нѣкоторые готовы усматривать въ этихъ поэтическихъ указаніяхъ любви въ природѣ вліяніе Платона. Ср. въ пьесѣ Ongaro Alceo.

Digitized by Google

.. ..sempre si gioisca ed ami
Sino all'amara ed ultima partita;
Gioia, conforto e pace
Della vita fugace;
Del mal dolce ristoro, et alto obblío;
Chi più di voi ne riconduce a Dio?

Съ этой интермедіей слѣдуетъ сопоставить пѣсни хора, и тогда станетъ вполнѣ понятна основная мысль пастушеской драмы Тассо. Въ одномъ изъ своихъ возглашеній хоръ говоритъ, что

....amore è merce, e con amar si merca
E cercando l'amor, si trova spesso
Gloria immortale appresso (A. III, Coro).

Въ другомъ обращеніи, усвоя любви великое объединяющее значеніе, хоръ такъ взываетъ къ Амуру:

Ciò che Morte rallenta, Amor restringi.....
E mentre due bell'alme annodi e cingi,
Così *rendi sembiante al ciel la terra,*
Che d'abitarla tu non fuggi o sdegni....
Sgombri mille furori,
E quasi fai, col tuo valor superno,
Delle cose mortali un giro eterno (Конецъ IV-го акта).

Развязка пьесы какъ бы подтверждаетъ все то, что слышимъ въ ней въ похвалу Амуру. Свѣтлая будущность открылась для влюбленныхъ, души которыхъ соединило, наконецъ, взаимное влеченіе:

Pari è l'età, la gentilezza è pari,
E concorde il desío..... [1])

Аминтъ былъ счастливъ:

Felice lui, che si gran segno ha dato
D'amore, e dell'amor il dolce or gusta (A. V).

Ясно изъ всего этого, что Тассо имѣлъ въ виду драматически представить муки и увѣнчивающія ихъ радости любви, охватывающей всецѣло человѣка, и вмѣстѣ возвеличить романтическую любовь, любовь непод-

1) Ср. приведенныя выше на стр. 155 мысли Тассо о семейной жизни.

Digitized by Google

дѣльную, безграничную и беззавѣтную, являющуюся прочнымъ залогомъ семейной жизни,

.....che prolunga
Il concorde voler d'ambidue loro.

Италія, почти не имѣвшая своего рыцарства и рыцарскаго періода, рѣдко видѣла такую любовь (любовь Данте и Петрарки—совсѣмъ иного характера), и въ XVI стол. менѣе чѣмъ когда-либо знала ее въ дѣйствительности. Тассо, какъ намъ извѣстно, не разъ среди повѣствованій о бояхъ подъ Іерусалимомъ, удалялся въ сторону, увлекаемый чарующими картинами такой любви, но тамъ онъ не имѣлъ надлежащаго простора, гдѣ могла бы развернуться во всей чистотѣ романтическо-идиллическая любовь. Тассо нашелъ такой просторъ въ совершенно иной обстановкѣ, въ тиши лѣсовъ, подъ сѣнію пастушескихъ хижинъ. Тамъ, по мнѣнію Тассо, возможна истинная любовь въ тѣхъ сердцахъ, которыя *чисты* и не испорчены вліяніемъ городовъ. Встарь

....non erano già le pastorelle
Nè le ninfe si accorte; nè io tale
Fui in mia fanciulezza,

говоритъ Дафна. Тирси на то ей отвѣчаетъ:

.....Forse allora
Non usavan sì spesso i cittadini
Nelle selve e nei campi, nè sì spesso
Le nostre forosette aveano in uso
D'andare alla cittade. Or son mischiate
Schiatte e costumi (A. II, sc. II).

Нѣсколько раньше (въ концѣ 1-го акта) хоръ прославляетъ въ знаменитомъ воззваніи золотой вѣкъ („bella età dell'oro“) не за физическія блага, которыя человѣкъ находилъ въ природѣ того времени, а за приволье жизни, не стѣсняемое тиранскими предписаніями того безсмысленнаго идола, который именуется Onor—честью [1]). Поэтъ

[1]) .....quel vano
Nome senza soggetto,
Quell' idolo d'errori, idol d'inganno;
Quel che dal volgo insano
Onor poscia fu detto
(Che di nostra natura 'l feo tiranno...)

Digitized by Google

устами хора противопоставляетъ въ этомъ отношеніи нынѣшній вѣкъ вѣку золотому и все преимущество находитъ на сторонѣ послѣдняго. Въ блаженное время золотого вѣка честь не примѣшивала боязни къ радости толпы, охваченной любовью, и суровый законъ чести не властвовалъ надъ душами, привыкшими къ свободѣ: онѣ знали лишь свѣтлый и приносящій счастье законъ, начертанный природой: *то, что доставляетъ удовольствіе, позволительно.* Поэтъ рисуетъ затѣмъ обольстительную картину непринужденности и отсутствія этикета въ отношеніяхъ влюбленныхъ пастушковъ и нимфъ [1]). Все это исчезло съ той поры, какъ Onor скрылъ источникъ наслажденій, обрекши на томленіе любовною жаждой, пріучивъ сдерживать блескъ очей e tener lor bellezze altrui secrete, связывать распускающіяся пряди волосъ, и обратилъ пріятное и рѣзвое обхожденіе въ строптивое и рѣзкое, наложивъ узду на слова, внесши искусственность въ поступки.

Opra è tua sola, o Onore,
Che furto sia quel che fu don d'Amore;
E son tuoi fatti egregi
Le pene e i pianti nostri,

говоритъ хоръ, съ упрекомъ обращаясь къ Onore. Хоръ приглашаетъ затѣмъ этого повелителя любви и натуры (d'Amore e di Natura donno) оставить невзрачныя обиталища; пусть онъ смущаетъ покой славныхъ и могучихъ;

Noi qui, negletta e bassa
Turba, senza te lassa
Viver nell'uso dell'antiche genti.

Заканчиваетъ хоръ призывомъ къ любви, такъ какъ человѣческая жизнь не стоитъ и быстро проходитъ,—призывомъ, который, какъ мы видѣли [2]), подобенъ раздававшемуся въ садахъ Армиды.

---

[1]) Allor tra fiori e linfe
Traean dolci carole
Gli Amoretti, senz'archi e senza faci:
Sedean pastori e ninfe,
Meschiando alle parole
Vezzi e susurri, ed ai susurri i baci
Strettamente tenaci:
La verginella, ignude
Scopría sue fresche rose
Ch'or tien nel velo ascose,
E le poma del seno acerbe e crude:
E spesso o in fiume o in lago
Scherzar si vide coll'amata il vago.

[2]) См. стр. 165.

Digitized by Google

Въ приведенномъ одушевленномъ воззваніи хора яркое, картинное изображеніе соединено съ увлекательнымъ лиризмомъ, и нельзя здѣсь усматривать одну реторику, одно болѣе или менѣе холодное повтореніе того, что было вычитано въ идиллическихъ картинахъ древнихъ поэтовъ. Возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣть на этотъ актъ творчества Тассо: имѣемъ ли мы предъ собою лишь вымыселъ, съ которымъ поэтъ, по присущему ему свойству, всецѣло слился, на время перенесшись въ него всей душой въ мигъ вдохновенья, или же предъ нами яркое обнаруженіе затаенныхъ грезъ, не разъ посѣщавшихъ поэта? Трудно прозрѣвать смыслъ поэтическихъ вымысловъ, заглядывая въ душу поэта, но въ настоящемъ случаѣ, при существованіи значительнаго количества данныхъ о характерѣ, жизни и творчествѣ Тассо, кажется, возможно избѣжать искаженія помысловъ поэта, въ которое нерѣдко можетъ впасть критика. Итакъ, попытаемся рѣшить, насколько самъ Тассо увлекался нарисованною имъ заманчивою картиною золотаго вѣка и насколько онъ вѣрилъ въ ея возможность?

Врядъ ли можетъ быть рѣчь о полномъ наивномъ увлеченіи со стороны Тассо тѣмъ пастушескимъ міромъ, который онъ изобразилъ. Нельзя не замѣтить доли болѣе или менѣе умышленнаго преувеличенія и въ разукрашеніи золотаго вѣка и въ восторгѣ, который вызываетъ этотъ вѣкъ. Мы не должны принимать за чистую монету все то, что получаемъ здѣсь отъ Тассо. Тотъ поэтъ, который направился

.....per là dov'è 'l felice albergo,
Quindi uscian fuor voci canore e dolci
E di Cigni e di Ninfe e di Sirene,
Di Sirene celesti [1]); e n'uscian suoni
Soavi e chiari, e tanto altro diletto.., [2]);

поэтъ, который, attonito, godendo ed ammirando, восхищался откры-

---

[1]) Мы видѣли, какое аллегорическое значеніе соединялъ Тассо съ образомъ Сиренъ въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ"; поминаются Сирены и въ лирикѣ Тассо; въ цитуемыхъ стихахъ „Аминта" увлекательныя Феррарскія Сирены отличены отъ Сиренъ Армиды эпитетомъ „celesti".

[2]) Не только прежніе ученые, но и современные знатоки, спеціально и вполнѣ критически изучающіе жизнь и произведенія Тассо, какъ, напр., Solerti, усматриваютъ въ приведенныхъ мѣстахъ „Аминта" (A. I, sc. II) прямые намеки на Феррарскій дворъ и на прибытіе къ нему Тассо.

Digitized by Google

щимся предъ нимъ блестящимъ зрѣлищемъ двора,—которому казалось, что онъ увидѣлъ богинь, нимфъ, новыхъ Линовъ и Орфеевъ,

.....ed altre ancora,
Senza vel, senza nube, e quale e quanta
Agl'immortali appar vergine Aurora,
Sparger d'argento e d'or rugiade e raggi
E, fecondando, illuminar d'intorno
.....Febo e le Muse;

поэтъ, который самъ говоритъ намъ:

.....ed in quel punto
Sentii me far di me stesso maggiore,
Pien di *nova virtù*, pieno di nova
Deïtade; e *cantai guerre ed eroi*,
Sdegnando pastoral ruvido carme [1]);
E sebben poi (come altrui piacque) feci
Ritorno a queste selve [2]), io pur *ritenni*
Parte di quello spirto: nè già suona
La mia sampogna umil, come soleva;
Ma di voce più altera e più sonora,
Emula delle trombe, empie le selve;

такой поэтъ не могъ всецѣло отрѣшиться отъ обаянія двора, при которомъ, подобно Тирси, нашелъ столько обольстительныхъ приманокъ, забывъ предостереженія Мopso [3]); онъ не могъ въ такой мѣрѣ жаждать уединенія, какъ жаждалъ его Руссо, который, впрочемъ, не нашелъ покоя и въ лѣсу Montmorency, гдѣ писалъ Новую Элоизу. Быть можетъ, также не безъ задней мысли Тассо возводилъ строптивость Сильвіи къ тлетворному вліянію новѣйшей городской культуры [4]). Но, при всемъ томъ, мы должны признать и немало

---

[1]) Очевидно, поэтъ разумѣетъ „Освобожденный Іерусалимъ", надъ которымъ работалъ въ Феррарѣ.

[2]) Намекъ на то, что поэтъ отвлекся на время отъ своей поэмы и удалился (въ переносномъ смыслѣ) въ лѣса, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе „Аминта".

[3]) Это доказываетъ вся послѣдующая жизнь Тассо: его постоянно тянуло ко дворамъ, и въ особенности въ Феррару, какъ влечетъ мотылька къ свѣту, отъ пламени котораго онъ погибнетъ.

[4]) См. во II-й сценѣ II-го акта разговоръ Дафны съ Тирси о Сильвіи. Дафна говоритъ:

.....per dirti il ver, non mi risolvo
Se Silvia è semplicetta, come pare
Alle parole, agli atti.....

Digitized by Google

безотчетной искренности во всѣхъ тѣхъ рѣчахъ, въ которыхъ слышимъ восхваленіе древней простоты нравовъ и задушевности отношеній, возможной лишь вдали отъ дворской жизни. Въ Феррарѣ Тассо лишь отчетливѣе развилъ то элегическо-идиллическое представленіе, которое складывалось въ немъ уже въ ранней юности, когда онъ писалъ „Ринальдо“ и уносился мечтой въ міръ, гдѣ жилось лучше при большей свободѣ отношеній [1]). Врядъ ли можно сомнѣваться, что Тассо въ своемъ интересѣ къ этому міру шелъ глубже знатнаго общества, которое въ теченіе трехъ съ лишнимъ вѣковъ восхищалось лишь подкрашенною пасторалью. На то, что Тассо чувствовалъ неподдѣльное влеченіе къ идилліи, указываетъ повтореніе мотивовъ ея въ различныхъ родахъ его произведеній, въ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ. На то указываетъ, далѣе, выникавшая въ немъ по временамъ мысль объ удаленіи въ сельскую обстановку [2]), а также предрасположеніе Тассо къ тихой жизни въ семьѣ, замѣтно сказывающееся въ діалогѣ его о семейной жизни, написанномъ 7 лѣтъ спустя по окончаніи „Аминта“. Изо всего, такимъ образомъ, видно, что идиллія не была для Тассо простою забавой, и въ „Аминтѣ“ онъ могъ говорить отъ полноты сердца. Нельзя считать лишь громкими фразами слышащіяся по мѣстамъ въ „Аминтѣ“ жалобы на порчу, какой подверглись нравы съ удаленіемъ отъ древней простоты и съ распространеніемъ вліянія городовъ [3]). Мы въ правѣ усматривать въ такихъ выходкахъ выраженіе задушевныхъ мыслей самого автора, который, хотя принадлежалъ къ обществу, хранившему и чтившему преданія рыцарства, не находилъ уже полнаго удовлетворенія

---

[1]) См. выше стр. 119.

[2]) Такъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ Тассо былъ заточенъ въ госпиталь св. Анны, онъ писалъ къ Гонзагѣ, жалуясь на свое несчастіе: „я пересталъ уже думать о славѣ и почестяхъ; я почелъ бы теперь за счастіе и то, если бы могъ утолить жажду, которая безпрестанно мучитъ меня, и если бы, подобно простолюдинамъ, могъ свободно проводить жизнь мою въ бѣдной хижинѣ“ и т. д. (переводъ Остолопова).

[3]) См., напр., слова сатира въ 1-й сценѣ II-го акта:

.....Ahi che le ville
Seguon l'esempio delle gran cittadi!
E veramente il secol d'oro è questo,
Poichè sol vince l'oro, e regna l'oro,

или же слова Дафны во 2-й сценѣ того же акта:

.....Il monlo invecchia
E invecchiando intristice.....

Digitized by Google

въ шумной и блестящей по внѣшности жизни итальянскихъ дворовъ XVI в. Изящество, утонченность и блескъ дворской культуры не скрыли отъ глубокаго взора поэта и отъ чутья его благороднаго сердца внутренней порчи, таившейся подъ красивою оболочкою. Чтитель отдаленнаго средневѣковаго рыцарства, Тассо не вполнѣ льнулъ своимъ сердцемъ къ позднѣйшей рыцарственности, какъ она сложилась въ Италіи, хотя и увлекался дворскою жизнью; онъ признавалъ суетнымъ условное понятіе о чести, царившее въ знатномъ обществѣ Италіи, и не замѣчалъ связи этого понятія со средневѣковою рыцарскою моралью; видѣлъ притворство и лживость, господствовавшія во взаимномъ обхожденіи, и не могъ не осудить мысленно этой цивилизаціи [1]), не могъ не испытывать со всею страстностью, къ какой былъ способенъ, влеченія къ противоположной обстановкѣ. Предъ его мысленнымъ взоромъ носился идеалъ инаго житья, болѣе простаго и вмѣстѣ приносящаго болѣе счастія благодаря тому, что имъ заправляетъ не условная честь, а любовь. Тассо лелѣялъ идеалъ романтической любви въ ея отрѣшеніи отъ рыцарской условности и въ приближеніи ея къ ея естественному и здоровому виду, какъ основѣ разумно поставленной семейной жизни. Осуществленія этого идеала поэтъ не сумѣлъ найти въ современности, и потому для облеченія его въ живые образы перенесся своею мечтою въ отдаленные вѣка дорогой ему классической древности, воспользовавшись хорошо знакомымъ ему вымысломъ [2]) о пастушеской жизни,—вымысломъ, который не казался тогда поэтическимъ преувеличеніемъ [3]). Вѣкъ,

---

[1]) Осужденіе это не разъ прорывается и въ письмахъ и въ произведеніяхъ Тассо.

[2]) См. замѣчанія Herder-a во второмъ собраніи фрагментовъ о новѣйшей нѣмецкой литературѣ, въ статьѣ „Theokrit und Gessner".

[3]) См., напр., въ цитов. уже нами „Compendio della poesia tragicomica de' duo Verati", p. 46: „...gli antighi Pastori non furono in quel primiero secolo, che i Poeti chiamaron d'oro, cō quella differenza distinti dalle persone di cōto, che oggi sono i Villani da' Cittadini: percioche tutti erano ben Pastori, ma come auuien dai gradi nelle Città, altri grandi, altri bassi; altri poueri, altri ricchi: et per parlare all' Aristotelica, altri migliori, & altri peggiori. Nè tutti insieme seruiuano a' Cittadini; che'n quel tempo ancor non erano le Città, ma si reggeuan da se. & chi valeua peraventura più, comãdaua: ma nō era però quello stesso, che comãdaua niente meno Pastore di q̄l che fosse qualunque altro, il quale ubbidisse". Затѣмъ авторъ говоритъ, что „in due maniere il nome Pastorale prender si può, o per l'uffizio o per la cōdizione", и приводитъ выдержки о „pastori antichi nobili" изъ разныхъ писателей начиная съ Аристотеля и оканчивая Василіемъ В., указывающимъ на то, что пастырями были Авель, Моисей, Іаковъ, Давидъ и Іисусъ Христосъ; заканчивается этотъ отдѣлъ разсужденія словами (p. 49): „Ho prouato con l'autorità di tanti scrittori illustri quel che dianzi fu da me detto la vita pastorale ne primordi del mondo essere

Digitized by Google

въ который жили классическіе нимфы и пастушки, привыкли считать въ эпоху Возрожденія вѣкомъ особаго счастья, золотымъ вѣкомъ, и Тассо послѣдовалъ общему представленію. Задушевныя, простыя изъясненія любви людей того фантастическаго міра казались Тассо выше издѣлій самыхъ ученыхъ поэтовъ [1]). Онъ лишь ярче выразилъ это представленіе благодаря большей напряженности и искренности чувства, благодаря большему таланту и поэтической способности творчески и всей душой переноситься въ міръ, рисующійся воображенію.

На основаніи всего этого мы должны признать въ Тассо одного изъ самыхъ искреннихъ и горячихъ, а вмѣстѣ и самыхъ талантливыхъ провозвѣстниковъ возврата къ природѣ и простотѣ въ жизни и поэзіи, и не осудимъ Тассо вслѣдъ за Шиллеромъ и Canello [2]) за обращеніе къ вымыслу о золотомъ вѣкѣ, потому что не можемъ не признать, что въ основѣ творческой разработки этого

---

stata una condizione d'huomini da per se, capacissima di persone illustrissime....“ Мнѣнія и факты, приведенные въ этомъ разсужденіи, повторилъ *Abbé Genêt* въ книгѣ: Reflexions sur la poesie françoise Par le p. Du Cerceau. Avec les Reflexions sur l'Eglogue et sur la Poësie Pastorale. Par l'Abbé Genêt. Et quelques autres Pieces. A Amsterdam. MDCCXXX (имѣется и болѣе раннее изданіе: Mons. l'abbè Génest, Dissertation sur la poésie pastorale, ou de l'idylle et de l'églogue, Par 1707; нѣм. переводъ—въ Sammlung vermischter Schriften zur Beförderung der schönen Wissenschaften und freien Künste, Berl. 1759), p. 277—278. Въ началѣ разсужденія „De la vie pastorale et de la poesie pastorale“ читаемъ: .....„pour bien expliquer mes sentiments sur ce sujet, je dois rappeler les anciennes idées de la Vie pastorale. Nous les trouverons fort differentes de celles que nous avons aujourd'hui, où cette condition paroît aussi basse et aussi méprisable, qu'elle a été recommandable & relevée dans les premiers temps“ (p. 259). Затѣмъ идиллически изображаются первые вѣка человѣческой исторіи.

[1]) Aminta, хоръ въ концѣ II-го акта:

....perderan le rime	Appo le mie selvagge
Delle penne più sagge,	Che rozza mano in rozza scorza imprime.

Ср. слова Sannazaro о пѣсняхъ Аркадскихъ пастушковъ.

[2]) Шиллеръ, Ueb. d. naive u. sentim. Dicht., говоритъ: „zwar fehlt es auch dieser Dichtart nicht an enthusiastischen Liebhabern, und es gibt Leser genug, die einen Amyntas und einen Daphnis den grössten Meisterstücken der epischen und dramatischen Musen verziehen können; aber bei solchen Lesern ist es nicht sowohl der Geschmack als das individuelle Bedürfniss, was über Kunstwerke richtet, und ihr Urtheil kann folglich hier in keine Betrachtung kommen. Der Leser von Geist und Empfindung verkennt zwar den Wert solcher Dichtungen nicht, aber er fühlt sich seltner zu denselben gezogen und früher davon gesättigt. In dem rechten Moment des Bedürfnisses wirken sie dafür desto mächtiger; aber auf einen solchen Moment soll das wahre Schöne niemals zu warten brauchen, sondern ihn vielmehr erzeugen“. Что въ этихъ строкахъ Шиллеръ имѣетъ въ виду „Daphnis“ Геснера и „Аминта“ Tasso, см. примѣчаніе въ изданіи Egger-a u. Rieger-a (Wien 1885) на стр. 122.—Canello проявилъ менѣе глубины, чѣмъ Шиллеръ, въ сужденіи объ „Аминтѣ“, написавъ (p. 243): „Chi aspira a quel mondo è un bambino, che vuol essere cullato, non un uomo vigoroso che ami lottare e della sua lotta godere i dolci frutti“.

Digitized by Google

вымысла у Тассо скрывалась вовсе не ребяческая идея, какую видитъ Canello, а мысль болѣе глубокая. Поэтическій инстинктъ указалъ Тассо совершенно вѣрно, куда долженъ былъ направиться поэтъ, желая найти выходъ изъ томившей его условности. Этотъ инстинктъ правильно подсказалъ Тассо, что лишь среди неиспорченныхъ и вмѣстѣ лучшихъ дѣтей природы (не такихъ, конечно, какъ грубо чувственный сатиръ), лишь въ деревенской обстановкѣ поэтъ могъ встрѣтить ту романтическую любовь и то романтическое счастіе, о которыхъ онъ мечталъ и которыхъ не находилъ въ ближайшей дѣйствительности [1]). Высшіе круги итальянскаго общества XVI в. нерѣдко были лишены этихъ благъ, хотя послѣднія не были исключеніемъ въ тотъ вѣкъ въ такой мѣрѣ, какъ рѣдки были въ вѣка процвѣтанія рыцарства [2]). Оставалось обратиться за образцами осуществленія этого идеала въ иную среду. Къ сожалѣнію, Тассо не могъ представить себѣ эту среду иначе, чѣмъ представляли другіе поэты и ученые времени Возрожденія, и взглянулъ на нее сквозь призму античнаго поэтическаго разукрашенія.

Тѣмъ не менѣе, Тассо внесъ столько свѣжаго и индивидуальнаго чувства въ шаблонный сюжетъ и обработалъ его столь талантливо, что даже теперь, не смотря на огромную разницу между нашимъ временемъ и XVI вѣкомъ въ идеалахъ и вкусахъ, а также въ требованіяхъ, предъявляемыхъ поэтическимъ произведеніямъ, читатель можетъ слѣдить съ душевнымъ участіемъ за ходомъ отношеній дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ Тассо и испытывать значительное эстетическое наслажденіе. Не удивительно потому, что „Aminta“ достигла весьма значительнаго успѣха въ вѣкъ своего появленія и вызвала цѣлый рядъ подражаній. Когда распространилась слава пасторали Тассо, пастушеская драма вошла окончательно въ моду и привлекла не мало писателей, пытавшихся пріобрѣсти извѣстность созданіями въ этомъ новомъ родѣ творчества.

---

[1]) Въ Феррарѣ какъ бы вся атмосфера была пропитана любовной заразой, распространявшейся отъ двора. Ср. выше стр. 111 и въ Pastor fido, Att. I, sc. 3: Così fanno

Ne le cittadi ancor le donne accorte
E 'l fan più le più belle e le più grandi.

[2]) Въ этомъ отношеніи представляетъ значительный интересъ итальянская лирика, въ томъ числѣ латинская XV и XVI вв., въ которой впервые находимъ выраженіе чувствованій, относящихся къ семейной жизни, иногда доходящее до энтузіазма. Въ подтвержденіе можно указать на Pontano, Vid-y, Castiglione и др. Въ ряду этихъ стихотвореній встрѣчаются нерѣдко задушевныя сѣтованія объ утратѣ жены.

Digitized by Google

Изъ нихъ выдается въ особенности Guarini, которому принадлежитъ лучшее изъ подражаній пасторали Тассо, знаменитая „пасторальная трагикомедія“ [1]) „Pastor fido“. Гварини воспользовался здѣсь идеей Тассо и сообщилъ ей дальнѣйшее развитіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей пьесы Гварини какъ бы вступилъ въ открытое состязаніе съ Тассо. Такъ, онъ повторилъ одушевленное восхваленіе золотаго вѣка, замѣчательно поддѣлавшись подъ пѣснь Тассо, но въ то же время ввелъ нѣкоторыя существенныя отмѣны: онъ отличилъ, напр., ложную честь отъ истинной и усматривалъ въ послѣдней повелителя великихъ душъ, могучее двигательное начало, пробуждающее отъ смертельнаго сна и приводящее къ счастію [2]). Гварини какъ бы противополагаетъ безусловному увлеченію Тассо золотымъ вѣкомъ хвалу болѣе разумную и осмотрительную. Но, вникнувъ внимательнѣе, нельзя не замѣтить, что въ хвалебномъ гимнѣ Гварини нашли мѣсто диссонасы, въ силу которыхъ золотой вѣкъ является съ чертами, противорѣчащими естественному представленію о немъ [3]) и заимствованными изъ времени иныхъ нравственныхъ воззрѣній [4]). Сообщая болѣе утонченности людямъ

---

[1]) Такъ наименовалъ свою пьесу Guarini. Онъ писалъ ее долго; представленъ былъ „Вѣрный пастушокъ“ впервые въ 1585 г., а напечатанъ въ 1590 г.

[2]) Atto quarto, Coro въ концѣ:

Ma tu deh! spirti egregi
Forma ne'petti nostri,
Verace Onor, delle grand'alme donno.
O regnator de' regi,
Deh torna in questi chiostri
Che senza bëati esser non ponno.

Dèstin dal mortal sonno
Tuoi stimoli potenti
Chi per indegna e bassa
Voglia, seguir te lassa,
E lassa il pregio dell'antiche genti.

На благотворное воздѣйствіе понятія этой истинной чести поэтъ возлагаетъ большую надежду, и интересно оптимистическое заключеніе пѣсни хора, рѣзко отличное отъ призыва къ любви въ концѣ пѣсни хора у Тассо.

[3]) Мы не считаемъ, конечно, естественнымъ то представленіе, котораго придерживался Guarini и его послѣдователи, усматривавшіе въ идеальныхъ представителяхъ золотаго вѣка всѣ достоинства, какими обладаютъ лучшіе люди времени просвѣщенія значительнаго, но не свободнаго отъ извращенія. Ср. у Klein-a, V, 141—142.

[4]) Кромѣ приведеннаго выше, въ особенности рѣзкую противоположность характеристикѣ золотаго вѣка, данной Тассо, находимъ въ слѣдующихъ стихахъ «Pastor fido»:

Quel suon fastoso e vano,
Quell'inuttil soggetto
Di lusinghe, di titoli e d'inganno,
Ch'Onor dal volgo insano
Indegnamente è detto;
Non era ancor degli animi tiranno.

Ma sostener affanno
Per le vere dolcezze;
Tra i boschi e tra le gregge
La fede aver per legge,
Fu di quell'alme, al ben oprar avvezze,
Cura d'onor felice,
Cui dettava Onestà: *Piaccia se lic*

Digitized by Google

золотаго вѣка, Гварини разсчитывалъ сдѣлать ихъ тѣмъ привлекательнѣе въ глазахъ зрителей и читателей, но благодаря тому впалъ въ недостатокъ, который значительно понизилъ достоинство „Pastor fido“ по сравненію съ „Аминтомъ“. По крайней мѣрѣ, изъ двухъ обычныхъ варіацій сравнительныхъ оцѣнокъ этихъ произведеній [1]) намъ кажется болѣе основательною та, которая ставитъ въ заслугу пьесѣ Тассо бо́льшую простоту плана ея и характера дѣйствующихъ лицъ. Личности, выступающія въ Pastor fido, приближаются гораздо болѣе къ придворнымъ, чѣмъ личности пасторали Тассо, и рѣчи ихъ весьма утонченны. Гварини усилилъ изысканность, которою отличается уже произведеніе Тассо, и впалъ въ значительную вычурность стиля, углаживая дорогу Маринизму, проложенную Тассо.

Изысканность, о которой такъ заботился Гварини, была какъ нельзя болѣе въ духѣ времени, и потому „Pastor fido“ вполнѣ пришелся по вкусу зрителямъ и читателямъ конца XVI в. и начала XVII-го. Въ трогательной формѣ энтузіастической любви вѣрныхъ пастушковъ родственная рыцарской романтическая любовь, слившаяся съ чувственнымъ пошибомъ, иногда доходящимъ до явныхъ непристойностей, пріобрѣла новую привлекательность, и успѣхъ пасторальной трагикомедіи Гварини былъ чревычайный. Люди всѣхъ классовъ общества, всѣхъ возрастовъ, мужчины и женщины, пріобрѣтали это произведеніе, расходившееся во множествѣ изданій, и жадно перечитывали; женщины брали Pastor fido въ церковь вмѣсто мо-

---

1) Gravina замѣтилъ:.. «con maggior semplicità di tutti fece il Tasso nel suo Aminta, benche non di rado que' suoi pastori e Ninfe abbian troppo dello splendido e dell'arguto». Но мнѣнію Ginguené, VI, 330, Aminta—самый совершенный образецъ пасторальнаго жанра. Наоборотъ Canello ставитъ «Pastor fido» выше «Аминта» (p. 245, 247). Довольно высокаго мнѣнія о драмѣ Гварини были, между проч., братья Шлегели. *Klein*, Geschichte des Dramas, V, Leipz. 1867, S. 132 говоритъ: «...Triumph der Liebestreue ist das rührend, das fesselnd Schöne, ist die goldene Angel, um welche sich Tasso's, in Bezug auf Fabelerfindung, Schürzungs—und Lösungs—Motive vielleicht nicht durchweg zu preisendes Hirtendrama so anmuthend, so harmonischrund und wohlgegliedert bewegt; mit einem metrischen Sprachzauber, einer Musik des Wohllauts, hold und lieblich tönend, Wie die Fuss-und Armspangenglöcklein einer tanzenden Bajadere». Преимуществами драмы Тассо Klein считаетъ «Das schöne Ebenmaas, das kunstreich Einfache der Scenenfolge und Führung, das Poetisch-Innige des Gefühlsausdrucks, der feine Schmelz, das zarte Colorit, die Harmonie des Gesammttons, der edle Styl, der auch diese Gattung den Musterformen der Dichtkunst einreicht». Съ этой довольно удачною характеристикою нельзя не согласиться.

Digitized by Google

литвослова. Трагикомедія Гварини стала вслѣдствіе того опасной книгой для нравственности молодежи подобно тому, какъ нѣкогда вредно вліялъ на нравственность романъ о Ланселотѣ. По словамъ Gian Nicio Eritreo, эклога Pastor fido—была „morum fortasse integritati non utilis, etenim in ejus dulcedine suavitateque, tanquam in infesto Sirenis mari, in quo etiam Ulysses erravit, virgines nuptaeque complures pudicitiae naufragium fecisse dicuntur; sed legentium e manibus extorqueri non potuit“ [1]). Говорятъ, въ Ватиканѣ кардиналъ Беллярминъ упрекнулъ даже Guarini въ томъ, что послѣдній причинилъ христіанскому міру столько же зла своимъ Pastor fido, сколько Лютеръ и Кальвинъ нанесли бѣдъ своими ересями.

Не избѣжалъ „Pastor fido“ нападковъ и съ чисто литературной точки зрѣнія, но авторъ его отстаивалъ довольно ловко свое созданіе, теоретически обосновывая право на существованіе такого рода произведеній *смѣшаннаго* характера и ссылаясь на данныя изъ древней литературы [2]). Онъ старался также доказать умѣстность viuezze, характеризующихъ рѣчь дѣйствующихъ лицъ Pastor fido. Рѣчь эта, по его собственному сознанію, поэтична, фигурна, изящна, исполнена прелести, но тѣмъ не менѣе не нарушаетъ поэтической вѣроятности [3]).

Обаятельное дѣйствіе произведенія Гварини, подкрѣпленное теоретическимъ обоснованіемъ такой поэзіи, восторжествовало надъ толками противниковъ новоизобрѣтеннаго вида творчества, и послѣдній продолжалъ повышаться въ сочувствіи общества. При этомъ

---

[1]) То же извѣстіе о губительномъ вліяніи Pastor fido на нравы повторилъ Bayle. См. Camerini предисл. къ «I drammi de'boschi» etc., p. 12.

[2]) Guarini указывалъ на то, что самое названіе трагикомедіи изобрѣтено Плавтомъ, старался доказать согласіе своего произведенія съ теоріею Аристотеля и т. п. и въ то же время ссылался на Commedia Данте, Trionfi Петрарки, «Romanzi de'nostri tempi»: все это «nuoue forme di poetare».

[3]) Compendio etc., p. 33: «se Teocrito & Virgilio fecero alcuna volta i Bifolchi fuor del costume loro sì nobilmente discorrere, perche non sarà lecito a noi di fare ornatamente parlare i Sacerdoti, & gli Eroi?... Et si come nella Commedia i motti & le facezie son verisimili, non per altro, che per essere in bocca de'Cittadini, i quali sono, in sì fatti scherzi, abituati per modo, che quantunque fare il volessero, non potrebbono rimanersene: cosi nel Pastorfido quelle viuezze, quegli ornamenti, che lirici sono detti, non repugnano al verisimile (parlo del verisimile non Retorico, ma Poetico) essendo propriissimi di coloro, che cosi parlano, nè altramenti parlar saprebbono».

Digitized by Google

изысканность мыслей и аффектація стиля усиливались у послѣдователей Гварини, такъ что „Аминта“ оставалась наиболѣе простою изъ пасторальныхъ драмъ. Пасторали постепенно умножались въ первой половинѣ XVII в., и въ 1615 г. ихъ насчитывалось уже до 80. Во второй половинѣ того вѣка онѣ стали появляться рѣже, но все-таки не исчезли со сцены даже въ половинѣ XVIII в. Зрители, толпившіеся въ театрахъ на представленіяхъ этихъ пьесъ, не вникали въ ихъ неправдоподобность и легко увлекались заманчивымъ вымысломъ о золотомъ вѣкѣ, вѣкѣ счастливыхъ людей, отличавшихся образцовою нѣжностью чувства и утонченностью его выраженія.

Итакъ, въ началѣ второй половины XVI в. въ Италіи окончательно выдѣлилась и стала быстро развиваться пастушеская драма,— оригинальный видъ драматическаго творчества, начатками восходящій еще къ XV в. По своему идеальному направленію, эта драма примыкала къ серьезному разряду рыцарскихъ поэмъ; она была отчасти новымъ проявленіемъ и обособленіемъ того сентиментальнаго теченія, которое не разъ уже прорывалось въ рыцарской эпикѣ, будучи введено въ нее преимущественно Боярдо. Постепенно любовная сентиментальность становилась все мягче и незамѣтно отодвигалась въ романахъ на задній планъ предъ сентиментальностію пастушеской поэзіи. При обзорѣ исторіи рыцарской романтики въ Испаніи мы увидимъ, что тамъ въ половинѣ XVI в. рыцарскій романъ даже прямо началъ перерождаться въ романъ пастушескій. Италія какъ бы взамѣнъ послѣдняго выработала пастушескую драму. Пасторалъ представляла крайность, противоположную бурлеску въ рыцарскомъ эпосѣ, и была такимъ же оригинальнымъ итальянскимъ созданіемъ, какъ герои-комическая поэма.

На ряду съ чисто рыцарскими романами, которыми начало пресыщаться знатное общество, и которые изображаемыми въ нихъ необычайными приключеніями могли претить утонченному вкусу среды, достигшей высокой умственной и эстетической культуры, въ пастушескихъ драмахъ выдвинулись произведенія, которыя могли доставлять бо́льшее удовлетвореніе эстетическому чувству своею изысканностію: они отличались новизной колорита, пріятно занимали контрастомъ обычной дворской обстановкѣ, перенесеніемъ дѣйствія въ міръ будто бы первобытныхъ отношеній и въ то же время сверкали блестками остроумія, нрави-

Digitized by Google

лись граціозной шуткой и изящнымъ риѳмоплетствомъ, словомъ всею тою изысканностію, которая издавна зародилась въ итальянской поэзіи (уже въ произведеніяхъ Петрарки). Въ сущности въ пастушескихъ драмахъ представалъ переряженный міръ утонченной романтики, и подъ маскою невинности и близости къ природѣ скрывалось то самое общество дворовъ, которое, пресытившись роскошью и невоздержностію, восхищалось драматическимъ изображеніемъ простаго будто бы пастушескаго міра. Оно тѣшило себя мыслью, будто услаждало себя простотою и невинностью пастушковъ, а на дѣлѣ восхищалось собственнымъ модным вкусомъ [1]). Тѣмъ нарушался основной законъ этого рода произведеній, по которому если гдѣ должна преобладать естественность и наивность, то именно въ пасторали.

Такъ поэтическое выраженіе романтическаго настроенія и чувства слилось, наконецъ, съ пасторалью. Въ другихъ отдѣлахъ настоящаго очерка намъ неоднократно представится возможность отмѣчать сліяніе этихъ двухъ теченій, поэзіи чисто рыцарской съ одной стороны и идиллической съ другой. Переходъ отъ одной къ другой составлялъ нерѣдкое явленіе въ XVI и XVII вв. Примѣръ такого перехода мы найдемъ и въ дѣятельности Сервантеса: авторъ „Донъ-Кихота“ написалъ также „Галатею“. На картинахъ простаго взаимнаго общенія и простой жизни, находящей удовлетвореніе въ непритязательныхъ отношеніяхъ и естественныхъ радостяхъ, съ удовольствіемъ останавливался взоръ людей, утомленныхъ безпокойной гонъбою за особой удачей и вдоволь наглядѣвшихся на блескъ и изысканность придворной жизни.

---

[1]) Это не ускользало отъ внимательныхъ наблюдателей. Такъ Genêt въ Epistre, предпосланномъ разсужденію о пастушеской поэзіи, говоритъ: «Nos Poëtes ne font, ce me semble, d'Eglogues & d'Idylles pour dire simplement des choses champestres; mais pour s'exprimer plus agreablement sous ces ingenieuses & innocentes figures.... Je tasche à prouver que la Poësie Bucolique qui étoit simple & litterale dans la premiere Antiquité, est devenuë de plus en plus allegorique & figurée; & que son caractere est noble; quelquefois même sublime, sous les voiles champestres qui l'envelopent..... Je dis que ce stile si elegant & si fleuri est propre à ce genre de Poësie, & aux Personnages qu'on introduit sous le nom de Bergers; en sorte qu'il ne conviendroit point du tout les faire parler, ou chanter autrement».

Digitized by Google

Разсмотрѣнныя въ предыдущемъ изложеніи произведенія Тассо, относящіяся къ эпосу и пастушеской драмѣ, характеризуютъ какъ нельзя лучше то положеніе, которое начала занимать романтика въ Италіи къ концу Возрожденія. Въ то время какъ у Аріосто она свободно развертываетъ одну картину за другою, не будучи стѣсняема предписаніями правилъ [1]), въ эпическихъ произведеніяхъ Тассо она въ значительной мѣрѣ поступается привольемъ и уже не блещетъ тѣмъ богатствомъ вымысла и яркостію красокъ, какими чаруетъ въ „Неистовомъ Роландѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ послѣднемъ, сказывается въ поэмахъ Тассо античное вліяніе. Даже драматическая идиллія, легко и свободно вылившаяся изъ глубины сердца Тассо, переживавшаго тогда одинъ изъ самыхъ радостныхъ періодовъ своей жизни [2]), даже и эта идиллія примыкаетъ тѣми или иными своими частностями къ древней поэзіи. Ясно, что вліяніе классической поэзіи, столь долго не заявлявшее себя въ области, въ которой царила средневѣковая романтика, вторглось, наконецъ, и въ сферу romanzo (какъ называли тогда поэму Аріосто и под.). Напрасно нѣкоторые изъ теоретиковъ поэтическаго творчества указывали на то, что il romanzo—родъ поэзіи, неизвѣстный древнему міру и потому не подлежащій подчиненію тѣмъ правиламъ, какія признавались обязательными для эпоса на основаніи поэтики Аристотеля и примѣнительно къ образцамъ эпоса, какіе завѣщаны древнею литературою въ произведеніяхъ Гомера и Вергилія. Другіе, напротивъ, отожествляли романтическую поэму съ эпосомъ, и отсюда вытекала для поэта, придерживавшагося такого взгляда, необходимость считаться съ теоріею, опиравшеюся на классическую литературу.

Тассо принадлежалъ къ числу поэтовъ и теоретиковъ, не рѣ-

---

[1]) Отмѣчаютъ у Аріосто прямыя указанія на то, что онъ не заботился о единствѣ фабулы:

Ma perchè varie fila a varie tele
Vopo mi son, che tutte ordire intendo...
Ma seguendo il' lauor che vario ordisco,
Ch'a molti, lor mercè, grato esser suole...

и т. п. Интересно въ этомъ отношеніи мнѣніе Шиллера о «Неист. Рол.», выраженное въ письмѣ къ Körner-у 21 января 1802 г.

[2]) Лишь вдали на горизонтѣ показывались маленькія облачка въ видѣ вражды и интригъ придворныхъ, завидовавшихъ Тассо, но поэтъ, уже постигшій интриги придворной жизни (см. VII-ю пѣснь «Освоб. Іерус.»), еще не испыталъ всей горечи придворнаго коварства и глядѣлъ на него какъ спокойно созерцающій философъ (по словамъ Serassi, Тассо обвиняютъ perchè abbia poste in bocca di un pastore sentenze non pur da uomo di città, ma da filosofo»).

Digitized by Google

шавшихся порвать связь съ этой теоріей, основанною на полномъ недоразумѣніи и страдающей односторонностію; онъ придавалъ большое значеніе единству героической поэмы, тщательно вникалъ въ соблюденіе его и въ концѣ концовъ понесъ жесточайшую кару за то, что подчинилъ поэзію педантическимъ критеріямъ. Позволяя нерѣдко своей фантазіи и чувству свободно уноситься въ міръ романтики, Тассо не сумѣлъ отстоять этихъ свободныхъ порывовъ творчества и готовъ былъ смиряться предъ нелѣпыми приговорами ничтожныхъ педантовъ, тщеславившихся своею скудоумною эрудиціею, и лицемѣрныхъ прислужниковъ инквизиціи, обзывавшихъ противными нравственности романтическіе эпизоды „Освобожденнаго Іерусалима“,—тѣ самые высоко поэтическіе эпизоды, которые могутъ возносить чувство читателя лишь въ область идеала.

Какъ извѣстно, прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ „Освобожденный Іерусалимъ“, Тассо вздумалъ повергнуть свою поэму на обсужденіе людей, которыхъ считалъ компетентными цѣнителями поэтическихъ произведеній. Они обманули ожиданія поэта: критика ихъ оказалась вполнѣ субъективною, придирчивою, иногда нелѣпою. Такъ, они подняли сомнѣнія относительности моральности произведенія Тассо. Терпѣніе поэта, который готовъ былъ подчиниться разумнымъ указаніямъ, истощилось, и онъ, измученный, рѣшилъ оставить текстъ поэмы въ томъ видѣ, въ какомъ написалъ. Но тѣ слухи, которые были распускаемы относительно „Осв. Іер.“ недоброжелателями Тассо, были лишь началомъ испытаній, которыя довелось вынести несчастному поэту. Съ появленіемъ „Освобожденнаго Іерусалима“ въ печати, началось обсужденіе поэмы въ литературѣ, и мало по малу разгорѣлся споръ, превратившійся въ яростную войну враговъ Тассо съ одной стороны и защитниковъ его съ другой.

Эта литературная борьба открылась изъ-за похвалъ, которыми была осыпана поэма Тассо въ діалогѣ: „Il Carafa, ovvero dell' Epica Poesia“, написанномъ Pellegrino и изданномъ во Флоренціи въ 1584 г. [1]). Въ томъ же году явилась „Degli Accademici della Crusca Difesa dell' Orlando Furioso contra il Dialogo dell' Epica Poesia“ etc., за

[1]) Ранѣе еще вышло разсужденіе Lombardelli: «Sopra il Goffredo di Torquato Tasso. Giudizio. Fir. 1582». Перечень критическихъ отзывовъ о поэмѣ Тассо и произведеній, вызванныхъ полемикой по поводу «Освобожденнаго Іерусалима», впрочемъ не совсѣмъ полный, см. въ Biblioteca dell'eloquenza italiana di Monsignore Giusto Fontanini Arcivescovo d'Ancira con le annotazioni del signor Apostolo Zeno, t. I, Venez. MDCCLIII, p. 313—334.

Digitized by Google

которою послѣдовала *Apologia*, написанная Тассо въ защиту „Осв. Іер.“, а въ слѣдующемъ году вышла „Dello Infarinato (псевдонимъ Salviati), Accademico della Crusca, Risposta all'Apologia di Torquato Tasso, intorno all'Orlando Furioso e la Gerusalemme Liberata“ [1]).

Въ спорѣ этомъ несомнѣнно были замѣшаны личные счеты съ Тассо и побужденія, не имѣвшія отношенія къ литературнымъ мнѣніямъ, которыми прикрывалось, напр., мелочное самолюбіе; для Флорентійцевъ мнѣнія академиковъ della Crusca стали какъ бы нераздѣльны съ національнымъ интересомъ и достоинствомъ [2]); было вылито также не мало грязи съ тѣмъ, чтобы опозорить нѣкоторыхъ изъ защитниковъ Тассо. Но, тѣмъ не менѣе, въ литературной войнѣ, поднявшейся по поводу поэмы Тассо, нельзя не усматривать за личными препирательствами болѣе серьезной борьбы началъ, которымъ суждено было сталкиваться въ европейскихъ литературахъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пока, наконецъ, въ настоящемъ столѣтіи не былъ положенъ предѣлъ этой борьбѣ выработкою новаго литературнаго направленія, смѣнившаго ново-европейскій классицизмъ и романтику, и представившаго теперь высокіе образцы творчества въ произведеніяхъ такихъ поэтовъ, какъ Тургеневъ, Толстой и др. Въ итальянской литературѣ, которая въ періодъ Возрожденія стояла впереди всѣхъ другихъ литературъ Европы, ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, должно было произойти столкновеніе античнаго вліянія, столь могучаго въ періодъ Возрожденія, съ началами самобытности. Эти начала не могли быть подавлены надолго и вполнѣ даже въ годы энтузіастическаго поклоненія древней образованности и должны были выникнуть съ новою силою, когда начала зрѣть мысль, воспитанная въ школѣ классической древности, укрѣпившей сужденіе и расширившей кругозоръ. Споръ, который имѣлъ предметомъ оцѣнку поэмы Тассо, долженъ быть введенъ въ рамку этой общей борьбы защитниковъ слѣдованія древнимъ правиламъ и образцамъ

---

[1]) Авторъ этой Risposta, Salviati, былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, мнѣніе которыхъ объ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» Тассо хотѣлъ знать до напечатанія своей поэмы.

[2]) Самолюбіе Флорентійцевъ, оскорбленное Тассо, играло видную роль въ этомъ спорѣ; см. Fontanini ib., прим. 1 на стр. 316 и прим. *a* на стр. 332. Это видно также и изъ перваго діалога Сальвіати. Что касается въ частности Сальвіати, который до своей смерти (въ 1589 г.) былъ душею полемики противъ Тассо, то побужденія его врядъ ли были честны (см. подозрѣніе Cecchi), и характерно во всякомъ случаѣ, что онъ выступалъ подъ вымышленными именами. Выдержки изъ полемическихъ произведеній Сальвіати можно прочесть въ *Tallarigo e Imbriani* Nuova crestomazia italiana, vol. III (Nap. 1884), p. 211—214.

Digitized by Google

съ одной стороны и поборниковъ правъ новаго творчества на самобытное развитіе съ другой [1]). Что таковъ именно былъ основной источникъ этого спора, показываетъ, между проч., исторія другаго спора, который возникъ вскорѣ послѣ перваго и имѣлъ своимъ предметомъ право на существованіе пасторальной трагикомедіи, творцомъ которой былъ продолжатель Тассо въ области пастушеской драмы,—Гварини [2]). Пасторальная трагикомедія была такимъ же полуоригинальнымъ родомъ творчества, какимъ была романтическая поэма въ формѣ, выработанной Тассо; первая также являлась сліяніемъ началъ классицизма и романтики и вызывала сомнѣнія, во многомъ сходныя съ тѣми, какія возникали относительно романтической поэмы; но только вопросъ о послѣдней представлялъ гораздо большую важность благодаря тому, что эпосъ привлекалъ особое вниманіе въ новоевропейскихъ литературахъ, желавшихъ соревновать древнимъ, и съ самаго начала Возрожденія заявлялъ притязаніе на одно изъ первыхъ мѣстъ въ итальянской поэзіи.

Если борьба, которая въ теченіе двухъ съ лишнимъ вѣковъ велась по поводу поэмы Тассо, имѣла такой важный мотивъ, какъ столкновеніе романтики съ классицизмомъ, то исторія ея должна занять надлежащее мѣсто въ очеркѣ эволюцій и судебъ романтики. Потому мы остановимся нѣсколько на спорѣ о поэмѣ Тассо съ цѣлью извлечь изъ оставшихся отъ этого спора памятниковъ тѣ данныя, которыя могутъ ознакомить насъ съ положеніемъ романтики въ итальянской литературѣ со второй половины XVI вѣка.

Мы можемъ при этомъ оставить въ сторонѣ тѣхъ литераторовъ, которые выступали противъ Тассо, ратуя pro domo sua. Занимаясь одновременно поэзіею и теоретическою разработкою вопросовъ поэтики, они нападали на Тассо, чтобы, унизивъ его, какъ бы очистить тѣмъ дорогу собственнымъ произведеніямъ, написаннымъ по правиламъ критики, враждебной Тассо; но такое предпріятіе

---

[1]) Очеркъ этого спора въ Италіи, какъ перваго акта борьбы, разгорѣвшейся потомъ во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV, см. въ монографіи *Rigault*, Histoire de la querelle des anciens et modernes, Par. 1856. Монографія эта вошла затѣмъ въ полное собраніе сочиненій Rigault.

[2]) «Scrittori intorno al Poema del Guarini» перечислены у Fontanini, I, 431—446. Что до «Aminta», то эта пьеса встрѣтила на первыхъ порахъ восторженное почитаніе и подверглась нападкамъ лишь къ концу XVII в., да и то не на долго, потому что они тотчасъ встрѣтили вѣскій отпоръ. Перечень произведеній, относящихся къ этой полемикѣ, см. Klein, Geschichte des Drama's, V, 150—151.

Digitized by Google

оканчивалось обыкновенно неудачею людей, посягавшихъ на славу Тассо ради собственнаго превознесенія [1]).

Мы пройдемъ молчаніемъ также доводы тѣхъ критиковъ, которые руководились соображеніями педантизма и, ссылаясь на поэтику Аристотеля, на произведенія Гомера и Вергилія, предъявляли поэмѣ Тассо по примѣру самого автора ея правило касательно единства (*драматическаго*) дѣйствія, найденное у Аристотеля, обсуждали вопросъ о единствѣ „Orlando Furioso", Иліады и т. п.

Для насъ болѣе интересно то прямое сопоставленіе Тассо съ Аріосто, которое было постоянно въ ходу въ Италіи [2]) и которое, повидимому, можетъ перенести насъ въ глубь спора, составляя наиболѣе существенный вопросъ его, непрерывно ставившійся два вѣка съ лишнимъ. Сравнительная оцѣнка поэмы Аріосто и Тассо занимала весьма многихъ, въ томъ числѣ такого серьезнаго и глубокаго мыслителя, какъ знаменитый Галилеи, который былъ далекъ отъ педантической рутины и хорошо опредѣлилъ роль педантства въ оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній. Его сужденіе, относящееся къ 1590 г., для насъ тѣмъ интереснѣе, что не обусловливалось личными разсчетами и не было напечатано при его жизни [3]).

Галилеи увлекался въ молодости литературою и подобно многимъ другимъ занимался сопоставленіемъ поэмы Аріосто, которую превосходно изучилъ, съ „Освобожденнымъ Іерусалимомъ". Между прочимъ онъ вставилъ бѣлые листки между листками поэмы Тассо и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отмѣчалъ „tutti i riscontri dei concetti comuni dagli Autori trattati, soggiungendo i motivi i quali facevano anteporre l'uno all'altro, i quali per la parte dell'Ariosto erano molti più in numero, e più gagliardi" [4]). Результатъ такого довольно тщательнаго сопоставленія

---

[1]) Таковы Zinani, Ceba, Cagnoli, Grandi. См. у *Salfi*, Histoire littéraire d'Italie, t. XIII, Par. 1835, chap. XII, а также у Fontanini, I, 331—332.

[2]) Впервые началъ сравнивать Gerus. съ Orl. Fur. Pellegrino, поставившій поэму Тассо выше Аріостовой во всѣхъ отношеніяхъ,

[3]) Первое изданіе вышло въ 1793 г. Мы пользовались слѣдующимъ изданіемъ въ Opere di Galileo Galilei, vol. decimoterzo, Milano 1811. Новѣйшее изданіе принадлежитъ *Mestica*: Scritti di critica letteraria di Galileo Galilei, raccolti ed annotati per uso delle scuole, Torino 1889. Въ подлинности этого произведенія Галилеи долго сомнѣвались, а нѣкоторые сомнѣваются и теперь, но эти сомнѣнія устраняются на нашъ взглядъ свидѣтельствами, находящимися въ письмахъ какъ самого Галилеи, такъ и адресованныхъ къ нему. Указаніе литературы, относящейся къ *Considerazioni* Галилеи, см. въ Giorn. stor. d. lett. it., XIII, 419—420.

[4]) Op. di Gal. Gal., XIII, 338.

Digitized by Google

оказался не вполнѣ благопріятнымъ для Тассо; Галилеи примкнулъ къ той сторонѣ, которая неодобрительно отзывалась о Тассо, сравнивая его съ Аріосто. Галилеи превзошелъ въ нападкахъ и Сальвіати и de Rossi, но при этомъ руководился лишь сравнительною оцѣнкою обоихъ поэтовъ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они соприкасались [1]), и, слѣдовательно, обращался къ пріемамъ критики, не лишеннымъ научности. Занявшись сличеніемъ соотвѣтственныхъ мѣстъ той и другой поэмы, Галилеи отдалъ въ большинствѣ случаевъ предпочтеніе Аріосто и принялъ мнѣніе тѣхъ, которые въ силу простоты и несложности твореній Тассо считали послѣдняго поэтомъ скуднаго генія, ставили „Аминта“ ниже „Pastor Fido“ и „Освобожденный Іерусалимъ“ признавали бѣдной монашеской поэмой по сравненію съ „Неистовымъ Роландомъ“, блещущимъ множествомъ красотъ и великолѣпіемъ отдѣлки. Поэма Тассо казалась Галилеи маленькой студіей любознательнаго человѣчка, который находитъ удовольствіе въ украшеніи ея разными рѣдкостями, являющимися въ существѣ лишь неважными мелочами. Когда, напротивъ, Галилеи приступалъ къ чтенію поэмы Аріосто, критику казалось, что предъ нимъ открывалось королевское хранилище, галлерея, украшенная статуями и картинами лучшихъ художниковъ, множествомъ цѣнныхъ вазъ и замѣчательныхъ рѣдкостей.... [2]). Ясно отсюда, какимъ критеріемъ руководился Галилеи. Онъ принималъ во вниманіе эстетическое воз-

---

[1]) Нѣкоторые пришли теперь къ не совсѣмъ вѣрному выводу, что поэмы Аріосто и Тассо не подлежатъ сравненію, и однако тѣ же самые критики продолжаютъ это сравненіе (см., напр., Dini 300—301).

[2]) Op. di Gal. Gal., XIII, 177—178: «Mi è sempre parso e pare che questo Poeta (Tacco) sia nelle sue invenzioni oltre tutti i termini gretto, povero e miserabile, e all'opposto l'Ariosto magnifico, ricco e mirabile. E quando mi volgo a considerare i Cavalieri con le loro azioni e avvenimenti, come anche tutte le altre favolette di questo Poema, parmi giusto penetrare in uno studietto di qualche ometto curioso, che si sia dilettato di adornarlo di cose che abbiano per antichità, o per altro del pellegrino, ma che però sieno in effetto coselline, avendovi come saria a dire un granchio petrificato, un camaleonte secco, una mosca, un ragno in gelatina in un pezzo d'ambra, alcuni di quei fantoccini di terra, che dicono trovarsi nei sepolcri antichi di Egitto e così in materia di Pittura qualche schizzetto di Baccio Bandinelli, o del Parmigiano, o simili altri cosette. Ma all'incontro quando entro nel Furioso, veggo aprirsi una guardaroba, una Tribuna, una Galleria regia, ornata di cento statue antiche de'più celebri Scultori con infinite storie intere, e le migliori di Pittori illustri, con un numero grande di vasi, di cristalli, d'agate, di lapislazzari, e d'altre gioje, e finalmente ripiena di cose rare, preziose, maravigliose, e di tutta eccelenza, e acciochè questo che dico così generalmente si conosca esser vero andremo esaminando di mano in mano ai lor luoghi tutte le azioni de'Cavalieri, e tutte le favole. E facendo principio da questa, che abbiamo per le mani, che è l'amor di Tancredi verso Clorinda qual più meschina e insipida cosa si può pensare....» Уподобленіе поэмъ Аріосто и Тассо двумъ Palazzi было пущено въ ходъ впервые Salviati въ возраженіи Pellegrino; къ этому сравненію прибѣгали потомъ многіе.

Digitized by Google

дѣйствіе сравниваемыхъ поэмъ и находилъ, что по большей части [1]) *картины* [2]), нарисованныя Тассо, блѣдны, скудны изобрѣтеніемъ и не могутъ идти въ сравненіе съ произведеніями кисти великаго соперника Тассо. Если, оставивъ въ сторонѣ критику отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій, посмотримъ, какіе крупные эпизоды въ особенности подверглись оцѣнкѣ у Галилеи, то замѣтимъ, что послѣдняго заинтересовали по преимуществу романтическіе эпизоды, и они-то обусловили рѣшеніе, произнесенное Галилеи [3]). Итакъ, Галилеи не понравилась поэма Тассо потому, что она не есть произведеніе художника, свободно отдававшагося вдохновенію и достигшаго при этомъ замѣчательнаго мастерства въ построеніи и обрисовкѣ, а также гармоніи въ раскрытіи характеровъ и побужденій изображенныхъ имъ лицъ. Поэма Тассо отталкивала Галилеи скудостію оригинальнаго творчества и казалась ему неудачнымъ сцѣпленіемъ фабулъ и рядомъ картинъ, нарисованныхъ не вполнѣ искусною рукою поэта, не смѣвшаго отступать отъ правилъ. Можетъ быть, не безъ вліянія враждебной Тассо критики, Галилеи готовъ былъ думать, что Тассо не проявилъ въ своей поэмѣ тѣхъ достоинствъ, какія долженствовалъ бы обнаружить, прилагая старанія о строгой выработкѣ плана. Словомъ, непривлекательнымъ показалось оригинальному сужденію глубокаго критика подражаніе древнимъ образцамъ, и онъ сталъ на сторону романтическаго изобилія, высказавшись противъ холодности, безжизненности, скудости, и сухости творчества, отправлявшагося отъ подражанія классическому эпосу.

Сознательнаго противопоставленія обоихъ этихъ пріемовъ творчества съ обозначеніемъ одного изъ нихъ названіемъ романтическаго, а другаго названіемъ классическаго, мы не находимъ конечно, у Галилеи, но, тѣмъ не менѣе, сужденіемъ его въ данномъ вопросѣ заправляло не вполнѣ отчетливое въ конечной формулировкѣ противоположеніе романтическаго эпоса съ одной стороны и полуклассическаго съ другой.

Споръ о достоинствѣ „Освобожденнаго Іерусалима“ велъ, такимъ образомъ, нѣкоторыхъ къ сопоставленію романтики, въ ея сво-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галилеи отдаетъ однако предпочтеніе Тассо; см., напр., p. 185.

[2]) См. стр. 187, гдѣ критикъ прямо заявляетъ, что будетъ имѣть въ виду *Pitture*.

[3]) См. письмо Галилеи къ Rinuccini: Op., vol. XIII., p. 338—339.

Digitized by Google

бодномъ проявленіи, съ переработкою ея подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ и къ вопросу о свободѣ творчества, о томъ отношеніи къ древней поэзіи, въ какое должна стать поэзія ново-европейская, о значеніи для послѣдней Гомера, поэтики Аристотеля и т. п.

Замѣчательно при этомъ, что и не всѣ изъ ревностныхъ защитниковъ Тассо, въ которыхъ никогда не было недостатка, высказывались противъ Аріосто. Романтическая поэзія очаровывала нѣкоторыхъ вопреки тѣмъ возраженіемъ, какія они могли выдвинуть противъ нея, руководясь апріорною теоріею, основанною на Аристотелѣ и древнихъ образцахъ.

Изъ этихъ критиковъ выдается Beni, который вообще заслуживаетъ упоминанія въ ряду тогдашнихъ теоретиковъ поэтическаго искусства. Онъ удѣлялъ полное вниманіе „a'sottili e difficili precetti di Aristotile“ [1]), постоянно считался съ ними, думалъ, что знаніе и соблюденіе правилъ весьма важно для поэтовъ [2]), пренебрежительно относился къ рыцарскимъ романамъ [3]), былъ весьма высокаго мнѣнія о поэмѣ Тассо [4]), хорошо зналъ и свелъ во-едино всѣ обвине-

---

[1]) Beni принадлежатъ, между проч., Commentaria in Aristotelis libros rethoricorum etc., Ven. 1624.

[2]) Comparatione di Homero, Virgilio e Torquato, предисловіе (A'Benigni Letteri L'Autore): ....«a confessarne il vero, è da temer che molti Poeti, etiandio de'Latini, tuttoche nel resto famosi e chiari, sol per mancamento di precetti (che gli Aristotelici si giaceuano nelle tenebre sepolti) si sian' assai dilungati dal sommo e perfetto».

[3]) Comparat., 229: ...«quando l'attion sia in tutto inaudita, non solo difficilmente si acquista credenza, o sembra verisimile, ma genera sospetto di falsità: sapendosi che gli heroici fatti sogliono per historie o per fama esser palesi. Laonde non si può esprimer lo suantaggio il qual' hanno in questa parte, com'anco in molt'altre, i Giron Cortesi, i Fidi Amanti, & altri poemi tali in tutto finti». По мнѣнію Beni, такія поэмы, какъ Italia liberata или Alemanna, болѣе воспламеняютъ благородныя сердца, «che non fanno i Morganti, gl'Amadigi, o altri tali i cui fatti si hanno per sonni & ombre» (p. 230). Ср. на стр. 283:« ... del tutto finti sembrano gli Amadigi, i Palmerini, Primaleoni e simil'altre amorose e caualleresche inuentioni per non dir ciancie»...

[4]) ...«hauendo Torquato nella sua Gierusalemme mostrata la strada onde possiamo non solamente riuolgere a lodat'uso, ma ancora alta e nobilmente inalzare, lo stil' e'l canto; e con dilettar'anco, andarci scostando a gran passi dal impudiche inuentioni di molti Heroici Poeti, non ci pareua di auuenturar' & impiegar bassa & inutilmente l'opera nostra» (предисловіе). Цѣлый рядъ разсужденій посвященъ затѣмъ доказательству того, что въ своемъ Goffredo Тассо воплотилъ болѣе благородную и совершенную идею доблестнаго вождя, чѣмъ какую имѣли Гомеръ и Виргилій; единство, цѣлостность и величіе фабулы лучше выдержаны у Тассо, чѣмъ у древнихъ эпиковъ; равнымъ образомъ Тассо сумѣлъ лучше Гомера украсить свою поэму эпизодами; лишь трудно рѣшить, онъ ли, или Виргилій искуснѣе въ пользованіи эпизодами. Что до сюжета, избраннаго Тассо, то этотъ сюжетъ какъ нельзя болѣе былъ способенъ къ естественному распорядку, и Тассо и въ этомъ отношеніи выше Виргилія и также Гомера, если имѣть въ виду Одиссею. Compar., 1—245.

Digitized by Google

нія, какія были выдвинуты противъ Аріосто [1]), соглашался съ тѣмъ, что Аріосто нарушилъ нѣкоторыя правила, напр. касательно единства [2]); и тѣмъ не менѣе, Beni не могъ не признать, что „Аріосто не только значительно превзошелъ всѣхъ предшествовавшихъ ему итальянскихъ поэтовъ, но приблизился къ Виргилію и сталъ выше Гомера“ [3]). Фабула Аріостовой поэмы не можетъ быть приравниваема къ фабуламъ французскихъ и испанскихъ рыцарскихъ романовъ объ Амадисахъ, Прималеонахъ и т. п.; она принадлежитъ къ числу тѣхъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ исторіи [4]). Сравнивая фабулу Furioso съ Гомеровскою, Beni отдаетъ предпочтеніе первой. Завязки эпизодовъ у Аріосто отличаются искусствомъ и удивительною красотою: читатель проникается нетерпѣніемъ, пламенно желаетъ знать, чѣмъ окончится то или иное событіе, о которомъ онъ началъ читать, и испытываетъ неудовольствіе, какъ скоро поэтъ, не окончивъ разсказа объ одномъ происшествіи, принимается повѣствовать о другомъ; впрочемъ, читатель начинаетъ тотчасъ же интересоваться этимъ новымъ эпизодомъ, который увлекаетъ его въ такой же мѣрѣ, какъ и предыдущій, если не болѣе; и такъ бываетъ постоянно. Читатель проникается не только удивленіемъ, но по временамъ также состраданіемъ, гнѣвомъ, любовью и другими подобными чувствами. Поэма Аріосто исполнена, такимъ образомъ, героическаго величія и увлекаетъ. „Аріосто, опытный въ построеніи драмъ, сумѣлъ искусно ввести и въ свою поэму множество самыхъ удачныхъ завязокъ [5]), и благодаря имъ эта поэма не только полна разнообразія, но и увлекательна, неподражаема въ этомъ отношеніи и выше всякаго человѣческаго искусства, не говоря уже о Гомеровскомъ, такъ какъ, правду сказать, Гомеръ весьма бѣденъ хорошими завязками и какъ бы совсѣмъ лишенъ ихъ“ [6]). Далѣе, Аріо-

---

[1]) Ib., 246—250.

[2]) P. 245: «il suo Poema non contenga vnita di fauola». Cf. p. 281.

[3]) P. 235: «l'Orlando dell' Ariosto ... (se alcun mi adduca a dir quel ch'io ne sento) non solamente hà superato di gran lunga qualunque altro Epico Italian Poeta ilquale anšti di lui habbia poetato, ma ancora s'è andato auuicinando a Virgilio, e (se mi è lecito di scoprir liberamente il mio parere) s'è auanzato fin sopra Homero».

[4]) P. 283, 285—286.

[5]) Эпизодъ объ Ariodante e Gineura вызвалъ такой восторженный отзывъ: «di che non sò io se nell'antiche ouer moderne carte si troui fatto alcuno piu marauiglioso & affettuoso, o meglio annodato e sciolto» (p. 289).

[6]) P. 294.

Digitized by Google

сто весьма удачно, живо и мастерски изображаетъ какъ внушающія ужасъ сцены войны, такъ и сцены любовныя и вызывающія участіе; не менѣе прекрасны у него описанія, сравненія и выраженія сѣтованія, внушенныя состраданіемъ и любовью. Равнымъ образомъ въ заимствованіяхъ изъ древнихъ поэтовъ Аріосто весьма остроуменъ, искусенъ и превосходенъ. Наконецъ, онъ удивительно воспользовался для украшенія своей поэмы данными астрологіи, космографіи, исторіи и цвѣтами краснорѣчія.—Такимъ образомъ, и просвѣщенный и безпристрастный чтитель Тассо, какимъ былъ Beni, не могъ не признать великихъ достоинствъ поэмы Аріосто и готовъ былъ забыть нарушеніе правила касательно единства фабулы. Романтическая поэма превозмогала своихъ классическихъ соперницъ, и въ эпосѣ знаменитая теорія единства [1]) не могла такъ утвердиться, какъ утвердилась въ драмѣ, тѣмъ болѣе, что единства фабулы не находили даже у Гомера.

При такой постановкѣ критики, противоположеніе Тассо и Аріосто, изначала въ значительной степени искусственное, не могло бы держаться. Но сужденіе публики, которая въ этомъ отношеніи какъ бы соглашалась съ Beni, цѣня достоинства обоихъ поэтовъ и не задаваясь тщательною сравнительною оцѣнкою ихъ, не имѣло значенія для критиковъ, не могшихъ отрѣшиться отъ педантства и пристрастія къ sottigliezze. Beni писалъ въ ту пору, когда ярость спора, раздутаго личными мотивами и нежеланіемъ уступить въ *Dispute dialettiche*, какъ назвалъ Сальвіати свою полемику, ослабѣла, когда заканчивался первый періодъ литературной войны, поднявшейся по поводу „Освобожденнаго Іерусалима“, и стало возможно болѣе спокойное обсужденіе вопроса. Ослабѣлъ въ то время и самый интересъ къ этому вопросу о поэмѣ Тассо, что̀ доказывается значительнымъ уменьшеніемъ съ 90-хъ годовъ XVI в. количества произведеній, занимавшихся критическимъ разсмотрѣніемъ „Освоб. Іерус.“. Тѣмъ не менѣе, безпристрастная оцѣнка поэмы Тассо не была еще возможна для многихъ и прежде всего—для тѣхъ поэтовъ первой половины XVII в., которые пытались превзойдти Тассо. Другіе продолжали нападать на Тассо или противополагать его Аріосто въ силу рутины и педантства.

---

[1]) Объ этой теоріи см. этюдъ *Breitinger*-а Les unités D'Aristote avant le Cid de Corneille, Genève 1879, p. 4-14.

Digitized by Google

Въ 80-хъ годахъ XVII в., съ выходомъ Bilancia critica di Mario Zito (1685), совсѣмъ наступаетъ затишье въ спорѣ объ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, но по старой памяти противопоставленіе Тассо и Аріосто продолжалось, и писатель первой половины XVIII в., Becelli, избралъ даже этотъ споръ предметомъ одной изъ своихъ комедій, озаглавленной *L'Ariostista e il Tassista* (1748).

Въ этой комедіи, заключающей въ себѣ, по замѣчанію одного критика [1]), нѣчто Аристофановское, вопросъ объ обоихъ эпикахъ представленъ разбирающимся въ аду, при чемъ Плутонъ стоитъ за Тассо, а Прозерпина за Аріосто; окончательный приговоръ не склоняется ни на ту, ни на другую сторону. Отмѣчаются недостатки какъ въ поэзіиАріосто [2]), такъ и въ поэмѣ Тассо. Слѣдовательно, авторъ комедіи не одобрялъ спора, который казался ему неразумнымъ, какъ смѣшными казались и многія другія занятія *лже-ученыхъ* [3]). Въ исторіи пренія о Тассо и Аріосто Becelli занимаетъ въ XVIII в. отчасти такое же нейтральное положеніе, какое въ XVII в. присвоивалъ себѣ Nic. Villani.

Вообще въ XVIII в. начали правильнѣе относиться къ поэмамъ Тассо и Аріосто. Baretti равно отстаивалъ обоихъ великихъ эпиковъ противъ несправедливости, какую, по его мнѣнію, выказывала въ отношеніи къ нимъ иностранная критика. У него замѣчаются вмѣстѣ съ тѣмъ зачатки вполнѣ научнаго отношенія къ итальянской рыцарской эпикѣ. Рыцарскимъ эпосомъ, въ которомъ выступаетъ „gente tanto poetica e tanto dilettosa“, интересуется, по мнѣнію Baretti, „ogni persona fantasiosa e di buon gusto“, и Baretti указывалъ на необходимость того изслѣдованія о генезисѣ произведеній итальянской рыцарской эпики, которое было осуществлено лишь учеными нашего вѣка, Panizzi, G. Paris и преимущественно Rajn-ой [4]).

Въ особенности интересно для насъ мнѣніе аббата Serassi, посвятившаго всю свою жизнь изученію біографіи и произведеній Тассо.

---

[1]) *Nicc. Tommaseo*, Dizionario estetico, Mil. MDCCCLII, p. 35.

[2]) «Così l'ha fatta specchio della vita Che il vizio spesso e meglio rappresenta».

[3]) Такое заглавіе (*Falsi letterati*) носитъ комедія, напечатанная въ 1740 г. Въ ней есть, между проч., разсказъ объ одномъ ученомъ, который сосчиталъ всѣ запятыя у Аріосто.

[4]) См. *L. Morandi*, Voltaire contro Shakespeare, Baretti contro Voltaire. Con un'appendice alla Frusta letteraria e XLIV lettere del Baretti. Nuova ediz., Città di Castello 1884, p. 69, 71, 72, 130—131.

Digitized by Google

Serassi старался соблюсти справедливость въ отношеніи къ обоимъ великимъ эпикамъ Италіи. Въ 1794 г. онъ издалъ разсужденіе о спорѣ изъ-за Тассо и Аріосто [1]), который уже два вѣка съ лишнимъ вели академіи и ученѣйшіе и почтеннѣйшіе люди какъ Италіи, такъ и странъ, къ сѣверу отъ нея лежащихъ, но который все еще оставался нерѣшеннымъ [2]). Вступая съ своей стороны въ разбирательство вопроса о томъ, кому слѣдуетъ присудить первенство въ итальянской эпикѣ, Тассо или Аріосто, Serassi отправляется въ существѣ отъ тѣхъ же принциповъ критики, какими руководились ученые XVI и XVII вв. Онъ приводитъ Аристотелево опредѣленіе эпопеи и разсматриваетъ затѣмъ объ поэмы со стороны favola, costume, sentenza, e locuzione. Героической фабулѣ Serassi предъявляетъ три требованія: въ ней должно быть соблюдено единство дѣйствія, факты должны отличаться вѣроятностію, и могутъ имѣть мѣсто лишь необходимые и подобающіе эпизоды. Что до построенія фабулы, то нечего искать единства ея у Аріосто, который слѣдовалъ манерѣ romanzi; напротивъ, въ поэмѣ Тассо единство дѣйствія возбуждаетъ удивленіе. Главныя дѣйствующія лица эпоса, по Аристотелю, должны отличаться высшимъ достоинствомъ. У Аріосто они не таковы [3]), и Феррарскій пѣвецъ подвергается за то общему порицанію, чего нельзя сказать о Тассо, изобразившемъ въ Гоффредо совершеннаго вождя. Тассо погрѣшилъ противъ требованія касательно выдержанности въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, касательно соотвѣтствія ихъ поступковъ и рѣчей ихъ характеру и историческимъ даннымъ, но не въ такой степени, какъ Аріосто, представившій Роланда влюбленнымъ и безумнымъ. За то ни одинъ поэтъ не можетъ поравняться съ Аріосто въ талантѣ и искусствѣ анализа и вполнѣ правдивой и полной естественности мотивировки различныхъ человѣческихъ чувствъ и вызываемыхъ ими душевныхъ движеній, и въ обрисовкѣ характеровъ, положеній и дѣяній [4]); такого рода эпизоды „Неисто-

---

[1]) *Ragionamento* dell'abate Pierantonio *Serassi* sopra la controversia del Tasso, e dell' Ariosto. Parma MDCCXCIV.

[2]) Интересно указаніе причины, по которой не могли прійти къ рѣшенію вопроса о Тассо и Аріосто. По мнѣнію Серасси (p. IV), это произошло o per la troppa parzialità e soverchio impegno de' giudici, *o piuttosto per lo singolare e grandissimo merito* de'poeti.

[3]) P. XI:...«perchè abbia fatti viziosi persino i suoi principali eroi, come Agramante spergiuro, Orlando effeminato e Ruggero lascivo e disleale»...

[4]) P. XVII: «vegniamo oramai a parlare della sentenza, pregio tanto singolare dell' Arioste

Digitized by Google

ваго Роланда" глубоко трогаютъ читателя [1]). Въ этомъ отношеніи нѣкоторые ставятъ Тассо гораздо ниже Аріосто, находя въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ" натянутость и искусственность. Serassi же думаетъ, что, признавая легко и свободно развертывающуюся наглядность повѣствованія у Аріосто, можно удивляться вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлкѣ у Тассо, благодаря которой читателя также трогаетъ разсказъ поэта. Въ укоръ Тассо ставятъ по мѣстамъ чрезмѣрную искусственность и возвышенность, а по мѣстамъ нѣкоторую жесткость и темноту; но вѣдь и у Аріосто указываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ либо крайнюю небрежность и пошлость, либо чрезмѣрную легкость и несостоятельность. Что касается, наконецъ, языка, то оба поэта равно заслуживаютъ величайшей похвалы [2]). Заканчиваетъ Serassi сжатою характеристикою того и другаго поэта, изъ которой явствуетъ, что у Аріосто болѣе естественности, у Тассо же болѣе изящества, но оба они—весьма крупные поэты: Аріосто—второй Гомеръ, а Тассо—итальянскій Виргилій [3]).

Итакъ, къ концу XVIII в. авторитетнѣйшій изслѣдователь жизни и произведеній Тассо и глубокій чтитель этого поэта поставилъ поэму Аріосто столь же высоко, какъ и Тассову. Своими сужденіями о той и другой Serassi напоминаетъ Beni; разница въ воззрѣніяхъ обоихъ критиковъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что Serassi, имѣя предъ собою большее количество критическихъ замѣчаній [4]), вникъ обстоятельнѣе въ недостатки произведенія Тассо и отчетливѣе указалъ нѣкоторыя изъ великихъ достоинствъ „Неистоваго Роланда".

---

che per questo solo è giunto a superar tutti gli altri poeti, ed ha reso il suo poema incomparabile e maraviglioso».

[1]) P. XVII: «Il lamento d'Orlando è tale, ch'è impossibile a imitarlo: è tale, che chi non sentira intenerirsi, non avrà cuore; chi non piangerà, sarà senza occhi»...

[2]) P. XXIII: «Ecco i concetti dell'Ariosto facili e spiegati per lo più con voci chiarissime e dolci, e quelli del Tasso espressi per lo più con traslati, e pieni di sensi esquisiti».

[3]) Ib.: «L'Ariosto pertanto sembra più dolce poeta; il Tasso poeta piu elegante; nell'uno si vede la natura campeggiar sovra l'arte, nell'altro l'arte soverchiar la natura; il Furioso per la varietà, per la naturalezza e per l'espression degli affetti é singolare e inarrivabile; la Gerusalemme, per la struttura, per la maestà, e per l'artificio è maravigliosa; in una parola Ariosto è l'Omero, il Tasso è il Virgilio dell'italiana favella».

[4]) Между прочимъ, онъ первый открылъ въ одномъ изъ Римскихъ книгохранилищъ критическія замѣчанія Галилеи объ «Освобожденномъ Іерусалимѣ», но не хотѣлъ ихъ обнародывать, пока не противопоставилъ бы «le debbite risposte alle sofistiche e mal fondate accuse di un Cen-

Digitized by Google

Совпаденіе во взглядахъ Beni и Serassi получаетъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что итальянскій народъ точно также почти одинаково цѣнилъ „Неистоваго Роланда“ и „Освобожденный Іерусалимъ“. Мнѣніе лучшихъ и болѣе безпристрастныхъ критиковъ оказалось въ согласіи съ приговоромъ массы читателей и, какъ увидимъ, всего народа. Придирчивая и педантическая критика ученыхъ и литераторовъ, желавшихъ во что бы то ни стало поставить одного поэта гораздо выше другаго или умалить заслуги того и другаго, осталась безъ вліянія на общенародное сужденіе, и очеркъ спора, имѣвшаго цѣлью преимущественное возвеличеніе котораго-нибудь одного изъ великихъ итальянскихъ эпиковъ, наглядно показываетъ, какъ теченіе исторіи сглаживаетъ всѣ неровности и отклоненія отъ высшей правды и разумности, и сколь безплодными оказываются въ концѣ концовъ усилія извратить истину, либо водворить односторонность. Оба эпика—Аріосто и Тассо—весьма талантливо и увлекательно воспроизвели одну и ту же средневѣковую романтику, изобразили одинъ и тотъ же героизмъ и складъ душевной жизни, исполненной рыцарскаго энтузіазма, но при этомъ они сообщили различное освѣщеніе рыцарскому міру и сталкивавшемуся съ послѣднимъ мусульманскому: Аріосто не разъ проявляетъ глубокую сердечность въ повѣствованіи о личностяхъ и отношеніяхъ рыцарскаго міра, но всецѣло не принадлежитъ ему, усматривая въ немъ немало смѣшнаго или, по меньшей мѣрѣ, внушающаго сожалѣніе, и не безъ тонкой иронія относится къ рыцарскимъ грезамъ. Тассо не замѣчаетъ ничего смѣшнаго въ рыцарскомъ энтузіазмѣ и изображаетъ преимущественно возвышенную сторону рыцарскаго героизма и любви. Энтузіазмъ и иронія, при надлежащемъ уравновѣшеніи, оба являются великими двигателями человѣческаго самоусовершенствованія, и потому оба изображенія рыцарскаго міра имѣютъ одинаково высокую цѣну, взаимно дополняя другъ друга въ выраженіи тѣхъ сторонъ рыцарства, которыя продолжаютъ сохранять непреходящее значеніе.

---

sore in altre materie di tanta celebrità». Serassi не сообщилъ даже никому о своемъ открытіи, какъ полагаютъ—изъ боязни, чтобы напечатаніе замѣчаній Галилеи, которыя на дѣлѣ онъ могъ считать вовсе не софистическими, не подорвало славы Тассо. Подозрѣваютъ даже, что Serassi вырвалъ первые листки ms. barberiniano, содержавшіе *Considerazioni* Галилеи, можетъ быть для того, чтобы уничтожить свидѣтельство о принадлежности *Considerazioni* знаменитому ученому. Какъ бы то ни было, знакомство съ мнѣніемъ Галилеи не прошло безслѣдно для сужденія Serassi о Тассо и Аріосто.

Digitized by Google

Въ силу того, мнѣніе Serassi несмотря на неудачность окончательной его формулировки [1]), кажется намъ въ общемъ наиближе подходящимъ къ истинѣ въ ряду мнѣній, высказанныхъ въ теченіе двухъ вѣковъ съ лишнимъ, протекшихъ отъ появленія въ свѣтъ „Освобожденнаго Іерусалима".

Вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ поэмъ Аріосто и Тассо не былъ порѣшенъ двухвѣковыми усиліями критики, и нашъ вѣкъ отчасти продолжилъ работу прежней критики, а отчасти занялся разсмотрѣніемъ „Неистоваго Роланда" и „Освобожденнаго Іерусалима" съ новой точки зрѣнія, признавъ прежнюю весьма поверхностною.

Въ настоящемъ столѣтіи одни продолжали защищать Тассо противъ нападковъ старой критики [2]), другіе возвеличивали Аріосто предпочтительно предъ Тассо, называя перваго величайшимъ итальянскимъ поэтомъ XVI в., третьи какъ бы слѣдовали тому взгляду, который высказалъ въ концѣ прошлаго вѣка Serassi [3]), наконецъ, четвертые признаютъ безполезнымъ сравненіе произведеній неоднородныхъ и, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ сопоставлять поэмы Аріосто и Тассо [4]). Так. обр., отголоски стараго спора слышатся и въ настоящемъ столѣтіи.

Для насъ это трехвѣковое препирательство представляетъ интересъ потому, что продолжительность его служитъ однимъ изъ наглядныхъ подтвержденій того значенія, какое постоянно сохраняла въ Италіи романтика въ передачѣ обоихъ великихъ итальянскихъ эпиковъ XVI в. Отчасти благодаря такому значенію романтики и личность Тассо постоянно внушала глубокій интересъ изслѣдователямъ и поэтамъ; не разъ являлись даже поддѣлки произведеній Тассо [5]).

---

[1]) Читатель могъ видѣть изъ приведенной выше выдержки, что эта формулировка изложена въ фразахъ, мало говорящихъ современному читателю.

[2]) Такова, напр., защита Тассо противъ замѣчаній Галилеи, явившаяся въ 1819 г. безъ имени автора (Giovanni Generali). Нѣкоторые продолжали настаивать на томъ что Тассо—*principe dell'epica*.

[3]) У насъ восхищался одновременно обоими итальянскими эпиками поэтъ Батюшковъ. См. его статью: «Аріостъ и Тассъ» (Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданы П. Батюшковымъ, т. II. Спб. 1885, стр. 149—156).

[4]) На такомъ сопоставленіи основано замѣчаніе Dini (p. 296), что послѣ Аріосто возможно было воспроизводить стремленія рыцарства лишь «in una maniera sofistica», изображая рыцарство съ одной какой-нибудь стороны. Перечень новѣйшихъ взглядовъ по вопросу о сравненіи поэмъ Тассо и Аріосто см. у Dini p. 300—301.

[5]) Укажемъ на *Le Veglie*, которыя поддѣлалъ Compagnoni. На русскомъ яз. явилось

Digitized by Google

Аріосто и Тассо царили въ итальянской эпикѣ XVII и XVIII вв., такъ какъ она, выдвинувъ цѣлый рядъ новыхъ поэмъ, все-таки не представила произведеній, которыя могли бы поравняться съ великими поэмами XVI в. и отѣснить ихъ на задній планъ. Послѣ Тассо, соединившаго въ себѣ, по удачному выраженію Carducci, крайнія противоположности рыцарскаго и религіознаго идеализма, возвышенное рыцарское настроеніе уже не возрождалось съ такою силою въ Италіи, а постепенно слабѣло и медленно угасало, и въ то же время взамѣнъ его не выдвигался могучій новый идеализмъ въ родѣ французскаго идеализма XVII в.

Въ началѣ XVII в. въ Италіи возникло-было новое литературное теченіе, надѣлавшее много шуму и долженствовавшее, казалось, подорвать славу прежнихъ великихъ созданій итальянской поэзіи, но успѣхъ этой новинки былъ временный, и въ Италіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалось существованіе той эпики, которая развилась въ XVI в. и которая распадалась на нѣсколько группъ произведеній примѣнительно къ положительному или отрицательному отношенію къ Тассо и вообще къ рыцарскому идеализму.

Разсмотримъ кратко эти главныя теченія итальянской эпики XVII в., чтобы ознакомиться съ тѣми видоизмѣненіями, какимъ подверглась романтика въ томъ столѣтіи.

Мы видѣли, что уже во второй половинѣ XVI в. въ сферѣ романтической поэзіи обнаружилось стремленіе къ новизнѣ, постепенно усилившееся къ концу того вѣка и къ началу XVII-го столѣтія. „Аминта“ и нѣкоторыя другія произведенія Тассо [1]) и „Pastor fido“ Гварини были выдающимися проявленіями зарождавшагося новаго направленія поэзіи. Полное выраженіе этого направленія въ годы, когда оно окончательно сложилось, находятъ въ произведеніяхъ cavalier-a Giambattista Marino [2]). Это былъ поэтъ не-

---

два изданія перевода этой поддѣлки. Второе изданіе («Тассовы мечтанія. Перевелъ съ Италіанскаго Николай Остолоповъ, Спб. 1818») заключаетъ также итальянскій текстъ. См., далѣе, о поддѣлкѣ лирическихъ произведеній Тассо въ статьѣ *Solerti*: «Dei manoscritti di Torquato Tasso, falsificati dal conte Mariano Alberti»—Giorn. stor. d. lett. it., XIV, fasc. 40—41.

[1]) Характерно, что Лопе де Вега въ хвалебномъ обращеніи къ Марино назвалъ послѣдняго солнцемъ, а Тассо—зарей, предвозвѣстившей восходъ этого солнца.

[2]) Новѣйшій этюдъ о Марино—*M. Landau*: «Zur Geschichte des Barockstils in der Literatur» въ Beilage zur Allgem. Zeitung 1890, №№ 63, 65, 66. Landau воспользовался новѣйшею монографіею на ит. яз. о Марино: *M. Menghini*, La vita e le opere di Giambattista Marino, Roma 1888. См. еще статью *Lenient-a*: «L'hôtel de Rambouillet» въ Rev. pol. et litter. 1873, № 25.

Digitized by Google

сомнѣнно талантливый, хорошо владѣвшій языкомъ и стихомъ, но сразу пошедшій по ложной дорогѣ: онъ изначала проявилъ наклонность къ антитезамъ, которыми не совсѣмъ удачно пользовался. Онъ былъ знакомъ съ Тассо и задумалъ-было эпосъ *Разрушенный Іерусалимъ*, который хотѣлъ противопоставить Освобожденному Іер., но, написавъ отрывокъ этой поэмы, увидѣлъ, что не можетъ соревновать Тассо, и прекратилъ начатую работу. Онъ порѣшилъ, что бывшія дотолѣ въ ходу въ итальянской литературѣ фабулы (въ томъ числѣ и рыцарскія) надоѣли публикѣ, избралъ потому новый сюжетъ и принялся за поэму объ Адонисѣ [1]). Эта весьма обширная и растянутая поэма вся почти посвящена воспѣванію страстной любви юнаго Адониса и Марсовой жены Венеры и затѣмъ изображенію гибели и погребенія Адониса. Характерно уже воззваніе въ самомъ началѣ поэмы, обращенное къ Венерѣ, „santa madre d'Amor", съ просьбою научить

A dir le pene dolcemente acerbe,
E le dolci querele, e'l dolce pianto.

Въ первыхъ строфахъ VIII-й пѣсни поэтъ прямо заявляетъ, что пишетъ для влюбленныхъ:

Giovani amanti, e Donne innamorate,
In cui ferue d'Amor dolce desio,
Per voi scriuo, a voi parlo, hor voi prestate
Fauoreuoli orecchie al cantar mio.

Строгіе читатели пусть будутъ подальше отъ его поэмы:

Lunge deh lunge alme seuere e schiue
Dala mia molle e lusinghiera Musa.
Da poesie sì tenere e lasciue
Incorrotta honestà vadane esclusa.

---

[1]) L'Adone, poema del cavalier Marino. In Venetia MDCXXIII. Это изданіе, которымъ мы пользовались, вышло въ томъ же году, въ которомъ явилось первое изданіе—Парижское.—Къ области рыцарской эпики относится принадлежащее Marino—Lettera di Rodomonte a Doralice con la risposta del S. Dionisio Viola, Ven. 1619. Въ изданіи *Lettere der Marino*, Ven. 1627, есть еще Risposta di Mandricardo alla lettera scritta da Rodomonte a Doralice, авторъ которой—G. Guerriero.

Digitized by Google

Ah non venga a biasmar quant'ella scriue
D'implacabil Censor rigida accusa,
La cui calunnia con maligne emende
Le cose irreprensibili riprende.

Di Poema moral graui concetti
Non speri vdir Hipocrisia ritrosa,
Che notando nel ben solo i difetti,
Suol cor la spina, e rifiutar la rosa.
Sò che frà le delitie, e frà i diletti
Degli scherzi innocenti alma amorosa
Cautamente trattar saprà per gioco
Senza incendio, ò ferita il ferro, e'l foco [1]).

Самъ Marino признаетъ, что поэма его можетъ производить двоякое дѣйствіе на читателей [2]), и однако непомѣрно выдвигаетъ на первый планъ моральное значеніе ея. Въ этомъ навязываніи моральнаго истолкованія чувственныхъ картинъ [3]) Marino является продолжателемъ литературнаго пріема, который неоднократно былъ примѣняемъ и въ монашеской нравоучительно-повѣствовательной литературѣ и въ итальянской поэзіи начиная съ Боккаччьо [4]). Пріемъ этотъ не имѣлъ отношенія къ рыцарской романтикѣ древ-

---

[1]) L'Adone, VIII, 3—4.

[2]) Ib., 5:

Hor s'auerrà, ch'alcun da' versi miei
Concepisca veleno, e tragga fele,
Altri forse sarà men fiero & empio,
Che raccolga da lor frutto d'essempio.

[3]) Въ образчикъ такого истолкованія приведемъ «аллегорію» къ VIII-й пѣснѣ, изображающей «I trastulli», т. е. утѣхи Адониса съ Венерою: „Il Piacere, che nel giardino del Tatto stà in compagnia della Lasciuia, allude alla scelerata opinione di coloro, che posero il sommo bene ne'diletti sensuali. Adone, che si spoglia & laua, significa l'uomo, che datosi in preda alle carnalità, & attuffandosi dentro l'acque del senso, rimane ignudo & priuo degli habiti buoni & virtuosi. I vezzi di Venere, che con esso lui si trastulla, vogliono inferire le lusinghe della Carne licentiosa & sfacciata, laquale ama & accarezza volentieri il diletto» (p. 164).—Въ посвященіи Маріи Медичи Марино говоритъ: «per hauere io ridotto il suggetto, che tratta (come per l'allegorie si dimostra) ad vn segno di moralità la maggiore, che perauentura si ritroui frà tutte l'antiche fauole, contro l'opinione di coloro, che il contrario si persuadeuano, giudico, che ben si confaccia alla modesta gravità d'una Prencipessa tanto discreta».

[4]) Имѣются данныя, свидѣтельствующія, что и новеллы Декамерона подвергались моральному истолкованію.

Digitized by Google

нѣйшей поры и привзошелъ въ нее позднѣе, въ періодъ появленія Романа о Розѣ. Къ той же позднѣйшей порѣ рыцарской поэзіи относится распространеніе въ послѣдней и аллегоріи. Въ ит. литер. аллегорія является уже въ buon secolo, и Марино могъ почерпнуть наклонность къ аллегоріи, занимающей весьма видное мѣсто въ его Adone, изъ родной литературы [1]), а не только изъ романа о Розѣ, съ которымъ могъ быть знакомъ. Изъ родной же литературы взяты мотивъ путешествія и многія стилистическія особенности. Съ чисто рыцарскими романами поэма Марино сближается нѣкоторыми подробностями и эпизодами [2]), въ особенности же основною темою — любовными отношеніями между юношей и замужней дамой [3]). Въ этой немногосложной темѣ, развитой въ 40 тысячахъ стиховъ, въ цѣломъ рядѣ подробныхъ описаній и во множествѣ варіацій однѣхъ и тѣхъ же мыслей, заключалась главная пикантность замысла Марино. Предметъ поэмы давалъ возможность рисовать по мѣстамъ вольныя картины, которыхъ не мало въ „Адонисѣ". Авторъ видимо пользовался представлявшимися ему случаями давать читателямъ описанія, которыя могли быть особливо интересны для нихъ, изображая въ существѣ не міръ классической древности и не средніе вѣка, а нравы и страсти дворовъ, при которыхъ довелось побывать Марино. Не можетъ быть и рѣчи о возвышенности той любви, которую Марино воспѣлъ въ Адонисѣ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, ниспускаясь по всѣмъ ступенямъ эротики отъ сентиментальнаго мистицизма Петрарки до грубѣйшаго сенсуализма. Сліяніе чувственности по мѣстамъ съ подъемомъ чувства не закрываетъ первой. Достопримѣчательно, что Preti, какъ бы протестуя противъ отношенія Марино къ любви, въ отвѣтъ на сонетъ послѣдняго, обращенный къ нему, писалъ въ концѣ своего сонета:

---

[1]) Вспомнимъ, что къ олицетвореніямъ прибѣгалъ иногда даже Аріосто, пользовавшійся ими умѣренно и весьма удачно (см., напр., изображеніе Auaritia въ Orl. Fur. XXVI, 31—33). Тассо также усвоялъ аллегорическое значеніе нѣкоторымъ изъ созданныхъ имъ образовъ.

[2]) См., напр., giardino del Tatto, l'amoroso ruscel (VIII, 25), отголоски средневѣковаго представленія о феяхъ (Falsirena) и т. п. Нѣкоторыя картины и выраженія заимствованы у Петрарки (описаніе долины въ Trionfo d'Amore), Аріосто (см. VIII, 18; cf. IX, 181) и у Тассо (IX, 194: «*Ahi crudo Amor...*»; ср. такое же выраженіе у Тассо, приведенное выше). Марино воспользовался, между прочимъ, знаменитымъ мѣстомъ Дантова Ада о Франческѣ (см. въ ст. Landau).

[3]) Эта тема сближаетъ поэму объ Адонисѣ и съ новѣйшимъ романомъ. По Landau, «das Verhältniss von Venus, Mars und Adonis erscheint dann wieder wie die Situation von Frau, Gatte und Liebhaber in irgendeinem modernen Ehebruchsroman».

Digitized by Google

Cosi provo, Marin, ch'animo intento
Ad un'amor pudico arde felice,
E che piacer lascivo è un ombra, un vento.

Пряный, причудливый стиль, разсчитанный на эффектъ [1]), довершалъ привлекательность поэмы Марино для читателей XVII в. Дѣланность этого напыщенно-лиричнаго и цвѣтистаго стиля, чрезмѣрно изобилующаго образами, сравненіями, метафорами, антитезами, при крайней гладкости выраженія, подходитъ какъ нельзя болѣе къ характеру любви, въ которой нѣтъ простоты и искренности чувства, и которая производитъ по временамъ комическое впечатлѣніе [2]), а также къ хвалебному тону, въ которомъ Марино выказываетъ себя истымъ придворнымъ поэтомъ [3]).

Создавъ поэму объ Адонисѣ, заключающую въ себѣ разукрашеніе чувственной любви [4]), Марино возмнилъ себя равнымъ Тассо и, не стѣсняясь, причислилъ себя къ рангу такихъ поэтовъ, какъ великіе эпики XVI в. Себя самого онъ вывелъ въ IX-й пѣснѣ подъ именемъ Fileno и противопоставилъ Адониса героическимъ поэмамъ [5]). Въ

---

[1]) По мнѣнію Марино, послѣдняя цѣль превосходнаго поэта—возбуждать изумленіе (meraviglia); поэтъ долженъ умѣть far stupir vada alla striglia.

[2]) Есть мѣста въ поэмѣ, производящія комическое впечатлѣніе, напр.—даже въ описаніи смерти Адониса.

[3]) Марино расточалъ хвалы всѣмъ королямъ и князьямъ. Въ посвященіи своей поэмы онъ не скупится на грубую лесть, дѣлаетъ прозрачные намеки на щедрое покровительство, которое находили нѣкогда знаменитые древніе и новые поэты. Свою поэму Марино называетъ «quasi un registro delle sue (Людовика XIII) opere magnanime, delle quali una parte (ancorche minima) mi sono insegnato d'esprimere in esso». Ясно, что Марино принадлежалъ къ тому же типу итальянскихъ литераторовъ, представителемъ котораго въ XVI в. былъ Аретино.

[4]) Klein, V, 603, со свойственною ему рѣзкостію и мѣткостью выраженія, говоритъ: „Der Adone ist gleichsam ein einziges, mit den künstlich verstiegensten Trillern und Rouladen verziertes Phalluslied in 20 Gesängen".

[5]) IX, 5—6: Se fossi un degli augei saggi, e canori...

Io spererei non pur de'vostri honori
Note formar men basse, ò più gradite,
Ma con stil forse, a cui par non rimbomba,
Cangiar Venere in Marte, il plettro in trõba.

E'l Duce canterei famoso e chiaro...
Ma poich'a rozo stil non lice tanto,
Seguo d'Adone, e di Ciprigna il canto.

Въ послѣдней строфѣ поэмы Марино также называетъ себя pescator Fileno, который

. . . . . tutto il filo a pieno
Di quei magici amori in carte scrisse.

Digitized by Google

той же пѣснѣ о „La fontana d'Apollo" Марино изобразилъ состязаніе славныхъ итальянскихъ поэтовъ, представленныхъ въ видѣ лебедей (Cigni) [1]); въ числѣ ихъ упоминаются Аріосто, Тассо [2]) и Гварини; послѣдній ставится наравнѣ съ Аріосто и Тассо, и слава его, по заявленію Марино, не увяла [3]). Тамъ же Марино направилъ нѣсколько станцъ противъ своего литературнаго врага, „augel maluagio e brutto", „difforme e rabuffatto Gufo" (ушастая сова), подъ которымъ надо разумѣть престарѣлаго Stigliani, принадлежавшаго въ поэзіи къ школѣ XVI вѣка, попытавшагося-было осмѣять Марино въ героической поэмѣ „Il Mondo nuovo" и въ критическомъ произведеніи L'Occhiale" и вызвавшаго противъ себя цѣлый рядъ полемическихъ выходокъ со стороны приверженцевъ Марино.

Такихъ враговъ у Марино было мало. Въ противоположность Тассо Марино былъ доволенъ своими современниками, и точно также послѣдніе вполнѣ удовлетворялись его произведеніями. Нѣкоторые критики, не склонявшіеся въ спорѣ касательно „Освобожденнаго Іерусалима" ни на сторону Тассо, ни на сторону Аріосто,

---

([1] Въ посвященіи также говорится: ...«è nato ne'Signori il nobilissimo costume del nutrire *i Cigni famosi*...»

[2]) Аріосто, по словамъ Марино, IX, 181, воспѣлъ:

Donne insieme, & Heroi, guerre, & amori...
Immortalando di Ruggier gli honori
Con pura vena, e semplice armonia;
E di dolcezza inebriaua i cori.
I circostanti tronchi inteneria.
Arder facea d'amor le pietre e l'onde,
Sospirar l'aure, e lagrimar le fronde.

О Тассо говорится въ слѣдующей строфѣ:

Testor di rime eccelse e numerose
Di Parthenope un figlio a lui successe,
E prese a celebrar *L'armi pietose*,
Liberatrici dele mura oppresse;
E i suoi pensier sì viuamente espose,
I versi suoi sì nobilmente espresse,
Che fè del nome di *Goffredo, e Guelfo*
Sonar Cipro non sol, ma Delo, e Delfo.

[3]) L'Adone, IX, 183:

Nè tu con uoce men gradita, e cara
Fauoleggiando il canto tuo sciogliesti,
Dico a te, che di gloria hoggi si chiara
Il tuo *Fido pastore* adorni e vesti.

Digitized by Google

отдавали предпочтеніе Марино [1]), не принадлежа къ его восторженнымъ почитателямъ; послѣдніе же ставили еще выше его поэму и превозносили ее въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ, какъ, напр., Ахиллини, назвавшій Марино „величайшимъ изъ поэтовъ, какіе когда-либо были у Тосканцевъ, Латинянъ, Грековъ, Египтянъ, Халдеевъ и Евревъ". Такихъ торжественныхъ встрѣчъ подъ тріумфальными арками и почестей, какихъ удостоился Марино, не видѣли ни Данте, ни Аріосто, ни Тассо. Марино уже приготовлялся къ восхожденію на Капитолій, подобно Петраркѣ, но не дожилъ до этого торжества, какъ и Тассо.

У Марино явился цѣлый рядъ послѣдователей въ родной и въ другихъ литературахъ, такъ что можно говорить о цѣлой его школѣ. Особливо благопріятную почву для своего развитія Маринизмъ встрѣтилъ въ Испаніи [2]), но нашлись у него послѣдователи также во Франціи [3]) и въ Германіи. Какъ рѣзкое выраженіе условнаго вкуса того времени, „Адонисъ" оказалъ весьма значительное вліяніе на итальянскую литературу XVII в. При этомъ послѣдователи Марино въ Италіи лишь усугубили тѣ крупные недостатки, которыми страдала его поэзія, и въ то же время были лишены достоинствъ, несомнѣнно присущихъ ему.

Въ Маринизмѣ предъ нами новая интересная эпическая эволюція романтическаго чувства, окончательно обозначившаяся въ первой четверти XVII в., но началомъ своимъ восходящая къ вѣку Аретино, Тассо,

---

[1]) Таковъ былъ, напр., Nic. Villani, осуждавшій однихъ поэтовъ (между прочимъ, Берни и Гварини) съ точки зрѣнія морали и благочестія, а другихъ—руководясь принципами искусства, и ставившій Марино выше предшествовавшихъ поэтовъ, превозносившій «Адониса» насчетъ «Освобожденнаго Іерусалима» и Марино насчетъ Аріосто и Тассо. Виллани не былъ партизаномъ Марино и самъ писалъ поэму, которая, какъ онъ думалъ, будетъ выше Аріостовой. Какъ критикъ, отличавшійся независимостью сужденія и стоявшій выше обычныхъ тогда взглядовъ, долженъ быть помянутъ Fioretti; онъ не преклонялся нелѣпо предъ Платономъ и Аристотелемъ и нападалъ также на Аріосто.

[2]) Ранѣе въ Испаніи самостоятельно возникъ стиль, соотвѣтствовавшій стилю Марино,—alto estilo, повліявшій на возникновеніе Эвфуизма въ Англіи. Это туземное направленіе слилось съ воздѣйствіемъ Марино въ произведеніяхъ Alonso de Ledesma (1562—1632), главы такъ наз. Conceptismo. Главой настоящихъ Маринистовъ (Cultoristas) въ Испаніи былъ Góngora, но и у него были своеобразныя черты, и онъ не былъ лишь рабскимъ подражателемъ. Теперь указываютъ вліяніе Физіолога на развитіе «Cultismo» и эвфуизма (см. ст. *Lauchert*-а: «Der Einfluss des Physiologus auf den Euphuismus» въ Englische Studien XIV (1890), 2. Heft.

[3]) Во Францію вычурность стиля была внесена въ началѣ XVII в. вліяніями испанскимъ и англійскимъ. Марино, прибывъ въ Парижъ, былъ почетнымъ гостемъ въ отелѣ де Рамбулье. Послѣдователями его были Вуатюръ, Бенсерадъ и вся школа précieuse. Въ XVIII в. такая поэзія держалась до времени революціи.

Digitized by Google

Гварини, а отдѣльными элементами возводящая къ еще болѣе отдаленнымъ вѣкамъ. Утонченнымъ анализомъ преступной любви „Адонисъ“ нѣсколько сближается съ романомъ о Тристанѣ. Другими чертами поэма Марино напоминаетъ ту ступень въ развитіи рыцарскаго эпоса, которую характеризуетъ вторая часть романа Розы: въ обоихъ произведеніяхъ одинаково усматриваются пониженіе рыцарскаго настроенія, примѣсь аллегоріи, притязаніе на морализированіе при вольности картинъ. Есть, далѣе, въ поэмѣ Марино примѣсь испанскаго вліянія, уже въ XV в. проникавшаго въ Италію [1]); есть составныя части, всецѣло возникшія на почвѣ Италіи: таковы особенности стиля и содержанія, замѣчаемыя уже въ произведеніяхъ Петрарки, Боккаччьо и ихъ послѣдователей (напр. автора Il Paradiso degli Alberti, Bembo и др.). Вліяніе Возрожденія сказалось въ выборѣ классическаго миѳа, какъ сюжета поэмы; обработка же этого сюжета въ цѣломъ вполнѣ своеобразна, и древній миѳъ не узнаваемъ въ пламенно-мягкихъ ритмахъ Марино: онъ пестро изукрашенъ романтическими подробностями и, что̀ очень важно, особымъ лиризмомъ. Та сентиментальность, которая отличаетъ уже нѣкоторыя произведенія итальянской поэзіи Quattrocento и Cinquecento, еще болѣе разжижается у Марино и становится водянистой. Лиричная романтика доходитъ до необузданности [2]), и вполнѣ обрисовываются характерныя черты итальянской поэзіи XVII в. —преизбытокъ утонченно-лирическаго анализа чувства и вычурное выраженіе этого чувства при помощи измышленій лирическаго остроумія и эффектовъ. Въ гоньбѣ за послѣдними придавалась особая цѣна стилистической отдѣлкѣ, обращалось особое вниманіе на то, чтобы ослѣпить читателя и очаровать его слухъ, и для того были пускаемы въ ходъ блестки и неожиданности, разслабляющія мелодіи, гиперболы въ тропахъ и метафорахъ. Словомъ, водворился перевѣсъ орнаментики и декоративности надъ наглядностію, вытекающею изъ глубины основной идеи. Съ той поры подобная фигурная рѣчь стала

---

[1]) См. въ ст. *d'Ancona*: «Il seicentismo nel quattrocento» въ его Studi sulla Letter. Ital. 1884, о Caritео и Serafino, и ст. *d'Ovidio*: «Secentismo Spagnolismo?» въ Nuova Antologia 15 ott. 1882. Впрочемъ, старый вопросъ объ испанскомъ элементѣ въ Маринизмѣ все еще остается спорнымъ.

[2]) Klein, V, 605: «Das Grundgebrechen liegt in der ungezügelten, alle objective Erfindung und Gestaltung absorbirenden Malerei der sinnlichen Liebeslust; liegt in dem orgiastischen Lyrismus der Unzucht: dem Schwelgen in üppigem Sinnestaumel».

Digitized by Google

характерною принадлежностію романтическаго стиля въ литературахъ Запада въ противоположность классическому стилю [1]).

На ряду съ этимъ новымъ направленіемъ итальянской эпики, вполнѣ удалявшимся отъ героической поэмы, въ XVII в. продолжалось также теченіе, начало которому было положено въ XVI в.: выходило не мало героическихъ поэмъ. Нерѣдко, впрочемъ, и послѣднія носили отпечатокъ вѣка, въ который являлись, и были лиричны.

Многіе поэты, поощренные нападками критики на Тассо, исходившими отъ сторонниковъ академіи della Crusca, предпринимали попытку помѣряться силами съ Тассо и превзойти его, избѣжавъ тѣхъ недостатковъ, которые были указываемы въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ", и слѣдуя новыми путями. Эпики этого направленія не достигали удачи, но, тѣмъ не менѣе, ставили себя либо наравнѣ съ Тассо, либо выше его.

Другіе поэты (таковыхъ было меньше) не были столь притязательны, не задавались мыслью превзойти Тассо и относились къ нему съ уваженіемъ. Въ ихъ поэмахъ, примыкающихъ къ „Освоб. Іер.", иногда слишкомъ уже замѣтно подражаніе Тассо [2]) или же Гомеру, а иногда построеніе бываетъ довольно оригинально въ общемъ, и обнаруживаются значительныя достоинства [3]). Встрѣчаются въ этихъ поэмахъ и крупные недостатки, напр., отводится видная роль неудачнымъ аллегорическимъ олицетвореніямъ, которымъ приписывается дѣятельное участіе въ событіяхъ, какъ живымъ личностямъ. По сравненію съ „Освобожденнымъ Іерусалимомъ" въ поэмахъ послѣдователей Тассо усиленъ элементъ фантастики, и отводится видная роль волшебникамъ, чѣмъ эти поэмы сближались съ рыцарскими романами той категоріи, которою увлекался Донъ-Кихотъ. Въ частностяхъ, по прежнему, не видно оригинальности творчества, и замѣтно постоянное подражаніе. Нельзя не узнать, напр., заимствованія изъ рыцарскихъ романовъ въ томъ эпизодѣ поэмы Graziani, гдѣ говорится, что одинъ витязь, ставъ у моста, рѣшился

---

[1]) Ib., 606.

[2]) Въ одной поэмѣ выступаютъ даже тѣ самыя личности, какія выведены Тассо.

[3]) Разумѣемъ поэмы: Graziani-Conquisto di Granata и Caraccio—Impero vendicato (Roma, M. DCXC), въ которой говорится

. . . dell'Impero . . . . . Romano
Ritolto ai Greci dal Latino sdegno;
Per la cui gloriosa ultima ipmresa
Si unì la Greca e la Romana Chiesa.

Digitized by Google

возбранять проходъ всѣмъ рыцарямъ, которые не сообщили бы ему чего-нибудь объ Андроникѣ. Переодѣваніе юноши въ женское платье напоминаетъ подобный же поступокъ Селадона въ „Астреѣ“ d'Urfé [1]). Вообще эпосъ получаетъ вполнѣ романическій характеръ, благодаря чрезмѣрной сложности и переплетенію наполняющихъ его событій или интриги. Иногда нагроможденіе эпизодовъ бываетъ столь значительно, что читателю трудно найтись въ лабиринтѣ авантюровъ, и въ этомъ отношеніи поэмы XVII в. ближе къ эпосу Аріосто, чѣмъ къ поэмѣ Тассо. Подражаніе послѣднему во включеніи христіанскаго чудеснаго въ эпосъ страждетъ нерѣдко безвкусіемъ; такъ, не можетъ не показаться страннымъ читателю разсказъ о мечѣ, изготовленномъ апостоломъ Іаковомъ для короля Фердинанда, или о томъ, что св. Елена спустилась съ неба и вручила Гераклію щитъ, сдѣланный, по ея просьбамъ, евангелистомъ Лукою. Знакомство съ древнѣйшими рыцарскими романами ослабѣваетъ настолько, что въ поэмѣ Лалли *Tito Vespasiano* нѣтъ уже яснаго намека на легенду о св. Граалѣ [2]). Наиболѣе отдалялъ поэмы XVII в. отъ стараго рыцарскаго эпоса изысканный лиризмъ, отъ котораго онѣ большею частію лишь теряли.

Итакъ, въ XVII в. эпосъ въ Италіи продолжалъ слѣдовать по пути, который былъ намѣченъ задолго до того времени, и поэма все болѣе и болѣе приближалась къ рыцарскому роману.

Сліяніе эпоса съ этимъ романомъ породило особый видъ романа, характеризующій XVII-е стол.,—такъ назыв. романъ героическій.

Какъ увидимъ со временемъ, героическій романъ развился преимущественно во французской литературѣ XVII в., но, говоря объ этой заслугѣ ея, не слѣдуетъ забывать также и того вліянія, которое могла оказывать Италія на возникновеніе героическаго романа XVII в. Объ этомъ вліяніи не говорятъ [3]), а между тѣмъ о немъ

---

[1]) Впрочемъ, въ этомъ эпизодѣ могло сказаться и вліяніе Монтемайора.

[2]) Въ этой поэмѣ говорится, что, при разрушеніи Іерусалима, изъ одной башни вышелъ Іосифъ Аримаѳейскій, котораго заключили туда Іудеи, обрекши на голодную смерть. Во все время заключенія Іосифа питалъ не Грааль, а нектаръ, приносимый ангеломъ съ неба.

[3]) Говоря объ иноземныхъ вліяніяхъ, обусловившихъ развитіе французскаго романа XVII в., *H. Körting*, Geschichte des Französischen Romans im XVII. Jahrhundert, Leipz. u Oppeln 1885, S. 8, не упоминаетъ о воздѣйствіи итальянскаго романа и ниже вскользь лишь упоминаетъ о заимствованіи, сдѣланномъ Кальпренедомъ.

Digitized by Google

свидѣтельствуютъ хотя бы переводы итальянскихъ романовъ (напр., романовъ Asserino) на французскій языкъ, нерѣдко являвшіеся въ XVII в. [1]) на ряду съ итальянскими переводами французскихъ романовъ [2]).

Въ XVI стол. въ итальянской литературѣ новелла имѣла перевѣсъ надъ прозаическимъ романомъ, и количество, а равно и достоинство произведеній послѣдняго разряда было незначительно. Итальянская поэзія не довела до высшей обработки даже такой высоко поэтическій сюжетъ, какъ сказаніе о Ромео и Джульеттѣ: оно не разъ привлекало вниманіе итальянскихъ поэтовъ XVI в. [3]) и издавалось отдѣльно [4]), но было пересказываемо лишь новеллистами, а въ драматической обработкѣ, принадлежащей Groto, также не получило той необычайной прелести, какую пріобрѣло вдали отъ Италіи, подъ перомъ Шекспира [5]). Въ беллетристикѣ преобладала новеллистическая обработка, либо подражаніе романамъ Боккаччьо, либо переводы съ французскаго и въ особенности съ испанскаго.

Въ XVII-мъ стол. въ Италіи появилось болѣе романовъ, чѣмъ въ предшествовавшемъ вѣкѣ, но все-таки этотъ родъ творчества не привлекалъ крупныхъ талантовъ и не представилъ выдающихся произведеній. Переводили испанскіе романы или подражали имъ, изрѣдка переводили также французскіе романы. Сюжеты заимствовались изъ исторіи, миѳологіи, библіи, но большая часть оригинальныхъ итальянскихъ романовъ XVII в. относилась къ разряду рыцарскихъ романовъ.

Знаменитѣйшій изъ этихъ оригинальныхъ итальянскихъ романовъ XVII в.—*Вѣрный Калоандръ*, написанный генуэзцемъ Giovanni Am-

---

[1]) См. (*Lenglet du Fresnoy*) Bibliotheque des Romans, II, 31—34; Blanc, Bibliogr. italico-française, II, col. 1265 suivv.

[2]) Разумѣемъ переводы графа Bisaccioni.

[3]) Между проч., имъ воспользовался Tasso въ сѣтованіи Армиды: Ginguené, VIII, 460.

[4]) Historia nouellamente ritrovata di due nobili amanti, 1530. 1535. Istoria di due nobili amanti, 1553; Historia di due nobili Amanti di Verona Romeo Montachi e Guilietta Cappelletti, in Venetia.

[5]) *Fränkel*, Untersuchungen zur Stoff-und Quellenkunde von Shakespeares «Romeo und Juliet». I. Teil. Berl. 1889. Древнѣйшіе изводы повѣсти о Ромео и Джульеттѣ указаны въ новеллахъ Masuccio и da Porto (послѣдній въ значительной степени воспользовался первымъ), но въ послѣднее время склоняются къ мысли, что могъ существовать еще одинъ изводъ, утраченный или пока не отысканный, и къ нему-то могутъ восходить отмѣны, приписываемыя теперь Porto: Fränkel, 25—27. Статья Fränkel-я въ полномъ видѣ помѣщена въ Zeitschrift für Vergleichende Litteratur-Geschichte und Renaissance-Litteratur.

Digitized by Google

brosio Marini, состоявшимъ въ духовномъ санѣ († ок. 1650). Первоначально этотъ романъ былъ изданъ подъ заглавіемъ Eudimiro creduto Uranio [1]), а въ слѣдующемъ году подъ новымъ заглавіемъ, при чемъ подлинная фамилія автора была скрыта подъ псевдонимомъ [2]), и романъ былъ выданъ за переведенный съ нѣмецкаго. Марини назвалъ вначалѣ своего героя Caloandro Sconosciuto и представилъ его нарушившимъ правила той полной вѣрности, какая требовалась отъ тогдашнихъ романическихъ героевъ. Въ оправданіе поведенія Калоандра Марини указывалъ на то, что это нарушеніе было неизбѣжно въ положеніи, въ какое былъ поставленъ герой его романа; но во избѣжаніе пересудовъ Марини долженъ былъ потомъ нѣсколько измѣнить эту часть романа и представить измѣну Калоандра лишь кажущеюся. Вслѣдствіе того должно было измѣниться и заглавіе романа, который съ той поры сталъ носить названіе *Il Caloandro fedele* [3]). Изъ этой исторіи романа Марини [4]) можно видѣть, какого рода требованія предъявлялись герою идеальнаго романа въ XVII в., когда, несмотря на то, что въ романахъ встрѣчались вольности, влюбленные герои не освобождались отъ точнаго соблюденія вѣрности, нарушеніе которой уже не смущало читателей XVIII в. Предметомъ идеальнаго романа XVII в. долженствовали быть приключенія принцевъ, принцессъ и доблестныхъ рыцарей. Марини соблюлъ этотъ обычай своего времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ его романъ примыкаетъ къ рыцарскимъ романамъ, такъ какъ его принцы и даже принцессы уподобляются chevaliers errants и странствуютъ по свѣту въ поискахъ за приключеніями: нравы и обычаи, здѣсь описанные, — рыцарскіе. Но при этомъ допущены и отступленія отъ схемы старыхъ рыцарскихъ романовъ. Связующею нитью романа Марини служитъ особая ситуація, разсчитанная на то, чтобы удивить читателя необычайностію и неожиданностію развязки, и превращающая Caloandro какъ бы въ романъ интриги: принцесса

---

[1]) Bracciano, 1640.

[2]) Il Coloandre di Gio. Maria Indris traslato di Tedesco in Italiano da Giramo Bisii' Ven. 1641. Въ этомъ изданіи фамилія автора (Giovan. Maria Indris Bohemo)—анаграмма имени и фамиліи Марини.

[3]) Il Caloandro fedele da Gio. Ambrosio Marini nobile Genovese, in Ven. 1652, 1664 и др.

[4]) См. предисловіе къ Le Caloandre fidele, traduit de l'italien d'Ambrosio Marini, t. I, A Amsterdam, M. DCC. XL, которымъ мы воспользовались для исторіи романа Марини. Предисловіе это принадлежитъ переводчику, извѣстному Caylus, не выставившему своего имени въ этомъ изданіи.

Digitized by Google

Требизондская ненавидитъ Калоандра, сына Константинопольскаго императора, и въ то же время нѣжно любитъ его, но только подъ другимъ именемъ. Соблюденія вѣроятности, конечно, нѣтъ. Нравы у Марини нѣсколько чище, чѣмъ въ романахъ объ Амадисѣ, по крайней мѣрѣ поведеніе героини; остальныя женщины романа не лучше Инфантъ романовъ объ Амадисѣ. Чародѣйства, о какихъ говорилось въ романахъ объ Амадисѣ, устранены Марини, старавшимся взамѣнъ того занять читателей напряженіемъ интереса, обусловленнаго сложностію дѣйствія, разнообразіемъ происшествій и характеровъ.

Романъ о Калоандрѣ очень нравился читателямъ XVII в. и послужилъ образцомъ для многихъ другихъ романовъ. Вліяніе его оставило довольно замѣтные слѣды и во французской литературѣ [1]), въ которой онъ легко могъ найти себѣ мѣсто, такъ какъ относился къ разряду такъ назыв. Histoires Asiatiques, столь бывшихъ въ модѣ во французскомъ романѣ и въ драмѣ XVII в. Caloandro читался во Франціи еще въ XVIII в., а въ Италіи, какъ увидимъ, онъ и теперь принадлежитъ къ числу излюбленныхъ народныхъ книгъ.

Тѣмъ же Marini былъ написанъ потомъ другой романъ—*Le nuove Gare de'Desperati*, Mil. 1644, который, по отзыву Lenglet du Fresnoy [2]), столько же Roman de Chevalerie, сколько и Roman d'Amour. Въ 1732 г. этотъ романъ былъ переведенъ на французскій языкъ de la Serre-мъ и достигъ значительнаго успѣха [3]), выдержавъ немало изданій.

Романы Марини—лучшіе и извѣстнѣйшіе образцы итальянскаго романа XVII в.—показываютъ, что въ Италіи въ томъ столѣтіи романъ идеальнаго пошиба повернулъ на ту же дорогу, по которой

---

[1]) Основною схемою романа Марини и частію ситуацій воспользовался La Calprenède въ одномъ изъ эпизодовъ своего романа о Клеопатрѣ, въ исторіи Скиѳскаго принца Алькамена (Körting, Gesch. d. franz. Romans, 314, допустилъ въ этомъ указаніи, которое раньше его сдѣлалъ Caylus, p. V, неточность). Затѣмъ въ 1668 г. былъ напечатанъ переводъ 1-й части романа Марини, принадлежащій Georges-у de Scudéry и весьма неудачный, но, тѣмъ не менѣе, еще въ XVIII в. производившій значительное впечатлѣніе во Франціи на людей «du plus grand monde & d'un goût assés difficile» (предисл. Caylus, viij) и вызвавшій рѣзкій отзывъ Boalo. Руководясь достоинствами итальянскаго оригинала, Caylus въ XVIII в. вновь перевелъ романъ Марини, и этотъ переводъ былъ три раза изданъ (кромѣ цитов. нами Амстердамскаго изданія извѣстны еще изданія Парижское (1760) и Ліонское (1780). Романъ Марини доставилъ сюжетъ трагедіи Thomas Corneille-я Timocrate.

[2]) Biblioth. des Romans, II, 34.

[3]) Ibid.

Digitized by Google

слѣдовалъ во Франціи, т. е. сталъ такъ наз. героическимъ романомъ [1]), другими словами—представлялъ новую разновидность стараго рыцарскаго романа несмотря на то, что сюжеты были заимствуемы часто вовсе не изъ западноевропейской исторіи. То было переживаніе, лишенное полнаго соотвѣтствія времени, въ которое продолжало существовать. Грандіозная концепція блестящей поры рыцарства, сообщавшая полную жизненность рыцарской эпикѣ, была далеко позади и уже измельчала въ знати XVII в., но все еще не испарилась вполнѣ.

Рыцарскій эпосъ возвышеннаго направленія, развившійся въ Италіи въ XV и XVI вв., значительно понизился въ XVII в., потому что это столѣтіе совсѣмъ уже не благопріятствовало процвѣтанію эпоса въ Италіи. Въ прошломъ рыцарства не былъ найденъ подходящій новый эпическій сюжетъ, не была открыта какая-нибудь новая сторона, да и прежнее пониманіе рыцарства и поэтическое возвеличеніе его были немыслимы для поэтовъ XVII в.; въ ряду ихъ были люди даровитые, но они не знали того одушевленія и той глубины, которыя сообщили вѣчное значеніе созданіямъ Аріосто и Тассо.

Соотвѣтственное пониженіе уровня наблюдается и въ томъ разрядѣ эпики, который въ эпоху Возрожденія достигъ блестящаго расцвѣта въ Италіи параллельно серьезному эпосу, именно въ такъ назыв. героикомической поэмѣ.

Намъ кажется справедливымъ отграниченіе такъ наз. героикомическихъ поэмъ XVII в. отъ Morgante Пульчи и Orlando innamorato Берни: духовная атмосфера, въ которой явились тѣ и другія, была не одинакова, и въ результатѣ получились произведенія, далеко не сходныя. Шутливыя повѣствованія въ стихахъ XVII и XVIII вв., которыя врядъ ли могутъ называться поэмами, совсѣмъ лишены серьезной подкладки; это бездѣлушки, предназначенныя для развлеченія людей, смотрѣвшихъ на поэзію, какъ на средство времяпрепровожденія [2]);

---

[1]) Delandine, издавая романы Марини (Lyon, 1788, 4 vols.), назвалъ ихъ *Romans héroïques*.

[2]) Характерны въ этомъ отношеніи вступительныя строфы Ricciardetto:

Emmi venuta certa fantasia,
Che non posso cacciarmi da la testa,
Di scriver un'istoria in poesia
Affatto ignota, o poco manifesta.

Digitized by Google

это—своеобразный родъ творчества, средній между поэмою и новеллою, родъ повѣствованія, первымъ опытомъ котораго признаютъ *Battaglia delle Vecchie e delle Giovani* Саккетти. Задачи его столь же не высоки, какъ сравнительно невысоки были притязанія итальянскаго искусства XVII в., не могшаго возвышать надъ рабствомъ и порчей мысли и характера и ограничивавшагося служебною ролью. Субъективный и музыкальный лиризмъ XVII в. возобладалъ и въ героикомической поэмѣ надъ пластичностію, веселый и беззаботный скептицизмъ надъ бо̀льшею вдумчивостію времени Пульчи и Берни.

Мы не станемъ останавливаться подробнѣе на этихъ шутливыхъ поэмахъ, неинтересныхъ для насъ своими частностями, и перейдемъ къ заключенію о послѣднемъ періодѣ развитія средневѣковой романтики въ итальнской литературѣ.

Изъ собранныхъ на предыдущихъ страницахъ фактовъ видно, что Тассо какъ бы завершилъ великій рыцарскій эпическій циклъ Италіи. Поэмы античнаго построенія и сюжета, являвшіяся въ XVII в., не могли долго держаться. Новое направленіе, выдвинувшееся въ этомъ столѣтіи, заявило притязаніе на полную оригинальность, на

Муза Forteguerri, по его словамъ, «è rozza villanella»

E se avverrà che alcuna volta sbaglie,
Piccolo fallo è in lei ogni error grande:
Perchè non studiò mai; e il suo soggiorno
Or fu presso un abete, or presso un orno.

Муза эта будетъ воспѣвать «armi e amori» потому, что заразилась примѣромъ находящихся въ нашей Аркадіи «sublimi e nobili pastori,

Che son di tutte le scienze intesi.

Муза Forteguerri будетъ часто хромать въ географіи и исторіи, но нечего за то порицать эту простушку. Она

.....canta per istare allegramente,
E acciò che si rallegri ancor chi l'ode;
Nè sa, nè bada a regole niente,
Spezzatrice di biasimo e di lode,
Che tiraneggia cotanto la gente...

Поэтъ заранѣе предваряетъ читателей, чтобы они не усвояли ему того, что онъ будетъ говорить о любви, чтобы они не думали, что самъ авторъ испыталъ силу любви:

Non so se grato sia, o dispiacente:
Libero sempre ebb'io l'animo e 'l cuore
Da'lacci suoi; e nel parlar di lui,
Non dico i casi miei, dico gli altrui.

Digitized by Google

отрѣшеніе отъ ига Аристотеля, предъ авторитетомъ котораго преклонялись многіе поэты XVI в., и представило новое сочетаніе разнородныхъ элементовъ романтики. Марино затмилъ на время своихъ предшественниковъ этой новизною, увлекъ за собою цѣлый рядъ послѣдователей, и даже поэты враждебнаго лагеря не могли вполнѣ отрѣшиться отъ тлетворнаго вліянія заразы, наполнившей атмосферу. Но вся эта шумиха была эфемерна, и въ существѣ эпическое творчество Италіи все еще находилось подъ вліяніемъ могучаго толчка, сообщеннаго ему Аріосто и Тассо. Движенія романтики впередъ почти не было, но она продолжала держаться. Она какъ бы оцѣпенѣла въ формахъ, сложившихся въ вѣка Возрожденія. Возгордившись славнымъ прошлымъ, итальянцы ограничивались формальнымъ соревнованіемъ своимъ знаменитымъ тосканскимъ классикамъ XIV—XVI вв. и пренебрежительно относились къ литературамъ другихъ странъ, которыя между тѣмъ двигались впередъ, въ особенности въ XVIII в.

Для завершенія очерка судебъ средневѣковой романтики въ Италіи намъ остается сказать нѣсколько словъ объ остаткахъ этой романтики, доселѣ уцѣлѣвшихъ въ народной поэзіи итальянцевъ [1]).

И теперь въ Италіи народъ любитъ читать „исторіи паладиновъ“, составленныя по Турпину, по Reali de Francia, на основаніи поэмъ Пульчи, Боярдо, Аріосто и др. И теперь излюбленными героями повѣствованій, занимающихъ народъ, остаются Ринальдо, извѣстный и народнымъ пѣснямъ [2]), и Орландо. Ринальдо любимъ болѣе всѣхъ другихъ паладиновъ, и имъ страстно интересуются слушатели. По всей Италіи, во всѣхъ городахъ, даже въ незначительныхъ, пользуются широкою извѣстностью рыцарскія повѣствованія,

---

[1]) Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы воспользовались данными, собранными Pitrè въ статьѣ, которая была сначала напечатана въ Romania XIII, а затѣмъ съ дополненіями, поправками, а также съ нѣсколькими новыми текстами и снимками вошла въ сборникъ *Pitrè*: Usi e Costumi, Credenze e Pregiudizi, vol. I (Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliane, vol. XIV), Palermo 1887, pp. 123—341: «Le tradizioni cavalleresche popolari in Sicilia». Не цитуя Pitrè послѣ этого общаго указанія для подтвержденія каждаго отдѣльнаго факта, мы будемъ указывать въ этомъ отдѣлѣ лишь тѣ пособія, которыми пользовались кромѣ Pitrè.

[2]) Въ верхней Италіи есть цѣлая группа народныхъ пѣсенъ о Ринальдо, и такія же пѣсни встрѣчаются и въ другихъ романскихъ земляхъ. См. указанія у Pitrè.

Digitized by Google

каковы *Reali di Francia*, *Guerino il Meschino* и *Caloandro fedele*. Guerino il Meschino служитъ для народа какъ бы своего рода историко- географической энциклопедіей. Въ Фріулѣ еще хорошо помнятъ Роланда и Буово.

Повидимому, до послѣдняго времени существовали въ Италіи преемники средневѣковыхъ жонглеровъ—giullari. Еще недавно въ разныхъ мѣстахъ Италіи cantastorie распѣвали въ октавахъ отдѣльные эпизоды рыцарской саги. Въ настоящее время въ предѣлахъ континентальной Италіи, повидимому, только въ Неаполѣ встрѣчаются cantastorie и Rinaldi [1]). Недавно одинъ изъ Неаполитанскихъ cantastorie читалъ о Ринальдо Монтальбанскомъ по старому манускрипту и затѣмъ объяснялъ прочитанное, перелагая его на Неаполитанское нарѣчіе. У другаго видѣли большое собраніе рыцарскихъ поэмъ, изданныхъ и неизданныхъ. Вообще же теперь по мѣстамъ на итальянскомъ материкѣ рецитуются или сказываются отдѣльные эпизоды рыцарскаго эпоса, а какъ скоро принимаются за драматическое представленіе его событій, то прибѣгаютъ къ помощи либо актеровъ, либо маріонетокъ большаго размѣра [2]). Есть свѣдѣніе о драматическихъ представленіяхъ, происходившихъ въ Римѣ въ 1870 г., въ которыхъ выступали личности, извѣстныя изъ Reali di Francia и поэмы Аріосто, между прочимъ, Родомонтъ. Паладины сражались за слабыхъ и утѣсненныхъ. Эти представленія происходили на народномъ нарѣчіи. Должно, впрочемъ, сказать, что въ Римѣ былъ всего одинъ такой народный театръ.

Что до пересказыванія старыхъ рыцарскихъ повѣствованій начиная съ Reali и оканчивая Орландомъ Берни и Аріосто, то оно и доселѣ имѣетъ мѣсто на всемъ Апеннинскомъ полуостровѣ. Равнымъ образомъ, въ цѣлой Италіи встрѣчаются горы и долины, пещеры, зданія и развалины, которыя пріурочиваются своими названіями къ Каролингской сагѣ.

Особый интересъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представляетъ Сицилія,—страна, въ которой нѣкогда норманны успѣли водворить немало сказаній, принесенныхъ ими изъ родины, и гдѣ даже воз-

---

[1]) Вообще итальянскіе cantastorie нерѣдко называются Rinaldi по имени излюбленнаго героя ихъ разсказовъ—Rinaldo.

[2]) См. главу «I cantastorie in Italia» въ Usi etc. I, 250 и слѣд.

Digitized by Google

никли нѣкоторыя изъ произведеній французской эпики [1]). Нынѣшняя Сицилія отстала отъ остальной Италіи какъ бы на нѣсколько вѣковъ: рыцарская сага сохранила на этомъ островѣ почти всю свою исконную жизненность, и любовь Сицилійцевъ къ старымъ рыцарскимъ сказаніямъ является въ высшей степени интереснымъ фактомъ, не могущимъ не останавливать на себѣ вниманія и не вызывать удивленія [2]).

Сохранилось отъ 1568 г. указаніе на то, что contastorie въ Сициліи увлекали народъ на площадяхъ пересказываніемъ легендъ Каролингскаго цикла. Съ той поры, можно думать, въ Сициліи не умирала любовь народа къ сказаніямъ этого цикла. Теперь тамъ всему народу присуще пристрастіе къ повѣствованіямъ о героическихъ и романическихъ дѣяніяхъ и обо всемъ чудесномъ. И народъ и разсказчики читаютъ Reali di Francia, Guerin detto il Meschino, Il Calloandro. Reali и Meschino не разъ перепечатывались въ Палермо и Мессинѣ въ прошломъ и настоящемъ столѣтіяхъ. Въ 1858 г. Don Giusto Lodico началъ издавать сводный текстъ сказаній Каролингскаго цикла, составленный по Турпину, Берни, Боярдо, Аріосто подъ заглавіемъ: „Storia dei paladini di Francia“, и это произведеніе достигло чрезвычайнаго успѣха: народъ осаждалъ квартиру издателя, съ нетерпѣніемъ пріобрѣтая его книгу. Разносчики *(caminanti)* распродаютъ *Reali* въ провинціи. По *Storia de' paladini* съ наибольшимъ успѣхомъ обучаютъ чтенію.

Героическая поэзія Сициліи, поддерживаемая и вдохновляемая этими книгами, не имѣетъ ничего общаго съ поэзіею остальной Италіи и не столь древня. Такой исторической лирики, какая имѣется въ верхней Италіи, въ Сициліи нѣтъ; въ народныхъ Сицилійскихъ пѣсняхъ встрѣчаются лишь незначительныя реминисценціи Каролингскаго эпоса. Равнымъ образомъ и Сицилійскій contastorie отличенъ отъ cantastorie итальянскаго материка [3]). Но въ то время какъ въ континен-

---

[1]) См. замѣтку *G. Paris:* «La Sicile dans la littérature française du moyen-âge» въ Romania V, 108—113.

[2]) На остатки рыцарской эпики въ Сициліи уже давно обратилъ вниманіе Gregorovius въ Siciliana, 1861.

[3]) См. Pitrè Usi e Costumi, I, 177, прим. 1; ср. Romania, p. 384. По объясненію словарей, Cantastorie ит. материка «per sua arte va attorno cantando al popolo storie o leggende scritte in poesia». Въ Сициліи cantastorie не то, что contastorie.

Digitized by Google

тальной Италіи интересъ къ рыцарской сагѣ ослабѣваетъ, въ Сициліи онъ сохраняется во всей силѣ и проявляется въ своеобразной формѣ. Нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы за предѣлами Сициліи въ остальной Италіи существовали такія кукольныя представленія, какія происходятъ въ Сициліи, гдѣ изо-дня въ день въ театрахъ маріонетокъ изображаются героическія дѣянія славныхъ рыцарей [1]). Рыцарскія повѣствованія Каролингскаго цикла уцѣлѣли въ Сициліи съ значительною свѣжестію въ народномъ театрѣ, въ устахъ народныхъ разсказчиковъ, или contastorie, въ народной поэзіи и, наконецъ, въ преданіяхъ, которыя сохраняются въ мѣстныхъ названіяхъ и въ діалектѣ Сицилійскомъ. Повидимому, эта рыцарская эпика Сицилійцевъ восходитъ не ко времени Норманновъ [2]), а къ позднѣйшему (второму) періоду развитія Каролингской саги въ Италіи (XIV—XVI вв.) [3]).

Сицилійскія представленія маріонетокъ можно сопоставить съ тѣми, которыя изображены въ XXVI главѣ 2-й части „Донъ-Кихота“. Исторія паладиновъ составлена по Турпину, Reali, Пульчи, Боярдо, Аріосто, Дольче и др. Особливымъ сочувствіемъ публики пользуется Ринальдо; популяренъ также и Орландо, но не Карлъ. Пьеса „La Rotta di Roncisvalle“ величественна въ исполненіи и внушаетъ почти столь же скорбное чувство, какъ и мистерія Страстей, представляемая въ великій пятокъ. Есть пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ Аріосто, съ эпизодами чисто рыцарскаго характера въ родѣ обѣщанія защищать даму и въ родѣ стоянки рыцаря у моста. Ставится въ Сицилійскомъ театрѣ маріонетокъ также Guerino и нѣкоторыя др. подобныя пьесы.

Фигурки паладиновъ пріобрѣтаются народомъ, какъ у насъ лубочныя картинки.

Въ Палермо, Мессинѣ, Катаніи и др. мѣстахъ есть contastorie [4]), которые служатъ своимъ словомъ культу средневѣковаго рыцарства и которые, какъ сказано уже, должны быть отличаемы отъ cantastorie итальянскаго материка и, между прочимъ, отъ Неаполи-

---

[1]) Въ Палермо было да и теперь есть около девяти такихъ театровъ.

[2]) Къ Норманнскому періоду могутъ быть отнесены лишь нѣкоторыя мѣстныя названія, потому что, по свидѣтельству Годофреда Витербскаго, уже въ концѣ XII в. въ Сициліи одна гора называлась Роландовой, а другая горой Оливье: Haec monumenta truces constituere duces.

[3]) Впрочемъ, въ Usi, I, 190—191, вопросъ объ источникахъ Сицилійскихъ рыцарскихъ преданій оставленъ не рѣшеннымъ.

[4]) Разсказъ ихъ носитъ названіе cuntu.

Digitized by Google

танскихъ, которые *читаютъ*. Сицилійскіе contastorie—разсказчики по профессіи и по призванію; не всякій можетъ поступить въ ихъ число. Разсказчики эти должны быть исполнены горячей любви къ рыцарству. Нѣкоторые изъ нихъ получаютъ даже прозвища по именамъ героевъ ихъ повѣствованій, *Re Pippinu, Rinaldo*. Въ Палермо одинъ разсказчикъ просилъ подаянія во имя Ринальдо. Фактъ выпрашиванія милостыни объясняется тѣмъ, что въ числѣ Сицилійскихъ contastorie бываютъ и слѣпцы. Они рецитируютъ, между проч., Meschin, Storia di Orlando, разсказываютъ о Reali di Francia.

Слушатели относятся со страстнымъ участіемъ къ содержанію этихъ повѣствованій contastorie, въ особенности къ исторіи Ринальдо. Разсказчики умѣютъ затрогивать сердце толпы. Разсказъ contastorie о гибели паладиновъ (Rotta) можетъ вызвать невольную слезу даже у интеллигентнаго слушателя.

Нѣкоторыя романическо-рыцарскія исторіи передаются въ формѣ отдѣльныхъ народныхъ новеллъ, но никто не считаетъ ихъ новеллами, и при разсказѣ упоминается, что данный эпизодъ принадлежитъ къ тому или иному романическому повѣствованію Каролингскаго цикла.

Народъ усвоилъ не только болѣе простыя рыцарскія сказанія, но и такія, какъ Аріостовы, которыя передаются также въ формѣ разсказовъ. Стихи рыцарской эпики распѣваются въ Сициліи, иногда декламируются. Въ Storia dei Paladini есть строфы изъ Аріосто, есть нѣкоторые стихи Пульчи. Изъ Аріосто стихи взяты большею частію цѣликомъ. Есть въ Сициліи люди изъ простонародья, которые знаютъ наизусть *Morte de' Paladini* въ стихахъ. Повидимому, сказанія *Reali* были переложены въ прошлые вѣка цѣликомъ или частью въ стихи и стали достояніемъ народа. Въ настоящемъ столѣтіи одинъ Сицилійскій крестьянинъ изложилъ Reali въ октавахъ на Сицилійскомъ нарѣчіи, и это переложеніе напечатано.

Герои рыцарской франко-итальянской саги живутъ также въ названіяхъ мѣстностей, предметовъ, въ именахъ людей, въ Сицилійскихъ пословицахъ.

Наконецъ, паладины выступаютъ въ дѣтскихъ играхъ Сициліи, изображающихъ, между проч., битвы христіанъ съ сарацинами [1]).

---

[1]) Интересно, что нѣкоторыя подробности этихъ игръ напоминаютъ германскія героическія сказанія. Такъ, въ этихъ играхъ одинъ король требуетъ у другаго дочери въ замужество.

Digitized by Google

Ясно отсюда, что та концепція рыцарства, которая составила основу поэмы Аріосто, доселѣ живетъ въ народной поэзіи и представленіи Сицилійцевъ. Имъ хорошо извѣстны оба мотива, наполнявшіе жизнь рыцарей по представленію старо-итальянской рыцарской эпики: борьба съ Сарацинами и странствованіе по свѣту; имъ близко знакомы Карлъ В., Роландъ, Ринальдо, Гверино.

Итакъ, Каролингскій эпосъ въ болѣе древней его формѣ и въ позднѣйшей, въ которой слился съ Артуровскою эпикою, пріобрѣлъ широкую извѣстность въ итальянскомъ народѣ путемъ распространенія въ печати, благодаря рецитаціи, пѣсенному изложенію, театральнымъ представленіямъ, пересказыванію, передачѣ въ пѣсняхъ и преданіяхъ.

Равнымъ образомъ, до послѣдняго времени были какъ бы общенароднымъ достояніемъ и знаменитыя художественныя обработки рыцарскаго эпоса, составившія славу итальянской литературы XVI в., поэмы Аріосто и Тассо.

При этомъ Тассо можетъ состязаться въ популярности съ Аріосто. Имѣются переложенія поэмы Тассо на всѣ главные діалекты Италіи. Между 1818 и 1821 гг. одинъ англичанинъ видѣлъ въ Неаполѣ cantastorie, который съ большимъ воодушевленіемъ читалъ Orlando Furioso, переводилъ его и изъяснялъ. Въ 1835 г. lazzaroni въ Неаполѣ сходились, чтобы слушать чтеніе и объясненіе поэмъ Аріосто и Тассо, какъ въ Венеціи рыбаки на Ripa grande [1]). Въ прошломъ столѣтіи „Освобожденный Іерусалимъ“ былъ распѣваемъ во многихъ мѣстахъ Италіи [2]). Въ позднѣйшее время такимъ пристрастіемъ къ Тассо славилась въ особенности Венеція. Венеціанскій cantastorie Tonon въ настоящемъ столѣтіи не рецитировалъ и не читалъ, но пѣлъ октавы Тассо, а равно пѣлъ ихъ и одинъ cantastorie въ Chioggia [3]). Венеціанскіе гондольеры въ первой половинѣ

Ср. замѣчаніе G. Paris, Romania V, 109: «Plus d'un passage des chroniques, à bon droit suspect à l'historien, a une allure vraiment épique. Quelques traits pourraient même avoir une origine scandinave, et jetteraient ainsi du jour sur la formation de l'épopée normanno-sicilienne, où s'étaient fondus, comme il arrive d'ordinaire, des éléments antérieurs». — Отмѣтимъ еще *giostre* (турниры) въ народныхъ майскихъ увеселеніяхъ Тосканы.

[1]) См. въ ст. Pitrè.

[2]) Voltaire въ «Essai sur la poésie épique» говоритъ: «La Jérusalem delivrée est aujourd'hui chantée en plusieurs endroits de l'Italie comme les poëmes d'Homère l'étaient en Grèce».

[3]) См. у Pitrè.

Digitized by Google

настоящаго вѣка также пѣли по ночамъ романическіе эпизоды „Освобожденнаго Іерусалима“ [1]). Въ 1859 году гондольеры уже не рецитировали Тассо, но Gerusalemme оставалась поэмой, популярной въ Неаполѣ и Chioggia наравнѣ съ другими рыцарскими поэмами [2]). Въ настоящее время совсѣмъ прекратилось распѣваніе „Освобожденнаго Іерусалима“ [3]), но популярность его все еще велика, и изображенія, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ поэмы Тассо, находятъ мѣсто на Carti [4]).

Что до рыцарскихъ повѣствованій бретонскаго цикла въ ихъ чистомъ видѣ, то они теперь неизвѣстны въ Италіи, хотя встарь, быть можетъ, были почти столь же распространены въ итальянскомъ народѣ, какъ и Каролингскій эпосъ. Были въ XIII в. и въ Италіи, какъ въ другихъ странахъ Запада, люди, ожидавшіе пришествія Артура [5]). Бретонская сага подвергалась въ XII—XIV вв. мѣстнымъ пріуроченіямъ и на Апеннинскомъ полуостровѣ [6]) и въ Сициліи. Теперь Артура не знаютъ даже въ Сициліи, гдѣ Норманны указывали его чудесное мѣстопребываніе у Этны; между тѣмъ Каролингская легенда оставила слѣды въ большомъ количествѣ мѣстныхъ названій и легендъ. Лишь имя сестры Артура, Морганы [7]), закрѣпленное въ народной памяти поэмами Боярдо и Аріосто [8]), доселѣ живетъ въ народной рѣчи и перешло въ общее

---

[1]) Приведемъ хотя бы свидѣтельство одного итальянскаго писателя изъ нѣмецкаго перевода его статьи, который былъ помѣщенъ въ Jahrbücher der Literatur, XXX-ter Bd., April, May, Juny 1825, Anzeige-Blatt (см. стр. 36): «wer weisst nicht, mit welcher Lust die venezianichen Gondolieri die Stanzen Tasso's durch die Nacht der Lagunen hinsangen, und die Flucht Erminiens, und den bezauberten Wald, und die Wundergärten Armida's?».

[2]) См. у Pitrè.

[3]) Въ статьѣ «Poesia vernacola Veneziana», помѣщенной въ Nuova Antologia 15 aprile 1883, E. Castelnuovo говоритъ, между прочимъ, объ октавахъ Goffredo, которыя распѣвали нѣкогда гондольеры, измѣняя стихи; «adesso, прибавляетъ авторъ, un barcajuolo che canti il Tasso è raro come le mosche bianche».

[4]) См. Pitrè, Usi, 1, 424.

[5]) Pitrè, Usi, I, 267—268; Graf въ Giorn. stor. V, 109—110.

[6]) Созданіе Веронской арены приписывали въ позднѣйшее время Мерлину. Сраженіе Ланселота «in antro arenae» въ Веронѣ не представляетъ ли какой-нибудь аналогіи тому, о которомъ говорится въ текстѣ, изданномъ Райной, и под.? Въ Италіи нашли будто бы Тристановъ мечъ и т. п. См. ст. Graf-a въ Giorn. etc. V, 125—127, 122—124.

[7]) О томъ, какъ составилось представленіе о Морганѣ, см. въ той же статьѣ Graf-a, 91, 97 и слѣд. Позднѣйшіе книжные источники могли поддержать представленіе о ней. Fata Morgana и теперь упоминается въ Сицилійскомъ народномъ театрѣ, а также выступаетъ въ народныхъ повѣрьяхъ: *Pitrè*, Usi etc.. III, 41—42; IV, 186.

[8]) См. Dunlop-Liebrecht, 76.

Digitized by Google

употребленіе въ качествѣ обозначенія извѣстнаго оптическаго явленія, миража, который наблюдаютъ по преимуществу въ Мессинѣ и который въ старину приписывали феѣ, обитавшей въ тѣхъ мѣстахъ. Закрѣпленіе имени Морганы за этимъ миражемъ является какъ бы характернымъ выраженіемъ судьбы всего того цикла, въ которомъ она занимала нѣкогда видное мѣсто. Какъ исчезаетъ миражъ и вновь выникаетъ, такъ прошла слава фантастическаго рыцарства Артура, но обаяніе высокихъ порывовъ человѣческаго духа, проявившихся въ Артуровской эпикѣ, не можетъ совсѣмъ исчезнуть и будетъ возрождаться подобно фата-Морганѣ, пока будетъ жить въ человѣчествѣ способность къ поэтичности, сообщающая столько прелести жизни, которая казалась бы безъ того вполнѣ сѣрой и неприглядной.

Заключительный обзоръ исторіи средневѣковой романтики въ Италіи.

Мы довели до послѣдняго времени болѣе или менѣе подробный сводъ данныхъ для исторіи романтики Круглаго Стола и сродной ей въ Италіи. Мы можемъ теперь на основаніи изложеннаго и фактовъ, которыми дополнимъ сказанное, представить цѣльное общее заключеніе о судьбахъ, характерѣ и значеніи этой романтики въ исторіи итальянской поэзіи и жизни вплоть до новѣйшаго времени, а также выдѣлить болѣе отчетливо тотъ вкладъ, который внесла итальянская литература въ романтическую эпику вообще.

Въ силу особыхъ условій умственной, художественной и общественной жизни Италіи [1]), дѣйствовавшихъ съ самаго начала сред-

---

[1]) Эти особыя условія, отличающія средневѣковую Италію отъ остальной Европы того времени, давно уже пытались указать: *Giesebrecht* въ этюдѣ: «De litterarum studiis apud Italos primis medii aevi seculis», Berl. 1845, *Ozanam* въ статьѣ: «Des écoles et de l'instruction publique en Italie aux temps barbares» и др., оканчивая Bartoli, который въ Stor. d. l. it., I, гл. IV, отмѣтилъ раннее возникновеніе невѣрія въ Италіи, слабое развитіе легендарнаго творчества въ ея литературѣ и т. п. Приведемъ мнѣнія двухъ авторитетныхъ ученыхъ послѣдняго времени. *Gaspary*, Die sicilianische Dichterschule des dreizehnten Jahrh., Berl. 1878, S. 18, говоритъ: «Das Ritterthum, die sociale Gestaltung, welche seit den Kreuzzügen im Leben der anderen Nationen eine so wichtige Rolle spielte, hatte in Italien nie eine nationale Grundlage gehabt; bisweilen kam es wohl zum Vorschein an den Höfen; man gab Feste und veranstaltete Turniere, man stellte sich verliebt nach der Weise der Troubadours und sang von Liebe nach ihrer Manier; aber Alles das war nur künstlich, und, da es keine tieferen Wurzeln hatte, so musste es bald (sic) wieder

Digitized by Google

нихъ вѣковъ, романтика, весьма рано (уже съ начала XII в.) проникшая на Апеннинскій полуостровъ изъ ближайшихъ романскихъ земель, изначала заняла здѣсь особое положеніе. Эпика Круглаго Стола и приключеній нашла въ Италіи среду, довольно воспріимчивую къ вліянію романтики [1]). Въ XIII в. извѣстность и слава бретонскаго цикла увеличились. Даже Данте, не могшій относиться сочувственно къ мо-

---

verschwinden; es war eine Nachahmung fremder Sitten, hinter der in Wirklichkeit aber etwas ganz andere steckte». Др. нѣм. ученые говорили, что въ Италіи не было истиннаго рыцарства и рыц. любви, Minne. И т. д. *Comparetti* въ Virgilio nel medio evo говоритъ: «Uno dei caratteri pei quali il popolo italiano, anche nel medio evo, dà segno della sua superiorità storica e civile dinanzi agli altri popoli d'Europa, è l'essere esso quello che fra tutti gli altri più scarseggia di produzione fantastica. Il romantismo, in quanto è invenzione narrativa, poco si ebbe da noi, e in questo, come anche nella cavalleria che è un suo movente principale, l'Italia mostrasi in una condizione, che può dirsi passiva. Subisce per fatto d'infiltrazione inevitabile, ma dal poco che produce in quell'ordine vedesi chiaro esser quello cosa poco sua, e poco omogenea alle sue tendenze attive».— Мы привели эти сужденія, чтобы читатель могъ видѣть, какъ односторонне или неопредѣленно говорятъ о значеніи романтики въ жизни и поэзіи Италіи даже авторитетные ученые. Вообще удовлетворительнаго общаго выясненія этого значенія пока нѣтъ.

[1]) См. указанныя на стр. 61 статьи Райны, въ которыхъ этотъ ученый собралъ факты, свидѣтельствующіе о проникновеніи Артуровой саги въ Италію въ весьма ранній періодъ, предшествующій сохранившимся свидѣтельствамъ о распространеніи ея во Франціи. Интереснѣе всего то, что саги бретонскаго цикла, повидимому, начали пользоваться извѣстностію въ Италіи въ то время, когда еще не были обработаны въ романахъ Круглаго Стола. Rajna обратилъ вниманіе на то, что съ послѣдней четверти XII в. въ документахъ сѣверной Италіи, въ особенности же Павіи, часто встрѣчается имя *Artusius, Artuxius, Artuisus, Artusus, Artusinus* и т. п. Что это было не прозвище, а имя, видно изъ документа 1151 г., въ которомъ при Artusius нѣтъ никакого другаго имени. Въ завѣщаніи 4 февраля 1138 г. упоминается Artusius de Montesella, Artusius de Rovario и Artusius de Motta. Art. de Rovaro значится еще въ актѣ 1122 г., когда онъ имѣлъ уже сына, подписавшагося въ качествѣ свидѣтеля; слѣдовательно, онъ могъ родиться не позже 1090 г. Въ документѣ 1114 г. упоминается, Artusius, братъ Падуанскаго графа. Это имя Artusius, не встрѣчающееся въ Падуанскихъ актахъ до XII в., могло явиться въ Италіи только подъ вліяніемъ знакомства съ Артуровскою эпикою. Пріурочивать это знакомство къ литературной передачѣ кельтской саги на латинскомъ языкѣ нельзя: всѣ согласны въ томъ, что воздѣйствіе этой латинской традиціи не могло имѣть мѣста ранѣе выхода въ свѣтъ *Historia Britonum* Готфрида Монмутскаго или составленныхъ имъ пророчествъ Мерлина. Итальянскія формы имени Артура восходятъ, очевидно, къ французской формѣ *Artus*, а не къ кельтской Arthur, и, слѣдовательно, образовались изъ французской передачи этого имени. Характерно въ этомъ отношеніи, что одинъ изъ древнѣйшихъ итальянскихъ Артузіевъ и многіе послѣдующіе жили въ Павіи, стоявшей на пути, по которому двигались и жонглеры и пилигримы; другіе же Артузіи жили въ отдаленныхъ пунктахъ Марки, куда могли заходить лишь одни пѣвцы. Кромѣ имени Артура въ XII в. вошли въ употребленіе имена и другихъ личностей бретонскаго цикла, именно Galvano (имя Артурова племянника) (1136) и Изольды (Seldina=Iseldina въ поэтической эпистолѣ Ramb de Vaqueiras). Конечный выводъ Райны слѣдующій: «Come oramai in ogni cosa, ci si viene ad accorgere anche qui che i cominciamenti sono più remoti che non si tendesse a supporre i più remoti qui da noi, più remoti per necessaria conseguenza nei territorii francesi».

Digitized by Google

рали этихъ романовъ, былъ довольно хорошо знакомъ съ ними [1]) и назвалъ ихъ Arturi Regis ambages *pulcherrimae* [2]). Тѣмъ болѣе интересовалось ими знатное общество [3]). Романы Круглаго Стола въ XIII и XIV вв. выслушивались въ рецитаціи жонглеровъ и читались въ прозаическихъ французскихъ текстахъ, которые не переставали обращаться въ Италіи до конца XV в. [4]). Если вѣрить анекдоту, переданному Саккетти [5]), то уже во время Данте знакомство итальянцевъ съ бретонскими романами было столь велико, что даже кузнецы пѣли о Тристанѣ и Ланселотѣ. Тѣмъ не менѣе, романтика Круглаго Стола, неизбѣжно долженствовавшая войдти въ жизнь и литературу Италіи, не занимала тамъ выдающагося и первостепеннаго положенія въ мѣстной поэзіи; она уравновѣшивалась другими началами, которымъ принадлежало видное значеніе въ Италіи. Достоинства иде-

---

[1]) Это доказывается лучше всего приведенными выше стихами Parad. XVI, 13—15, въ которыхъ заключается ясное воспоминаніе объ одномъ весьма характерномъ эпизодѣ прозаическаго романа о Ланселотѣ; въ эпизодѣ этомъ говорится о началѣ преступной связи королевы Женьевры съ Ланселотомъ и довольно искусно, психологически изображается постепенное развитіе этихъ отношеній. См. эту выдержку изъ романа о Ланселотѣ по Парижскимъ и Лондонскимъ рукописямъ въ Fifth annual report of the Dante Society. May 18 1886, Cambridge, 1886, Appendix II: Dante, and the Lancelot Romance. By Paget Toynbee, 45—58.

[2]) De vulgari eloquio, I, cap. X: «Allegat ergo pro se lingua Oil, quod propter sui faciliorem, ac delectabiliorem vulgaritatem quicquid redactum, sive inventum est ad vulgare prosaicum suum est: videlicet biblia cum Trojanorum, Romanorumque gestibus copilata, & Arturi Regis ambages pulcherrimae, & quam plures aliae historiae, ac doctrinae».—Объ отношеніи Данте къ морали романовъ, Круглаго Стола см. въ началѣ этого отдѣла настоящей монографіи.

[3]) Ср. у Gaspary II, 280—281.

[4]) О томъ, что французскіе романы, бывшіе въ ходу въ Италіи, были изложены въ прозѣ, явствуетъ изъ приведеннаго только что свидѣтельства Данте. Мнѣніе о томъ, что Данте читалъ не дошедшій до насъ романъ о Ланселотѣ, написанный будто бы *провансальскимъ* трубадуромъ Арно Даніэлемъ, теперь вполнѣ отвергнуто послѣ разбора этой гипотезы, напечатаннаго G. Paris въ Romania X, 484 и слѣд. Это мнѣніе составилось вслѣдствіе неправильнаго истолкованія словъ, сказанныхъ Данте въ похвалу Арно: «Versi d'amore e prose di romanzi Soverchiò tutti»; распространенію его содѣйствовалъ Тассо. Уже въ прошломъ столѣтіи Zeno истолковалъ слова Данте объ Арно такъ, какъ ихъ теперь изъяснилъ G. Paris: «Adoperò la sua lingua materna in poesia, in guisa che superò quanti mai la scrissero in verso e in prosa».—Слова Данте въ *Commedia* «prose di Romanzi» въ связи съ приведеннымъ выше замѣчаніемъ въ трактатѣ «De vulg. el.» (по словамъ G. Paris, «Dante dit que la langue d'oïl allègue pour elle que tout ce qui existe en prose vulgaire, soit traduit, soit original lui appartient: ce *vulgare prosaicum* c'est *la prosa di romanzi*) подтверждаютъ, что въ Италіи были извѣстны романы *въ прозѣ*.

[5]) Le novelle di Franco Sacchetti, Mil. 1874, Nov. CXIV. Здѣсь говорится, что Данте случайно довелось слышать, проходя чрезъ ворота св. Петра, какъ «battendo ferro un fabbro su la 'ncudine, cantava il Dante, come si canta uno cantare, e tramestava i versi suoi smozzicando e appiccando, che parea a Dante ricever di quello grandissima ingiuria». Поэтъ былъ очень

Digitized by Google

альнаго рыцаря, какъ они были выставлены въ романахъ бретонскаго цикла, не внушали полнаго энтузіазма и не вызывали такихъ страстныхъ, доходившихъ до безразсудства, подражателей, безсмертный типъ которыхъ воспроизведенъ въ „Донъ-Кихотѣ". Италія не видѣла такихъ рыцарей, какъ Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ. Въ ней феодализмъ не былъ такъ силенъ, какъ въ другихъ странахъ Запада, и рыцарство не было туземнымъ учрежденіемъ. Оно было привито извнѣ и не встрѣтило вполнѣ благопріятной почвы для своего развитія. Потому возвышенныя чувствованія, ухаживаніе за дамами, разсужденія о любви, воспѣваніе ея, блестящія празднества вошли въ моду и въ Италіи, но романтика Круглаго Стола укоренилась тамъ не во всемъ своемъ объемѣ и оказалась не столь производительною, какъ въ другихъ литературахъ. Въ Италіи не было такого своеобразнаго развитія рыцарской эпики, какимъ отличается нѣмецкая литература XII и XIII вв. Несмотря на то, что въ Италіи Артуровскій эпосъ достигъ весьма рано извѣстности, самъ по себѣ онъ долго не вызывалъ оригинальныхъ крупныхъ и блистательныхъ переработокъ и не привлекалъ лучшихъ талантовъ.

Итальянская поэзія до XIV в. склонялась не къ чисто эпическому выраженію идеализма, приближавшагося къ рыцарскому, а къ лирико-метафизическому и аллегорическому. Въ теченіе долгаго времени въ поэтическомъ раскрытіи рыцарскаго настроенія преобладалъ лиризмъ, при чемъ была довольно оригинально преобразована рыцарская идея любви, воспринятая итальянцами изъ поэзіи Прованса [1]). Грандіознѣйшее эпическое выраженіе этой идеи, развившейся въ итальянской лирикѣ, представила поэма Данте, слившаго во-едино средневѣковую легенду, поэзію видѣній и загробныхъ хожденій, мистику, аллегорію, теологію, науку, политическое ученіе и энтузіазмъ идеальнѣйшей любви, возведенный на высшую ступень, на какую только могъ онъ подняться.

раздраженъ, вошелъ въ кузницу и началъ швырять изъ нея на улицу все, что попадалось подъ руку. На вопросъ озадаченнаго кузнеца о причинѣ такого поступка, Данте разъяснилъ, что онъ такъ расправляется съ вещами кузнеца, какъ тотъ расправляется съ собственностію поэта. «Il fabbro gonfiato, non sapendo ripondere, raccoglie le cose e torna al suo lavorío; e se volle cantare, *cantò di Tristano e di Lancellotto* e lasciò stare il Dante».—Къ сожалѣнію, мы не могли ознакомиться съ книгой Papanti: «Dante, secondo la tradizione e i novellatori», въ которой, вѣроятно, подвергнута критикѣ эта новелла Саккетти.

Digitized by Google

Со второй половины XIII в. въ Италіи начала выдвигаться новелла, которая находилась на первыхъ порахъ въ большей или меньшей связи съ романомъ, поученіемъ и т. п., а затѣмъ стала постепенно болѣе реальной и съ половины XIV в. достигла весьма виднаго значенія благодаря таланту Боккаччьо.

Вотъ въ этихъ видахъ поэзіи и отражался на первыхъ порахъ бретонскій циклъ въ Италіи. Изъ поэтическихъ произведеній на итальянскомъ языкѣ довольно долго лишь любовная лирика, подобно провансальской, въ мимолетныхъ упоминаніяхъ свидѣтельствовала о знакомствѣ поэтовъ съ романами Круглаго Стола: у лириковъ XIII—XIV вв. называются иногда вскользь знаменитые герои и героини этихъ романовъ [2]). Равнымъ образомъ мелькомъ выступаютъ тѣ и другія въ аллегорическихъ поэмахъ и рѣзче—въ древнихъ новеллахъ [3]); отголоски романовъ Круглаго Стола встрѣчаются даже у такихъ позднихъ новеллистовъ, какъ Straparola [4]).

---

[1]) Сравненіе итальянскихъ лириковъ XIII в. съ трубадурами въ отношеніи къ аллегоріи любви, объясненію происхожденія и воздѣйствія любви и ars amandi см., между проч., въ брошюрѣ L. Goldschmidt-a: «Die Doktrin der Liebe bei den italiänischen Lyrikern des 13. Jahrhunderts, Bresl. 1889.

[2]) Цѣлый рядъ этихъ упоминаній можно найти въ цитов. статьѣ Graf-a, Giorn. V, 103—109.

[3]) Въ ряду указанныхъ ранѣе (стр. 72) новеллъ Conti di antichi Cavalieri (новое изданіе *Papa* въ Giorn. stor. d. l. it., III, fasc. 8; о вновь найденномъ кодексѣ этихъ Conti см. его же замѣтку въ Giorn. etc. VIII, 487—489; см. еще Gaspary I, 171) и Novellino [=Cento novelle antiche; см. также ст. *D'Ancona*: Le fonti del Novellino въ Romania II, 419 и III, 177—178, 182 (статья эта перепечатана въ Studj di critica e storia letteraria. Bol. 1880, 219—359); Gaspary I, 165] отмѣтимъ новеллы (XIII в.) о Мерлинѣ, напечатанныя Papanti и затѣмъ Biagi въ Le novelle antiche, Fir. 1880. Что до новеллы, содержащей пророчество о разрушеніи дворца, построеннаго св. Ѳомою, то отношеніе ея къ сводному тексту пророчествъ Мерлина, оставшееся неизвѣстнымъ Graf-y (l. c., 121), давно уже указано акад. Веселовскимъ въ статьѣ его: «Наблюденія» и пр., Ж. М. Н. Пр. 1873, № 2, стр. 170—171, 173; о Sentenza di Merlino contro a un ipocrito см. ib. 184; источникъ этой Sentenza въ Les prophecies de Merlin указанъ Graf-омъ. Отмѣтимъ, далѣе, новеллу «Il re cieco, i Savi e Merlino» въ Il Libro dei Sette Savj di Roma (Pisa 1864). Объ источникахъ этой новеллы см. у *Comparetti* Intorno al Libro dei Sette Savj di Roma. Osservazioni, Pisa 1865, p. 29—36. Противоположный взглядъ—акад. *Веселовскаго*—развитъ въ извѣстной его монографіи: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ», Спб. 1872, 326—331. Разборъ этого взгляда будетъ предложенъ нами въ 3-мъ выпускѣ монографіи: «Сказанія, положенныя въ основу бретонскихъ романовъ» и пр. О Мерлинѣ въ «Семи мудрецахъ» см., между проч., въ Deux rédactions du Roman des Sept Sages de Rome publ. par G. Paris, Par. MDCCCLXXVI, p. XII, XXXVI, XXXVIII; тутъ же на стр. XXIV замѣчаніе о Marques de Rome.

[4]) Le tredici piacevolissime notti di M. Gio. Francesco Straparola etc., In Venetia, M. DC. VIII, notte quarta, fav. I (Riccardo re di Thebe ha quattro figliuole, delle quali vna và errando per lo mondo, & di Costanza, Costanzo fassi chiamare & capita nella corte del Re di Bithinia,

Digitized by Google

Въ XIV стол. одновременно съ развитіемъ новеллы въ Италіи начинаютъ появляться болѣе или менѣе оригинальные романы. Прежняя скудость итальянской повѣствовательной литературы смѣняется значительнымъ богатствомъ: романы XIV в. представляютъ разнообразіе и распадаются на нѣсколько видовъ.

Въ *Fortunatus Siculus ossia Avventuroso Ciciliano*, приписываемомъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ, — неосновательно) Bosone da Gubbio [1]) (ум. въ половинѣ XIV в.), данъ полуисторическій романъ приключеній, цѣль котораго—моральная: авторъ хотѣлъ представить „belli essempri per ammaestramento di tutti quelli che saranno percossi dalla fortuna del mondo, a donare loro conforto che non si disperino". Въ построеніи этого романа нѣтъ органичности, есть противорѣчія и недомолвки. Въ немъ вовсе не говорится о любви. Успѣхомъ этотъ Avventuroso Ciciliano не могъ пользоваться.

Не то можно сказать о романахъ и поэмахъ Боккаччьо, которые гораздо художественнѣе. Они не одного типа и могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько разрядовъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній Боккаччьо соприкасаются съ французскими романами, которые онъ читалъ вначалѣ съ увлеченіемъ, какъ увлекались ими въ его время и другіе [2]). Но рядомъ съ вліяніемъ этихъ романовъ у знаменитаго итальянскаго романиста начальной поры Возрожденія замѣчаются и существенныя отклоне-

---

ilquale per moglie la prende). Ср. повѣсть о Гризандолѣ (Веселовскій, Слав. сказ. о Сол. и Китовр. и пр., 321—326), соотвѣтственный разсказъ въ романѣ о Мерлинѣ и Семи Мудрецахъ, и сказаніе объ Асмодеѣ (Веселовскій, ib., 105 и слѣд.).

[1]) *Mazzatinti*, «Bosone da Gubbio e le sue opere»—въ Studj di filologia romanza, fasc. 2, 1884, 277 и слѣд. Mazzatinti, разобравъ романъ, пришелъ къ выводу, что l'*Avventuroso Ciciliano*, tale quale è ora, falsamente viene attribuito a Bosone da Gubbio. Al quale noi lo negheremo ricisamente, se non fosse probabile la congettura che a lui possa spettare la sola parte inventiva, come supponeva anche il Manuzzi, e se più d'una volta non ci fossimo incontrati in luoghi che mostrano l'opera d'un rimaneggiatore (p. 325). Дату 1311 г. Mazzatinti считаетъ ложною: романъ могъ возникнуть не ранѣе 1316—1333 гг. (p. 324).

[2]) Laberinto d'Amore, in Ven. M. DCXI, p. 120—121: «le sue (вдовы, о которой идетъ рѣчь въ Il Corbaccio) orationi, & i suoi pater nostri sono i romanzi franceschi, & le cãzoni latine, nei quali ella legge di Lancilotto, & di Gineura, & di Tristano, & di Isotta le loro prodezze, & i loro amori, & le giostre & torniamenti, & la semblee, & tutta si strittola quando legge di Lancilotto, o di Tristano, o alcuno altro con le lor donne nelle camere secretamente, & soli ragunarsi, si come colei, alla qual parte vedere ciò che fanno.—Legge da canzone dello indouinello, & quella di Florio & di Bianchefiore, & simile altre cose assai». Ср. p. 100: «Et colui tiene ella, che sia Lancilotto o vuoi Tristano, Orlando, o Oliuiero di prodezza....»

Digitized by Google

нія, обусловленныя міросозерцаніемъ Боккаччьо, его литературнымъ образованіемъ и вкусомъ, а также отраженіемъ личной жизни поэта въ его произведеніяхъ. Авторы нѣкоторыхъ средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ писали для любимой дамы, какъ и Боккаччьо, но въ ихъ произведеніяхъ не выступали съ такою силою, какъ въ романахъ послѣдняго, личныя чувствованія поэта, не отражалось такъ то, что доводилось имъ переживать.

Filocolo, первый по времени изъ романовъ Боккаччьо, написанный по желанію Фіаммetты, открываетъ собою тянущійся до XVII в. рядъ беллетристическихъ произведеній, въ которыхъ, по свойству, нерѣдко присущему творчеству Возрожденія, древнее смѣшивается съ новымъ въ сочетаніи, рѣзко бросающемся въ глаза современному читателю. Сюжетъ этого романа средневѣковой—юношеская любовь Флора и Бланшфлоръ, но Боккаччьо слилъ рыцарскій колоритъ повѣствованія съ классическимъ, прибавилъ новые эпизоды и описанія, сообщилъ иной характеръ рѣчамъ Florio и Biancofiore (усматривается вліяніе Овидія [1]), и средневѣковой романъ значительно видоизмѣнился.

Поэмы Боккаччьо въ октавахъ начинаютъ собою рядъ попытокъ создать эпосъ въ итальянской литературѣ. Teseide, по выраженію поэта—„antica storia“, которую онъ задумалъ изложить „con pietosa rima“, предпринявъ эпопею на „volgar lazio“, какой еще не видѣли въ Италіи. Сюжетъ Filostrato заимствованъ изъ романа о Троѣ Benoît de Sainte-More. Въ обѣихъ поэмахъ обработаны какъ будто древнія фабулы, но повѣствованіе получило романтическій характеръ. Троилъ значительно уподобился героямъ рыцарскихъ романовъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его чувствованія поэтъ внесъ много такого, что пережилъ самъ вслѣдствіе непостоянства Фіаммetты: на это онъ прямо намекаетъ въ предисловіи. Гризеида Боккаччьо также значительно отличается отъ соотвѣтственной личности у Бенуа де Сентъ-Моръ: она гораздо изящнѣе, примѣнительно къ итальянскимъ нравамъ XIV в.: въ ней могла узнать себя Фіаммetта [3]).

---

[1]) Ср. въ концѣ романа: E chi con molta efficacia ama, il Sulmontino Ovidio seguiti, delle cui opere tu se' confortatore.

[2]) Joly, p. 509, замѣчаетъ: «Le Troïus que nous peint Boccace appartient plutôt au Roman de la Table Ronde qu'à celui de notre vieux trouvère; c'est un frère de Tristan».

[3]) Боккаччьо такъ предваряетъ Фіаммetту: «quanto volte le bellezze, i costumi, e qualunque altra cosa laudevole in donna, di Griseida scritto troverete, di voi essere parlato portrete intendere».

Digitized by Google

Нельзя считать лишь неудачными эти произведенія Боккаччьо [1]): болѣе справедливо мнѣніе тѣхъ историковъ литературы, которые, сравнивая Filostrato и Filocolo съ Reali и съ жалкими переводами французскихъ романовъ, бывшими тогда въ ходу въ Италіи, говорятъ, что названные романъ и поэма Боккаччьо должны были казаться тогда чудомъ.

Особо стоитъ „Fiammetta". Въ этомъ романѣ Боккаччьо изобразилъ подъ именемъ Огонька ту свою возлюбленную, которой долго не могъ забыть и послѣ прекращенія интимныхъ отношеній съ ея стороны, постоянно вспоминая прелесть перваго свиданія. Въ анализѣ чувствованій Фіаммметты, которая представлена вопреки тому, что было въ дѣйствительности, страдающею отъ измѣны Панфило, поэтъ выразилъ много своей собственной скорби и въ то же время воспользовался „Героидами" Овидія. Художественно изобразивъ душевную борьбу, которую испытываетъ женщина, измѣнившая любящему ее мужу и не могущая преодолѣть своей страсти, Боккаччьо, какъ повторяютъ теперь одинъ за другимъ новѣйшіе изслѣдователи, представилъ первый образецъ психологическаго романа въ ново-европейской литературѣ, къ сожалѣнію, долго потомъ не видѣвшей подобныхъ произведеній.

Таковы романы и поэмы Боккаччьо, явившіеся во второй четверти XIV в. На судьбы повѣствовательной литературы въ Италіи они не повліяли въ такой степени, какъ повліялъ Декамеронъ (написанный между 1348 и 1353 гг.), сообщившій новеллѣ первостепенное значеніе въ итальянской беллетристикѣ на нѣсколько вѣковъ.

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ чувствуется голосъ страсти и много задушевности, а также жизненной правды. Боккаччьо далъ читателямъ множество образовъ, полныхъ жизни и обрисованныхъ мастерски благодаря богатству и пылу воображенія, которымъ обладалъ, и знанію человѣческой натуры. Напыщенной идеализаціи почти нѣтъ у Боккаччьо. Лишь кое-гдѣ идеализованъ любимый поэтическій образъ его Фіаммметты. Боккаччьо подпалъ при этомъ въ „Amorosa Visione", какъ и въ нѣко-

---

1) По словамъ порицателей этихъ поэмъ, Боккаччьо возмнилъ, что «рядъ стиховъ, сложенный въ подражаніе извѣстнымъ классическимъ образцамъ, заслуживаетъ названія эпопеи, и составилъ два опыта ея...»

Digitized by Google

торыхъ другихъ произведеніяхъ, вліянію Данте и своего друга Петрарки и, такимъ образомъ, въ поэтическомъ выраженіи своей любви не избѣжалъ, средневѣковаго мистицизма. Къ любовному культу, бывшему въ ходу у рыцарства, Боккаччьо примыкаетъ, далѣе, тѣмъ виднымъ значеніемъ, какое вообще удѣлилъ любви въ своихъ произведеніяхъ, и страстною напряженностью ея въ нѣкоторыхъ изъ нихъ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ итальянскаго Возрожденія не знаетъ рыцарской исключительности и, какъ бы въ соотвѣтствіе своему ученію о томъ, что благородство (gentilezza) можетъ быть достояніемъ каждой личности, внушаетъ читателю Декамерона симпатію не только къ знатной Ghismonda, но и къ „popolana Lisabetta", и возводитъ на пьедесталъ крестьянку Гризельду, представляющую какъ бы осуществленіе тѣхъ ригористическихъ взглядовъ на отношеніе жены къ мужу, которыхъ придерживался Боккаччьо уже въ моментъ написанія Декамерона и еще въ большей степени въ позднѣйшее время своей литературной дѣятельности. Гризельда—идеалъ безгранично любящей, покорной и терпѣливой жены, какой можетъ быть одобренъ самою консервативною моралью. Нѣсколько подобную личность можно встрѣтить лишь въ сказкахъ, но не въ рыцарскомъ романѣ [2]). Этотъ об-

---

[1]) Florio, страстно любящій Biancofiore, готовъ послѣдовать за нею въ могилу. У Боккаччьо нерѣдко несчастно влюбленные выражаютъ такую готовность.

[2]) Возражая критикамъ, обвиняющимъ Боккаччьо въ порчѣ нравовъ, Carducci указываетъ, между прочимъ, на «Griselda, la pastorella provata fino al martirio dal marito marchese, la Griselda *a cui la poesia cavalleresca nulla ha da contraporre nè pur da lontano*».—Интересно сопоставить Гризельду съ типомъ въ родѣ несправедливо преслѣдуемой дѣвушки и оклеветанной жены; наиближе Гризельда къ той женѣ сказокъ, которая возвышаетъ свое достоинство среди загона и утѣсненія и, наконецъ, находитъ счастье. Уже давно указывали на балладу Marie de France: Lai de le fraisne (Hist. littér. de la France, XIX, 798). Landau обратилъ вниманіе на соотвѣтственныя повѣсти индійскую и еврейскую. *I. Polívka* въ монографіи Dvě povídky v české literatuře XV. stol., V Praze 1889, стр. 9—10, считаетъ вопросъ нерѣшеннымъ; наиболѣе правдоподобнымъ кажется ему предположеніе, что «Boccacio čerpal z ústní tradice vlašske, i můzeme se tu dovolávati svědectví Petrarkova; on totiž píše ve svém listě, že i cizinec neznalý italského jazyka by se potěšil líbeznou touto povídkou»: «cum et mihi semper ante multos annos audita placuisset»; къ этому устному преданію слѣдуетъ возводить, по мнѣнію г. Поливки, и варіанты, отличающіе латинскій пересказъ Петрарки отъ новеллы Боккаччьо. Замѣтимъ здѣсь кстати, что недавно *Pitrè*, Novelle popolari toscane, Fir. 1885 p., XXXII, заявилъ вслѣдъ за Körting-омъ, принимающимъ Неаполитанскія сказки за преимущественный источникъ Декамерона: «In Italia, in Toscana specialmente, la novellistica orale vuol essere studiata meglio che altrove, perchè in poche province della penisola, in poche contrade d'Europa, la novella d'arte ha rivelato tanti rapporti con la novella tradizionale, quanti ne risultano mediante gli studî comparativi per l'Italia in generale, per la Toscana in particolare». Во всякомъ случаѣ, невѣрно мнѣніе *Biedermann*-а (Zeitschr. f. Vergleich. Litteraturgesch. und Renaissance-Litteratur, II Bd., 1.2 Heft, 111),

Digitized by Google

разъ, столь рѣзко выдѣляющійся изъ обычныхъ и понравившійся въ то время такимъ людямъ, какъ Петрарка [1]), весьма характеренъ для уразумѣнія воззрѣній Боккаччьо и другихъ людей эпохи, обращавшейся къ такимъ крайностямъ въ поэзіи.

Вообще у Боккаччьо встрѣчаются типы женщинъ, представляющіе противоположность одинъ другому. Въ романахъ и поэмахъ его одна изъ героинь—невинная, глубоко любящая и кроткая Biancofiore, другая—легкомысленная Griseida, третья—столь пассивно принимающая того или иного мужа Эмилія, четвертая—Фіамметта, не могущая забыть измѣнившаго любовника. Въ Декамеронѣ рядомъ съ женщинами суетными, легкомысленными, склонными къ обману, есть „valorose e sante", благородныя, постоянныя, твердыя въ своей вѣрности, готовыя перенести всѣ муки ради сохранія чести. Къ третьей категоріи относятся такія, какъ Софронія. Въ книгѣ De Claris Mulieribus Боккаччьо также выставилъ разнообразные типы. Жена Orgia-

---

который какъ бы считаетъ повѣсть о Гризельдѣ не народною и говоритъ, что ее надо разсматривать какъ pfäffische Erfindung, als die mit katholisch-kirchlicher Naturwidrigkeit aufs äusserste getriebene Befolgung biblischer Gebote über Demuth und eheweiblichen Gehorsam». (Ср. выраженіе Canello, p. 25: «tal moglie fedele che a noi pare alquanto scimunita»). Противъ замѣчанія Biedermann-a можно указать на то, что монахи не могли измыслить Гризельды—они были совсѣмъ не такого мнѣнія о женщинѣ. *Ten Brink,* Gesch. d. engl. Litteratur, II, Berl. 1889, 172, называетъ Чосеровъ пересказъ этой новеллы «das hohe Lied von edler, zarter Weiblichkeit». Какъ бы подтвержденіемъ вѣрности подобнаго сужденія является та чрезвычайная популярность, какой достигла новелла о Гризельдѣ предпочтительно предъ остальными новеллами Декамерона. См. Dunlop-Wilson, II, 146; Grässe, Die gross. Sagenkr., 282—284; Polívka, 10—17. Кромѣ работы Поливки новѣйшія монографіи объ этой сагѣ: Westenholz, Die Griseldis-Sage in der Litteraturgeschichte, Heidelb. 1888; Groenevell, Die älteste Bearbeitung der Griseldis-sage in Frankreich, 1889.

[1]) Гризельда Боккаччьо очень понравилась Петраркѣ, переработавшему эту повѣсть на латинскомъ языкѣ, а равно и нѣкоторымъ общимъ пріятелямъ обоихъ поэтовъ. Одного изъ этихъ пріятелей Гризельда тронула до слезъ, а другому показалась личностью невозможною въ дѣйствительности. На послѣднее замѣчаніе Петрарка отвѣтилъ нѣсколько уклончиво, заявляя, что иное, кажущееся невозможнымъ, покажется для нѣкоторыхъ легко исполнимымъ, но самъ же закончилъ свой пересказъ словами: «hanc historiam stylo nunc alio retexere visum fuit, non tam ideo ut *matronas nostri temporis ad* imitandam huijus uxoris *patientiam*, quae *mihi vix imitabilis videtur* quam, ut legentes ad imitandam saltam foeminae constantiam excitarem, ut quod haec viro suo praestitit, hoc praestare deo nostro audeant...» Ср. у Чосера заключительныя слова студента, что въ то время трудно было найти въ цѣломъ городѣ двѣ или три такихъ Гризельды. И тѣмъ не менѣе, всѣмъ нравился тогда этотъ идеальный образъ жены феодальнаго времени,—жены маркиза, желаніе котораго испытать ее, по выраженію Петрарки, «mirabilis quaedam, quam laudabilis doctiores judicent». Видно, типъ жены, складывавшійся въ эпоху Возрожденія, вызывалъ въ поэзіи невольную реакцію въ идеализаціи такого образа, какъ крестьянка Гризельда. О двоякомъ изображеніи крестьянъ въ итальянской литературѣ времени Возрожденія см. Burckhardt-a II, 69—72 и примѣч. на стр. 95—97.

Digitized by Google

gentis gallograeci предпочитаетъ смерть потерѣ чести [1]), и въ той же книгѣ излагается исторія такихъ женщинъ, какъ Leaena meretrix и глупая Paolina, повѣрившая тому, что ее полюбилъ богъ Анубисъ, и легко поддавшаяся юношѣ, обманувшему ее такимъ способомъ. Подобное разнообразіе характеровъ представляетъ и поэма Аріосто.

Писателемъ переходнаго времени, совмѣщающимъ разнородныя воззрѣнія, нерѣдко противорѣчащимъ себѣ, оказывается Боккаччьо и во взглядахъ вообще на женщину и любовь и въ разсужденіяхъ о послѣдней.

Боккаччьо полагалъ, что женщины ниже мужчинъ „per forza, ingegno, per virtù", онѣ „più mobili"; потому онъ былъ невысокаго мнѣнія о нравственной устойчивости женщинъ, но, конечно, признавалъ въ общемъ немало исключеній, какъ показываетъ хотя бы его книга „De Claris Mulieribus". Иногда онъ разражался средневѣковыми выходками противъ женщины [2]), готовъ былъ привести наставленія премудраго Соломона относительно ея [3]), не былъ сторонникомъ женской эмансипаціи [4]), стоялъ за простоту и строгость воспитанія дѣвушекъ, возставалъ противъ крупнаго приданаго, которымъ ихъ надѣляютъ, порицалъ пристрастіе женщинъ къ пышнымъ нарядамъ, желалъ бы въ концѣ концовъ повергнуть къ старымъ правамъ (объ исчезновеніи ихъ скорбѣлъ и Данте) и въ то же время дорожилъ вниманіемъ женщинъ, требовалъ образованія женщины [5]), предваряя въ нѣкоторыхъ отно-

---

[1]) О такихъ женахъ Боккаччьо упоминаетъ и въ книгѣ De Casibus Virorum Illustrium въ главѣ о Сарданапалѣ, но въ главѣ de conjugibus Cimbrorum замѣчаетъ, что вообще ему весьма рѣдко приходилось читать и слышать о томъ, чтобы женщины соблюдали такъ цѣломудріе.

[2]) Такъ, въ книгѣ De Casibus Virorum Illustrium исторія Самсона подала поводъ Боккаччьо къ порицанію женщинъ.

[3]) Эмилія говоритъ въ Decameron, giorn. IX, nov. 9: «nel mio giudicio cape tutte quelle esser degne di rigido ed aspro gastigamento, che dall'esser piacevoli, benivole e pieghevoli, come la natura, l'usanza e le leggi vogliono, si partono. Per che m'aggrada di raccontarvi un consiglio renduto da Salomone, sì come utile medicina a guarire quelle, che così son fatte, da cotal male. Il quale niuna, che di tal medicina degna non sia, reputi ciò esser detto per lei, come gli uomini un cotal proverbio usino: buon cavallo e mal cavallo vuole sprone, e buona femmina e mala femmina vuol bastone» etc. Должно имѣть въ виду при чтеніи этихъ словъ средневѣковое воспитаніе. По словамъ Frate Cherubino, тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались даже le fanciulle e le spose. См. рец. E. Gorra на «El costume delle donne» etc., изд. Morpurgo (Fir. 1889) въ Giorn. stor. d. lett. it., XIV (1889), fasc. 1—2.

[4]) Онъ требуетъ повиновенія женщины. Ср. приведенныя нами слова Тассо о томъ.

[5]) Ср. въ только что цит. рецензіи Gorra p. 271 объ отношеніи средневѣковыхъ моралистовъ и романистовъ къ вопросу объ образованіи женщины.

Digitized by Google

шеніяхъ свое время. Бракъ былъ для Боккаччьо достопочтенное и „святое“ таинство; авторъ Декамерона прославлялъ благія послѣдствія крѣпкой супружеской любви, при которой жена дѣлитъ горе мужа, проявляетъ свое достоинство въ перенесеніи невзгодъ и пріобрѣтаетъ славу. Счастливъ, по словамъ Боккаччьо, мужъ, имѣющій такую жену, какъ Порція.

Примѣры идеальной супружеской любви, помѣщаемые Боккаччьо преимущественно въ прошломъ, не закрывали большинства противоположныхъ явленій и господства чувственности. Боккаччьо съ охотой останавливался на изображеніи послѣдней, и справедливо замѣчаютъ, что у него рѣзко выступаетъ крайній натурализмъ въ любви, которой—говоритъ онъ иногда — безполезно сопротивляться, какъ силѣ натуры. Въ такого рода картинахъ любовь, дѣйствительно, возвращается въ поэзіи къ античной наготѣ, по выраженію Hortis-a („Amore ritorna ignudo come in Grecia e in Roma“); но на основаніи ихъ нельзя говорить, что Боккаччьо опошлилъ образъ женщины и унизилъ любовь вообще. Снисходительно относясь въ Декамеронѣ къ прегрѣшеніямъ женщины въ силу любви, „conoscendo le sue forze grandissime“, Боккаччьо провозглашалъ въ томъ же произведеніи (giorn. VIII, nov. 1): „La donna debb'essere onestissima, e la sua castità come la vita guardare, nè per alcuna cagione a contaminarla conducersi“.

Разсужденія о любви занимали Боккаччьо въ такой же мѣрѣ, какъ и поэтовъ рыцарства и большинство итальянскихъ поэтовъ вплоть до XVII в.: вообще итальянское Возрожденіе много занималось теоріею любви и въ этомъ отношеніи примыкало къ поэзіи рыцарства.

Уже въ первомъ произведеніи Боккаччьо, Filocolo, одинъ изъ самыхъ интересныхъ и вмѣстѣ пространныхъ эпизодовъ посвященъ разсужденіямъ о любви; разумѣемъ описаніе дня, проведеннаго Florio въ Неаполѣ, куда юноша прибылъ, отправившись отыскивать свою Biancofiore [1]). Florio и его спутники были приглашены принять участіе въ увеселеніи, происходившемъ въ саду. Здѣсь, подъ предсѣдательствомъ Фіамметты, которую избрали королевою собра-

[1]) Op. volg. di Bocc., VIII (Filocolo, t. II), 28 и слѣд.

Digitized by Google

нія [1]), юноши и донны, расположившись въ тѣни у фонтана, выслушиваютъ рѣшеніе вопросовъ о любви (questioni d'amore), предлагаемыхъ прекрасной царицѣ собранія. Рѣшенія получаютъ характеръ тенсонъ, такъ какъ лицо, ставящее вопросъ, возражаетъ Фіамметтѣ, а послѣдняя защищаетъ свое мнѣніе. Подобное времяпровожденіе напоминаетъ обычаи знатнаго провансальскаго общества, и самые вопросы у Боккаччьо представляютъ сходство съ тѣми, рѣшеніемъ которыхъ развлекалась провансальская знать [2]).—И помимо того въ Filocolo внесено много лирично-риторическихъ отступленій съ разсужденіями о любви, о женщинахъ и т. п. [3]).

Оставляя въ сторонѣ другія поэтическія произведенія Боккаччьо, упомянемъ о томъ, что въ Декамеронѣ есть немало разговоровъ о нравственныхъ достоинствахъ женщины и объ отношеніяхъ ея и мужчины, и заключимъ перечень интересующихъ насъ здѣсь произведеній Боккаччьо указаніемъ на его трактатъ *Laberinto d'Amore*, или *Il Corbaccio* (1353 или 1354 г.). Этотъ трактатъ или, лучше сказать, памфлетъ характеризуетъ переломъ въ воззрѣніяхъ на женщину и любовь, происшедшій въ поэтѣ, когда молодость его прошла, любовь къ Фіамметтѣ превратилась въ поэтическое воспоминаніе, и пламенный юношескій культъ любви уступилъ мѣсто скептическому отношенію къ достоинству этого чувства, между проч.,— подъ вліяніемъ личнаго разочарованія. Внѣшнее построеніе Il Laberinto d'Amore напоминаетъ нѣсколько схему Божественной Комедіи. Авторъ, подпавшій будто бы любви къ одной вдовушкѣ, которою плѣнился, потому что вообразилъ ее со словъ пріятеля женщиною высокихъ достоинствъ, терпитъ неудачу, впадаетъ въ отчаяніе и готовъ лишить себя жизни, но затѣмъ принимается за анализъ своего рѣшенія, приходитъ къ мысли, что оно не разумно, засыпаетъ, и во снѣ

---

[1]) Ascalione, предлагая избрать Фіамметту въ царицы собранія, говоритъ: «giuro per quelli iddii che io adoro, che non mi torna nella memoria d'aver veduta o udita nomar donna di tanto valore, quanto questa Fiammetta, nella cui presenza Amore tutti di se infiammati ci tiene--e perocchè ella, siccome senza fallo conosco, è d'ogni grazia piena e di bellezza, e di costumi ornatissima e di leggiadra eloquenza dotata, io in nostra reina l'eleggo» (p. 33).

[2]) См., между проч., въ Literaturblatt für germ. und rom. Phil. 1889, № 8 рецензію Gaspary на брошюру Papa: «Un Capitolo delle Definizioni di Jacomo Serminocci, poeta senese del secolo XV, Fir. 1887». Il Libro di Definitioni этого поэта не что иное, какъ распространеніе въ стихахъ 13 любовныхъ вопросовъ Filocolo. Подобные вопросы есть и у Франческо де Барберино.

[3]) См., напр., Op. volg. di Bocc., VII, 280—281, 294 и слѣд., и т. п. Имѣя въ виду эти отступленія, *P. Paris*, Les manuscrits françois, III, Par. 1840, p. 328, замѣтилъ что романъ Боккаччьо скученъ и во всѣхъ отношеніяхъ ниже французскаго романа *Flore et Blanchefleur*.

Digitized by Google

ему представляется видѣніе въ родѣ Дантовскаго: Боккаччьо, направившись по пріятному пути, попадаетъ въ ущелье, изъ котораго не можетъ выбраться. Здѣсь ему предстаетъ духъ, какъ оказалось потомъ—бывшій мужъ вдовушки, плѣнившей сердце поэта. Онъ страдаетъ теперь въ чистилищѣ и посланъ Пресв. Дѣвою просвѣтить Боккаччьо касательно любви и женщинъ, вывести его изъ той пропасти, въ которую завлекла поэта любовная страсть и изъ которой, разъ рухнувъ въ нее, не выйти [1]). Длинныя рѣчи духа, не стѣсняющагося въ своихъ выраженіяхъ, заключаютъ самый рѣзкій, доходящій до крайней грубости и цинизма, пасквиль на женщинъ, ихъ пустоту, легкомысліе, безнравственность и т. п. Ту самую *carnale amore* [2]), которую Боккаччьо изображалъ въ Декамеронѣ безъ особаго негодованія, теперь онъ предаетъ полному осужденію. По словамъ духа, дворъ любви—долина, въ которой влюбленные теряютъ человѣческій образъ и становятся звѣрями [3]). Любовь ослѣпляетъ душу [4]). Въ ряду женщинъ новаго времени есть немного такихъ, которыя заслуживаютъ похвалы [5]). Общій характеръ женщины предстаетъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Противъ нея собрано здѣсь все, что могъ сказать Боккаччьо, а онъ былъ опытенъ въ дѣлахъ любви. Въ

---

[1]) Духъ говоритъ Боккаччьо: «Questo luogo è da varij variamente chiamato, & ciascuno il chiama bene, alcuni il chiamano Laberinto d'Amore, et altri la Ualle Incatenata (ср. въ романѣ о Ланселотѣ—о рыцаряхъ, пребывающихъ въ плѣну въ val sans retour), & assai il Percile di Uenere, & molti la Valle de'Sospiri, & della Miseria, & oltre a questi chi in vn modo, & chi in vno altro, come meglio a ciascuno piace.... Et dei sapere, che chi per lo suo poco senno ci cade, mai, se lume celeste non nel trahe, vscir non ci può, & allhora come io già ti dissi, con senno & con fortezza». Laber. d'Amore, 24 (cf. p. 23 и 32). Ср. второе заглавіе пьесы гр. Л. Н. Толстого «Власть тьмы»: «увязъ коготокъ—всей птичкѣ пропасть».

[2]) Lab. d'Amore, 7:.... «mi venne ch'io fortissimamente sopra gli accidenti del carnale amore cominciai a pensare»....

[3]) Laber. d'Amore, p. 31: «Questa misera valle è quella corte che tu chiamai d'amore, e quelle bestie, che tu di ch'udite hai & odi magghiare, sono i miseri, de'quali tu sei vno, dal fallace amore irretiti....»

[4]) Ib., 49—50: «Uedere adunque douerai amore essere vna passione accecatrice dell'animo, disuiatrice dell'ingegno, ingrossatrice, anzi priuatrice della memoria, dispiacitrice delle terrene facultadi, guastatrice delle forze del corpo, nimica della giouinezza, & della vecchiezza morte, genitrice de'vitij, habitratrice di vacui petti, cosa senza ragione, e senza ordine, & senza stabitità alcuna, vitio delle menti non sane, & sommergitrice dell'humana libertà ò quante e quali cose sono queste da douere, non che i sauj ma gli stolti ispauentare». Затѣмъ духъ ссылается, по средневѣковому обычаю, на историческіе примѣры.

[5]) Ib., 34—35: «hauendo molte cose dette antiche, quale in magnanimità, e quale in castità, quale in corpo tal fortezza lodando; condiscendemmo alle moderne, fra le quali il numero trouandone picciolissimo da commendare...»

Digitized by Google

мужчинѣ, по его мнѣнію, гораздо болѣе достоинства и благородства, и природа обидно поступила, подчиняя мужчину полу, столь несовершенному, какъ женскій, рожденному для повиновенія. Просвѣтленный духомъ и слѣдуя за нимъ, Боккаччьо, выходитъ изъ мѣста, въ которое попалъ-было, на высокую гору, въ чистую атмосферу, и съ ужасомъ оглядывается на страшную долину мрака: „& parvemi, говоритъ онъ, non valle, ma vna cosa profonda insino in inferno, oscura, & piena di notte & di dolorosi rammarichi". Радуясь выходу изъ этой юдоли грѣха, поэтъ просыпается, размышляетъ о видѣнномъ, рѣшается покончить съ позорною любовью и возстановляетъ свою свободу. Онъ полагаетъ, что его повѣствованіе принесетъ пользу тѣмъ, въ особенности юношамъ, которые слишкомъ надѣются на себя, и исторгнетъ ихъ изъ рукъ злыхъ женщинъ.—Вотъ къ какимъ взглядамъ на любовь, отличнымъ отъ Дантовыхъ, пришелъ подъ конецъ обожатель Фіамметты, начавшій свою дѣятельность на поприщѣ романа романтическимъ повѣствованіемъ о неизмѣнной вѣрности въ любви Florio и Biancofiore и изобразившій затѣмъ пламенную рыцарскую любовь Палемона и Арциты.

Понятно послѣ всего сказаннаго, что поэтъ, рано познавшій непостоянство женщины и уже въ Filostrato выразившій страданія любящаго сердца, причиняемыя женскимъ легкомысліемъ, нарисовавшій затѣмъ въ Декамеронѣ цѣлый рядъ картинъ, подтверждающихъ это легкомысліе, хотя и не исключающихъ противоположныхъ примѣровъ, не могъ быть постояннымъ пѣвцомъ чисто-рыцарской любви и, по выходѣ изъ юношескаго возраста, остаться чтителемъ бретонскихъ романовъ, которыми увлекалась вдовушка Corbaccio.

Отчасти потому-то герои и героини романовъ Круглаго Стола, не разъ поминающіеся въ произведеніяхъ Боккаччьо, не получили у него виднаго мѣста, и доблесть ихъ внушала ему нѣкоторое сомнѣніе. Лишь главнаго героя этихъ романовъ, Артура, Боккаччьо считалъ, повидимому, знаменитымъ королемъ, дѣйствительно существовавшимъ, и потому въ книгѣ своей „De Casibus Virorum Illustrium" посвятилъ цѣлую главу изложенію его исторіи [1]), отнесшись съ полнымъ довѣріемъ къ разсказамъ о Кругломъ Столѣ и объ об-

---

[1]) Она перепечатана, въ виду рѣдкости этой книги, въ Grässe, Die grossen Sagenkreise, 164—166.

Digitized by Google

ширныхъ завоеваніяхъ Артура. Исторію Артура Боккаччьо заканчиваетъ меланхолическимъ замѣчаніемъ, что иной можетъ сказать: Nil in orbe praeter humilia posse consistere. При этомъ Боккаччьо проявляетъ уже начало нѣкотораго критицизма и въ отношеніи къ романтической исторіи Артура, какъ и въ отношеніи къ древнимъ романическимъ героямъ [1]). Включивъ Артура въ книгу о славныхъ мужахъ, Боккаччьо не далъ мѣста ни одной романической героинѣ въ книгѣ „De Claris Mulieribus“ [2]), въ которой проглядываютъ уже зачатки научнаго изложенія исторіи женщины.

Итакъ, въ исторіи рыцарской эпики Боккаччьо занимаетъ мѣсто на рубежѣ между средними вѣками и временемъ Возрожденія, совмѣщая въ себѣ старое съ новымъ. Онъ еще не отрѣшился отъ стараго взгляда на поэзію, подъ вліяніемъ котораго готовъ былъ сблизить съ теологіей такое поэтическое произведеніе, какъ „Божественная комедія“, и усвоять поэтическимъ и миѳологическимъ вымысламъ аллегорическое и моральное значеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ произведеніяхъ Боккаччьо рѣзко выступаетъ самостоятельное значеніе поэзіи, создающей реальные образы, мастерски очерченные. Возвышенная рыцарская романтика нашла въ Боккаччьо отзывчиваго поэта, который воспроизвелъ энтузіазмъ рыцарской любви и сталъ начинателемъ художественной рыц. эпики въ Италіи. Боккаччьо не разъ заявлялъ въ своихъ произведеніяхъ, что дорожилъ расположеніемъ женщинъ („care donne“), писалъ для нихъ и желалъ угодить имъ. Въ этомъ онъ опять былъ продолжателемъ поэтовъ рыцарскаго времени. Онъ говорилъ правду въ началѣ Ninfale Fiesolano, выразившись о себѣ:

---

[1]) Боккаччьо заявляетъ, что мы не знаемъ исторіи Артура изъ свидѣтельствъ, «достойныхъ вѣры»; сказанія о Кругломъ Столѣ послѣ смерти Артура стали «vulgi fabula». Ср. *Hortis*, Studj sulle opere latine del Boccaccio con particolare riguardo alla storia della erudizione nel medio evo e alle letterature straniere aggiuntavi la bibliografia delle edizioni, Trieste, 1879, p. 521—522. Повидимому, къ «fabula» Боккаччьо отнесъ вѣру въ предстоящее возвращеніе Артура. Замѣтимъ, что въ Англіи уже въ XII в. были историки, съ сомнѣніемъ относившіеся къ исторіи Артура, но въ Италіи вѣкъ спустя еще Брунетто Латини вѣрилъ всѣмъ романическимъ розсказнямъ, напр. о томъ, что Мерлинъ пострадалъ отъ вѣроломства женщины подобно Аристотелю.

[2]) Немногія женщины среднихъ вѣковъ нашли мѣсто въ книгѣ Боккаччьо. Впрочемъ, Боккаччьо вообще обнаруживалъ наклонность переноситься мыслію въ древнее время и не выказывалъ охоты останавливаться на среднихъ вѣкахъ; его привлекалъ по преимуществу античный міръ.

Digitized by Google

Amor mi fa parlar, che m'è nel core
Gran tempo stato e fatto n'ha suo albergo....
E che la forza mi dona e l'ingegno:
Amor è quel ch'è mia forza e mia luce,
E che di lui trattar m'ha fatto degno.

Но самымъ удачнымъ и наиболѣе вліятельнымъ произведеніемъ Боккаччьо оказался Декамеронъ, въ которомъ на ряду съ примѣрами возвышенныхъ чувствованій и дѣяній приведено много обыкновенныхъ житейскихъ исторій, похожденій и любовныхъ продѣлокъ лицъ, ничѣмъ не выдающихся и пошлыхъ. Легкій взглядъ на бракъ, какъ бы находившій поддержку въ романахъ о Ланселотѣ и Женьеврѣ, о Тристанѣ и Изольдѣ, къ которымъ читатель того времени могъ отнестись снисходительно въ силу рыцарской доблести погрѣшавшихъ героевъ [1]), получаетъ совсѣмъ иной смыслъ и освѣщеніе, въ дѣйствующихъ лицахъ Декамерона. Женщина и любовь низводятся въ этихъ новеллахъ съ пьедестала, на который возвела ихъ рыцарская поэзія, и въ литературу вторгается художественный реализмъ, который, при безнравственности, все болѣе водворявшейся въ Италіи, могъ открыть современемъ дорогу проявленію деморализаціи. Поэтъ Декамерона не отступаетъ предъ описаніями любовныхъ наслажденій, доходящими до цинизма. Равнымъ образомъ, и въ Laberinto d'Amore Боккаччьо не постѣснялся въ выраженіяхъ, ссылаясь на то, что, для излеченія отъ порока, моралистъ, подобно медику, не долженъ церемониться. Примѣръ Боккаччьо при той вліятельности, которою пользовались его произведенія, долженъ былъ заразительно подѣйствовать на итальянскихъ литераторовъ послѣдующаго времени, привыкшихъ созерцать постоянныя проявленія безнравственности въ жизни. Потому Боккаччьо невольно [2]) явился однимъ изъ начинате-

---

[1]) См. *P. Paris*, Les romans de la Table Ronde, t. IV, Par. MDCCCLXXVI, p. 72, 328.

[2]) Въ Декамеронѣ Боккаччьо, къ которому, вѣроятно, можно пріурочить его собственное выраженіе о «giudice non troppo severo», относится снисходительно къ нравственнымъ недостаткамъ изображаемыхъ имъ лицъ и не предъявляетъ женщинѣ тѣхъ строгихъ требованій, какія выставилъ потомъ, оцѣнивъ въ женщинѣ по преимуществу домовитость и семейныя добродѣтели. Большая часть новеллъ Декамерона служитъ не столько серьезнымъ цѣлямъ, сколько цѣлямъ развлеченія. Но несправедливо было бы отрицать въ авторѣ Декамерона борьбу съ предразсудками, способность и наклонность увлекать читателя изображеніемъ лучшихъ сторонъ человѣческой натуры и возбуждать серьезную вдумчивость. Сверхъ того, и въ Декамеронѣ проглядываютъ моральная тенденція и сатиризмъ, и уже показываются въ зародышѣ суровыя сужденія, которыя высказывались потомъ рѣзче.

Digitized by Google

лей теченія, загрязнившаго итальянскую литературу времени Возрожденія новеллами, діалогами [1]) и т. п., которые подобно Декамерону и Laberinto d'Amore прикрывались моральною тенденціей, но въ существѣ ея не имѣли. Въ нравственномъ отношеніи эти произведенія послѣдующаго времени стояли гораздо ниже произведеній Боккаччьо, который уже въ Декамеронѣ выглядитъ нерѣдко искреннимъ моралистомъ, а въ послѣдующее время своей дѣятельности [2]) еще въ большей степени сталъ проповѣдникомъ морали. Колебанія Боккаччьо между легкимъ отношеніемъ къ традиціонной морали и проповѣдываніемъ ея были вполнѣ искренни: въ немъ боролись идеальные порывы среднихъ вѣковъ съ наклонностью къ отрѣшенію отъ старой морали подъ вліяніемъ расширенія кругозора; въ немъ не были вполнѣ примирены примыкавшій къ рыцарскому мистицизму послѣдователь Данте и Петрарки, съ одной стороны, и проникшійся паганизмомъ поэтъ Возрожденія съ другой. Нельзя заподазривать Боккаччьо въ лицемѣріи: онъ безсознательно впадалъ въ противорѣчія, увлекаясь то рыцарскою романтикою чувства, то разгуломъ жизнерадостнаго настроенія, которое было пробуждаемо Возрожденіемъ, то съ полнымъ увлеченіемъ и сердечностію переносясь воображеніемъ въ идиллическій міръ пастуховъ, нимфъ и болѣе или менѣе простыхъ и сердечныхъ семейныхъ отношеній и чувствъ на ряду съ неудержимыми проявленіями бушующей страсти [3]), которая увлекаетъ въ концѣ и „fanciulla pura ed innocente“ [4]), нимфу Mensola [5]). Поэма въ октавахъ, „Ninfale Fiesolano“, изображающая этотъ идиллическій міръ, на ряду съ „Ameto“, была исходнымъ пунктомъ новаго крупнаго теченія итальянской поэзіи времени Возрожденія. Намъ уже приходилось упоминать о томъ, что эта поэзія накопила множество „fa-

---

1) Для установленія связи многочисленныхъ позднѣйшихъ діалоговъ о любви съ Laberinto d'Amore важно, что въ этомъ произведеніи съ формою видѣнія соединена форма діалога. О діалогѣ въ итальянской литературѣ см. у Gaspary II, 191.—Замѣчательно также, что въ одномъ кодексѣ XIV в. съ II Corbaccio былъ помѣщенъ рядомъ трактатъ Ѳеофраста о женахъ, заимствованный, вѣроятно, изъ Іеронима и дополненный разсказомъ о женахъ, принесшихъ позоръ мужьямъ и семействамъ. Боккаччьо считали, очевидно, врагомъ женщинъ, какимъ и назвалъ его Кастильоне.

2) Книга «De Claris Mulieribus», въ которой ясно выступаетъ позднѣйшее моральное направленіе Tasso, написана не ранѣе 1357 г.

3) Ninfale Fiesolano, parte seconda, XV, XVII—XVIII; parte quarta, XXXIV—XXXVII. Gaspary, II, 16, замѣчаетъ: «Wohl mochte man die Schilderung der Liebescene weniger cynisch».

4) Ib., p. quinta, VI, XVI; parte sesta, I, III и слѣд.

5) Ib., p. quinta, XXXIX и слѣд.

Digitized by Google

vole pastorali" и „egloghe", въ которыхъ, къ сожалѣнію, много показнаго и мало дѣйствительно цѣннаго. Мало правды найдетъ современный читатель въ картинахъ холмовъ, луговъ, зелени всѣхъ оттѣнковъ, въ описаніи шелеста листьевъ, таинственной тишины уединенія, доловъ Аркадіи, красоты простыхъ обитательницъ этихъ заманчивыхъ мѣстъ; мало признаетъ онъ безыскусственности и неподдѣльности въ рѣчахъ и поступкахъ лицъ, выводимыхъ въ этой идиллической обстановкѣ [1]). Боккаччьо въ „Ninfale Fiesolano" погрѣшилъ сравнительно менѣе въ этомъ отношеніи; онъ довольно правдиво изобразилъ крестьянскую среду, почти воздержался отъ декламаціи, которою страждетъ „Filocolo", говорилъ языкомъ дѣйствительнаго чувства и не разъ трогаетъ читателя, пробуждая въ немъ глубокое участіе къ печальной судьбѣ невинной и чистой дѣвушки, невольно ставшей жертвою грубой страсти. Поэтъ сердечно и безъ лишнихъ прикрасъ изложилъ старую и вмѣстѣ вѣчно новую исторію и не могъ не увлекать читателей; быть можетъ, оказалъ онъ вліяніе и на Тассо, „Aminta" котораго заключаетъ отголоски увлеченія „Ninfale" [2]). Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что Боккаччьо и въ итальянской пастушеской поэзіи явился такимъ же начинателемъ, какимъ былъ въ художественной обработкѣ рыцарско-романтическаго эпоса и новеллы. Словомъ, послѣдующее развитіе народно-итальянской литературы, насъ занимающей, было въ огромной степени обусловлено начинаніями Боккаччьо.

Послѣ Боккаччьо выработка *народной* итальянской литературы совершалась уже не съ прежнею быстротою. Національная литература была ослабляема усиленіемъ значенія латинской литературной

---

[1]) Мы раздѣляемъ мнѣніе Scherillo, выраженное имъ въ Giambattista Basile, archivio di letteratura popolare, anno I (1883), num. 6.

[2]) Намъ кажется, что въ эпизодѣ поэмы «Rinaldo», содержащемъ исторію пастушка Florindo и представляющемъ немало пунктовъ соприкосновенія съ «Aminta», сказывается въ частностяхъ вліяніе «Ninfale Fiesolano». Обстановка, при которой влюбляются Affrico и Florindo, и быстрое воспламененіе ихъ любовью, представляютъ много сходства (май, игры дѣвушекъ); оба влюбленные переодѣваются въ женское платье, чтобы получить возможность быть поближе къ своимъ милымъ. Колоритъ повѣствованія Тассо также нѣсколько напоминаетъ пріемы Боккаччьо.— Равнымъ образомъ въ «Aminta» находимъ подробности, сближающія эту пастушескую драму съ «Ninfale Fiesolano»: пейзажъ тамъ и здѣсь итальянскій; совѣтъ, данный во снѣ Affrico Венерою,— дѣйствовать рѣшительно, напоминаетъ совѣтъ Дафны; типы Мензолы и Сильвіи одинаковы (см. Ninf. Fies., p. qu., LV, гдѣ говорится, какъ Мензола «*crudele* non l'udia»); лишь почтительный Аминтъ рѣзко отличается отъ настойчиваго и неудержимаго въ своей страсти Affrico.

Digitized by Google

рѣчи и авторитета классической школы ученыхъ латинистовъ XV в., которые нерѣдко чтили одну древнюю поэзію, враждебно относились ко всему средневѣковью, причисляли къ послѣднему даже великихъ trecentist-овъ, предпочитали классическихъ поэтовъ роднымъ и писали по-латини. Папы и государи много содѣйствовали распространеній этого направленія, оказывая покровительство гуманизму.

Въ періодъ замедленія народно-поэтическаго движенія, начатаго Данте, Петраркой и Боккаччьо, однимъ изъ послѣднихъ крупныхъ проявленій этого движенія былъ „романъ", озаглавленный въ изданіи впервые открывшаго этотъ важный памятникъ А. Н. Веселовскаго *Il Paradiso degli Alberti* [1]). По основательному и остроумному изслѣдованію издателя, съ которымъ согласилась авторитетная критика [2]), произведеніе это написано поэтомъ Дантовой школы, Джьованни да Прато, который былъ въ-живыхъ еще въ 1430 г., занимался въ послѣдніе годы своей жизни истолкованіемъ „Божественной Комедіи" и вздумалъ подражать ей въ аллегорической поэмѣ. Въ годы молодости, когда онъ былъ еще безбородымъ юношей, ему довелось вращаться въ кружкѣ просвѣщенныхъ и ученыхъ людей, которыми гордились Флорентійская республика и Флорентійскій университетъ, сторонниковъ народно-поэтической школы (Дантовскихъ преданій) въ литературѣ. Въ первыя десятилѣтія XV в. Джьованни изложилъ эти бывшія для него дорогими воспоминанія, относящіяся къ маю 1389 г., въ формѣ повѣствованія, отличающагося сочетаніемъ разнообразныхъ пріемовъ изложенія и стилей. Планъ романа выраженъ въ словахъ I-й книги о томъ, что необходимо прежде всего узнать, что такое любовь вообще; „потомъ мы разсмотримъ ея различные и противоположные виды, и на сколько одинъ изъ нихъ достоинъ самыхъ высокихъ похвалъ, тогда какъ другой заслуживаетъ всякаго порицанія и хулы, на посрамленіе невоздержности и порока. Разсмотрѣвъ и разузнавъ все это, мы съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ

---

[1]) Въ оригиналѣ нѣтъ никакого заглавія. Описаніе итальянскаго изданія см. въ «Указателѣ къ научнымъ трудамъ Александра Николаевича Веселовскаго, профессора Имп. С.-Петерб. Унив. и Академика Имп. Ак. Наукъ», Спб. 1888 г., стр. 15. На русскомъ языкѣ изложеніе содержанія II Paradiso и изслѣдованіе о немъ съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями даны въ книгѣ *Веселовскаго* «Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтія. М. 1870».

[2]) См. Gaspary II, 645—646.

Digitized by Google

станемъ проводить наши дни въ потѣшныхъ декламаціяхъ, полезныхъ и пріятныхъ разсужденіяхъ, разсказахъ и новеллахъ" (Вилла Альберти, 164). Сообразно такому плану романъ начинается аллегорическимъ путешествіемъ въ царство Венеры, при чемъ дается опредѣленіе разныхъ видовъ любви, выказывающее вліяніе Данте, Платона и Аристотеля. Во второй книгѣ авторъ разсказываетъ о веселомъ путешествіи въ Поппи и ко святымъ мѣстамъ на Апеннинскомъ взгорьѣ; на обратномъ пути составился цѣлый кружокъ веселыхъ и просвѣщенныхъ лицъ, коротающій время въ шуткахъ, разсказываніи новеллъ и серьезныхъ разговорахъ. Затѣмъ дѣйствіе переносится на время во Флоренцію, гдѣ мессеръ Coluccio Salutati устроилъ у себя пріемъ для лицъ, бесѣда которыхъ могла представить для него интересъ; окончательно сосредоточивается оно въ прелестной виллѣ Il Paradiso, находившейся возлѣ веселой Флоренціи и принадлежавшей Antonio degli Alberti. Гостепріимный хозяинъ собралъ въ садахъ своей виллы общество интеллигентныхъ лицъ, въ ряду которыхъ есть прекрасныя и образованныя женщины. Философскіе, серьезные разговоры, ведущіеся въ отсутствіе дамъ, и новеллы—не единственное развлеченіе этого общества; въ перемежку съ бесѣдами и угощеніями имѣютъ мѣсто пѣсни, пляска и майскія игры молодежи. Изъ этого краткаго изложенія содержанія Il Paradiso ясно, что авторъ подражалъ въ построеніи своего произведенія Декамерону, но внесъ также тяжеловѣсный элементъ научныхъ и схоластическихъ бесѣдъ и опредѣленій, а вначалѣ слѣдовалъ Данте. Отъ того нѣтъ цѣльности въ изложеніи. Произведеніе Джьованни да Прато лишено художественности и не можетъ быть подведено съ точностью подъ одинъ какой-нибудь опредѣленный родъ литературныхъ произведеній; названіе романа въ общеупотребительномъ значеніи этого термина не примѣнимо къ Il Paradiso [1]).

Сообщая множество весьма интересныхъ и важныхъ данныхъ для исторіи умственной жизни, общественной мысли и литературнаго движенія переходнаго времени, Il Paradiso представляетъ мало отношенія къ романтикѣ Круглаго Стола, и мы можемъ извлечь изъ него лишь нѣсколько фактовъ, косвенно освѣщающихъ судьбы

[1]) Веселовскій, Вилла Альберти, стр. 71, говоритъ: «это что-то среднее и переходное между жанромъ Боккаччьо и веселою новеллой четырнадцатаго вѣка, что смѣется ради смѣха и разсказываетъ для разказа, и учеными преніями въ монастырѣ Санъ Спирито и первымъ лепетомъ Возрожденія».

Digitized by Google

занимающаго насъ литературнаго теченія. — Въ этомъ романѣ, который, повидимому, какъ показываетъ автографъ его, не былъ оконченъ и не достигъ распространенія, интересно наглядное подтвержденіе того преимущественнаго значенія, какое пріобрѣла новелла въ средѣ Флорентійскаго круга чтителей литературы, созданной трудами трехъ великихъ „коронъ“ Флоренціи, Данте, Петрарки, Боккаччьо [1]). „Забавные и пріятные разсказы“, возбуждавшіе громкій хохотъ, настолько стали виднымъ развлеченіемъ общества, что въ послѣднемъ, помимо потѣшниковъ по ремеслу, выдвинулись люди, пріобрѣвшіе замѣчательное искусство забавлять собраніе выдумками и новостями, остротами, шуткой и смѣхомъ, выработался „типъ забавника, piacevole cittadino“ [2]). Имена Артура и его рыцарей поминаются въ Paradiso лишь вскользь [3]). Гораздо замѣтнѣе популярность Дантовскихъ идей. Въ обществѣ, изображаемомъ въ „Il Paradiso degli Alberti“ и любящемъ поучительные разговоры на ряду съ веселыми, ведутся бесѣды не только по вопросамъ, близкимъ къ интересамъ дня, но и на средневѣковыя темы. Вообще въ темахъ не было недостатка при живомъ интересѣ къ вопросамъ морали, нерѣдко тѣмъ самымъ, которыми занимались въ послѣдній періодъ средневѣковой общественности. Въ разговорахъ въ садахъ Парадизо имѣютъ мѣсто схоластическія и Дантовскія реминисценціи наряду съ фактами и идеями, извлеченными непосредственно изъ классическихъ писателей. Въ разсужденіяхъ на болѣе доступныя темы принимаютъ участіе и дамы, которыя, явившись въ общество Парадизо, обратились къ нему съ такою характерною рѣчью: „Почтенные отцы и наставники, такъ какъ вамъ заблагоразсудилось посѣтить эти страны — за что мы вамъ особенно благодарны, окажите намъ милость, примите насъ въ ваше

---

[1]) Въ одной poemetto XIV—XIV вв. изображенъ разсказчикъ, обратившійся къ толпѣ, оставшейся на улицѣ, со словами: «Вы всѣ слышали про поэта Боккаччьо, что написалъ столько хорошихъ книгъ; теперь я разскажу вамъ одну веселую и хорошую новеллу, изъ числа тѣхъ ста, которыми полнится Италія». Отсюда г. Веселовскій дѣлаетъ выводъ, что «въ XIV—XV вв. новеллы Боккаччьо, и вообще новеллы, разсказывались на площадяхъ». Вилла Альберти, 141-142.

[2]) Ib., 113-114.

[3]) Одинъ изъ Флорентійскихъ весельчаковъ и разсказчиковъ въ стихахъ, Антоніо Пуччи, въ сонетѣ къ пріятелю Маттео, пригласившему его попировать въ садахъ Альберти, писалъ: «Войдя туда, я увидѣлъ короля Артура вмѣстѣ съ другими; съ другой сто роны стояли тѣ, что пріобрѣли здѣсь неразлучную славу». По словамъ г. Веселовскаго, Вилла Альберти, 165, воображеніе Пуччи «рисовало тамъ короля Артура съ его паладинами и другими образами рыцарскаго романа».

Digitized by Google

общество, чтобы мы могли утѣшиться, слушая ваши рѣчи, и унести съ собою полезное и благое поученіе“ [1]). Одна изъ нихъ, мадонна Кѣза, отвѣчаетъ съ такимъ успѣхомъ на доводы мужчинъ при рѣшеніи вопроса, чья любовь сильнѣе, отца или матери, къ своему ребенку, что вызываетъ къ себѣ уваженіе слушающихъ ее маэстровъ и докторовъ [2]). Въ то время нѣкоторые по прежнему были враждебны образованію женщины [3]), какъ были также люди, продолжавшіе средневѣковой отвлеченный культъ женщины [4]), при которомъ въ существѣ послѣдняя мало выигрывала въ фактическомъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, желаніе Боккаччьо исполнялось: вопреки средневѣковой морали, требовавшей, чтобы женщина была молчалива, послѣдняя пріучалась принимать участіе въ разговорѣ, вставляя кстати остроумное словцо и входя въ смыслъ остротъ (dire un leggiadro motto, e intenderlo come si conviene).

Уже нѣкоторыя лица того кружка, который изображенъ въ Paradiso degli Alberti, стоявшія за слѣдованіе Данте и за литературу на народномъ языкѣ, писали по-латини.

Въ послѣдующее время значеніе латинскаго языка и подражанія классической литературѣ возросло въ Италіи, и тѣмъ было замедлено развитіе народной литературы: многія литературныя силы были отвлечены въ область латинской письменности. Въ періодъ отъ конца XIV в. до второй половины XV-го в. не видимъ развитія новыхъ формъ повѣствовательной литературы. Лучшіе литературные таланты до времени Бембо [5]) не продолжали той художественной обработ-

---

[1]) Ib., 52.

[2]) Ib., 82: «Даже старый маэстро Біаджіо крутитъ головою: «клянусь пречистой Дѣвой Маріей,—говоритъ онъ,—я не воображалъ, чтобы Флорентійскія дамы были такъ хорошо знакомы съ нравственной и естественной философіей и такъ ловко владѣли логикой и риторикой, какъ теперь я въ томъ убѣдился».—Маэстро, скромно отвѣчаетъ дѣвушка, Флорентійскія дамы стараются, на сколько есть силъ, такъ говорить и дѣлать, чтобы тотъ, кто пожелалъ бы ихъ обмануть, не могъ бы одну вещь выдать за другую. Вы же, которому и книги въ руки и у котораго навѣрное нѣтъ желанія обмануть насъ, скажите намъ всю правду».

[3]) Въ одномъ сонетѣ говорится: «Наука цѣнится настоящимъ образомъ лишь тѣми, кто ее понимаетъ; а невѣжды, каковы женщины и дѣти, не могутъ понять ея достоинствъ». Ib., 95.

[4]) Самъ авторъ романа выразилъ желаніе стремиться лишь къ «святой любви».

[5]) Bembo принадлежитъ романъ реторическаго направленія, являющійся какъ бы совмѣщеніемъ литературныхъ пріемовъ Боккаччьо и его послѣдователей (автора Il Paradiso degli Alberti) съ бесѣдами, которыя происходили нѣкогда подъ портиками Аѳинъ; разумѣемъ «*Degli Asolani*», трактатъ о любви, развитый въ формѣ собесѣдованія трехъ дамъ и трехъ кавалеровъ, происходившаго въ теченіе нѣсколькихъ дней у источника въ саду «Asolo castello del Tri-

Digitized by Google

ки романа и эпопеи на родномъ языкѣ, начало которой положилъ Боккаччьо. Лишь въ области народнаго рыцарскаго повѣствованія въ прозѣ замѣтно выступаетъ maestro Andrea da Barberino, авторъ Reali, Guerino и др. под. произведеній, значительнѣйшій изъ итальянскихъ романистовъ, писавшихъ въ прозѣ.

Соотвѣтственно укоренившейся въ Италіи любви къ новеллѣ, которой Боккаччьо сообщилъ чрезвычайную прелесть мастерствомъ и увлекательностію своего повѣствованія, повѣсть должна была получить мѣсто и въ литературѣ гуманистовъ; въ этомъ отношеніи примѣръ показалъ Петрарка переводомъ на латинскій языкъ новеллы о Гризельдѣ. Такъ въ латинской литературѣ гуманистовъ выдвинулась сентиментально-эротическая новелла.

Изъ повѣстей такого рода прежде всего обращаетъ на себя вниманіе латинскій переводъ той новеллы Декамерона, которую считаютъ лучшею [1]) и которая вызвала почти столько же переработокъ на разныхъ языкахъ, какъ и новелла о Гризельдѣ [2]): разумѣемъ романти-

---

vigiano»; онъ написанъ въ 1498—1502 гг. (мы пользовались Миланскимъ изданіемъ 1880 г.).— Одинъ изъ собесѣдниковъ восхваляетъ любовь и говоритъ, что она всегда хороша; другой говоритъ, что она приноситъ лишь горести; третій не соглашается вполнѣ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, разсматриваетъ, что такое любовь (по его мнѣнію, она-disiderio), и передаетъ, что̀ довелось ему услышать въ то утро отъ встрѣченнаго имъ отшельника. Отшельникъ, вступивъ въ собесѣдованіе съ Lavinello, разбираетъ всѣ три мнѣнія о любви, опровергаетъ ихъ и говоритъ о превосходствѣ любви Божественной: «I quali se sono di queste bellezze stati che qua giù sono, perciocchè elle colà su non salgono, ma rimangono alla terra di cui elle sono figliuole, elle ci tormentano, siccome ora ci sogliono quelli disii tormentare, de'quali godere non si può nè molto nè poco. Se sono di quelle de là su stati, essi maravigliosamente si trastullano, poscia che ad esse pervenuti pienamente ne godiamo. Ma perciocchè quella dimora è sempiterna, ci dee credere, Lavinello, che buono amore sia quello, del quale goder si può eternamente ci condanna a dolere» (p. 138). Провозглашая такую любовь, Бембо не брезгалъ и любовью совсѣмъ иного рода, и, трактуя о платонической любви, писалъ въ то же время вольные стишки. Лишь въ послѣднемъ отношеніи онъ отступилъ отъ примѣра Петрарки, котораго былъ послѣдователемъ. Въ XVI уже вѣкѣ (въ 1533 г.; послѣ того было много перепечатокъ) явился «Il Peregrino», написанный Caviceo. Это произведеніе, посвященное Лукреціи Борджіа, называютъ первымъ «romanzo sociale italiano» (см. Biscia, 146).

[1]) *Zupitza* въ статьѣ: «Die mittelenglischen Bearbeitungen der Erzählung Boccaccios von Ghismonda und Guiscardo» (Vierteljahrsschrift für Kultur u. Litteratur der Renaissance, I, 66) говоритъ: «Boccaccio hat die Geshichte meisterhaft erzählt, aber es ist ihm, meine ich, doch nicht gelungen, Ghismondas Charakter einheitlich zu machen». По мнѣнію Ц., чувственная и хитрая Гисмонда подъ конецъ не походитъ на себя, когда не переноситъ смерти своего возлюбленнаго и уподобляется образцамъ вѣрной любви, каковы Юлія и Имогена. Это замѣчаніе, на нашъ взглядъ, не выдерживаетъ критики.

[2]) Новелла о Ghismonda u Guiscardo (Giorn. IV, nov. 1) имѣется и въ старомъ южно-русскомъ переводѣ. См. ст. г. *Науменка*: «Новелла Боккаччьо въ южно-русскомъ стихотворномъ пересказѣ XVII—XVIII ст.» въ іюньской кн. «Кіевской Старины» 1885 г.

Digitized by Google

ческую исторію любви, Guiscardo и Ghismond-ы, прекрасной дочери Салернскаго князя Танкреди. Въ основу этой повѣсти легло сказаніе въ родѣ тѣхъ которыя не разъ встрѣчаются въ рыцарской литературѣ,—о печальной развязкѣ тайной любви молодой дамы къ рыцарю доблестному, но стоящему ниже ея по общественному положенію. Въ новеллѣ Боккаччьо любовь Гисмонды была открыта отцомъ ея; князь укоряетъ свою дочь за то, что она унизила себя, полюбивъ юношу самаго незнатнаго (giovane di vilissima condizione) изъ всѣхъ бывшихъ при дворѣ. Гисмонда съ благородною гордостью сознается въ своей любви и отстаиваетъ ее. Тогда Танкреди рѣшается покончить эти отношенія, повелѣвъ убить юношу. Сердце послѣдняго князь посылаетъ своей дочери въ золотомъ кубкѣ. Гисмонда наливаетъ въ этотъ кубокъ растворъ яда, осушаетъ его, прижимаетъ сердце Гвискардо къ своей груди и умираетъ. Эту новеллу передалъ весьма изящно по-латини Leonardo Bruni, сославшійся на примѣръ Петрарки, и вслѣдъ за Bruni, написавшимъ также новеллу собственнаго сочиненія, другіе перелагали въ прозу и стихи трогательную исторію любви Гисмонды и Гвискардо [1]).

Не безъ вліянія, вѣроятно, этого образца [2]) знаменитый гуманистъ Эней Сильвій Пикколомини, ставшій подъ конецъ своей жизни папой съ именемъ Пія II, въ бытность свою императорскимъ секретаремъ, изложилъ въ Вѣнѣ въ 1444 г., по просьбѣ будто бы своего земляка Маріана изъ Сіэны, исторію несчастной любви Эвріала и Лукреціи. Эта повѣсть надѣлала въ свое время много шуму и заслуживаетъ, чтобы на ней нѣсколько остановиться [3]).

Въ повѣсти Энея Сильвія передана печальная исторія страстной и несчастной любви „франка“ Эвріала, придворнаго императора Си-

---

[1]) См. *Cappelletti*, Studi sul Decamerone, Parma 1880, 133—139; эти страницы написаны по Manni, Istoria del Decamerone.

[2]) Такъ думаетъ *G. Voigt* въ статьѣ: «Ueber die Lucretia-Fabel und ihre literarischen Verwandten» (въ Berichte üb. die Verhandlungen der königl. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipz., Philos.-hist. Classe, 1883, s. 26). Gaspary, II, 296, говоритъ: «sentimental und schlüpfrig, mit Briefen der Liebenden, vielen Reflexionen und Ausrufungen, mehr ähnlich der Weise der Fiammetta als des Decameron».

[3]) Мы пользовались старопечатнымъ изданіемъ безъ означенія года и мѣста печатанія, носящимъ заглавіе: «Opuscula Enee Siluij de duobus amantibus. Et de remedio amoris. cum epistola retractatoria eiusdem Pii secūdi ad quendam Karolum». Было подъ руками у насъ и другое подобное изданіе, напечатанное лишь не столь крупнымъ шрифтомъ, со слѣдующею датою въ концѣ: «Impressa liptzk per Conradū kacheloffen».

Digitized by Google

гизмунда, и молодой, прелестной, знатной „этрусской“ дамы, жительницы г. Сіэны, 20-лѣтней жены Менелая, Лукреціи. Эвріалъ и Лукреція впервые увидѣли другъ друга при въѣздѣ императора въ Сіэну, и съ той поры въ ихъ душахъ зародилось чувство взаимнаго влеченія. Первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ Лукреціею, которая подослала къ Эвріалу вѣрнаго, стараго слугу мужа, съ выраженіемъ своего чувства, насилу убѣдивъ Zosias принять на себя это порученіе. Между влюбленными началась послѣ того продолжительная переписка, усилившая пламень, которымъ горѣли ихъ сердца. Лукреція отказывалась сначала видѣться съ Эвріаломъ, а тотъ умолялъ ее о свиданіи. Наконецъ, они свидѣлись благодаря хитрости, измышленной Лукреціей и осуществленной при помощи все того же стараго Zosias. Одно изъ послѣдовавшихъ за первымъ свиданій увѣнчалось полнымъ счастіемъ влюбленныхъ, но вскорѣ послѣ того Эвріалъ долженъ былъ оставить Сіэну, сопутствуя императору. Любовь настолько овладѣла сердцемъ Лукреціи, что послѣдняя не могла перенести разлуки съ возлюбленнымъ, исчахла отъ тоски и умерла. Долго не могъ забыть своей милой и Эвріалъ. Онъ носилъ въ своей душѣ ея образъ, горевалъ о ея смерти и утѣшился лишь тогда, когда императоръ сочеталъ его бракомъ съ „знатною, красивою, невиннѣйшею и благоразумною дѣвушкою“; истиннаго однако веселья онъ не зналъ уже никогда.

Все это было не вымыселъ, а дѣйствительно совершившееся событіе; полагаютъ, что Эвріалъ не кто иной, какъ императорскій канцлеръ Каспаръ Шлихъ, письмо къ которому предпослано повѣсти [1]). Авторъ, извѣдавшій опасности, въ которыя повергаетъ любовь [2]), сумѣлъ перенестись въ душу дѣйствующихъ лицъ своего повѣствованія и изложилъ исторію ихъ любви довольно живо и зани-

---

[1]) «....scripsique duorum amantum casus. nec finxi. Res acta senis est dum Sigismundus imperator illic degeret. tu etiam aderas. Et si verum his auribus audiui operam amori dedisti.... Nihil ibi amatorie gestus te inscium putant ideo historiam hanc ut legas precor. et an vera scripserim videas nec reminisci te pudeat si quod hujusmodi nonnunque euenerit tibi». Въ письмѣ къ Маріану авторъ говоритъ: «nec fingam quando tanta est copia veri». За примѣрами удивительной и почти невѣроятной любви двухъ любовниковъ нечего обращаться къ древнимъ сказаніямъ: «nostri temporis ardentes faces exponam. nec troyanos. nec babilonios. sed nostre urbis amores audies».

[2]) «Ego de me facio coniecturam quem amor in mille pericula misit. Sed alienos quam meos amores attingam. ne dum vetusti cineres ignis euoluo scintillam adhuc vivantem reperiam»

Digitized by Google

мательно, въ чемъ выказалъ себя писателемъ не безъ дарованій. Онъ искусно изображаетъ всѣ перипетіи страсти (furor), охватывающей сердце молодой женщины, всѣ колебанія и муки жены, не имѣющей достаточно воли побороть въ себѣ увлеченіе. Она готова бросить для любимаго человѣка все, даже отечество [1]). Но, при поэтическомъ дарованіи, въ авторѣ виденъ риторъ, воспитанный въ школѣ древняго краснорѣчія. Оттуда много красивыхъ фразъ и искусныхъ построеній въ описаніи красоты Лукреціи, въ сравненіяхъ, въ изложеніи чувствованій, которыя переживали влюбленные, ихъ рѣчей, въ ихъ перепискѣ [2]), въ описаніи ихъ горести. Оттуда же частыя ссылки какъ самого автора, такъ и изображаемыхъ имъ влюбленныхъ на примѣры, заимствованные изъ древней саги, упоминанія о Еленѣ и Парисѣ, Андромахѣ, Троилѣ и Хризеидѣ, Протезилаѣ и Лаодоміи, Мемнонѣ, Цирцеѣ и Улиссѣ, Медеѣ и Язонѣ, Тезеѣ и Аріаднѣ, Филлидѣ, Сафо, Пирамѣ и Тисбѣ. Оттуда, наконецъ, нерѣдкіе цитаты и афоризмы изъ латинскихъ поэтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ авторѣ замѣчаются усилія обратить увлекательно излагаемую имъ исторію въ поученіе, навязать повѣствованію моральный элементъ и тѣмъ какъ бы прикрыть обольстительность повѣсти,—словомъ та самая тенденція, которую мы усмотрѣли и у Боккаччьо. Эней Сильвій видимо раздѣлялъ весь пылъ любовниковъ, которыхъ изобразилъ, и готовъ былъ подобно имъ преклоняться предъ красотою [3]), но ему было стыдно сознаться въ томъ, и онъ надѣлъ маску моралиста. Въ обращеніи къ Маріану авторъ прямо заявляетъ, что ему не подобало бы въ его возрастѣ (ему было тогда уже почти сорокъ лѣтъ) писать о любви; если онъ рѣшился повѣствовать о ней, то—потому, что не желалъ отказать своему другу, которому былъ многимъ обязанъ, и надѣялся принести пользу читателямъ своего произведенія [4]). Онъ разсчиты-

---

[1]) «Scio quid est melius. quid deterius est sequor.... ego et matrem et virum et patriam relinquam.... Patria illic est ubi delectat viuere. At famam perdam. Quid mihi rumores hominum.... Multe hoc fecerunt». Должно, впрочемъ, сказать, что на дѣлѣ Лукреція не оказалась столь рѣшительною и не сразу вполнѣ поддалась внушеніямъ страсти.

[2]) «Verba sunt tamen quibus rogas ut amore desistam. roga montes ut in planum veniant. atque fontes sua repetant flumina. tam possem ego tenon amore quam suum relinquere phebus cursum....»

[3]) Ср. выраженія: «non mortales sed deas quisque putauit» и т. п. съ восторгомъ, какой проявляетъ въ «Аминтѣ» Тассо, говоря о Феррарскихъ дамахъ.

[4]) «Commonitio quedam iuuenibus erit bis ut abstineant iugis. Audiant igitur adolescentule. et hoc edocte casu videant ne post amores iuuenum se eant perditum. Instruit hec istoria

Digitized by Google

валъ достигнуть того, уснастивъ свое произведеніе моральными сентенціями въ родѣ слѣдующей: „omnium rerum respiciendus est finis“. Вообще при всякомъ удобномъ случаѣ онъ пересыпалъ свое повѣствованіе афоризмами. Всѣ они клонятся къ основному выводу, который авторъ желалъ бы навязать читателямъ, именно къ внушенію, что женщина — существо неукротимое, невѣрное, легкомысленное, отдающееся страстямъ [1]),—которому нельзя вѣрить [2]): она обманетъ кого угодно [3]), обладая чрезвычайною изворотливостью въ случаѣ опасности, грозящей при ея любовныхъ продѣлкахъ. Мужчина гораздо разсудительнѣе ея [4]). Онъ долженъ бѣжать отъ любви, преодолѣвая ее при первомъ возникновеніи ея. Любовь — порожденіе праздности, ослѣпленіе, болѣзнь и безуміе [5]); подпавъ ей, человѣкъ можетъ уподобиться скотамъ [6]). Она приноситъ мало радости и много горя [7]).

---

iuuenes ne milicie se accingant amoris. que plus fellis habet quam mellis. Sed omissa lasciuia que homines reddit insanos virtutis incumbant studiis. que possessorem suum gloria beare potent. In amore autem quot lateant mala. si quis aliunde nescit hinc poterit scire». Ср. заключеніе повѣсти.

[1]) Возвратившись послѣ перваго свиданія съ Лукреціей, Эвріалъ размышляетъ: «Non sic me pater ammonuit dum me nullius femine fidem sequi debere docebat. Ille feminam dicebat animal esse indomitum. infidum. mutabile. crudele. mille passionibus deditum....» Лукреція писала Эвріалу: «facile est femellam decipere.... Ego ut feminarum est parum video. Tu vir es. te mei et tui curam habere oportet. do me iam tibi....»

[2]) «Cum maxime nolle dicunt tunc maxime volunt».

[3]) «Uide audaciam mulieris nunc et feminis credito. Nemo tam oculatus est ut falli non possit. Is dumtaxat non fuit illusus quem coniunx fallere non tentavit. Plus fortuna quam ingenio sumus felices». Разсужденіе это вставлено послѣ разсказа о находчивости Лукреціи, благодаря которой любовникъ ея былъ спасенъ отъ неминуемой, казалось, опасности быть открытымъ и подвергнуться позору. Такую же изворотливость проявила Лукреція и въ другой разъ.

[4]) Эвріалъ выказываетъ себя разсудительнымъ болѣе Лукреціи. Онъ не разъ выражалъ про себя намѣреніе отказаться отъ любви, повергавшей его въ опасность. Когда его возлюбленная узнала о предстоявшемъ ему отъѣздѣ, который Эвріалъ хотѣлъ скрыть, и пожелала послѣдовать за рыцаремъ, послѣдній постарался удержать ее доводами благоразумія, ссылаясь на то, что́ станутъ говорить люди.

[5]) «Nihil aliud est nisi vis quedam magna mentis. blandusque animi calor (буквально то же выраженіе встрѣчается и въ другомъ мѣстѣ). inuenta gignitur luxu ocio et inter leta fortune bona nuritur ut Ouidius in primo de remedio amoris docet Ocia si tollas perere cupidinis arcus Hic mentem hominis eripit. iudicium omne peruertit. sensum ebetat. animum extinguit. hec in mente non habui. Quoniam qui mulierem diligit non in se sed in illa viuit. Quid igitur peius est quam viuentem non viuere. sensum habentem non sentire. quam oculis preditum non videre. equidem qui amat in alium mutatur virum. Nec loquitur qui facit que ante solebat». и т. д.

[6]) «ita est ex amoris flamma sic mens hominis alienatur ut parum a bestiis differat». Ср. выше подобный же взглядъ Боккаччьо.

[7]) «Longi luctus. breues risus. parua gaudia. magni metus. Semper moritur et nunquam mortuus est qui amat....».

Digitized by Google

Такихъ средневѣковыхъ монашескихъ воззрѣній на женщину и любовь придерживался на словахъ гуманистъ, пытавшійся найти въ подобныхъ выходкахъ защиту противъ обольстительности любви, но на дѣлѣ вполнѣ извѣдавшій ея власть подобно любому человѣку древняго міра, не знавшему строгихъ предписаній христіанства.

Что всѣ моральныя внушенія, вставленныя въ повѣсть Энея Сильвія, въ существѣ не имѣли значенія и были безсильны, потому что не согласовались съ самымъ изложеніемъ и съ тѣмъ, что было въ сердцѣ автора, это видно изъ позднѣйшаго признанія послѣдняго. Ставъ папой, Сильвій счелъ обязанностью предостеречь противъ чтенія „Opuscula de duobus amantibus“, сознаваясь въ томъ, что въ этой книжкѣ есть не мало искусительнаго. Интересно, что онъ самъ призналъ двойственность этого произведенія своей молодости [1]).

Такимъ образомъ, съ Сильвіемъ повторилось то же, что ранѣе произошло съ Боккаччьо, который подъ конецъ своей жизни стыдился Декамерона. Взгляды на женщину и любовь, которыхъ будто бы придерживался тотъ и другой, не согласовались съ ихъ повѣствованіями, и въ молодости оба писателя сами же опровергали эти взгляды почти равносильными замѣчаніями: они готовы были признать любовь болѣзнью и безуміемъ и въ то же время говорили, что любовь всемогуща [2]), и заманчиво обрисовывали ее. Во что бы то ни

---

[1]) «Tractatum de amore olim sensu pariterque etate iuuenes cum nos scripsisse recolimus Karole fili dilectissime. penitentia immodica pudorque ac meror animum nostrum vehementer excruciant. quippe qui sciamus. quique protestati expresse fuimus *duo contineri in eo libello apertam* videlicet. sed *heu lasciuam nimis* prurientemque *amoris historiam*. et morale quod eam consequitur edificans dogma. Quorum *primum* fatuos atque errantes video *sectari quam plurimos. Alterum heu dolor pene nullos*».

[2]) «Qui nunquam sentit amoris ignes aut lapis est aut bestia. Isse namque vel per deorum medullas non latet. igneum favillam.—«Quid est toto terrarum orbe amore communius» etc.— Сильвій приводитъ средневѣковые примѣры господства любви надъ всѣми; размышляя о томъ, какъ мало счастья даетъ любовь, Эвріалъ говоритъ затѣмъ: «quid tandem in cassum miser amori repugno Num me licebit quod iulium licuit. quod alexandrum quod hanibalem. viros armatos refero Aspice poetas. virgilius per funem tractus ad mediam turrim pependit. dum se muliercule sperat usurum amplexibus Excuset quis poetam vt laxioris vite cultorem. Quid de philosophis dicemus disciplinarum magistris. et artis bene viuendi preceptoribus Aristotelem tanquam equum mulier ascendit. freno coercuit. et calcaribus pupugit». Касательно этихъ средневѣковыхъ легендъ о томъ, какъ Вергилій и Аристотель обратились-было въ посмѣшище чрезъ женщину, въ которую влюбились, см. у Comparetti, Virgilio nel medio evo, II, 105 и слѣд., 155. Книги Hertz-a: «Aristoteles in den Alexanderdichtungen des Mittelalters», München. 1890 (оттискъ изъ Abhandlungen d. königl. bayer. Akademie der Wissenschaften, I Cl., XIX Bd.) мы не видѣли. Далѣе у Энея Сильвія читаемъ: «Naturalis est hec passio. Sentit ignes genus aligerum. Nam nigera viridi

Digitized by Google

стало бѣгите отъ любви, взывали они въ болѣе поздніе годы. Пій II написалъ даже эпистолу „de remedio amoris“ и другую „epistola reuocatoria“, которыя печатались при исторіи Эвріала и Лукреціи. Въ первой изъ этихъ эпистолъ онъ повторилъ, между проч., тѣ реторическія тирады противъ любви и женщинъ, какія вошли въ „Opuscula“, и прибавилъ новыя въ томъ же родѣ, но болѣе безцеремонныя и рѣзкія [1]).

Само собою разумѣется, что читатели мало обращали вниманія на эту не могшую убѣдить ихъ мораль. Противорѣчіе между нею и противоположными ей влеченіями человѣческой натуры устранялось лишь внѣшнимъ образомъ и не было надлежаще улажено ни у Боккаччьо, ни у Энея Сильвія, которые не указали выхода въ дѣйствительномъ нравственномъ подъемѣ. То увлеченіе, которое было осуждаемо моралью, оставалось въ такомъ привлекательномъ освѣщеніи, что читатель лишь вскользь пробѣгалъ моральныя предостереженія.

„Opuscula de duobus amantibus“ не осталась безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе новеллы. Но для насъ интересна здѣсь бытовая

---

turtur amatur aue Et varijs albe iunguntur sepe columbe Si verborum memini quod ad phaonem siclum scribit Sapho. quid quadrupedes referam. Mouet pro coniugio bella iumentum» и т. д. Такого рода доводы были въ большомъ ходу въ періодъ Возрожденія; ср. приведенныя нами выдержки изъ Ger. lib., XVI и изъ «Aminta». Закончилъ Эвріалъ свои разсужденія такъ: «Nihil immune est nil amori negatum Odium parit cum iussit amor Juuenum feroces concitat flammas sensibusque fessis rursus extinctos reuocat calores. Virginum ingemito ferit igne pectus. quid ergo nature legibus renitar. *Omnia vincit amor et nos cedamus amori*». Послѣднее изреченіе стало какъ-бы девизомъ поэзіи Возрожденія. Мы извлекли это мѣсто изъ повѣсти Энея Сильвія потому, что оно хорошо выражаетъ натурализмъ теоріи любви времени Возрожденія. Приведемъ еще подобныя выраженія: «Commune malum libido est»; «rerum amor domitor omnium». «Tu scis mortale genus quam in amorem sit pronum. seu virtutis sit seu vicij latepatet ista calamitas. nec cor est si modo carneum est quod amoris non aliquando sentiat stimulos. Scis quia nec sapientissimum salomonem nec sampsonem fortissimum illa passio dimisit immunem».

[1]) «Nempe egrotus est mi ypolite omnis qui amat ac ne dum egrotus. sed mente etiam captus atque insanus et amens». Любовь къ Богу, родителямъ, женѣ и дѣтямъ не подводится подъ эту категорію.—«Res est forma fugax. ut inquit tragedus. Mulier que hodie formosa est. cras deformis erit... nihil forma mulieris est. nisi moribus sit adiuta.—Rosa manea rubea. sero languescit (ср. приведенную выдержку изъ Тассо о розѣ).—Quid est oro mulier nisi iuuentutis expilatrix. virorum rapina. senum mors. patrimonij deuoratrix. honoris pernicies. pabulum dyaboli. ianua mortis. inferni supplementum». Папа указываетъ затѣмъ на примѣры Соломона, Олоферна, Самсона, увлеченныхъ женщиною. «Mulier est animal imperfectum. varium. fallax» и т. д. Авторъ, впрочемъ, оговаривается въ этомъ мѣстѣ, что слова его относятся къ женщинамъ, que turpes admittunt amores.

Digitized by Google

основа этого повѣствованія и выясняемыя имъ черты семейной жизни въ Италіи XV в. Повѣсть Энея Сильвія освѣщаетъ еще ярче, чѣмъ новеллы Боккаччьо (напр., новелла о Гисмондѣ), ненормальности этой жизни, проистекавшія изъ неограниченнаго распоряженія родителей рукою дочерей. Браки, какъ и въ средніе вѣка, заключались нерѣдко безъ взаимной симпатіи, по крайней мѣрѣ безъ симпатіи со стороны невѣсты [1]), иногда даже безъ предварительнаго личнаго знакомства ея съ женихомъ. Между тѣмъ въ теоріи, которую постоянно повторяла поэзія начиная съ рыцарскаго времени, любовь была высоко вознесена и прославлена, и рыцарскіе романы увлекательно говорили о пылкомъ обожаніи, не стѣсняемомъ узами брака. Традиціонная мораль, которая могла поддерживать авторитетъ брака, пала въ эпоху Возрожденія при крайней распущенности нравовъ, въ которой мужчины были повинны еще болѣе, чѣмъ женщины [2]). Любовь обусловливалась по античному преимущественно увлеченіемъ внѣшнею красотой [3]). Всѣмъ этимъ объясняются постоянныя нарушенія святости брака и со стороны женъ. Мужья пытались оградить себя отъ измѣны женъ, устраивая крѣпчайшій надзоръ за послѣдними, но это мало пособляло [4]), потому что, какъ говорится въ разсматриваемой повѣсти, трудно избѣжать обмана со стороны жены, если нѣтъ вѣрности въ ея сердцѣ.

---

[1]) Лукреція говоритъ Эвріалу: «pre te nemo lucresie potens erit. Nec maritus quidem. si rite maritum appello quod *mihi inuite datus est et in quem animus nunquam consentit meus*». Другія новеллы свидѣтельствуютъ о томъ, что браки могли заключаться безъ предварительнаго знакомства жениха съ невѣстою.

[2]) Уже въ концѣ XIV в. чтителей классической древности обвиняли въ томъ, что они, «пренебрегая святостью брака, живутъ безпорядочно, не заботясь о томъ, что̀ такое отеческая гордость, какая благодать—дѣти». Веселовскій, Вилла Альберти, 214 и примѣч. 296 на стр. 350. Въ XV в. распущенность нравовъ усилилась. Въ частности о Сіэнѣ, въ которой происходитъ дѣйствіе разсматриваемой повѣсти, см. въ послѣдней слова: «Ciuitas veneris est aiunt». Лукреція говоритъ своему мужу: «Semper dum abes timeo tibi. Tum nequam ardeas formido. vt sunt infidi uxoribus suis viri. quo metu si vis me soluere. nunquam foris dormias». Замѣтимъ, что и въ одномъ изъ діалоговъ Понтано путешествовавшій по Италіи упоминаетъ о видѣнныхъ имъ въ Сіэнѣ влюбчивыхъ старикахъ.

[3]) По замѣчанію Gebhart-a, Les origines de la Renaissance, p. 122, итальянцы приблизились къ древности не столько подражаніемъ формамъ мысли и искусства, сколько возвратомъ къ чувствованіямъ и страстямъ античнаго міра.—Въ «Opuscula» дважды рѣзко выступаетъ восхищеніе Эвріала чисто внѣшнею красотою Лукреціи. Отмѣтимъ въ особенности мѣсто, начинающееся словами: «Quum sic inuicem fantur in thalamum pergunt».

[4]) Лукреція «nec sola unquam egrediebatur. nec unquam custode carebat. nec tam diligenter bouem iuronis custodiuit argus quam menelaus iusserat obseruari lucresiam. *vicium hoc*

Digitized by Google

Итакъ, въ періодъ Возрожденія въ Италіи одновременно съ возвышенными понятіями о любви, которыя были укореняемы идеалистическою поэзіею Петрарки и его послѣдователей и модною рыцарскою моралью, продолжалъ существовать и былъ повторяемъ старый недовѣрчивый взглядъ на женщину, унижавшій ее и могшій отнимать у нея самой вѣру въ ея нравственную крѣпость; продолжали существовать, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ жизни и тѣ условія, которыя вызывали ненормальныя явленія, обольстительно разрисованныя въ рыцарскихъ романахъ, и порождали цѣлый рядъ печальныхъ катастрофъ, поэтически описанныхъ въ біографіи Вильгельма Кабестана и под., въ новеллѣ о Guiscardo, въ легендѣ о баронессѣ di Carini [1]), въ эпизодѣ „Ада“ о Франческѣ и въ сейчасъ разсмотрѣнной новеллѣ Энея Сильвія. Въ Италіи XV в. при Феррарскомъ герцогскомъ дворѣ повторилось (26 мая 1425 г.) событіе, разыгравшееся нѣкогда въ домѣ Малатесты, и это новое происшествіе надѣлало столь же много шуму, какъ и прежнее. Современники тотчасъ же сопоставили участь герцогини Паризины и ея возлюбленнаго—ея пасынка, которымъ герцогъ велѣлъ отсѣчь голову, съ участью любовниковъ Rimini, которыхъ обезсмертилъ Данте [2]). Замѣчательно, что Паризина увлекалась французскимъ романомъ, родственнымъ тому, который прельстилъ Франческу, и велѣла сдѣлать великолѣпный переплетъ для романа о Тристанѣ [3]).

Amor condusse loro a una morte... [4]).

---

apud ytalos late patet. feminam suam quasi thesaurum quisquis recludit. meo iudicio minus vtiliter Sunt enim fere eius modi mulieres omnes. vt id potissimum cupiant quod maxime denegatur. que ubi velis nolunt. vbi nolis cupiunt vltro.... nisi valde casta sit mulier frustra maritus nititur apponere seruantes eam. sed quis custodiet ipsos custodes. Cauta est et ab illis incipit vxor. indomitum animal est mulier. nullisque frenis retinendum». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «animum cognoscebat mulieris instabilem. cuius tot sunt voluntates quot in arboribus folia Sexus enim femineus nouitatis est auidus. raroque virum amat cuius copiam habet. Sequebatur ergo viam maritorum peruulgatam. quorum opinio est infortunium bonis excludi fortunis. Erepta est huic conueniendi facultas. nec mittendis litteris permissa libertas est».

[1]) La Baronessa di Carini. Leggenda storica popolare del sec. XVI in poesia siciliana. Con discorso e note di S. Salomone-Marino. Sec. ed., Palermo 1873. Въ этой поэмѣ говорится объ убіеніи барономъ Карини 18-ти-лѣтней дочери за любовь къ молодому барону Vincenzo Vernagallo.

[2]) См. ст. *Novati*: «I codici francesi dei Gonzaga secondo nuovi documenti» въ Romania XIX (1890), p. 193.

[3]) Giorn. stor. d. lett. it., XIV, 26.

[4]) Участь Паризины составила сюжетъ драмы Лопе де Веги: «El Castigo sin Venganza» («Наказаніе безъ мщенія»; имѣется русскій переводъ Юрьева) и поэмы Байрона «Паризина» а также оперы Романи (музыка Доницетти) того же названія.

Digitized by Google

Если новелла Сильвія, вылившаяся изъ вдохновенія, много походившаго на то, которое породило романы о Тристанѣ и Ланселотѣ, очень нравилась читателямъ, то должны были по прежнему нравиться и рыцарскіе романы, весьма поэтично изукрасившіе преступныя любовныя отношенія и заключавшіе инстинктивный протестъ противъ искаженія идеи брака насильственнымъ союзомъ. Должны были нравиться старые французскіе романы также потому, что вѣкъ рыцарства еще не миновалъ, и оно продолжало пользоваться почетомъ, хотя въ Италіи званіе рыцаря являлось нерѣдко прикрасою, которой добивались безъ серьезныхъ помысловъ вполнѣ уподобляться рыцарямъ остальнаго Запада. Даже въ республиканской Флоренціи происходили возведенія въ рыцарское званіе, и это званіе было постоянною приманкою для разбогатѣвшихъ обывателей („popolani“ [1]). Во всѣхъ областяхъ Италіи были, далѣе, рыцари, возведенные императоромъ и гордившіеся своимъ титуломъ. Блескъ нѣсколькихъ турнировъ XV в. вызвалъ даже поэтическія описанія этихъ увеселеній [2]). Наконецъ, у горожанъ Италіи было во внѣшности много общаго съ рыцарскимъ обществомъ, прославленнымъ въ романахъ. Упомянемъ, напр., о любви ихъ къ пышности [3]) и о проникновеніи французской моды въ Италію [4]).

Понятно, что литература на латинскомъ языкѣ, выражавшая преимущественно гуманистическое направленіе, не могла вполнѣ

---

[1]) Коснувшись вопроса о благородствѣ, Боккаччьо устами мужа дамы, изображенной въ Il Corbaccio, говоритъ о разжирѣвшихъ горожанахъ, которые стали знатными благодаря богатству и недавнему возведенію въ рыцари. Они, сдѣлавшись «ricchi e dalle ricchezze insuperbiti, ardirono di far quello che già i nobili soleano fare, cioè di prender cavalleria». Въ «Laberinto d'Amore» сообщено немало интересныхъ подробностей объ этихъ «cavalieri». Напр., на стр. 79 читаемъ: «Et stimano i bestiali, de' quali ella e maggiore bestia che il Leofante, che' ne vestimenti foderati di vaio, e nella spada, e negli sproni dorati, le quali cose ogni piccolo artefice, ogni povero lavoratore leggermente potrebbe avere, e un pezzo di panno e uno scudicciuolo da fare alla sua fine nella chiesa appicare, consista la cavalleria»; эти люди такъ далеки отъ истиннаго рыцарства, какъ дьяволъ отъ креста. Въ чтеніяхъ о Данте Боккаччьо упоминаетъ о «molti plebei, i quali per apparire d'essere quel che non sono, si sforzano d'esser ponderosi ne'passi e gravi nel parlare e nell' adoperare di *sentimento sublime*: dove nell'effetto di niuno valore sono». О возведеніяхъ въ рыцарское званіе въ Италіи см. замѣчанія въ статьѣ *Symonds*-а: «Folgore da San Gemignano» въ The Fortnightly Review 1881, March 1, p. 360—362.

[2]) Burckhardt, II, 68 и примѣч. на стр. 94.

[3]) Во Флоренціи была назначена даже коммиссія для выработки законовъ съ цѣлью ограниченія разорительной роскоши женскихъ нарядовъ.

[4]) Виллани сообщаетъ о «sformata mutazion d'abito», которую французы внесли во Флоренцію въ правленіе герцога Аѳинскаго.

Digitized by Google

удовлетворить общество, въ кототомъ были чтимы преданія средневѣковаго рыцарства. Потому совмѣстно съ поэзіею на латинскомъ языкѣ или латинствовавшей продолжала существовать старая рыцарская эпика. Бретонскіе романы,—конечно не тѣ, которые повѣствовали о св. Граалѣ и его рыцаряхъ, а чисто свѣтсткіе—о Ланселотѣ, Гаванѣ, Тристанѣ—должны были находить усердныхъ читателей въ средѣ, любившей даже имена, заимствованныя изъ романовъ [1]). Въ теченіе XIV, XV и XVI [2]) вв. въ Италіи продолжали читать въ подлинникѣ романы, въ которыхъ достигла замѣчательной выработки французская проза, восхищавшая итальянцевъ въ вѣкъ Брунетто Латини и Данте [3]). Недавно найдены весьма интересныя данныя о пристрастіи къ французскимъ романамъ въ Италіи XV в. Въ Миланѣ Filippo Maria Visconti короталъ долгіе часы бодрствованія и уединенія, между прочимъ, слушаніемъ французскихъ романовъ [4]). О герцогинѣ Феррарской Паризинѣ мы уже говорили. Galasso въ Корреджіо, увлекавшійся въ молодости французскими романами Артурова цикла, подъ старость составляетъ исторію Британіи по даннымъ, казавшимся ему достойными вѣры, и посвящаетъ этотъ трудъ своему исконному и гордому врагу Filippo Maria Visconti [5]).

---

[1]) Распространеніе именъ и прозвищъ, заимствованныхъ у рыцарей и дамъ Артуровскихъ романовъ, свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ послѣднихъ въ Италіи. Въ упомянутыхъ ранѣе статьяхъ Райны приведены такія имена XII—XIII вв. Объ употребленіи этихъ именъ въ позднѣйшее время см. въ ст. Graf-a, l. c., 129—130. Количество данныхъ, сообщенныхъ въ этихъ статьяхъ, могло бы быть увеличено. Такъ, въ XIV в. извѣстенъ Carlo d'Artuso, графъ Monteodorisio.

[2]) См., напр., инвентарь 1542 г. французскимъ книгамъ, которыя принадлежали Федериго Гонзагѣ: ст. Novati въ Romania XIX, 196.

[3]) *G. Paris*, La littérat. française au moyen âge, Par. 1888, § 64, p. 103.

[4]) Delectatus est et Gallorum libris mira vanitate referentibus illustrium vitas, говоритъ его біографъ. Цит. у Novati, Rom. XIX, 192.

[5]) Посвященіе, предшествующее этому произведенію графа di Correggio, приведено въ той же статьѣ Novati (p. 193—194), который называетъ его «prova, se altra mai eloquentissima della voga che conservavano sempre nella società elegante del tempo quelle che Dante chiamava Arturi regis ambages pulcherrimae». Графъ сообщаетъ, что въ юности, отклоняясь въ сторону отъ изученія bonarum artium bene beateque vivendi, онъ въ особенности увлекался французскими фабулами о королѣ Артурѣ. Достигши зрѣлаго возраста, онъ много разъ удивлялся своему прежнему пристрастію, отнявшему у него много времени; itaque, продолжаетъ онъ, non oblitus uiam ad bonos mores non esse tardam ab illo penitus discessi studio. Послѣ того ему пришлось взяться за оружіе. Напослѣдокъ, вновь обратившись къ занятіямъ, онъ натолкнулся на книги, излагавшія англійскую исторію отъ начала ея до Артура, авторы которыхъ—Geruasius

Digitized by Google

Въ вѣкъ гуманизма старые рыцарскіе романы не утратили, такимъ образомъ, своей привлекательности для знатнаго общества Италіи, и оно, какъ въ вѣкъ Данте, обращалось къ французскимъ подлинникамъ увлекавшихъ его романовъ, къ массивнымъ волюмамъ, которыхъ было не мало въ библіотекахъ богатыхъ владѣтельныхъ родовъ. Этими романами зачитывались, по словамъ графа Корреджіо, „и князья, и знать, и придворные въ силу ли того, что не имѣли надлежащаго литературнаго образованія, или же для суетнаго увеселенія себя фабулами о королѣ Артурѣ, странствующихъ рыцаряхъ Круглаго Стола и дамахъ“. А между тѣмъ, по мнѣнію графа, ставшаго подъ конецъ своей жизни строгимъ судьей, „эти фабулы возбуждаютъ скорѣе похоть и сладострастіе, чѣмъ добродѣтель“. Вообще графъ Корреджіо въ предисловіи къ составленной имъ исторіи Британіи противополагаетъ чтеніе бретонскихъ романовъ добрымъ нравамъ. Характерно, во всякомъ случаѣ, что въ увлеченіи Артуровой сагой сошлись и на почвѣ ея примирились и скрѣпили дружбу люди, бывшіе прежде врагами.

Вмѣстѣ съ оригинальными текстами романовъ Круглаго Стола въ Италіи съ XIV в. начали обращаться переводы ихъ на мѣстномъ языкѣ.

Изъ героевъ и дамъ, выступавшихъ въ этихъ романахъ, вниманіе итальянскихъ переводчиковъ привлекли Тристанъ и Изольда [1]), Ланселотъ, Мерлинъ, Meliadus de Leonnoys, Guiron le Courtois [2]), Phebus [3]).

Gualfredus Arturus et Gualterius. Помня, сколько времени потерялъ онъ прежде на чтеніе inanes fabularum nugae, и желая знать, что скажутъ ему объ Артурѣ достовѣрные историки, графъ весьма часто перечитывалъ ихъ и нашелъ у нихъ почти во всемъ несогласіе съ французскими фабулами, согласіе же въ весьма немногомъ. Зная любовь Висконти и многихъ другихъ къ французскимъ баснямъ и желая обратить ихъ къ занятіямъ болѣе полезнымъ, графъ Корреджіо извлекъ то, что показалось ему наиболѣе вѣроятнымъ у названныхъ историковъ.

[1]) Мы видѣли, что Тристанъ ранѣе другихъ рыцарей Круглаго Стола упоминается въ литературныхъ произведеніяхъ Италіи. Ср. съ цит. выше указаніемъ Graf-a то же свѣдѣніе въ ст. *Sudre*-a: «Les allusions à la legende de Tristan dans la littérature du moyen age», Romania XV, 537.

[2]) Объ итальянскихъ переводахъ этого романа см. на стр. 108 настоящаго труда.

[3]) Относительно поэмы *въ октавахъ Febusso*, написанной до 1380 г., см. у Hortis 118 п. 1. См. еще въ ст. Novati въ Romania XIX, 186—188; Zambrini, 403—404. Въ Laber. d'Amore, p. 103, читаемъ о драчливости женщинъ: «La qual cosa ella di leggièr farebbe, si come colei, alla quale pare di gagliardezza auanzare Galeotto di lontane isole, o Febusso».

Digitized by Google

Во второй половинѣ XIII в. Рустиціанъ Пизанскій составилъ сводъ сказаній о Кругломъ Столѣ на французскомъ языкѣ. Его трудъ былъ извѣстенъ и въ Италіи, въ литературѣ которой также имѣется сводная исторія рыцарей Круглаго Стола; въ ряду ихъ первое мѣсто получили—что̀ весьма характерно—„missere Tristano e missere Lancilotto“. Въ этой „El libro delle storie della Tavola Rotonda, e di messere Lancilotto e di molti altri cavalieri“ говорится о „belle avventure e di grandi cavallarie e di nobili torneiamenti“, которые произошли во дни *Taula vecchia*, и о другихъ „cavallarie“, которыя совершились во время короля Артура и рыцарей *Taula nuova*; въ заключеніе сообщалось „della distruzione della Taula, la quale intraviene per la 'mpresa dell'alta inchiesta del Sangradale“ [1]). Различаютъ двѣ редакціи этой Tavola Rotonda въ прозѣ.

Тщательное сличеніе итальянскихъ переводовъ съ французскими первоисточниками несмотря на всю скудость отклоненій, допущенныхъ въ первыхъ, привело бы, вѣроятно, къ нѣкоторымъ любопытнымъ соображеніямъ, но мы не могли взять на себя этотъ трудъ, такъ какъ не имѣли необходимыхъ для того данныхъ; сверхъ того многіе матеріалы, которые могли бы пролить свѣтъ на исторію переводовъ бретонскихъ романовъ на итальянскій языкъ, покоятся еще въ рукописяхъ. На необходимость изданія ихъ указывалъ Panizzi уже въ 30-хъ годахъ, но съ той поры издано сравнительно немного текстовъ, относящихся къ исторіи бретонскаго цикла въ Италіи, да и отношеніе изданныхъ памятниковъ къ первоисточникамъ выяснено не вполнѣ [2]). Потому намъ остается лишь положиться на увѣренія ученыхъ въ томъ, что итальянскіе переводчики—по большей части анонимные—не задавались оригинальною переработкою [3]) и даже переводили

---

[1]) Авторъ Tavola Rotonda любитъ хвастнуть своею ученостью, ссылаясь на *maestri delle storie*.—Можно сказать съ увѣренностью, что Данте ознакомился со сказаніями о Кругломъ Столѣ не по этой Tavola: въ ней отсутствуютъ тѣ эпизоды, на которые намекаетъ Данте. Послѣдній могъ читать французскій текстъ подъ заглавіемъ Lancelot et Galehaut.

[2]) Такъ, попытку Polidori установить источникъ Tavola Rotonda *De Gubernatis*, Storia del romanzo, Mil. 1883, p. 140, признаетъ неудачною. Равнымъ образомъ, не могли указать источника Tavola G. Paris, Romania XV, 496, и *А. Н. Веселовскій*, Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, Спб. 1888, стр. 135. О рукописяхъ текста Tavola Rotonda см. въ той же монографіи Веселовскаго стр. 134—135.

[3]) Французъ Mangin (XVI в.), авторъ «Le premier livre du nouveau Tristan», прямо обвинялъ итальянцевъ въ томъ, что они воруютъ и рядятся въ plumage французовъ.

Digitized by Google

безъ особой тщательности, довольно свободно; они допускали кое-гдѣ отступленія, но не проявляли значительной самостоятельности въ общемъ; словомъ, въ дѣятельности ихъ преобладала компилятивность, яркій примѣръ которой представляютъ труды Рустиціана Пизанскаго и составителя „Tavola Rotonda".

Уцѣлѣли немногіе изъ болѣе старыхъ переводовъ романовъ бретонскаго цикла на итальянскій языкъ. Нѣкоторые изъ нихъ появились въ XV в. въ печати и еще въ большемъ количествѣ были изданы въ XVI в. Они послужили въ свою очередь къ распространенію Артуровой саги въ другихъ странахъ, именно въ Испаніи [1]) и земляхъ юго-славянскихъ [2]). Какъ показываютъ особенности языка [3]) и мѣсто печатанія, а также свѣдѣнія о переводчикахъ [4]), переводами романовъ Круглаго Стола интересовалась преимущественно сѣверная Италія.

Въ сѣверной же Италіи были въ ходу романы въ прозѣ на мѣстныхъ діалектахъ [5]).

Мы говорили, что вообще переводы бретонскихъ романовъ на итальянскій языкъ не отличались достоинствами, чѣмъ отчасти и объ-

---

[1]) *Libros de caballerías.* Con un discurso preliminar y un catalogo razonado por don Pascual de Gayangos, Madr. 1884, X (ср. Grässe, 198), XVI; произведенія позднѣйшей итальянской рыцарской эпики также были переведены на испанскій языкъ; см. ib., LXIII и слѣд.

[2]) Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ и Бовѣ, напечатанныя акад. Веселовскимъ (Изъ ист. пов. и романа, вып. II), переведены съ сербскихъ переводовъ (въ началѣ Тристана прямо говорится: «Починаѣть сѧ повесть ѡ витезехъ *скнигъ сэрбскихъ*»), а послѣдніе, по догадкѣ Веселовскаго, сдѣланы съ итальянскихъ текстовъ. Итальянскій оригиналъ сербскихъ переводовъ романа о Тристанѣ отличался отъ текста, изданнаго Polidori (Веселовскій, 135—136); переводчикъ могъ пользоваться двумя изводами итальянскаго романа (ib. 224). Ср. стр. 388—389 статьи *Brückner*-а: «Ein weissrussisch Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyn'skischen Bibliothek in Posen» въ Archiv für slavische Philologie, IX (1886); въ этой статьѣ сообщены подробныя свѣдѣнія о рукописи, въ которой сохранился переводъ.

[3]) Fontanini-Zeno, Bibl. II, cap. VII.

[4]) См. выше о переводчикѣ романа о Мерлинѣ [ср. объ этомъ переводчикѣ у Grässe, D. gross. Sagenkreise, 198: «Aus dem Französischen übertrug den Roman ein gewisser Antonio Tedeschi aus Wenedig, während er zu Florenz wegen Schulden im Gefängnisse sass»].—Фосса (по однимъ—Evangelista, по другимъ — Matteo + 1516) написалъ свою плохую поэму о Гальванѣ по желанію одного Венеціанца.

[5]) Таковъ, напр., *Tristano* Вѣнской придворной библіотеки на старо-Венеціанскомъ нарѣчіи. Нѣсколько отрывковъ изъ него приведено въ приложеніи къ статьѣ *Mussafia*: «Ueber eine altfranzösische Handschrift d. k. Universitätsbibliothek zu Pavia» (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe d. kaiserl. Akad. d. Wissenschaften, LXIV Bd., III. Heft, Wien 1870, S. 611, 616—618). Ср. *Rajna*, Due frammenti di romanzi cavallereschi въ Rivista di Filologia Romanza, I, 163—178; Веселовскій, l. c., 135.

Digitized by Google

ясняется то обстоятельство, что до конца XV в. они не въ состояніи были вытѣснить французскіе романы изъ высшаго круга общества. Точно также признаются плохими и попытки оригинальныхъ обработокъ фабулъ бретонскаго цикла, какова, напр., поэма „La Bataglia de Tristano e Lancelotto e della Reina Isotta“ (второй половины XV в.; напеч. въ 1492 и 1543 гг.), одинъ изъ самыхъ неудачныхъ продуктовъ вырождавшейся рыцарской эпики, состоящій изъ спайки общихъ мѣстъ Каролингскаго эпоса и романовъ Круглаго Стола [1]).

Такого рода произведенія принадлежали къ той рыцарской литературѣ, которая предназначалась для народа. Послѣдній, повидимому, интересовался героями Круглаго Стола подобно знати. Мы видѣли, что, по свидѣтельству Саккетти, уже въ началѣ XIV в. въ Италіи пѣсни о Тристанѣ и Ланселотѣ были въ ходу у ремесленниковъ. По всей вѣроятности, онѣ проникали въ народъ при посредствѣ такъ наз. *cantari* или *cantari di piazza*, которыя вначалѣ могли быть настоящими пѣснями [2]), могли произноситься на распѣвъ, какъ теперь еще произносятся эпизоды изъ народныхъ книгъ. Носителями этихъ cantari были cantastorie (cantambanchi, cantafavole, въ латинской терминологіи cantatores),—пѣвцы, которые уже не бродили постоянно по свѣту, какъ ихъ предшественники, а имѣли осѣдлость и, посѣщая по временамъ то или иное празднество, ту или иную ярмарку, возвращались къ своему очагу. Сохранился весьма интересный памятникъ, представляющій такого Тосканскаго cantastorie перечисляющимъ передъ публикой извѣстныя ему пѣсни, дабы слушатели могли

---

[1]) Rajna, I cantari di Carduino etc., XLI—XLIV.

[2]) *Rajna*, Il Cantare dei Cantari e il Serventese del Maestro di tutte l'Arti въ Zeitchrift für romanische Philologie, II, 253—254, на основаніи «Il Cantare dei Cantari» составилъ такое заключеніе объ изложеніи cantari: «la recitazione dei cantambanchi fosse per solito regolata dietro una melodia, che i valenti si studiavano di variare per ogni composizione, e che cercavano accomodata all'indole del soggetto». Въ частности для cantari бретонскаго цикла слѣдуетъ предположить троякій способъ изложенія согласно тому, что въ заключительной строфѣ (47) объ этомъ циклѣ пѣвецъ говоритъ:

Un conto sol di costor mi dispiace
Di *legere*, o di *dire*, o di *cantarlo*,
El quale ancora so ch'a voi non piace:
La tavola distruger di cu'parlo.

Преобладало пѣсенное изложеніе. Ср. въ ст. 40: E se vorete, dirò...; въ ст. 42: Del re Artù *parlar* cio che si *scrisse*; въ ст. 43: Vi canterò...; въ ст. 44: Di Tristan canterò...; въ ст. 46: comincio... a cantare и т. п.

Digitized by Google

выбрать любую изъ нихъ. Репертуаръ этого пѣвца весьма обширенъ и наводитъ на важныя заключенія. Оказывается, что на ряду съ священною и церковною исторіею, древнею и національно-итальянскою исторіею и Каролингскою сагою матеріалъ для cantari [1]), или пѣсенъ, доставляли также сказанія о Кругломъ Столѣ, древнемъ и новомъ (Tavola Rotonda, Vecchia e Nuova). Въ числѣ пѣсенъ о герояхъ Круглаго Стола наиболѣе популярными были, повидимому, cantari о Ланселотѣ и Тристанѣ, потому что эти пѣсни названы первыми въ ряду относящихся къ бретонскому циклу. „Bel trattato" о томъ и другомъ витязѣ пѣвецъ припасалъ для какого-нибудь влюбленнаго

Giovane o vecchio, o cavaliere strano.

Перешедши къ tavola vecchia, пѣвецъ говоритъ, что имѣется 400 cantari о ней [2]). Райна и вслѣдъ за нимъ Графъ выразили сомнѣніе въ вѣрности этой цыфры и заподозрили пѣвца въ умышленномъ преувеличеніи. По мнѣнію Райны, кое-что изъ перечисленнаго пѣвцомъ могло быть извѣстно ему лишь въ прозаическомъ изложеніи. Если примемъ во вниманіе, что поэма Febusso e Breusso состоитъ изъ шести cantari, поэма о Ланселотѣ изъ семи, поэма о Carduino изъ трехъ, и вообще количество cantari въ отдѣльныхъ поэмахъ могло быть иногда довольно значительно, а поэмъ было также немало, и были возможны пересказы, то должны будемъ признать, что хотя въ количествѣ cantari, приведенномъ у пѣвца, было допущено преувеличеніе, но врядъ ли чрезмѣрное. Во всякомъ случаѣ, на основаніи Il Cantare dei Cantari мы вправѣ предположить, что въ концѣ XIV в. или въ началѣ XV [3]) въ Тосканѣ существовало довольно значительное количество обработокъ отдѣльныхъ эпизодовъ бретонскихъ романовъ. Эти обработки отправлялись либо отъ личнаго знакомства пѣвца съ французскими источниками [4]), либо отъ прозаи-

---

[1]) Терминъ cantare нерѣдко встрѣчается въ разсматриваемомъ памятникѣ; рѣже—storia, favola, novella; «le storie» названы и фабулы о рыцаряхъ Круглаго Стола (ст. 45, 46).

[2]) Quatro cento cantar mette ordinati Della tavola vecchia la scrittura (st. 41). Не слѣдуетъ ли разумѣть здѣсь главы сводной исторіи?

[3]) Разсматриваемый памятникъ составленъ до половины XV в.—можетъ быть, около 1380 г.

[4]) Вспомнимъ, что и французскіе изводы сагъ Каролингскаго цикла обращались въ Италіи до конца XV в. Пѣвецъ разсматриваемаго Cantare говоритъ о себѣ:

O volete in francesco, o in taliano.

Rajna видитъ въ этомъ предложеніи лишь хвастовство (s. 251).

Digitized by Google

ческихъ переводовъ и вообще отъ книгъ [1]). Конечно, онѣ не занимали первенствующаго положенія въ ряду поэмъ, которыми пѣвцы развлекали народъ [2]), но важно, что и онѣ имѣли мѣсто въ обширной литературѣ di piazza. Хотя онѣ предназначались преимущественно для людей рыцарскаго круга и настроенія, но и народъ внималъ разсказамъ о Tavola и „cavalieri eranti";—о „miglior cavalier,

Che fusser mai, e ogni lor ventura;
Quante fontane e pini, e quanti prati;
Vaghe donzelle andare alla verzura;
Dolce parlare e tutta cortesia,
Usata per cotal cavaleria...
Ogni ventura e ogni bella inchiesta
De' cavalieri erranti, e la gran festa.

Пѣвецъ съ удовольствіемъ готовъ былъ поразсказать обо всемъ этомъ [3]), предполагая, что такое же удовольствіе могли доставить и слушателямъ его пѣсни о цвѣтѣ рыцарства и прелестныхъ дамахъ [4]). Вообще знакомство пѣвцовъ и публики съ романами Круглаго Стола было, повидимому, довольно значительно.

Къ сожалѣнію, до насъ дошли немногіе изъ cantari бретонскаго цикла. Таковы, напр., поэма изъ семи cantari о Ланселотѣ [5]) и cantari извѣстнаго уже намъ флорентійца Antonio Pucci, поэта

---

[1]) O volete ch'e cavalieri eranti
Nomini prima *secondo le carte?*

Конечно, лишь въ прозаическомъ текстѣ могъ быть «Ben ordinato tutto 'l San Gradale» (st. 45). Вообще распорядокъ всего перечня содержанія бретонскаго цикла напоминаетъ намъ *Tavola Rotonda.*

[2]) Въ разсматриваемомъ перечнѣ Cantari наиболѣе мѣста занимаютъ тѣ, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ древнихъ сказаній; въ авторѣ виденъ человѣкъ, не оставшійся чуждымъ классическаго образованія.

[3]) «co mente gioconda» (st. 39), «volentieri» (st. 46). Въ одномъ мѣстѣ (st. 46) пѣвецъ говоритъ:

I dolci conti, e' destri cavalieri
E le cortese donne, e 'l bel parlare,
Da ogni storia mi fanno stranieri
E fannomi di loro inamorare.

[4]) «per più vostro ispasso» (st. 45).

[5]) Lancilotto, poema cavalleresco pubblicato la prima volta per cura di Crescentino Giannini, Fermo, 1871. Эту поэму, по мнѣнію Райны (s. 251), разумѣлъ авторъ Il Cantare dei Cantari, говоря о разрушеніи Круглаго Стола.

Digitized by Google

весьма плодовитаго и принадлежавшаго къ тому же типу, что и авторъ разсмотрѣннаго нами только что Il Cantare dei Cantari, т. е. къ типу не лишенныхъ образованія пѣвцовъ, писавшихъ для людей малообразованныхъ. Пуччи слагалъ небольшія поэмы народнаго пошиба. Bajna предполагаетъ, что ему принадлежитъ поэма второй половины XIV в. I Cantari di Carduino, представляющая спайку повѣствованія о дѣтствѣ Персеваля со сказаніемъ объ избавленіи заколдованной красавицы отъ чаръ рыцаремъ, не побоявшимся поцаловать змѣю, въ которую была превращена эта дѣвушка [1]). Въ Тосканѣ же написанъ въ народномъ духѣ поэтомъ народа и для народа рядъ поэмъ о Тристанѣ, которыя, по мнѣнію Райны, относятся скорѣе ко второй половинѣ XIV в., чѣмъ къ началу XV-го [2]). Въ одной изъ этихъ поэмъ, разсказывающей о сраженіи Тристана съ Ланселотомъ, усматривается родство съ прозою романа о Girone Рустиціана Пизанскаго [3]).

Характерно отношеніе этихъ cantari къ общему составу саги о Кругломъ Столѣ: въ cantari обрабатывались тѣ или иные эпизоды романовъ, понравившіеся по преимуществу; съ другой стороны, не всѣ романы могли быть предметомъ cantari, на что какъ бы прямо указываетъ авторъ Il Cantari dei Cantari, говоря, что ни ему, ни слушателямъ не понравилось бы повѣствованіе о разрушеніи Tavola [4]).

Интересно, что по временамъ тѣ или иные эпизоды романовъ получали такое же моральное примѣненіе, какое ранѣе имѣло мѣсто въ новеллахъ [5]). Укажемъ на эпизодъ поэмы „Le Chevalier à l'épée“

---

[1]) *G. Paris* въ изслѣдованіи: «Romans en vers du cycle de la Table Ronde» доказываетъ, что основу Carduino составила форма сказанія о Guinglain болѣе древняя, чѣмъ та, изъ которой черпали Renaud de Beaujeu и авторъ англійскаго извода (Hist. littér. de la France, XXX, 187—192). По мнѣнію G. Paris, разсказъ о дѣтствѣ Carduino, сопоставляемый Райной съ началомъ романа о Персевалѣ, могъ быть взятъ не изъ послѣдняго и находиться въ древнемъ сказаніи, составившемъ основу Carduino; итальянская поэма имѣетъ отношеніе къ «Bel Inconnu».

[2]) По мнѣнію Райны, автору поэмы о боѣ Тристана и Ланселота принадлежатъ также сходныя произведенія *la morte* и *Vendetta di Tristano*.

[3]) Rajna, L—LVII, склоняется къ предположенію, что авторъ cantare пользовался болѣе древнимъ переводомъ Girone, чѣмъ тотъ, который дошелъ до насъ цѣликомъ.

[4]) Не слѣдуетъ-ли разумѣть подъ этимъ повѣствованіемъ то, что говорится въ Tavola Rotonda: «E anco dimostraremo dellà distruzione della *Taula*, la quale intraviene per la'mpresa dell'alta inchiesta del Sangradale»?

[5]) Въ Novellino говорится, напр., о приключеніи Ланселота съ телѣгой: «Ahi, mondo errante, ed uomini sconoscenti, di poca cortesia, quanto fu maggiore lo Signore nostro che fece il cielo e la terra, che non fu Lancialotto» etc. Отголосокъ моральнаго примѣненія рыцарскихъ сагъ усматривается еще въ тѣхъ вступленіяхъ, которыми начинаетъ обыкновенно свой разсказъ Ліосто и къ которымъ прибѣгалъ иногда Бернардо Тассо.

Digitized by Google

о пребываніи Gauvain-а въ замкѣ рыцаря, убивавшаго или жестоко наказывавшаго гостей, которые не исполняли приказаній хозяина, и, напротивъ, обошедшагося ласково съ Gauvain-омъ вслѣдствіе того, что послѣдній не проявилъ строптивости. Этотъ эпизодъ сохранился въ двухъ итальянскихъ переработкахъ, несомнѣнно родственныхъ, какъ то показываютъ сходныя выраженія, риѳмы и одинаковое построеніе строфъ. Въ одной изъ двухъ редакцій, носящей въ рукописи заглавіе Morale (подраз. *Canzone*), дѣйствіе происходитъ, какъ и во французскомъ источникѣ, „al tenpo della Tavola Ritonda", и выступаетъ „Messer Chalvan"; въ другой *canzone* вмѣсто послѣдняго героемъ является „un gentiluom di Roma", чѣмъ уничтожено отношеніе разсказа къ бретонскому циклу, и взамѣнъ рыцарскаго авантюра получилась моральная повѣстенка [1]). Послѣдняя канцона принадлежитъ А. Пуччи. Rajna предполагаетъ, что и первая была написана тѣмъ же плодовитымъ Флорентійскимъ риѳмачемъ [2]).

Итакъ, къ концу XIV в. потѣшники разсказывали о рыцаряхъ Круглаго Стола, и уже существовали народныя поэмы съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ рыцарской эпики. Въ нихъ какъ бы зарождался и подготовлялся своеобразный эпическій жанръ.

Но романтикѣ Круглаго Стола суждено было достигнуть общей и самой широкой извѣстности не въ самостоятельномъ видѣ, а въ сліяніи съ Каролингскимъ эпосомъ. Въ этомъ сочетаніи Каролингская эпика, которою до той поры увлекался преимущественно простой народъ, нашла усердныхъ читателей и въ кругу высшаго общества; съ другой стороны, и фантастика и приключенія странствующихъ рыцарей, которыми были наполнены романы Круглаго Стола, вполнѣ полюбились народу, когда были подведены подъ популярныя имена паладиновъ Карла В. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эпосѣ, слившемъ романтику

---

[1]) Заканчивается эта канцона словами:

Canzon mia, di'—Chi non vuol bastonate,
Chi arriva a casa altrui, ed egli piaccia,
Quel che gli è detto, faccia,
E faccial tosto senza far contese:
Ch'egli è buono imparare all'altrui spese.

[2]) См. ст. г. *Веселовскаго* «Un capitolo di Antonio Pucci» въ «Rivista di filologia romanza», Vol. II, 221—227; ст. Райны: «Intorno a due canzoni gemelle di materia cavalleresca» въ Ztschr. f. rom. Philol., I, 381—387; Hist. litt. XXX, 68.

Digitized by Google

Круглаго Стола со старыми сказаніями Каролингскаго цикла, достигъ полной выработки и высшаго расцвѣта жанръ, который подготовлялся въ Италіи уже въ XIV в. Лишь послѣ этого сліянія, во второй половинѣ XV в. и въ началѣ XVI-го, романтическій эпосъ достигъ той художественной формы, къ которой стремился Боккаччьо.

Прослѣдимъ кратко развитіе этого процесса, начавъ съ первыхъ моментовъ существованія Каролингской эпики въ Италіи.

Въ сѣверной Италіи вначалѣ какъ будто возникалъ свой (Лонгобардскій) эпосъ параллельно былинамъ о Карлѣ, которыя слагались за Альпами. Помимо того въ Италіи съ довольно ранняго времени начали вращаться легенды о Карлѣ В., изъ которыхъ иныя могли появиться въ самой Италіи [1]).

Французскій былевой эпосъ издавна и постоянно пользовался общенародною извѣстностію въ Италіи [2]). Въ XIII и XIV вв. на площадяхъ верхней и средней Италіи на ряду съ повѣствованіями въ стихахъ религіознаго содержанія рецитовались и canzoni di gesta [1]). Пѣсни о Роландѣ и Оливье были распѣваемы на перекресткахъ и площадяхъ по свидѣтельству, восходящему къ началу XIV в., и страстно интересовали слушателей. Подобно Артуровскому эпосу и Каролингскій въ XIII и XIV вв. былъ направляемъ въ сторону новеллы въ такъ наз. cantare di piazza: отдѣльные эпизоды были переносимы на площадь, гдѣ толпа выслушивала ихъ, иногда—съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Вообще, въ устномъ изложеніи сказанія о

---

[1]) См. Bartoli, Stor. I, гл. I. G. Paris, Hist. poét., 160—161.

[2]) Исторію этого эпоса въ Италіи особенно обстоятельно разработалъ Райна, изъ многочисленныхъ монографій котораго назовемъ здѣсь еще не упомянутыя нами доселѣ: Ricerche intorno ai Reali di Francia, Bol. 1872.— La Materia del Morgante in un ignoto poema cavalleresco del secolo XV (Propugnatore, vol. II).—Rinaldo da Montalbano (Propugnatore, vol. III, и отдѣльно: Bol. 1870).—La Rotta di Roncisvalle nella letteratura cavalleresca italiana, Bol. 1871 (Propugnatore, vol. IV, и оттискъ).—Uggeri il Danese nella letteratura romanzesca degl'Italiani—Romania, II (№ 6), III (№ 9), IV (№ 15—16).—Un'iscrizione Nepesina dal 1131. Estratto dall' Archivio storico italiano (XVIII, 329—334; XIX, 23—54) [.... item tuspissimam sustineat mortem, ut Ganelonem qui suos tradidit socios....].—Il teatro di Milano e i Canti intorno ad Orlando e Ulivieri, Milano (Estratto dall'Archivio Storico Lombardo, Anno XIV, ser. 2, vol. IV, fasc. 1, 1887).— Contributi alla storia dell'epopea e del romanzo medievale. VII. L'onomastica italiana e l'epopea carolingia (Romania, XVIII, № 69). О легендахъ касательно французскихъ палади новъ и борьбы франковъ съ лонгобардами см. еще въ книжкѣ D'Ancona: Il Tesoro di Brunetto Latini versificato, Roma 1888. Важна монографія *Castets*: Sur les rapports des chansons de geste et de l'épopée chevaleresque italienne, avec textes inédits, Par. 1887 (оттискъ изъ «Revue des langues romanes», 3-me sér., XV, 5—16, 105—132; XVI, 61—237).

Digitized by Google

французскихъ герояхъ могли быть извѣстны въ Италіи задолго до письменной передачи ихъ.

При такой популярности не удивительно появленіе многочисленныхъ литературныхъ обработокъ. Сверхъ того эпосъ о Карлѣ В. могъ казаться на Апеннинскомъ полуостровѣ до извѣстной степени роднымъ благодаря тому, что театромъ дѣяній, о которыхъ онъ повѣствовалъ, являлась отчасти Италія, и героями ихъ были въ числѣ другихъ итальянскіе уроженцы [2]). Нѣкоторые знатные итальянскіе роды возводили свое происхожденіе къ витязямъ Каролингской саги, какъ съ нею же переплетались сказанія о началѣ нѣкоторыхъ городовъ [3]).

Старый былевой эпосъ въ періодъ проникновенія въ Италію уже въ самой Франціи началъ подвергаться видоизмѣненію, подпадая вліянію бретонскаго цикла; уже во Франціи слагалось направленіе, которое приняло затѣмъ грандіозные размѣры въ Италіи въ сліяніи сказаній французскаго національнаго эпоса съ чудеснымъ бретонскихъ романовъ [4]) и во введеніи новыхъ концепцій. Итальянскій

---

[1]) О метрѣ ихъ—serie continua—см. въ ст. Biadene въ Studj di filol. rom., fasc. 2 (1884), 236.

[2]) Напр., Désirier и ломбардцы въ La Prise de Pampelune. Роланда представляли родившимся въ пещерѣ Сутри. См. еще *Castets* Turpini Historia Karoli Magni, MDCCCLXXX, p. XI и 79.—Взглядъ Данте на Карла см. въ Parad. VI. Слова Пульчи о Карлѣ мы привели ранѣе. Вспомнимъ, что и Боккаччьо усматривалъ въ Карлѣ В. освободителя отъ ига Лонгобардовъ.—Итальянцы привыкли смотрѣть на священную имперію, какъ на собственную. Но нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Rob. Southey, который объяснялъ бо́льшую популярность Каролингской фабулы въ Италіи по сравненію съ распространеніемъ Артуровскаго эпоса историческою и мѣстною славой основателя Западной Имперіи, важностью его царствованія, а не бо́льшею прелестью вымысла (The byrth, lyf, and actes of kyng Arthur etc., Lond. 1817, vol. I, p. VII). Нельзя не признать, что такіе эпизоды Каролингскаго эпоса, какъ Ронсевальская битва, исполнены величія и возвышенной красы. Фабула о Ринальдо, какъ она сложилась въ Италіи, ни причемъ въ объясненіи Southey. Cf. Rajna, Rinaldo, 79—80. Наконецъ, по наблюденію Pitrè, и теперь итальянцевъ привлекаетъ въ Каролингской сагѣ чудесное и сверхъестественное.

[3]) См. ст. Райны въ Romania IV, 161—183: «Le origini delle famiglie Padovane e gli eroi dei romanzi cavallereschi». См., далѣе, D'Ancona ed E. Monaci, Una Leggenda Araldica e l'Epopea Carolingia nell'Umbria. Docum. antico con introdus. e glossar. Imola 1880 (въ этой брошюрѣ приведено нѣсколько мѣстныхъ пріуроченій имени Роланда въ Италіи) и цит. ст. Novati въ Romania XIX. — Имена, заимствованныя изъ Карол. цикла, встрѣчаются съ 1000 г. во *всей* Италіи. Rom. XVIII, 7, 65, и др.

[4]) Castets усматриваетъ уже во французской позднѣйшей эпикѣ зачатки сліянія chansons de geste съ romans d'aventure et galanterie. Для насъ интересно, что въ Maugis d'Aigremont и въ др. тексты, напечатанные Castets, включены такія подробности, представляющія аналогію повѣствованіямъ Tasso, какъ повторяющійся нѣсколько разъ призрачный пожаръ (Castets, p. 126) и участіе дьяволовъ, которые производятъ шумъ (ib.), бурю (ib.. 127), пособляютъ сарацинамъ (p. 150), воздвигая попутный вѣтеръ (p. 180). Дьяволы выступаютъ и въ итальянскомъ Rinaldo.

Digitized by Google

янцы могли слѣдовать примѣру французскихъ труверовъ, утверждавшихъ, что они разскажутъ нѣчто новое, и могли еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ труверы, давать просторъ внесенію новыхъ подробностей при послѣдовательныхъ передѣлкахъ.

Уже въ такъ наз. франко-итальянскій періодъ развитія Каролингской саги усматривается нѣкоторое приближеніе ея къ сказаніямъ бретонскаго цикла [1]). Въ Тосканскій періодъ романтическія приключенія нашли мѣсто въ Reali di Francia [2]) и въ итальянской рыцарской эпикѣ. Послѣдняя во многомъ все еще примыкала къ французскимъ первоисточникамъ, но поэты перестали стѣсняться преданіемъ; начали сосредоточивать вниманіе на нѣкоторыхъ мотивахъ и на нѣкоторыхъ сказаніяхъ, и эти излюбленные мотивы стали центральными. Рено и его родъ оказываются въ Италіи не неукротимыми по преимуществу баронами, а защитниками христіанства, и Рено поднимается на одну высоту съ Роландомъ, принявъ участіе наравнѣ съ нимъ въ славномъ Ронсевальскомъ подвигѣ. Вмѣстѣ съ Rinaldo (=Renaud) выдвигается волшебникъ Malagigi (=Maugis). Къ половинѣ XV в. исторія сыновей Aymon-a превращается въ настоящій циклъ, который успѣлъ привлечь особую симпатію публики благодаря разнообразію и интересу приключеній дѣйствующихъ въ немъ героевъ. Ринальдо сталъ излюбленнымъ героемъ рыцарско-романическихъ повѣствованій предпочтительно передъ другими паладинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ существенно видоизмѣнился и характеръ Роланда, поставленнаго въ связь съ Ринальдо: Роландъ, сдѣлавшись ближайшимъ товарищемъ послѣдняго, сталъ походить на него. Борьба христіанскихъ витязей съ Сарацинами по прежнему занимала видное мѣсто въ эпосѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулись авантюры рыцарей на чужбинѣ, приключенія Ринальдо и Роланда въ Сарацинскихъ земляхъ. Благодаря пестротѣ, неожиданности и необычайности такихъ приключеній, эпосъ утратилъ строгій характеръ, какимъ отличался на болѣе древней ступени развитія во Франціи. Чудесное получило въ итальянской эпикѣ большее значе-

---

[1]) Не вліянію ли ихъ слѣдуетъ приписать нечистую любовь Macaire къ королевѣ въ Венеціанскомъ текстѣ Macaire? См. Altfranzösische Gedichte aus Venezianischen Handschriften herausg. von *A. Mussafia*, Wien 1864.

[2]) Равнымъ образомъ и путешествіе Guerino по свѣту нѣсколько напоминаетъ путешествіе странствующаго рыцаря.

Digitized by Google

ніе, чѣмъ во французской, и произошло новое осложненіе эпоса подробностями, заимствованными изъ бретонскаго цикла [1]). Всѣмъ этимъ Каролингскій эпосъ въ Италіи приближался постепенно къ рыцарскому роману особаго склада. Въ концѣ развитія въ этомъ направленіи итальянскія рыцарскія поэмы повѣствовали о постоянныхъ интригахъ и предательствахъ со стороны графа Gano, о тайныхъ сношеніяхъ его съ мусульманскимъ королемъ Марсиліо, о приключеніяхъ, какія были испытываемы въ земляхъ язычниковъ главными паладинами Карла В., Орландо, Uggeri, Ринальдо, Астольфо, Уливьери, отъѣзжавшими отъ двора Карла В. и странствовавшими по Сарацинскимъ государствамъ, о необычайныхъ военныхъ подвигахъ паладиновъ, объ опасностяхъ, которыя они преодолѣвали своимъ мужествомъ, о завоеваніи и обращеніи городовъ и царствъ, и о томъ, какъ въ христіанскихъ витязей влюблялись Сарацинскія дѣвушки. Въ перемежку съ авантюрами паладиновъ происходили столь любимыя ит. романистами вторженія Сарацинъ во Францію, и итальянскія рыцарскія поэмы повѣствовали объ осадѣ Парижа язычниками, о бояхъ подъ этимъ городомъ и о гибели мусульманскихъ вождей, которою оканчивались всѣ вторженія ихъ во Францію.

Такъ постепенно уже до Боярдо слагался рыц. Каролингскій романъ въ Италіи и подошелъ къ тому типу, какой достигъ затѣмъ художественной обработки въ итальянской поэзіи во второй половинѣ XV в. и въ первой половинѣ XVI-го. То было время, когда въ горо-

---

[1]) Значительныя отклоненія итальянскаго Rinaldo da Montalbano отъ французскаго извода произошли, между прочимъ, подъ вліяніемъ бретонскихъ романовъ (см. Castets, 208). Впрочемъ, ит. авторъ Rinaldo отрекся отъ féerie и избѣгалъ яваго подражанія Артуровскимъ романамъ, хотя и принялъ кое-что изъ нихъ (ib., 223). Въ началѣ прозаическаго текста Rinaldo, содержащемъ обвиненіе матери героя въ прелюбодѣяніи, Castets (p. 189, ср. Rajna, Rinaldo, p. 12) отмѣчаетъ двоякое заимствованіе изъ брет. романовъ. Поводъ къ такому измышленію подала сама франц. эпика, но разукрашеніе этого эпизода въ смыслѣ донъ-жуанства произошло, по мнѣнію Castets (p. 193), въ Италіи. Должно, впрочемъ, сказать, что типъ, сродный Донъ-Жуану, слагался и во Франціи, напр. въ пастурелях и соотвѣтственныхъ пѣсняхъ объ ухаживаніи знатнаго господина за крестьянкой. Такъ, баронъ de Castera Гасконской пѣсни, напечанной Cénac Moncaut, представляетъ достойную параллель Донъ-Жуану литературнаго творчества: *Scheffler*, Die franz. Volksdichtung u. Sage, Leipz. 1883, 140—141.—Не только въ исторіи Ринальдо, но, по словамъ Райны, и въ Uggeri il Danese, «dalla Tavola Rotonda certo derivano molte cose; se non che a la più parte hano preso posto nei nostri romanzi cavallereschi già da un gran pezzo; e così ne sono divenute parte integrante». Romania IV, 422; тамъ же перечисляются подробности, напоминающія бретонскіе романы; см. далѣе въ той же статьѣ замѣчанія объ эпизодѣ изъ Perceval-я Кретьена де-Труа, вошедшемъ и въ Orlando и въ Danese.

Digitized by Google

дахъ Италіи утвердился принципатъ, и дворская жизнь достигла блеска даже въ демократической Флоренціи. Рыцарская эпика, которая была уже на дорогѣ къ сліянію въ высшей степени популярныхъ въ Италіи сказаній Каролингскаго цикла съ духомъ изящнаго рыцарства Артура, была какъ нельзя болѣе подходящимъ сюжетомъ для эпическихъ придворныхъ пѣвцовъ. Культъ рыцарства вникъ съ новою силою при итальянскихъ дворахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ во второй половинѣ XV в. для романтической эпики наступила новая эра: за рыцарскій эпосъ принялись поэты значительнаго литературнаго таланта, и Италія выдвинула рядъ блестящихъ повѣствователей, каковы Пульчи, Боярдо, Ріосто и примыкающіе къ нимъ второстепенные поэты. Тогда-то сложилась окончательно—говоря словами G. Paris—„итальянская форма французскаго содержанія („la forme italienne de la matière de France“ [1]).

Эта блестящая форма эпопеи впервые возникла во Флоренціи,—въ городѣ, который сталъ центромъ итальянской рыцарской эпики начиная съ Тосканскаго періода ея развитія, издавна вырабатывалъ особый стиль въ передачѣ рыцарскихъ повѣствованій, и былъ мѣстомъ жительства А. Пуччи и знаменитаго автора цѣлаго ряда рыцарскихъ романовъ, Андреа да Барберино. Затѣмъ довершена была литературная обработка рыцарской эпопеи въ Феррарѣ.

Въ поэмѣ флорентійца Луиджи Пульчи „Il Morgante Maggiore“ [2]) эпика Италіи представила первую болѣе или менѣе оригинальную обработку рыцарской саги, отличающуюся значительными литературными достоинствами.

Поэма Пульчи примыкаетъ во многомъ къ народной итальянской эпикѣ. Райна нашелъ въ 1868 г. источникъ, изъ котораго обильно черпалъ придворный эпикъ Лоренцо Медичи. Оказалось, что Morgante—отчасти передѣлка (rifacimento) *Orlando*, поэмы въ народномъ духѣ, написанной за нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ [3]).

---

[1]) Romania, II, 366.

[2]) Начата эта поэма около 1471 г.; въ полномъ видѣ явилась въ печати въ 1483 г. Объ имени Morgante—Romania XVIII, 64—65.

[3]) Недавно напечатанъ этотъ источникъ Морганте подъ заглавіемъ: «Orlando», die Vorlage zu Pulcis «Morgante». Zum ersten Mal herausg. v. J. Hübscher. Marb. 1886 (Ausgaben u. Abhandl., LX). Издатель проявилъ мало самостоятельности въ изслѣдованіи этого памятника и повторилъ съ ошибками мнѣніе Райны. См. рецензію въ Literaturblatt für germ. u. rom. Philol.

Digitized by Google

Пульчи въ главной части своего повѣствованія почти не отклонялся отъ матеріальнаго содержанія этого источника и иногда слѣдовалъ ему рабски, пользуясь даже выраженіями его, да и вообще въ построеніи „Морганте“ видна связь съ народными поэмами. Но при этомъ Пульчи внесъ много новаго въ свою переработку: нѣкоторые —вдобавокъ самые характерные—эпизоды [1]) принадлежатъ всецѣло ему, а равно его заслугу составляетъ своеобразная окраска заимствованнаго содержанія и облагороженіе языка и стиха эпопеи. Сравненіе „Морганте“ съ „Орландо“ привело къ заключенію, что Пульчи вложилъ много жизни, души и силы мысли въ изложенную имъ фабулу; онъ ввелъ въ нее разговоры дѣйствующихъ лицъ и сопровождаетъ повѣствованіе своими личными замѣчаніями, остроумными и свидѣтельствующими о знаніи человѣческой натуры. Подъ неромъ Пульчи рыцарская поэма въ Италіи впервые явилась съ полнымъ отпечаткомъ личности поэта. Всѣ признаютъ этотъ отпечатокъ, особенно рѣзко выступающій въ шутливыхъ выходкахъ Пульчи, но смыслъ индивидуальнаго отношенія его къ повѣствованіямъ о рыцарствѣ истолковываютъ различно, какъ различно понимаютъ отношеніе этого поэта къ религіи, не разъ вызывающее читателя на размышленіе благодаря тому, что многочисленныя воззванія религіознаго характера въ началѣ и въ концѣ пѣсенъ, на которыя распадается поэма [2]), уживаются совмѣстно съ выходками, далеко не благочестивыми, чтобы не сказать болѣе [3]). Прежде смотрѣли на

1887, № 2.—Что до «Orlando», то эта поэма составлена по «Cavaliere del Lione», «Storia di Rinaldo», «Entrée d'Espagne», «Uggeri il Danese»; въ особенности видно вліяніе двухъ послѣднихъ произведеній. Авторъ «Orlando»—флорентіецъ средняго достатка; онъ не былъ cantatore di piazza и писалъ для своего удовольствія, но могъ случайно оставить свое произведеніе уличному пѣвцу для публичнаго изложенія. Составленъ «Orlando», по мнѣнію Райны, между 1400 и 1430 гг.—Для послѣднихъ пяти пѣсенъ «Морганте» источникомъ послужила рhомованная «La Spagna».

[1]) Такъ, въ первоисточникѣ Пульчи не оказалось всего эпизода о Морганте и Маргутте (значительной части XVIII-й пѣсни и пѣсни XIX-й); вообще остроумнѣйшая часть изобрѣтенія принадлежитъ Пульчи; его личное творчество создало образы Маргутта и Астаротта.

[2]) Этимъ поэма Пульчи сближается съ народными cantari.

[3]) Гравина, Вольтеръ, Женгене и Шаль обвиняли Пульчи въ невѣріи; Canti затруднялся рѣшить, «se il Pulci sia uno stupido senza criterio, o un raffinato impostore che volti in beffa le tradizioni cavalleresche e le credenze religiose». Costoro (въ предисловіи къ Миланскому изданію 1875 г.), напротивъ, не видитъ скептицизма у Пульчи. Gaspary усматриваетъ въ «Морганте» насмѣшку безъ сатиризма, обусловленную индифферентнымъ отношеніемъ къ религіи.

Digitized by Google

поэму Пульчи, какъ на злостную каррикатуру на рыцарство [1]; въ послѣднее время къ этому взгляду примкнулъ Gautier, назвавшій „Morgante“ итальянскимъ Донъ-Кихотомъ, который былъ гибеленъ для рыцарства и вѣры, быть можетъ, не менѣе испанскаго [2]. Но другіе изслѣдователи обращаютъ вниманіе на то, что бурлескъ встрѣчается уже въ народной поэмѣ и вообще въ старофранцузскомъ эпосѣ и романахъ (прибавимъ—и въ народной поэзіи), причемъ обыкновенно внесеніе комизма не дѣйствуетъ разрушительно на самый сюжетъ рыцарской саги [3]. Равнымъ образомъ, нѣкоторые не находятъ теперь сатиры у Пульчи, который—говорятъ [4]—не задавался осмѣяніемъ рыцарскихъ нравовъ.

Мы видѣли, что Пульчи относился съ уваженіемъ къ Карлу В.; но въ то же время онъ не отказался отъ традиціоннаго изображенія недальновидности Карла, проявившейся въ постоянномъ довѣріи къ Gano [5]. Роланда, главнаго героя поэмы [6], Пульчи назвалъ

---

[1]) См., напр., мнѣніе *Val. Schmidt*-а въ (Wiener) Jahrbücher der Literatur, Bd. XXXI (1825), S. 102 и 112. По словамъ Шмидта, «Pulci, seiner Absicht getreu, die ganze romantische Welt, deren Mittelpunkt Karl war, alle Institutionen des Ritterthums und Christenthums in verzerrten Karrikaturen zur Schau zu stellen, handelt konsequent, wenn er auch jene Worte Dante's (разумѣется Parad. XVIII, 43, гдѣ Данте помѣстилъ Карла В. вмѣстѣ съ Роландомъ въ раю въ ряду бойцовъ за вѣру), sich ernsthaft, gelehrt und gründlich stellend, mit folgenden Versen persiflirt, Morg. magg. XXVIII, 40:

Io mi confido ancor molto qui a Dante,
Che non sanza cagion nel ciel su misse
Carlo ed Orlando...

Но послѣдующее содержаніе XXVIII-й пѣсни, какъ и начало I-й, не подтверждаетъ мнѣнія, раздѣляемаго, между прочимъ, Canello, о томъ, что Пульчи хотѣлъ только осмѣивать Карла.

[2]) Les épop., II, 419, note. Преувеличеніе, допущенное Готье въ этомъ отзывѣ, показываетъ послѣдующая рыцарская эпика Италіи. Въ Dédicace къ книгѣ «La chevalerie», Par. 1884, Готье сближаетъ въ одной подробности Пульчи съ Сервантесомъ и говоритъ, что, какъ Сервантесъ былъ видимо исполненъ глубокаго участія, когда ему пришлось перенестись къ постели умирающаго Донъ-Кихота, такъ и неумолимый насмѣшникъ Пульчи, когда довелъ разсказъ до смерти Роланда, вдругъ измѣнился въ лицѣ и прослезился. Cf. La Chans. de Rol., I, p. cxxxviij.

[3]) На это давно уже указалъ Ginguené; въ послѣднее время это наблюденіе повторилъ вслѣдъ за другими Gaspary.

[4]) См., напр., у Gaspary, который на стр. 274 отмѣтилъ, что Пульчи всего одинъ разъ позволилъ себѣ насмѣшку надъ странствующимъ рыцарствомъ.

[5]) Въ XXVIII-й пѣснѣ (ст. 15 и слѣд.) Пульчи прямо говоритъ:

Or forse tu, lettor, dirai adesso,
Come gli abbi creduto Carlo Mano.
Io ti rispondo: era così permesso;
Era nato costui per ingannarlo,
E convenia che gli credessi Carlo.

Далѣе Пульчи продолжаетъ объяснять легковѣріе Карла въ томъ же шутливо-религіозномъ тонѣ.

[6]) Хотя поэма Пульчи носитъ названіе Морганте, но великанъ этого имени въ ней лицо второстепенное, и со смертію его не оканчивается разсказъ, который авторъ заканчиваетъ лишь смертію Карла.

Digitized by Google

мудрымъ („savio“) [1]), но тотчасъ же выставилъ славнаго паладина подпавшимъ ярости [2]) и удалившимся подъ вліяніемъ ея отъ двора Карла. Бродя по свѣту, Роландъ уподобляется странствующимъ рыцарямъ, однажды даже влюбляется, но при этомъ онъ еще не удаляется значительно отъ своего идеальнаго первообраза и помышляетъ не о личныхъ интересахъ; онъ заботится о распространеніи вѣры, постоянно является лишь защитникомъ правоты и еще не отрѣшенъ отъ доблести, серьезности и важности, какими отличался въ древнѣйшемъ преданіи; словомъ, онъ все еще

.....di Dio nel mondo atleta,
Vero campion, perfetto archimandrita
Della sua gregge...

Далѣе, Пульчи не можетъ воздержаться отъ шутки даже въ такомъ патетическомъ мѣстѣ, какъ описаніе Ронсевальской катастрофы. Весьма характерно, наконецъ, названіе поэмы по имени Морганте и образы Морганте [3]) и Маргутте. Потому слѣдуетъ, кажется, согласиться съ мнѣніемъ относительно поэмы Пульчи, которое было высказано уже въ прошломъ столѣтіи и по которому въ „Morgante“ надлежитъ видѣть совмѣщеніе въ зачаткахъ тѣхъ разновидностей, на которыя распалась послѣ 1516 г. рыцарская эпика въ Италіи [4]). При-

---

[1]) Il Morg. magg., I, 8.

[2]) Ib., 19:

Poi si parti *portato dal furore*,
E terminò passare in Pagania.

Зачатки этой ситуаціи см. въ сознаніи самого Роланда въ Entrée de Spagne, что имъ овладѣла irance, подъ вліяніемъ которой онъ удалился на востокъ. См. *Thomas*, Nouvelles recherches sur 'Entrée d'Espagne, Par. 1882, p. 57—58, 60, 61.

[3]) Рыцарская эпика въ послѣдній періодъ своего существованія нерѣдко впадала въ имѣвшую мало смысла разнузданность воображенія, отъ которой рыцарскіе романы лишь теряли. По замѣчанію Serment-a (p. 12), Сервантесъ со свойственною ему граціозною ироніею такъ намекаетъ на пристрастіе къ этимъ преувеличеніямъ: «Донъ-Кихотъ говорилъ, что хотя Сидъ-Руи-Діазъ былъ, конечно, рыцарь не изъ послѣднихъ, но что онъ далеко не можетъ равняться съ рыцаремъ *Пылающаго Меча*, который однимъ ударомъ разсѣкъ пополамъ двухъ чудовищныхъ и свирѣпыхъ великановъ». Повидимому, Пульчи имѣлъ отчасти въ виду ту же черту рыцарской эпики.

[4]) См. предисловіе Рубби къ 1-му т. «Morgante maggiore» въ «Parnaso Italiano» (Ven. MDCCLXXXIV), въ которомъ читаемъ: «Distinguiamo gli epici in romanzieri, in istorici, in burleschi. L'Ariosto è il padre dei primi, il Tasso dei secondi, il Berni degli ultimi. Che sarà dunque Luigi Pulci col suo Morgante Maggiore? Sarà l'autor d'un poema *misto*; sarà un uomo che tenta una nuova via; sarà un nocchiero che non sa ancora l'uso della bussola, e l'elevazione del polo. Ma sarà un ardito scorpitore d'un bel mondo poetico, che fu coltivato da'suoi successori»

Digitized by Google

равнивать поэму Пульчи къ роману Сервантеса невозможно. Вѣрнѣе, кажется, будетъ сблизить ее съ отрывкомъ рыцарскаго романса „Sir Thopas“, вставленнымъ въ „Кэнтерберійскіе разсказы“ Чосера. Чосеръ и Пульчи не смѣялись всецѣло надъ рыцарствомъ: они потѣшались лишь надъ уродливыми преувеличеніями и тривіальностями, въ которыя впадала рыцарская эпика въ пѣсняхъ площадныхъ пѣвцовъ. При этомъ у Пульчи рѣзко выступаютъ диссонансы, порожденные противорѣчіями, въ которыхъ вращалось итальянское Возрожденіе. Намъ кажется вполнѣ подходящимъ опредѣленіе, данное Байрономъ: онъ назвалъ Пульчи отцомъ серьезно-комической эпики.

Пульчи не преслѣдовалъ возвышенной цѣли, какую имѣлъ въ виду впослѣдствіи Тассо. Флорентійскій пѣвецъ двора Лоренцо Медичи не причислялъ себя къ первостатейнымъ художникамъ и прямо заявлялъ, что онъ имѣлъ въ виду всѣмъ угодить своимъ непритязательнымъ разсказомъ [1]). Желаніе его исполнилось. Пульчи пріучилъ высшіе классы итальянскаго общества находить забаву и удовольствіе въ разсказахъ о томъ, о чемъ до него повѣствовали народу съ важностію, но вмѣстѣ и съ безвкусіемъ. „Morgante“ Пульчи уже не поэма въ родѣ тѣхъ, какія слагали народные пѣвцы, а произведеніе литератора, сумѣвшаго сообщить особую и новую привлекательность избитому сюжету. Пульчи уже вдохновляла отчасти весе-

---

[1]) Il Morg. Magg., XXVIII, 138 и слѣд. Это мѣсто поэмы весьма характерно и важно для опредѣленія задачи, какую Пульчи пытался выполнить въ своей поэмѣ. Онъ говоритъ о себѣ:

Io me ne vo pe'boschi puro e soro
Con la mia zampognetta che pur suona,
E basta a me a trovar Tirsi e Dameta:
Ch'io non son buon pastor, non che poeta.
Anzi non son prosuntuoso....
Nè tanto satir, quant'io paio in vista:
Altri verrà con altro stile o canto,
Con miglior cetra, e più sovrano artista;
Io mi starò tra faggi e tra bifulci,
Che non disprezzin le muse del Pulci.
Io me n'andrò colla barchetta mia,
Quanto l'acqua comporta un piecol legno;
E ciò ch'io penso colla fantasia,
Di piacere ad ognuno e 'l mio disegno:
Convien che varie cose al mondo sia и т. д.

Сравненіе поэта съ пловцомъ въ barchetta проходитъ чрезъ всю поэму Пульчи съ самаго начала ея. Ср. подобное уподобленіе въ Orl. innam. II, XVII, 1—2; Orl. Fur. XLVI, 1.

Digitized by Google

лія, легкая и подвижная муза итальянскаго эпоса, которая внушила затѣмъ цѣлый рядъ поэмъ итальянскимъ эпикамъ конца XV в. и первой половины XVI-го.

Поэма Пульчи начинаетъ собою періодъ, когда рыцарскій эпосъ становится достояніемъ дворскихъ поэтовъ и литераторовъ и разрабатывается въ поэмахъ, лишенныхъ мужественной простоты, наивности и искренности, которыми прежде отличался, но за то болѣе блестящихъ по формѣ. Съ того времени отклоненіе итальянскихъ обработокъ отъ французскихъ первоисточниковъ совершается быстрѣе и въ бо́льшихъ размѣрахъ.

У дворскихъ эпиковъ времени Возрожденія, во главѣ которыхъ стоятъ Боярдо и въ особенности Аріосто, Каролингскій эпосъ предстаетъ безъ эпическаго величія и безъ той суровости, грубоватости и вѣры, а вмѣстѣ и идеальности, которыхъ былъ исполненъ на болѣе древней ступени развитія. Рыцарская любовь, комизмъ и ироническое отношеніе къ разсказу получаютъ въ немъ такое видное мѣсто, какого не имѣли въ старофранцузскомъ эпосѣ. Равнымъ образомъ въ Каролингской эпикѣ водворяется фантастика особаго рода, заимствованная отчасти изъ романовъ Круглаго Стола и отличая отъ чудеснаго, наполнявшаго древній эпосъ. Паладины постоянно сталкиваются съ гигантами, чародѣями и феями. Каролингскій эпосъ превращается въ эпосъ приключеній. Поэты итальянскаго Возрожденія оттѣняютъ въ паладинахъ не столько патріотическій героизмъ и религіозность, которые не вызывали въ то время энтузіазма въ Италіи, сколько наклонность къ любовнымъ похожденіямъ, въ которыхъ нарушалась иногда даже галантность. Послѣдней придавали тогда такое значеніе, что даже явился кодексъ ея въ „Il cortegiano“ Кастильоне [1]). Такъ паладины Карла

[1]) Начатъ не позже 1514 г., оконченъ въ мартѣ 1516 г. Первое изданіе — Il libro del Cortegiano, Venet. Aldo 1528 (fol.). Отмѣтимъ еще Castiglione (da Sabbat) Ricordi, overo ammaestramenti nei quali con prudenti e christiani discorsi si ragiona di tutte le materie honorathe, che si ricercano a un vero gentil'huomo. Venetia, 1565 (in-8°). Трактатъ Кастильоне нѣсколько отличается отъ правилъ рыцарскаго поведенія, выработанныхъ въ средніе вѣка. Отношеніе Cortegiano къ Цицероновой книгѣ De Oratore теперь обстоятельно указано въ ст. *Valmaggi*: «Per le fonti del «Cortegiano» (Giorn. stor. d. l. it., XIV, 72—93). Опредѣленіе того, что такое cortesia, занимало многихъ итальянскихъ писателей XVI в., между проч. и Аретино, который пустился въ проповѣдь благочестія со свойственнымъ ему лицемѣріемъ: см. *Ragionamento* nel quale M. Pietro Aretino figura quattro suoi amici, che fanellano de le Corti del Mondo, e di quella del Cielo. Ниже этого заглавія помѣщенъ портретъ автора съ

Digitized by Google

В. были окончательно превращены въ странствующихъ рыцарей. Они какъ бы слѣдовали завѣту, выраженному въ призывѣ Лоренцо Медичи:

Mentre che dura questa breve vita
Ciascun si allegri, ciascun s'innamori.

Защита вѣры и національные интересы для нихъ второстепенное дѣло. Эпосъ получилъ вслѣдствіе того романическій характеръ, и сверхъ того въ немъ отъ совмѣщенія въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ чертъ рыцарства двухъ различныхъ пошибовъ неизбѣжно выникалъ комизмъ, тѣсно вязавшійся съ ироническимъ отношеніемъ повѣствователей къ дѣяніямъ, которыя они передавали.

Въ концѣ своей поэмы Пульчи призывалъ другихъ поэтовъ заняться разработкою достойнаго сюжета, имъ представлявшагося, указывая на то, что наступаетъ пора процвѣтанія для итальянскаго языка,

Tornano i tempi felici, che furno
Quando e' regnò quel buon signor Saturno.
Benigni secol, che già lieti fersi,
Tornate a modular le nostre lire.

Надежда Пульчи оправдалась, но не во Флоренціи, гдѣ писалъ онъ, поощряемый прославленнымъ въ концѣ его поэмы новымъ Ме-

---

подписью: Diuus P. Aretinus acerrimus virtutum, ac vitiorum demonstrator; на послѣдней страницѣ: Impresso per Francesco Marcolino. Nel. MDXXXIX. Основное содержаніе этого діалога выражено въ словахъ Dolce (p. 118): «Le parole vdite hanno tocco non pure gli atti de le Corti terrene, ma datoci materia di entrare in quelle del cielo» [Ср. приведенныя выше заключительныя слова «Degli Asolani» Бембо]. Въ началѣ діалога Tacco «Il Malpiglio ovvero della corte» восхваляется Cortigiano Кастильоне. По мнѣнію Tacco, «dee prima di ogni cosa conoscere e misurare se stesso». Въ средніе вѣка рыцарская мораль также внушала соблюденіе мѣры. Взглядъ Tacco на знанія, которыми долженъ отличаться cortigiano, см. на стр. 185, 192, 194. См. также діалогъ Tacco «delle virtù».—Трактатъ Кастильоне обратилъ на себя вниманіе и за предѣлами Италіи. См. ст. K. v. Reinhardstöttner: «Die erste deutsche Uebersetzung von Baldassare Castigliones «Cortegiano» въ Jahrbuch für münchner Geschichte, 2 Jahrg.—Польскій писатель XVI в. Гурницкій перевелъ это сочиненіе Кастильоне на родной языкъ подъ заглавіемъ «Dworzanin». Этотъ переводъ имѣется въ недавнемъ изданіи въ Lukasza Górnickiego dzieła wszystkie. Pierwsze wydanie zbiorowe przygotował do druku R. Löwenfeld. Wydał P. Chmielowski. Warsz. 1886. T. 1. Dworzanin. О Гурницкомъ см. монографію Löwenfeld-a: Lukasz Gornicki. Sein Leben und seine Werke, Bresl. 1884, которая есть и въ польскомъ текстѣ.

Digitized by Google

ценатомъ [1]), а въ Феррарѣ. Пять лѣтъ спустя по напечатаніи „Morgante“ явилась поэма о влюбленномъ Роландѣ, въ которой рыцарская эпика подвинулась значительно впередъ по сравненію съ поэмою Пульчи.

Авторъ этой поэмы былъ не простой гражданинъ демократической Флоренціи, какъ Пульчи, а членъ знатнаго рыцарскаго рода, слѣд., поэтъ, которому могли быть болѣе дороги традиціи рыцарства,—графъ Маттео Маріа Боярдо, любимецъ Феррарскихъ герцоговъ, которымъ служилъ. Ему довелось быть свидѣтелемъ возрожденія рыцарства и его доблести, послѣ того какъ окончились, по словамъ Боярдо, зимнія бури, прервавшія-было рыцарское веселье и куртуазію; и графъ рѣшилъ возобновить въ своихъ пѣсняхъ память о доблестяхъ временъ минувшихъ и разсказать прекраснѣйшую исторію, какая когда-либо существовала [2]). Подвиги Роланда Боярдо воспѣлъ для „signori e cavalieri“: къ нимъ обращается онъ въ первомъ стихѣ [3]). Онъ явился, такимъ образомъ, пѣвцомъ ожившей кортезіи,—той изящной рыцарственности, которою увлекалась итальянская знать и наиболѣе яркимъ выраженіемъ которой постоянно оставались романы бретонскаго цикла. Слава Британскаго рыцарства была громка и въ то время, когда писалъ Боярдо: Ed or sua fama al nostro tempo dura, говоритъ поэтъ (II, XVIII, 1). Не удивительно потому, что въ его Orlando innamorato уже вполнѣ явственно обозначилось сліяніе Каролингскаго эпоса съ Артуровскимъ. Въ началѣ поэмы Боярдо прямо указываетъ

---

[1]) Въ XXVIII, 151 Пульчи говоритъ о Лоренцо il Magnifico:

Surge d'un fresco e prezioso lauro
Certe piante gentil, certi rampolli *и проч.*

[2]) Orl. innamor., II, 1, 2—3:

Ora è il mal vento e quel verno compito
E torna il mondo di virtù fiorito.
Ed io cantando torno a la memoria
De le prodezze de'tempi passati,
E conterovvi la più bella istoria
(Se con quïete attenti m'ascoltati),
Che fusse mai nel mondo e di più gloria...

[3]) Въ III, 1, 2 онъ обращается къ «signori e dame e bella baronia».

Digitized by Google

на то, что Роландъ предстанетъ у него въ необычномъ видѣ [1]), но нечего удивляться тому, что рѣчь будетъ итти о *влюбленномъ* Роландѣ: Роландъ вѣдь долженъ же былъ подпасть общему закону, по которому все въ мірѣ подчиняется любви [2]). Все дальнѣйшее изложеніе составляетъ какъ бы художественное раскрытіе этого основнаго тезиса, нашедшаго выраженіе въ знаменитомъ изреченіи: „Amor omnia vincit". Вслѣдствіе того Каролингскій эпосъ былъ окончательно претворенъ въ духѣ Артуровскаго. Въ него не только были введены эпизоды [3]) и личности послѣдняго [4]), но были всецѣло внесены и тѣ стремленія, которыми жили рыцари Круглаго Стола. Послѣдніе прямо признаны образцовыми рыцарями предпочтительно предъ паладинами Карла, потому что не ограничивались военными подвигами, но прославились одновременно „per l'arme e per l'amore",

Quando i buon cavalieri a quelle bande
Mostrarno in più battaglie il suo valore,
Andando con lor dame in avventura...

Дворъ Карла В., двери котораго были закрыты для любви, не могъ поравняться въ достоинствѣ и уваженіи, которое внушаетъ, съ дворомъ Артура. „Вѣдь одна любовь доставляетъ высшую славу,

---

[1]) Боярдо начинаетъ свою поэму приглашеніемъ, столь обычнымъ въ началѣ французскихъ поэмъ—слушать со вниманіемъ, не нарушая тишины, «cose dilettose e *nuove*». Въ 3-емъ стансѣ онъ говоритъ:

Questa novella è nota a poca gente,
Perchè Turpino istesso la nascosse.....

[2]) Orl. innam. I, 1, 2:

Non vi par già, signor, maraviglioso
Odir contar d'Orlando innamorato;
Chè qualunque nel mondo è più orgoglioso,
È da amor vinto al tutto e soggiogato *u. m. n.*

[3]) Таковы, напр., эпизоды о рыцаряхъ, пребывающихъ на островѣ Фаллерины, о волшебномъ источникѣ Мерлина и т. п. Въ первой же пѣснѣ находимъ упоминанія о Petron di Merlino, объ источникахъ Мерлина (st. 33 и слѣд.) и т. д. У Пульчи подобныхъ эпизодовъ меньше. Укажемъ на эпизодъ о чортѣ подъ надгробнымъ камнемъ и т. п. Что до льва, то онъ встрѣчается и въ Reali и еще ранѣе въ Каролингскомъ эпосѣ. Ср. *Bangert*, Die Tiere im altfranzösischen Epos, Marb. 1885 (Ausg. u. Abh. XXXIV), §§ 413 и слѣд.

[4]) У Боярдо весьма видное участіе въ описываемомъ имъ дѣйствіи принимаетъ Моргана, которая, впрочемъ, является и въ Uggeri il Danese.

Digitized by Google

сообщаетъ человѣку достоинство и честь; любовь доставляетъ побѣду и сообщаетъ мужество рыцарю, идущему въ бой; потому мнѣ пріятно—гов. поэтъ—продолжить начатую исторію влюбленнаго Роланда“ [1]). Итакъ, любовь становится главнымъ источникомъ рыцарской доблести, въ томъ числѣ и доблести Роланда. Боярдо, какъ и Пульчи, кажутся смѣшными „guerre di giganti“, и видное мѣсто получаютъ теперь „casi d'amore“. Роландъ, представлявшій собою самую серьезную фигуру Каролингскаго эпоса,—витязь, который болѣе всѣхъ другихъ былъ опорою отечества и Карлова престола, былъ облеченъ ореоломъ доблести и святости и который даже ни разу не вспомнилъ про свою невѣсту въ часъ Ронсевальскаго боя и своей кончины, теперь вполнѣ становится странствующимъ рыцаремъ и героемъ любовныхъ похожденій. Роль Ланселота была однако совсѣмъ не къ лицу ему, и не разъ кажется онъ смѣшнымъ читателю, привыкшему представлять себѣ Роланда совсѣмъ инымъ. Нельзя отрицать, что и самъ Боярдо, изъ итальянскихъ эпиковъ, писавшихъ до Тассо, наиболѣе чтившій рыцарство [2]), относился съ нѣкоторою усмѣшкой къ повѣствованіямъ, которыя излагалъ [3]): поэтъ времени Возрожденія, нагромождая вымыслы, хотя бы и весьма распространенные въ народѣ и среди читателей, не могъ передавать ихъ съ наивною вѣрою среднихъ вѣковъ. Послѣ чтенія поэмы Боярдо, представившей сплетеніе множества фантастическихъ вымысловъ, вставленныхъ въ громадную общую рамку, причудливость рыцарскихъ похожденій должна была выступить яснѣе, чѣмъ прежде, когда рыцарскія авантюры не были еще изображены

---

[1]) Orl. innam., II, 18, 1—3. Нѣкоторыя выдержки изъ этого мѣста приведены нами выше—въ заключительныхъ замѣчаніяхъ объ Аріосто. На эти слова Боярдо не разъ уже обращали вниманіе занимавшіеся выясненіемъ основной идеи его поэмы, и вслѣдъ за Regis-омъ (S. 386) отмѣтилъ ихъ и Gaspary (S. 281—282).

[2]) Райна выразился о Боярдо: »il nostro poeta cavalleresco per eccelenza».

[3]) Прежде итальянскіе критики думали, что изображеніе рыцарства выдержано у Боярдо въ болѣе серьезномъ тонѣ, чѣмъ у Аріосто. Райна попытался подорвать это мнѣніе, и на сторону его склонился Canello; см. рецензію послѣдняго въ Zeitschrift für rom. Phil., I, 125—130. По словамъ Canello, «la tragedia della vita italiana si riflette nel poema ariostesco. E la causa della tragedia è l'amore». Мнѣніе Райны діаметрально противоположно взгляду Вал. Шмидта, который писалъ: «Unter den italienischen Dichtern hat besonders Bojardo diesen alten Charakter Rolands vortrefflich aufgefasst und glänzend entwickelt. Dagegen wählte Ariosto in der Schilderung seines Roland die unglückliche Mittelstrasse zwischen Ernst und Spass» (Wien. «Jahrbücher», XXXI, 112).

Digitized by Google

въ такой широкой и сводной картинѣ. Съ той поры началъ утверждаться взглядъ на подвиги рыцарей, какъ на нѣчто странное. Этотъ взглядъ не разъ прорывался въ итальянской литературѣ XVI в. [1]) и благопріятствовалъ появленію пародій Фоленго и Аретино. Доблестные Карловы паладины не могли внушать къ себѣ полнаго уваженія въ обрисовкѣ, которую получили у Боярдо. Они оказываются игрушками чаръ и слѣпыхъ страстей. Такою страстью является и любовь, которой они подпадаютъ; потому и это чувство, играющее столь видную роль у Боярдо, предстаетъ въ мало привлекательномъ видѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно является у Боярдо, какъ въ сказаніи о Тристанѣ, фатальнымъ влеченіемъ, моментально развивающимся подъ вліяніемъ питья изъ Мерлиновой „riviera de l'amore" и моментально могущимъ исчезнуть, если напиться изъ другого источника, устроеннаго нѣкогда тѣмъ же Мерлиномъ—но тщетно—для Тристана [2]). Любовь же, болѣе или менѣе сознательно возникшая въ сердцѣ Роланда, внушаетъ читателю сожалѣніе. Нельзя не испытывать скорбнаго чувства при видѣ того, что беззавѣтная рыцарская любовь Роланда, которому суждено было быть главною опорою христіанской вѣры и имперіи Карла, обращена къ такой личности, какъ язычница Анджелика, красавица кокетливая, холодная, лишенная прямодушія и пустая. Какъ только явилась она ко двору Карла

.....con vista allegra e con un riso
Da far innamorare un cor di sasso [3]),

и заговорила, доблестнѣйшій изъ христіанскихъ рыцарей оказался безсильнымъ устоять противъ овладѣвшаго его сердцемъ увлеченія, хотя вполнѣ сознавалъ его преступность [4]).

---

[1]) Такъ, на заглавномъ листѣ поэмы Agostini: Innamoramento di Lanzilotto e di Gineura, продолженной Guazzo, говорится: «nel quale si trattano le orribili prodezze e le strane venture di tutti i cavalieri erranti della Tavola Rotonda».

[2]) Orl. innam. I, I, 32—38. И Аріосто, какъ мы видѣли, говоритъ о чудесныхъ источникахъ Мерлина.

[3]) Orl. innam. I, I, 23. Образъ этой китайской красавицы признается однимъ изъ лучшихъ созданій Боярдо. Въ нѣкоторой степени она является первообразомъ Армиды.—Замѣтимъ, что въ моментъ ея появленія при дворѣ Карла Роландъ былъ уже женатъ: въ I, I, 21 прямо упомянута «Alda, la moglie d'Orlando». Тѣмъ непростительнѣе страсть Роланда и тѣмъ характернѣе главная ситуація поэмы Боярдо, герой которой лишенъ крѣпкой воли.

[4]) Какъ только Роландъ увидѣлъ Анджелику,

Digitized by Google

Грандіозный замыселъ Боярдо создать цѣлую рыцарскую эпопею, въ которой нашли бы мѣсто всѣ „prodezze de' tempi passati",

..... i degni atti e pregiati
De' cavalier antiqui e le contese.
Che fece Orlando, allor che amor il prese [1]),

и слабости рыцарей, главною изъ которыхъ, по признанію самого Роланда, была рыцарская внѣбрачная любовь,—этотъ замыселъ былъ выполненъ Боярдо лишь отчасти; но поэма о влюбленномъ Роландѣ доставила матеріалъ и исходный пунктъ, къ которому постоянно обращалось эпическое творчество въ теченіе полувѣка съ лишнимъ.

Великій продолжатель Боярдо, Аріосто, затмившій своего предшественника, примыкаетъ къ пѣвцу „Влюбленнаго Роланда" въ весьма многомъ: какъ въ фабулѣ, такъ и въ тезисѣ о всесильномъ дѣйствіи любви, въ общей схемѣ и въ сведеніи въ одной поэмѣ „l'arme e l'amore" [2]), соединеніемъ которыхъ прославилось, по словамъ Боярдо, рыцарство Артура. Унаслѣдовалъ Аріосто отъ графа Боярдо и двойственность въ представленіи рыцарственности и любви, но въ изображеніе той и другой онъ внесъ болѣе глубины и искусства, а равно проявилъ болѣе таланта въ постановкѣ великой проблемы, выникающей предъ мыслителемъ при видѣ такого явленія, какъ возвышенные порывы рыцарства рядомъ съ химерностью, а нерѣдко и безуміемъ другихъ рыцарскихъ увлеченій. Время, въ которое жилъ и писалъ Аріосто, во многомъ уже не походило на годы, въ которые были сотканы рукою Боярдо приключенія „Влюбленнаго Роланда". Противоположность новаго времени средневѣковой старинѣ рѣзче обозначалась для поколѣнія, къ которому принадлежалъ Аріосто, и тѣмъ ярче должна была отразиться въ изображеніи рыцарскаго міра: мы видѣли, что Аріосто не разъ противополагаетъ свое

Ahi pazzo Orlando! nel suo cor dicia,
Come ti lasci a voglia traportare?
Non vedi tu l'error che ti desvia,
E tanto contra Dio ti fa fallare?...
Io che stimava tutto 'l mondo nulla,
Senz'arme vinto son da una fanciulla *etc.*

Orl. innam., I, I, 30—31.

[1]) Ib. II, I, 3.

[2]) Есть у Боярдо и разсказъ о женской невѣрности: I, XXII.

Digitized by Google

время прежнему. Онъ могъ взглянуть на рыцарство, какъ созерцатель, стоящій въ сторонѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, и поднявшійся на значительную высоту силою своего духа. Благодаря тому онъ отнесся къ рыцарскимъ фабуламъ еще свободнѣе, чѣмъ Боярдо, еще болѣе, чѣмъ послѣдній, позволилъ себѣ отклоняться отъ преданія и дошелъ, казалось, до неограниченнаго разгула фантазіи, до какого не доходили ни французскіе, ни англійскіе, ни нѣмецкіе поэты. Это странствованіе фантазіи, не находящей предѣловъ и объекта, на которомъ она могла бы сосредоточиться, объясняютъ какъ знаменіе времени, въ которое на мѣсто народной поэзіи выступаетъ индивидуализмъ и субъективизмъ [1]). Но такимъ слишкомъ общимъ объясненіемъ не исчерпывается смыслъ того причудливаго калейдоскопа, какой представляетъ поэма Аріосто. Ея значеніе, не легко улавливаемое и различно истолковываемое вслѣдствіе широты и геніальности замысла, вызываетъ разногласіе [2]), и „Неистовый Роландъ" раздѣляетъ въ этомъ отношеніи участь всѣхъ великихъ созданій индивидуальнаго поэтическаго творчества: мысль лицъ, поддающихся воспріятію этихъ произведеній, неустанно пытается разгадать ихъ скрытую отъ перваго взгляда сущность и выдвигаетъ все новыя объясненія,

---

[1]) Имѣемъ въ виду взглядъ, выраженный Кардуччи въ Studi Letterari, 1880, p. 129. Кардуччи указалъ на то, что возникающее въ XVI в. «l'arte per arte è la fine della poesia popolare e nazionale o sociale. L'Italia nel secolo decimo sesto levò la poesia a idealismo artistico». —Отмѣтимъ при этомъ, что уже В. ф. Гумбольдтъ представилъ въ своихъ эстетическихъ опытахъ характеристику поэзіи Аріосто въ противоположеніи ея Гомеровской.

[2]) Мы не разъ уже упоминали, что, по взгляду Райны, на поэму Аріосто надо смотрѣть такъ, какъ прежде смотрѣли на поэму Боярдо: не Боярдо, а Аріосто проявилъ серьезность въ изображеніи рыцарства; Аріосто внесъ даже трагизмъ въ это изображеніе. Слѣдуя концепціи Вергилія, Аріосто принялъ будто бы взглядъ на жизнь, прямо противоположный художественно развитому въ поэмѣ Боярдо: онъ выставилъ пагубныя послѣдствія той рыцарской любви, которую провозглашалъ Боярдо, и выдвинулъ въ противовѣсъ любовь иную, ведущую къ установленію семьи на прочныхъ началахъ.—Взглядъ, отличный отъ высказаннаго Райною, подрывающій послѣдній, но не менѣе односторонній, проводитъ *Scrocca* въ Saggio critico sull'Orlando Furioso, Nap. 1889. По мнѣнію Скрокки (p. 72—73), Furioso—«un poema satirico. E perchè tratta di cose cavalleresche? Perchè quel mondo così vario e bizarro, benchè scomparso oramai, era vivo nelle memorie e famoso; e l'Ariosto prende occasione da esso, per far la satira di tutte le cose umane, come poi il Cervantes, dal delirio di un matto, per far la satira della cavalleria; come il Byron, dalle avventure di un uomo molle e corrotto, per far la satira dei tempi suoi e del mondo... il Furioso, qua e là, ha solo le apparenze d'un poema serio e tragico; perchè se amore è incanto, fola ogni cosa, pazzi gli uomini, dove può esser l'epico e il tragico?» Что до сопоставленія Furioso съ Донъ-Кихотомъ, то оно дѣлалось не разъ, и его можно указать хотя бы у Canello (p. 115). Заслуживаетъ особаго вниманія другое указаніе Скрокки—на общую концепцію

Digitized by Google

выказывая и въ этомъ неисчерпаемое богатство человѣческаго духа. Мы не можемъ войти здѣсь въ разсмотрѣніе поэмы Аріосто во всей ея широтѣ; мы должны лишь ограничиться указаніемъ отношенія Аріосто къ романтикѣ Круглаго Стола. Въ этомъ отношеніи мы усматриваемъ двойственность, которая у Аріосто гораздо сильнѣе, чѣмъ у Боярдо, но не столь замѣтна благодаря большей утонченности поэтической ткани „Неистоваго Роланда", большей замысловатости рисунка и болѣе глубокому выраженію скептицизма, не доходившаго ни до грубоватой насмѣшки, ни до рѣзкой сатиры, ни до пессимизма. Аріосто ставитъ возвышенное и смѣшное рядомъ въ рыцарскомъ мірѣ, имъ изображенномъ, чтитъ одно и съ добродушной ироніей выдвигаетъ другое. Идею представленія самой слабой стороны рыцарства въ личности доблестнѣйшаго изъ рыцарей, Роланда,—идею, весьма удачную, если принимать во вниманіе общій смыслъ поэмы Боярдо, Аріосто подвинулъ еще далѣе: Роландъ, который до того времени

Аріосто, сказавшуюся въ эпизодѣ о нахожденіи человѣческаго разума на лунѣ. Это мѣсто поэмы Аріосто (XXXIV-я пѣсня) было однимъ изъ самыхъ любимыхъ К. Н. Батюшковымъ эпизодовъ «Неистоваго Роланда» (Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, Спб. 1886, стр. 681), и сохранился отъ Батюшкова слѣдующій переводъ тѣхъ стиховъ, на которые обратилъ особенное вниманіе Скрокка:

Увы, мы носимъ всѣ дурачества оковы,
И всѣ терять готовы
Разсудокъ, бренный даръ Небеснаго Отца!
Тотъ губитъ умъ въ любви, средь нѣги и забавы,
Тотъ рыская въ поляхъ за дымомъ ратной славы,
Тотъ ползая въ пыли предъ сильнымъ богачомъ,
Тотъ по морю летя за тирскимъ багряцомъ,
Тотъ золота искавъ въ алхиміи чудесной,
Тотъ плавая умомъ во области небесной,
Тотъ съ кистію въ рукахъ, тотъ съ златомъ иль съ рѣзцомъ.
Астрономы въ звѣздахъ, софисты за словами,
А жалкіе пѣвцы за жалкими стихами:
Дурачься, смертныхъ родъ, въ лунѣ разсудокъ твой.

По словамъ Скрокки (p. 36), «l'aver egli immaginato che, oltre al senno d'Orlando via sia pure quello di tutti gli uomini, apertamente dimostra che egli ha tale opinione delle cose umane, che non la Providenza, come credette e poetò l'Alighieri, ma l'irragionevolezza e l'arbitrio le governi e le muova». Если бы это истолкованіе общаго смысла поэмы Аріосто оказалось вѣрнымъ, то ее можно было бы поставить рядомъ съ проникнутыми тою же идеею произведеніями нѣмецкой гуманистической литературы конца XV в. и начала XVI в., знаменитѣйшимъ изъ которыхъ была «Похвала глупости» Эразма Роттердамскаго. Нѣмецкіе моралисты гуманистическаго направленія постоянно выдвигали на видъ отождествленіе грѣха и глупости, удаляясь въ этомъ отношеніи отъ ученія теологовъ объ унаслѣдованномъ влеченіи ко злу и сходясь съ знаменитымъ проповѣдникомъ Гейлеромъ ф. Кейзерсбергъ.

Digitized by Google

во всѣхъ произведеніяхъ за исключеніемъ поэмы Боярдо былъ представляемъ какъ самый серьезный и доблестный изъ христіанскихъ героевъ, какъ цѣломудренный и разумный рыцарь, вполнѣ свободный отъ рабства любви, у Аріосто еще болѣе, чѣмъ у Боярдо, приблизился къ странствующимъ рыцарямъ и значительно уподобился Тристану [1]). У Боярдо Роландъ также поддается неразумной страсти, подъ вліяніемъ ея уклоняется въ сторону отъ своего высокаго призванія, ради нея молитъ однажды Бога о пораженіи Карла Сарацинами, но всецѣло не ослѣпленъ еще ею, хотя разумъ уже оказывается у него въ разладѣ съ сердцемъ [2]). Любовь не заглушила голоса совѣсти, долга и чести въ Боярдовомъ Роландѣ, и онъ не разъ испытываетъ душевную борьбу [3]), сознавая свой проступокъ, склоняется къ раскаянію, скорбитъ объ утѣсненіи, испытываемомъ Карломъ, не отрѣшается всецѣло отъ исполненія своихъ обязанностей и заботится объ обращеніи невѣрныхъ въ христіанство, хотя большею частью торжествуетъ въ немъ любовь [4]) не смотря на то, что она не настолько глубока, чтобы сосредоточиться на одной Анджеликѣ. У Аріосто Роландъ уже вовсе не помышляетъ о своихъ обязанностяхъ, хотя оставляетъ Карла среди чрезвычайной опасности, между тѣмъ какъ у Боярдо онъ удалился изъ Парижа, когда послѣднему не угрожала никакая осада. Аріосто прямо говоритъ намъ, что Роландъ былъ наказанъ безуміемъ за то, что, будучи предопредѣленъ отъ рожденія, какъ нѣкогда Сам-

---

[1]) Dunlop (въ переводѣ Liebrecht-a S. 76) повторяетъ мнѣніе Warton-a (ср. ib. прим. 145) о вліяніи романа о Ланселотѣ на поэму объ Аріосто.

[2]) Orl. innam., II, XIII, 51:

.....io stimo, *soperchio amore*
Gli desviasse da ragione il core.

[3]) Ib., II, IX, 46:

L'amor, l'onore, il debito e 'l diletto
Facean battaglia dentro dal suo petto.

[4]) Ib., 47.

Ben lo stringeva il debito e l'onore
Di ritrovarsi a la reale impresa,
E tanto più ch'egli era senatore,
E campïon de la romana Chiesa:
Ma quel che vince ogn'uom, io dico Amore,
Gli avea di tal furor l'anima accesa,
Che stimava ogni cosa una vil fronda,
Fuor che vedere Angelica la bionda.

Digitized by Google

псонъ, къ защитѣ святой вѣры [1]), оставилъ вѣрныхъ въ безпомощномъ состояніи, ослѣпленный нечестивою (incestuoso) любовью къ язычницѣ [2]). Примѣръ Роланда наводитъ поэта на неутѣшительныя разсужденія о любви вообще [3]). Въ печальномъ видѣ предстаютъ предъ нами и другіе христіанскіе рыцари Аріосто, въ плачевномъ положеніи оказываются Карлъ и его столица, и лишь подъ конецъ поэмы разсѣиваются тучи, и христіане торжествуютъ, послѣ того какъ возвращается разумъ Роланду, принесенный Астольфомъ въ бутылкѣ съ луны. Но, находя безуміе у древнихъ рыцарей и показывая, какъ они оставляли въ небреженіи самыя серьезныя обязанности, Аріосто не забывалъ и того, что

Di cortesia, di gentilezza esempj
Fra gli antiqui guerrier si vider molti [4]).

И Аріосто изобразилъ не только необузданную ярость, въ какую впадали рыцари, но также и примѣры ихъ великодушія [5]). Равнымъ образомъ, у него выведены не только такія женщины, какъ вѣроломная, невѣрная и развратная Ориджилла [6]), Габрина, непостоянная Дораличе, легкомысленная и пустая Анджелика [7]), но и образцы

---

[1]) Ср. Orl. Fur. XXIV, 10; въ переводѣ Батюшкова: «стрѣлы и камни сыплются напрасно: Орландо не уязвимъ. Его спасаетъ благодать небесная, которая предназначила его быть нѣкогда защитникомъ святой вѣры». Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. II, Спб. 1885, стр. 281.

[2]) Orl. Fur. XXXIV, 62—65. Апостолъ Іоаннъ въ этомъ разсказѣ уподобляетъ безуміе Роланда безумію Навуходоносора.

[3]) Въ переводѣ К. Н. Батюшкова (II, 273) начало XXIV-й пѣсни передано такъ: «Кто осмѣлится занести ногу свою въ сѣти любовныя, немедленно пойманъ бываетъ; напрасно желаетъ исторгнуться, напрасно; въ сѣтяхъ коварныхъ и крылья оставитъ (ср. выше соотвѣтственное разсужденіе Боккаччьо). Любовь есть забвеніе себя, вѣщаютъ мудрые. Если не каждый любовникъ доходитъ до бѣшенства Орландова, то все какъ-нибудь свое дурачество обнаружитъ, ибо не есть ли дурачество, друзья мои, забвеніе себя для гордой красавицы» и т. д.

[4]) Orl. Fur. XXXVI, 2; ср. 10.

[5]) См., напр., истинно рыцарское великодушіе Руджьеро въ отношеніи къ греческому принцу Льву.

[6]) Она измѣнила Грифону потому, что не могла

. . . . . di più patire
Ch'abbia in sì fresca età sola a dormire.

Orl. Fur. XV, 102.

[7]) Роланда она предпочла Медору (Аріосто разражается восклицаніями объ этомъ XIX, 31—32), и это-то повергло Роланда въ безуміе. Стансы XXIII-й пѣсни, передающіе первыя чувствованія Роланда послѣ того, какъ онъ началъ прозрѣвать поступокъ Анджелики, имѣются въ переводѣ Пушкина. — Эпизодъ о житьѣ Анджелики съ Медоромъ среди пастуховъ видимо подалъ Тассо идею эпизода о пребываніи Эрминіи у пастуховъ (у Тассо Эрминія также дѣлаетъ нарѣзки на деревьяхъ).

Digitized by Google

вѣрности, постоянства и чистоты, каковы Изабелла, Олимпія, Фьорделиза, Друзилла. Исторіи женскаго легкомыслія [1]) чередуются съ трогательными эпизодами о вѣрности женщины въ любви и стойкости въ цѣломудріи, доходящей до пожертвованія жизнью [2]). Говоря однако о такомъ серьезномъ чувствѣ, какъ любовь Брадаманты къ Руджьеро, поэтъ не преминулъ допустить насмѣшливое преувеличеніе, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ „Orl. Fur.“. Ясно, что въ поэмѣ Аріосто не преобладаютъ ни полная серьезность, ни сатира, ни скептицизмъ, ни иронія, ни шутка, а все это сливается въ своеобразное цѣлое. Аріосто совмѣщаетъ въ „Orlando Furioso“ веселую шутку, игривость, лукавую остроту съ примѣсью сатиризма, добродушную вольность, иронію, и за всѣмъ этимъ у него скрывается серьез-

---

[1]) Что до указанной выше въ XXVIII-й пѣснѣ, то она имѣетъ отношеніе къ 118-й новеллѣ Sercambi, на что указалъ Rajna въ Rendicolti dell'Accad. dei Lincei, 17 febbr. 1889, p. 268 seg. Къ этому эпизоду можно бы прибавить другіе. См., напр., пѣсни XLII—XLIII, гдѣ фигурируетъ поданная послѣ обѣда чара (parpo) съ виномъ, могшая указать пившему изъ нея мужу, вѣрна ли его жена, или нѣтъ. Эта диковинка заимствована Аріосто изъ бретонскихъ романовъ. Мы коснемся легенды о ней въ монографіи о генезисѣ Артуровой саги. Замѣтимъ здѣсь, что Ринальдо, поразмысливъ, отказался пить изъ предложенной ему чары, говоря:

Mia donna è donna, ed ogni donna è molle:
Lasciam star mia credenza come stasse...

Предложенное Ринальдо испытаніе могло бы, по его словамъ, имѣть для него тѣ же послѣдствія, какія извѣдалъ Адамъ;

Così se della moglie sua vuol l'uomo
Tutto saper quanto ella fece e disse,
Cade dell'allegrezze in pianti e in guai,
Onde non può rilevarsi mai.

Это одна изъ тѣхъ остроумныхъ и полныхъ житейской мудрости шутокъ (повторяемъ мнѣніе Шерра), которыя не разъ позволялъ себѣ Аріосто въ отношеніи къ женщинамъ и которыя встрѣчали такую же снисходительность со стороны послѣднихъ, какъ и подобныя язвительныя замѣчанія Боккаччьо.

[2]) Разумѣемъ эпизодъ въ XXIX-й пѣснѣ «Orl. Fur.» о смерти Изабеллы, не желавшей измѣнить своему умершему Zerbino. Аріосто представилъ въ этомъ эпизодѣ такое же художественное завершеніе поэтическихъ обработокъ сказанія объ Евфросіи, какое нашли въ Ромео и Джульеттѣ Шекспира древнія сказанія въ родѣ сказаній о любви Пирама и Тисбы, Геро и Леандра. См. цит. ст. Voigt-a, 28—30. Поэтъ напутствуетъ душу умерщвленной Изабеллы слѣдующимъ обращеніемъ (XXIX, 26—27):

Alma, ch'avesti più la fede cara,
E'l *nome, quasi ignoto e peregrino*
Al tempo nostro, della castitade
Che la tua vita e la tua verde etade;
Vattene in pace, alma beata e bella и пр.

Digitized by Google

ность міросозерцанія, которой и не предположитъ читатель, лишенный вдумчивости [1]). Въ цѣломъ поэма не внушала уваженія къ рыцарству и энтузіазма, но и не разрушала его обаянія [2]). Вѣрнѣе всего будетъ сказать, что мыслящаго читателя и слушателя она могла повергнуть въ грустное настроеніе, либо оставляла въ неопредѣленномъ состояніи подъ впечатлѣніемъ двойственности изображенія [3]), въ большинствѣ же могла лишь поддерживать эстетическій интересъ къ сказаніямъ о рыцарскомъ мірѣ, который предстаетъ у Аріосто въ чарующемъ блескѣ ярко разрисованныхъ, полныхъ жизни и выразительности, быстро и пестро смѣняющихся картинъ, не дающихъ читателю перевести духъ и поразмыслить и безпрестанно увлекающихъ его въ безпредѣльную даль. Поэма Аріосто не разрушала поэтической цѣны такихъ измышленій, какъ легенда о Мерлинѣ, „savio mago“, котораго не коснулась совсѣмъ иронія Аріосто. Что „Неистовый Рол.“ не былъ могильной плитой рыцарской легенды, лучше всего подтверждается послѣдующею исторіею рыцарской эпики [4]), не умершей, а продолжавшей жить въ Италіи, и тою популярностью, какою доселѣ поль-

---

[1]) Приведемъ хотя бы сужденіе Батюшкова (Сочин., т. III, 170), по словамъ котораго Аріосто «умѣетъ соединять эпическій тонъ съ шутливымъ, забавное съ важнымъ, легкое съ глубокомысленнымъ, тѣни съ свѣтомъ, умѣетъ васъ растрогать даже до слезъ, самъ съ вами плачетъ и сѣтуетъ и въ одну минуту и надъ вами, и надъ собою смѣется. Возьмите душу Виргилія, воображеніе Тассо, умъ Гомера, остроуміе Вольтера, добродушіе Лафонтена, гибкость Овидія; вотъ Аріостъ! Относительно «Путешествія на луну» Батюшковъ писалъ: «Это все мило и весьма забавно у стихотворца, потому, что объ этомъ онъ говоритъ не тѣмъ тономъ, какимъ говаривалъ Вольтеръ въ своей *Дѣвкѣ*, но съ удивительнымъ, однимъ словомъ—съ Лафонтеновымъ добродушіемъ, весьма серьезно, иногда съ жаромъ, иногда улыбаясь однимъ глазомъ». Др. отзывъ Батюшкова см. во II, 149—151, гдѣ сказано: «взоръ сего чудеснаго Протея обнимаетъ все мірозданіе» и т. п.

[2]) Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что говоритъ San-Marte, Die Arthur-Sage 1842, S. 66: «Ariost in seinem rasendem Roland mit feiner Ironie den Grund und Boden unterhöhlte, worauf die Arthurromane erwachsen waren». Мы видѣли, что Готье утверждаетъ то же относительно Пульчи.

[3]) Современники Аріосто замѣтили, напр., его двойственность въ отношеніи къ женщинамъ. Ок. 1540 г. въ Венеціи была напечатана книжка: «Due alfabeti uno contro le donne, et l'altro in suo favore, cavati dal famosissimo Ariosto».

[4]) Позднѣйшая итальянская драма также черпала по временамъ матеріалъ изъ поэмы Аріосто. Укажемъ на трагедію Тести «L'Isola d'Alcina» 1636 г. Въ прологѣ ея выведенъ Аріосто. Онъ говоритъ, что Аѳинская сцена могла изображать несчастія царей и обагряться кровію, итальянская же сцена должна быть свободна отъ того; она должна трогать лишь несчастіями влюбленныхъ. Тести подкрѣпилъ мелодраматизмъ, который послѣ него все болѣе и болѣе утверждался въ Италіи и исказилъ подлинную трагедію. Упомянемъ еще о трагедіи Медоръ (напеч. въ 1730 г.), написанной Delfino (род. 1617); въ началѣ ея, кажется, можно усматривать подражаніе «Aminta» Тассо. Во Франціи Quinaut написалъ по Аріосто оперу о Роландѣ (1685).

Digitized by Google

зуется „Неистовый Роландъ“ въ итальянскомъ народѣ, не перестающемъ страстно интересоваться необычайными приключеніями и подвигами паладиновъ Карла, міромъ гигантовъ, чародѣевъ, фей и мужественныхъ красавицъ, пускающихся въ опасныя авантюры и поиски за возлюбленными. Своими высокими художественными достоинствами поэма Аріосто плѣняла многихъ тонкихъ цѣнителей до нашего вѣка включительно.

Итакъ, въ концѣ развитія рыцарской эпики въ Италіи романы Артурова цикла взяли въ сущности верхъ надъ излюбленнымъ у итальянскаго народа Каролингскимъ эпосомъ, и достигли общенародной извѣстности, только—не въ подлинномъ своемъ видѣ, а въ сліяніи съ Каролингскими сказаніями, при чемъ французскій былевой эпосъ подвергся значительному преобразованію. Настроеніе и похожденія героевъ Круглаго Стола вошли въ общую схему Каролингскаго эпоса [1]) и въ этой формѣ держались въ итальянской литературѣ непрерывно, начиная съ XV в. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ переработкѣ Боярдовой и въ особенности Аріостовой романтика Круглаго Стола возродилась къ новой жизни и вновь еще разъ достигла громкой славы почти на всемъ европейскомъ западѣ.

На этотъ разъ она увлекала не новизною идеаловъ и фантастики, какъ въ XII—XIII вв., а художественнымъ претвореніемъ содержанія, накопленнаго литературною работою нѣсколькихъ вѣковъ, и объединеніемъ этого содержанія въ такой совокупности, какой не представлялъ до того времени романтическій эпосъ. То была высшая ступень, на какую взошла средневѣковая романтика, когда еще разъ достигла на время блеска передъ моментомъ окончательнаго упадка, или, лучше сказать, перелива въ романтику новую.

Если приглядѣться внимательнѣе къ этой итальянской формаціи романтики, то можно замѣтить, что авторы ея не проявили значительной производительности и оригинальности въ измышленіи и выказали мало собственнаго эпическаго творчества. Одною изъ наиболѣе характерныхъ внѣшнихъ особенностей въ схемѣ итальянской рыцарской эпики является удѣленіе виднаго мѣста воинственнымъ дѣвамъ [2]) какъ бы въ соотвѣтствіе роли, полученной женщи-

---

[1]) Мы видѣли, что даже Круглый Столъ былъ усвоенъ Карлу и его паладинамъ.

[2]) Уже G. Paris, Hist. poét., 195, отмѣтилъ появленіе въ «Aspramonte» мотива, который

Digitized by Google

ною въ событіяхъ итальянской исторіи въ періодъ Возрожденія [1]). Но, какъ мы видѣли, итальянцы сообщили въ этомъ отношеніи лишь дальнѣйшее развитіе поэтическому замыслу, встрѣчающемуся уже во французской эпикѣ [2]), а съ другой стороны подражали древнимъ сказаніямъ [3]). Включеніе воительницъ-дѣвъ въ канву рыцарской эпики внесло нѣкоторую отмѣну въ послѣднюю, приблизивъ эпосъ къ роману, но этимъ и ограничилась плодотворность нововведенія. Malagigi, на которомъ любили останавливаться итальянскіе поэты, и который выдвинулся въ итальянской рыцарской эпикѣ предпочтительно предъ Мерлиномъ не можетъ назваться столь характернымъ образомъ, какъ бриттскій волшебникъ. Вообще итальянцы внесли мало новаго въ содержаніе Каролингскаго эпоса, творческая переработка котораго преимущественно заняла вниманіе ихъ эпиковъ [4]), и тѣмъ менѣе оригинальности обнаружили они въ произведеніяхъ, прямо относящихся къ Артуровской эпикѣ или примыкающихъ къ ней [5]). Даже выдающіеся итальянскіе пѣвцы рыцарскихъ подвиговъ не выказали богатства фантазіи и способности къ оригинальнымъ по-

---

встрѣчается только въ изводѣ Reali, — выведеніе женщины-воительницы, часто съ той поры вызывавшее подражаніе. Въ томъ «Orlando», который послужилъ источникомъ для Пульчи, прекраснымъ образомъ воинственной дѣвы является Antea.

[1]) О virago времени Возрожденія см. Burckhardt, II, 136—137.

[2]) Мнѣнія P. Paris, Rajna, Castets о происхожденіи типа воинствующей дѣвы см. у Castets, 252—253.

[3]) Не слѣдуетъ забывать Пентезилеи, о которой Боккаччьо говоритъ въ книгѣ De Claris Mulieribus; тамъ же героинею одной главы является Camilla Volscorum regina. На Камиллу указывалъ Bini (p. 312, вѣроятно—вслѣдъ за Аріосто, который самъ сравнивалъ Брадаманту съ Ипполитой и Камиллой).—Сказанія о воинственной дѣвѣ тянутся, впрочемъ, чрезъ всѣ среднія вѣка. Врядъ ли эти сказанія имѣли отношеніе къ древнимъ повѣствованіямъ объ Амазонкахъ, имя которыхъ было извѣстно лишь ученымъ. См. *F. G. Bergmann*, Les Amazones, Colmar (1852), p. 28—30. Воинственныхъ дѣвъ знаетъ даже народная поэзія татаръ. См., напр., о Богатырь-дѣвицѣ въ «Богатырскихъ поэмахъ Минусинскихъ татаръ», Спб. 1856, стр. 12—13, 61 и слѣд.; ср. прим. на стр. 74.

[4]) По замѣчанію Castets, p. 253—254, есть мало общихъ данныхъ или интересныхъ подробностей, начала или примѣровъ которыхъ нельзя бы найти во французскихъ произведеніяхъ.

[5]) Итальянскія произведенія, относящіяся прямо къ бретонскому циклу, уступаютъ произведеніямъ Каролингскаго цикла; первыя—лишь переводы и передѣлки. Наиболѣе оригинальный изъ итальянскихъ вымысловъ въ области бретонскаго цикла—пріуроченіе мѣстопребыванія Артура къ Сициліи и помѣщеніе тамъ же Морганы. Что до сочиненія пророчествъ отъ имени Мерлина, то итальянцы подражали въ этомъ другимъ народамъ. Изъ рыцарей Круглаго Стола въ Италіи особымъ вниманіемъ пользовались Ланселотъ и Тристанъ, но характеры ихъ, какъ и другихъ рыцарей Круглаго Стола, мало измѣнились въ итальянскомъ творчествѣ.

Digitized by Google

строеніямъ. Это можно сказать не только о Пульчи [1]), Боярдо [2]), Тассо [3]), но и объ Аріосто, фантазія котораго, казалось бы съ перваго взгляда, была неистощима [4]). Главною заслугою и достоинствомъ корифеевъ итальянской рыцарской эпики слѣдуетъ считать своеобразное сочетаніе схемъ цикловъ Каролингскаго и Артуровскаго. Сліяніе этихъ цикловъ началось во Франціи, но въ Италіи оно получило особый характеръ, нигдѣ въ иномъ мѣстѣ не повторявшійся. Своеобразный колоритъ повѣствованія, оригинальная обрисовка дѣйствующихъ лицъ и мастерское построеніе [5]) романтическаго эпоса—главныя преобразованія, внесенныя итальянцами въ рыцарскую эпику, перенятую ими у французовъ. Можно прослѣдить шагъ за шагомъ послѣдовательное развитіе шутки и ироніи въ итальянскихъ переработкахъ французскаго эпоса, начиная съ ранняго и слабаго проявленія ея хотя бы въ мнимой заботѣ о точности повѣствованія [6]) и оканчивая созданіемъ типически очерченныхъ и рельефныхъ характеровъ [7]). Рыцарскіе подвиги и странствованія, а равно фантастика получили особое освѣщеніе, восприняли отпечатокъ настроенія италь-

---

[1]) О томъ, что его поэма въ значительной степени rifacimento Orlando—см. выше.

[2]) У Боярдо новыя, не встрѣчавшіяся дотолѣ въ эпосѣ, имена указаны главнымъ образомъ въ полчищѣ Сарацинъ, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что и въ ряду Сарацинъ, выступающихъ въ итальянскомъ эпосѣ, часто повторяются имена, которыя ранѣе встрѣчаются въ Chansons de geste и въ хроникѣ Турпина. Часто, впрочемъ, имѣли мѣсто легкія передѣлки и нѣкоторыя измѣненія какъ въ именахъ, такъ и въ характеристикѣ героевъ: извѣстная личность перемѣщалась, извѣстный характеръ видоизмѣнялся, иной типъ могъ повторяться. Castets, Recherches, 236—238; его же изд. Турпина, p. 28.

[3]) О Тассо нечего распространяться послѣ сказаннаго выше, изъ котораго явствуетъ, что поэма его—лишь талантливое сплетеніе древнихъ схемъ и вымысловъ съ новыми съ примѣсью лиризма.

[4]) Аріосто приписывали прежде, по крайней мѣрѣ, обширныя познанія въ рыцарской литературѣ, но теперь приходится ограничить и это.

[5]) Главнымъ элементомъ мастерства итальянскихъ эпиковъ является, по Burckhardt-у (II 68), «leichte Präcision in der Schilderung des Bewegten.

[6]) Напр., при перечисленіяхъ.

[7]) Такъ, по недоразумѣнію въ Италіи Estout изъ уроженца Lengres=Lengrois сталъ Englois, затѣмъ sire di Ingalterra, подъ именемъ Astolfo выдѣлился въ итальянскихъ рыцарскихъ поэмахъ на болѣе видное мѣсто, чѣмъ во французскихъ, и превратился въ рельефный комическій типъ, послѣдовательное развитіе котораго вполнѣ теперь выяснено путемъ сопоставленія обрисовки его въ цѣломъ рядѣ памятниковъ. См. у Gautier, Les épopées, III², 177—179, Castets, 238—244, Thomas-Nouv. rech., 37, 44, 52 и др. *Michelant*, Der roman von Escanor von, Gerard von Amiens, Tüb. 1886, p. 685, говоритъ о Keux: «L'Arioste'la pris pour type d'Astolphe».—Родомонте со своею дикою и неукротимою храбростію принадлежитъ къ характерамъ, наиполнѣе очерченнымъ у Аріосто. Онъ не разъ привлекалъ вниманіе рыцарской эпики послѣ Аріосто. Онъ выступалъ и во французскихъ фацеціяхъ Tabarin-а (XVII в.). О Родомонте въ народномъ представленіи современныхъ Сицилійцевъ см. у Pitrè., 344.

Digitized by Google

янскихъ поэтовъ времени Возрожденія, нѣсколько потѣшавшихся надъ рыцарскою любовною маніею и бреднями и во всякомъ случаѣ безъ энтузіазма и полнаго сочувствія повѣствовавшихъ о приключеніяхъ рыцарей. Крайности рыцарской любви, доходившія до смѣшнаго, были выдвинуты на первый планъ, а религіозная ревность рыцарства осталась въ тѣни. Оттуда пренебреженіе въ Италіи къ цѣлому отдѣлу бретонскихъ романовъ, посвященному св. Граалю, Персевалю и Галахаду, чѣмъ итальянская литература рѣзко отличается отъ средневѣковой нѣмецкой литературы. Такимъ образомъ, эксцентричности и преувеличенія, въ которыя впадало рыцарство, не встрѣтили одобренія въ Италіи, проявившей даже въ героической поэмѣ наклонность къ бурлеску, который удержался въ ней до позднѣйшаго времени. Эволюція мысли подъ вліяніемъ классицизма и иной складъ жизни устранили въ Италіи безплодный, чисто средневѣковой идеализмъ, который такъ долго держался, напр., въ Испаніи.

Но въ Италіи уцѣлѣлъ не только одинъ остовъ любовной рыцарской эпики, и существовало не одно только ироническое отношеніе къ ея идеализму. Благодаря процвѣтанію дворской жизни и весьма значительному вліянію поэзіи провансальской и французской, въ Италіи была также усвоена рыцарская идеализація любви, и не прошло безслѣдно заносимое туда рыцарское чувство; оно подвергалось лишь новымъ видоизмѣненіямъ. Послѣ Данте, воспѣвшаго любовь, охватывавшую и совмѣщавшую всѣ высшія стремленія человѣческаго духа, идеализація любви постепенно отрѣшилась отъ средневѣковаго мистицизма и держалась либо на уровнѣ платоническаго чувства Петрарки, который царилъ въ итальянской лирикѣ въ лицѣ своихъ многочисленныхъ послѣдователей вплоть до XVII в., либо переходила въ отвлеченный культъ красоты [1]), либо, наконецъ, уничтожалась наивнымъ матеріализмомъ Возрожденія или развратомъ (въ жизни).

---

[1]) Послѣдній имѣлъ исходнымъ пунктомъ философскую абстракцію, которою отличалась итальянская лирика уже начиная съ Болонской поэтической школы: пѣснѣ трубадуровъ былъ приданъ философскій оттѣнокъ, и дама превратилась въ отвлеченное существо. Въ періодъ Возрожденія къ этому теченію присоединилось вліяніе Платоновой философіи. Интересный фактъ увлеченія ею передаетъ Фичино, по словамъ котораго Лоренцо Медичи порѣшилъ возстановить «Platonicum convivium» и назначилъ архитриклиномъ Бандина. «Cum igitur septimum Novembris diem colere Bandinus instituisset, regio apparatu in agro Caregio novem Platonicos accepit convivas... Remotis dapibus, Bernardus Nutius Platonis accepit librum, qui convivium de amore scribitur: legitque omnes Symposii huius orationes, quibus lectis reliquos convivas oravit, ut singuli singulas orationes exponerent».

Digitized by Google

Вмѣстѣ съ тѣмъ укоренился культъ личнаго изящества, и сложился итальянскій типъ cavaliero, названіе котораго въ XVII в. вытѣснило даже во Франціи бывшее тамъ до того времени въ употребленіи слово chevalier [1]). Во всемъ этомъ сказывалось отчасти вліяніе бретонскаго цикла, который наглядно знакомилъ съ образцами рыцарственности, а также съ правилами рыцарской морали. Воздѣйствіе послѣдней также не замедлило обнаружиться.

Раннее моральное освобожденіе женщины въ Италіи было начато водворявшимся тамъ индивидуализмомъ и продолжалось отчасти подъ вліяніемъ романовъ Круглаго Стола и ихъ морали, которая согласовалась съ рыцарскою моралью вообще, проникавшею въ Италію [2]). Оттуда-то запрещенія со стороны нѣкоторыхъ писателей читать эти романы [3]): брет. циклъ наглядно воплощалъ принципы, разрушительно дѣйствовавшіе на старый семейный строй. Благодаря паденію послѣдняго въ итальянскомъ обществѣ времени Возрожденія держался по старому от-

---

[1]) Итальянцы XVI в. съ пренебреженіемъ отзывались о грубыхъ французскихъ рыцаряхъ. О проникновеніи слова *cavalier* во французскій языкъ въ XVII в. для обозначенія galant и gentilhomme см. Lexique de la langue de Corneille въ Oeuvres de P. Corneille, Nouv. éd. par Marty-Laveaux (Les grands écrivains de la France), t. XI, Par. 1862, p. 156.

[2]) Вліяніе трактата (Tractatus Amoris) Андрея капеллана усматривается уже въ XIII в. на ряду съ вліяніемъ Овидія—у Guittone d'Arezzo. Подъ вліяніемъ того же Андрея составленъ Dialogo d'amore, приписанный Боккаччьо; о подложности этого діалога см. у Hortis, 878—880. „Тринадцать вопросовъ любви", заимствованныхъ изъ Filocolo, являлись въ печати и отдѣльно: Hortis, 907—908.—Слѣды этой рыцарской морали выступаютъ наилучше въ ученіи объ идеальной любви (допускается и у Кастильоне), по которому благородная женщина можетъ, не роняя своей чести, любить достойнаго посторонняго человѣка (не мужа), лишь бы только эта любовь была сокрыта въ глубинѣ души и ничѣмъ не проявлялась. Такую же сокровенность долженъ былъ соблюдать и мужчина, питавшій идеальную любовь. Эта теорія примирялась съ ученіемъ, что

Feme qui vout son honour garder
Ne doit ne prendre ne donner.

Какъ увидимъ, она была въ ходу во Франціи еще въ XVI и XVII вв.—Замѣтимъ еще, что въ XVI в. въ Италіи интересовалъ вопросъ о чести правильной и неправильной, съ которымъ, можетъ быть, слѣдуетъ привести въ связь разногласіе относительно чести между Гварини и Тассо (въ ихъ пастушескихъ драмахъ; см. выше).

[3]) Франческо да Барберино писалъ: «Nec tibi tollo, ubi non omnino sunt vetera, que scribuntur de Tabula et de Hector et aliis, dummodo vilitates Cornwalliensium derelinquas, Tristanum propterea non obmitens». Thomas, Francesco da Barberino, 173. Bartsch вмѣсто слова «vetera» прочелъ «vana», но прибавилъ въ скобкахъ: undeutlich (Jahrb. f. rom u engl. Liter. XI, 45). Въ «Del reggimento e costumi di donna» Фр. да Барберино писалъ о дѣвушкѣ, достигшей возраста вступленія въ бракъ:

Fugga d'udir(e) tutti libri e novelle,
Canzoni, ed anchor trattati d'amore:
Ch'elgli è agievole a vincier la torre,
C'a dentro dassè l(o) nimico mortale.

Digitized by Google

рицательный взглядъ на женщину наряду съ прославленіемъ ея въ литературѣ, и не разъ происходили литературныя препирательства о достоинствѣ женщины. Въ средніе вѣка порицаніе женщины перевѣшивало чрезмѣрныя и потому уже недѣйствительныя похвалы ей. Въ итальянской литературѣ времени Возрожденія двойственное отношеніе къ женщинѣ было послѣдствіемъ не только рутины, но и несоотвѣтствія ея нравственнаго характера и степени внушаемаго ею уваженія положенію, которое она заняла. Въ началѣ Возрожденія въ Италіи любовь впервые поднялась надъ гнетомъ стараго обычая и условности, но это сопровождалось противоположною крайностію—ослабленіемъ значенія законнаго брака, въ силу чего въ литературѣ во имя свободы чувства подвергался осмѣянію мужъ и выдвигался любовникъ, торжествовавшій благодаря личнымъ его достоинствамъ. Въ жизни и литературѣ повторялся, слѣдовательно, основной мотивъ романа о Тристанѣ, сказаній о Кабестанѣ и т. п. Тѣмъ не менѣе, авторитетъ женщины (дѣйствительный, а не фиктивный, поэтическій) не падалъ, а возвышался [1]). То теченіе литературы, которое изстари было направлено противъ женщины, не исчезало [2]), и моралисты предъявляли ей суровыя требованія по старому, но преобладало защити-

---

Авторъ одной хроники, писавшій послѣ 1310 г., въ числѣ другихъ увѣщаній, оставленныхъ дѣтямъ, завѣщалъ: «Fabulas scriptas in Libris, qui Romanzi vocantur, vitare debeant, quos semper odio habui». Graf въ Giorn. V, 84.—См. еще приведенную выдержку изъ Laberinto d'Amore Боккаччьо. Напротивъ, итальянецъ Tommasino de'Cerchiari въ поэмѣ «Der Wälsche Gast», написанной около 1216 г., говоря о воспитаніи юношества, рекомендуетъ дѣвушкамъ, читать между проч., исторіи Энеды (раз. романъ объ Эрекѣ), Галіенны (раз. Roman de Fregus et Galienne) и Sôrdâmor (въ ром. Cligés сестра Gauvain-a): Der Wälsche Gast, hrsg. von Rückert, Quedlinb. u. Leipz. MDCCCLII, v. 1033—1038. Въ особенности полезно, по мнѣнію Томазина, чтеніе романовъ Круглаго Стола для юношей; онъ посвящаетъ цѣлый рядъ стиховъ обоснованію этой мысли (v. 1087 — 1162); изъ романическихъ героевъ рекомендуются для подражанія Gâwein, Clîes, Êrec, Iwein, Artûs, Tristand, Seigrimos, Kalogriânt, въ особенности Parzivâl; авторъ предостерегаетъ отъ слѣдованія примѣру Key (1041—1078).

[1]) Объ итальянской женщинѣ времени Возрожденія см. кромѣ указанныхъ монографій еще статьи *P. L. Cecchi*: «La donna e la famiglia italiana dal secolo XIII al secol XVI» въ Nuova Antologia 1878, fasc. XIX (1 ottobre) и XX (15 ottobre) и въ его же монографіи «Torquato Tasso e la vita italiana nel secolo XVI» 1877, 2-й отдѣлъ 1-й главы; ст. *E. Lynn Linton*: «Italian women in the middle age» въ The Fortn. Rev. 1888, Febr.; ст. Яничка (Janitschek): «Die Frauenfrage im Renaissancezeitalter» въ Die Nation № 21, 19. Februar 1887, извѣстна намъ по краткой замѣткѣ Geiger-a въ Zeitschr. f. Vergl. Litteraturg. etc., N. F., I Bd. 5. и 6. Heft, S. 491.

[2]) О произведеніяхъ противъ любви и женщинъ въ итальянской литературѣ до XVI в. включительно см. у Comparetti, Virgilio, II, 115. Статьи L. Valmaggi: «Dello spirito antifemminile in alcune comedie del cinquecento» въ Gazzetta letteraria 1888 (XII) мы не видѣли. «Proverbia sup. natura feminarum» написаны итальянцемъ; объ источникѣ см. Romania XV, 603 и слѣд.

Digitized by Google

тельное настроеніе [1]), и выдвигалось требованіе равноправности, соотвѣтствовавшее болѣе или менѣе видному положенію, которое заняли женщины въ періодъ Возрожденія. Онѣ были просвѣщенны, иногда не уступали мужчинамъ въ образованіи, были способны къ дѣятельности въ государственномъ управленіи и принимали участіе во всемъ. Онѣ много содѣйствовали прогрессивному движенію общественной культуры, въ томъ числѣ поэзіи и языка, и нѣсколько умѣряли и облагороживали общественность Возрожденія [2]). Благодаря женщинамъ къ вопросамъ философскимъ и филологическимъ, которыми занимались тогдашніе просвѣщенные и ученые люди, примѣшивались вопросы, касавшіеся сердца [3]). Всѣмъ этимъ вводились новыя начала въ этическую концепцію жизни. Начинателями этого переворота, повторяемъ, были отчасти романы бретонскаго цикла.

Таково было воздѣйствіе романовъ Круглаго Стола на итальянскую поэзію и жизнь до второй половины XVI в. Оказывается, что и итальянцы, при всемъ отличіи интеллигентнаго общества ихъ отъ знати остальной Европы, даже въ пору преклоненія предъ Гомеровскимъ эпосомъ, Энеидою и поэтикою Аристотеля, не остались чужды значительнаго вліянія рыцарско-романтической эпики и увлекались ею, сопровождая повѣствованія ея то добродушно веселой или же нѣсколько иронической улыбкой, то полусерьезной или даже вполнѣ искренней [4]) вѣрой въ доблесть стараго рыцар-

---

[1]) См., напр., La Defensione delle Donne d'autore anonimo. Scrittura inedita del sec. XV ora pubblicata a cura di Fr. Zambrini. Bol. 1876. Разсказы о женской доблести есть у Domenichi, La nobiltà delle donne, и въ Cortegiano Кастильоне.

[2]) Вспомнимъ хотя-бы правило не разсказывать предъ дѣвушками неприличныхъ исторій.

[3]) О любовныхъ трактатахъ XV и въ особенности XVI в. см. въ Rosi, Saggio sui trattati d'amore del cinquecento: contributo alla storia dei costumi italiani nel secolo XVI. Recanati 1889. Трактаты эти заключаютъ, по большей части, монотонное повтореніе древнихъ теорій любви. На рус. яз. см. въ этюдѣ Ѳ. И. Буслаева: «О значеніи современнаго романа и его задачахъ».— Въ романахъ иногда также какъ бы рѣшались вопросы любовной теоріи, какъ, напр., въ Historia di Aurelio & Isabella, nella quale se disputa, chi piu da occasione di peccare l'huomo alla Donna, o la Donna a l'huomo da Gio, Di Fiori (1533, 1548 и др.). Въ сборникахъ новеллъ иногда видное мѣсто отводилось разсужденіямъ и элементу морализаціи, каковой обычай удержался до поздняго времени. См., напр., Il fvggilozio di Tomaso Costo Diuiso in otto giornate, ove da otto gentilhuomini e due Donne si ragiona delle Malizie di femine, e trascuragini di mariti etc. In Venetia MDCIIII.—Развлеченія знатнаго общества, въ родѣ описаннаго въ Filocolo, состоявшія въ рѣшеніи вопросовъ изъ области любви, проникшія въ Италію, повидимому, изъ Прованса, продолжались, какъ мы видѣли, и въ XVI в. См. еще данныя, приведенныя въ статьѣ Renier въ Giorn. stor. d. l. it. XIII. 382—384.

[4]) Разумѣемъ простой народъ.

Digitized by Google

ства. Конечно, романтика была въ Италіи цвѣткомъ, принесеннымъ извнѣ, и нерѣдко являлась принадлежностью эстетической забавы, а не серьезнаго увлеченія; это будетъ понятно, если вспомнимъ, что уже Данте, открывающій Возрожденіе въ Италіи, при свѣтѣ новаго идеала послалъ умиравшее средневѣковое общество въ „aer bruno“ (въ адъ). Оттого романтика Круглаго Стола въ ея подлинномъ видѣ не вызывала полнаго энтузіазма въ Италіи. Она увлекала тамъ болѣе въ чисто мѣстной передѣлкѣ. При этомъ въ итальянской литературѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ, обнаружилось ироническое отношеніе къ идеаламъ рыцарства и даже прямое осмѣяніе ихъ въ оригинальномъ, чисто итальянскомъ родѣ бурлескной поэмы; но то было осмѣяніе столь же не глубокое, какъ не глубоко было и воспроизведеніе эпики Круглаго Стола въ итальянской поэзіи, смѣшавшее различныя начала романтики безъ особаго разбора. Итальянская поэзія ранѣе Сервантеса обнаружила гротескъ рыцарскаго энтузіазма, но Боярдо и Аріосто не разрушили этого энтузіазма: ихъ поэмы, въ особенности „Orlando Furioso“, что бы ни говорили о трагизмѣ послѣдняго, мало затрогивали глубокую коллизію, выникавшую изъ несоотвѣтствія рыцарскаго идеала, все еще столь дорогаго для многихъ людей переходнаго періода, жизни и духу новаго времени. Гораздо лучше оттѣнили Боярдо и Аріосто безбрежный горизонтъ рыцарства, который не разъ вызывалъ ихъ шутку.

Потому-то и послѣ поэмы Аріосто рыцарскій эпосъ долго еще былъ излюбленнымъ родомъ литературнаго творчества въ Италіи. Трудно даже представить себѣ, сколь популярны были тамъ паладины въ первыя десятилѣтія XVI в. Не удивительно, что было предпринято много подражаній „Неистовому Роланду“: ихъ насчитываютъ до 60. Въ числѣ поэтовъ, пробовавшихъ свои силы въ этомъ родѣ творчества, былъ Пьетро Аретино, начавшій-было въ 1527 г. огромный эпосъ „Marfisa“. Поэма Аретино долженствовала служить продолженіемъ „Неистоваго Роланда“, авторъ котораго почтилъ своего послѣдователя въ 1532 году эпитетами „divino“ и „flagello de'principi“. Но грандіозный и гордый проектъ Аретино создать поэму, подобную Orlando Innamorato и Orl. Fur., и прославить въ ней (конечно—за деньги) домъ Gonzaga, какъ Аріосто прославилъ Эсте, не былъ осуществленъ, и отъ этой крупной затѣи остались лишь три пѣсни „Marfisa“. Въ нихъ повѣствованіе начи-

Digitized by Google

нается съ того момента, въ который остановилось дѣйствіе поэмы Аріосто, и нѣтъ законченности. Поссорившись съ Гонзагой, Аретино вздумалъ-было посвятить злосчастную поэму другому милостивцу, а потомъ и совсѣмъ оставилъ начатую работу и сжегъ нѣсколько тысячъ написанныхъ стансовъ, о чемъ можно не жалѣть, судя по сохранившемуся отрывку [1]). Была доведена до конца, но также безъ успѣха, и та попытка, которую предпринялъ Аламанни. Франсуа I и затѣмъ Генрихъ II надѣялись увидѣть въ этомъ поэтѣ втораго Аріосто, и Франсуа поручилъ Аламанни изложить въ итальянскихъ стихахъ романъ о Guiron-ѣ, который, по мнѣнію рыцарственнаго короля Франціи, былъ выше другихъ рыцарскихъ романовъ. Ожиданія оказались обманутыми послѣ выполненія [2]). Напрасны были усилія и другихъ поэтовъ поравняться съ Аріосто. Но всѣ подобныя попытки достопримѣчательны, свидѣтельствуя о томъ, какъ оживленъ былъ интересъ къ рыцарскому эпосу въ Италіи XVI в. Всѣ читали выдающіяся произведенія этого эпоса, даже cortigiane, имѣвшія притязанія на литературное образованіе. Рыцарь все еще оставался модным и, по мнѣнію многихъ, передовымъ типомъ въ литературѣ и жизни.

Въ рыцарѣ же воплотилъ свои идеалы и съ исторіею его похожденій связалъ свой протестъ противъ остатковъ средневѣковой старины знаменитѣйшій изъ представителей бурлеска и реализма въ итальянской поэзіи XVI в., Фоленго, питавшій средневѣковую ненависть къ вилланамъ и ко всѣмъ другимъ классамъ общества, которые пребывали въ косности и рутинѣ. Какъ герой Macaronеae Бальдъ въ юности вмѣсто скучныхъ школьныхъ учебниковъ читалъ рыцарскія книги:

...Orlandi nasare volumina coepit [3]),

такъ, вѣроятно, увлекался этими повѣствованіями и Фоленго въ годы посѣщенія университета. Не удивительно потому, что рыцарскія поэмы

---

[1]) См. данныя о «Марфизѣ» въ книгѣ *Luzio*: Pietro Aretino nei primi suoi anni a Venezia e la corte dei Gonzaga, Tor. 1888, p. 20 и слѣд.

[2]) Varchi, однако, ставилъ Girone выше Orl. F., надъ чѣмъ посмѣялся Lasca.

[3]) Въ первой редакціи Macaronеae говорится:

. . . . . tantum fera bella Rinaldi
Orlandique placent, animans se talia cernens.

Во второй редакціи въ ряду излюбленныхъ книгъ Бальда первое мѣсто получаетъ Аріосто, съ Orlando котораго авторъ успѣлъ тѣмъ временемъ ознакомиться.

Digitized by Google

оказали значительное вліяніе на составъ *Macaroneae*, въ которыхъ Фоленго постепенно [1]) все шире, смѣлѣе и сильнѣе выражалъ свое негодованіе противъ испорченности клира во всемъ его составѣ, начиная съ папъ, противъ схоластической науки, смѣялся надъ нравами своего времени и т. д. Реализмъ и юморъ совмѣщаются въ поэмѣ Фоленго съ подробностями, заимствованными изъ рыцарскихъ романовъ, и съ фантастикою [2]), также отчасти почерпнутою изъ послѣднихъ. Родители Бальда принадлежатъ къ средѣ, о которой повѣствовали старыя итальянскія рыцарскія поэмы, и въ исторіи этихъ родителей дается описаніе Montalbano, турнира, на которомъ влюбился и затѣмъ отличился отецъ Бальда и т. п. Главныя дѣйствующія лица Macaroneae совершаютъ свои продѣлки, а затѣмъ баснословные подвиги сначала въ реальномъ мірѣ, а потомъ, какъ бы сдѣлавшись странствующими рыцарями, — въ фантастическомъ мірѣ чаръ, колдуній, чудищъ, исчадій ада и превращеній

---

[1]) Въ трехъ несомнѣнно принадлежащихъ Фоленго редакціяхъ поэмы о Бальдѣ Luzio [въ окончаніи статьи: «Nuove ricerche sul Folengo», помѣщенномъ въ Giorn. stor. d. l. it., XIV, 373—417; этою статью мы пользовались для указанія отмѣнъ въ недоступныхъ намъ изданіяхъ поэмы Фоленго] видитъ послѣдовательное усиленіе элементовъ комизма, пародіи, сатиры и тенденціозности, а также усовершеніе живости и изобразительности языка благодаря тому, что въ послѣднемъ все болѣе и болѣе берутъ верхъ элементы народные и діалектическіе. По мнѣнію Luzio, редакція, которую представляетъ первое изданіе (1517 г.), окончательно сложилась во время пребыванія автора въ монастырѣ; во время своего студенчества Фоленго могъ написать лишь нѣсколько отрывковъ. Вторая редакція (1521 г.), по Luzio,—какъ бы совсѣмъ новое произведеніе. Еще болѣе глубокія измѣненія замѣчаются въ третьей редакціи [редактирована въ 1530 г.; въ свѣтъ могла выйти не позже 1534 г.; эта третья редакція была воспроизведена Boselli въ изданіи 1555 г.]; послѣдняя наиболѣе совершенна въ отношеніи художественности, и въ то же время въ ней получила наибольшее развитіе сатирическая часть поэмы. Съ этимъ мнѣніемъ не соглашается Portioli (Le Opere Maccheroniche di Merlin Cocai, vol. III, Mantova 1889), отдающій предпочтеніе изданной имъ второй редакціи (Le Opere Maccheroniche di Merlin Cocai, vol. I—II, Mant. 1882—83). Равнымъ образомъ Portioli возражаетъ противъ устанавливаемой Luzio даты рожденія Фоленго (1496 г.) и вступленія въ монастырь. Если принять указанія Portioli, то выходитъ, что Фоленго слушалъ университетскія лекціи уже послѣ вступленія въ монастырь и занялся макароническимъ эпосомъ, когда на время (около 1515 г.) оставилъ монастырь, не слагая монашескаго званія, и посѣщалъ Болонскій университетъ. Съ этимъ предположеніемъ согласовалось бы и то, что уже въ первой редакціи Macaroneae встрѣчаются весьма удачныя мѣста, которыя врядъ ли могли выйти изъ-подъ пера мальчика. Ср. замѣчанія Gaspary въ Zeitschr. f. rom. Phil. XIII (1890), 590—594, и въ № 5 «Literaturbl. f. germ. u. rom. Phil.» 1890. Gaspary также считаетъ недоказанною дату 1496 г.

[2]) Авторъ говоритъ:

Phantasia mihi quaedam fantastica venit
Historiam Baldi musis cantare novellis.

Варіантъ къ послѣднимъ тремъ словамъ изъ втораго изданія: grossis cantare camoenis

Digitized by Google

въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорится въ рыц. романахъ. Так. обр., наряду съ изученіемъ дѣйствительности и мѣткими наблюденіями надъ нею матеріалъ поэту доставили произведенія рыцарской эпики, въ числѣ другихъ—поэмы Пульчи [1]) и Боярдо [2]). Элементъ сатиры, выступившій въ „Orl. Fur.“, между проч., въ путешествіи Астольфо на луну, былъ воспринятъ и Фоленго, который, ознакомившись съ поэмою Аріосто, сталъ пламеннымъ почитателемъ его, что̀ явственно сказывается во второмъ изданіи Масагопеае [3]), гдѣ Бальдъ напоминаетъ Орландо.

Не должно однако упускать изъ виду рѣзкое отличіе Бальда отъ Роланда. Фоленго не одобрялъ любовной маніи рыцарства [4]), не долюбливалъ женщинъ [5]), и потому его любимецъ Бальдъ свободенъ

---

[1]) Тонъ Фоленго наиболѣе подходитъ къ тону эпизода о Маргуттѣ. На отношеніе къ Il Morgante указалъ какъ бы самъ Фоленго, говоря о происхожденіи Фракасса и Чингара.

[2]) У Боярдо заимствованы нѣкоторыя приключенія и бурлескныя подробности.

[3]) Въ послѣдней книгѣ Масагопеае во второй редакціи говорится, что нисколько не ниже Петрарки

Magnus Ariostus, laus, gloria, palma Ferarae.

Съ поэмою Аріосто Фоленго ознакомился уже по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія Масагопеае. Подобно Аріосто (это мѣсто Orl. Fur. приведено нами выше) и Фоленго выражаетъ *рыцарское* негодованіе противъ огнестрѣльнаго оружія.

[4]) Мы видѣли, что, говоря о любви Tonellus-а къ Zanina, Фоленго въ Zanitonella представилъ пародію на тогдашнее пристрастіе къ писанью любовныхъ канцонъ. Въ Масагопеае Фоленго саркастически относится къ тому, что придворные обабились. Онъ вспоминаетъ доброе старое время,

Quum rex ille produs, rex ille bonissimus Artu
Egregiam tenuit chortem, tavolamque rotundam.

I cortigiani времени Фоленго не столько походятъ на мужчинъ, сколько на блудницъ. Противно глядѣть, какъ они кружатъ на мулахъ вокругъ экипажа своихъ нимфъ, лепеча сонеты и мадригалы.

[5]) Въ 1-й редакціи поэмы о Бальдѣ Фоленго отзывается о женщинахъ съ монашескимъ ужасомъ; во 2-й редакціи такое отношеніе сглажено, но все же Фоленго любилъ саркастическія выходки о нихъ. Въ 3-й редакціи въ эпизодѣ о путешествіи по морю, когда поднялась буря и рѣшено было, чтобы каждый бросилъ жадному морю, что было у него потяжеле, Boccalo бросаетъ въ море жену:

. . . . . qua non
Turpior altra fuit, nec plus diavolata marito,
Slanzat eam longe, cridans: i, merda diabli,
I, qua non habeo maiori pondere somam.

Чингара, по сообщенію 3-й редакціи, также прежде удручала прескверная жена, и онъ прекрасно отъ нея отдѣлался. Потому-то онъ весьма сочувственно отнесся къ поступку Боккало, одобренному и другими героями.—Средневѣковая легенда о Виргиліи въ корзинѣ повторена у Фоленго въ новомъ приспособленіи, но продѣлка со старикомъ, помышлявшимъ о любви, была устроена не женщиною, а Чингаромъ.

Digitized by Google

отъ крупнаго недостатка Роланда, отъ безумной любви къ

La gran beltà che al gran signor d'Anglante
Macchiò la chiara fama e l'alto ingegno [1]).

Повидимому, идеалъ рыцаря рисовался воображенію Фоленго отлично отъ того вида, въ какомъ представало рыцарство, изображенное въ поэмахъ Боярдо и Аріосто. Со своимъ произведеніемъ, не чуждымъ аллегоріи [2]), Фоленго соединялъ, вѣроятно, особый моральный смыслъ, какъ склоненъ былъ находить таковой и въ поэмѣ Аріосто [3]). По словамъ предисловія къ 3-му (Чипадескому) изданію поэмы о Бальдѣ, и читатели предполагали, что за внѣшнею ея фабулою скрывается особое значеніе [4]). Оставляя послѣднее въ сторонѣ, скажемъ, что въ рыцарскихъ эпизодахъ Macaronеae есть немало комизма [5]), и Бальда кромѣ того нельзя назвать рыцаремъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Что до пародированія рыц. эпики въ поэмѣ Фоленго, то культъ рыцарства не могъ отъ того пострадать, хотя макароническій эпосъ о Бальдѣ пользовался значительнымъ успѣхомъ [6]). Сила таланта Фоленго сказывалась преимущественно въ удивительной наблюдательности, въ воспроизведеніи хорошо знакомой ему дѣйствительности и въ замѣчательной по своему реализму и живости детальной обрисовкѣ; въ особенности удались Фоленго сцены изъ народной жи-

---

[1]) Слова Аріосто.

[2]) Въ предисловіи къ третьей редакціи издатель заявилъ, что авторъ не отрицалъ «questo tale poema essere al tutto fuora di qualche allegorico senso».

[3]) Узнавъ о смерти Аріосто въ 1533 г., Фоленго писалъ въ предисловіи къ Humanità del figliuolo di Dio: «Fortunato vecchio che in così grave, acconcio et ben limato stile cagion ha porto a la molle giovinezza di ritrarsi hoggimai da giochi putte et altre infinite malfatte cose a l'honoratissime studio delle lettere, alla grandezza de l'arme, et finalmente ad ogni atto generose di cortesia, le quali tutte cose ponno essere chiamate le fide scale a salire più in alto et ritrovare il nostro principale oggetto, et riconoscitolo ad altro non fermar più oltre il pensiero che morire nel signore et dispensatore d'eterni beni». Сторонники взглядовъ Райны и Скрокки на поэму Аріосто могли бы воспользоваться этимъ сужденіемъ.

[4]) « . . . nata et cresciuta non so che sciocca et al tutto falsa openione, non meno da chi sanne recevuta che da colore non sanne: che cotesto volume di favole non sia dentro tale quale di fuori si mostra essere, ma che dallo istesso Autore siano sotto ruvide scorze ingeniosissime allegorie istate nascose»...

[5]) Вполнѣ въ серьезномъ тонѣ выдержаны тѣ эпизоды, въ которыхъ выступаетъ Сордельо.

[6]) Послѣ изданія 1521 г. до 1618 г. вышло 12 изданій Macaronеae; затѣмъ вышло по одному изданію въ XVII и XVIII вв.—Что до вліянія Фоленго на Рабле, то оно давно указано; см. *Chasles*, Etudes sur W. Shakespeare, Marie Stuart et l'Arétin, Par. 1851, p. 314, 318.

Digitized by Google

зни. Грубый же нерѣдко реализмъ, внесенный Фоленго въ рыцарскую часть поэмы, не подрывалъ рыцарской фантастики [1]). Точно также была безсильна и пародія Аретино.—Никто, слѣд., не поднялся въ ироническомъ отношеніи къ рыцарству выше Аріосто и Боярдо, поэма котораго была подновлена Берни и подогнана къ „Orlando Furioso".

Такимъ образомъ, рыцарство и эпосъ, посвященный его возвеличенію, продолжали занимать видное мѣсто въ поэзіи. Педанты, какъ Триссино, пытались-было противопоставить рыцарской поэмѣ эпосъ, вполнѣ построенный по древнимъ правиламъ и образцамъ, но усилія ихъ окончились безславіемъ.

Должно однако признать, что старая рыцарская романтика (романы бретонскаго цикла и итальянскія передѣлки ихъ) уже не удовлетворяла читателей второй половины XVI в. [2]). Сравнительно мало успѣха имѣло и подновленіе ея въ поэмѣ объ Амадисѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рыцарскій эпосъ привходило начало, вліяніе котораго открываютъ уже у Аріосто [3]): вторгался классицизмъ и неразлучное съ нимъ требованіе правильности построенія взамѣнъ безпорядочности, изначала царившей въ рыцарскомъ эпосѣ и романахъ.

---

[1]) См. ст. Gaspary въ Literaturblatt f. germ. u. rom. Phil. 1883, № 11, S. 436.

[2]) Характерно, что Er. Valvasone (1523—1593), написавъ «Poema sopra la caccia», одобренную Т. Тассо, и четыре пѣсни Ланселота, оставилъ этотъ романъ неоконченнымъ и принялся за поэмы религіознаго содержанія: о подвигѣ Юдиѳи, о раскаяніи Магдалины и о возстаніи ангеловъ. Въ послѣдней поэмѣ онъ не разъ обнаруживаетъ вліяніе древнихъ эпиковъ. Въ «Epistola dedicatoria» онъ ссылается на «l'esempio del Sanazzaro, e del Vida, e d'altri Latini». Тамъ же онъ ставитъ вопросъ, почему бы «molte persone, alle quali pur Santa Chiesa come indulgente madre consente qualche onesto e dicevole trastullo, dico anco della medesima Poesia, non avessero così bene a ricorrer per loro diporto alle Istorie religiose cantate leggiadramente in versi, come fanno alle meraviglie de'cavalieri erranti, o alle bellezze di M. Laura? Gli autori delle quali, perchè sono più onesti, che non furono i Greci nè i Latini, ogni dì si leggono, ogni dì si stampano e si vendono». Упомянувъ объ одобреніи, встрѣченномъ сонетами и канцонами, авторы которыхъ, оставивъ любовныя измышленія, обратились къ темамъ религіознымъ и моральнымъ, Вальвазоне спрашиваетъ: «non deve ciò parimente permesso agli Epici? È stato, e meritamente lodato il Tasso, che poetando attorno una istoria religiosa, ci ha invitati ad una lezion se non sacra, almen pia». L'Angeleida di Erasmo di *Valvasone* ridotta alla vera lezione, Udine M. DCCC. XXV, p. XIII—XIV, XVIII—XIX, XLVII. Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что въ творчествѣ Вальвазоне въ малыхъ размѣрахъ повторился тотъ процессъ, который въ грандіозныхъ размѣрахъ выразился въ жизни и творчествѣ Тассо.

[3]) Canello вслѣдъ за Райной признаетъ, что Аріосто положилъ начало подведенію романа подъ типъ древняго эпоса: Аріосто выказалъ бо́льшее, чѣмъ его предшественникъ (Боярдо), уваженіе къ классической поэзіи, заимствуя изъ древнихъ авторовъ, и проявилъ болѣе художественнаго такта, сообщивъ надлежащую мѣру характерамъ, изобрѣтеннымъ Боярдо. Ztschr. f. rom. Phil., I, 127.

Digitized by Google

Разгулъ фантазіи Аріосто и его послѣдователей, дошедшихъ до крайняго отрѣшенія отъ исторической и реальной почвы и обращавшихся весьма вольно даже съ традиціонными вымыслами, такъ, наконецъ, наскучилъ нѣкоторымъ, а съ другой стороны настолько усилилось вліяніе классицизма, что въ области рыцарской романтики должна была наступить реакція. Во второй половинѣ XVI в. возникла борьба между сторонниками средневѣковой свободы романа и поборниками классицизма, желавшими втиснуть романтику въ рамки древняго эпоса. Въ результатѣ получилось возвышеніе рыц. романа на ступень искусственной поэмы, но не полное: романтика отстояла себя.

Эта стадія въ литературномъ развитіи средневѣковой романтики характеризуется поэтическою дѣятельностью Тассо.

Тассо принадлежалъ къ числу поэтовъ, которые не удовлетворялись романтическимъ разгуломъ фантазіи и пестротою романтическаго эпоса и желали бы видѣть въ послѣднемъ строгое единство. Уже въ годы студенчества въ Падуѣ Торквато разстался съ колебаніями своего отца, не рѣшавшагося вполнѣ подчинить романъ древнимъ правиламъ и образцамъ; уже въ то время подъ вліяніемъ лекцій Sigonio, изъяснявшаго поэтику Аристотеля, бесѣдъ въ кружкѣ Сперони и совѣтовъ своего друга Danese Cataneo, внушившаго ему идею Gerusalemme, Торквато призналъ авторитетъ Аристотелевыхъ правилъ и выработалъ теорію, которой и слѣдовалъ потомъ какъ въ Rinaldo, такъ и въ Gerusalemme [1]). По этой теоретической тенденціи своего труда и по неумѣнію вполнѣ отрѣшиться отъ выраженія своихъ мыслей согласно съ формами, полученными отъ школы, Тассо—поэтъ Возрожденія. Онъ замыслилъ реформу въ сферѣ эпическаго творчества: онъ задумалъ воспѣть, придерживаясь древней поэтики, то самое рыцарство, которымъ занимались романы, но желалъ при этомъ опереться на исторію, изобразивъ его не въ фантастической обстановкѣ, а въ чисто историческомъ подвигѣ его,—подвигѣ крупнаго историческаго значенія, словомъ хотѣлъ дать героическую поэму. Привели Торквато къ мысли о такой реформѣ школьныя занятія и

---

[1]) Подробныя библіографическія указанія см. въ замѣткѣ Crescini о книгѣ Malmignati: «Il Tasso a Padova, suo primo amore e poesie giovanili» ecc., Padova—Verona 1889,—въ Zeitschr: f. rom. Phil., XIII, 568—569.

Digitized by Google

желаніе примирить авторитетъ теоріи, передъ которою онъ преклонялся, со свободою творчества, которою отличалась до того времени романтика. Между тѣмъ характеръ и жизнь поэта направили его къ чисто романтическому творчеству. Рано извѣдавъ сердечное влеченіе [1]), Тассо, въ отличіе отъ древнихъ поэтовъ, пожелалъ ввести въ свою поэму любовь, какъ источникъ героизма, слѣдуя примѣру новыхъ — именно испанскихъ — поэтовъ, которыхъ онъ ставилъ выше французскихъ романистовъ бретонскаго цикла [2]). Въ Феррарѣ Тассо окончательно проникся рыцарскимъ настроеніемъ, которое съ дѣтства входило въ его душу подъ вліяніемъ занятій отца рыцарскою эпикою, а затѣмъ было оживлено работою надъ поэмою о Ринальдо. Тассо былъ одновременно и поэтъ и рыцарь, готовый мужественно идти на смерть за то, что было ему дорого [3]), и призывавшій дру-

---

[1]) Тассо испыталъ первую любовь уже во время студенчества въ Падуѣ, когда онъ любилъ Эрминію Pioveno, о чемъ говорится въ книгѣ Malmignati.

[2]) Въ «Discorso del poema eroico» Тассо говоритъ, что героическими могутъ быть признаны и дѣянія, обусловленныя любовью: «Se l'amore è non solo una passione, e un movimento dell'appetito sensitivo, ma uno habito nobilissimo della volontà, come volle san Thomaso, l'amore sarà più lodevole negli heroi, e per consequente nel poema heroico: ma gli antichi o non conobbero questo amore, o non volsero descriverlo negli heroi: ma se non honorarono l'amore come virtù humana, l'adorarono quasi divina, però niuna altra doverano stimar più conveniente agli heroi...» Поэты новаго времени, какъ скоро говорятъ не о божественной любви, имѣютъ возможность изображать рыцарскую любовь, «какъ постоянное свойство воли». Ее изображаютъ, между проч., испанскіе писатели, не прибѣгавшіе къ риѳмѣ и столь мало кичливые, что до потомства дошли имена лишь немногихъ изъ нихъ. Кто бы ни былъ описавшій любовь Амадиса къ Оріанѣ, онъ заслуживаетъ бо́льшей хвалы, чѣмъ французскіе писатели, не исключая изъ нихъ и Arnaldo Danielle, писавшаго, по словамъ Данте, о Ланселотѣ (sic; см. выше объ ошибочности этого мнѣнія). Если бы Данте прочелъ Амадиса Гальльскаго, или Греческаго, или Пригаделона, онъ, могло статься, перемѣнилъ бы свое мнѣніе о Ланселотѣ: «perchè più nobilmente, e con maggior costanza sono descritti gli amori da poeti spagnuoli, che da francesi, se pur non merita d'esser tratto da questo numero Girone il Cortese, il quale castigò così gravemente la sua amorosa incontinenza alla fontana: ma senza fallo è maggiore loda havere in guisa disposto l'animo, ch'alcuno affetto non possa prender l'arme contra la ragione».—Въ апологіи своего Іерусалима Тассо писалъ объ испанскомъ Амадисѣ, что, по мнѣнію многихъ и его собственному, этотъ романъ «è la più bella che si legga fra quelle di questo genere, e forse la più giovevole, perchè nello affetto e nel costume si lascian addietro tutte l'altre, e nella varietà degli accidenti non cede a alcuna che da poi o prima fosse stata scritta». Ср. еще приведенную нами выше выдержку изъ діалога «delle virtù».

[3]) Въ одномъ сонетѣ Тассо сравниваетъ себя съ Икаромъ и Фаэтономъ, погибшими вслѣдствіе дерзкаго и безразсуднаго самолюбія, «но—продолжаетъ онъ—какая опасность можетъ устрашить ободряемаго любовію? Страстная Діана не вознесла ли на небо младаго поселянина горы Иды»? Какъ Донъ Кихотъ, Тассо готовъ былъ идти на смерть за свою возлюбленную. См. сонеты: «Sdegnò debil guerrier, campione audace» ec., и «Donna della mia fè segno sì chiaro» ec. Извѣстенъ, далѣе случай, когда Тассо со шпагой въ рукѣ отстоялъ свою жизнь противъ убійцъ, послѣ чего сложилась пѣсенка:

Digitized by Google

гихъ къ рыцарскимъ подвигамъ [1]). Слѣдуя рыцарскимъ романамъ, въ которыхъ былъ весьма начитанъ, и внушенію своего чувства, Тассо внесъ въ свою поэму цѣлый рядъ романтическихъ сценъ, изобразилъ романтическую любовь, какой не зналъ древній эпосъ, ввелъ такіе эпизоды какъ эпизодъ о Софроніи и Олиндѣ, напоминающій въ концѣ средневѣковую трогательную исторію любви Флора и Бланшфлеръ [2]), и не разъ вдавался въ лиризмъ, выражавшій душевныя страданія самого поэта [3]). Въ результатѣ получилось удаленіе „Освобожденн. Іерусал.“ отъ эпоса [4]); въ внѣшней формѣ классической поэмы предстала лишь романтика съ значительною долею лиризма. Поэма Тассо оказалась первымъ удачнымъ опытомъ сочетанія новаго творчества съ классическимъ; она—первое художественное созданіе новыхъ литературъ, классическое по формѣ и романтическое по содержанію. Тассо доставилъ блестящее завершеніе средневѣковой рыцарской романтикѣ религіозно-героическаго пошиба, съ одной стороны, и любовнаго съ другой; въ его поэмѣ сливаются оба главные мотива, на которые раздвоилась эта романтика, и пользуются равнымъ почетомъ. Возвышенные порывы христіанскаго героизма и самопожертвованія,

---

Colla penna e colla spada
Nessun val, quanto Torquato.

Жизнь Тассо представляетъ кромѣ того примѣры рыцарской несостоятельности.

[1]) La Ger. lib. I, 5. Тассо пришлось затѣмъ разочароваться въ своей надеждѣ на то, что христіанскіе вожди предпримутъ новый крестовый походъ. См. сонетъ: «L'arme e 'l duce cantai, che per pietate» ec.

[2]) На это указалъ Ten Brink, Gesch. d. Engl. Litter., I, 295.

[3]) Лиризмъ «Освобожденнаго Іерусалима», выражающій любовныя страданія Тассо, находили въ эпизодѣ о Софроніи и Олиндѣ. Софроніи сближали прежде съ Леонорой. Отмѣчаютъ далѣе лиризмъ въ сѣтованіяхъ Эрминіи, въ прощаніи Клоринды съ жизнью и другомъ, въ тѣлесномъ прощальномъ воззваніи Ринальда и въ др. мѣстахъ. Субъективизмъ «Освобожд. Іерусал.» какъ бы подтверждается словами самого Тассо въ сонетѣ: «Stavasi Amor quasi in suo regno assiso» ec.—Говорятъ, что Тассо—«по преимуществу поетъ облагороженной женской любви, и вѣрнѣе, правдивѣе и прекраснѣе врядъ ли кто могъ предоставить состояніе духа, больнаго любовью». Wedewer, 294.—Такимъ образомъ, Тассо въ отличіе отъ Ариосто любилъ личности, которыя изображалъ, и перенесъ въ нихъ часть своей душевной жизни.

[4]) Приведемъ мнѣніе Ѳ. И. Буслаева: «И такому прославленному Тассу стали отказывать въ громкомъ притязаніи на эпическое творчество, указавъ ему сомнительное мѣсто между поэзіи любви, и въ его поэмѣ стали находить болѣе достоинствъ лирическихъ, нежели эпическихъ».—«Искусственное, противное духу эпической поэзіи единство составляетъ существенную принадлежность только искусственныхъ, безжизненныхъ произведеній, какъ «Энеида» или «Освобожденный Іерусалимъ», въ которыхъ всего меньше эпическихъ достоинствъ». Лѣтоп. р. лит. и древности, изд. Тихонравовымъ, т. I, М. 1859, ст.: «Русскія народныя пѣсни, собранныя Якушкинымъ», стр. 72 и 77.

Digitized by Google

пренебрегающаго опасностями, были затемнены или оттѣснены въ рыцарскихъ итальянскихъ поэмахъ времени, предшествовавшаго Тассо. Тассо возвратилъ въ лицѣ Гоффредо чисто христіанскій героизмъ въ романтическій эпосъ и, такимъ образомъ, возстановилъ въ романтикѣ ея древнѣйшій починъ. Въ этомъ отношеніи „Освобожденный Іерусалимъ“ примыкаетъ къ ряду тѣхъ средневѣковыхъ поэмъ, которыя повѣствовали о борьбѣ христіанъ Запада съ мусульманами и вообще о подвигахъ французскихъ витязей. У Тассо рыцарскій эпосъ предстаетъ со всею серьезностію тѣхъ былевыхъ пѣсенъ Каролингскаго цикла, образцовою представительницею которыхъ является „Пѣснь о Роландѣ“; „Освоб. Іерус.“ напоминаетъ ихъ даже нѣкоторыми частностями [1]). Должно однако признать, что католичество Тассо не совсѣмъ походило на католичество витязей Каролингскаго эпоса [2]), какъ вообще рыцари „Іерусалима“ не совсѣмъ подобны витязямъ Карла [3]). Крестоносцы Тассо совмѣщаютъ въ себѣ черты сподвижниковъ Карла, участниковъ перваго крестоваго похода, рыцарей Круглаго Стола и итальянскихъ cavalieri XVI в. Точно также значительно облагорожена у Тассо и нравственно поднята рыцарская любовь, а равно идеализованы женскіе образы [4]); во всемъ проглядываетъ свойственная Тассо моральная серьезность. Матеріальная любовь, господствовавшая въ Италіи Возрожденія и изображенная въ отношеніяхъ Ринальдо и Армиды, въ концѣ облагорожена. У Тассо нѣтъ и помину о томъ, чтобы любовь была послѣдствіемъ чаръ. Она—

---

[1]) Въ chansons de geste въ родѣ Renaud de Montauban Тассо могъ найти первообразы боевъ христіанъ съ мусульманами Востока. Въ «Renaud» выступаетъ подъ Іерусалимомъ, какъ и у Тассо, Египетскій король (Saladin). И Ринальдо Монтобанскій, какъ Ринальдо Тассо, является главнымъ христіанскимъ бойцомъ подъ Іерусалимомъ. У Тассо бунтовщиками въ лагерѣ крестоносцевъ оказываются итальянцы, и бунтовщиковъ-итальянцевъ знаетъ французскій эпосъ (см., напр., у Castets p. 231; см. еще Le Prise de Pampelune. О томъ, что итальянцамъ нравилась въ эпосѣ подробность о возстаніи противъ Карла, см. Rajna, Rinaldo, 80). Какъ въ позднѣйшихъ французскихъ поэмахъ цикла Рено по рукописи Montpellier рядомъ съ Maugis выступаютъ Espiet и Noiron, такъ и у Тассо одному волшебнику противополагается другой. Образы волшебниковъ у Тассо напоминаютъ образы Maugis (=Malagigi) и другихъ волшебниковъ французскаго эпоса. Участіе дьяволовъ въ дѣйствіи «Освобожденнаго Іерусалима», находящее соотвѣтствіе въ томъ эпосѣ, отмѣчено нами выше.

[2]) Въ католичествѣ Тассо находятъ сліяніе съ платонизмомъ; отмѣчаютъ у Тассо философское созерцаніе людскихъ дѣяній. Заслуживаетъ также вниманія отношеніе Тассо къ мусульманскому міру.

[3]) Послѣдніе были болѣе просты и грубы.

[4]) Сарацинки Тассо чувствуютъ и говорятъ точно изящныя дамы Феррарскаго двора. Образы Армиды, Эрминіи и Клориды нарисованы чрезвычайно нѣжною кистью.

Digitized by Google

могучее проявленіе свойственнаго человѣку идеализма. Вполнѣ отрѣшена она и отъ рыцарской условности, и конечнымъ исходомъ ея является брачная жизнь, которая также рисуется идеальными чертами. Такимъ образ., Тассо воспринялъ все, что было великаго въ рыцарствѣ, не исключая и религіозныхъ порывовъ хранителей Грааля. Онъ уносился мечтою въ идеальный міръ средневѣковаго рыцарства и съ полною сердечностію разукрасилъ этотъ міръ, надѣливъ героевъ и героинь его возвышенностію и благородствомъ, которымъ было мало мѣста въ дѣйствительной жизни. Въ этихъ образахъ, окруженныхъ обаяніемъ чрезвычайной поэтичности, были закрѣплены идеалистическія представленія о рыцарствѣ и достоинствѣ женщины, возрождавшіяся въ въ Италіи второй половины XVI в. То было уже вполнѣ мечтательное увлеченіе міромъ, оканчивавшимъ свой вѣкъ, но все еще полнымъ неизъяснимой прелести.

Потому справедливо называютъ Тассо послѣднимъ романтикомъ [1]), какъ не безъ основанія называютъ его и послѣднимъ гуманистомъ. Время средневѣковой доблести прошло, но совокупность влеченій, составлявшихъ ее, еще разъ ожила въ сердцѣ поэта XVI в., насколько то было возможно въ періодъ Возрожденія. Оттого Тассо могъ воспроизвести все лучшее, что было въ средневѣковой романтикѣ, поэтически вѣрилъ въ дѣйствительность личностей, которыхъ изобразилъ, и отнесся къ міру своего эпоса серьезно, со всею искренностью и безъ малѣйшей шутки, чѣмъ рѣзко отличается отъ Боярдо и Аріосто. При этомъ картины, нарисованныя Тассо, проникнуты мечтательною серьезностію, а иногда и скорбію, и носятъ отпечатокъ элегическаго созерцанія и мистицизма, отличнаго отъ средневѣковаго. Въ общей идеѣ любви, царящей въ „Освобожд. Іерус.“, также виденъ ученикъ Платона.

Всѣмъ этимъ не исчерпывается глубокое содержаніе духовной жизни Тассо: онъ не былъ исключительно романтикъ и гуманистъ, и его поэма ознаменовала собою не только поворотъ къ прошлому, происшедшій во второй половинѣ XVI в. въ Италіи. Полнаго возврата къ старинѣ не могло быть со стороны поэта, который въ та-

---

[1]) *Förster*, Auserlesene lyrische Gedichte von Torquato Tasso, zw. Aufl., I, Leipz. 1844, S. XXXI.—Ellero выразился, что поэма Tacco «è un parto serotino ed anormale del genio, un anacronismo poetico dacchè ora mai contro alle fisime cavalleresche faceva già mestiere il flagello di Cervantes».

Digitized by Google

кой мѣрѣ, какъ Тассо, былъ субъективенъ и проникся духомъ Возрожденія. Авторъ „Освобожденнаго Іерусалима“ написалъ также пастушескую драму, полную лиризма, и завершитель средневѣковой романтики въ сферѣ творчества былъ вмѣстѣ съ тѣмъ талантливымъ провозвѣстникомъ поворота къ преобразованію ея [1]) и переливу въ ту формацію, которая выдвинулась съ конца XVI в. не только въ Италіи, но также въ Англіи, Испаніи и затѣмъ во Франціи, и возродилась съ новою силою въ XIX в. Со средневѣкою романтикой и міровоззрѣніемъ Возрожденія у Тассо сливались зачатки романтики новой, вѣрующей, серьезной, грустной и сентиментальной, представителемъ которой въ нашей литературѣ былъ впослѣдствіи Жуковскій.

Нѣкоторые называютъ Тассо начинателемъ новаго поэтическаго искусства и говорятъ, что онъ предварялъ Гёте и Шиллера: герои и героини предшествовавшихъ рыцарскихъ поэмъ—люди особые; герой Тассо—не рыцарь по преимуществу [2]), а человѣкъ. Душевная жизнь самого Тассо, рѣзко выразившаяся въ его произведеніяхъ, полна близкой намъ поэтичности. Оттуда-то привлекательность образа Тассо для многихъ выдающихся поэтовъ и писателей новаго времени, Гёте, Фосколо, Гольдони, Леопарди, Байрона [3]) и др. Въ душѣ Торквато нашлись мотивы, сродные Гёте, между проч.—мотивъ Фаустовскаго недовольства, разжигаемаго не посторонними силами, а коренящагося въ душѣ самой личности, охватываемой безпредѣльными порывами.

Тассо увлекалъ многихъ читателей чарующимъ лиризмомъ, тонкою обрисовкою и красотою женскихъ образовъ, нѣжнымъ изображеніемъ различныхъ оттѣнковъ и силы горячаго, возвышеннаго чувства, которымъ живутъ личности его поэмы, отраженіемъ въ повѣствованіи—души поэта, мягкой и полной идеализма, особою меланхоліею, ему свойственною, и чудною музыкальностью рѣчи. Благодаря всему этому Тассо сталъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ итальянскихъ поэтовъ.

У него нашлось немало послѣдователей какъ въ области эпоса, такъ и въ области пастушеской драмы.

---

[1]) Съ выходомъ въ свѣтъ «Освобожденнаго Іерусалима» романы и поэмы бретонскаго цикла почти совсѣмъ уже не печатались въ Италіи.

[2]) Исключеніе составляетъ Годфредо.—Не слѣдуетъ, конечно, забывать и свойственной наивности у Тассо, которые бросались въ глаза уже Галилею.

[3]) Изъ нашихъ писателей должны быть упомянуты Батюшковъ, называвшій себя «сыномъ у грознаго сѣвера, обязаннымъ Іерусалиму лучшими, сладостными минутами въ жизни» (Соч. I, 260), Мераляковъ и Кукольникъ.

Digitized by Google

Но своего вполнѣ серьезнаго отношенія къ средневѣковой романтикѣ и пониманія возвышенныхъ ея сторонъ Тассо не передалъ послѣдующему времени. Вообще въ эпикѣ, свободной отъ педантизма или маринизма, преобладало то направленіе, которому положили начало Пульци, Боярдо и Аріосто. Въ XVII в. не переставали являться такіе бурлескныя поэмы [1]). Итальянская нація—единственная у которой геройно-комическія поэмы выдѣлились въ качествѣ особой поэтической категоріи, достигшей значительнаго превосходства. Въ изобиліи ихъ въ итальянской литературѣ сказалась черта народнаго характера, давно подмѣченная въ итальянцахъ ими самими и людьми другихъ народностей [2]), та самая черта, которая проявляется и въ отношеніи итальянцевъ къ сказочнымъ повѣствованіямъ [3]). Наконецъ, имена

---

[1]) Такова, напр., поэма флорентійца Beridio Darpe (псевдонимъ Pietro de' Bardi) Avinavoliottoneberlinghieri, Fir. 1643, въ которой осмѣяны подвиги паладиновъ. Заглавіе этой поэмы составилъ стихъ

Avino, Avolio, Ottone e Berlinghiere,

часто встрѣчающійся въ итальянскихъ поэмахъ Каролингскаго цикла. Между проч., на основаніи этого стиха Rajna заключилъ о родствѣ поэмы о Morgante съ «Orlando».

[2]) О мнѣніи Моммзена см. замѣчанія въ очеркѣ *В. И. Ламанскаго*: «Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ», Спб. 1865 (Оттискъ изъ «Отеч. Зап.» 1864 г.), стр. 11—14. Г. Ламанскій согласенъ съ тѣмъ, что въ итальянской литературѣ нѣтъ «великихъ образцовъ эпической и драматической поэзіи», но на стр. 28-29 высказываетъ предположеніе, что «въ древности или въ старину въ Тосканѣ были и пѣсни эпическія», и Тоскана не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія; затѣмъ г. Ламанскій излагаетъ свѣдѣнія о Сицилійскомъ сословіи пѣвцовъ-слѣпцовъ.—Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь сужденіе Гоголя, который въ письмѣ къ М. П. В—ной (изд. Кулиша, т. V, 318) писалъ въ 1838 г.: «Намъ извѣстна только одна эпическая литература Итальянцевъ, то-есть, литература умершаго времени, литература XV и XVI вѣковъ; но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII в. у итальянцевъ обнаружилась сильная наклонность къ сатирѣ, веселости, и *если хотите изучить духъ нынѣшнихъ итальянцевъ, то нужно изучать ихъ поэмахъ геройно-комическихъ*. Вообразите, что собраніе autori burleschi italiani состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивишься, почему никто не говоритъ о нихъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что одна итальянскія типографіи могутъ печатать ихъ. Во многихъ изъ нихъ есть нѣсколько нескромныхъ выраженій, которыя не всякому можно позволить читать».—Settembrini назвалъ шутливую поэзію, накопленную въ итальянской литературѣ, большимъ навознымъ кучемъ.

[3]) Приведемъ высказанное въ 1817 г. мнѣніе одного англійскаго писателя во французской передачѣ: «L'Italien ajoute aux récits populaires la saveur de sa bouffonnerie et de sa licence.— Le Pentamerone est une de ces oeuvres nationales qui défient la traduction. Basile semble gesticuler et rire tout haut. Son style est semblable au discours du conteur de la Piazza s'adressant à un auditoire de gamins à la bouche béante et de des grands Lazzaroni se chauffant au soleil». Revue des traditions populaires 1890, № 4, p. 196 и 197. Ср. Сужденіе *К. А. Meyer*-а въ ст.: «Eine neapolitanische Märchen-sammlung aus der ersten Hälfte des siebzehnten Jahrhunderts» въ «Arch. f. d. Studium d. neuer. Sprachen u. Literaturen», XLV, 2—3.

Digitized by Google

рыцарей и героинь Круглаго Стола и Каролингскаго эпоса фигурировали въ произведеніяхъ, въ которыхъ идеализму лирики Петрарки противополагался жанръ *bernesco* [1]). Легкій и неглубокій смѣхъ, наполняющій всѣ эти произведенія, мирился съ популярностью рыцарской эпики, возникшей въ XV и XVI вв., и не подрывалъ ея, какъ не оттѣснила ея игрушечная поэзія XVII и XVIII вв. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія въ Италіи возникло нѣсколько рыцарскихъ поэмъ, а народъ итальянскій, въ особенности въ Сициліи, и доселѣ внемлетъ со страстнымъ участіемъ повѣствованіямъ о подвигахъ паладиновъ.

Представивъ обозрѣніе судебъ средневѣковой романтики въ итальянской литературѣ и жизни, въ заключеніе охарактеризуемъ вкратцѣ вкладъ, внесенный романтическою поэзіею Италіи въ общее поэтическое достояніе Европы.

Итальянцы не знали подлиннаго рыцарства и не заявили себя производительностію въ романтической эпикѣ, но, тѣмъ не менѣе, послѣдняя увлекала ихъ, и они внесли немало цѣннаго въ содержаніе и поэтическую форму романтики.

Ихъ поэзія много содѣйствовала развитію чувства романтической любви уже со времени Данте [2]), не производя, впрочемъ, улучшенія въ семейной жизни [3]).

Итальянцы рано начали вырабатывать особый эпическій стиль и ввели въ употребленіе октаву, которой суждено было стать излюбленною строфическою формою ихъ эпики и о которой Пушкинъ выразился такъ:

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?

Духъ романтики Круглаго Стола достигъ мало по малу господства въ итальянской эпикѣ, восторжествовавъ надъ отличнымъ содержаніемъ столь распространеннаго въ Италіи Каролингскаго эпоса, и вселился въ послѣдній, наполнивъ сказанія о паладинахъ повѣствованіями о любовной маніи рыцарей и ихъ авантюрахъ.

---

[1]) См. Opere burlesche, Londra MDCCXXIII: I, 19, 68, 70, 104, 193, 211, 253, 270, 271; II, 6, 92, 211, 290; III, 8, 220.

[2]) Ср. *Finck*, Romantic love and personal beauty, Lond. 1887, vol. I, 3.

[3]) Въ XVI стол. въ семейной жизни итальянцевъ продолжались печальныя явленія XV в.

Digitized by Google

Въ послѣдней четверти XV в. въ Италіи появляется рядъ поэмъ, въ которыхъ средневѣковой эпосъ предстаетъ въ художественной отдѣлкѣ, въ формѣ, ставшей классическою, и получаетъ особую прелесть благодаря красотѣ стиха и благозвучію языка романскаго юга.

Боярдо и Аріосто, преимущественно послѣдній, воспроизводятъ романтику въ обширныхъ сводныхъ повѣствованіяхъ (начало которыхъ—въ Reali) и въ картинахъ, полныхъ изящества и выразительности. Феррарскіе пѣвцы относятся къ рыцарству безъ полнаго энтузіазма, но и безъ полной иронія, оттѣнивъ въ немъ преимущественно любовную манію, доходящую до трагизма, и пристрастіе къ блужданію по свѣту. Глубокое содержаніе рыцарско-романтической эпики, выразившееся въ романахъ о св. Граалѣ и Персевалѣ, осталось въ сторонѣ въ произведеніяхъ этихъ поэтовъ міра, однимъ изъ главныхъ недостатковъ котораго было погруженіе въ любовную изнѣженность либо распущенность. Для этого міра рыцарство, отрѣшенное отъ глубокихъ помысловъ и серьезныхъ стремленій, было привлекательною забавою, и онъ не могъ съ нимъ разстаться и предать полному разоблаченію тотъ комизмъ, въ который впадало рыцарство въ вѣка своего вырожденія. Потому въ періодъ, когда въ другихъ литературахъ явились Эразмъ, Рабле, Сервантесъ и всеобъемлющій Шекспиръ, въ Италіи, имѣвшей въ XV в. Пульчи, въ XVI стол. выдающійся изъ реалистовъ Фоленго ограничился пародіею, имѣвшею мало силы, а лучшіе поэты обратились къ средневѣковой романтикѣ. Одинъ изъ нихъ, названный уже здѣсь Аріосто, въ отношеніи къ ней не пошелъ далѣе граціозной и милой иронія, которая, вѣроятно, никогда не утратитъ значенія, какъ самый изящный, яркій и характерный образъ сочетанія въ человѣчествѣ игры фантазіи и сурового разума, разрушающаго воздушные замки и обращающаго ихъ въ шутку. Послѣ Боярдо и Аріосто это своеобразное отношеніе къ рыцарству, соединявшее сочувствіе съ тонкой иронія, раздвоилось и уже не проявлялось въ такой прелестной, полной свободы и изящества формѣ, какою очаровываетъ въ „Неистовомъ Роландѣ“.

Необычайная граціозность и легкость движенія, характеризующія музу Аріосто, исчезли надолго изъ итальянской литературы съ той поры, какъ скрылась эта муза. А между тѣмъ итальянскіе поэты прилагали усиленныя старанія о томъ, чтобы довести эпосъ до высшаго совершенства формы. Благодаря этимъ стараніямъ романтическій эпосъ

Digitized by Google

подчиняется ферулѣ классицизма, которая стѣсняетъ свободный полетъ романтическаго творчества. Тассо, впрочемъ, и подъ этой ферулей успѣваетъ создать прекраснѣйшее романтическое произведеніе въ серьезномъ тонѣ, достигшее міроваго значенія. Несчастный „послѣдній романтикъ“ возвращаетъ рыцарству его обаяніе и славу и возстановляетъ его честь въ поэзіи. Авторъ „Освоб. Іерус.“ сообщилъ эпическому выраженію нѣкоторыхъ сторонъ романтики такой блескъ и привлекательность, какихъ оно не достигало до того времени. Но средневѣковая романтика могла быть лишь однимъ изъ элементовъ въ творчествѣ поэта, воспитаннаго въ школѣ классицизма и воспринявшаго также многія вѣянія новаго времени, волновавшія вторую половину XVI в. Полный возвратъ къ среднимъ вѣкамъ былъ невозможенъ для Тассо. Пѣвецъ „Освобожденнаго Іерусалима“ долженъ былъ претворить дорогія для него средневѣковыя начала въ духѣ новаго времени, и такъ въ произведеніяхъ Тассо произошелъ переливъ средневѣковой романтики въ новую. Въ поэзіи Тассо можно усматривать зарожденіе новой романтики, какъ сочетанія унаслѣдованнаго отъ среднихъ вѣковъ преклоненія предъ чувствомъ любви, признанія стороны таинственнаго въ природѣ и жизни, скорби или элегическаго созерцанія міровой жизни и, наконецъ, эстетическаго чувства природы. Кромѣ того Тассо провозгласилъ призывъ къ простотѣ жизни, близкой къ природѣ, выраженный имъ въ формѣ драмы изъ пастушескаго быта, увѣнчивающейся самымъ счастливымъ единеніемъ сердецъ.

Поэмы Боярдо [1]), Аріосто и Тассо произвели огромное впечатлѣніе и оказали значительное вліяніе на литературы Запада. Въ XVI и XVII вв. многіе поэты пытались подражать Аріосто и Тассо. „Неистовый Роландъ“ достигъ такого успѣха, какимъ не пользовалось уже въ теченіе 300 лѣтъ ни одно произведеніе рыцарско-романтической эпики [2]). Равнымъ образомъ сильное движеніе въ

---

[1]) «Orlando innamorato» былъ переведенъ на нѣм. французскій и испанскій. См. Rigis, 295—296. О вліяніи Боярдо на литературу послѣдующаго времени см. въ этюдѣ Lee: «The school of Boiardo» въ Euphorion, II, 94—119.

[2]) Guarini въ концѣ XVI в. писалъ: «Fu mai poeta che conseguisse maggior applauso dell'Ariosto? celebrato da tutte le nazioni, tradotto in tutte le lingue, stampato le migli ia delle volte».—У насъ Аріостомъ пользовались въ послѣдующія столѣтія Державинъ и Пушкинъ. Современные Пушкину критики отмѣчали близость «Руслана и Людмилы» къ поэмамъ Аріосто, Виланда и Тассо. *Зеленскій*, «Русская критическая литература о Пушкинѣ», ч. I, М. 1887, стр. 30, 33, 46, 85.

Digitized by Google

западно-европейскомъ литературномъ мірѣ вызвалъ и „Освобожденный Іерусалимъ“ [1]).—Характерно, что и теперь рыцарскія сказанія и поэмы XV—XVI вв. доставляютъ благородное развлеченіе итальянскому простонародью, возбуждая въ немъ рыцарскія чувства и внушая любовь къ возвышеннымъ дѣяніямъ. Толпа не погрязаетъ окончательно въ житейской сумятицѣ и, смутно отыскивая хотя кратковременный выходъ изъ нея, испытываетъ эстетическое наслажденіе, встрѣчая по крайней мѣрѣ въ поэзіи торжество высшихъ началъ жизни.

Равнымъ образомъ было весьма значительно вліяніе пасторальной поэзіи, которая была въ такой же мѣрѣ оригинальнымъ итальянскимъ созданіемъ, какъ и рыцарская поэма. „Аркадія“ Саннацаро [2]), а въ особенности пастушескія драмы Тассо и Гваринди [3]) пріобрѣли чрезвычайный успѣхъ и за предѣлами Италіи, гдѣ существовала уже наклонность къ сліянію рыцарскихъ чувствованій съ мнимою простотою пастушескаго быта. Въ Испаніи, какъ увидимъ, пастушеская поэзія достигла виднаго развитія уже раньше Тассо, но итальянское вліяніе усилило ее. Во Франціи кружокъ Отеля де Рамбулье увлекался драмой „Aminta“, и послѣдняя оказала вліяніе на романъ d'Urfé“ [4]). И во французской литературѣ сліяніе классицизма съ романтикой имѣло мѣсто, между проч., въ трагикомедіи, сюжеты которой были заимствуемы изъ миѳологіи или романа. Въ Англіи вліянію итальянской пастушеской поэзіи подпали такіе видные поэты

---

[1]) Польскій переводъ Аріосто долго не былъ напечатанъ (*Ciampi*, Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali, t. I, Fir. 1834, p. 14), переводъ же поэмы Тассо былъ напечатанъ уже въ XVII в. и выдержалъ восемь изданій. См. о послѣднемъ статью *B. Chlebowsk*-аго: «Przekład «Jerozolimy» Tassa przez Piotra Kochanowskiego» въ майской книжкѣ «Ateneum»-а 1890 г. По словамъ Хлебовскаго, «w poemacie Tassa spotykał polski czytelnik po raz pierwszy zarówno obrazy nieprzepartéj potęgi i uszlachetniającego wpływu jak i różnorodne formy i stopnie miłości». Мужественнымъ польскимъ женщинамъ недоставало «szlachetności uczuć, rycerskości ducha, które wraz z niezwykłą wrodą i wdziękiem czynią z Klorindy kobietę wyższą, pięknością i energią ciała i ducha, nie zaś tylko wojowniczą amazonkę» (Str. 285 и 286).

[2]) О послѣдователяхъ Саннацаро говоритъ Torraca въ монографіи: Gli imitatori stranieri di Sannazaro.

[3]) О Guarini и вліяніи его см. монографію Rossi: Battista Guarini ed il «Pastor fido».—Studio biografico-critico con documenti inediti. Tor. 1886.—Польскій переводъ «Pastor fido» явился лишь въ 1695 г. (Ciampi, I, 155 A).

[4]) H. Körting, I, 64—65, 116—117.

Digitized by Google

XVI в., какъ Сидней [1]) и Спенсеръ [2]), закончившій вмѣстѣ съ Тассо школу Боярдо.

Съ XVI в. и до временъ Мармонтеля и Флоріана вышло много эпическихъ и драматическихъ произведеній, изображавшихъ пастушескій міръ. Эта поэзія, по справедливому выраженію Egger [3]), населила лѣса и деревни цѣлымъ народомъ лже-пастуховъ, изъ-за которыхъ не видѣли настоящихъ поселянъ, дѣйствительной жизни и дѣйствительной природы. Поэзія не скоро позволила себѣ болѣе плодотворную прогулку по лѣсамъ и полямъ и не сразу стала цѣнить изображеніе мѣстнаго колорита и дѣйствительныхъ отношеній крестьянской жизни безъ устраненія природной грубоватости и вмѣстѣ съ тѣмъ всего свѣжаго въ народномъ характерѣ.

Но въ концѣ къ такому изображенію должно было привести направленіе поэтическаго творчества, выразившееся въ „Аминтѣ“ Тассо и вначалѣ обнаруживавшееся искусственно. Требованіе возврата къ природѣ, впервые отчетливо поставленное Тассо, было подхвачено съ новою силою въ XVIII в. и много подвинуло впередъ общую концепцію жизни. Одушевленное воззваніе Тассо было повторено глубже и еще краснорѣчивѣе Руссо, который могъ подпасть въ этомъ отношеніи вліянію англійской литературы и еще въ большей степени вліянію Тассо [4]). Предъ взоромъ человѣка открылись красоты, какихъ онъ давно уже не замѣчалъ. Въ немногихъ словахъ Карьеръ такъ опредѣлилъ эту заслугу Руссо: „Развивается наклонность къ мечтательному самопогруженію въ полное таинственности сплетеніе природной жизни и тишь лѣсовъ и озеръ, горъ и долинъ; жур-

---

[1]) О немъ *J. A. Symonds*, Sir Philipp Sidney, Lond. 1889 (English men of letters, ed. by John Morley), гдѣ указана и научная литература объ этомъ поэтѣ. На Сиднея повліяли также Ахиллъ Таціи и Монтемайоръ.

[2]) О немъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ выпускѣ настоящей монографіи.

[3]) L'Hellénisme, II, 341.

[4]) Руссо очень чтилъ Тассо, признавая его лучшимъ изъ итальянскихъ поэтовъ, и рекомендовалъ его въ «Эмилѣ».—*Mahrenholtz*, Jean-Jacques Rousseau, Leipz. 1889, говоря о томъ, какъ сложилась въ Руссо мысль его «Discours sur les Sciences et les Arts», не упоминаетъ о вліяніи Тассо, хотя самъ же говоритъ ранѣе (S. 24) о любви Руссо къ Тассо.—Замѣтимъ, что въ промежутокъ времени, отдѣляющій Руссо отъ Тассо, мысль послѣдняго о постепенной порчѣ нравовъ и утратѣ свободы вслѣдствіе удаленія отъ первоначальной простоты, была повторяема другими. Такъ, Menzini повторилъ слова Тассо о томъ, что случилось съ людьми по оставленіи ими лѣсовъ: они утратили первобытную свободу. См. еще у Rigault о книгѣ Tassoni: «Различныя мысли», принадлежавшей къ произведеніямъ, вызваннымъ споромъ о сравнительномъ достоинствѣ поэмъ Тассо и Аріосто.

Digitized by Google

чаніе ручейка, шелестъ листвы, отраженіе заходящаго солнца въ волнахъ, все это не что-нибудь чуждое, постороннее, а откровеніе міровой души душѣ человѣческой. Въ этомъ, какъ позднѣе и въ идиллій домашней жизни съ ея мелкими ежедневными заботами и радостями, Руссо является истиннымъ поэтомъ; онъ показалъ, какъ повсюду Аркадія находится среди насъ, лишь бы мы только сумѣли найти ее“ [1]).

Въ концѣ прошлаго вѣка Шиллеръ вслѣдъ за Руссо, котораго очень чтилъ, провозгласилъ, что „наша культура должна возвратить насъ къ природѣ путемъ разума и свободы“ [2]). Гёте заключилъ призывъ къ природѣ, столь модный во второй половинѣ XVIII в., заявленіями въ родѣ того, что бесѣда съ натурой является лучшимъ видомъ Богопочитанія [3]), что природа—единственная книга, представляющая великое содержаніе на всѣхъ страницахъ [4]), и т. п.

Такъ Италія, надѣлившая Западъ образцами фривольной или прямо безнравственной литературы [5]), и понявшая рыцарство преимущественно со стороны его пристрастія къ любовнымъ похожденіямъ и защиты и распространенія вѣры подвигами оружія, выдвинула также какъ бы нѣкоторый противовѣсъ чрезмѣрной утонченности и безнравственности общественной жизни въ поэтическомъ культѣ первобытной простоты. Правда, итальянская поэзія не воспроизвела этой простоты и не представила вѣрнаго поэтическаго образа жизни, близкой къ природѣ, но замыселъ, положенный въ основу итальянскихъ эклогъ, пасторальныхъ и т. п. произведеній, не былъ совсѣмъ далекъ отъ инстинктивнаго угадыванія пути выхода изъ удушливой атмосферы искаженной общественности.

---

[1]) Die Poesie, 339.

[2]) «Unsere Cultur soll uns auf dem Wege der Vernunft und der Freiheit zur Natur zurückführen» (ст. «О наивной и сентиментальной поэзіи»). Объ отношеніи Шиллера къ Руссо см. въ брошюрѣ Joh. *Schmidt*-а: Schiller und Rousseau; здѣсь показано, между проч., въ чемъ Шиллеръ разошелся съ Руссо.

[3]) «Gewiss es ist keine schönre Gottesverehrung als die, zu der man kein Bild bedarf, die bloss aus dem Wechselgespräch mit der Natur in unserm Busen entspringt» (Wahrheit und Dichtung).

[4]) «Die Natur ist doch das einzige Buch, das auf allen Seiten grossen Inhalt bietet» (Письмо изъ Неаполя).

[5]) Chasles, Études sur Shakespeare etc., 426.

Digitized by Google

Тассово прославленіе золотаго вѣка не было лишено смысла. Возможность подобнаго золотаго вѣка какъ бы признавалъ и Шиллеръ въ ученіи о гармонической человѣческой натурѣ, которое начало слагаться въ немъ съ весьма ранняго времени и достигло завершенія въ его позднѣйшемъ ученіи о прекрасномъ.

Вкратцѣ главныя заслуги итальянской романтики могутъ быть опредѣлены такъ. Романтическая эпика Италіи вслѣдъ за эпосомъ Данте и лирикою Петрарки много содѣйствовала возникновенію романтическаго чувства любви. Итальянскій рыцарскій эпосъ былъ художественнымъ завершеніемъ рыцарской эпики поэмбовъ любовнаго и героическаго и представилъ своеобразное слiяніе того и другаго. Наконецъ, впервые въ итальянской литературѣ возникло эстетическое чувство природы, характеризующее поэзію новаго времени, и было положено начало новой романтикѣ.

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 7, пр. 1. См. еще *Paul Gide*, Etude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne. Deux. éd. par A. Esmein, Par. 1885. Кромѣ перечисленныхъ, другія изданія, относящіяся къ Овидію въ средневѣковой литературѣ, указаны въ статьѣ *Reinsch*-а: „Jacques d'Amiens, L'art d'aimer" въ Arch. f. das Studium d. neueren Sprachen etc., Bd. LXVI. Рецензію *Brakelmann*-а на L'Art d'Amors und li Remedes d'Amor, zwei altfranzösische Lehrgedichte von Jacques d'Amiens, nach der Dresdener Handschrift zum ersten Male herausgegeben von Dr. Gustav Körting, Leipz. 1868, см. въ Jahrbuch für romanische und englische Literatur, IX (1868), 338—343 и 403—431. О вліяніи Овидія на средневѣковую теорію любви см. еще въ ст. *Morel-Fatio*: „Mélanges de littérature catalane. III. Le livre de courtoisie" въ Romania, XV (1886). Переводы нѣкоторыхъ Carmina Vagorum и этюдъ о голіардахъ см. также у *I. A. Symonds*, Wine, Woman and Song, Lond. 1884. Вообще вліяніе классицизма на развитіе провансальской поэзіи было слабо; то была поэзія почти вполнѣ оригинальная.

Къ стр. 9. О большей реальности старофранцузскаго эпоса по сравненію со старо-германскимъ см. *Mörner*, Die deutschen und französischen Heldengedichte des Mittelalters, Leipz. 1886.—О германскомъ миѳологическомъ элементѣ во французскомъ эпосѣ см. статью *Osterhage*: „Anklänge an die germanische Mythologie in der altfranzösischen Karlssage"—въ Zeitschrift für roman. Philol., XI (1887). Ср. *Castets*, Recherches, 43 и слѣд.

Digitized by Google

Къ стр. 10. Въ манускриптѣ Montpellier, въ „version incomplète du pèlerinage de Renaud apparaît l'idée de transformer en un représentant de la chrétienté en Orient le héros de l'opiniâtre guerre soutenue par le fils du duc Aymes contre Charlemagne". Castets, Recherches, 40.

Къ стр. 12, пр. 2. О положеніи женщины въ chansons de geste, столь же незавидномъ какъ и въ нашихъ былинахъ, см. еще въ ст. *Θ. И. Буслаева:* „Испанскій народный эпосъ о Сидѣ"—въ сборникѣ „Народная поэзія", Спб. 1887, стр. 326—329.—*Къ прим. 3.* Ср. также необузданность королей Хариберта, Гунтрама, Хильпериха. Вообще Меровингскіе короли не были склонны исполнять предписанія христіанскаго нравоученія касательно ненарушимой святости брака.

Къ стр. 13. Рядомъ съ Гелесвинтой должна быть упомянута св. Радегунда, въ которой, впрочемъ, христіанство не заглушило племенной ненависти и наклонности къ мстительности.—*Къ прим. 1.* По наблюденію Scheffler-a, французское народное творчество болѣе богато сентиментальными пѣснями, чѣмъ нѣмецкое. Zeitschr. f. neufr. Spr. u. Litter. VI, 30.

Къ стр. 17, прим. къ стр. 16. Ср. *Golther*, Die Sage von Tristan und Isolde, 12.

Къ стр. 19, прим. 2. О словахъ „Пѣсни о Роландѣ", изобличающихъ вліяніе церковности, см. въ ст. *Keesebiter*-a „Die christlichen Wörter in der Entwickelung des Französischen"—въ Arch. f. d. Stud. etc., LXXVII. Bd. (1887).

Къ стр. 20, пр. 1. Въ статьѣ: „Славяно-Германскіе отрывки", помѣщенной въ іюльской кн. „Ж. М. Н. Пр." 1889, акад. Веселовскій сближаетъ валькирій съ вилами: „и на скандинавскомъ сѣверѣ въ пору викинговъ валькиріи обратились въ воинственныхъ дѣвъ, покровительствующихъ только витязямъ, тогда какъ, вѣроятно, въ началѣ онѣ были просто фильгіями—роженицами, состоявшими при извѣстномъ лицѣ, умиравшими и возрождавшимися вмѣстѣ съ нимъ" (стр. 7).—О царь-дѣвицѣ въ нашихъ и татарскихъ сказаніяхъ см. сочиненія Державина, изд. Я. К. Грота, т. III, стр. 117—119.—Статьи г. Созоновича вышли отдѣльною книгою; обстоятельныя рецензіи на нее принадлежатъ г. Батюшкову (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 3) и акад. Веселовскому (Arch. f. slav. Phil., X, 1—2; Ж. М. Н. Пр. 1890, N 4).

Digitized by Google

Къ стр. 21, прим. 1. Эта статья перепечатана въ *Scherer*, Vorträge und Aufsätze zur Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland und Oesterreich, Berl. 1874, 101—123.

Къ стр. 24. Могутъ указать, далѣе, на Сигруну. По словамъ Koeppen-a, въ пѣсняхъ Эдды о Хельги и Сигрунѣ „weht eine so unendliche Milde und Tiefe des innigsten Gemüthslebens, dass man nicht weiss, von welcher Seite man diese hohen Gesänge am lautesten preisen soll".—Двоякіе слои въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ" различалъ уже въ 30-хъ годахъ Ampére.

Къ стр. 25, прим. 2. См. еще ст. Osterhage въ Zeitschr. f. rom. Phil., XI, 2. Heft. Ср. у Dunlop-Liebrecht касательно коня, напоминающаго коня Graelent-a у Marie de France. Rajna, Le orig., 433—439, стоитъ за германское происхожденіе Maugis. Мнѣніе Castets см. на стр. 45—46 и 87 его Recherches. Castets признаетъ какъ бы три періода въ литературной исторіи образа Maugis; древнѣйшій изъ этихъ періодовъ характеризуется германскимъ эпосомъ. Гипотезу Gautier о кельтскомъ происхожденіи Maugis Castets (p. 48) оставляетъ въ сторонѣ.

Къ примѣчанію на стр. 26—28. Весьма интересный очеркъ отношеній средневѣковой литературы къ женщинѣ и ея красотѣ см. въ статьѣ акад. *Веселовскаго*: „Славяно-романскія повѣсти", помѣщенной первоначально въ № 1 „Пантеона литературы" 1888 г. и перепечатанной во 2-мъ выпускѣ монографіи „Изъ исторіи романа и повѣсти", Спб. 1888, стр. 1—24.—Къ монографіямъ г. Веселовскаго о сказаніяхъ о Соломонѣ см. еще рецензію его на El dyalogo di Salomon e Marcolpho, ediz. Lamma въ Giorn. stor. della letter. ital. VIII, 1. 2.—Въ Commonitorium галльскаго поэта Оріенція, писавшаго ок. 430—440 г., преподается совѣтъ удалять себя отъ чувственныхъ порывовъ и для того избѣгать созерцанія красивыхъ лицъ, ибо глаза возбуждаютъ пламя и порождаютъ грѣхъ. Женщина—первая виновница бѣды: чрезъ нее человѣкъ потерялъ рай, она—врата смерти. Авторъ не считаетъ нужнымъ распространяться о томъ, сколько народовъ погибло изъ-за женскаго лица, и ограничивается ветхозавѣтными примѣрами. Въ то время, когда писалъ Оріенцій, женщина пользовалась независимымъ положеніемъ, но, пріобрѣвъ значеніе, утратила нравственныя достоинства. См. у *Ешевскаго*, Сидоній Аполлинарій, 58—67. Церковь пыталась установить права

Digitized by Google

женщины, но въ то же время въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей бросала грязью въ нее. Въ одной изъ своихъ проповѣдей папа Левъ I припоминаетъ женщинамъ, что „къ женскому полу съ большею увѣренностью подступаетъ лукавство врага, и что женскія уста соблазнили перваго мужа и чрезъ женское легкомысліе лишились всѣ люди блаженства райскаго". См. Труды К. Дух. Ак. 1871, № 2, ст. *В. Ѳ. Пѣвницкаго*, стр. 237.—Стихъ:

Femina res fragilis, res sordida, res puerilis,

принадлежитъ одной изъ поэмъ *De contemptu mundi*, неосновательно приписанной св. Бернарду. См. ст. Hauréau въ Journ. des Savants, Sept. 1887, p. 569—570.—О разсказахъ Цезарія Гейстербахскаго о женщинахъ см. *Łazarewicz*, Szkice średniowieczne, zesz. I, Warsz. 1887, 25 и слѣд.—О вліяніи Пчелъ и другихъ книгъ, перешедшихъ изъ Византіи, на понятіе о женщинѣ см. у Буслаева, Оч., I, 586 и слѣд.—О женщинѣ въ пословицахъ см., между проч., въ Variétés Bibliographiques (повременное изданіе E. Rolland-a) 1889: „La femme dans les proverbes". Итальянская пословица гласитъ: „Le donne hanno un punto più del diavolo". Ср. въ Historia Lucinii и во французскомъ переложеніи Herbert-a:

Or le croi ge seürement,
Car bien voi ke ce n'est pas fable:
Femme a un art plus dous diable.

Въ латинскомъ текстѣ: Ecce tandem credidi
quod audieram
mulierem sua arte vicisse diabolum.

Mussafia, Ueber die Quelle des altfranz. Dolopathos, 11. Ср. разсказъ Стороженка: „Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботи отдававъ".—Параллели къ пословицѣ о томъ, что у женщины „волосъ дологъ, а умъ коротокъ", см. въ Zeitschr. für Vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur, N. F., II, 6-tes Heft., 414. Въ средневѣковыхъ литературныхъ произведеніяхъ можно не разъ встрѣтиться съ пословицами о женщинѣ. Въ романѣ о *Maugis d'Aigremont* Ysane скорбитъ послѣ умерщвленія Aquilant-a Maugis-омъ;

Mès vous l'avez souvent en .I. proverbe oï
Que jeune fame a tost oublié viel mari.

Castets, Recherches, 110.

Digitized by Google

Изъ чисто бытовой морали почерпнутъ одинъ изъ совѣтовъ, преподанныхъ царемъ Руодлибу,—не останавливаться въ домѣ, гдѣ мужъ старъ, а жена молода.—Списокъ pièces contre les femmes см. въ Romania VI, 499—500. Изреченія, сходныя со словами *Blâme des femmes*, въ которыхъ указывается на то, что женщинами были обмануты Соломонъ и Самсонъ, встрѣчаются и въ другихъ памятникахъ. См. Romania XV, 316. См. еще ст. *Tobler*-а: „Kaiser Constantinus als betrogener Ehemann"—въ Jahrb. f. rom. u. engl. Sprache und Literatur, I (XIII) Bd., 104—108. О женѣ Соломона библіогр. указанія G. Paris въ Romania X, 626. О Blâme des femmes—Rom. IX, 436. Защиту женщинъ, *La bonté des femmes*, написанную въ Англіи, см. въ Romania XV, 315—321.—Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ представится не разъ возможность пополнять данныя, приведенныя въ настоящемъ выпускѣ, по исторіи отношеніи литературы и народной словесности къ женщинѣ.

Къ стр. 28, прим. 1. *Diez*, Altromanische Sprachdenkmale, Bonn 1846, 90, называетъ Audigier „eine spasshafte Anwendung epischer Form und Ausdruckweise auf einen platten zwerghaften Gegenstand". —Академ. Веселовскій не усматриваетъ въ „Хожденіи Карла В. въ Іерусалимъ" пародіи на стиль феодальной эпопеи. *Morf* (Romania 1884) также отрицаетъ здѣсь пародію. *Rajna* (Romania IV, 414) говоритъ, что Voyage—„un fabliau con personaggi tolti dal ciclo eroico francese; una mescolanza di elementi sacri e profani, accozzati in maniera veramente grottesca".

Къ стр. 30, прим. 1. См. еще акад. *Веселовскаго* „Мелкія замѣтки въ былинамъ"—Ж. М. Н. Пр. ч. CCXLII.—**Къ прим. 2.** Ср. тезисъ о томъ, что Шекспиръ—высшій представитель новой драмы характеровъ, и замѣчаніе *Jul. Schmidt-а* (Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit, IV-ter Bd., Leipz. 1875, Studien über den englischen Roman, s. 278): „Bei den Franzosen überwiegt die Stärke des Abstractionsvermögens; ihre leidenschaftlichen Menschen sehen einander auffallend ähnlich. Es scheint eine Eigenthümlichkeit der romanischen Nationen überhaupt zu sein, dass sie in der Kunst gern geprägte Münzen ausgeben. Bei den Engländern muss jedes einzelne Werk von neuer Beobachtung und Reflexion ausgehn, es muss sich auf eigne Füsse stellen, die sittlichen Begriffe wie die

Digitized by Google

Charakterformen, mit denen es hantirt, werden immer auf die Goldwage gelegt".

Къ стр. 33 и слѣд. Объ отличіи Артуровскихъ романовъ отъ Chansons de geste въ понятіяхъ о чести и въ отношеніи къ любви см. еще у *Kettner*-а: Der Ehrbegriff in den altfranzösischen Artusromanen mit besonderer Berücksichtigung seines Verhältnisses zum Ehrbegriff in den altfranzösischen Chansons de geste. Inaugural—Diss., Leipz. 1890.

Къ стр. 34, прим. 1. Задумчиво ѣдетъ рыцарь по лѣсу, пока не встрѣтитъ приключенія: Avantur por esprover (ib., v. 360). Ср. въ романѣ о Ponthus по изд. XV в.: Si estoit par ung jour moult pensif et mélancolieux en la forest et escoutoit le chant des oiseaulx moult délicieux comme au temps d'avril, si fist une chanson où il y avoit au refrain:

Chant des oiseaulx ne nulle joye
Ne me peuvent reconforter,
Quant celle que tant j'amoye
Me veult du tout estranger.

Broceliande, 194.

Къ стр. 36. Нѣкоторые герои феодальнаго эпоса (напр., Рауль Камбрейскій) не чтутъ даже приказаній церкви.—Charitas выступаетъ, между проч., въ драмѣ Гросвиты Fides, Spes et Charitas, въ нѣм. Tochter Syon и въ латинскомъ трактатѣ Gerson-а, изложенномъ въ формѣ сновидѣнія.

Къ стр. 40. Нѣкоторые изъ рыцарей сражались на турнирахъ подъ покровительствомъ Пресв. Дѣвы.—Въ разсказѣ Gautier de Coinsy *Du varlet qui se maria a Nostre Dame* Bartoli (I primi due secoli, p. 277) усматриваетъ „mescolanza di mistico e di erotico".

Къ стр. 41. Къ легендѣ о рыцарѣ, обручившемся со статуей, ср. у *Wright-a:* A selection of latin stories etc., № LXXI: „De duobus solutis militibus in eadem villa habitantibus" и прим. на стр. 231. См. еще у *G. Paris*, La littér. franç. au moyen âge, Par. 1888, p. 208 и прим. на стр. 267—268. Имѣются сроднаго направленія легенды объ обрученіи со Христомъ. Такъ, въ легендѣ о св. Екатеринѣ сообщается, что она стала невѣстой Христа и получила кольцо: Arch. f. slav. Phil. IX, 447 fgde.—Вообще о смѣшеніи религіоз-

Digitized by Google

ности со свѣтскими мотивами см. у *Graf*-а: Studii drammatici, 1878, 288—289.

Къ стр. 44, прим. 2. Очеркъ развитія поэзіи міровой скорби см. въ ст. Н. И. Стороженка въ март. кн. „Русской Мысли“ 1889 г.

Къ стр. 48. Злѣйшимъ врагомъ любви и въ Романѣ Розы являются „злыя уста“.

Къ стр. 51, прим. 1. Ср. у Васа въ Roman du Brut, v. 9999 suivv:

N'estoit pas tenu por cortois
Escos, ne Bretons, ne François,
Normant, Angevin, ne Flamenc etc.

Къ стр. 53, прим. 2. Le rommans dez .IIII. fix Aymon по рукописи Montpellier начинается:

Barons, oes canchon de grant nobilité.
Toute est de vraie estoire, sans point de fausseté,
Onques meillor n'oïstez ains puis (que) Dex fu né.

Castets, Recherches, 187.

Къ стр. 54, прим. 1. См. еще у *Burckhardt*-а, Die Cultur der Renaissance in Italien, Dr. Aufl., zw. Band., Leipz. 1878, Dr. Capitel: Entdeckung der landschaftlichen Schönheit, и у Fioretto, 40—44. См., далѣе, въ монографіи *Biese*. Объ описаніяхъ природы у трубадуровъ см. еще у Bartoli. Есть въ средневѣковой повѣствовательной литературѣ выраженіе эстетическаго чувства природы помимо шаблонныхъ восхищеній весною. Такъ, въ прозаическомъ романѣ о Тристанѣ читаемъ: „En tele guise com ge vos conte, estoit li roys March a la fenestre e escoutoit le chant des oisiaux qui ja avoient comencié la matinée si doucement“... etc. *Bartsch*, Chrestomathie. Въ Aucassin et Nicolette одинъ рыцарь подаетъ горюющему Окассину совѣтъ сѣсть на лошадь и отправиться въ лѣсъ: „Si verrés ćes flors et ćes herbes, s'orrés ćes oisellons canter. Par aventnre orrés tel parole dont mix vos iért“. См. еще *Lüning*, Die Natur, ihre Auffassung und poetische Verwendung in der altgermanischen und mittelhochdeutschen Epik bis zum Abschluss der Blütezeit, Zür. 1888. Должно, впрочемъ, признать, что лишь поэзія второй половины XVIII в. и въ особенности романтическая школа отвели пейзажу должное мѣсто въ романѣ. До Вальтеръ-Скотта и его школы Руссо и Бернарденъ де

Digitized by Google

Сенъ-Пьеръ представляли въ этомъ отношеніи какъ бы исключеніе. Ср. *Jusserand*, Le roman anglais, 63—64.

Къ стр. 55, прим. 1. Рѣчь Кардуччи перепечатана въ его Opere, vol. I, 1889.

Къ стр. 56, прим. 2. Это была одна изъ древнѣйшихъ книгъ, запрещенныхъ куріей.

Къ стр. 57. По словамъ *Golther*-а, Die sage von Tristan und Isolde, s. 1, „die liebe, welche mit unbesieglicher macht hervorbrechend alle schranken zertrümmert, in ihren ewigen kämpfen sich in schuld verwickelt, endlich zum sühnenden tode führt und damit ihre unüberwindlichkeit besiegelt, ist ein rein menschliches motiv, das nicht zum wenigsten dazu beitrug, dass die sage noch mehr als die andern... überall anklang fand und *uns auch heute nahe steht*".

Къ стр. 59, прим. 3. См. еще ст. *V. d. Hagen*-а: „Bilder aus dem Ritterleben und aus der Ritterdichtung nach Elfenbeingebilden und Gedichten des Mittelalters" въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch., Philos.-hist. Kl. 1855, 487—500.—**Къ прим. 6.** См. ст. *V. d. Hagen*-а: „Uber ein mittelgriechisches Gedicht von Artus und den Rittern der Tafelrunde" въ Abhandl. d. Berl. Ak. d. Wissench., Philos.-hist. Kl. 1848, s. 243—259.

Къ стр. 62. О проникновеніи рыцарской морали въ среду итальянскихъ горожанъ свидѣтельствуетъ, между проч., трактатъ *Del reggimento e costumi di donna* Франческо да-Барберино [1]) (+1348). Онъ знакомитъ насъ съ примѣненіемъ рыцарскаго кодекса къ обстановкѣ страны, наименѣе участвовавшей въ выработкѣ рыцарства и развивавшейся въ теченіе среднихъ вѣковъ отлично отъ другихъ странъ и подъ вліяніемъ иныхъ началъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ трактата Франческо да-Барберино видно, что свобода привязанности и ея проявленій была весьма стѣсняема обычаемъ даже въ высшихъ кругахъ итальянскаго общества. Индивидуальной свободѣ женщины предоставлено у Барберино чрезвычайно мало мѣста; поставлены предписанія даже касательно малѣйшихъ случаевъ жизни. Личность каждаго сословія

[1]) Послѣднее и лучшее изданіе Del reggimento e del costume delle donne вышло въ Bologna, Romagnoli, 1875, in-8°. Объ этомъ трактатѣ см. въ цит. нами уже не разъ важной ст. акад. Веселовскаго въ „Бесѣдѣ"; см. еще у Thomas l. c., и въ этюдѣ Барча: „Italienisches Frauenleben im Zeitalter Dantes" въ его „Gesamm. Vorträge u. Aufs."

Digitized by Google

должна была слагаться согласно съ установившимся для нея обычаемъ, къ которому нерѣдко отсылаетъ Барберино. Его трактатъ представляетъ, такимъ образомъ, интересную попытку согласить сравнительно новую въ то время рыцарскую мораль съ вѣковою моралью обычая, сочетать старую строгость нравовъ (которую прославлялъ также Данте), добродѣтель, недосягаемую ни для какого искушенія, и порядочность со свѣтскостью, куртуазіею и извѣстнымъ кокетствомъ; при этомъ Барберино не требовалъ отъ женщины образованія. Такъ крѣпокъ былъ еще тогда древній обычай, державшійся до разложенія старой семейной жизни.

Къ стр. 60, прим. 2. См. еще Dunlop-Wilson, I, 457.

Къ стр. 65. У Данте donna становится столь возвышеннымъ идеаломъ, что *gli occhi non ardiscon d guardare.*

Къ стр. 66, прим. 2. См. въ Academy 1887 замѣтку *Toynbee:* „Paris and Tristan in Inferno".

Къ стр. 67. „Cunizza da Romano nel cielo dantesco, studi di *Guasti*, Fir. 1866".

Къ стр. 70, прим. 1. См. еще *Crescini* Contributo agli studi sul Boccaccio con documenti inediti, Tor. 1887.

Къ стр. 71, прим. 1. Ср. однако противоположное мнѣніе Crescini, Contributo etc., отрицающее платонизмъ любви Боккаччьо.—*Къ прим. 3* „Messer Galeotto" упоминается въ nov. XLI Саккетти.—*Къ прим. 6.* О томъ, что Боккаччьо заимствовалъ istoria di madonna Beritola изъ primo cantare di Carduino, см. у Zambrini, 834.

Къ концу стр. 76. Въ одномъ сборникѣ тотчасъ же за лат. пересказомъ исторіи Гризельды какъ бы для противоположенія примѣру благородной вѣрности жены слѣдуетъ *Historia infidelis mulieris.* Mussafia, Ueber die Quelle des altfranzösischen Dolopathos, 12; Polívka, l. c.

Къ стр. 77, прим. 2. См., далѣе, Gaspary, II, 674, примѣч. къ стр 286. Gautier считаетъ Maugis представителемъ героикомическаго элемента.

Къ стр. 87, прим. 1. Объ источникѣ любви у Боярдо и Аріосто см. Dunlop-Liebrecht, 68 и 85.

Digitized by Google

Къ стр. 89, прим. 2. „Libro uno chiamato el Troiano“ упоминается въ числѣ книгъ, принадлежавшихъ Маркизу Феррарскому въ 1436 г. (Giorn. stor. d. lett. it., XIV, 18), но, очевидно, то былъ латинскій текстъ; ниже (p. 23, № 175) упоминается „Libro uno chiamato el troiano *in vulgare*“.

Къ стр. 90, прим. 1. Монографіи *Caffaro* o Folengo (Pinerolo, 1889?) мы невидѣли.

Къ стр. 92, прим. 1. Итальянскіе тексты говорятъ вполнѣ своеобразно о рожденіи Роланда. Франко-итальянская поэма *Berte et Milon*, послужившая основой легендарнаго итальянскаго сказанія, находится въ этомъ отношеніи въ противорѣчіи съ французскими источниками. Эта итальянская легенда не была извѣстна первому автору *Entrée de Spagne*, но во второй части послѣдняго произведенія, написанной нѣсколько лѣтъ спустя послѣ первой, уже какъ бы встрѣчается указаніе на существованіе этой легенды о происхожденіи Роланда отъ незаконной связи сестры Карла съ сенешалемъ Милономъ; это—древнѣйшее свидѣтельство о существованіи поэмы *Berte et Milon*. Thomas, Nouvelles recherches etc., 38—39.—*Къ прим. 2.* См. еще Monaci, Testi antichi provenzali raccolti ad uso degli alunni nel corso accademico 1888—89, Roma 1888.—*Къ прим. 3.* См. еще Веселовскаго Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, 245.

Къ стр. 93, прим. 3. О древнѣйшей изъ итальянскихъ редакцій Huon d'Auvergne имѣется статья Tobler-a: „Die Berliner Handschrift des Huon d'Auvergne“—въ Sitzungsber. d. k. preuss. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Cl., Bd. XXVII, 1884. Ср. ст. Graf-a: Demonologia di Dante“ въ Giorn. stor. d. lett. ital., vol. IX (1887), 7—9. Въ чисто французской редакціи это произведеніе не дошло, оно имѣется лишь во франко-итальянскихъ и итальянскихъ изводахъ.

Къ стр. 97. О Berni имѣется монографія *Virgili*, Fir. 1881.

Къ стр. 98, къ воскресенію Родомонта имѣются параллели въ рыцарской литературѣ. Такъ, у Пульчи на время воскресаетъ Роландъ.

Къ стр. 99, прим. 1. Новѣйшее изданіе Orlandino—въ Merlin Cocai Le opere maccheroniche pubblicate da Attitio Portioli, vol. III, Mant. 1890.—*Къ прим. 2.* О Турпинѣ см. у Аріосто еще XXXIII, 85 и др. Аріосто ссылается на Турпина, какъ на источникъ эпизо-

Digitized by Google

довъ, о которыхъ у Турпина нѣтъ ни слова, и которые принадлежатъ къ самымъ невѣроятнымъ. Боярдо также называетъ иногда въ шутливомъ тонѣ источникомъ своимъ Турпина (напр. I, 4). Ссылки на Турпина встрѣчаются и въ другихъ произведеніяхъ итальянской рыцарской эпики, напр. въ Rotta di Roncisvalle, въ Uggeri il Danese. Народные риѳмачи ссылаются на *Turpino*, либо на *cantare, autore* въ подтвержденіе измышленій собственной фантазіи. Въ *Spagna* въ прозѣ подъ *Turpino francioso* разумѣется *Entrée d'Espagne.—Къ прим. 3.* И у Боярдо, I, с. 1, 13, читаемъ:

Re Carlo Mano con faccia gioconda
Sopra una sedia d'ôr tra' paladini,
Si fu posato a la mensa ritonda...

У Берни, L. I, c. 1, XVI:

Carlo, che d'allegrezza, e gioia abbonda
Sopr'una Sedia d'oro tra' Paladini,
Il primo è della tavola ritonda...

Къ стр. 104, прим. 1. См. еще Ztschr. f. rom. Philol. V, 449 ff.

Къ стр. 105, прим. 1. Роландъ названъ мученикомъ уже въ хроникѣ Турпина; см. заглавіе XXIV гл.: de Nobilitate, moribus et largitate beati Rotholandi martyris. О Роландѣ, какъ Римскомъ сенаторѣ, которому папа ввѣрилъ командованіе 20000 „soudoyers de l'Eglise", см. Thomas, 42—43.

Къ стр. 106, прим. О Paolino Pieri см. ст. Graf-a въ Giorn. stor. d. l. it., V, 119.—Романъ Delle magnanime opere de' due Tristani переведенъ, по Gayangos, съ испанскаго. Zambrini повторилъ старое ошибочное мнѣніе, котораго придерживались, между проч., члены академіи della Crusca.

Къ стр. 121, прим. 1. Уже въ XVII в. Pallavicino указалъ на заимствованіе изъ Геліодора эпизода о происхожденіи Клоринды. Онъ же усматривалъ въ эпизодѣ о Софроніи и Олиндѣ подражаніе фабулѣ объ Орестѣ и Пиладѣ.—*Къ прим. 2.* Имя Clarice встрѣчается уже во французскихъ изводахъ. См. о немъ Castets, 194—195.

Къ стр. 129, прим. О знакомствѣ одного изъ Феррарскихъ герцоговъ XV в. съ французскими романами см. еще въ статьѣ Graf-a въ Giorn. stor. d. l. it., V, 111, прим.

Къ стр. 133, прим. 1—о неодобреніи критиками сюжета, избраннаго Тассо для поэмы. Serment, p. 112, говоритъ, напр: „La

Digitized by Google

délivrance du sépulcre est un but de nulle valeur religieuse ou morale. C'est même un triomphe de l'esprit du paganisme au sein du christianisme. La prétention de l'homme est puérile ou impie de vouloir délivrer le sépulcre, quand c'est le sépulcre, c'est-à-dire, celui qui en est sorti qui sauve l'homme".

Къ стр. 134, прим. 5. Въ Renaud de Montauban герой этого имени говоритъ своимъ рыцарямъ, что тотъ, кто теряетъ свою жизнь, сражаясь во имя Божіе, пріобрѣтаетъ себѣ мѣсто на небѣ; Castets, 8. Ср. далѣе тамъ же на стр. 8 слова Renaud:

J'en iroi en bataille à tout .I. branc letré,
Et se je muir de bonne volenté,
Là sus avec les angrez en seroi coronné;

и на стр. 20:

Qui muert pour Jhesucrist, il se fet couronner;
Là sus avec lez angrez fet son siege aprester.

Когда Карлъ В. разсказалъ Роланду о смерти Sanson-а подъ стѣнами Пампелуны и выразилъ скорбь,

— „Sire, si serai je, dit Rollant l'avoé,
Mes de cose q'est morte om n'i a recovré
A demenier plus duel, cegne (sic) grant folité,
Mes proier por sa arme le roi sacrifié
Ch'en suen saint paradis il l'ait hui aoberçé,
E si croi bien qe ja il li soit aporté,
Qand en suen saint honor fu en Spagne tué.

Thomas, Nouvelles recherches sur l'Entrée de Spagne, 13.

Къ стр. 138. Ср. о голосѣ нимфы, раздавшемся изъ ствола одного дерева, въ драматическомъ діалогѣ Tansillo.

Къ стр. 139—142. Зачатки такого отношенія къ колдовству встрѣчаются уже въ средневѣковой эпикѣ, приближавшейся къ роману. Исмено напоминаетъ знаменитаго Malagigi, который и теперь выступаетъ въ сказаніяхъ Сицилійцевъ съ чертами, напоминающими Исмено. Имя Malagigi и теперь прилагается въ народѣ къ обозначенію „di prete magro"... Pitrè, Usi etc., I.

Къ стр. 140. Ср. въ нашемъ изслѣдованіи о св. Граалѣ стр. 193—194.

Къ стр 154, прим. 4. Опредѣленіе любви, какъ insania mentis, встрѣчается нерѣдко въ средневѣковой литературѣ. См. напр., Romania IV, 383—384.

Digitized by Google

Къ стр. 160, прим. 1. См. статью г. *Созоновича*: „Пѣсни и сказки о женихѣ—мертвецѣ или братѣ—мертвецѣ“ въ „Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ“ 1890, №№ 1—2.

Къ стр. 161. О поэтической „вѣрѣ въ безконечность и безсмертіе земной любви“ въ новой русской литературѣ (у Тургенева) см. въ ст. *Елагина*: „Писатели минувшаго періода“ въ апр. кн. „Русскаго Вѣстника“ 1890.

Къ стр. 162, прим. 2. То же сравненіе встрѣчается и въ старо-французской поэзіи, напр. въ произведеніяхъ B. de Conde: X Li Contes de la Rose.

Къ стр. 164. Интересно сравнить съ этимъ отношеніемъ поэзіи Возрожденія къ молодости выраженіе сознанія непрочности счастія въ поэзіи XIX в. Укажемъ хотя бы на заключительныя слова романа François Coppée: Toute une Jeunesse“, Par. 1890. „Pauvre sentimental“ XIX в., Amedée Violette, однажды осенью подъ шелестъ падающихъ листьевъ меланхолически подводитъ итогъ прожитой молодости. „Гдѣ твои надежды и иллюзіи, Амедей Віолетъ? Въ этотъ вечеръ ты думаешь о быстромъ теченіи времени, о сѣдинѣ, начинающей пробиваться на твоихъ вискахъ. Ты убѣдился теперь, что на семъ свѣтѣ немыслима взаимная любовь. Ты теперь знаешь, что счастье, или то, что называютъ счастьемъ, существуетъ не вполнѣ, продолжается одно мгновенье и часто возбуждаетъ горькое разочарованіе. Ты ожидаешь утѣшенія только отъ искусства; подъ гнетомъ унылой, скучной жизни ты ищешь забвенія лишь въ поэзіи. Увы! прошла твоя молодость, прошла вся твоя молодость, бѣдный идеалистъ!—А листья все падаютъ, да падаютъ“ (Переводъ заимствованъ нами изъ № 5 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1890).

Къ прим. 1. У Аріосто сравненіе съ розой (Orl. Fur. I, 42—44), заимствованное у Катулла, имѣетъ другое значеніе.—Что до призыва къ любви, то Гварини въ Pastor fido повторилъ то же въ подражаніе Тассо. F.

Къ стр. 165, прим. 1. О сиренахъ см. еще у *Pitrè*, Usi e Costumi, Credenze e Pregiudizi, vol. IV, (Bibl. XVII), Palermo 1889, 194—199; замѣтку *W. Lach Szyrma:* „La sirène de Zannor“—въ Rev. des trad. popul. II, 63.—Сирена упоминается и въ итальянскихъ пѣсняхъ.—О повѣрьяхъ о Сиренахъ упоминаетъ Сицилійскій писатель XVII в.

Digitized by Google

Placido Reyna въ *Ad notitiam historicam urbis Messanae introductio* col. 36, ap Graevius, Thesaurus t. IX—цит. въ ст. Graf-a, Giorn. V, 98.—Названіе города Sorrento производили отъ сиренъ. См. указаніе въ примѣчаніи L. de Gennaro къ одной изъ собранныхъ имъ пѣсенъ: Giambattista Basile, Archivio di letteratura popolare, anno 1 (1883), № 10, p. 80.

Къ стр. 172. По словамъ H. Körting-a, Gesch. d. franz. Rom., 25, „einige Szenen des *Aminta* auf Achilles Tatius fussen"; „der *Ameto* Boccaccio's, die *Arcadia* Sannazaro's, selbst noch Tasso's *Aminta* stehen mit Longus in keinem ersichtlichen Zusammenhang" (s. 62), но это не устраняетъ знакомства Тассо съ пасторалью Лонга.

Къ стр. 188, прим. 2. Въ сонетахъ: „Aprite gli occhj, o gente egra mortale" ec. и „Chi 'l pelago d'Amor a solcar viene" ec. сирены являются олицетвореніемъ голоса земныхъ влеченій и обмановъ любви; въ этомъ смыслѣ самъ Тассо изъяснилъ значеніе сиренъ въ примѣчаніи къ сонету, посвященному Bruno'го Zampeschi.

Къ стр. 193, прим. 1. На то, что безнравственность обитаетъ въ богатыхъ палатахъ, указываетъ не разъ и Энеи Сильвій въ „Opuscula de duobus amantibus": „Humiles tm̄ casas inhabitet castitas Solaque pauperies affectu sano tenetur.... Diuites edes nescit pudicicia. Quisquis secūdis rebus exultat semper insolita appetit. delicatas eligit domos. et penates magnos. Dira fortune comes libida".

Къ стр. 214, прим. 1. Уже въ XVII в. обвиняли Тассо въ изысканности и аффектаціи, и то же обвиненіе повторяли и въ настоящемъ столѣтіи; см., напр., у Ginguené VI, 351 и 355.

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На странице:	въ строкѣ:	напечатано:	слѣдуетъ читать:
2	16 сн.	I, 67	I, 228
3	14 —	должня	должна
15	16 —	притивникамъ	противникамъ
21	11 св.	4)	1)
—	7 сн.	5)	2)
66	19 св.	въ 1-й главѣ, а также въ послѣдней 1-го отдѣла	во 2-й главѣ, а также въ слѣдующемъ выпускѣ 2-го отдѣла
67	6 сн.	рамапѣ	романѣ
88	12 сн.	внутренее	внутреннее
103	11—12 св.	въ народѣ	во всемъ итальянскомъ народѣ
130	12 сн.	1574	1573
134	14 св.	надѣялся	надѣялся
145	7 сн.	дѣлахъ	дѣвахъ
173	3 —	comedie	commedia
174	1—2 св.	обширное произведеній	обширное изъ произведеній
200	8 сн.	изданномь	изданномъ
215	3 —	Lettere der	Lettere del

Digitized by Google

Digitized by Google